

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
ГЕРГАРТА ГАУПТМАНА.

Съ критическимъ очеркомъ Н. А. Котляревскаго, предисловіями А. А. Измайлова и съ приложеніемъ портрета Гергарта Гауптмана.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1908 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1908.

Архислужбоско заведение Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Измайл. пр., № 29.

ПРАЗДНИКЪ МИРА.

СЕМЕЙНАЯ КАТАСТРОФА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Переводъ В. М. Саблина.

Это произведение было благоговѣнно посвящено Теодору Фонтану, здравствующему. Посвящаю его теперь памяти отшедшаго.

Герартъ Гауттманъ.

«Праздникъ мира» (Das Friedensfest) открываетъ въ собраніи сочиненій Гауптмана пикль «семейныхъ драмъ» (Familiendramen), въ который входятъ еще: «Одинокіе», «Коллега Крамптонъ» и «Михаилъ Крамеръ».

«Праздникъ мира» по времени написанія всего лишь вторая пьеса Гауптмана. Она появилась черезъ годъ послѣ «Предъ восходомъ солнца», въ началѣ 1890 года, въ журналѣ «Свободная сцена», и въ іюнѣ того же года прошла послѣднимъ представленіемъ сезона въ театрѣ общества Свободной сцены. Въ томъ же году въ берлинскомъ Лессингъ-театрѣ она имѣла большой успѣхъ.

Она названа авторомъ «Семейной катастрофой» (eine Familienkatastrophe) и посвящена извѣстному писателю Теодору Фонтану, какъ дань почтительной благодарности молодого автора старому художнику, который первый призналъ крупный талантъ въ написавшемъ драму Лота и Елены.

Драмѣ предпосланъ слѣдующій эпиграфъ изъ Лессинга, устанавливающей здравый взглядъ на драматическое дѣйствіе: «Въ каждомъ драматическомъ произведеніи они (плохіе критики) видятъ дѣйствіе только тамъ, гдѣ любовникъ упадаетъ къ ногамъ и т. п. Они никакъ не хотятъ согласиться, что любая внутренняя борьба страстей, любой рядъ различныхъ, взаимно опровергающихъ другъ друга мыслей уже составляютъ драматическое дѣйствіе. Не потому ли это, что сами они думаютъ и чувствуютъ слишкомъ ужъ механически, чтобы при этомъ у нихъ возникло ощущеніе какой-нибудь дѣятельности. Возражать такимъ умамъ серьезно—трудъ бесполезный».

Гауптманъ предвидѣлъ, что его упрекнутъ въ скудости внѣшняго движенія, въ бѣдности сюжета. И на этотъ разъ, и много разъ впереди ему дѣйствительно приходилось слишкомъ часто слышать этотъ упрекъ. Раздается онъ иногда и посейчасъ.

Идея наследственности легла въ основу «Предъ восходомъ солнца». Она же царитъ и въ «Праздникѣ мира». Въ этомъ смыслѣ вторая драма Гауптмана еще болѣе, чѣмъ первая—дарвинистическій этюдъ, какъ выразился Шленгеръ. Драматургъ какъ бы задался цѣлью оправдать Лота, героя своей первой драмы, испугавшагося ужасовъ наследственности и отказавшагося, въ виду этого, отъ любимой дѣвушки и счастья съ нею.

Лотъ былъ правъ, какъ бы говорить Гауптманъ, показывая въ «Праздникѣ мира» трагедію семьи, гнущей и агонизирующей подъ гнетомъ страшнаго закона происхожденія отъ больного отца. Съ безжалостнымъ спокойствіемъ естествоиспытателя онъ подводитъ чита-

теля къ семьѣ Шольцевъ и показываетъ, въ какой адъ можетъ иногда обратиться семья, этотъ мирный и милый уголокъ, когда она создается на основѣ печальной наслѣдственности.

Великолѣпный мастеръ, онъ пользуется ослѣпительный эффектъ контраста свѣтлой рождественской ночи вѣчному мраку, царящему въ душахъ его героевъ, объединившихся въ этотъ вечеръ у зеленой елки.

Большой отецъ передалъ неврозъ всѣмъ своимъ дѣтямъ, и вѣчный разладъ царить въ этой семьѣ. Вражда, ненависть, раздоръ господствуютъ въ ней. На мгновеніе какъ будто спускается сюда свѣтлый небесный мигъ примиренія. Чужая, сторонняя дѣвушка Ида несетъ его съ собой въ психопатическую семью. Но семейному аду, слагавшемуся десяткомъ лѣтъ, не превратиться въ рай въ мгновеніе ока. Карточный домикъ мнимаго счастья разлетается подь первымъ дуновеніемъ бури раздора. Та же черная туча ненависти и несчастія нависаетъ надъ финаломъ драмы.

Разница между первой, столь же безотрадно кончающейся драмой Гауптмана, и «Праздникомъ мира» — только въ томъ, что здѣсь въ это страшное темное царство пробивается все-таки хоть одинъ свѣтлый лучъ. Это — Ида, точно свѣтлый посланникъ изъ какого-то другого царства, — царства здоровыхъ, бодрыхъ, призванныхъ къ радости жизни.

Замѣтимъ, что вообще у Гауптмана очень часто воплощеніемъ бодрости, силы и радости бытія являются дѣвушки. Близкія къ природѣ, здоровыя, чистыя, онѣ несутъ свѣтъ и миръ въ мужскія души, надломленные, вывихнутыя, сложныя и растерянные. И не ихъ вина, если тѣ не могутъ принять этотъ свѣтъ и согрѣться въ немъ, какъ герои этой драмы, какъ герой «Одинокихъ».

«Праздникъ мира» есть трагедія характеровъ, которые по самому существу своему не могутъ проявляться рядомъ, совмѣстно жить и работать, потому что они признаютъ только свой эгоизмъ и подчиненіе своей волѣ. Самп несчастные, они дѣлаютъ несчастными всѣхъ кругомъ. Ихъ, какъ горбатыхъ, исправить только смерть. Сопркосновеніе съ семьей Шольцевъ даже свѣтлой Иды не привело ни къ чему.

Гауптманъ далъ почувствовать эту идею, — но фактически въ пьесѣ не далъ этого «примиренія въ смерти». Нѣкоторые критики ставили ему это въ упрекъ и признавали драму незаконченной. Къ этой идеѣ «мира въ смерти», къ гимну «всепримирающей смерти» Гауптманъ вернулся позднѣе — въ «Михаилѣ Крамерѣ».

Во второй пьесѣ Гауптмана уже не уловить никакихъ социальныхъ задачъ. Это дѣйствительно только «семейная катастрофа», чистѣйшая «семейная драма», которая можетъ совершаться и совершается подь какою угодно широтою, въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ условіяхъ. Такъ всегда можетъ быть тамъ, гдѣ склонный къ психозу, сильно тронутый цивилизаціей человекъ, давно пережившій молодость, свяжетъ свою жизнь съ шестнадцатилѣтней необразованной дѣвушкой.

Поддавшійся модному въ то время теченію въ наукѣ и литературѣ, можетъ-быть, слишкомъ высоко одѣнвшему значеніе наслѣдственности, Гауптманъ хотѣлъ показать во всемъ ужасѣ банкротство такого брака, обезцѣнивающего дѣтей.

Автобиографически такой интересъ въ нашемъ писателѣ могъ обуславливаться недавними его увлеченіями этою областью знанія.

Здѣсь могли много значить его впечатлѣнія, вынесенныя изъ Цюриха, гдѣ въ 1888 году онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ обществѣ психіатра Фореля, живо интересуясь областью его работъ. Что это увлеченіе не было простой данью модѣ, за это говорить и то, что почти одновременно съ этой драмой онъ писалъ и свой разсказъ «Апостолъ», посвященный разработкѣ такой же психопатологической темы. Только апостолъ кончается маніей религіознаго величія тамъ, гдѣ Шольцъ становится жертвой маніи преслѣдованія.

Совершенно невозможно отрицать однако и чисто-внѣшнихъ литературныхъ вліяній на Гауптмана. Всѣ критики единодушно указываютъ на огромное вліяніе на него драмы Ибсена «Призраки» и въ меньшей мѣрѣ, можетъ-быть, «Отца» Стриндберга. Искать вліянія на Гауптмана со стороны толстовской «Крейцеровой сонаты», появившейся въ томъ же 1890 году, — совершенно напрасно.

Герой «Призраковъ» Освальдъ — такая же трагическая жертва проклятой наслѣдственности, оставленной ему отцомъ, такая же грушкя рока, какъ и дѣти Шольцевъ. Гауптманъ дѣлникомъ присоединился къ походу Ибсена противъ семьи. Къ чести его нужно сказать, что онъ тольке и глубже посмотрѣлъ на вопросъ наслѣдственности. Если у Ибсена передъ вами чистая наслѣдственность *физическаго недуга*, наслѣдственность большой кѣтки головного мозга, пораженной прогрессивнымъ параличомъ, то у Гауптмана *наслѣдственность большаго характера, большаго духа* у людей физически вполне здоровыхъ.

Конечно, хорошее знаніе широкою публикою названныхъ пьесъ Ибсена и Стриндберга не могло послужить къ выгодѣ Гауптмана.

Болѣзненный колоритъ драмы Гауптмана настолько сгущенъ, что можно понять дѣлавшіеся ему упреки за чрезмѣрную сконцентрированность, за эксцентричность и героизмъ драмы и ихъ катастрофы. Критика не разъ по поводу этой драмы указывала на то, что жизнь клиникъ, больницъ, домовъ сумасшедшихъ едва ли можетъ претендовать на общечеловѣческой интересъ, едва ли можетъ глубоко задѣвать здороваго зрителя, и что Гауптманъ напрасно еще болѣе сгустилъ тона ибсеновскаго сюжета. Указывалось на то, что «Празднику мира» еще болѣе, чѣмъ первой драмѣ, недостаетъ типическаго значенія (Бартельсъ).

Последнее десятилѣтіе, выдвинувшее рядъ замѣчательныхъ произведеній не психологическаго, а психопатологическаго характера, сильно ослабило значительность такихъ упрековъ. Большой и первый вѣкъ призналъ за писателемъ неотъемлемое право касаться большаго духа и пслѣдовать недуги мысли и воли. Пусть это клиника, но впечатлѣніе, оставляемое «Праздникомъ мира» на сценѣ, — властно и неотразимо. Гауптманъ точно гипнотизируетъ зрителя.

Можно не стоять ни въ какомъ отношеніи къ этой и подобной больнымъ семьямъ, но нельзя остаться равнодушнымъ передъ этимъ зрѣлищемъ возможнаго человѣческаго страданія, возбуждающимъ истинный драматическій ужасъ. Большой вѣкъ, умножалъ число больныхъ семей и людей, подверженныхъ психозу, все болѣе и болѣе устанавливаетъ право на признаніе за такими вещами общечеловѣческаго значенія.

Въ смыслѣ техники, вторая драма — безспорный шагъ Гауптмана впередъ. Въ «Праздникѣ мира», — пишетъ Штейгеръ: — Гауптманъ находилъ еще всецѣло подъ вліяніемъ Ибсена. Весь обликъ молодого человека, котораго онъ хотѣлъ изобразить, долженъ былъ механически

объясняться дарвинистическими законами наследованія и приспособленія. Краткія и рѣзкія слова циническаго Роберта, въ которыхъ онъ самъ сообщаетъ о наследственности семьи, напоминаютъ даже Зола... Но если сравнить эту драму съ первой, то нельзя не удивляться сильной, пѣлостной композиціи и искусной постройкѣ его трагической семейной идилліи. Сейчасъ чувствуется, что авторъ сбросилъ съ себя всѣ натуралистическія причуды, обязанныя своимъ существованіемъ только духу противорѣчія, китайщинѣ школьныхъ правилъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдовать одному своему художественному чувству. Какъ прекрасно здѣсь выработано сценическое настроеніе! Въ «Праздникѣ мира», гдѣ все ссора и споръ, рѣзкая иронія тамъ и здѣсь проявляется и во внѣшней сценической обстановкѣ. Рождественская елка и семейная перебранка, рождественская пѣсня и сцена ссоры—контрасты настолько рѣзкіе, что ожиданіе Норы въ рождественскую ночь кажется рядомъ съ ними прямо дѣтской игрой (ein Kinderspiel). И такъ же ужасенъ въ концѣ видъ сына, желающаго обнять отца, который убѣгаетъ отъ страха побоевъ».

Патологическій наклонъ драмы не препятствуетъ Шлентеру признать большія достоинства за драмой. «Большинство первыхъ критиковъ Гауптмана,—пишетъ онъ:—категорически отвергли «Праздникъ мира». Но кто признаетъ право драматурга изслѣдовать человѣческую душу и человѣческую судьбу въ ихъ высшемъ подъемѣ и глубочайшемъ паденіи, тотъ не найдетъ достойнымъ порицанія, что поэтъ былъ вынужденъ психологическія наблюденія свести къ психопатическимъ выводамъ. И тотъ признаетъ художественной строгую, суровую, серьезную форму, въ какую вылился «Праздникъ мира».

Брандесъ видитъ въ пьесѣ проявленіе «большого драматическаго таланта» и подчеркиваетъ выгодную частность пьесы—то, что «по пбеновской манерѣ въ драмѣ скрывается тайна, которая лишь къ концу объясняется зрителямъ».

Манеру Гауптмана давать многое въ драмѣ не въ формѣ живого дѣйствія, а въ формѣ разсказа, не приходится отнести къ драматическимъ достоинствамъ, но Гауптманъ пользуется ею съ такимъ искусствомъ, что она не влечетъ за собою скучнаго и отнюдь не чувствуется, какъ недостатокъ.

Въ техническихъ приѣмахъ въ своей первой «интимной» драмѣ драматургъ остается вѣренъ себѣ: немногія пзъ пьесъ его такъ изрѣзаны авторскими примѣчаніями для актера, какъ эта.

ПРАЗДНИКЪ МИРА.

СЕМЕЙНАЯ КАТАСТРОФА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Докторъ медицины Фрицъ Шольцъ,	}	Насколько возможно, въ ихъ лицахъ должно выразаться семейное сходство.	
68 лѣтъ.			
Минна Шольцъ, его жена, 46 лѣтъ.	}		
Августа, 29 лѣтъ			
Робертъ, 28 лѣтъ			ихъ дѣти.
Вильгельмъ, 26 лѣтъ.			
Г-жа Мари Бухнеръ, 42 лѣтъ.			
Ида, ея дочь, 20 лѣтъ.			
Фривъ, слуга, 50 лѣтъ.			

Событія этой поэмы происходятъ въ рождественскій вечеръ, въ 80-хъ годахъ, въ одинокомъ деревенскомъ домикѣ на Шютценхюгелѣ, близъ Эркнера (Бранденбургъ).

Всѣ три акта происходятъ въ высокой просторной залѣ, съ выбѣленными стѣнами, которыя увѣшаны старинными картинками, рогами и разными звѣринными головами. Съ середины потолка изъ балокъ свѣшивается люстра изъ оленьихъ роговъ съ цѣльными свѣчами. По серединѣ задней стѣны, выдаваясь впередъ—тамбуръ со стеклянной дверью; черезъ которую виденъ тяжелый, рѣзного дуба подъѣздъ. Наверху, надъ тамбуромъ—чучело токующаго тетерева. Направо и налѣво отъ тамбура—по окну, съ замерзшими, частью занесенными снѣгомъ стеклами.

Въ стѣнѣ направо—открытая, въ родѣ воротъ, арка, ведущая на лѣстницу въ верхній этажъ. Въ той же стѣнѣ—двѣ низкія двери, одна—въ погребъ, другая—въ кухню. Въ стѣнѣ напротивъ—также двѣ двери, въ ту же комнату. Между этими дверями—старинные стѣнные часы; на ихъ верхней крышкѣ—чучело совы. Мебель въ комнатѣ состоитъ изъ старинныхъ, массивныхъ дубовыхъ столовъ и стульевъ. Направо отъ зрителя, параллельно боковой стѣнѣ—столъ подъ бѣлой скатертью. Направо, въ глубинѣ сцены — небольшая желѣзная печь съ идущими вдоль стѣны трубами. Всѣ двери разрисованныя; примитивные рисунки изображаютъ попугаевъ и т. п.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зала убрана зелеными вѣтками. На каменныхъ плитахъ пола лежитъ елка безъ подставки. Фрибэ на верхней ступенькѣ лѣстницы въ погребъ сколачиваетъ подножку. У противоположныхъ концовъ стола г-жа Бухнеръ и г-жа Шольцъ прикрѣпляютъ разноцвѣтныя восковыя свѣчи къ подсвѣчникамъ. У г-жи Бухнеръ видъ здоровой, хорошо упитанной, ласковой женщины; одѣта просто, солидно и очень опрятно. Гладко причесана. Все ея существо дышитъ сердечностью, вполне искреннею, даже когда ея проявленія порою производятъ впечатлѣніе нѣкотораго жеманства. Рѣчь ея намеренно чистая, въ минуты возбужденія—съ декламаціей. Ото всей точно вѣетъ довольствомъ и благополучіемъ.

Сосѣмъ другая — г-жа Шольцъ. Она кажется много старше своихъ лѣтъ, съ начинающимися недугами старости. Въ ея фигурѣ — нездоровая полнота. Цвѣтъ кожи—блѣдно-сѣрый. Одѣта болѣе чѣмъ просто. Волосы сѣды и въ безпорядкѣ. Носитъ очки. Г-жа Шольцъ въ движеніяхъ порывиста, безпокойна; говоритъ по большей части слезливо или пискливо; производитъ впечатлѣніе, что постоянно возбуждена. Въ то время, какъ г-жа Бухнеръ какъ будто живетъ лишь для другихъ, г-жа Шольцъ занята только собою.

На столѣ—двѣ жпрандоли въ пять развѣтвленій со свѣчами. Ни люстра ни жпрандоли еще не зажжены. Горитъ керосиновая лампа.

Фрибэ (ударяетъ топоромъ). Вотъ какъ, у меня безъ промашки!

Г-жа Шольцъ. Фу! Не могу этого слышать, Фрибэ! Сколько разъ говорила я вамъ... Вѣдь топоръ можетъ такъ легко сорваться. На камнѣ не рубятъ дровъ!

Фрибэ. За это ужъ поручусь. Къ чему же я тогда былъ десять лѣтъ на службѣ.

Г-жа Бухнеръ. На службѣ?

Г-жа Шольцъ. Онъ служилъ въ королевскихъ лѣсныхъ дачахъ.

Фрибэ. Нѣ-ѣтъ, безъ промашки (ударяетъ). Вотъ та-акъ! (ударяетъ). Ужь за это могу ручаться. (Онъ поднимается, осматриваетъ свою работу при свѣтѣ лампы, затѣмъ укрѣпляетъ елку, такъ что она стоитъ. Фрибэ — маленькаго роста, слегка сгорбленный, приподногий, плѣшивый. Маленькое, подвижное обезьянье лицо не брито. Волосы на головѣ и въ бородѣ—позелта-сѣдые. Сюртукъ на немъ весь въ порошнѣ, маслѣ, ваксѣ, пылѣ и т. д., спшитъ на человѣка въ два раза выше, оттого рукава засучены, борта сильно заходятъ одинъ на другой. На немъ коричневый, относительно чистый фартукъ, изъ-за котораго онъ время отъ времени вытаскиваетъ табакъ, чтобы съ чувствомъ понюхать. Елка укрѣплена. Фрибэ поставилъ ее на столѣ, стоитъ передъ ней и оглядывается). Отличнѣйшее... красивое... настоящее... деревцо! Ешь! (Глядитъ на женщину съ презрительнымъ превосходствомъ). Развѣ не ешь, а?

Г-жа Бухнеръ. Какъ бывший лѣсничій, вы должны умѣть различать.

Фрибэ. Ну, разумѣется, не сумасшедшій! Не сосна же это.

Г-жа Шольцъ (нетерпѣливо его перебиваетъ). Да, да, только не задерживайте насъ, Фрибэ! Моя дочь прямо сказала: «Пришли мнѣ Фрибэ».

Фрибэ. Что-жъ!.. По мнѣ... (Уходитъ въ дверь, ведущую въ кухню, сдѣлавъ презрительное движеніе рукою).

Г-жа Бухнеръ. Должно-быть, возня вамъ съ нимъ?

Г-жа Шольцъ. О, еще бы! Несносный! Если бы не мой мужъ... Да что съ нимъ, съ мужемъ, можно было поддѣлать... Нуженъ былъ ему зачѣмъ-то этотъ старый табачный носъ, чтобы былъ онъ цѣлый день около него, а то ему уже было не по себѣ. Удивительный человѣкъ!

АВГУСТА (торопливо, съ шумомъ входитъ. Войдя, съ силою запираетъ стеклянную дверь на замокъ и заслоняетъ собою дверь, точно желая загородить кому-то входъ).

Г-жа Шольцъ (страшно испуганная, скороговоркой). Ахъ, Господи! Господи, Господи!!!

Г-жа Бухнеръ. Да что?..

АВГУСТА (длинная, паразитально худая; одѣта по послѣдней модѣ, но безвкусно. Плюшевая кофточка, плюшевая шапочка, муфта. Лицо и ноги длинные. Лицо суровое, съ узкими, крѣпко сжатыми губами, съ выраженіемъ горечи. Носить лорнетъ. Съ возбужденностью матери соединяетъ болѣзненную обидчивость. Такое лицо должно разливать кругомъ атмосферу недовольства, досады и унынія). На улицѣ... честное слово... кто-то гнался за мною.

Г-жа Бухнеръ (вынимая часы). Можетъ-быть, это уже Вильгельмъ... Нѣтъ, онъ не можетъ еще быть. Поѣздъ еще не пришелъ. (Августъ) Подожди-ка! (Берется за ручку двери, чтобы открыть).

Августа. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!

Г-жа Бухнеръ. Вы нервничаете, дитя мое. (Идетъ въ стеклянную дверь и открываетъ наружную дверь. Немного робко) Кто здѣсь? (Рѣшительно) Кто здѣсь? (Пауза, никакого отвѣта).

Г-жа Шольцъ (сердито). Право, это замѣчательно!.. Кажется, и такъ у насъ предостаточно волненій. Право, можно отъ всего этого умереть. Всегда съ тобою что-нибудь!

Августа. Со мной, со мной! (Рѣзко) Но что такое всегда со мной?!

Г-жа Шольцъ. Однако ты очень любезно разговариваешь съ матерью!

Августа. А по мнѣ... Поневолѣ испугаешься, когда... въ такой темнотѣ... и совсѣмъ одна, ни души...

Г-жа БУХНЕРЪ (обнимая ее за талию, мягко). Горячка, горячка!.. Ну, развѣ можно всегда такъ?.. Пойдемте. (Помогаетъ ей раздѣться). Вотъ такъ-то лучше.

АВГУСТА. Ахъ, г-жа Бухнеръ, правда.

Г-жа БУХНЕРЪ. Послушайте вы меня, господа. Вотъ мы у васъ уже четыре долгихъ дня... Я думала... Хотите вы говорить мнѣ *ты*? Да? Отлично! Ну-съ, итакъ (обвиняетъ и цѣлуетъ Августу, потомъ г-жу Шольцъ).

Г-жа ШОЛЬЦЪ (прежде, чѣмъ отвѣтить на объятіе). Постой, постой, у меня руки въ воскѣ.

Г-жа БУХНЕРЪ (Августѣ, которая подошла къ печкѣ погрѣться). Ну вотъ, теперь тебѣ уже гораздо лучше? Хорошо было въ церкви?

АВГУСТА. Во всякомъ случаѣ, я туда больше не хожу. Скверный воздухъ, невыносимая жара.

Г-жа БУХНЕРЪ. Хорошо говорилъ пасторъ?

АВГУСТА. Вотъ какъ говорилъ: будь я нищая, я бы въ отвѣтъ на его проповѣдь... право, я бы швырнула имъ подъ ноги всю ихъ милостыню.

Г-жа БУХНЕРЪ. Но для бѣдняковъ въ этомъ—великое утѣшеніе.

За сценой звонкій красивый женскій голосъ поетъ:

Какъ только липа по веснѣ
Въ Гаагѣ зацвѣтетъ,
Рой грезъ забытыхъ, какъ во снѣ,
Передо мной встаетъ.

(Ида спускается съ лѣстницы. Ей двадцать лѣтъ. Простое черное шерстяное платье. Хорошенькая, полная; маленькая головка; длинные русые волосы распущены. На всемъ ея существѣ—печать тихой радости, сдерживаемаго веселья, увѣренной надежды на счастье. И потому въ умномъ лицѣ—выраженіе веселое; но вдругъ дѣлается нѣжно-серьезное или глубоко-просвѣтленное).

ИДА (на плечахъ полотенце, въ рукѣ нѣсколько картонокъ). Какъ будто кто-то пришелъ?

Г-жа ШОЛЬЦЪ. Августа нагнала на насъ порядочно страху!

ИДА (показывая на лѣстницу за своею спиною). Тамъ наверху тоже не очень ужъ уютно. (Смѣясь) Я рѣшила сползти внизъ.

Г-жа ШОЛЬЦЪ. Но, дѣтка! Вѣдь надъ тобою живетъ еще Робертъ.

ИДА (ставитъ картонки на столъ, открываетъ ихъ и вынимаетъ изъ нихъ различныя вещи). Конечно! А все-таки весь этажъ всегда пустой.

Г-жа Бухнеръ. По-моему, твои волосы уже должны бы высохнуть.

Ида (грациозно подставивъ головку). Потрогай!

Г-жа Бухнеръ (трогаетъ). Э, нѣтъ! Тебѣ бы надо, дитя, выкупаться пораньше.

Ида. Ну что мнѣ дѣлать съ этой старой гривой! Вѣдь цѣлыхъ полчаса торчала у печки. (Вынула изъ одного картоня желтый шелковый кошелекъ и протягиваетъ Августѣ). Цвѣтъ хорошъ, а? Правда, только пустячокъ. Былъ уже у Вильгельма когда-нибудь кошелекъ?

АВГУСТА (чистить свою плюшевую кофточку и пожимаетъ плечами). Не знаю. (Подноситъ кошелекъ къ своимъ близорукимъ глазамъ) Вещь не очень прочная. (Снова погружается въ свою прежнюю работу). Плюшъ уже никуда не годится.

Ида (прикрѣпляя къ елкѣ ящикъ съ сигарами). Я страшно рада... Вы никогда еще не убрали елку?

АВГУСТА. Серьезно говоря,—это вовсе не для взрослыхъ.

Г-жа Шольцъ. Никогда! Только попробовала бы я, могу себѣ представить, какую исторію подвялъ бы мой мужъ... Зато у покойныхъ родителей... Когда подумаю... какая это была прекрасная семейная жизнь! Ни одного Рождества безъ елки. (Копируетъ походку и манеры отца) Отецъ возвращался вечеромъ изъ конторы и приносилъ пре-е-лестные лемановскіе пряники! (Она подноситъ большой и указательный палецъ ко рту, точно держитъ кусочекъ этого восхитительнаго пряника). Да, все это прошло! Мой мужъ... Онъ ни разу не пообѣдалъ вмѣстѣ съ нами. Онъ жилъ наверху, мы—внизу. Отшельникъ какой-то! Если нужно было что-нибудь отъ него, надо было, ей-Богу, прятаться за Фрибэ.

АВГУСТА (у печки, подкладывая дрова). Да не говори ты всегда такъ.

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ, лучше ты не топи такъ безумно много.

АВГУСТА. Да вѣдь надо же, чтобы было тепло.

Г-жа Шольцъ. Сегодня все тепло улетаетъ въ трубу.

АВГУСТА (нерѣшительно, сердито). Что-жъ, значить, не подкладывать въ печку?

Г-жа Шольцъ. Оставь ты меня въ покоѣ.

АВГУСТА (съ шумомъ бросаетъ въ ящикъ лопату). Ну, и не надо! (Въ гнѣвъ уходитъ налѣво).

Ида. Ахъ, Густя, останься. (Къ г-жѣ Шольцъ) Постой, я ее опять развеселю. (Уходитъ слѣдомъ за нею).

Г-жа Шольцъ (смирненно). Вотъ таковы всѣ мои дѣти!

Нѣтъ, дѣйствительно, что за дѣвушка!.. И никакого удержу! То то, то другое... Потомъ вдругъ взбредетъ ей въ голову... она должна учиться. Запретя у себя наверху, пѣлюю недѣлю слова отъ нея не услышишь. А то вообразить, что никому она не нужна... Ахъ, ты, Господи, Боже мой... да, тебѣ можно позавидовать. Твоя дочка—вотъ это предестъ...

Г-жа Бухнеръ. Ну, и Густя тоже.

Г-жа Шольцъ. Какъ великолѣпно она играетъ на роялѣ; и такой восхитительный голосокъ! Съ какимъ удовольствіемъ послушала бы я немного музыки!

Г-жа Бухнеръ. Почему же ты теперь сама совѣмъ не играешь?

Г-жа Шольцъ. Я! Да тогда бы не осталось у меня и послѣдней капельки покоя. Вѣдь Августа такая нервная!.. Совершенно какъ ея отецъ, котораго игрой на роялѣ можно бы только прогнать изъ дому.

Г-жа Бухнеръ. Ты бы послушала, какъ теперь играетъ твой Вильгельмъ! Какъ онъ усовершенствовался! Что стало бы съ Идой безъ него? У него научилась она всему, что знаетъ.

Г-жа Шольцъ. Ахъ, да, ты уже говорила. Онъ талантливый. Тутъ и спора не можетъ быть. Учить его было удовольствіе.

Г-жа Бухнеръ. Да и онъ вспоминаетъ такъ трогательно то время, когда его мамочка стала давать ему первые уроки.

Г-жа Шольцъ. Правда?! Ахъ, Господи, да, это были хорошие часы... Тогда я думала... Все выходитъ по-другому... И такъ меня волнуетъ...

Г-жа Бухнеръ. Волнуетъ... что?

Г-жа Шольцъ. Ну, вотъ то, что онъ пріѣзжаетъ. Какъ онъ теперь выглядитъ?..

Г-жа Бухнеръ. Хорошо... Пополнѣлъ... здоровъ... Ты не нараднешься на сына.

Г-жа Шольцъ. Не могу не удивляться, что мальчикъ пріѣзжаетъ. Сколько разъ по-настоящему болѣло у меня сердце. И сколько извела я бумаги на письма. Но онъ ни разу не отвѣтилъ своей старой матери. Какъ же тебѣ удалось его убѣдить? Этого я не могу понять, не могу понять.

Г-жа Бухнеръ. Я? О, нѣтъ! Это Ида убѣдила его.

Г-жа Шольцъ. Роберту тоже; въ сущности, нѣтъ до насъ никакого дѣла, но, по крайней мѣрѣ, онъ каждый

годъ прѣзжаетъ къ намъ на пару дней, на Рождествѣ. Это похвально! А Вильгельмъ... Вотъ уже цѣлыхъ шесть лѣтъ не былъ онъ здѣсь. Онъ и мой мужъ,—цѣлыхъ шесть лѣтъ! Что же, она съ нимъ ладитъ?

Г-жа Бухнеръ. Кто? Ида? Великолѣпно ладить, во всемъ.

Г-жа Шольцъ. Поразительно! Ты не представить себѣ не можешь, какой онъ всегда былъ замкнутый, совѣтъ какъ отецъ. Никакихъ товарищей дѣтскихъ игръ, никакого школьнаго друга, никогда ничего.

Г-жа Бухнеръ. Да, да, и съ нами онъ былъ сначала такой же... Ни за что не хотѣлъ приходиться къ намъ такъ,—только на урокъ музыки.

Г-жа Шольцъ. Но потомъ сталъ все-таки бывать?

Г-жа Бухнеръ. То-есть... да. Онъ сказала, чтобы мы его лишь на время оставили въ покоѣ, а потомъ онъ и самъ придетъ. И мы были настолько благоразумны, что не противорѣчили ему. И въ самомъ дѣлѣ. Подождали мы полгода,—ужъ и ждать перестали,—и онъ пришелъ. И уже приходилъ каждый день. И понемногу все совершенно измѣнилось.

Г-жа Шольцъ. Вы, должно-быть, умѣете колдовать. Уже одна эта помолвка—какое-то непостижимое чудо.

Г-жа Бухнеръ. Съ художниками надо умѣть обращаться. Я научилась,—вѣдь и мой покойный мужъ былъ художникъ.

Г-жа Шольцъ. А эта... исторія... съ отцомъ? Посвятилъ онъ васъ... и въ эту исторію?

Г-жа Бухнеръ. Н...нѣтъ, милая. Видишь ли, это—единственный пунктъ... я хочу сказать... лишь въ этомъ пунктѣ еще не могъ онъ себя преодолѣть. Это все равно, но, можешь мнѣ повѣрить, онъ страшно страдаетъ отъ воспоминанія объ этомъ. До сегодняшняго дня страдаетъ. И, навѣрное, больше всего оттого, что онъ скрываетъ всю исторію. Но, во всякомъ случаѣ, долженъ онъ наконецъ одолѣть и это.

Г-жа Шольцъ. О, избави Боже,—нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Чти отца и мать: рука, которая поднялась на собственнаго отца... Изъ могилы вырастаютъ такія руки. Ну, конечно, мы ссорились! У обоихъ у насъ есть недостатки,—у мужа и у меня,—но это наше дѣло. Никто не смѣетъ въ это вмѣшиваться, меньше всего—собственный сынъ. А кому пришлось все расхлебывать? Разумѣется, мнѣ. Такая старуха должна все вынести на себѣ. Мой мужъ ушелъ изъ

дому въ тотъ же день, а полчаса спустя ушелъ и Вильгельмъ. Никакія слова не помогли. Сначала я думала, что они вернутся. Но они не вернулись. И только Вильгельмъ—одинъ онъ—виноватъ въ этомъ, никто другой.

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ, вѣроятно, очень виноватъ, убѣждена въ этомъ, но, послушай... послѣ долгихъ лѣтъ раскаянія и...

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ, нѣтъ! Боже мой! Что ты думаешь? Не такъ-то легко перешагнуть черезъ это. Это было бы еще лучше! Очень хорошо съ твоей стороны, что ты привязалась къ мальчику. Очень тоже мило, что онъ пріѣзжаетъ, почему бы и нѣтъ? Но, въ сущности, къ чему все это? Не такъ легко заполнить пропасть... Да, да, это—пропасть, настоящая, глубокая пропасть между всѣми членами нашей семьи.

Г-жа Бухнеръ. Но я все-таки думаю, что мы, люди съ сильной, честной волей...

Г-жа Шольцъ. Воля, воля! Не говори мнѣ о ней! Это я знаю лучше тебя. Здѣсь можно хотѣть, хотѣть, сто разъ хотѣть,—и все-таки все остается по-старому. Нѣтъ, нѣтъ, твоя дочь,—это совсѣмъ другое дѣло. Она—такая, Вильгельмъ—такой, и оба остаются сами собой. Слишкомъ она хороша для одного изъ насъ, слишкомъ, слишкомъ хороша... Господи, воля, воля!.. Да, да, добрая воля... У тебя отличная воля, но сумѣешь ли ты достигнуть чего-нибудь? Я не вѣрю.

Г-жа Бухнеръ. Но я тѣмъ сильнѣе надѣюсь.

Г-жа Шольцъ. Все можетъ быть. Вовсе не хочу зарекаться. Въ сущности, и я рада отъ всего сердца за мальчика, только волнуешь меня, очень волнуешь, и имѣй въ виду—ты все представляешь себѣ слишкомъ легко.

Ида (входитъ слѣва, вкрадчиво говорить г-жѣ Шольцъ). Мамочка, она золотитъ орѣхи.

Г-жа Бухнеръ. Пора, Идочка! Ты должна принарядиться. Онъ можетъ теперь каждую минуту быть здѣсь.

Ида (испуганно). Да? Уже?

Г-жа Шольцъ. Да не дѣлайте вы никакихъ исторій! Для этого мальчика она и такъ слишкомъ хороша.

Г-жа Бухнеръ. Я приготовила тебѣ голубое. (Кричитъ Идѣ вслѣдъ) И приколи брошку, слышишь! (Ида уходитъ).

Г-жа Бухнеръ (обращаясь къ г-жѣ Шольцъ). Не обращаетъ никакого вниманія на драгоценныя вещи.

(Открывается наружная дверь).

Г-жа Шольцъ. Постой... кто это? Сдѣлай мнѣ одолженіе... Я не могу еще сейчасъ его видѣть, я...

Г-жа Бухнеръ (кричитъ въ дверь, ведущую на лѣстницу). Ида, твой Вильгельмъ идетъ!

(Въ стеклянную дверь входятъ докторъ Шольцъ).

Д-ръ Шольцъ — необыкновенно высокаго роста, широплечій, очень тучный. Жирное лицо, съ сѣрой нечистой кожей. Глаза его то погасаютъ, то блестятъ, точно лакированные; блуждающіе взоры. У него сѣрые, взъерошенные бакенбарды. Движенія у него неуклюжія и вздрагивающія. Рѣчь его прерывается одышкою. Говоритъ такъ, точно ротъ у него набитъ мукою, спотыкается на каждомъ слогѣ. Одѣтъ небрежно. Когда-то коричневая, выпѣтшая бархатная жилетка; сюртукъ и брюки безразличнаго цвѣта. Шапка съ большимъ козырькомъ. буро-сѣрая, странной формы. Галстукъ изъ суроваго шелка. Помитое бѣлье. Сморкается въ большой пестрый платокъ. Въ правой рукѣ—трость съ ручкой изъ оленьяго рога, на лѣвой висятъ— длинное дорожное военное пальто и мѣховая мѣшокъ для ногъ.

Д-ръ Шольцъ. Servus! Servus!

Г-жа Шольцъ (смотритъ на доктора, какъ на привидѣніе). Фрицъ!..

Д-ръ Шольцъ. Да, какъ изволишь видѣть.

Г-жа Шольцъ (съ крикомъ бросаясь мужу на шею). Фрицъ!

АВГУСТА (открываетъ дверь направо и сейчасъ же отскакиваетъ назадъ). Отецъ!

(Г-жа Бухнеръ уходитъ черезъ лѣвую боковую дверь, пятаясь назадъ съ выраженіемъ оцѣпенѣнія).

Д-ръ Шольцъ. Это я, какъ видишь. Прежде всего вотъ что: Фрибѣ здѣсь?

Фрибѣ (выглядываетъ изъ двери въ кухню, пугается, затѣмъ входитъ). Господинъ докторъ! (Бросается къ нему, хватаятъ обѣ его руки, цѣлуетъ ихъ). Вотъ это штука! Точно Господь Богъ подарилъ мнѣ талеръ!

Д-ръ Шольцъ. Пsst!.. Смотрите, заприте крѣпко входную дверь.

(Фрибѣ кланяется и съ радостнымъ усердіемъ исполняетъ приказаніе).

Г-жа Шольцъ (внѣ себя отъ изумленія). Да скажи ты мнѣ, Фрицъ, скажи мнѣ только... Я ничего не могу сообразить... (Обнимаетъ его со слезами). Ахъ, Фрицъ! Какъ ты истерзалъ меня за эти долгіе годы!

Д-ръ Шольцъ (нѣжно отстраняя жену). Ахъ, знаешь... и моя жизнь также... Лучше не станемъ съ самаго начала заниматься попреками... А ты, ты—все еще та же прежняя страдающая душа... (Съ нѣкоторою горечью) Впрочемъ, я бы, конечно, не обезпокоилъ тебя, если бы не... (Фрибѣ

береть у него пальто, мѣшокъ для ногъ и т. д.). Бываютъ въ жизни, милая Минна, такія положенія... когда приходится имѣть дѣло, какъ вотъ мнѣ, съ влиятельными противниками. (Фрибѣ уходитъ съ вещами доктора на дѣстницу).

Г-жа Шольцъ (добродушно ворча). Вѣдь никто же не приказывалъ тебѣ, Фрицъ! Здѣсь у тебя былъ вѣрный, теплый домашній уголокъ. Ты могъ бы жить такъ хорошо!

Д-ръ Шольцъ. Не сердись, но—этого ты не можешь понимать.

Г-жа Шольцъ. Ну, конечно! Я вѣдь только простая женщина, очень можетъ-быть, но ты же былъ совершенно самостоятеленъ. И вовсе не было никакой необходимости, чтобы ты...

Д-ръ Шольцъ. Псст! Было очень необходимо. (Не безъ таинственности) За виной слѣдуетъ искупленіе, за грѣхомъ—наказаніе.

Г-жа Шольцъ. Ну да, конечно, Фрицъ... Многое и отъ тебя зависѣло. (Начиная съ этого момента и до конца разговора все время бросаетъ боязливые взгляды на входную дверь, точно боится, что каждую минуту можетъ войти Вильгельмъ). Вѣдь мы могли бы такъ спокойно... такъ мирно... если бы ты только хотѣлъ...

Д-ръ Шольцъ. Все отъ меня зависѣло, все безъ исключенія!

Г-жа Шольцъ. Опять ты несправедливъ.

Д-ръ Шольцъ. И!.. Я не хочу спорить: противъ меня соединилось столько низости. Это же извѣстно... Напримѣръ, вообрази себѣ: въ отеляхъ... кельнера... ни одной ночи не могъ я спать спокойно... все взадъ и впередъ по коридору, взадъ и впередъ, и непремѣнно мимо моей двери.

Г-жа Шольцъ. Такъ вѣдь въ концѣ концовъ не нарочно же они безпокоили тебя.

Д-ръ Шольцъ. Нѣтъ?.. Ну, знаешь, этого ты не понимаешь!

Г-жа Шольцъ. Впрочемъ; можетъ-быть; бываютъ иногда среди кельнеровъ негодяи.

Д-ръ Шольцъ. Негодяи? Да, именно,—негодяи! Впрочемъ, мы еще поговоримъ объ этомъ. У меня болитъ что-то голова. (Хватается за затылокъ) Вотъ здѣсь! Тоже такая подлость! Я отлично знаю, кого долженъ я за это поблагодарить... Я только хочу еще удостовѣриться, могу ли я прогнать эти боли, хорошенько выспавшись. Очень усталъ.

Г-жа Шольцъ. Но, Фрицъ, наверху не томяно.

Д-ръ Шольцъ. Представь себѣ только,—однимъ махомъ изъ Вѣны. Не тошно? Ничего не значить! Уже Фрибэ похлопочеть... Ну, а какъ Фрибэ? Вотъ что я хотѣлъ спросить, все еще такой же надежный?

Г-жа Шольцъ. Фрибэ все такой же, какъ всегда.

Д-ръ Шольцъ. Я такъ и думалъ!.. До свиданія! (Пожавъ руку женѣ, поворачивается съ выраженіемъ глубокаго раздумья и идетъ къ лѣстницѣ. Замѣтивъ елку, останавливается и растерянно смотритъ на нее). Это что же такое?

Г-жа Шольцъ (колеблясь между страхомъ, стыдомъ и чувствительностью). Мы празднуемъ рождественскую ночь.

Д-ръ Шольцъ. Празднуемъ? (Послѣ долгой паузы, отдавшись воспоминаніямъ) Это... было... давно... (Поворачивается и говорить съ искреннимъ чувствомъ) И ты тоже стала сѣдая?

Г-жа Шольцъ. Да, Фрицъ, оба мы...

Д-ръ Шольцъ (киваетъ головой, отворачивается и уходитъ по лѣстницѣ).

Г-жа Бухнеръ (быстро входитъ слѣва). Значить, твой мужъ снова здѣсь?!

Г-жа Шольцъ. Это точно... какъ будто... не знаю! Иисусе Христе! какъ мнѣ понять все это?

Г-жа Бухнеръ. Что это, дорогой мой другъ,—воля Божья, и всѣ мы должны быть за это благодарны.

Г-жа Шольцъ. Ахъ! Какъ онъ выглядитъ!.. Сколько онъ пережилъ! Какая была его жизнь: изъ страны въ страну, изъ города... Ахъ, какъ она его истрепаала!

Г-жа Бухнеръ (хочетъ подняться по лѣстницѣ).

Г-жа Шольцъ (испуганно). Куда ты?

Г-жа Бухнеръ. Сказать Идѣ объ этомъ радостномъ событіи. (Уходитъ по лѣстницѣ).

Г-жа Шольцъ. О, Господи! Нѣтъ, нѣтъ, что ты задумала! Этого не долженъ онъ даже замѣтить. Я слишкомъ хорошо знаю своего мужа! Если бы онъ узналъ, что живетъ наверху еще кто-то, кромѣ него... была бы исторія!

Г-жа Бухнеръ (уже на лѣстницѣ). Я потихоньку.

Г-жа Шольцъ. Только совсѣмъ потихоньку! А то какъ бы не вышло что-нибудь такое...

Г-жа Бухнеръ. Я ступаю совсѣмъ тихо.

Г-жа Шольцъ. О, Господи, Господи! Только ужъ совсѣмъ-совсѣмъ тихо!

Августа (быстро входя слѣва). Отецъ здѣсь?!

Г-жа Шольцъ (совершенно растерянно). Да, конечно! Что же теперъ дѣлать? И Вильгельмъ тоже. Я пережила смѣр-

тельный страх. А если бы онъ столкнулся съ отцомъ? Вѣдь онъ могъ войти каждую секунду. Сколько еще я, старуха, должна пережить!

АВГУСТА. Поразительное чувство, мама, такое поразительное! Такъ мы привыкли къ тому, что... Точно мертвецъ воскресъ, черезъ много лѣтъ! Мнѣ страшно, мама!

Г-жа Шольцъ. Значить, въ концѣ концовъ всѣ свои деньги онъ прожилъ?

АВГУСТА. Ну, это было бы... По мнѣ, это было бы послѣднее дѣло...

Г-жа Шольцъ. Да какъ же мы сводили бы концы съ концами... Пришлось бы скоро пойти по-миру.

ИДА (одѣтая, спускается сверху, радостно жметъ Августу руку, съ чувствомъ). Густя! значить, правда? Ахъ, какъ я рада! (Г-жа Шольцъ и Августа болѣзненно взволнованы).

РОБЕРТЪ—изъ двери налѣво. Средняго роста, худой, съ осунувшимся, блѣднымъ лицомъ. Глубоко внавшие глаза иногда горятъ болѣзненнымъ блескомъ. Усы и эспаньолка. Куритъ турецкій табакъ изъ очень короткой трубки.

РОБЕРТЪ (небрежно). Стало нескладно у тебя, мать!

Г-жа Шольцъ. Ну вотъ, теперь еще и этотъ начинается!

АВГУСТА. Что касается меня... (Украдкой бросаетъ завистливые взгляды на костюмъ Иды).

РОБЕРТЪ (Идѣ, которая взглянула на него). Да, я такой, фрейлейнъ Ида!

ИДА (недовѣрчиво качаетъ головой). Нѣтъ... нѣтъ!

РОБЕРТЪ. Какъ это—нѣтъ! По-моему, не стоитъ труда притворяться, показывать какія-то ничтожныя чувства. Въ самомъ дѣлѣ,—не стоитъ!

ИДА. Нѣтъ... нѣтъ.

АВГУСТА (сердито). Ты возмутителенъ, Робертъ!

РОБЕРТЪ. Не имѣю намѣренія кого-нибудь возмущать!

АВГУСТА. А по мнѣ...

РОБЕРТЪ. Ну, и далѣе.

АВГУСТА. Далѣе, далѣе...

РОБЕРТЪ (съ притворнымъ изумленіемъ). Прости... Я думалъ... ты же больше не придаешь никакого значенія внѣшней красотѣ...

ИДА (стараясь замаять ссору). Ахъ, г. Робертъ...

РОБЕРТЪ. Да... Я-то тутъ при чемъ...

АВГУСТА (почти даваясь слезами). Все ты!.. все ты!.. Только изъ-за тебя... Мои годы... слишкомъ подло!.. Г-жа Бухнеръ, развѣ это не такъ?.. Мнѣ... я... я... просидѣла здѣсь... у

матери... здѣсь... лучшіе... лучшіе годы... жизни... а вы... я... точно горничная...

РОБЕРТЪ. О, какъ эффектно... въ самомъ дѣлѣ!.. Тебѣ бы на сцену! (Другимъ тономъ, грубо) Брось, пожалуйста, эти свои скверныя штуки! И слушай: ты и этотъ твой мученическій вѣнецъ — ерунда это все. Гдѣ-то тамъ тебѣ было еще гораздо хуже, чѣмъ дома, вотъ это правда.

АВГУСТА. Мама! Будь свидѣтельницей: развѣ я не отклонила три предложенія?

РОБЕРТЪ. Какъ бы не такъ! Если бы только мать выложила нужныя денежки, ну, тогда, конечно, эти господа прихватили бы ужъ кстати и тебя.

Г-жа Шольцъ. Деньги? (Наступая на Роберта, хватая его за руку) Такъ возьми кухонный ножъ!.. Вырѣжь изъ меня! Вырѣжь изъ меня деньги!

АВГУСТА. Они — меня? Хочешь, я тебѣ сейчасъ покажу письма съ отказомъ?

Г-жа Шольцъ (перебивая). Дѣти! (Дѣлаетъ такое движеніе, точно подставляетъ грудь подъ смертельный выстрѣлъ) Вотъ сюда! Лучше сразу убейте меня! Неужели же нѣтъ у васъ хоть немного жалости ко мнѣ? Хоть вотъ столько?.. А?.. Великій Боже!.. пяти минутъ... Не знаю, чтò это за дѣти!.. Пяти минутъ не могутъ они пробыть мирно!

РОБЕРТЪ. Ну, конечно, я же только-что сказалъ: опять будетъ здѣсь нескладно.

(Фрибэ спускается озабоченный съ верхняго этажа. Что-то шепчетъ г-жѣ Шольцъ, та даетъ ему ключъ. Фрибэ уходитъ въ погребъ).

РОБЕРТЪ (молча слѣдилъ за всей этой сценой. Въ тотъ самый мигъ, когда Фрибэ исчезаетъ за дверью въ погребъ, восклицаетъ): Ага!

АВГУСТА (въ свой чередъ не сводитъ глазъ съ Роберта. Говоритъ съ раздраженіемъ). Нѣтъ у тебя ни къ чему уваженія, ни къ чему, ни къ чему!

РОБЕРТЪ. Ну, и дальше?

АВГУСТА. Но ты играешь комедію, ты жалко лжешь, а это — самое отвратительное!

РОБЕРТЪ. Ты имѣешь въ виду отца?

АВГУСТА. Конечно, отца!

РОБЕРТЪ (пожимая плечами). Если ты думаешь...

АВГУСТА. Да... если бы... если бы это было иначе, тогда... да... тогда... ты былъ бы негодной тварью.

Г-жа Шольцъ (вставляетъ въ ихъ разговоръ). Будетъ этому скоро конецъ... или, или...

РОБЕРТЬ. Въ такомъ случаѣ я—негодная тварь? Ну-съ, а затѣмъ?

(Ида чего-то тревожно ждетъ, уходитъ въ стеклянную дверь).

АВГУСТА. Фу, безстыжій!

РОБЕРТЬ. Безстыжій, совершенно вѣрно.

Г-жа БУХНЕРЬ. Г. Робертъ! Не вѣрю я вамъ... Вы лучше, чѣмъ хотите заставить насъ думать... лучше, чѣмъ даже вы сами думаете...

РОБЕРТЬ (со слабымъ, затѣмъ все звинчивающимся сарказмомъ, холодно). Достоуважаемая г-жа Бухнеръ! Можетъ-быть, это чрезвычайно любезно... но, какъ говорится, — я не знаю хорошенько, чѣмъ могъ я заслужить такую честь... Но я долженъ отклонить вашу любезность. Мое самоуваженіе, по крайней мѣрѣ — пока, еще вовсе не такъ незначительно, чтобы нуждаться въ чьей-нибудь...

Г-жа БУХНЕРЬ (съ нѣкоторымъ смущеніемъ). Да я вовсе и не думала. Только... вашъ отецъ...

РОБЕРТЬ. Мой отецъ для меня — докторъ медицины Фрицъ Шольцъ.

АВГУСТА. Да, да, поговори!

РОБЕРТЬ. И если для меня этотъ человѣкъ все-таки не совсѣмъ такой же безразличный, какъ какой-нибудь дуракъ X или Y, то это потому, что я... ну, и такъ далѣе... (Куритъ). Что я... ну, да—я все-таки въ нѣкоторомъ родѣ продуктъ его глупости.

Г-жа БУХНЕРЬ (точно оглушенная). Простите! Тутъ ужъ я не могу... Какъ хватаетъ у васъ смѣлости говорить такъ?! Мнѣ прямо страшно.

Г-жа ШОЛЬЦЪ (обращаясь къ г-жѣ Бухнеръ). Пускай, пускай! Ты еще и не то увидишь у насъ...

АВГУСТА. Что же съ этимъ подѣлаешь, мать! Мы—такіе, какіе есть. Другіе, которые Богъ знаютъ какъ поступаютъ,—ничѣмъ не лучше.

РОБЕРТЬ. Въ самомъ дѣлѣ, все еще есть наивныя души, которыя чувствуютъ себя скверно, если не могутъ чинить и улучшать своихъ ближнихъ. Старые предрассудки! Рутина!..

Г-жа БУХНЕРЬ (беря Роберта за обѣ руки, съ искреннимъ чувствомъ). Г. Робертъ! Я чувствую, что служу одной опредѣленной цѣли. Это подчиняетъ меня. Отъ всего сердца говорю вамъ—вы меня не обидѣли.

РОБЕРТЬ (нѣсколько растерявшись). Вы поразительная женщина.

ФРИБЭ (приходить из погреба. Въ лѣвой рукѣ у него три бутылки краснаго вина; держать, зажавъ горлышки между пальцевъ; подъ лѣвой рукой, подъ мышкой—бутылка коньяку, въ правой рукѣ—ключъ отъ погреба. Подходить къ г-жѣ Шольцъ, говоритъ озабоченно). Теперь скорѣе сигары!

Г-жа Шольцъ. Ахъ, Господи! Да не знаю я, Фрибэ, гдѣ онѣ.

РОБЕРТЪ. Въ письменномъ столѣ.

Г-жа Шольцъ. Ахъ, правда! (Беретъ связку ключей и тревожно ищетъ нужный ключъ).

АВГУСТА. Ты же знаешь, какой ключъ отъ письменнаго стола.

РОБЕРТЪ. Съ прямой бородкой.

Г-жа Шольцъ. Вѣрно! Постой!..

РОБЕРТЪ. Дай-ка сюда...

Г-жа Шольцъ. Постой, постой!.. Вотъ! Ахъ, нѣтъ, не тотъ!.. Совсѣмъ спуталась!.. (Передавая Роберту связку) Нѣ!

РОБЕРТЪ (снимаетъ нужный ключъ и передаетъ Фрибэ). Вотъ! Желаю, чтобы вамъ понравились сигары моего отца.

ФРИБЭ. Ну да! Какъ же! Онѣ ихъ цѣлый день не выпускаетъ изъ зубовъ! (Сильный звонокъ). Иду, иду! (Фрибэ уходитъ наверхъ).

Г-жа Шольцъ. Ну, теперь скоро отъ вина ничего не останется! Великій Боже! къ чему все это приведетъ?! Постоянно вино, дорогія крѣпкія сигары! Говорю вамъ, онѣ погубить себя.

РОБЕРТЪ. Чтò же, каждый воленъ...

Г-жа Бухнеръ. Чтò хотите вы этимъ сказать?..

РОБЕРТЪ. Каждый воленъ доставлять себѣ тѣ удовольствія, какія ему нравятся. По крайней мѣрѣ, я ни за что не позволилъ бы посягать на этò мое право, даже закону. А впрочемъ, странно!

Г-жа Бухнеръ. Чтò?

РОБЕРТЪ. Странно!..

Г-жа Бухнеръ. Почему смотрите вы на меня такъ пристально? Станнымъ вамъ кажется что-то во мнѣ?

РОБЕРТЪ. Какъ посмотрѣть. Вы уже столько дней у насъ и все еще не думаете о томъ, чтòбы уѣхать.

АВГУСТА. Говорить такъ!

Г-жа Шольцъ. Конца этому не будетъ! (Съ отчаяніемъ качаетъ головой).

РОБЕРТЪ (грубо и запальчиво). Чтò-жъ, мать, развѣ это не правда? Развѣ когда-нибудь кто-нибудь чужой могъ выдер-

жать у насъ больше половины дня?.. Развѣ всѣ они не убѣжали отъ насъ,—Ничше, Леманы?..

Августа. На что намъ чужіе люди?.. Довольно съ насъ насъ самихъ.

Робертъ. Да, совершенно вѣрно! (Грубымъ тономъ) Скажу я вамъ, г-жа Бухнеръ! Въ присутствіи совершенно чужихъ людей они такъ вцѣплялись другъ другу въ волосы, что ключья летѣли! Мать срывала скатерть, отецъ билъ графиню съ водой. Весело, не правда ли?.. Веселыя сценки, веселыя дѣтскія впечатлѣнія?

Августа. Ты бы долженъ провалиться отъ стыда, подлець! (Быстро уходитъ).

Г-жа Шольцъ. Теперь видишь? И вотъ такъ я жила десятки лѣтъ, десятки лѣтъ! (Уходитъ возбужденная).

Робертъ (продолжаетъ увѣренно). Впрочемъ, чему тутъ удивляться! Сорокалѣтній мужчина женился на шестнадцати-лѣтней дѣвушкѣ и притащилъ ее съ собою въ этотъ глухой, всѣми забытый уголокъ. Человѣкъ, служившій врачомъ въ турецкой арміи и путешествовавшій по Японіи. Развитой; предприимчивый умъ. Человѣкъ, который еще вчера носился съ самыми широкими планами, связалъ себя съ женщиной, которая еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ была непоколебимо убѣждена, что можно разглядѣть въ небѣ Америку, какъ звѣзду. Да, да! Я не преувеличиваю. Только такіе результаты и могли получиться: стоячее, гнилое, бродящее болото, изъ котораго мы имѣли сомнительное удовольствіе произойти. Волосъ становится дыбомъ! Ни слѣда любви, ни тѣни взаимнаго пониманія, уваженія, — вотъ та почва, на которой выросли мы, дѣти,

Г-жа Бухнеръ. Г. Робертъ! Я бы очень просила васъ...

Робертъ. Хорошо!.. Не для чего мнѣ говорить! Да къ тому же исторія эта...

Г-жа Бухнеръ. Нѣтъ, нѣтъ! Я только хотѣла бы попросить васъ объ одномъ. Надо слѣшать.

Робертъ. Просить? меня?..

Г-жа Бухнеръ. Можетъ-быть, вы, ради меня... можетъ-быть... Развѣ это такъ ужъ совсѣмъ невозможно?.. Можетъ, вы хотѣ на сегодняшній вечеръ сбросили бы съ себя свою маску?

Робертъ. Великолѣпно!.. Сбросить маску?

Г-жа Бухнеръ. Да, потому что это—маска, а не ваше настоящее лицо.

Робертъ. Чтò вы говорите!

Г-жа Бухнеръ. Обѣщайте мнѣ, г. Робертъ...

Робертъ. Но я совсѣмъ не знаю...

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ... Вашъ братъ Вильгельмъ можетъ каждую минуту пріѣхать и...

Робертъ (перебивая). Г-жа Бухнеръ! Если бы вы... захотѣли... мнѣ... повѣрить! Всѣ ваши усилія... увѣрю васъ... совершенно напрасны. Все это ни къ чему не приведетъ, абсолютно ни къ чему. Всѣ мы изгажены до самаго основанія! Изгажены отъ рожденія, окончательно изгажены воспитаніемъ. Тутъ уже ничего не подѣлаешь. На видъ все какъ будто такъ славно: елка... свѣчи... подарки... семейный праздникъ... Но это только такъ, сверху, а на самомъ днѣ—мучительная, грубая ложь—больше ничего! А теперь еще отецъ. Если бы я не зналъ, какъ трудно отъ него чего-нибудь добиться,—честное слово, я бы подумалъ, что это вы привезли его сюда.

Г-жа Бухнеръ. Ей-Богу, нѣтъ! И это оживило мои надежды. Это не можетъ быть случайность, это—судьба. И оттого отъ всей души прошу я васъ: встрѣтите вы своего брата дружелюбно, ласково! Если бы вы знали, какъ хорошо онъ всегда говоритъ о васъ, съ какою любовью, съ какимъ уваженіемъ...

Робертъ (перебивая). Ну, и какая же цѣль?

Г-жа Бухнеръ. Т.-е. какъ?

Робертъ. Т.-е. чего ради долженъ я къ нему отнестись дружелюбно, ласково?

Г-жа Бухнеръ. Вы объ этомъ спрашиваете?

Робертъ. Да.

Г-жа Бухнеръ. Ну... прежде всего для того, чтобы не сдѣлать ему тягостнымъ возвращеніе въ родительскій домъ.

Робертъ. О, намъ нѣтъ другъ до друга никакого дѣла, какъ вы, вѣроятно, и предполагаете, а потомъ... впрочемъ, если вы думаете, что отъ появленія въ сихъ комнатахъ зашевелится въ немъ какое-то нѣжное чувство, вы...

Г-жа Бухнеръ. Вашъ братъ—такой хороший, въ своей основѣ — такой благородный человѣкъ!.. Онъ выдержалъ страшную борьбу, прежде чѣмъ рѣшился на этотъ шагъ. Могу вамъ поручиться, онъ приходитъ сюда съ горячимъ желаніемъ примириться.

Робертъ. Совершенно не понимаю, что это значитъ: примириться! Съ чѣмъ же это хочетъ онъ примириться? Ничего подобнаго не понимаю. Вѣдь мы-то, братья, достаточно понимаемъ другъ друга. Это для меня совершенно

ново. Мнѣ не въ чемъ упрекать его. Съ другой стороны, фактовъ не скроешь. Позвольте васъ спросить. какъ вы полагаете? Питаю я какое-нибудь особое уваженіе къ своему отцу?.. Конечно, нѣтъ!.. Или, можетъ-быть, люблю его?.. Можетъ-быть, испытываю признательность сына?.. Ну, такъ знайте—для всего такого нѣтъ у меня ни малѣйшихъ основаній. Всю жизнь были мы другъ для друга, въ лучшемъ случаѣ, ничѣмъ. А иногда, когда каждый изъ насъ считалъ другого виновнымъ въ своемъ несчастіи, мы даже ненавидѣли другъ друга. Ну, такъ вотъ, вспыхнула та же ненависть между отцомъ и Вильгельмомъ. Вполнѣ это понимаю. Можетъ-быть, только случайность, что я не поступилъ такъ же, какъ Вильгельмъ. Словомъ, я ничего не имѣю противъ него, — notabene,—когда не вижу его. Но какъ только встрѣчусь съ нимъ, летятъ всѣ мои разсужденія къ чорту, и тогда становлюсь я... того... ну, какъ бы это сказать?.. тогда... тогда... вижу я въ немъ только человѣка, который ударилъ по лицу моего отца,—не своего, но моего отца.

Г-жа Бухнеръ. О, великій Боже!

Робертъ. И тогда я не могу ни за что поручиться, буквально—ни за что.

Г-жа Бухнеръ. Боже, Боже! Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Ударилъ, говорите вы? По л...ицу?.. своего собственнаго отца?

Робертъ. Ну, и такъ дальше...

Г-жа Бухнеръ (почти безсознательно). Боже!.. Великій Боже!.. Но... въ такомъ случаѣ... я хочу... я должна сейчасъ же поговорить съ вашимъ славнымъ, старымъ отцомъ... въ такомъ случаѣ...

Робертъ (глубоко испуганный). Съ кѣмъ?

Г-жа Бухнеръ (почти плача). Съ вашимъ славнымъ, старымъ, бѣднымъ, оскорбленнымъ отцомъ.

Робертъ (хочетъ ее удержать). Ради Бога, что хотите вы?..

Г-жа Бухнеръ. Оставьте меня! Я должна, должна... (Уходитъ по лѣстницѣ).

Робертъ (кричитъ ей вслѣдъ). Г-жа Бухнеръ! (Оборачиваясь) Истерія! Проклятая!

(Онъ пожимаетъ плечами и ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ; нѣсколько разъ онъ вдругъ начинаетъ бѣжать, точно хочетъ ее догнать, но каждый разъ мѣняетъ это рѣшеніе, наконецъ совсѣмъ отказывается отъ него и заставляетъ себя успокоиться, доводитъ себя до наружнаго равнодушія. Въ этомъ состояніи онъ сначала возится съ трубкою: выколачиваетъ ее, набиваетъ свѣжимъ табакомъ, который вынимаетъ изъ табачницы, закуриваетъ и нѣсколько мгновений какъ

будто всецѣло отдастся наслажденію журеніемъ. Затѣмъ его вниманіе понемногу сосредоточивается на елкѣ и на подаркахъ, разложенныхъ на столѣ. Онъ стоитъ передъ ними, широко разставивъ ноги, все разглядываетъ и нѣсколько разъ горько смѣется, не выпуская трубки изъ рта. Затѣмъ вдругъ приходитъ въ изумленіе и, вынувъ трубку изъ рта, наклоняется низко къ столу. Выпрямившись, точно только въ это мгновеніе замѣчаетъ, что онъ одинъ въ комнатѣ. Боязливо оглядѣвшись кругомъ, точно воръ, снова наклоняется къ столу, торопливо хватаятъ кошелекъ изъ желтаго шелка, подноситъ его ближе къ глазамъ и затѣмъ—къ губамъ, порывистымъ, страстнымъ движеніемъ. Въ это мгновеніе видна въ немъ вспышка, жуткой болѣзненной страстности. Какой-то шумъ пугаетъ его. Онъ сейчасъ же кладетъ кошелекъ на прежнее мѣсто. Робертъ хочетъ уйти потихоньку, идетъ на цыпочкахъ. Въ тотъ моментъ, когда онъ собирается исчезнуть въ боковую дверь налѣво, онъ замѣчаетъ, что въ сосѣдную дверь входитъ г-жа Шольцъ, и, притаившись, останавливается.

Г-жа Шольцъ (тяжелыми шагами, но быстро идетъ черезъ залу къ выходу на лѣстницу. Здѣсь прислушивается).

РОБЕРТЪ (оборачиваясь). Мать, скажи мнѣ! Чего, собственно, хочешь эта женщина?

Г-жа Шольцъ (испуганно). О, Господи, Боже мой! Какъ ты напугалъ...

РОБЕРТЪ. Чтò... зат... чтò, собственно, затѣваетъ здѣсь эта Бухнеръ? Я бы очень хотѣлъ знать...

Г-жа Шольцъ. Я бы лучше хотѣла знать... чтò отецъ... Чего онъ хочетъ?.. Да, скажи мнѣ! Чего... онъ хочетъ?

РОБЕРТЪ. Не откажешь же ты ему все-таки въ кровѣ?

Г-жа Шольцъ (почти плача, упрямо). Постичь не могу... Въдь столько времени не была... я ему нужна... По крайней мѣрѣ, можно было ни отъ кого не зависѣть... Теперь опять начнется все это... Теперь, на старости лѣтъ, опять придется быть точно маленькимъ ребенкомъ, кого-то слушаться.

РОБЕРТЪ. Ты не можешь не преувеличивать! Всюду одно и то же: надо, во что бы то ни стало, преувеличивать.

Г-жа Шольцъ. Ты только посмотри, чтò будетъ, когда онъ завтра увидитъ, что оранжерея пустая.. Не могу же я держать особаго садовника!.. И муравьиныхъ ящичковъ тоже уже нѣтъ. По мнѣ, совершенно ни къ чему цвѣты, отъ нихъ только головная боль! И эти скверныя насѣкомыя!.. Не знаю, на что они ему. Но почему-то нужно разоряться изъ-за нихъ. Какой подымется гамъ! Я уже боюсь до смерти... Скверно стало жить на бѣломъ свѣтѣ!

РОБЕРТЪ (пока г-жа Шольцъ говоритъ это, пожимаетъ плечами и хочетъ уйти. При послѣднихъ словахъ останавливается и отвѣчаетъ). А развѣ когда-нибудь было лучше?

Г-жа Шольцъ. Ну, все-таки, я думаю!

Робертъ. Вотъ какъ? Во всякомъ случаѣ, это было до меня. (Уходитъ въ первую дверь направо).

Г-жа Шольцъ (снова прислушиваясь у лѣстницы). Когда я вспоминаю... Наверху говорятъ... (Глядитъ наверхъ, видитъ, что одна, снова тревожно вслушивается и наконецъ уходитъ, приложивъ руку къ уху, на лѣстницу. Лицо ея полно тоски, муки и любопытства).

(Въ стеклянную дверь входятъ Ида и Вильгельмъ. Вильгельмъ— среднего роста, сильный, на видъ—здоровый человѣкъ. Низко-стриженная русая голова. Платье на немъ сидитъ хорошо, но безъ щеголеватости. Пальто, шляпа, дорожная сумка. Лѣвая рука лежитъ на плечахъ Иды, она обняла его правой рукой. Онъ слегка упирается, она тянетъ его впередъ).

Ида. Ну вотъ видишь, ты ужъ и здѣсь! Главное уже сдѣлано.

Вильгельмъ (тяжело вздохнувъ). О, нѣтъ!

Ида. Можешь мнѣ повѣрить. Твоя мать очень, очень рада. И Густя тоже. (Она стягиваетъ съ него зимнія перчатки). Откуда онъ у тебя?

Вильгельмъ. Значитъ, ты уже знаешь мою... мать?

Ида. Еще бы, всѣхъ, дорогой мой! Съ сегодняшняго дня мы даже говоримъ другъ другу *ты*.

Вильгельмъ. И что же, какъ? Понравились они тебѣ?

Ида. Отличные, душевные люди,—вѣдь ты самъ знаешь.

Вильгельмъ (съ каждой секундой все смущеннѣе, точно говоря съ самимъ собою). Пора...зительно... (Глаза его падаютъ на елку. Заглядѣвшись на нее, онъ помимо своей воли остановился).

Ида (разстегивая ему пальто). Но, золото мое! Вѣдь не въ первый же разъ видишь ты елку...

Вильгельмъ. Здѣсь—въ первый... И ты не можешь, не можешь почувствовать такъ, какъ я... какъ необычайно...

Ида (снимаетъ съ него пальто. Онъ механически позволяетъ дѣлать это). Прошу тебя, прошу, Вилли! (Стоитъ передъ нимъ съ пальто на рукѣ, со шляпой и сумкой въ рукахъ). Вилли, посмотри на меня!.. (Желая вызвать въ немъ бодрость) Будь силенъ! (Секунду стоитъ вся вытянувшись, затѣмъ быстро относитъ въ сторону вещи и опять возвращается къ Вильгельму). Ты мнѣ об... обѣщаль...

Вильгельмъ. Видѣла ты когда-нибудь... Ида... видѣла ты когда-нибудь... склепъ съ вѣнками...

Ида (испуганно). Вильгельмъ! (Бурно обнимаетъ его, внѣ себя) Это зло! Это въ самомъ дѣлѣ зло! Въ самомъ дѣлѣ, очень, очень зло...

Вильгельмъ (нѣжно прижимаетъ ее къ себѣ, съ подавляемымъ

волнениемъ). Ахъ, все это совсѣмъ не важно... (Холодно, задумчиво) Ну, ничего, ничего!..

Ида. Вотъ ты какой!

Вильгельмъ (осматривая елку). А такъ, кромѣ этого, все... по-старому... Ида!.. Право, ты должна принять это въ расчётъ!

Ида. Мнѣ вдругъ стало такъ страшно, Вилли! Можетъ-быть, въ концѣ концовъ было бы лучше, если бы.. Мама, навѣрное, не знала, что тебѣ будетъ такъ, такъ тяжело, а я... я только думала... потому что мама говорила... я вовсе и не хотѣла. Но теперь... теперь, разъ ты уже зашелъ такъ далеко, будь... слышишь? Сдѣлай для меня!.. Ахъ! (Обнимаетъ его).

Вильгельмъ (котораго рука Иды притянула еще немного впередъ, съ глубокимъ внутреннимъ потрясеніемъ). Каждый шагъ впередъ... Чего только ни пережили я здѣсь!

Ида. Только не вороши.. не вороши стараго!

Вильгельмъ. Посмотри!.. Теперь мнѣ дѣлается ясно... Твоя мать не должна бы была совѣтовать мнѣ это... Она всегда такая увѣренная, такая... Вѣдь я же зналъ, я говорилъ ей... Но эта наивная, непоколебимая увѣренность... Я не долженъ былъ позволить ослѣпить себя...

Ида. Ахъ, Вилли, какъ тяжело все на тебя дѣйствуетъ. Повѣрь мнѣ, завтра ты будешь говорить иначе... когда опять увидишь ихъ всѣхъ... Ты будешь тогда, по крайней мѣрѣ, правъ передъ самимъ собою. Ты доказалъ, что серьезно хотѣлъ жить въ мирѣ со своей семьей.

Вильгельмъ. Когда видишь все снова... всѣ старыя мѣста... все воскресаетъ... Понимаешь? Прошлое подступаетъ такъ близко, такъ завладѣваетъ... кажется, что... дѣлаешься совершенно безоружнымъ.

Ида (обнимая его со слезами). Когда я вижу тебя такимъ, Вильгельмъ... только не подумай... ради Бога, не подумай, что я побуждала бы тебя, если бы я могла только предполагать... не подумай этого! Мнѣ такъ страшно больно за тебя!

Вильгельмъ. Ида!.. Говорю тебѣ... могу тебя увѣрить, я долженъ бѣжать отсюда... Несомнѣнно!.. Для такого натиска я не выросъ... несомнѣнно! Можетъ-быть, это погубить меня... навсегда... Вѣдь ты еще дитя!.. Милое, чистое дитя, Ида; Ты не можешь знать... Слава Богу, что ты даже не можешь подозревать... то, что меня, что человѣка, который близокъ тебѣ... говорю тебѣ... ненависть! злоба!.. едва я вошелъ сюда...

Ида. Хочешь, уйдемъ отсюда? Сейчасъ же уйдемъ?

Вильгельмъ. Да, потому что... въ этой обстановкѣ... даже ты!.. Я ужъ едва отличаю тебя отъ другихъ... Я лишаюсь тебя!.. Я совершаю преступленіе уже однимъ тѣмъ, что ты здѣсь.

Ида. Ахъ, если-бъ ты говорилъ, Вильгельмъ, немного яснѣе! Навѣрное, здѣсь произошло что-то ужасное, что...

Вильгельмъ. Здѣсь? Преступленіе! И оно тѣмъ страшнѣе, что не считается преступленіемъ. Здѣсь дали мнѣ жизнь и здѣсь же эту самую жизнь, говорю тебѣ... я могъ бы сказать—портили почти систематически... такъ что она стала мнѣ отвратительной, что я несъ, волочилъ ее, сгибаясь подъ ея тяжестью, какъ вьючное животное... И я спрятался, глубоко зарылся, не знаю, какъ назвать... Но вѣдь страдаешь и не говори.. Ненависть, ярость, раскаяніе, отчаяніе... нѣтъ покоя!.. День и ночь та же жгучая, пожирающая боль... (показываетъ на лобъ) здѣсь!.. (показываетъ на сердце) и здѣсь...

Ида. Что же мнѣ дѣлать, Вильгельмъ? Я уже не рѣшаюсь... что-нибудь посовѣтовать тебѣ... такая я...

Вильгельмъ. Вы бы должны были быть довольны... что я былъ счастливъ вдали. Тамъ, вдали отсюда, все было такъ хорошо, все прошлое такъ поблекло... Теперь только понимаю я, какъ далеко все то ушло отъ меня... (Сломленный напряженіемъ, падаетъ на стулъ).

Ида (подавляя крикъ). Вильгельмъ!

Г-жа Бухнеръ (быстро вбѣгаетъ черезъ арку передъ лѣстницей, бросается къ Вильгельму). Вильгельмъ, выслушайте меня, Вильгельмъ! Подумайте о томъ, о чемъ мы говорили. Теперь... если я дорога вамъ... закливаю васъ... теперь докажите... Да, я требую... Я, какъ мать моего ребенка, хочу, чтобы вы... Вильгельмъ!.. Отъ васъ зависитъ... отъ васъ одного... Вильгельмъ, вы были страшно виноваты!.. На васъ ужасная вина... Вы узнаете снова радость... Я сдѣлала это... Я говорила съ вашимъ отцомъ. Онъ...

Вильгельмъ (вскакиваетъ съ выраженіемъ оцѣпенія. Голосъ прерывается). Съ от... отцомъ?.. Какъ... съ м...моимъ отцомъ? (Шатается, точно помѣшанный, хочетъ взять свои вещи).

Ида (страшно испуганная). Виль... В...

Вильгельмъ (знаками объясняетъ, чтобы его не удерживали).

Ида. Ахъ... мама... Вильгельмъ... ты... ты не должна была... сказать ему это такъ сразу.

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ! Вѣдь вы — мужчина! Вы

не могли обманывать насъ... Если есть въ васъ еще хоть искра любви къ намъ... къ Идѣ... Я взываю къ вамъ.. Я женщина...

Ида (бросается къ Вильгельму, который уже взялъ свои вещи, и, обвивъ его руками, удерживаетъ его). Ты не долженъ уходить, или я... Мать! Если онъ уйдетъ, и я уйду съ нимъ!

Вильгельмъ. Почему... почему вы скрыли это отъ меня?

Ида. Мы ничего... ты не можешь такъ дурно объ насъ... мы ничего не скрыли.

Г-жа Бухнеръ. Всѣ мы—ваша мать, ваша сестра—также не имѣли никакого понятія... совершенно такъ же, какъ вы сами. Онъ появился лишь нѣсколько минутъ назадъ... не предупредивъ. И тогда я сейчасъ же подумала...

Вильгельмъ. Кто вамъ сказалъ о... томъ?

Г-жа Бухнеръ (беря со слезами его руку). Вы страшно, страшно виноваты.

Вильгельмъ. Значить, вы знаете?..

Г-жа Бухнеръ. Да, теперь...

Вильгельмъ. Все?

Г-жа Бухнеръ. Да, все... Вотъ видите, я была права... что носили вы какое-то бремя. Это была тайна.

Вильгельмъ. Вы знаете, что я...?

Г-жа Бухнеръ (киваетъ утвердительно головой).

Вильгельмъ. А Ида?.. Должна ли она пасть жертвою такого человѣка... такого, какъ я... она знаетъ?.. И ты, Ида, ты тоже знаешь?

Ида. Нѣтъ, Вильгельмъ... только... знаю я, или нѣтъ... право же, это совершенно безразлично.

Вильгельмъ. Нѣтъ... Эта рука, которую ты... которую ты часто... Эта рука... (Обращаясь къ г-жѣ Бухнеръ) Вѣдь вы-это?..

Г-жа Бухнеръ (утвердительно киваетъ головой).

Вильгельмъ (Идѣ). Какъ постыдно обманулъ я тебя!.. Не могу этого вынести... Потому!..

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ! Я знаю, чего я хочу, но я... Вы *должны* унизиться передъ вашимъ бѣднымъ отцомъ... Только тогда почувствуете вы себя снова совсѣмъ свободнымъ. Молите его! Просите его! Ахъ, Вильгельмъ, вы должны это сдѣлать! Вы должны обнять его колѣни... И если онъ наступитъ на васъ ногой, — не противьтесь! Не пророните ни слова! Будьте кротки, какъ ягненокъ! Повѣрьте мнѣ—женщинѣ, которая хочетъ вамъ только самаго лучшаго.

Вильгельмъ. Вы не знаете... Вы не понимаете, чего вы отъ меня... О, вы должны благодарить Бога, г-жа Бухнеръ, что Онъ скрылъ отъ васъ вашу собственную жестокость. Пусть это мерзко. Пусть то, что я сдѣлалъ, мерзко. Но то, что я вытерпѣлъ, вотъ тутъ, что я перестрадалъ, какъ боролся съ самимъ собою... Эти ужасныя муки... Все взвалилъ онъ на меня... и наконецъ ко всему еще и эту проклятую вину... И все-таки!.. (Долго, глубоко смотреть въ глаза Идѣ и приходитъ къ твердому рѣшенію). Можетъ-быть, все-таки мнѣ удачи!..

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната пуста. Она освѣщается частью краснымъ фонаремъ, спускающимся надъ лѣстницей, но главнымъ образомъ свѣтомъ изъ сосѣдней комнаты, который проникаетъ черезъ открытыя двери налѣво. Въ сосѣдней комнатѣ ужинають, какъ можно судить по звону стакановъ, стуку тарелокъ, ножей и вилокъ.

(Ида, слѣдомъ за ней Вильгельмъ выходятъ изъ сосѣдней комнаты).

Ида. Наконецъ-то! (Привѣтливо) Теперь, Вилли, нужно тебѣ подумать объ отцѣ! Не сердись на меня, но если ты долженъ въ чемъ-то извиниться передъ отцомъ,—не надо ждать, когда онъ спустится внизъ къ тебѣ...

Вильгельмъ. Отецъ хотѣлъ сойти къ ужину?

Ида. Разумѣется. Мама ему...

Вильгельмъ (вдругъ стремительно, въ порывѣ страсти, обнимаетъ Иду и прижимаетъ къ себѣ).

Ида. Ой!.. Ахъ, ты... вдругъ кто-нибудь... Ты мнѣ всѣ волосы...

(Руки Вильгельма безсильно скатываются. Онъ складываетъ руки, опускаетъ голову. Быстро придя въ себя, онъ стоитъ передъ нею, точно пойманный преступникъ).

Ида (поправляя волосы). Какой ты... точно буря...

Вильгельмъ. Ты зовешь это бурей... я называю... совсемъ... иначе...

Ида. Ну, Вилли! Чего же ты опять сталъ сразу такой убитый? Право, ничего съ тобою нельзя подѣлать.

Вильгельмъ (судорожно беретъ ея руки, кладетъ ей свою руку на плечо и быстро увлекаетъ ее впередъ по комнатѣ). Ничего нельзя подѣлать... Да, видишь... Именно этого... ничего я такъ не боялся, какъ того, чтобы я... чтобы всѣ твои уси-

лія изъ-за меня не были напрасными... Я такъ отвратительно быстро мѣняюсь! (Показывая на лобъ) Здѣсь никогда не бываетъ спокойно. Въ секунду рѣшаются все судьбы. Я боюсь самого себя. Бѣжать отъ самого себя, — можешь ты себѣ это представить? А вотъ я, понимаешь ты, такъ бѣгу отъ себя... всю свою жизнь.

Ида. Въ концѣ концовъ... Ахъ, нѣтъ, это не годится...

Вильгельмъ. Говори, говори!..

Ида. Иногда... уже нѣсколько разъ думала я... въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько разъ казалось мнѣ, будто... только ты не сердись... будто ничего того, отъ чего ты долженъ былъ бы бѣжать, вовсе и нѣтъ. И я даже... уже...

Вильгельмъ. О, нѣтъ, не вѣрь этому! Слѣдила ты за Робертомъ, видѣла ты?

Ида. Нѣтъ. А что?

Вильгельмъ. Замѣтила ты, какъ онъ со мной поздоровался? Вотъ онъ, видишь, онъ знаетъ, что я долженъ бѣжать. Вотъ этотъ знаетъ меня. Спроси его, — этотъ тебѣ объяснить! И онъ этимъ угрожаетъ мнѣ. Ты, ты... это я лучше знаю. Ты только обрати вниманіе, какъ онъ всегда глядитъ на меня! Точно говорить: «тебѣ, должно-быть, страшно, ты долженъ бояться». Ха-ха-ха!.. Нѣтъ, любезный братецъ, все-таки до такой степени мы еще не жалки. Теперь ты, конечно, понимаешь, Ида, что я не долженъ этого допустить... я хочу сказать, не должно быть у тебя на мой счетъ иллюзій. Тутъ возможно только одно: все во мнѣ должно быть открыто передъ тобой... Я добиваюсь этого... И когда ты будешь знать меня всего, тогда... Я хочу сказать, если и тогда я не буду тебѣ противенъ... или если ты... будешь въ состояніи любить меня... тогда... это было бы... тогда воскресло бы во мнѣ что-то... бодрое, гордое.. Тогда могъ бы я жить, даже если бы они все презирали меня... (Ида очень довѣрчиво прислоняется къ нему). А теперь... теперь я и тебѣ... прежде чѣмъ подымусь наверхъ къ отцу... Ты знаешь, что я думаю?!

Ида (наклоняетъ голову).

Вильгельмъ. Теперь ты... я долженъ пересилить себя и сказать тебѣ, что было между мною... и моимъ... отцомъ... Да, Ида, я хочу это сдѣлать... (Они ходятъ, взявъ другъ друга подъ-руку). Ты представь себѣ! Я пріѣзжалъ сюда погостить... нѣтъ... нельзя начинать только съ этого... Нужно начать раньше... Ты вѣдь знаешь, я тогда уже довольно долгое

время самъ пробивалъ себѣ дорогу въ жизни... Да развѣ я тебѣ ничего не рассказывалъ объ этомъ?..

Ида. Нѣтъ... Только спокойнѣе... только, Вилли, не волнуйся напрасно...

Вильгельмъ. Видишь, вотъ тебѣ еще доказательство того, что я—трусъ. До сихъ поръ не хватило у меня смѣлости рассказать тебѣ о моемъ прошломъ. Во всякомъ случаѣ, и на это нужна смѣлость... Чѣмъ-то рискуешь,— и передъ самимъ собою... Все равно! Если бы я не могъ преодолѣть себя въ этомъ, какъ бы нашелъ я въ себѣ силу—подняться къ отцу?!

Ида. Ахъ, не мучь ты себя!.. Теперь столько всего надвигается на тебя.

Вильгельмъ. Тебѣ страшно?.. Какъ? Ты боишься услышать что-то такое...

Ида. Фу, фу, ты не долженъ такъ говорить!

Вильгельмъ. Ну, итакъ, — представь ты себѣ: тамъ наверху жилъ отецъ. Пока онъ не женился на матери, онъ жилъ одиноко и скоро опять сталъ жить такъ же; опять сталъ вести свою одинокую, уединенную жизнь... Затѣмъ вдругъ набросился на насъ — на Роберта и меня; на Августу онъ не обращалъ никакого вниманія... Каждый день цѣлыхъ десять часовъ корпѣли мы надъ книгами... Когда я вижу, даже теперь, эту тюрьму... Она около его рабочей комнаты... Ты же видѣла!

Ида. Это большая зала наверху?..

Вильгельмъ. Да... Когда мы входили въ эту комнату, — для насъ наступала ночь, хотя бы солнце било яркими лучами въ окна... Ну, вотъ видишь, тогда мы бѣжали къ матери... Мы попросту убѣгали отъ него... И тогда разыгрывались всякія сцены... Мать тащила меня къ себѣ за лѣвую руку, отецъ—за правую... Доходило до того, что Фрибэ хваталъ насъ и волочилъ наверхъ. Мы отбивались, кусали ему руки; конечно, все это ничему не помогало, жизнь наша только дѣлалась еще болѣе несносной... Но мы не хотѣли покориться. И—теперь я знаю это—отецъ началъ насъ ненавидѣть. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ разъ не спустилъ насъ съ лѣтницы. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ насъ переносить, видъ нашъ сталъ ему противенъ.

Ида. Но вѣдь твой отецъ — ты признаешь это? — хотѣлъ вамъ только добра. Вы должны были много учиться...

Вильгельмъ. Да, пожалуй, до нѣкоторой степени...

тогда были у него хорошія намѣренія. Но въ то время вѣдь мы были мальчиками девяти или десяти лѣтъ. А затѣмъ добрыя намѣренія прекратились. Напротивъ, тогда у него явилось желаніе, чтобы мы совершенно погибли... Да, да! На зло матери... Цѣлыхъ пять лѣтъ были мы всецѣло предоставлены самимъ себѣ... на насъ махнули рукой... Мы стали бандитами и ворами... У меня все-таки еще что-то было,—я набросился на музыку. У Роберта же не было ничего... Но мы набросились и на совсѣмъ другое... и врядъ ли когда-нибудь отдѣлаемся мы отъ послѣдствій этого... Наконецъ отецъ все-таки опомнился. Между нимъ и матерью происходили ужасныя сцены: Насъ забрали и помѣстили въ какое-то учебное заведеніе. Но я уже никакъ не могъ привыкнуть къ тамошней подневольной жизни и бѣжалъ. Тогда отецъ велѣлъ меня поймать и доставить въ Гамбургъ: онъ рѣшилъ сослать негодяя въ Америку... Конечно, негодяй снова бѣжалъ. Я забылъ о существованіи родителей, я голодалъ и собственными кулаками прокладывалъ себѣ дорогу въ жизни. У Роберта была приблизительно такая же жизнь. Тѣмъ не менѣе, въ глазахъ отца такъ и остались мы ни на что негодными людьми... Какъ-то разъ потомъ я былъ настолько наивенъ, что потребовалъ—не попросилъ, а потребовалъ—отъ него поддержки. Я хотѣлъ поступить въ консерваторію. Въ отвѣтъ онъ написалъ мнѣ на открыткѣ: «сдѣлайся сапожникомъ!»... Такимъ-то образомъ, Ида, сдѣлались мы своего рода *self made man*... Но мы не очень горды этимъ.

Ида. Право, Вилли... право, я не могу иначе... я во всемъ сочувствую тебѣ... но... сейчасъ я не могу въ серьезъ... не смотри на меня такъ странно, прошу тебя... прошу...

Вильгельмъ. Право, это очень печально... а совсѣмъ не смѣшно...

Ида (не умѣя сдержатъ себя). Это — чувство торжества, Вильгельмъ! Я должна тебѣ сказать... пускай это эгоистично... но я такъ страшно рада... что тебѣ нужно все это... Я хочу такъ любить тебя, Вильгельмъ!.. Я такъ сразу увидала, къ чему, къ какой цѣли стремиться. Ахъ, я совсѣмъ смущена!.. Я очень жалѣю тебя. Но чѣмъ болѣе жалѣю, тѣмъ сильнѣе моя радость. Понимаешь ты, что я хочу сказать? Я думаю... мнѣ кажется... можетъ-быть, я могла бы тебѣ... все, чего у тебя не было... всю любовь... я хочу сказать... я могла бы тебѣ... такъ полно...

Вильгельмъ. Если бы только я... заслуживалъ... По-

тому что сейчас я долженъ рассказать... что касается... меня одного... Нѣсколько лѣтъ назадъ... нѣтъ, т.-е... Я потомъ пріѣхалъ сюда, чтобы навѣстить мать... Пойми это вполне ясно, Ида!.. Когда я снова увидалъ здѣсь все горе... Пойми, пойми вполне... какъ тяжело было мнѣ...

Ида. Твоя мать... очень страдала?

Вильгельмъ. Во многихъ отношеніяхъ я думаю теперь о матери иначе. Но, во всякомъ случаѣ, главная вина лежитъ на отцѣ. Тогда же мнѣ представлялось, что онъ настолько держитъ мать около себя. И я захотѣлъ, чтобы она разсталась съ нимъ.

Ида. Но... этого... твоя мать не могла..

Вильгельмъ. Она и не послушалась меня. У нея не было для того мужества... Теперь... теперь ты, вѣроятно, можешь себя представить, какими глазами я смотрѣлъ на отца.

Ида. Послушай, Вильгельмъ, можетъ-быть, все-таки ты не былъ вполне правъ относительно твоего отца..

Вильгельмъ (не обращая вниманія на замѣчаніе Иды). Одинъ разъ... я сдѣлалъ.. глупость.. У меня былъ другъ... Нѣтъ, чепуха, не другъ... случайный знакомый... музыкантъ... Ну, такъ вотъ, я привезъ его сюда съ собою... Это подѣйствовало освѣжающе на мать... Она играла съ нимъ каждый день... цѣлую недѣлю... въ четыре руки. И вотъ... Это ужасно, волосы встаютъ дыбомъ... Я говорю правду, вотъ какъ то, что я стою передъ тобою... Не было и тѣни чего-нибудь... И въ концѣ недѣли... горничная бросила ей въ лицо... что она...

Ида. Прости!.. Я не п.. что?..

Вильгельмъ. Будто мать!.. будто она... будто моя мать... ты представь себя!.. Они осмѣлились открыто упрекать ее, что она... въ какихъ-то отношеніяхъ... съ... т.-е... я заставилъ говорить... Нахалы!.. Сказали, будто бы кучеръ... Я къ кучеру, и онъ... онъ... онъ прямо заявляетъ мнѣ, что онъ отъ барина... отъ самого барина... Разумѣется... Какъ же могъ я ему повѣрить?! Или... по крайней мѣрѣ... я отказывался вѣрить... пока я не подслушалъ... разговоръ... какъ отецъ... въ конюшнѣ... говорилъ съ этимъ парнемъ... и.. можешь мнѣ... повѣрить... у меня... отнялись руки... когда я... тамъ... услышалъ... какъ онъ... говорить... о... моей... матери...

Ида. Только успокойся... не надо... не волнуйся такъ страшно... Вѣдь ты совсѣмъ...

Вильгельмъ. Не знаю... Знаю только... — захватываетъ насъ что-то... воля... соломинка... Нужно это испытать... Точно что-то рухнуло на меня... Такое состояніе, какъ будто... И въ такомъ состояніи я вдругъ оказался въ комнатѣ отца... Я взглянулъ на него... Онъ что-то... не могу теперь припомнить, — что... И тогда я его... буквально... этими... обѣими... руками... по...ка...раль... (Онъ съ трудомъ держится на ногахъ).

Ида (ея глаза полны слезъ; она ихъ вытираетъ, пѣсколько секундъ смотритъ въ упоръ на Вильгельма, блѣдная, потрясенная, затѣмъ, тихо плача, цѣлуетъ его въ лобъ).

Вильгельмъ. Ты милосердна.

(Наверху, на лѣстницѣ, слышенъ голосъ доктора).

Вильгельмъ. Ну, а теперь... (Выпрямляется. Ида еще разъ цѣлуетъ его. Онъ судорожно схватываетъ ея руку. Когда голосъ доктора затихаетъ, изъ сосѣдней комнаты слышенъ веселый смѣхъ).

Вильгельмъ (говоритъ, подразумѣвая и этотъ смѣхъ и приближеніе доктора, спускающіеся шаги котораго слышны на лѣстницѣ). У васъ—поразительная сила! (Они ободряюще жмутъ другъ другу руку, затѣмъ Ида отходитъ отъ Вильгельма. Прежде чѣмъ уйти, она еще разъ оборачивается, беретъ Вильгельма за руку и говоритъ: «Будь твердъ!». Уходитъ).

Д-ръ Шольцъ (еще на лѣстницѣ). Э! Чепуха! Направо, Фрибэ... Э... За локоть... не держать, не держать... Чортъ побери!..

Вильгельмъ (чѣмъ ниже спускается по лѣстницѣ докторъ, тѣмъ сильнѣе возбужденіе Вильгельма. Краски на лицѣ часто мѣняются; проводить рукою по волосамъ; глубоко дышитъ; дѣлаетъ такія движенія правой рукою, точно играетъ на роялѣ, и т. д. Ясно видно, какъ борются въ немъ различныя чувства, какъ колеблется онъ въ своемъ рѣшеніи. Онъ какъ будто уже хочетъ бѣжать, но его приковываетъ къ мѣсту появленіе доктора. Онъ схватился за спинку стула, чтобы удержаться на ногахъ, и стоитъ, дрожа, весь блѣдный. Докторъ также остановился, вытянувшись во весь свой внушительный ростъ, и обмѣриваетъ сына взглядомъ, въ которомъ—испугъ, ненависть и презрѣніе. Тихо. Фрибэ, который также вошелъ въ комнату, поддерживая доктора и свѣтя ему, пользуется этой минутой, чтобы ускользнуть въ кухню. Вильгельмъ, повидимому, съ физической болью переживаетъ душевную борьбу. Онъ хочетъ говорить, но горло сжалось, нѣтъ звука, и только беззвучно шепчутъ что-то губы. Снимаетъ руку со спинки стула и идетъ къ старику. Идетъ неувѣренно, шатается, останавливается, снова хочетъ говорить, но не въ силахъ, плетется дальше и падаетъ, сложивъ руки, къ ногамъ старика. Въ лицѣ доктора послѣдовательно мѣняются выраженія ненависти, изумленія, нарастающаго состраданія, смущенія).

Д-ръ Шольцъ. Мальчикъ... мой милый мальчикъ! мой... (Старается поднять его) Встань же... (Беретъ обѣими руками пониженную голову Вильгельма и поворачиваетъ къ себѣ) Погляди

на меня... мальчикъ... погляди же на меня... Ахъ, да что же... съ..?

Вильгельмъ (шевелить губами).

Д-ръ Шольцъ (дрожащимъ голосомъ). Что... что... ты говоришь? Я...

Вильгельмъ. От... отецъ... я...

Д-ръ Шольцъ. Какъ?.. Что ты говоришь?..

Вильгельмъ. Я... тебя... тебя... о...

Д-ръ Шольцъ. Глупости, глупости!.. Не будемъ теперь... о такихъ...

Вильгельмъ. Я... съ тобою... какъ преступникъ...

Д-ръ Шольцъ. Глупости! Глупости!.. Я не знаю, зачѣмъ ты... что было—быльемъ поросло. Сдѣлай мнѣ такое одолженіе, мальчикъ!

Вильгельмъ. Теперь... сними съ меня... сними съ меня эту тяжесть...

Д-ръ Шольцъ. Простилъ и забылъ, мальчикъ! Простилъ и забылъ...

Вильгельмъ. Благодарю... (Глубоко вздохнулъ и потерялъ сознание).

Д-ръ Шольцъ. Мальчикъ! Да что же это, что ты со мною дѣлаешь!.. Что... (Поднимается, тащитъ упавшаго въ обморокъ къ ближайшему стулу. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ усадить его; быстро входитъ изъ сосѣдней комнаты Ида, Робертъ, Августа, г-жа Шольцъ и г-жа Бухнеръ, изъ кухни—Фрибэ).

Д-ръ Шольцъ. Вина! Скорѣе немного вина! (Ида уходитъ и сейчасъ же возвращается съ виномъ).

Г-жа Шольцъ. О, Господи, Господи, Господи!.. Скорѣе опрыскайте водою!

Д-ръ Шольцъ (вливаетъ ему въ ротъ вина).

Августа. Что такое произошло?

Ида (блѣдная, въ слезахъ, прижимается щекою къ лицу Вильгельма). Холодный, какъ ледъ.

Г-жа Шольцъ. Я хотѣла бы только знать, изъ-за чего мальчикъ такъ взволновался... Мнѣ совершенно...

Робертъ (хватаетъ ее за руку и перебиваетъ). Мать!

Г-жа Бухнеръ. Опрыскать, опрыскать, г. докторъ!

Д-ръ Шольцъ. Шш... шш... Нѣтъ ли у васъ одеколона?

Г-жа Бухнеръ. Есть. (Передаетъ ему флаконъ) Вотъ!

Д-ръ Шольцъ. Благодарю... (Онъ третъ Вильгельму лобъ).

Ида (доктору). Но вѣдь, надѣюсь... не правда ли?.. Это только... (Она рыдаетъ). Ахъ, у него такой страшный видъ... точно... точно мертвый...

Робертъ (утѣшаетъ Иду).

Г-жа Шольцъ. Мальчикъ весь въ поту! (Оттираетъ ему лобъ).

Вильгельмъ (зѣваетъ).

Д-ръ Шольцъ. Шшш... (Онъ и всѣ другіе напряженно смотреть на Вильгельма).

Вильгельмъ (откашливается, потягивается, открываетъ и сейчас же закрываетъ глаза. Точно въ полуснѣ, укладываетъ голову какъ будто для сна).

Д-ръ Шольцъ (внятно). Слава Богу! (Поднимается, оттираетъ лобъ платкомъ и, взволнованный, немного смущенный, оглядываетъ окружающихъ. Ида, смѣясь и плача, бросается на шею къ матери. Робертъ едва сдерживаетъ волненіе, стоитъ со сложенными руками и скользитъ глазами послѣдовательно по всѣмъ присутствующимъ. Августа быстро ходитъ взадъ и впередъ, прижимая скомканный платокъ ко рту, и каждый разъ, проходя мимо Вильгельма, на мгновеніе останавливается, испытующе взглядываетъ на него. Фрибъ уходитъ на цыпочкахъ. Взглядъ доктора встрѣчается съ глазами жены. Она робко и несмѣло подходитъ, тихо беретъ его руку и похлопываетъ его по плечу).

Г-жа Шольцъ. Старичокъ мой!.

Августа (подражаетъ матери, обнимаетъ и цѣлуетъ отца. Тотъ позволяетъ, не вынимая руки изъ руки жены).

Августа (обнявъ отца). Мой дорогой папочка!

Робертъ (вдругъ рѣшившись, подходитъ къ отцу и трясетъ ему руку).

Г-жа Шольцъ (выпускаетъ руку доктора и подводитъ къ нему Иду).

Д-ръ Шольцъ (взглядываетъ на Иду, затѣмъ на Вильгельма, потомъ смотритъ вопрошающе на г-жу Бухнеръ).

Г-жа Бухнеръ (утвердительно киваетъ головой).

Д-ръ Шольцъ (дѣлаетъ движеніе, которое выражаетъ приблизительно слѣдующее: «Я не хочу что-либо сказать, я, можетъ-быть, ошибаюсь»). Затѣмъ протягиваетъ руку дѣвушкамъ).

Ида (подходитъ, беретъ его руку, наклоняется и цѣлуетъ ее).

Д-ръ Шольцъ (испуганно отдергиваетъ руку).

Вильгельмъ (глубоко вздыхаетъ. Всѣ пугаются).

Августа (въ дверяхъ въ сосѣднюю комнату, дѣлаетъ знакъ г-жѣ Шольцъ и уходитъ).

Г-жа Шольцъ (дѣлаетъ знаки доктору, которые должны означать: «для больного лучше, если всѣ уйдутъ въ сосѣднюю комнату»).

Д-ръ Шольцъ (киваетъ утвердительно головою и осторожно уходитъ рука объ руку съ г-жою Шольцъ).

Г-жа Бухнеръ (которой Ида даетъ понять, что она хочетъ остаться подлѣ Вильгельма, также уходитъ въ сосѣднюю комнату).

Робертъ (тихо). Фрейлейнъ Ида, быть-можетъ, вы... позовите мнѣ подежурить...

Ида (радостно изумленная). Отъ всей души! (Она жметъ ему руку и уходитъ въ сосѣдную комнату).

РОБЕРТЬ (подвигаетъ стулъ къ стулу Вильгельма и опускается на него, смотря на спящаго брата. Черезъ нѣсколько мгновений вынимаетъ изъ кармана трубку, чтобы закурить, но во-время вспоминаетъ о присутствіи больного и сейчасъ же прячетъ ее назадъ).

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (вздыхаетъ и потягивается).

РОБЕРТЬ (тихо и осторожно). Вильгельмъ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (откашливается, съ изумленіемъ, не понимая, гдѣ онъ, открываетъ глаза и говоритъ послѣ паузы, точно только сейчасъ дошло до него обращеніе Роберта). Да!

РОБЕРТЬ. Какъ ты себя теперь чувствуешь?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (посмотрѣвъ нѣкоторое время съ раздумьемъ на Роберта, говоритъ слабымъ голосомъ). Робертъ?.. Да?..

РОБЕРТЬ. Да, это я... Робертъ... Ну, какъ мы сейчасъ?..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Хорошо... (Откашливается). Теперь совсѣмъ хорошо... (Онъ принужденно смѣется, дѣлаетъ слабое усиліе подняться и сейчасъ же снова падаетъ).

РОБЕРТЬ. Чтò ты! Еще слишкомъ рано, да?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (утвердительно киваетъ головой, вздыхаетъ, бессильно закрываетъ глаза. Потомъ широко открываетъ ихъ. Спокоенъ, говоритъ тихо, но отчетливо). Чтò такое, собственно, произошло?

РОБЕРТЬ. Знаешь, Вильгельмъ, по-моему—самое лучшее—оставимъ пока это, не будемъ касаться... Увѣряю тебя лишь въ одномъ: что мнѣ, во всякомъ случаѣ, это всегда казалось невозможнымъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (воодушевленно). И мнѣ—также.

РОБЕРТЬ. Да и какъ бы... а! Чепуха! Этого абсолютно немислимо было предусмотрѣть! А все-таки случилось.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Да... теперь мнѣ кажется... все болѣе... это... было... такъ хорошо... (Глаза его наполняются слезами).

РОБЕРТЬ (съ легкой дрожью въ голосѣ). Все-таки мы сентиментальны, какъ женщины... Только одно совершенно несомнѣнно: обвинили мы человѣка... такъ, зря... старика-то мы не знали.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Отца?.. Нѣтъ! Вѣдь всѣ мы—такіе слѣпые, слѣпые!

РОБЕРТЬ. Да, видитъ Богъ,—это правда...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Какъ все это странно! Вѣдь онъ насъ любитъ! Вѣдь онъ, этотъ старикъ, — такой безгранично добрый!..

РОБЕРТЬ. Да, онъ можетъ быть добрымъ; до сихъ поръ я этого не зналъ.

Вильгельмъ. Я начинаю что-то различать сквозь весь этотъ туманъ!..

Робертъ. Какъ тебѣ объяснить.. Умомъ... и такъ какъ-то... я уже давно это понялъ. И все такъ и случилось. Я не винилъ отца... Т.-е., я хочу сказать, уже давно пересталъ винить... ни за себя, вообще ни за кого изъ насъ. Но сегодня я это *почувствовалъ*; а это, можешь ты мнѣ повѣрить, совсѣмъ другое... Честное слово, это все во мнѣ спутало... Когда я увидалъ его такимъ... какъ онъ хлопоталъ около тебя... точно что ошеломило меня! И я все время спрашиваю себя: такъ почему же... почему же... Вотъ, вѣдь теперь же это ожило въ насъ, значить — было это въ насъ... Такъ почему же раньше не прорвалось это наружу? въ отца, въ тебѣ... и, ей-Богу, и во мнѣ... Жило же это въ насъ! А онъ... я хочу сказать — отецъ, да и мы... столько лѣтъ душили все это въ себѣ...

Вильгельмъ. Теперь стало мнѣ ясно: человѣкъ не только каждому изъ своихъ ближнихъ показываетъ себя съ какой-то особой стороны, но и на самомъ дѣлѣ для каждаго онъ—иной!..

Робертъ. Почему же должно быть такъ между нами? Почему непременно должны мы всегда отталкивать другъ друга?

Вильгельмъ. Я тебѣ отвѣчу. Нѣтъ въ насъ сердечной доброты! Возьми, напримѣръ, Иду! То, что ты надумалъ умомъ, въ ней живетъ. Она никогда не судить. Все принимаетъ она такъ мягко, съ такимъ состраданіемъ,—все. И это дѣйствуетъ такъ, понимаешь ты,—такъ, что... И это-то, думаю я, и есть...

Робертъ (вставая). Какъ ты себя теперь чувствуешь?..

Вильгельмъ. Такъ свободно...

Робертъ. Э! Къ чему все это!.. Да... Что это я хотѣлъ... сказать?... Да, можетъ-быть, все у васъ и устроится!

Вильгельмъ. Т.-е. что?

Робертъ. Ну, какъ же... ты и Ида... ну, и Ида, разумѣется.

Вильгельмъ. Можетъ-быть... У нихъ у обѣихъ есть сила... и у г-жи Бухнеръ... но главнымъ образомъ у Иды. Я подумалъ, что это могло бы меня спасти... Сначала я противился...

Робертъ (задумчиво). Да, въ нихъ есть... въ нихъ есть сила, и оттого-то... сперва... говоря откровенно... я осуждалъ тебя.

Вильгельмъ. Я это ясно чувствовалъ.

Робертъ. Ты пойми, — я слышалъ о помолвкѣ, затѣмъ увидалъ Иду; бѣгаетъ вверхъ и внизъ по лѣстницѣ и поетъ, такъ радостно... безъ какой-нибудь мысли о...

Вильгельмъ (встаетъ). И я понималъ тебя, я даже признавалъ, что ты правъ, чего же ты хочешь!

Робертъ. Ну, конечно! Вѣдь и я тоже... Вѣдь разъ такъ, то это совсѣмъ другое дѣло... Я долженъ согласиться... какъ говорится... вообще... Ну, теперь чувствуешь себя хорошо?

Вильгельмъ. Совершенно.

Робертъ. Значитъ, сейчасъ пойдешь туда?

Вильгельмъ. Хочу только еще... Ступай пока ты!

Робертъ. Хорошо! (Идетъ, затѣмъ возвращается). Послушай! Не могу иначе, долженъ сказать тебѣ, — все твое поведеніе... съ отцомъ... и... вообще — это заслуживаетъ самаго глубокаго уваженія... Я тоже такъ... обрушился на тебя... со своей проклятой тупостью. А, чертъ бы побралъ! Понимаешь ты, въ первый разъ послѣ столькихъ лѣтъ почувствовалъ я снова какую-то такую непреодолимую потребность... плюнуть самому себѣ въ лицо! Удовлетворенъ ты, а?.. Да, того... сдѣлай мнѣ еще такое одолженіе... если я тебя... вотъ именно... все время причинялъ тебѣ боль, съ тѣхъ поръ, какъ ты здѣсь... Ну, такъ вотъ, — я очень объ этомъ жалѣю! Слышишь!

Вильгельмъ. Братъ! (Они съ чувствомъ жмутъ другъ другу руки).

Робертъ (спокойно вынимаетъ свою руку изъ руки Вильгельма, вытаскиваетъ свою трубку, закуриваетъ, затягивается и говоритъ въ пространство). Акробатскія... души! Пф... цф... Ну, и такъ далѣе. (Поворачивается, чтобы идти. Прежде, чѣмъ открыть дверь въ сосѣдную комнату, говоритъ черезъ плечо Вильгельму). Я сейчасъ... пошлю ее къ тебѣ!

Вильгельмъ. Нѣтъ... оставь... впрочемъ... если ты...

Робертъ (киваетъ утвердительно головой и исчезаетъ за дверью).

Вильгельмъ (облегченно вздыхаетъ. Имъ овладѣваетъ громадная радость изъ-за того, что произошло).

Ида (входитъ изъ сосѣдней комнаты, бросается ему въ объятія). Вилли!

Вильгельмъ. Теперь... теперь... ты... вы обѣ... ваши золотыя души спасли меня. Теперь... иная, новая жизнь!.. Ты не повѣришь, какъ это поднимаетъ меня! Я кажусь себѣ такимъ большимъ!.. О, знаешь... Только теперь вижу я это... Это лежало на мнѣ такимъ гнетомъ... Зато теперь,

теперь и я чувствую въ себѣ силу! Понимаешь, чувствую силу! Ужъ повѣрь мнѣ, теперь я сумѣю! Я покажу ему, на что способенъ никуда негодный! Я докажу отцу. Увидитъ онъ, что есть во мнѣ что-то — есть сила, талантъ, передъ которыми они преклонятся... Самыя упрямыя головы склонятся, чувствую это!.. Только это пригибало меня книзу, повѣрь! А теперь концы пальцевъ такъ и горятъ отъ нетерпѣнія!.. Творить бы теперь, творить!..

Ида. Да, да, правда! Наконецъ-то нашелъ ты опять себя... Любимый мой, я готова кричать отъ восторга... кричать... ликовать... Видишь, какъ я была права: ничто не умерло въ тебѣ! Только дремало! И все проснется, — я всегда говорила тебѣ. Видишь, теперь проснулось...

(Они обнимаются, цѣлуются и идутъ по залу, обнявшись, въ нѣмомъ блаженствѣ).

Вильгельмъ (останавливается, смотреть со счастливымъ изумленіемъ въ глаза невестѣ, затѣмъ скользить дальше взглядомъ по всей комнатѣ и говорить). Точно эти холодныя, какъ ледъ, стѣны наполнила своимъ очарованіемъ весна! (Нѣсколько поцѣлуевъ; прижавшись другъ къ другу, безмолвные отъ счастья, они идутъ дальше):

Ида (тихо поетъ, лукаво намекая на что-то въ прошломъ, какъ будто желая сказать приблизительно слѣдующее: «вотъ видишь, какъ я была права»).

Какъ только липа по веснѣ
Въ Гаагѣ зацвѣтетъ,
Рой грёзъ забытыхъ, какъ во снѣ,
Передо мной встанетъ.

Г-жа Шольцъ (входитъ, замѣчаетъ ихъ обоихъ, хочетъ поскорѣе уйти).

Ида (замѣтивъ ее, обрываетъ пѣсенку и подбѣгаетъ къ г-жѣ Шольцъ). Куда вы, мамочка! Не убѣгайте!

Г-жа Шольцъ. Да вѣтъ, зачѣмъ! Я вамъ мѣшаю. (Вильгельмъ обнимаетъ мать, цѣлуетъ ее и помогаетъ Идѣ втиснуть ее въ комнату).

Г-жа Шольцъ (весело). Какой ты неловкій... Право, вы... Вы разорвете мнѣ...

Вильгельмъ. Ахъ, ну, что тамъ, мама! Вѣдь теперь все это неважно. Мама, ты видишь передъ собою другого человека. (Онъ стоитъ между матерью и невесткою, держитъ обѣихъ за руки). Иди сюда, мамочка моя старенькая!.. Поглядите другъ другу въ глаза!.. Вотъ такъ... Протяните другъ другу руку!..

Г-жа Шольцъ. Ахъ, ты, глупенькій!

Вильгельмъ. Поцѣлуйтеся!

Г-жа Шольцъ (вытирая фартукомъ губы). Ну, какой ты глупый!.. Точно ты долженъ насъ... точно мы и безъ тебя... Правда, Ида? (Онѣ смѣются и пѣлуются).

Вильгельмъ. Теперь—мир!

(Фрибэ идетъ изъ кухни въ сосѣднюю комнату съ дымящеюся миской съ пуншемъ).

Вильгельмъ. Ого!.. Вотъ какъ!.. Что-жъ, Фрибэ, хорошъ пуншъ?

Фрибэ (на ходу). И! Да сколько бы вы меня ни угощали этимъ пойломъ, я бы не взялъ въ ротъ ни глоточка.

Вильгельмъ. Да не можетъ быть, Фрибэ!

Фрибэ. Прежде — пожалуй, а теперь... давно бросилъ... Теперь нью... только... главнымъ образомъ... г...горькую водочку... (Уходитъ).

Ида (поправляетъ Вильгельму галстукъ сютку). Ну, такъ... Вильгельмъ. Спасибо, милая!.. Отецъ веселъ?

Г-жа Шольцъ. Да, говорить, что... Иногда ничего нельзя у него понять.

Вильгельмъ. Опять такъ хорошо бьется у меня сердце.

Г-жа Шольцъ. Если бы только Робертъ не пилъ такъ много.

Вильгельмъ. Ахъ, мать, сегодня... сегодня ужъ все равно! Сегодня...

Ида. Теперь идемъ скорѣе, прежде чѣмъ тебѣ опять...

Вильгельмъ (г-жѣ Шольцъ). Ты идешь съ нами?

Г-жа Шольцъ. Ступайте, ступайте!

(Ида и Вильгельмъ уходятъ въ сосѣднюю комнату).

Г-жа Шольцъ (стоитъ задумавшись, проводитъ рукою по лбу и, охваченная какою-то неожиданною мыслью, подходитъ къ дверямъ сосѣдней комнаты и прислушивается).

Фрибэ (входитъ черезъ ту же дверь. Онъ замѣтно подъ хмелькомъ). Г-жа докторша!

Г-жа Шольцъ. Чтò вамъ?

Фрибэ (таинственно-лукаво). Чудеса, г-жа Шо-ольценъ.

Г-жа Шольцъ (испуганно). Вы слишкомъ много выпили! Вы...

Фрибэ. Я... ужъ... того... подсматривалъ... на всяческіе лады; говорю я... и долженъ вамъ доложить...

Г-жа Шольцъ. Ну, хорошо, хорошо! Только говорите скорѣе, чтò тамъ такое...

Фрибэ. Я... того... думаю только, что...

Г-жа Шольцъ. Ахъ, Фрибэ, да говорите же!..

Фрибэ. Я только думаю, что... не годится это... Въ этой д...должности... много есть такого... о чемъ я долженъ мол-

чать... Я только думаю... Вашъ мужъ... нѣтъ, того, недолго ему жить...

Г-жа Шольцъ. О, Господи Иисусе! Развѣ онъ вамъ... О, Иисусе!.. Развѣ онъ на что-нибудь жаловался? Развѣ онъ боленъ?..

Фрибэ. Да, кое-на-что... Вѣдь я же понимаю!

Г-жа Шольцъ. На что же онъ жалуется?

Фрибэ. Но... я не долженъ бы... говорить...

Г-жа Шольцъ. Чтò же, это серьезно? (Фрибэ утвердительно киваетъ головой). Но неужели же онъ говорилъ о смерти?

Фрибэ. Онъ даже... еще больше... Онъ приготовилъ себѣ такія вещи... только...

Г-жа Шольцъ. Да говорите вы, наконецъ, яснѣе!.. До чего напивается этотъ человѣкъ!..

Фрибэ (сердито). Все я... и садовникъ... и сапоги чищу... и все, чтò угодно... Нѣ...ѣтъ!.. Я не гожусь на всякую должность... Чтò относится къ этой должности... Нѣ...ѣтъ!.. Ну, теперь вамъ... все... ясно... И кончено! (Поворачивается и уходитъ въ кухню).

Г-жа Шольцъ. Онъ съ ума сошелъ.

Ида: (входитъ изъ сосѣдней комнаты черезъ дальнюю дверь и запираетъ ее за собой. Затѣмъ, немного спустя, опять открываетъ и кричитъ въ ту комнату). Подождите, господа! ждите спокойно, терпѣливо!

Вильгельмъ (вбѣгая). Я хочу тебѣ помочь!

Ида. Только больше никого! (Ида и Вильгельмъ зажигаютъ свѣчу).

Г-жа Шольцъ. Вильгельмъ!.. Послушай-ка...

Вильгельмъ (продолжаетъ зажигать свѣчи). Сейчасъ, мамочка!.. Мы сейчасъ кончимъ...

(Свѣчи на елкѣ, люстрѣ и жирандолѣ зажжены. Ида снимаетъ большую скатерть, которой покрыты подарки на столѣ).

Вильгельмъ (подходитъ къ матери).

Ида (кричитъ черезъ дверь въ столовую). Теперь можно.

Г-жа Шольцъ (хочетъ что-то сообщить Вильгельму, но останавливается, видя, что вошелъ д-ръ Шольцъ. За нимъ входятъ Августа, Робертъ и г-жа Бухнеръ).

Д-ръ Шольцъ (лицо его покраснѣло отъ вина. Восклицается съ аффектированнымъ изумленіемъ). Al al!

Г-жа Бухнеръ. Сказочно!

Августа (начинаетъ смѣяться).

Робертъ (обходитъ комнату съ трубкой во рту. Сначала смущень, затѣмъ смѣется все съ большою иронією).

ИДА (подводить Вильгельма, который этимъ весьма смущенъ, къ тому мѣсту, гдѣ лежатъ подарки). Только не подымай меня на смѣхъ, Вилли! (Протягиваетъ ему кошелекъ).

Вильгельмъ. Ну, зачѣмъ это, Ида!.. Я же просилъ тебя...

ИДА. Я какъ-то связала для папы. Въ послѣдній годъ передъ смертью онъ часто носилъ его. Я и подумала...

Вильгельмъ (всѣ смотрятъ на него, и онъ приходитъ отъ нихъ взглядовъ все въ большее замѣшательство). Да, да, конечно... очень благодарю тебя, Ида!

Робертъ. Подарки должны бы быть попрacticalнѣе.

Г-жа Шольцъ (которую г-жа Бухнеръ также подвела къ столу). Ну, къ чему ты это?.. Я же ничего не могу вамъ... у меня нѣтъ для васъ ничего... (Г-жа Бухнеръ подаетъ ей вязаный платокъ). Нѣтъ... нѣтъ... неужели ты... пожалуйста! Ты это связала для меня?.. Скажи... для меня, для старухи? Ахъ, какъ я тебѣ благодарна! (Цѣлуются).

Г-жа Бухнеръ. Ахъ, я... такъ рада, если тебѣ понравилось.

Г-жа Шольцъ. Великолѣпно! Очаровательно! Замѣчательно красиво! Сколько нужно было надъ этимъ работать!..

ИДА. И вамъ я хотѣла бы, г. Робертъ... Только не смѣйтесь надо мной!

РОБЕРТЪ (краснѣя все сильнѣе). Э... къ чему это!

ИДА. Я подумала... Ваша трубка... она скоро будетъ обжигать вамъ кончикъ носа... Ну, я и сжалилась надъ вами и вчера наскоро... (Она показываетъ трубку, которую держала за спиною, и передаетъ ему). Вотъ эта замѣчательная вещь.

(Всѣ очень веселы).

РОБЕРТЪ (не беря у нея трубки). Вы шутите, фрейлейн!

ИДА. Ну, вотъ! Дарю это вамъ совершенно серьезно.

РОБЕРТЪ. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я не вѣрю!

Г-жа Шольцъ (говоритъ тихо, но раздраженно Вильгельму). Робертъ невыносимъ!

ИДА. Ну, право же!

РОБЕРТЪ. Видите ли... къ этой вотъ штукѣ... я такъ привыкъ... Да вѣдь и вы только шутите!

ИДА (глаза у нея полны слезъ. Старается побѣдить свое огорченіе, говорить дрожащимъ голосомъ). Ну, конечно, разъ вы думаете... (Кладетъ трубку назадъ на столъ).

Г-жа Бухнеръ (во время этого разговора нѣсколько разъ негромко подзывала къ себѣ Иду, теперь сама послѣшно подходитъ къ ней). Идочка... развѣ ты забыла?

Ида. Что, мама?

Г-жа Бухнеръ. Да вѣдь ты же знаешь! (Обращаясь къ другимъ) Теперь вы должны еще выслушать...

Ида (обрадовавшись, что можетъ такимъ образомъ скрыть свое волненіе, слѣдуетъ за матерью, которая взяла ее за руку, въ сосѣднюю комнату).

Г-жа Шольцъ (Роберту). Почему ты испортилъ ей радость?

Вильгельмъ (ходитъ взволнованный по комнатѣ, нервно пожывая концы усовъ, и бросаетъ угрожающіе взгляды на Роберта).

Робертъ. Т.-е. какъ, т.-е. чѣмъ? Я совершенно не понимаю, что ты хочешь сказать?

Августа. Ну, очень любезно это, во всякомъ случаѣ, не было!

Робертъ. Оставь меня въ покоѣ! И вообще какое мнѣ до всего этого дѣло?

(Этотъ разговоръ прерывается пѣніемъ и звуками рояля изъ сосѣдней комнаты. Всѣ смотрятъ испуганно другъ на друга).

Голосъ Иды:

О, дѣти! Спѣшите
Вы къ яслямъ скорѣй
Среди вилеемскихъ
Пустынныхъ полей!
Священною ночью
Съ небесныхъ высотъ
Великую радость
Создатель намъ шлетъ... *)

Д-ръ Шольцъ (дѣлавшійся все мрачнѣе отъ поведенія Роберта. При началѣ пѣнія онъ боязливо озирается кругомъ, какъ человѣкъ, который боится, что на него нападутъ, и старается, по возможности незамѣтно, сдѣлать такъ, чтобы было извѣстное разстояніе между нимъ и каждымъ изъ присутствующихъ).

Г-жа Шольцъ (едва началось пѣніе). Ахъ, какъ красиво! (Одно мгновеніе внимательно вслушивается, затѣмъ разражается рыданіями).

Робертъ (медленно двигается. Когда пѣніе началось, лицо его выражаетъ: «Ну, теперь довольно!». Идетъ дальше, иронически усмѣхается и нѣсколько разъ качаетъ головой. Проходя мимо, говорить что-то вполголоса Августѣ).

Августа (все болѣе растроганная, громко вскрикиваетъ).

Вильгельмъ (До сихъ поръ стоялъ, опершись о столъ, во власти противоположныхъ чувствъ, и нервно барабанилъ пальцами по крышкѣ стола; теперь лицо его заливается краскою негодованія).

Робертъ (подъ конецъ пѣнія, повидимому, испытываетъ отъ звуковъ физическое страданіе. Невозможность высвободиться изъ-подъ ихъ впечатлѣнія, повидимому, терзаетъ его и все больше наполняетъ

*) Стихотворный переводъ сдѣланъ для настоящаго изданія *Б. П. Николовымъ*.

горечью. Сейчас же послѣ того какъ кончилась строфа, у него произвольно вырываются, точно обрывокъ какого-то внутренняго монолога, слова: «Дѣтская комедія». Онъ говоритъ ихъ зло, презрительнымъ тономъ).

(Всѣ, и докторъ въ томъ числѣ, разслышали эти слова и въ ужасѣ смотрятъ на Роберта).

Г-жа Шольцъ. } Робертъ!
Августа. }

Д-ръ Шольцъ (подавляетъ въ себѣ приступъ раздраженія).

Вильгельмъ (блѣдный отъ ярости, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Роберту).

Г-жа Шольцъ (бросается къ нему, обнимаетъ). Вильгельмъ! Если ты меня любишь!..

Вильгельмъ. Хорошо, мама. (Онъ ходитъ возбужденный по комнатѣ, стараясь пересилить себя. Въ этотъ моментъ начинается вторая строфа. Едва касаются его слуха первые звуки, складывается въ немъ какое-то рѣшеніе, и онъ идетъ, подъ его вліяніемъ, къ дверямъ въ сосѣдную комнату).

На снѣгъ лежитъ Онъ
Подъ кровомъ глухимъ,
Іосифъ съ Маріей
Любуются Имъ...
Съ мольбой преклонился
Трудящійся людъ,
И ангелы въ небѣ,
Ликую, поютъ.

Г-жа Шольцъ (становится ему на дорогѣ). Вильгельмъ!.. Чтò ты дѣлаешь!

Вильгельмъ (вспыливъ). Пусть онѣ перестануть пѣть!

Августа. Ты съ ума сошелъ!

Вильгельмъ. Оставьте меня! Говорю вамъ, пусть онѣ перестанутъ!

Г-жа Шольцъ. Ну, послушай... Ты въ самомъ дѣлѣ... Хорошо же, но, въ такомъ случаѣ, ты сегодня вечеромъ меня уже не увидишь.

Робертъ. Оставь, мать! Не мѣшай ему! Это его частное дѣло.

Вильгельмъ. Не заходи такъ далеко! Совѣтую тебѣ! Ты прежде, разыгравъ передо мною трогательную сцену,—и оттого ты только отвратительнѣе.

Робертъ. Совершенно правильно: трогательную сцену... Самъ того же мнѣнія...

Вильгельмъ (снова хочетъ идти въ сосѣдную комнату).

Г-жа Шольцъ (ударивъ его), О, Господи, Господи, Господи! Зачѣмъ ты хочешь, мальчикъ, ее...

(Кончается вторая строфа).

Вильгельмъ. Потому что всё вы недостойны ея.

Робертъ (подступая вилотную къ Вильгельму, смотря ему въ глаза деркаимъ, многоговорящимъ взглядомъ). Что-жъ, ты, можеть-быть, достойнъ?

Г-жа Шольцъ. О, Исусо! Не надо! Опять вы Богъ знаетъ до чего дойдете...

И радостно дѣти
Свѣшать въ Божій домъ
И съ медомъ, и съ масломъ,
И съ теплымъ млекомъ.
И пурпурно-алыхъ
Приносятъ плодовъ,
И бѣлаго агнца
Въ вѣнкі изъ цвѣтовъ...

Вильгельмъ. Пусть онѣ перестанутъ!

Г-жа Шольцъ (опять удерживая его). Мальчикъ!

Вильгельмъ. Прямо... слишкомъ унизительно! Это—кошунетво. Мы совершаемъ преступленіе относительно этихъ людей, если мы... я... Клянусь честью, я краснѣю отъ стыда за всѣхъ васъ!..

Августа (задѣтай). Ну, въ концѣ концовъ не такъ ужъ мы особенно скверны, не такъ пресрѣчны...

Вильгельмъ. Августа!.. Мнѣ такъ отвратительно!..

Августа. Ну что-жъ! Да, да, теперь вотъ вдругъ ска-тилась куда-то въ самый низъ. Теперь можно послать сестру ко всѣмъ чертямъ. И то гадко, и это скверно. Но фрейлейнъ Ида...

Вильгельмъ (внѣ себя, перебивая ея). Не смѣй произно-сить это имя!

Августа. Ахъ, вотъ какъ! Я объ Идѣ, конечно...

Вильгельмъ. Оставь ее, говорю тебѣ!

Августа. Ты, должно-быть, съ ума сошелъ? И все-таки я... Вѣдь и она тоже—не какой-то ангелъ небесный...

Вильгельмъ (кричить). Молчи, говорю я тебѣ!

Августа (поворачивается къ нему спиной). Ахъ, да что тамъ, просто—ты влюбленъ.

Вильгельмъ (грубо схвативъ Августу за плечо). Слушай, ты! Я...

Робертъ (схватываетъ Вильгельма за руку, говоритъ холодно, отчеканивая каждое слово). Вильгельмъ!.. Опять... ты... соби-раешься?..

Вильгельмъ. О, дьяволъ!

Августа. Это говоришь ты?.. Фу! Ты?! Ты, поднявший руку на родного отца.

Д-ръ Шольцъ (гнѣвнымъ голосомъ, рѣзко-повелительнымъ тономъ). Августа! Уйди! Сю секунду!

Августа. Но... я хотѣла бы знать...

Д-ръ Шольцъ. Ты уйдешь сію же секунду!

Г-жа Шольцъ. О, Боже милосердый, почему не возьмешь ты меня къ Себѣ! (Со слезами) Августа, слынишь! Повинуйся отцу!

Робертъ. Э... маты!. Я бы очень осудилъ ее за это. Вѣдь она уже не дѣвочка. Теперь, ей-Богу, уже совсѣмъ не тѣ времена, чтобы...

Д-ръ Шольцъ. Но я-то—все тотъ же! Я хозяинъ въ домѣ. Я докажу вамъ это!

Робертъ. Смѣшно!

Д-ръ Шольцъ (кричитъ). Раз...бойники и... убій...цы!. Я лишаю васъ наслѣдства! Я вышвырну васъ на улицу!

Робертъ. Это просто смѣшно..

Д-ръ Шольцъ (побѣждаетъ въ себѣ вспышку страшнаго гнѣва и говоритъ съ наводящимъ ужасъ спокойствіемъ и твердостью). Ты или я, одинъ изъ насъ оставитъ этотъ домъ... сейчасъ же.

Робертъ. Конечно, я... съ великой радостью.

Г-жа Шольцъ (полуприказывая, полупрося). Робертъ, ты останешься!

Д-ръ Шольцъ. Онъ уйдетъ.

Г-жа Шольцъ. Фрицъ! Послушай, что я скажу! Онъ одинъ... за долгіе одинокіе годы не забывалъ онъ насъ... онъ...

Д-ръ Шольцъ. Онъ или я!..

Г-жа Шольцъ. Уступи, Фрицъ, сдѣлай это ради меня!

Д-ръ Шольцъ. Оставь меня! Онъ или я!

Г-жа Шольцъ. Ахъ... Вѣдь вы можете даже не встрѣчаться... можно все такъ устроить... Но...

Д-ръ Шольцъ. Хорошо. Я уступаю... Уступаю тебѣ и твоей шайкѣ... Ты и твоя шайка—вы всегда побѣждали!

Вильгельмъ. Останься, папа! А если ты уйдешь, позволю и мнѣ на этотъ разъ уйти вмѣстѣ съ тобою.

Д-ръ Шольцъ (невольно отодвигаясь отъ него въ гнѣвѣ и ужасѣ). Оставь ты меня въ покоѣ... негодяй! (Ничего не сознавая, ищетъ свои вещи). Бандиты и тунеядцы!.. Негодяй!

Вильгельмъ (вспыхнувъ). Отецъ!.. Такъ пазываешь ты насъ... да вѣдь это ты же насъ... Ахъ, нѣтъ, папа, нѣтъ, вовсе не то хочу я сказать! Позволь мнѣ уйти съ тобою, я хочу быть подлѣ тебя, позволю мнѣ исправить все, что я... (Положилъ руку на плечо отца).

Д-ръ Шольцъ (отступая, точно разбитый испугомъ и отвра-

щеніемъ). Оставь! Говорю тебѣ... Всѣ козни преслѣдователей, можетъ-быть, будутъ... навѣрное будутъ посрамлены! Неужели вотъ эти люди... эти сильные... И неужели эти сильные люди... мужчины?.. Человѣкъ, на которомъ, какъ на мѣѣ, есть вина, но во всемъ остальномъ исполнѣ... и... насквозь... и, однимъ словомъ...

Вильгельмъ. Отецъ! Отецъ! Папа! Приди въ себя, приди же въ себя!

Д-ръ Шольцъ (качаясь въ тактъ словамъ, вполголоса) И, однимъ словомъ... и исполнѣ...

Вильгельмъ (обнимая его, съ инстинктивнымъ желаніемъ утишать его порывъ). Приди въ себя! Возьми себя въ руки!

Д-ръ Шольцъ (защищаясь, какъ дитя). Ахъ, не бей меня! Не наказывай меня!..

Вильгельмъ. Но, ради Бога...

Д-ръ Шольцъ. Не бей!.. Не бей... опять... (Дѣлаетъ мучительное усиліе высвободиться изъ объятій Вильгельма).

Вильгельмъ. Пусть отсохнетъ моя рука... Папочка, не думай... Папочка, повѣрь...

Д-ръ Шольцъ (высвободился и бѣжитъ, крича о помощи. Вильгельмъ за нимъ).

Вильгельмъ. Ты ударь меня! Ударь ты!

Д-ръ Шольцъ Сюда, сюда, сюда!.. Помогите!..

(Ида въ дверяхъ сосѣдней комнаты, смертельно блѣдная).

Вильгельмъ (настигаетъ отца и снова обнимаетъ его). Ударь ты меня!

Д-ръ Шольцъ (падаетъ подъ объятіями Вильгельма на стулъ). Я... а... ахъ!.. А... ахъ!.. Я... кажется... я... конецъ мой... смерть...

Вильгельмъ. Отецъ!

(Г-жа Шольцъ и Августа въ отчаяніи бросаются другъ другу въ объятія. Робертъ, смертельно блѣдный, не тронулся съ мѣста. Лицо его выражаетъ непоколебимую твердость).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Въ залѣ—полумракъ. Свѣчи погасли, кромѣ немногихъ въ люстрѣ и одной на столѣ. У стола, ближе къ печкѣ, спиною къ сосѣдней комнатѣ, сидитъ Вильгельмъ, опершись на локти, ушедшій въ мрачныя, безпросвѣтныя думы. Изъ сосѣдней комнаты одновременно входятъ Робертъ и г-жа Шольцъ.

Г-жа Шольцъ (изнемогающая, подавленнымъ голосомъ). Нѣтъ,

мальчикъ!.. Не затѣвай исторіи! Теперь... ужъ не знаешь, куда и дѣваться... Если и тяжело, ну, что же дѣлать.

Робертъ. Но вѣдь ты не одна, мать!

Г-жа Шольцъ. Только скажи ты мнѣ!.. Не можетъ же это быть, чтобы ты серьезно! Вѣдь безуміе это! Ну, куда ты сейчасъ пойдешь, ночью?

Робертъ. Ну, это-то пустяки! Поѣздовъ сколько угодно, — а отсюда я долженъ ѡбжать! На этотъ разъ я дѣйствительно ужъ не могу больше выдержать, — да вообще... для всѣхъ насъ это будетъ самое лучшее!

Г-жа Шольцъ (слезливо). Въ послѣдніе годы было все время такъ хорошо. Я же говорила, — надо было опять прѣхать этимъ!.. Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь Бухнеры, опять всё перепуталось, все.

Робертъ. Будь рада, мать, что онѣ подлѣ тебя!

Г-жа Шольцъ. Э, все это я отлично могла бы и сама сдѣлать.

Робертъ. Я думаю, онѣ... отецъ... не потерпятъ никого изъ насъ около себя?!

Г-жа Шольцъ (плача). Точно я ему сдѣлала что-нибудь дурное... А вѣдь я... навѣрное... всегда... была такая... Я всегда дѣлала, что только могла... Будь справедливъ, Робертъ!.. Я готовила ему его любимыя кушанья... и теплые чулки были у него...

Робертъ. Ахъ, оставь это, мать!.. Чему помогутъ эти безконечныя причитанія?!

Г-жа Шольцъ. Да, это ты говоришь.. Хорошо тебѣ говорить!.. А когда всю жизнь бьешься... ломаешь голову, какъ бы это все сдѣлать получше... и вдругъ приходятъ какіе-то чужіе люди, и имъ оказывается предпочтеніе...

Робертъ. Ида все еще около него?

Г-жа Шольцъ. Совершенно чужой человѣкъ... Ахъ!.. лучше бы мнѣ умереть... И этотъ негодяй!.. Этотъ Фрибэ!.. Что только онъ раздѣлываетъ!.. Но Густа ему показала!.. Августа выложила ему всю правду!.. Этотъ мужикъ смѣетъ... Онъ прямо выгналъ се изъ комнаты. Дѣвочка была вѣдь себя... Вѣдь это же его дочь... Нѣтъ... знаете, дѣти... никому не пожелала бы я того, что перенесла я въ своей жизни.

Робертъ (невольно, съ легкимъ вздохомъ). И отецъ также.

Г-жа Шольцъ. Что?

Робертъ. Ничего. Я только сказалъ: и отецъ тоже.

Г-жа Шольцъ. Что—тоже?

Робертъ. Ну, и отецъ тоже немало перенесъ.

Г-жа Шольцъ. Только ужъ, навѣрное, не изъ-за меня. На меня онъ не очень-то обращалъ вниманіе, и я-то ужъ навѣрное ничего не требовала.

Робертъ (скептически). Ну-у...

Г-жа Шольцъ. Вотъ подожди, когда я буду лежать въ гробу, тогда вы поймете...

Робертъ. Ахъ, мать, перестаны!.. Я слышалъ это ужъ сотню разъ.

Г-жа Шольцъ. Хорошо, пускай! Вы еще увидите... и замѣтъ... очень скоро.

Робертъ. Ахъ, мать, да я же вовсе и не спорю, что тебѣ пришлось много вытерпѣть... отъ отца... Вы оба страдали... Я, право, не понимаю, зачѣмъ ты мнѣ это...

Г-жа Шольцъ. Глупыя слова!.. Чего же такого ему не хватало, хотѣла бы я знать?

Робертъ (рѣшительно). Если ты непремѣнно хочешь знать,—изволь: чтобы его понимали!

Г-жа Шольцъ. Что-жъ, какая есть, я не могу себя сдѣлать умнѣе.

Робертъ. Да никто этого и не требовалъ. Вообще... вообще глупо опять такъ много говорить объ этомъ.

Г-жа Шольцъ. Ну вотъ, ну вотъ... (Со слезами) Въ концѣ концовъ оказывается, что это я виновата, что онъ заболѣлъ, что...

Робертъ. Да-я вовсе и не говорилъ этого.

Г-жа Шольцъ. Пѣтъ, это именно ты и сказалъ.

Робертъ. Ахъ, мать!.. Лучше я уйду... я... право, мать, не въ силахъ я больше...

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ!.. Хотѣла бы я знать... въ чемъ я должна упрекать себя... Моя совѣсть чиста.

Робертъ. Ну, и оставайся съ нею! Пожалуйста! Прощу тебя,—довольно!

Г-жа Шольцъ. Ты, можетъ-быть, имѣешь въ виду исторію съ деньгами?

Робертъ. Да не имѣю я въ виду никакой исторіи!

Г-жа Шольцъ. Мои родители заработали ихъ тяжелымъ трудомъ... Какая женщина допустила бы это? Твой отецъ бросилъ ихъ за окно.

Робертъ. Но вѣдь это твой дядя обманулъ тебя.

Г-жа Шольцъ. Этого никто не могъ знать.

Робертъ. И именно отецъ опять вернулъ эти деньги!

Г-жа Шольцъ. Но вѣдь онъ такъ же легко могъ бы и потерять все.

(Робертъ горько смѣется).

Г-жа Шольцъ. Конечно, я—человѣкъ простой... отецъ былъ для меня слишкомъ важный... Въ его матери тоже было что-то важное. А мой отецъ былъ раньше совсѣмъ бѣдный... И во мнѣ течетъ кровь бѣдности! Я не могу себя передѣлать. Ну что-жъ,—на годъ - другой еще хватить, а потомъ милосердый Богъ въ-время избавить меня.

Робертъ. Лучше бы отъ Бога избавиться!

Г-жа Шольцъ. Фу! Только негодяй можетъ говорить такъ. Ахъ!.. избавиться отъ Бога... тогда лучше возьму я иглу и воткну себѣ... сюда... въ сердце... подъ ребра. Какъ это отвратительно—избавиться отъ Бога! Чтѣ бы случилось со мною, если бы не было у меня моего Господа!.. Чтѣ же, Робертъ, ты серьезно хочешь уйти?

Робертъ (уже на дѣстицѣ). Ахъ, молчи ужъ, мать! Покой нуженъ мнѣ... покой. (Уходитъ).

Г-жа Шольцъ. Ну, конечно!.. Ну, конечно!.. Какъ тяжело отъ васъ жить! (Обращаясь къ Вильгельму, который по-прежнему сидитъ у стола, безучастный къ происходящему) Штъ, ты представи себѣ только: Робертъ хочетъ уйти!

Вильгельмъ. Ну такъ что-жъ!

Г-жа Шольцъ. Да скажи ты мнѣ,—чего ты все сидишь такъ? Вѣдь ничему этимъ не поможешь! Будь же благодарумпъ!

Вильгельмъ (глубоко вздыхаетъ). Ахъ, да!

Г-жа Шольцъ. Чтѣ пользы отъ того, чтобы вздыхать! Погляди на меня!.. Я—старуха... Если бы я захотѣла засѣсть на одномъ мѣстѣ, вотъ какъ ты... Чтѣ случилось—случилось... Ужъ не передѣлаешь этого. Послушай! Ну, почитай что-нибудь!.. Встань, возьми книгу, разсѣйся немного!

Вильгельмъ (со вздохомъ). Ахъ, мать!.. Оставь ты меня! Я же никому не мѣшаю!.. Вернулся Фрибэ отъ врача?..

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ. еще. Я же говорю, когда нуженъ врачъ, ужъ навѣрно ни одного не найдешь.

Вильгельмъ. Это опасно, а? Или можетъ стать опаснымъ?

Г-жа Шольцъ. Господи, кто же можетъ это знать!

Вильгельмъ (смотреть на мать, затѣмъ вдругъ всхлипываетъ, опустивъ голову на руки).

Г-жа Шольцъ. Да, да, мой мальчикъ... Кто бы могъ подумать?.. Я не хочу сказать, я никого не хочу винить...

но сегодня вамъ бы не надо было опять ссориться... Ну, будемъ надѣяться на лучшее... По крайней мѣрѣ, онъ пересталъ бредить... Только бы вотъ Ида чего-нибудь не спутала!.. Каждый изъ насъ во сто разъ опытиѣе... Почему же вотъ къ Идѣ онъ относится дружелюбно?.. Вѣдь я тоже не кусаюсь!.. Конечно, Ида очень славная дѣвочка, это правда... Ну, чего ты!.. (Похлопывая его по головѣ) Ты можешь возблагодарить Господа... Нескоро найдешь ты такую, какъ Ида... (Осторожно, дружелюбно) Скажи-ка мнѣ... что Бухнеры... хорошее у нихъ положеніе?..

Вильгельмъ (всплывъ). Ахъ, оставь ты меня въ покое!.. Почему я знаю!.. Что мнѣ за дѣло до этого?

Г-жа Шольцъ. Ну, чего ты оиить?! Неужели нельзя и спросить?.. Ахъ, ты, брюзга!

Вильгельмъ. Ахъ, мама... пощади ты меня!.. Если есть въ тебѣ хоть тѣнь состраданія ко мнѣ,—оставь меня!.. Не беспокойся обо мнѣ... оставь...

Г-жа Шольцъ. Ну, еще бы, конечно!.. Я всегда стою вамъ поперекъ дороги... Такая старуха,—она только на то и годится, чтобы вытолкать ее вонъ.

(Изъ сосѣдней комнаты быстро выходятъ Августа и г-жа Бухнеръ).

Августа. Мать!

Г-жа Шольцъ. О, Господи! Что такое?

Августа. Фрибэ сейчасъ вернулся.

Г-жа Бухнеръ. Фрибэ не привезъ съ собою врача.

Августа. Отецъ спросилъ его, и онъ сказалъ...

Г-жа Бухнеръ. Онъ не желаетъ никакого врача!

Августа. Онъ такъ ужасно ругается... хочетъ вышвырнуть его вонъ.

Г-жа Бухнеръ. Фрибэ не хочетъ идти еще разъ.

Августа. Поговори ты опять съ Фрибэ!

Г-жа Бухнеръ. Да, поговори ты съ нимъ! Вѣдь страшно необходимо, чтобы...

Августа. Врачъ долженъ придти... А то я сама побѣгу за нимъ. Я не боюсь, хотя бы пришлось бѣжать до Фридрихсагена.

Г-жа Шольцъ. Ну да. Еще бы! Сейчасъ, ночью... Постои, постои... я сдѣлаю! (Г-жа Шольцъ, г-жа Бухнеръ и Августа быстро уходятъ назадъ въ сосѣдную комнату).

Г-жа Бухнеръ (сейчасъ же возвращается. Еще прежде, чѣмъ уйти, она укладкою, съ тоскою нѣсколько разъ взглядывала на Вильгельма. Вильгельмъ все еще остается на своемъ мѣстѣ, безмолвный и мрачный. Оглядѣвъ компату, г-жа Бухнеръ убѣдилась, что нѣтъ ни-

кто, кроме нея и Вильгельма. Сначала быстро, затѣмъ все болѣе колеблясь, подходитъ она къ Вильгельму).

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (замѣтивъ ея приближеніе, поднимаетъ голову). Чего вы хо... хотите? Я же... я вамъ... уже раньше все сказалъ.

Г-жа Бухнеръ. Но я не хотѣла вамъ вѣрить... Я не могла себѣ представить...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. А теперь... вѣрите?!

Г-жа Бухнеръ. Я... не... знаю...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Зачѣмъ вы меня обманываете?.. Скажите же... спокойно—да. Вѣдь было же... было до смѣшного очевидно... что должно это случиться... Какъ я могъ позволить такъ ослѣпить себя!..

Г-жа Бухнеръ (лихорадочно). Вильгельмъ! Сегодня, какъ и прежде, я считаю васъ хорошимъ, благороднымъ человекомъ. Увѣряю васъ, ни на мгновеніе не усомнилась я въ васъ. И теперь, когда стало мнѣ вдругъ такъ страшно, такъ жутко...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (встаетъ, глубоко вбираетъ въ себя воздухъ, точно сдавило ему грудь). Я только... вѣдь я уже давно зналъ, и все-таки...

Г-жа Бухнеръ. Я обращаюсь къ вамъ, Вильгельмъ! Я откровенно говорю вамъ... Вдругъ такъ охватило меня... Вдругъ такъ страшно мнѣ стало за Иду.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Долженъ согласиться... только именно теперь...

Г-жа Бухнеръ. Я знаю, вы любите это дитя. Никто не могъ бы любить ее сильнѣе!.. Я знаю, вы напряжете все свои силы, чтобы сдѣлать мою дочь счастливою. Недостатка въ желаніи у васъ не будетъ... но теперь... теперь я столько видѣла здѣсь и... узнала. И только теперь стало мнѣ понятно многое... многое изъ того, о чемъ вы мнѣ раньше говорили... Я не понимала васъ... Я считала васъ мнительнымъ, пессимистомъ. Многого не принимала въ серьезъ. Съ твердою, радостною вѣрою пріѣхала я сюда... Мнѣ просто стыдно... на что считала я себя способной!.. Я—слабый, простой человекъ—хотѣла направлять такіа натуры!.. И вотъ все рушится! Сразу почувствовала я, какая лежитъ на мнѣ страшная отвѣтственность,—я отвѣчаю за мое дитя, за мою Иду. Говорите же, Вильгельмъ! Скажите мнѣ, что все будетъ еще хорошо! Скажите мнѣ: мы еще будемъ счастливы!.. Вы и Ида! Докажите мнѣ, Вильгельмъ, что напрасно я тревожусь, напрасно я боюсь!..

Вильгельмъ. Зачѣмъ... вы допустили... чтобы это зашло такъ далеко?.. Я столько разъ предостерегалъ васъ, предостерегалъ. Чтò я вамъ говорилъ? Я говорилъ: всѣ мы... братья, сестра... неизлѣчимо-больные... больше всего я... Что мы волочимъ за собою... Не связывайте своей дочери съ калѣкой... Я говорилъ вамъ... Почему вы не хотѣли мнѣ повѣрить?

Г-жа Бухнеръ. Не знаю, сама не знаю.

Вильгельмъ. И вотъ вы меня усыпили... заставили мою совѣсть задремать... и теперь... я точно обезумѣлъ отъ счастья... Я пережилъ эти минуты... и еще другія... вынесъ самую страшную борьбу въ моей жизни... и теперь вы хотите... Хорошо, посмотримъ... можетъ-быть, да, можетъ-быть...

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ, я такъ уважаю васъ!.. Я знаю, въ концѣ концовъ вы принесете всякую жертву... Но Ида... Если для нея уже слишкомъ это поздно... если это погубить ее!..

Вильгельмъ. Такъ зачѣмъ же вы не хотѣли повѣрить мнѣ? Вы не знаете... Чего мнѣ это теперь стоить... Ступенька за ступенькой поднимался я, о, съ такими усилиями!.. Этотъ домъ остался далеко позади меня... Я былъ почти спасенъ... Теперь это опять захватило меня въ свои лапы... Почему вы допустили, чтобы зашло такъ далеко? Почему...

Г-жа Бухнеръ (сквозь слезы). Не знаю! Сама не знаю! Я воспитала свою дочь. Она была для меня всѣмъ, всѣмъ; единственнымъ моимъ призваніемъ въ жизни стало—работать для ея счастья. И вотъ... появились вы въ нашъ домъ... я... полюбила васъ... я думала и о вашемъ счастьѣ, я... можетъ-быть, не слѣдовало мнѣ это дѣлать... можетъ-быть, я такъ же сильно думала и о вашемъ счастьѣ... и... кто знаетъ?.. Въ сущности... больше всего... о... *вашемъ* счастьѣ. (Одно мгновенье смотря другъ другу смущенно въ глаза).

Вильгельмъ. Г-жа Бухнеръ!

Г-жа Бухнеръ (закрываетъ лицо руками, какъ человекъ, которому стыдно. Въ слезахъ уходитъ по лѣстницѣ).

Вильгельмъ (дѣлаетъ механически нѣсколько шаговъ слѣдомъ за нею, останавливается; старается побѣдить свое волненіе, затѣмъ, зарывае, прислоняется къ стѣнѣ).

Ида (лицо ея блѣдно, серьезно и озабоченно. Тихо подходит къ Вильгельму, обнимаетъ его и прижимается лицомъ къ его лицу). Ахъ, Вилли! Посмотри... Приходятъ темные дни... и про-

хоть... вѣдь правда, Вилли?.. и снова приходятъ дни свѣтлыя. Такъ зачѣмъ же такъ... такъ терять всякую бодрость.

Вильгельмъ (страстно лепечеть). Ида!.. Единственная! обожаемая!.. Нѣжная... какъ же я теперь... какъ же мнѣ теперь жить безъ тебя?.. Твой голосъ, твои слова, все твое нѣжное, дивное существо, твои руки... твои милыя вѣрныя руки!..

Ида. И ты думаешь, что я... Ты думаешь, что я могла бы жить безъ тебя? О, нѣтъ, нѣтъ!.. Мы обнимемся... и уже не отпустимъ другъ друга... будемъ крѣпко, крѣпко... И пока будемъ такъ...

Вильгельмъ. Да, да!.. Но.., если бы случилось иначе?

Ида. Ахъ, не говори такъ!

Вильгельмъ. Я только думаю... Никогда вѣдь ничего нельзя знать... одинъ изъ насъ можетъ умереть...

Ида. Ахъ, мы вѣдь молоды.

Вильгельмъ. Все-таки... когда-нибудь это же случится... До старости я все равно не доживу.

Ида (горячо). Тогда я обниму тебя.. прижмусь къ тебѣ... и уйду... вмѣстѣ съ тобою.

Вильгельмъ. Ида!.. Такъ только говорится... Этого ты не сдѣлаешь.

Ида. Сдѣлаю!

Вильгельмъ. Ты это теперь такъ думаешь... ты не знаешь, какъ скоро забываютъ.

Ида. Я бы не могла дышать безъ тебя!

Вильгельмъ. Это такъ только кажется...

Ида. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Вильгельмъ!

Вильгельмъ. Такъ любить... было бы... даже бессмысленно. Нельзя же все ставить на одну карту.

Ида. Я не вполнѣ... понимаю тебя.

Вильгельмъ. Такъ только... я... видишь ли... (Угрюмо) Перестанемъ лучше!.. Невеселая это тема!.. Чтò отецъ?

Ида. Онъ теперь спитъ... но... чтò такое съ тобою?

Вильгельмъ (ходитъ по комнатѣ). Случается такъ... не знаешь, какъ. (Вдругъ заскрежеставъ) Бываютъ моменты, говорю я тебѣ... когда нападаетъ безумное отчаяніе... Въ такія мгновенія могу себѣ представить... въ такія мгновенія доходятъ люди до того, что бросаются... внизъ головой... на мостовую... съ пятого этажа... Отъ такого зрѣлища можно, право, придти въ восторгъ!

Ида. Избави Боже! Ты долженъ, Вилли, гнать отъ себя такія картины!

Вильгельмъ. Почему же, хотѣлъ бы я знать? Почему такіе молодцы, какъ я, должны болтаться между небомъ и землею?.. Никчемныя твари!.. Забраковать себя самого... это все-таки было бы хоть что-нибудь... все-таки сдѣлалъ бы хоть одинъ разъ что-то полезное.

Ида. Въ сущности, чему-жъ тутъ удивляться: ты истерзался, ты усталъ.

Вильгельмъ (рѣзкимъ препебржительнымъ тономъ). Оставь мѣся, этого ты не понимаешь! (Испугавшись собственныхъ словъ, мѣняется тономъ). Ты не должна на меня сердиться за это... Лучше уйди теперь! Я не хотѣлъ бы оскорбить тебя. А въ такомъ настроеніи, какъ сейчасъ... не могу я ручаться за себя.

Ида (молча цѣлуетъ Вильгельма въ губы и уходитъ въ сосѣднюю комнату).

Вильгельмъ (смотреть ей вслѣдъ, останавливается. Лицо его полно страха и изумленія. Прижимаетъ руку ко лбу, точно человекъ, который поймалъ себя въ чемъ-то дурномъ. Въ это время Робертъ спускается съ лѣстницы).

Робертъ (шляпа въ правой рукѣ, черезъ руку перекинуты пальто и пледъ, въ лѣвой рукѣ ремни для пледа. Подходить къ столу и кладетъ на него вещи).

Вильгельмъ (замѣчаетъ его и, поглядывая на него, говорить). Ты куда?

Робертъ. Ухожу.

Вильгельмъ. Теперь?

Робертъ. Почему же нѣтъ? (Расправляетъ пледъ). Довольно съ меня... слишкомъ довольно. Теперь матери придется рождественскіе дни... проводить безъ меня. (Взглянувъ на печку) Холодно здѣсь.

Вильгельмъ. На улицѣ морозъ.

Робертъ (свертывая пледъ). Такъ! А въ десять часовъ таяло.

Вильгельмъ. Погода переимѣнилась.

Робертъ. Какъ теперь спускаться съ горы? Такъ сколько.

Вильгельмъ. Луна свѣтитъ!

Робертъ. А все-таки...

Вильгельмъ. Онъ больше не бредитъ?

Робертъ. Да, да.

Вильгельмъ. Онъ не хочетъ врача.

Робертъ. Да, да.

Вильгельмъ. Все это случилось такъ везучо.

Робертъ. Гм!.. Да, да.

Вильгельмъ. Должно-быть, болѣзнь уже таилась въ немъ.

Робертъ. Конечно... иначе онъ бы, навѣрное, не вернулся домой.

Вильгельмъ. Боюсь, чѣмъ все это кончится?!

Робертъ. Что-жъ дѣлать.

Вильгельмъ. Честное слово... не знаю, какъ мнѣ быть, если онъ умретъ... У меня теперь такое чувство!.. Послѣ того, какъ я все это узналъ... Пржеде я не зналъ... А теперь—раскаяніе, угрызения совѣсти... Какъ же быть со всѣмъ этимъ?!

Робертъ. Старикъ немножко другой. Правда... не очень онъ соотвѣтствовалъ нашему представленію о немъ. Конечно! Но въ существѣ—это все-таки ничего не мѣняетъ.

Вильгельмъ. Говорю тебѣ... говорю со всею серьезностью... Съ радостью отказался бы я сейчасъ отъ всего жалкаго остатка моей жизни, если бы могъ этимъ помочь ему.

Робертъ (надѣвая пальто). Безмысленно это... На мой взглядъ... Вотъ посмотри, пойду я теперь въ крохотную не-топленную контору... сяду спиною къ печкѣ... скрещу ноги подъ столомъ... закурю эту... самую трубку и буду писать, вѣроятно—очень спокойно, такія... ну, ты знаешь, такія шутки... рекламныя шутки: путешественникъ по Азіи... изнемогаетъ отъ жажды... Ну, тутъ я обыкновенно выпускаю караванъ, который везетъ наши товары... Мой шефъ очень доволенъ... Шутка гуляетъ по отдѣлу объявленій во всевозможныхъ газетахъ. Но что самое главное: когда я тамъ такъ сижу и цѣлый день слышу, какъ ныть подо мною газъ... я бросаю время отъ времени взглядъ во дворъ... такой... фабричный дворъ—это нѣчто поразительное!.. Что-то романтическое, увѣряю тебя!.. Однимъ словомъ, тогда нѣтъ мнѣ ни до чего никакого дѣла.

Вильгельмъ. Нѣтъ, я предпочелъ бы умереть.

Робертъ. Вопросъ вкуса! А вотъ для меня это—прямо идеальный уголокъ. Такъ стоитъ ли то и дѣло выходить изъ равновѣсія, стоять ли сумаспешествовать? И такъ вотъ понадобится дня два-три, чтобы разобраться въ своей маленькой житейской мудрости.

Вильгельмъ. Говори, что тебѣ угодно: я называю это трусостью.

Робертъ. Ну, и такъ далѣе, зови хоть такъ. Рано или поздно ты все равно придешь къ моей точкѣ зрѣнія. Отецъ

тоже подь конецъ пришелъ къ этой точкѣ зрѣнія. Ты и отецъ, вы такъ похожи другъ на друга, можно спутать васъ. Вы оба—такіе же идеалисты. Въ 48 году отецъ де-бютировалъ на баррикадахъ, а кончаетъ, какъ одинокій ипохондрикъ... Нужно во-время привыкнуть къ міру и къ себѣ самому, понимаешь ты,—прежде, чѣмъ обломають тебѣ рога.

Вильгельмъ. Или же надо поработать надъ собою, чтобы стать другимъ.

Робертъ. Ну нѣтъ! Я такой, какой есть. Я имѣю право быть такимъ, какой есть.

Вильгельмъ. Тогда открыто требуй своего права!

Робертъ. Нѣтъ, остерегусь, потому что хочу дойти до своего права. Вѣдь филистеры морали теперь въ большин-ствѣ... А впрочемъ, мнѣ пора отправляться... Итакъ, если позволишь, вотъ тебѣ мой совѣтъ: берегись такъ-называе-мыхъ добрыхъ намѣреній!

Вильгельмъ (холодно). Чтò ты хочешь сказать?

Робертъ. Очень просто: не нужно желать дѣлать того, чего не можешь дѣлать по всему складу своей натуры.

Вильгельмъ. Папримѣрь?

Робертъ. Ну... Ко мнѣ приходятъ, напримѣръ, иногда такіе молодцы,—они Богъ знаетъ какъ распалиють мнѣ голову, болтають объ идеалахъ. Нужно, видите ли, бороться за идеалы человѣчества и все такое! Я—и бороться за другихъ! Сказочныя требованія!.. За что это, для чего? Но, насколько я тебя знаю, тебя такія вещи тревожатъ. Ты бы сейчасъ же сказалъ себѣ: «чтò я за жалкое ничтожество!» Развѣ я не правъ? Ну, вотъ тогда-то и является благое намѣреніе и начинается мучить, я это знаю. Я самъ прежде посылалъ съ сотнею такихъ намѣреній... цѣлые годы... а это совсѣмъ не доставляетъ удовольствія, повѣрь мнѣ!

Вильгельмъ. Я не совсѣмъ понимаю, о чемъ ты хло-почешь?

Робертъ. Собственно, ничего опредѣленнаго у меня, конечно, нѣтъ въ виду... То безпокойство, которое теперь сѣждаетъ тебя... есть у него и другія причины... Я, во всякомъ случаѣ... если я раньше замѣчалъ... Въ прежнія вре-мена и со мною бывало это... Но какъ только я замѣчалъ, что такое дѣло выше моихъ силъ,—я обыкновенно недолго раздумывалъ и рѣшительно поворачивался къ нему спиною.

Вильгельмъ. Это—намекъ

Робертъ. Намекъ?.. Я не зналъ... Ну-съ, еще разъ—
всего тебѣ хорошаго н...

Вильгельмъ. Скажи ты мнѣ... вполнѣ объективно... это
имѣетъ для меня известное значеніе... только потому, что...

Робертъ. Пожалуйста,—что ты хочешь услышать отъ
меня?

Вильгельмъ. Ты самъ раньше сказалъ.

Робертъ. Когда—раньше?

Вильгельмъ. Когда мы говорили объ отцѣ.

Робертъ. А, вѣрно... такъ что же я сказалъ тогда?

Вильгельмъ. Ты сказалъ, что, можетъ-быть, у насъ съ
Идой все устроится.

Робертъ. А, вотъ что... Ваши отношенія... Это я сказалъ?

Вильгельмъ. Да, сказалъ.

Робертъ. Ну, да, я же многое говорилъ.

Вильгельмъ. Значитъ, ты... Ты теперь отказываешься
отъ многаго изъ того, что говорилъ?

Робертъ. Совершенно вѣрно, отказываюсь.

Вильгельмъ. И отъ того... отъ того, что... относилось
къ этому?..

Робертъ. Къ вашимъ отношеніямъ?

Вильгельмъ. Да.

Робертъ. Да развѣ для тебя это важно?

Вильгельмъ. Да, можетъ-быть.

Робертъ. Да.

Вильгельмъ. Значитъ, ты теперь уже не думаешь... что
мы...

Робертъ. Нѣтъ.

Вильгельмъ. Хорошо.. благодарю тебя.. ты открыве-
нень.. благодарю.. Но предположимъ... допустимъ, что я
брошу все это... Посмотримъ сначала, совершенно не счи-
таясь съ тѣмъ, какое это имѣло бы значеніе для меня...
Итакъ, допустимъ, что я вотъ сейчасъ ушелъ бы съ тобою...
Что было бы тогда съ Идой?

Робертъ. Гм... Ида?.. Ида?.. (Пожимаетъ плечами). Гм,
да, да... Это не такъ-то просто... то-есть очень ужъ это
меня бы не беспокоило.

Вильгельмъ. Какъ! Это—твое старое вѣроломство! Я
знаю его.

Робертъ. Вѣроломство? Почему это? Нѣтъ, ты оши-
баешься! Чтобы быть вѣроломнымъ, для этого я еще не-
достаточно заинтересованъ... я хочу сказать — заинтересо-
ванъ въ этомъ дѣлѣ. Я, право, не думаю...

Вильгельмъ. Это я лучше знаю. Ужъ не хочешь ли ты раскрывать мнѣ глаза, какая это дѣвушка?! Это ужъ такъ, положишься въ этомъ на меня! У нея есть ко мнѣ чувство, я не могу этого передѣлать... Я не заблуждаюсь... Такъ что же будетъ съ нею, если я убѣгу отъ нея?

Робертъ. Гм... такъ ты серьезно думаешь объ этомъ?

Вильгельмъ. Да, безусловно.

Робертъ. Тогда отвѣть мнѣ, пожалуйста, сначала вотъ на что: а когда вы жѣнитесь, что будетъ съ Идой?

Вильгельмъ. Этого никто не можетъ знать.

Робертъ. О, нѣтъ, отчего же? Это можно знать: съ нею будетъ то, что стало съ нашей матерью.

Вильгельмъ. Нельзя сравнивать Иду съ матерью.

Робертъ. Но можно тебя—съ отцомъ.

Вильгельмъ. Каждый человѣкъ—*той* человѣкъ.

Робертъ. Тебѣ хочется вѣрить, что это такъ. Оставь! Ты слишкомъ многого требуешь отъ себя! Вѣдь ты самъ—олицетворенное противорѣчье.

Вильгельмъ. Не знаю, не думаю.

Робертъ. Э, отлично знаешь!

Вильгельмъ. Наконецъ, отъ этого можно освободиться, развиться.

Робертъ. Да, конечно; но можетъ только тотъ, кто подготовленъ для этого воспитаніемъ.

Вильгельмъ. Ахъ нѣтъ никакого смысла продолжать разговаривать.

Робертъ. И я совершенно того же мнѣнія.

Вильгельмъ. Ни къ чему это не поведетъ. (Вспыливъ, вѣ себя) Вамъ хочется совсѣмъ погубить меня! Я — жертва заговора! Вы всѣ сговорились противъ меня, хотите доконать меня!.. Хотите доконать до конца!..

Робертъ. Вотъ совсѣмъ такъ говорилъ всегда и отецъ.

Вильгельмъ. Смѣшно! Твои замѣчанія просто смѣшны! Развѣ нѣтъ у меня основаній сказать это? Развѣ не хотите вы разлучить меня съ Идой? Это... говоря правду... не нахожу словъ... это — такая сказочная наглость... такая грубость... прямо превышаетъ всякой мѣры! Я долженъ пожалѣть Иду!.. А кто же пожалѣлъ меня, скажи? Назови мнѣ хоть одного человѣка!.. Ну, кто?..

Робертъ. Само собою разумѣется!.. разъ ты такъ рассуждаешь... разумѣется!..

Вильгельмъ. Отъ меня требуютъ жертвы!.. Я почему-то

долженъ вдругъ принести бессмысленнѣйшую жертву! Я долженъ...

Робертъ. Ты можешь смѣло не тратить словъ. Само собою разумѣется, при такихъ условіяхъ... Это вполнѣ твое право — удержать у себя дѣвушку.

Вильгельмъ. При такихъ условіяхъ?.. При какихъ это условіяхъ? Скажи, скажи, прошу тебя!

Робертъ. Ты говорилъ раньше... насколько я понимаю... объ Идѣ?

Вильгельмъ. Да, конечно... Ну такъ что же?

Робертъ. А теперь говоришь о себѣ... Такъ вышло... Ну, однимъ словомъ: если тебѣ все равно, что будетъ съ этой дѣвушкой... если есть у тебя нужная доза... ну, скажемъ, безразличія, что ли... если ты берешь ее... ну, какъ новый сюртукъ, или шляпу, или вообще что-нибудь такое...

Вильгельмъ. Робертъ! Быть до того, до того безсердечнымъ... Но на этотъ разъ ты правъ... Я иду съ тобою... Я хочу сказать... уйду изъ этого дома... съ тобою... только далеко... вотъ теперь... теперь... покончилъ я съ вами со всѣми... Да, да, теперь я... Молчи... Теперь я покончилъ... совсѣмъ, совсѣмъ...

Робертъ (смотря на него съ изумленіемъ, пожимаетъ плечами).

Вильгельмъ (все возбужденнѣе). Оставь, оставь!.. Не утруждай себя... тебѣ не удастся... меня ты не обманешь своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ... Ты, во всякомъ случаѣ, правъ... Но тебя привела къ вѣрнымъ мыслямъ... я скажу тебѣ это прямо въ лицо—привела гадкая зависть... только скверная, жалкая зависть!.. Ты отлично знаешь, что я бы честно боролся, чтобы когда-нибудь все-таки сдѣлаться хоть немного достойнымъ ей... Ты отлично знаешь, какъ эта дѣвушка очищаетъ меня своей чистотой. Но ты этого не хочешь! Ты не хочешь, чтобы я очистился... Почему ты этого не хочешь?.. Да потому... потому, что ты самъ обреченъ остаться всегда такимъ, какъ сейчасъ... потому, что меня она любить, а тебя—нѣтъ!.. И оттого-то ты сегодня весь вечеръ шпионилъ за мною глазами полицейскаго... все время старался дать мнѣ понять, что что-то ты-такое обо мнѣ знаешь... Да, да! Ты совершенно правъ! Я—порочный человѣкъ, весь пропитанъ порокомъ. Нѣтъ во мнѣ больше ничего чистаго. Весь въ грязи, не смѣю я стоять рядомъ съ этимъ непорочнымъ существомъ; и я рѣшился, я не совершу преслушенія. Но ты, Робертъ, ты отъ этого не

станешь чище. Твое счастье, что ты уже больше не можешь знать стыда!

Робертъ (во время послѣдней трети словъ Вильгельма взявъ свои вещи и пошелъ къ выходу. Взявшись за дверную ручку, онъ останавливается, точно собирается говорить, но раздумываетъ, покорно пожимаетъ плечами и очень спокойно уходитъ).

Вильгельмъ (ему вслѣдъ). Робертъ!.. Робертъ!..

Ида (входя изъ сосѣдней комнаты). Кого это ты зовешь?

Вильгельмъ. Ахъ, ты здѣсь?

Ида. Докторъ пришелъ, Вильгельмъ... онъ говорить... это серьезно, это...

Причитающій голосъ г-жи Шольцъ. Любимый мой, хороший мой мужъ... О... любимый, хороший мой!

Вильгельмъ. Чтò я надѣлалъ! Чтò я опять надѣлалъ!

Ида. Щемить у меня сердце... я бы очень не хотѣла тебя спрашивать, но... навѣрное, что-то такое... Чтò-то случилось съ тобою, Вилли!

Вильгельмъ. Да ровно ничего... Надо бы мнѣ опять въ одиночество... тамъ—наше мѣсто, Ида.

Ида. Почему? Я не понимаю.

Вильгельмъ (сурово и возбужденно). Да, да, да! старая пѣсня: я не понимаю тебя, я не понимаю тебя!.. Отецъ и мать тоже всю жизнь говорили на разныхъ языкахъ. Ты не понимаешь меня! Ты не знаешь меня!.. У тебя—плоскія илюзіи подростка, и мнѣ нечего здѣсь дѣлать. Остается только таиться отъ тебя, таиться, пока не сдѣлаюсь окончательнымъ лгуномъ и мошенникомъ.

Ида (смотря на Вильгельма вся растерянная, начинаетъ плакать).

Вильгельмъ. Вотъ теперь ты видишь: вотъ это я — настоящій. И стоить мнѣ лишь на секунду забыть, какую я играю передъ тобою роль,—и опять это выступаетъ наружу. Меня настоящего ты не можешь выносить,—ты плачешь, и тебѣ пришлось бы плакать цѣлые годы, если бы я не сжалился надъ тобою... Нѣтъ, Ида, между нами ничего не должно быть... Я пришелъ къ твердому рѣшенію.

Ида (бросаясь ему на шею). Неправда!.. Неправда!

Вильгельмъ. Подумай о томъ, чтò ты видѣла здѣсь! Неужели же должны и мы сызнова продѣлать все это? Неужели должны и мы сызнова строить такой самый домъ?

Ида. Будетъ по-другому! Станетъ лучше, Вильгельмъ!

Вильгельмъ. Какъ можешь ты это сказать?

Ида. Я чувствую это.

Вильгельмъ. Нѣтъ, Ида, ты бросаешься съ закрытыми глазами въ гибель! Я тащу тебя къ гибели!

Ида. Я не боюсь... Этого я не боюсь, Вильгельмъ! Снова повѣрь ты мнѣ! Дай мнѣ снова твою руку! И я сумѣю быть для тебя чѣмъ-нибудь... только не отталкивай меня отъ себя... Я не буду больше плакать... обещаю тебѣ...

Вильгельмъ. Отпусти меня!.. Ты любишь въ первый разъ! Ты любишь свою мечту: Я растратилъ всю свою жизнь... Я опозорилъ твой полъ въ другихъ... Я — ничтожество...

Ида (обнимаетъ его со стономъ и слезами). Ты мой! Ты мой! Вильгельмъ. Я недостойнъ тебя!

Ида. О, не говори такъ! Передъ тобою я — такая маленькая, ахъ, такая маленькая! Какъ крошечная мошка... Безъ тебя, Вильгельмъ, я—ничто! И все—благодаря тебѣ... Не отнимай у меня своей руки... у меня... у жалкой!..

Вильгельмъ. Ида! Я—у тебя? Ида, я?.. (Они обнимаются сквозь смѣхъ и слезы). Чтобы я не отнималъ у тебя своей руки... Да чтѣ... ты... говоришь... Нехорошая...

Ида. Такъ... обѣщай же мнѣ... обѣщай...

Вильгельмъ. Клянусь тебѣ теперь... (Его слова обрываетъ душу раздирающій крикъ изъ сосѣдней комнаты. Пораженные, полные отчаянія, смотрятъ Вильгельмъ и Ида другъ другу въ глаза).

Голосъ г-жи Шольцъ. Мой мужъ... онъ умираетъ!.. Мой хорошій, любимый супругъ... онъ умираетъ... мой мужъ... (Громкій плачь).

Вильгельмъ. Боже!.. Господи, чтѣ это?.. Отецъ! Отецъ! (Хочетъ броситься въ сосѣднюю комнату. Ида пересѣкаетъ ему дорогу).

Ида. Вильгельмъ!.. Приди въ себя! и... не иди безъ меня!.. (Изъ сосѣдней комнаты выходитъ Фрибэ, трясаясь отъ рыданій, и уходитъ въ кухню).

АВГУСТА (идетъ слѣдомъ за Фрибэ. Останавливается передъ Вильгельмомъ и съ усиленіемъ произноситъ). На комъ же теперь вина? На комъ?.. На комъ?.. (Падаетъ на столъ. Изъ ея груди вырывается глухой, сдавленный стонъ. Все слышнѣе доносится громкій плачь г-жи Шольцъ).

Ида (у его груди, стараясь успокоить, дрожащимъ голосомъ). Вильгельмъ... кажется... твоего отца... не стало...

(Вильгельмъ готовъ снова вспыхнуть гнѣвомъ. Ида успокаиваетъ его. Онъ побѣждаетъ свое горе, ищетъ руку Иды, беретъ ее, съ мукой сжимаетъ въ своей рукѣ и, рука объ руку съ дѣвушкою, идетъ твердыми шагами въ сосѣднюю комнату).

(Занавѣсъ падаетъ).

ОДИНОКІЕ.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Переводъ В. М. Саблина.

Отдаю эту драму въ руки тѣхъ, которые ее пережили
Герартъ Гаутманъ.

Изъ писателя-соціолога и теоретика ученія о наслѣдственности, какимъ Гауптманъ явился въ первыхъ двухъ драмахъ, онъ превращается въ третью—«Одинокіе» (Einsame Menschen)—въ психолога-индивидуалиста, ставящаго предъ собою вопросъ о человѣческомъ взаимопониманіи, одиночествѣ человѣка и истинной свободѣ. Изъ психіатрическихъ безднъ онъ восходитъ къ нормальной, здоровой жизни.

Время написанія этой драмы совпало съ временемъ похода сѣвернаго богатыря драматургіи—Ибсена противъ семьи и съ страстными возвышеніями Ницше ученія о сверхчеловѣкѣ, сильною и прекрасною, пока одинокомъ, но побѣдителемъ міра впереди. Въ «Одинокихъ» слышится тотъ мотивъ возвеличенія одиночества, который впослѣдствіи властно и смѣло прозвучалъ въ «Потонувшемъ колоколѣ».

Затронутая Гауптманомъ тема была какъ нельзя болѣе въ духѣ времени. Нѣмецкій драматургъ поставилъ предъ обществомъ самые захватывающіе, самые назойливые вопросы о нравственныхъ устояхъ современной личности, объ ея свободѣ, о значеніи міровоззрѣнія, объ одиночествѣ,—той темѣ, которую человѣчество ставило передъ собою съ той минуты, какъ создался мифъ о Прометѣѣ. Пьеса не могла не всколыхнуть умы мыслящихъ людей. Гауптманъ сдѣлалъ ею для своей эпохи болѣе, чѣмъ какою-либо другою изъ своихъ пьесъ первой поры. Въ частности, въ Россіи она вызвала многочисленныя литературныя отклики и обсужденія.

11-го января 1891 года она была поставлена въ театрѣ «Свободной сцены», затѣмъ прошла въ берлинскомъ «Нѣмецкомъ театрѣ», въ цѣломъ рядѣ другихъ сценъ и удержалась въ европейскомъ репертуарѣ. Въ мартѣ она вышла отдѣльнымъ изданіемъ. Ею упрочилось имя Гауптмана, какъ писателя, достойнаго мірового вниманія.

«Одинокіе»—трагедія человѣческаго взаимонепониманія. Эта трагедія была мучительна въ «Праздникѣ мира», въ осложненіи мрачною наслѣдственностью. Здѣсь Гауптманъ хочетъ показать, что она разрѣшается не легче и тогда, когда дѣло идетъ о совершенно здоровой и нормальной семьѣ, обвѣянной даже атмосферой любви и ласки, но лишенной единства міровоззрѣнія и потому не озаренной взаимнымъ пониманіемъ. На этотъ разъ это трагедія благородныхъ характеровъ, гибнущихъ подъ непосильной жертвой, какой отъ нихъ требуетъ жизнь.

Молодой ученый Иоганнесъ Фокератъ—холеное дѣтище своихъ родителей. По существу, это положительно хорошіе люди. У него любящая жена, которую и самъ онъ любитъ. Молодой четъ только бы жить да радоваться. Но по религіознымъ воззрѣніямъ, по умствен-

нымъ интересамъ всё окружающіе Іоганнеса—ему чужіе. Онъ ушелъ отъ религіозныхъ понятій родителей, ему чужда его жена Кэте, не питающая ни малѣйшаго интереса къ его книгѣ, которая для него—все. Случайная гостыя въ семьѣ, русская швейцарская студентка Анна Маръ оказывается несравнимо ближе къ нему, чѣмъ его жена. Между молодыми людьми происходитъ духовное сближеніе, дающее полноту ихъ жизни. Ихъ дружба чиста, какъ дружба ангеловъ. Но никто не хочетъ увидѣть ихъ отношеній въ надлежащемъ свѣтѣ. Старый вѣкъ съ своею ревностью, съ моралью приличій разрушаетъ возможность выхода для Іоганнеса изъ одиночества. И когда Анна уѣзжаетъ изъ его дома, онъ кончаетъ самоубійствомъ.

Задумывались надъ тѣмъ, хотѣлъ ли Гауптманъ изобразить въ Іоганнесѣ гениальнаго человѣка, надъ которымъ тяготѣла драма одиночества, не подозрѣваемая никѣмъ до конца пятого акта, или, наоборотъ, онъ хотѣлъ показать слабого и безвольнаго человѣка, поставившаго предъ собою задачи нищенскаго возвышенія надъ толпой и погибшаго безъ поддержки среды.

Можетъ-быть, первая задача предносилась Гауптману, но совершенно явно онъ скоро повернулъ отъ нея на второй путь. Человѣкъ, съ перваго появленія на сценѣ жалующійся на непониманіе, плаксиво просящій капли вниманія къ своему любимому дѣлу, представляющій себя Пегасомъ въ холутѣ, на самомъ дѣлѣ—увъ!—не Колумбъ, не геій, но титанъ, не сверхчеловѣкъ.

Онъ многообещающе говорить о своемъ трудѣ, но Гауптманъ ни разу и ничѣмъ не успѣшилъ объективно подтвердить его выдающуюся талантливость и яркость. Никоткуда не явствуетъ, что книга, написанная имъ, дѣйствительно замѣчательна. Брандесъ справедливо подчеркиваетъ его педантизмъ, его нечуткость, когда онъ постоянно твердитъ своей женѣ о достоинствахъ гостей. Только въ проповѣди правъ духовной дружбы онъ на минуту кажется величественнымъ.

Іоганнесъ Фокератъ—немногимъ выше средняго, слабый человѣкъ, болѣе ученый, чѣмъ умный, болѣе нервный, чѣмъ тонкій, «воплотщій о единеніи мыслей, а на самомъ дѣлѣ жаждущій близости сердець». Это «женатый Вильгельмъ Шольцъ изъ «Праздника мира»,—какъ хорошо сказалъ Штейгеръ. Это типичный слабнякъ съ благими порывами и безъ силы свершеній.

Читая сужденія нѣмецкой критики о Іоганнесѣ, почти съ раздраженіемъ чувствуешь отсутствіе властно напрашивающагося сравненія Фокерата съ чеховскими героями. Іоганнесъ—типичный чеховскій образъ человѣка съ надтреснутой душой изъ семьи Ивановыхъ и Астровыхъ. Чеховъ былъ слишкомъ мало извѣстенъ въ Германіи, когда нѣмецкой критикѣ приходилось высказываться объ «Одинокихъ».

Въ лицѣ Анны Маръ мы имѣемъ одну изъ художественныхъ попытокъ набросать образъ женщины-сверхчеловѣка, приближающейся къ ибсеновской «Норѣ» или героинѣ бьернсоновской «Черчатки».

Если ясно сознаются общественныя вліянія, подъ которыми Гауптманъ создалъ «Одинокихъ», то съ неменьшею ясностью можно указать здѣсь и нѣкоторыя литературныя вліянія. Вліяніе ибсеновскаго «Росмергсольма» (1886) вѣтъ надъ драмой. Кабинетный ученый Росмеръ, подчиняющійся могучему вліянію пріѣзжей сильной женщины Ребекки и забывающій о своей женѣ, настолько же похожъ на Іоганнеса Фокерата, насколько радикалка Ребекка на социалстку Маръ и законная жена Росмера, Беата, на Кэте. Глубокая дума Ибсена о

«тѣспотѣ семьи» для ищущаго себя чловѣка захватила Гауптмана, и даже самыя формы выраженія ея, самая структура «клича освобожденія чловѣка» увлекли его.

Отмѣчая это, конечно, нельзя забывать, сколько самобытнаго внесъ ученикъ Ибсена въ свой трудъ, съ какою психологическою глубиною и реалистическою красотой возсоздалъ онъ жизнь. Сюжеты огромнаго большинства пьесъ Шекспира заимствованы, однако это не умаляетъ величія Шекспира ни на одинъ дюймъ.

Другое литературное вліаніе—драма нѣмецкаго драматурга Германа Бара: «Новые люди» (Die neuen Menschen), появившаяся въ 1887 г. и, въ свою очередь, подсказанная «Росмергсгольмомъ». Уже названіе сближаетъ эти пьесы. Георгъ Бара такъ же вводитъ въ свой домъ Гедвигу при живой женѣ. Георгъ такъ же мечтаетъ о новомъ свободномъ строѣ жизни и такъ же находитъ смерть въ озерѣ.

Сходство подтверждается даже частностями. У Гауптмана Анна Марь—дѣятельница русскаго освобожденія, носящая кольцо женщины, ушедшей за мужемъ въ Сибирь. У Бара Анна—фанатичка, замышляющая убійство одного высокаго лица и кончающая полнымъ анархизмомъ. Обѣ пьесы начинаются со сцены крещенія съ легкой попыткой разговоровъ о христіанствѣ (Бартольсъ).

Отличаетъ Бара отъ Гауптмана его попытка выставить идеалъ повыхъ людей сейчасъ, въ современности. Фокератъ только летѣтъ о нихъ далекую мечту. По художественному значенію, разумѣется, суховатая и разсудочная вещь Бара несравнима съ превосходной драмой Гауптмана.

Вѣчная близость гауптмановской темы чловѣческой душѣ, глубина его психологическихъ проникновеній, вся вообще художественная чеканка «Одинокихъ» ставятъ пьесу въ рядъ прекраснѣйшихъ созданій новой драматургіи. Какъ психологъ, Гауптманъ «обнажаетъ здѣсь тончайшіе нервы современныхъ душъ» (Шленгеръ). Жизненность пьесы поразительна. Конечно, Гауптманъ могъ сдѣлать своего Фокерата побѣдителемъ, но онъ устоялъ передъ соблазнами и предпочелъ утопическому герою—живого чловѣка съ плотью и кровью и съ неизбежною слабостью плоти и крови. Анна Марь, которая, конечно, любитъ своего друга не одною любовью дружбы, прелестна въ своей мукѣ двухъ финальныхъ актовъ. Штейгеръ отмѣчаетъ минорную красоту окончаній актовъ, въ которыхъ медленно замираютъ громкіе тона дѣйствія. Хорошо даже побочное,—въ родѣ старухи Леманъ, представляющей съ своимъ мужемъ пародію-параллель Кэте и Иоганнесу.

«Одинокіе», какъ художественное произведеніе,—пишетъ Брандесъ:—поражаетъ своей серьезностью и правдивостью. Оно захватываетъ читателя, возбуждаетъ его состраданіе и заставляетъ мыслить. Если пьеса производитъ такое значительное и прочное впечатлѣніе, то это зависитъ отъ глубины, съ какою Гауптманъ почувствовалъ и понялъ, что каждый моральный фактъ—единственный въ своемъ родѣ, unique».

«Если бы,—пишетъ Штейгеръ:—я хотѣлъ перечислить всѣ красоты «Одинокихъ», все снова восхищающія меня при чтеніи и на сценѣ, мнѣ пришлось бы переписать приблизительно всю драму. Я знаю, что были указаны и большіе недостатки въ этомъ произведеніи. Но почти всѣ они были недостатками не автора, а самихъ критиковъ,—ихъ, если угодно, обманомъ зрѣнія».

Шленгеръ цѣнитъ «Одинокихъ» такъ же высоко, какъ и «Потонувшій колоколь».

«Въ «Одинокихъ»,—говоритъ Бартельсъ:—Гауптманъ есть подлинный Ибсенъ. Нигдѣ онъ такъ близко не подходилъ къ этому господину и властелину «драмы-модернъ», какъ въ этой пьесѣ, написанной одновременно съ родственной съ нею «Геддой Габлеръ». Если не обращать вниманія на слабо мотивированное возвращеніе Анны въ домъ Фокератовъ, то драма развивается съ тою принудительною необходимостью, какую умѣетъ придавать Ибсенъ своимъ образамъ. Всѣ переливы настроеній вышли очень удачно, даже если иногда сюда приходится нѣчто мелочное (какъ оса въ началѣ 2-го акта), и даже въ деталяхъ достигнуто истинное психологическое искусство. Ни въ какомъ другомъ своемъ произведеніи Гауптманъ не былъ такъ «тонокъ», какъ здѣсь... «Одинокіе»—это шагъ впередъ по сравненію съ двумя первыми драмами, и если не по направленію къ натуралистической драмѣ, то вообще къ драматической законченности и художественности. Поэтъ Гауптманъ выявляетъ себя здѣсь во весь ростъ».

Изъ біографическихъ чертъ, проскользнувшихъ въ «Одинокихъ», небезынтересно отмѣтить то, что прототипомъ пастора, по сообщенію Шлентера, могъ послужить дядя Гауптмана, Густавъ Шубертъ, въ строгой и религіозной семьѣ котораго молодой Гергартъ провелъ нѣкоторое время жизни.

Лучшимъ сценическимъ воплощеніемъ роли Іог. Фокерата по справедливости считается знаменитый итальянскій трагикъ Эрметъ Цаккони.

ОДИНОКІЕ.

(драма въ 5-ти дѣйствіяхъ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Фокератъ.

Г-жа Фокератъ.

Іоганнесъ Фокератъ.

Кэте Фокератъ.

Браунъ.

Анна Маръ.

Пасторъ Коллинъ.

Г-жа Леманъ.

Кормилица.

Служанка.

Торговка.

Сцѣпщикъ вагоновъ.

Событія этого произведенія происходятъ въ загородномъ домѣ въ Фридрихсгагенѣ, около Берлина; садъ примыкаетъ къ Мюггельскому озеру. Въ продолженіе всѣхъ пяти дѣйствій сцена остается безъ измѣненій. Комната, подобная залѣ—въ одно и то же время гостиная и столовая. Зажиточная буржуазная обстановка. Піанино, книжный шкапъ. Вокругъ него портреты-фотографіи и гравюры современныхъ ученыхъ (въ томъ числѣ и богослововъ), среди нихъ Дарвинъ и Геккель. Надъ піанино масляный портретъ пастора въ облаченіи. Настѣнъ много картинъ библейскаго содержанія—Шнорра фонъ-Карольсфельда. Налѣво—одна дверь, направо—двѣ. Лѣвая дверь ведетъ въ рабочій кабинетъ Іоганнеса Фокерата, правыя двери—въ спальню и наружу. Комната не особенно глубокая. Черезъ два сводчатыхъ окна и стеклянную дверь въ задней стѣнѣ видны веранда и садъ, а за нимъ озеро и по ту сторону его—Мюггельскія горы.

Дѣйствіе происходитъ въ наши дни.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната пуста. Черезъ пріотворенную дверь кабинета доносится голосъ пастора, произносящаго проповѣдь. Спустя нѣсколько секундъ голосъ затихаетъ, и слышны звуки хорала, исполняемаго на фисгармоніи. Во время первыхъ тактовъ дверь открывается, и входятъ— г-жа Фокератъ, Кэте Фокератъ и кормилица съ ребенкомъ въ конвертикѣ. Всѣ одѣты по-праздничному.

Г-жа Фокератъ (почтенная женщина лѣтъ 50, въ черномъ шелковомъ платьѣ, волнистая прическа. Беретъ Кэте за руку и гладитъ). Онъ очень хорошо говорилъ, правда, Кэтхенъ?

(Кэте 21 годъ, средняго роста, хрупкая, блѣдная, пѣжная брюнетка, еще не совсѣмъ оправившаяся отъ родовъ. Она принужденно улыбается, машинально киваетъ и наклоняется къ ребенку).

Кормилица. Бай-бай. (Качаетъ его). Ну, вотъ и засыпаетъ... Шш... шш... шш... (Поправляетъ мѣшающей ребенку бантъ). Такъ... такъ... Шш... шш... шш... Спи, кроишка, спи. (Тихо напѣваетъ на мотивъ: «Спи, дѣтка, спи»). Какъ онъ на пастора-то устался. (Передразниваетъ его) Вотъ такъ! Ха-ха-ха!.. А какъ до воды дошло — не вытерпѣлъ. (Напѣваетъ) «Батюшка, родименькій, не стегай ребеночка»... Ха-ха-ха!.. Какъ закатился! Ой-ой-ой! Шш... шш... шш... Спи, дѣтка, спи... (Отбиваетъ тактъ ногой. Кэте смѣется искренно, но первию).

Г-жа Фокератъ. Ты только взгляни, Кэтхенъ, какая прелесть! Какія у него длинныя рѣсницы!

Кормилица. Ого! Весь въ мамашу. Спи, дѣтка... Чисто кисточки висятъ!

Г-жа Фокератъ. А вѣдь правда, Кэтхенъ, весь въ мать. (Кэте, не соглашаясь, энергично качаетъ головой). Въ самомъ дѣлѣ.

Кэте (говоритъ съ трудомъ). Ахъ, мама, я бы этого не хотѣла! Нѣтъ! Нѣтъ! Онъ не долженъ на меня походить! Я... (Она не доканчиваетъ).

Г-жа Фокератъ (старается переменить разговоръ). Здоровый ребенокъ.

Кормилица. Богатырь.

Г-жа Фокератъ. А какіе кулачки! Ты взгляни, Кэте.

Кормилица. Кулаки! Кулаки точно у Голиава. (Кэте цѣлуетъ ребенка).

Г-жа Фокератъ. Правда, и грудь хорошо развита?

Кормилица. Прямо генеральская! Шш... шш... шш... Вырастетъ, одинъ пятерыхъ свалить.

Г-жа Фокератъ. Ну, ужъ знаете! (Она и Кэте смѣются).

Кормилица. У него кровь здоровая. Шш... шш... шш... У дѣтей все здоровье отъ крови. Шш... шш... шш...

(Полунапѣвая) Ну вотъ, ну вотъ, и пойдемъ, и пойдемъ... Мы въ постельку пойдемъ... Да, въ постельку пойдемъ... Шш... шш... шш... Спи, дѣтка. (Уходитъ въ спальню).

Г-жа Фокератъ (затворивъ за кормилицей дверь, возвращается, весело покачивая головой). Ну, и субъектъ! Но все-таки старательная. Я рада, Кэте, что тебѣ посчастливилось.

Кэте. Генеральская... Господи! (Она смѣется. Смѣхъ становится судорожнымъ, и въ концѣ концовъ въ немъ больше слезъ, чѣмъ смѣха).

Г-жа Фокератъ (испуганно). Чтò съ тобою, чтò съ тобою? (Кэте себя сдерживаетъ. Г-жа Фокератъ ее обнимаетъ). Чтò ты, Кэте?

Кэте. Ничего, ничего. Въ самомъ дѣлѣ, ничего.

Г-жа Фокератъ. Вотъ такъ ничего! Впрочемъ, неудивительно. Ты еще не оправилась. Поди, прилягъ на минутку.

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ! Все ужъ прошло, мама.

Г-жа Фокератъ. Ну, хоть на секунду.

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не надо! Сейчасъ и обѣдать пора.

Г-жа Фокератъ (подходить къ столу, на которомъ стоятъ вино и печенье, и наливаетъ стаканъ вина). Ну, сдѣлай хоть глотокъ! Попробуй! Вкусное... (Кэте пьетъ). Вино подкрѣпляетъ, правда? И чтò это съ тобою, дѣтка? Беречься должна больше, и все пойдетъ хорошо. И не выдумывай никакихъ тревогъ. Все устроится... У васъ теперь ребенокъ... Все пойдетъ по-другому... Иоганнесъ станетъ спокойнѣе...

Кэте. Если бы въ самомъ дѣлѣ, мама.

Г-жа Фокератъ. Да ты вспомни только, какъ онъ обрадовался, когда рѣдился мальчикъ. Онъ вообще до безумія любитъ дѣтей. Ужъ повѣрь... Всегда такъ... Бракъ безъ дѣтей ничего не стòдитъ,—ни то ни се. Я только и молила Бога, чтобы Онъ благословилъ вашъ бракъ ребенкомъ. А у насъ какъ было?.. Первые четыре года послѣ свадьбы... развѣ это была жизнь? И только, когда Господь услышалъ наши молитвы и послалъ намъ Иоганнеса, только тогда и началась наша жизнь, Кэте. Имѣй только терпѣнiе... дай пройти мѣсяца три, и увидишь, какой онъ уморительный станетъ... Нѣтъ, нѣтъ! Ты должна быть довольна. У тебя есть ребенокъ, есть мужъ, который тебя любитъ. Можете безъ заботъ жить. Чего еще тебѣ надо?

Кэте. Можетъ-быть, это и въ самомъ дѣлѣ глупо. Я понимаю, что иногда сама разстраиваю себя по пустякамъ.

Г-жа Фокератъ. Ну, вотъ видишь... Только не сердись

на меня! Ты бы чувствовала себя гораздо покойнѣе, Кэте, гораздо покойнѣе, если бы... Знаешь, если меня что-нибудь беспокоитъ, я горячо помолюсь, выскажу все, что есть на сердцѣ, и мнѣ сразу становится такъ легко, такъ радостно... Нѣтъ, нѣтъ! Пусть ученые говорятъ, что имъ угодно, но Богъ существуетъ, Кэте. Мужчина невѣрующій—нехорошо, а ужъ женщина... Только не сердись, Кэте. Ну, хорошо, хорошо, больше не буду говорить. Я много молюсь, каждый день прошу Господа; я знаю,—Онъ услышитъ мою молитву. Вы оба хорошіе люди. Господь вамъ и вѣру пошлетъ. (Цѣлуетъ дочь. Хораль кончается). Болтаю я тутъ.

Кэте. Скорѣй бы мнѣ поправиться, мама. Мнѣ такъ неприятно смотрѣть, какъ ты хлопочешь.

Г-жа ФОКЕРАТЪ (около наружной двери). Ну, есть о чемъ говорить! У васъ мнѣ отдыхъ. Вотъ, когда ты выздоровѣешь совсѣмъ, тогда я заставлю тебя ухаживать за мною. (Уходитъ. Кэте направляется въ спальню, но еще не успѣваетъ выйти, какъ входитъ изъ комнаты, гдѣ происходило крещеніе, Браунъ. Ему 26 лѣтъ. Липо блѣдное, съ усталымъ выраженіемъ. Подъ глазами круги. Небольшіе усы, голова острижена почти наголо. Костюмъ модный, изящный, но потертый. Флегматиченъ, большей частью неудовлетворенъ и потому не въ духѣ).

Браунъ. Такъ! (Останавливается и вынимаетъ изъ портсигара папиросу). И эту муку претерпѣлъ.

Кэте. Вы отлично выдержали, г. Браунъ.

Браунъ (закуривая). Я бы съ большимъ удовольствіемъ теперь рисоваль. Стыдъ и позоръ бить баклуши въ такую погоду.

Кэте. Еще нагоните.

Браунъ. Ахъ, всѣ мы бездѣльники. (Садится около стола). А все-таки есть что-то въ крещеніи.

Кэте. Вы обратили вниманіе на Іоганнеса?

Браунъ (быстро). Онъ ужасно нервничаль. Я все время боялся, что произойдетъ какая-нибудь исторія, что онъ перебѣдетъ рѣчь пастора... Да и проповѣдь въ самомъ дѣлѣ была!

Кэте. Неправда, г. Браунъ!

Браунъ. Нѣтъ, это ужъ не подлежитъ сомнѣнію!.. Впрочемъ, я совершенно доволенъ. Еще, пожалуй, когда-нибудь картину напишу. Сюжетъ исключительный.

Кэте. Вы это серьезно, г. Браунъ?

Браунъ. Если я напишу эту картину, то отъ нея будетъ вѣять густымъ ароматомъ воспоминаній... Понимаете,—смѣсъ блага вина, пироговъ, нюхательнаго табаку и во-

сковыхъ свѣчей... Чтобъ дурманъ пріятный былъ, чтобъ такъ и пахло юностью.

(Изъ комнаты, гдѣ происходило крещеніе, входитъ Іоаннесь Фокератъ. Ему 28 лѣтъ, онъ средняго роста, блондинъ, одухотворенное лицо, живая мимика, движенія безпокойны, одѣтъ безупречно: фракъ, бѣлый галстукъ, перчатки. Онъ вздыхаетъ и снимаетъ перчатки).

Браунъ. Разсиропился?

Іоаннесь. Не могу этого сказать. А какъ насчетъ обѣда, Кэтхенъ?

Кэте (нерѣшительно). Я думаю, на верандѣ.

Іоаннесь. Что, и тамъ накрыто?

Кэте (робко). Ты недоволенъ? Я думала...

Іоаннесь. Только не такъ жалобно, Кэте! Не съѣмъ же я тебя! Это просто невыносимо!

Кэте (заставляетъ себя говорить твердо). Я велѣла накрыть на верандѣ.

Іоаннесь. Ну, понятно... И превосходно... Какъ будто я людоѣдъ какой!

Браунъ (ворчитъ). Да не брюзки ты!

Іоаннесь (обнимая Кэте, ласково). Въ самомъ дѣлѣ, Кэте, у тебя всегда такой видъ, точно я тиранъ какой, въ родѣ дяди Отто. Надо отъ этого отвыкнуть.

Кэте. Но вѣдь ты же бываешь иногда недоволенъ, Іоаннесь.

Іоаннесь (опять всплывъ). Если даже и такъ, что за бѣда! Давай мнѣ отпоръ, защищайся. Со своимъ характеромъ я ничего не могу подѣлать. А ты не покоряйся! Для меня нѣтъ ничего противнѣе, какъ эта терпѣливость, эта мадоннистая...

Кэте. Ну, не волнуйся изъ-за пустяковъ, Ганнесь! Стоить объ этомъ говорить!

Іоаннесь (гнѣвно). Ахъ, ты заблуждаешься въ самомъ корнѣ. Я и не думаю раздражаться... Ничего подобнаго! Странно въ самомъ дѣлѣ — подозрѣвать, что я вѣчно раздражаюсь! (Браунъ хочетъ что-то замѣтить). Ну, да хорошо! Вы вѣдь всегда лучше знаете! Довольно!.. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ... Да, да, да...

Браунъ. До чего скучны эти вѣчные вздохи!

Іоаннесь (хватается за грудь; лицо вытягивается съ выраженіемъ страданія). А!

Браунъ. Ну, что еще?

Іоаннесь. Ничего новаго. Старая исторія... колетъ въ груди.

Браунъ. А ты совсѣмъ отколи, Гансъ!

Юганнесъ. Мнѣ-то, братъ, не до шутокъ!.. А-ахъ!

Кэте. Не волнуйся, Ганнесъ! Сѣрязаго нѣтъ ничего.

Юганнесъ. Если ужъ было два раза воспаленіе легкихъ...

Браунъ. А еще офицеръ запаса.

Юганнесъ. Какое это имѣеть отношеніе?

Браунъ. Старый ипохондрикъ! Не кисни, съѣшь что-нибудь! Просто, это отъ проповѣди.

Юганнесъ. Знаешь, Брео... говорить такъ о крестинахъ... Какъ я лично отношусь къ этому, тебѣ извѣстно. Во всякомъ случаѣ, не съ точки зрѣнія христіанской религіи. Но все-таки для весьма и весьма многихъ это— священный обрядъ.

Браунъ. Во всякомъ случаѣ, не для меня.

Юганнесъ. Знаю. Лично для меня— тоже нѣтъ. Такъ же, какъ и для тебя. Но надо же имѣть хоть нѣкоторое благоговѣйное чувство къ торжеству, которое...

Браунъ. Ты со своимъ благоговѣйнымъ чувствомъ...

Юганнесъ. А слѣдовало бы и тебѣ имѣть его хоть немножко.

Браунъ. Знаешь, это чувство...

Юганнесъ. Не обижайся, пожалуйста... Въ другой разъ, быть-можетъ, я болѣе терпимо смогу выслушивать тебя, но сегодня... (Уходитъ на веранду. Видно, какъ онъ тамъ продѣлываетъ гимнастическія упражненія).

Браунъ (смущенно встаетъ и безпричинно смѣется).

Кэте (стоя у рабочаго столика). Вы оскорбили его, г. Браунъ.

Браунъ (смущенно улыбается, затѣмъ грубовато). Внѣ моихъ силъ... До смерти ненавижу все половинчатое.

Кэте (послѣ нѣкоторой паузы). Вы несправедливы къ нему.

Браунъ. Чѣмъ?

Кэте. Не знаю... Не умѣю вамъ выразить этого... Во всякомъ случаѣ... Ганнесъ борется честно...

Браунъ. Съ какихъ это поръ, хотѣлъ бы я знать, онъ сталъ опять такъ раздражителенъ?

Кэте. Съ тѣхъ поръ, какъ поднялся вопросъ о крещеніи. Я - было ужъ такъ обрадовалась... А это опять лишило его покоя. Вѣдь нельзя же было причинять изъ-за этого старикамъ-родителямъ такое страшное горе!.. Нѣтъ, и подумать невозможно. Вѣдь они такіе набожные, религіозные люди. Съ этимъ и вы согласитесь, г. Браунъ!

Юганнесъ (открываетъ стеклянную дверь и говоритъ громко).

Я, господа, накапризначаль... Ну, развеселитесь! Видите, я уже веселый! (Уходит в сад).

Браунъ. Агнецъ! (Пауза).

Кэте. Онъ меня иногда прямо трогаетъ. (Пауза).

(Изъ комнаты, гдѣ происходили крестины, выходятъ старшій Фокератъ и пасторъ Коллинъ. Оба очень веселы. Фокерату уже за пятьдесятъ. Сѣдая голова, борода рыжая, на лицѣ и на рукахъ веснушки. Силенъ, широкъ, склоненъ къ тучности. Немного горбится, ходитъ мелкими шажками. Весь дышитъ любовью и добродушіемъ. Веселая, наивная жизнерадостная натура. Пасторъ Коллинъ—старикъ 73 лѣтъ. Носить шапочку, нюхаетъ табакъ).

Фокератъ (вводитъ пастора подъ-руку, говоритъ ему мягкимъ, слегка подавленнымъ голосомъ). Очень, очень вамъ благодаренъ, г. пасторъ! Большое вамъ спасибо за это возвышающее наслажденіе, да... Я испыталъ истинный подъемъ духа... да... А, вотъ ты гдѣ, милая дочка. (Подходитъ къ Кэте, обнимаетъ и сердечно цѣлуетъ ее). Ну, славная моя, хорошая Кэте, желаю тебѣ счастья отъ всей души. (Цѣлуетъ ее). Милосердый Богъ... да... опять проявилъ Себя въ Своей великой благодати, да, да... въ Своей безпредѣльной благодати. (Поцѣлуй). Его милость и доброта неизмѣримы. И Онъ поддержитъ теперь, да... поддержитъ Своей отеческой рукой... Да... да... и молодой побѣтъ... да... (Брауну) Позвольте, г. Браунъ, и вамъ пожать руку. (Входитъ Иоганнесъ, Фокератъ идетъ ему навстрѣчу). А, вотъ и ты, Иоганнесъ! Родной мой! (Поцѣлуй, крѣпкія объятія. Растроганъ почти до смѣха). Радъ за тебя! (Поцѣлуй). Искренно радъ. Не знаю, какъ и благодарить Господа, да... да...

Пасторъ Коллинъ (слегка трясется, страдаетъ одышкой. Торжественно пожимаетъ Кэте руку). Еще разъ, да благословить васъ Господь! (Пожимаетъ руку Иоганнесу). Да благословить васъ Господь!

Фокератъ. Ну, дорогой пасторъ, чего позволите? Ничего? Пожалуйста!

Иоганнесъ. Ну, стаканъ вина, г. пасторъ! Я сейчасъ принесу новую бутылку.

Пасторъ Коллинъ. Только не безпокойтесь! Пожалуйста, не безпокойтесь!

Иоганнесъ. Бѣлаго или..

Пасторъ Коллинъ. Какого угодно... Какого вамъ угодно. Только, пожалуйста, не безпокойтесь, пожалуйста. (Иоганнесъ уходитъ). А пока я... (Ищетъ свои вещи. Его шляпа, пальто и пледъ висятъ на вѣшалкѣ около двери).

Фокератъ. Вы уже собираетесь уходить, г. пасторъ?

Пасторъ Коллинъ. А какъ же! А моя проповѣдь? Да кто же будетъ завтра говорить за меня проповѣдь?

Браунъ (держитъ пастору пальто).

Пасторъ Коллинъ (надѣвая пальто). Благодарю васъ, молодой человѣкъ!

Кэте. Неужели же вы не окажете намъ честь, г. пасторъ, раздѣлить нашъ скромный обѣдъ...

Пасторъ Коллинъ (одѣваясь). Очень вамъ олагодарентъ, милѣйшая г-жа Фокерать, но...

Фокерать. Право же, г. пасторъ, вы бы могли доставить намъ это удовольствіе.

Пасторъ Коллинъ (колеблется). Но какъ же?.. Какъ же это?..

Фокерать. Мы всѣ такъ васъ просимъ.

Пасторъ Коллинъ. А проповѣдь? Завтрашняя проповѣдь? Да, да... понимаете... проповѣдь... завтра...

(Иоганнесъ возвращается и наливаетъ вино).

Фокерать (беретъ стаканъ). Ну, наконецъ, отъ этого-то ужъ вы не откажетесь.

Пасторъ Коллинъ (беретъ у него стаканъ). Отъ этого... нѣтъ, конечно. Итакъ, за здоровье... за здоровье новокрещеннаго. (Чокаются). За то, чтобы онъ всегда остался хорошимъ, вѣрнымъ сыномъ церкви.

Фокерать (тихо). Дай Богъ!

Иоганнесъ (предлагаетъ пастору сигары). Вы курите, г. пасторъ?

Пасторъ Коллинъ. Благодарю васъ. (Беретъ сигару и обрѣзываетъ ее). Благодарю... (Беретъ у Иоганнеса спички). Пф... Пф... (Съ трудомъ закуриваетъ. Наконецъ сигара курится. Оглядываетъ комнату). А вы хорошо устроились! Пф... пф... Да, знаете, съ большимъ вкусомъ! (Продолжаетъ осматривать комнату, разглядываетъ картины, останавливается передъ картиною, изображающей борьбу Іакова съ ангеломъ): «Не оставлю тебя! — пф... пф... — пока не благословишь меня». (Довольный, мычить).

Кэте (съ отгѣнкомъ страха). Папочка, я бы предложила... Въ саду тебѣ такъ хорошо... Гораздо теплѣе, чѣмъ въ комнатѣ... Быть-можетъ, ты пройдешь съ г. пасторомъ? А я велю перенести туда стаканы...

Пасторъ Коллинъ (подходить къ портретамъ ученыхъ надъ шкапомъ съ книгами). Пестрая компанія! Это, конечно, пф... пф... ваши учителя, г. докторъ?

Иоганнесъ (нѣсколько смущень). Да... т.-е., за исключеніемъ Дарвина, конечно!

Пасторъ Коллинъ. Дарвинъ? Такъ, такъ! Ахъ, да! Хм! (Читаетъ по складамъ) Эрнстъ... Геккель... Даже автографъ! Пф... пф... (Не безъ ироніи) Значитъ, онъ былъ вашимъ учителемъ?

Иоганнесъ (быстро, вспыхнувъ). Да... горжусь этимъ.

Фокератъ. Моя дочь права, дорогой пасторъ. На воздухъ гораздо теплѣе. Если вы не имѣете ничего противъ... Я захвачу вино и стаканы...

Пасторъ Коллинъ. Съ удовольствіемъ! Пф... пф... Прекрасно! Пф... пф... Только, знаете, на нѣсколько минутъ... не больше. (Идетъ за Фокератомъ. Колкимъ тономъ) Человѣкъ, г. судья, человѣкъ, слышите, больше ужъ... пф... пф... не образъ и подобіе Божіе. Нѣтъ, просто—обезьяна... Къ этому заключенію пришли, по крайней мѣрѣ, естественныя науки... (Уходятъ на веранду, оттуда, оживленно жестикулируя, спускаются въ садъ).

Браунъ (смѣется про себя).

Иоганнесъ. Чего ты смѣешься?

Браунъ. Чему смѣюсь? Радуюсь!

Иоганнесъ. Радуешься?

Браунъ. Да. Развѣ нельзя?

Иоганнесъ. Пожалуйста, пожалуйста! (Ходитъ взадъ и впередъ, вдыхаетъ и вдругъ обращается къ Кэте, которая собралась уходить). Можетъ-быть, я былъ рѣзокъ?

Кэте. Немного, да.

Иоганнесъ (пожимая плечами). Ну, господа! Я просто не въ состояніи. Не выношу я этого. Всему есть границы. Если имъ угодно спровоцировать...

Кэте. Да, но все было очень деликатно.

Иоганнесъ. Да!..

Кэте. Онъ, можетъ-быть, и не замѣтилъ даже.

Иоганнесъ (ходитъ по комнатѣ, почесывая голову). Все-таки непріятно.

Браунъ. Новая причина для огорченій, Гансъ!

Иоганнесъ (вдругъ выходитъ изъ себя). Да оставьте вы меня въ покоѣ, чортъ возьми! Слишкомъ далеко заходите... Если у меня лопнетъ терпѣніе...

Браунъ. Было бы очень недурно!

Иоганнесъ (къ Брауну). Вы слѣпые фанатики, больше ничего! Какой смыслъ выкладывать старику правду? Знаешь, что я тебѣ скажу: когда ты такъ говоришь, мое раздраженіе исчезаетъ. Мнѣ дѣлается совершенно ясно, что это просто ребячество—раздражаться на такихъ людей. То же

самое, если бы я сталъ возмущаться тѣмъ, что у сосны иголы, а не листья. Надо быть объективнымъ, другъ мой.

Браунъ. Въ наукѣ, пожалуй, но не въ жизни.

Юганнесъ. Ахъ, господа! Какъ мнѣ надоѣлъ весь этотъ вздоръ... Такъ надоѣлъ... Вы представить себѣ не можете, до какой степени... (Носится взадъ и впередъ по комнатѣ).

Браунъ (отходить отъ печки, у которой онъ стоялъ, къ столу и гладить окурокъ въ пепельницу). А мнѣ нѣтъ? И очень даже! Но вѣчно изъ-за этого нить и хныкать? Нѣтъ, чортъ возьми!

Юганнесъ (мѣняя тонъ, смѣется). Ну, ну, не горячись! О томъ, чтобы вѣчно нить и хныкать, и рѣчи нѣтъ. А если иной разъ и вздохнешь... Что-жь—просто не хватаетъ воздуха, вотъ и все! Нѣтъ, нѣтъ! Жизнь моя вовсе не такъ ужъ плоха, и, во всякомъ случаѣ, въ такого банкрота, какъ ты, я еще не скоро превращусь.

Браунъ. Можетъ-быть.

Юганнесъ. Характеръ показываешь?

Браунъ. Ничуть.

Юганнесъ. Да, банкротъ, банкротъ! А что, собственно, значить банкротъ? Въ концѣ концовъ и ты не банкротъ, такъ же, какъ и я. Вотъ только если-бъ я не испортилъ настроенія своему старику и пастору!

Кѣте (обнимая Юганнеса). О, Ганнесъ, Ганнесъ! Не падай духомъ!

Юганнесъ. Вотъ и работа моя меня мучить. Уже двѣ недѣли не могу работать.

Браунъ. Трусливъ! Самому себѣ не хочешь признаться, какъ это ничтожно...

Юганнесъ (не дослышавъ). Что?

Браунъ. Ничего... Знаешь поговорку? «Если дождикъ—станетъ сыро... Если снѣгъ—то будетъ бѣло... А заморзнетъ—станетъ ледъ...»

Юганнесъ. Глупо!

Кѣте. Не грусти, Фрицъ! Подумай о нашемъ маленькомъ Филиппѣ. Зимой намъ будетъ здѣсь такъ уютно! Посмотри, какъ ты начнешь работать.

Юганнесъ. Знаешь, Брео, ужъ четвертая глава готова!

Браунъ (безучастно). Да?

Юганнесъ. Вотъ рукописи! Однихъ источниковъ двѣнадцать страницъ. Это—работа! А? И затрясутся же старые парики.

Браунъ. Полагаю.

Иоганнесъ. Вотъ, посмотри, напимѣрь... (Перелистываетъ рукопись). Здѣсь я нападаю на Дюбуа-Реймона.

Браунъ. Только не читай сейчасъ. Такая лѣнь напала... Въ другой разъ.

Иоганнесъ (покорно). Конечно, конечно! Я и не хотѣлъ. Я...

Кѣте. Да сейчасъ и обѣдать будемъ.

Иоганнесъ. Конечно, конечно... Я вовсе и не хотѣлъ... Я хотѣлъ только... Э! (Со вздохомъ кладетъ рукопись назадъ въ книжный шкафъ).

Кѣте. Развеселись, Ганнесъ!

Иоганнесъ. Ахъ, Кѣте, я и такъ веселъ!

Кѣте. Нѣтъ, ты опять сталъ грустный...

Иоганнесъ. Хотъ бы одинъ человѣкъ во всемъ мѣрѣ поддержалъ меня! Не такъ ужъ много и требуется! Немножко сочувствія, немножко пониманія моей работы!

Кѣте. Будь благоразуменъ, не мучь ты самъ себя! Подожди, еще придетъ время, и всѣ они поймутъ...

Иоганнесъ. А до тѣхъ поръ? Ты думаешь, легко быть совсѣмъ безъ поддержки?.. Развѣ можно долго выдержать это?

Кѣте. Думаю, Ганнесъ... если тяготитъ какая-нибудь мысль, нѣжно освободиться отъ нея. Поди взгляни на Филиппа. Когда онъ спитъ, онъ такой славный. Лежить такъ... (Показываетъ, какъ онъ складываетъ ручки). Лапки — въ кулачки. Умереть можно со смѣху. Пойдемъ.

Иоганнесъ (Брауну). Пойдемъ съ нами?

Браунъ. Ну ужъ нѣтъ... Ни малѣйшей слабости не питаю къ маленькимъ дѣтямъ... Я похожу немного по саду. (Уходитъ на веранду).

Иоганнесъ. Странный малый!

Кѣте (осторожно открываетъ дверь въ спальню). Чтò за прелесть! Тсс... тише, тише... (Оба, держась за руки, уходятъ на цыпочкахъ. Г-жа Фокератъ и горничная между тѣмъ накрываютъ на верандѣ на столъ. Вдругъ раздается сильный шумъ отъ упавшей на камни посуды и разбившейся груды фарфора. Короткій крикъ, и блѣдная горничная пробѣгаетъ черезъ комнату, отъ веранды къ входной двери. За горничной входитъ г-жа Фокератъ, бранясь ей вслѣдъ).

Г-жа Фокератъ. Это, наконецъ, невозможно, Минна! Каждый день бьетъ! И такой чудный майонезъ! (Горничная уходитъ въ наружную дверь). У меня бы не случилось ничего подобнаго... Ихъ надо учить!

Иоганнесъ (выходитъ на стукъ изъ спальни). Чтò такое, мамочка? (Обнимаетъ ее и старается успокоить) Ну, успокойся, успокойся! Разстраиваться нечего!

Кэте (въ дверяхъ). Чтò случилось?

Юганнесъ. Да ровно ничего!

Кэте (исчезаетъ).

Г-жа Фокератъ. Ничего... Благодарю покорно! На десять марокъ набила посуды — и ничего! Да и майонеза нѣтъ... Ахъ... (Отталкиваетъ Юганнеса).

Юганнесъ. Ну, мама, мама! И безъ майонеза отлично обойдёмся.

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, нѣтъ! Вы слишкомъ легкомысленны! У васъ нѣтъ средствъ, чтобы швыряться такъ. Вы слишкомъ много спускаете прислугѣ. Вотъ съ ней и нѣтъ сладу...

Юганнесъ. Но вѣдь ей же приходится всегда возиться съ посудю и...

Г-жа Фокератъ. Я тоже не тиранка... У меня горничныя по шести, по семи лѣтъ жили. Но если онѣ разобьютъ, онѣ должны купить. Конечно, у васъ имъ — и пирожное, и икра!.. Все новыя идеи! Ну, и оставьте меня въ покоѣ!

Юганнесъ (весело). Ну, мамочка, будь подобрѣ!

Г-жа Фокератъ. Да я и такъ добра, родной мой! (Цѣлуетъ его). Ахъ, ты, верченая голова! Не годишься ты для жизни! (Видно, какъ на верандѣ горничная вытираетъ и подбрасываетъ осколки).

Юганнесъ (смущенно). Это правда, мама! (Весело) Но зачѣмъ у тебя всегда такой... такой взглядъ? Страхъ какой-то... Напряженность...

Г-жа Фокератъ. У меня? Право, не знаю... Какой у меня взглядъ?

Юганнесъ. Ну-ка, взгляни на меня еще разъ.

Г-жа Фокератъ. Глупый ты! (Пристально смотритъ на него).

Юганнесъ. Вотъ теперь хорошо.

Г-жа Фокератъ. Глупый ты! Какъ бы я хотѣла, чтобы ты былъ всегда доволенъ!.. Былъ бы удовлетвореннымъ человекомъ!

Юганнесъ. Этого, мама, тебѣ не дождаться. Удовлетворенные люди — это трутни въ ульѣ. Жалкія существа!

Г-жа Фокератъ. Но къ чему все это?

Юганнесъ (серьезнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе взволнованно). И ребенокъ нашъ тоже долженъ быть настоящимъ «неудовлетвореннымъ человекомъ».

Г-жа Фокератъ. Избави Боже!

Юганнесъ. Впрочемъ, онъ долженъ быть не такимъ, какъ я... Другимъ! Ужъ я позабочусь объ этомъ!

Г-жа Фокератъ. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Мы вѣдь тоже дѣлали все, что могли.

Иоганнесъ. Ну, мамочка, въ концѣ концовъ и я ужъ не такой неудачникъ.

Г-жа Фокератъ. Конечно, нѣтъ! Я и не говорю этого! И не думала говорить! Но вѣдь ты же самъ говоришь, что Филиппъ долженъ быть не такимъ... и... послушай: ты не вѣришь... не вѣришь въ Бога. У тебя нѣтъ никакой религіи... А это очень тяжело.

Иоганнесъ. Религія, религія! Да, конечно, я не вѣрю, что Богъ имѣетъ наружность человѣка и человѣческіе поступки, что у Него есть Сынъ и т. д.

Г-жа Фокератъ. Но вѣдь въ это надо же вѣрить, Иоганнесъ!

Иоганнесъ. Нѣтъ, мама, можно не вѣрить въ это и все-таки имѣть религію. Кто старается познать природу, тотъ стремится и къ познанію Бога. Богъ — въ природѣ. «Что это за Богъ, который дѣйствуетъ извнѣ и однимъ прикосновеніемъ пальца приводитъ все кругомъ въ движеніе. Ему подобаешь двигать мірами изнутри»...—говоритъ Гёте, мамочка, а онъ понималъ это лучше, чѣмъ пасторы и суперинтенденты всего міра.

Г-жа Фокератъ. Ахъ, милый мой! Когда я слушаю, какъ ты говоришь... какъ больно, что ты не остался теологомъ. Я помню, что сказалъ мнѣ твой наставникъ послѣ твоей пробной проповѣди...

Иоганнесъ (весело). Ну, мамочка, было и прошло! (Раздается звонокъ).

Г-жа Фокератъ. Вѣдь дверь, кажется, не заперта. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ входной двери. Стукъ въ дверь).

Прачка Леманъ (въ синемъ полинявшемъ ситцевомъ платьѣ. Входитъ робко). Здравствуйте.

Г-жа Фокератъ }
Иоганнесъ } (не совсѣмъ одновременно). Здравствуйте, г-жа Леманъ!

Г-жа Леманъ. Я только хотѣла спросить... ужъ вы простите, г-жа Фокератъ... я ищу своего жилища, давно ужъ ищу...

Иоганнесъ. Понятно, г-жа Леманъ... Г-нъ Браунъ здѣсь.

Г-жа Леманъ. Тс... тс... (Оглядываясь вокругъ) Да, кому такъ посчастливится!

Г-жа Фокератъ. Какъ поживаете, г-жа Леманъ?

Г-жа Леманъ. Ахъ, г-жа Фокератъ! Плохо, очень плохо! Старика своего пришлось выгнать. Невозможно было. Какъ быть теперь... съ пятью ребятами... Просто не знаю.

Г-жа Фокератъ. Да что вы! Но...

Г-жа Леманъ (дѣлаясь все разговорчивѣе). Да видите ли, г-жа Фокератъ, если бы я-то еще не такъ ослабла! А я совсѣмъ стала слабая. А злость-то, г-жа Фокератъ, такъ и грызеть... И никто меня не можетъ осудить за это. Я и сказала своему старику: Адольфъ, говорю я, иди ты, говорю, ради Бога, къ своимъ братьямъ. Да! Иди къ своимъ собутыльникамъ. Ступай, говорю... А ужъ для своихъ пятерыхъ-то сама буду тянуться. Если ты и заработаешь что, все самъ, говорю я ему, сейчасъ и пропьешь. Ума въ тебѣ, говорю, нѣтъ! Если бы былъ у тебя умъ, говорю, такъ не довель бы ты жену и дѣтей до нищеты... говорю... Да, г-жа Фокератъ, такъ я ему все и сказала, а самоѣ такъ и прокололо насквозь, точно жало какое впилось въ меня, да. Да развѣ поможешь! По правдѣ сказать, такъ-то лучше! Ну, думаю, Господь поддержитъ меня съ моими пятью ребятишками, да... (Сморкается и вытираетъ слезы).

Г-жа Фокератъ. Намъ всѣмъ приходится...

Г-жа Леманъ. Вотъ, вотъ, и я то же сказала. Ступай ты, говорю, хоть къ индѣйцамъ. Уходи. Если бы ты былъ человѣкъ честный, говорю я, и могъ работать, говорю я, и хоть нѣсколько приносить пфенниговъ, говорю, тогда еще можно было бы жить. А я честная женщина, г-жа Фокератъ. Будь что угодно, не трону... пальцемъ не дотронусь...

Юганнесь. Вы хотѣли поговорить съ Брауномъ, г-жа Леманъ?

Г-жа Леманъ. Нѣтъ!.. Ахъ, я и забыла совсѣмъ... Барышня тутъ одна его спрашиваетъ. (Черезъ входную дверь показывается голова Фрейлейнъ Маръ и сейчасъ же исчезаетъ. Юганнесь замѣтилъ ее).

Юганнесь. Пожалуйста... Пожалуйста, войдите! (Спрашиваетъ мать и г-жу Леманъ, ничего не замѣтившихъ) Вотъ эта барышня? (Г-жѣ Леманъ) Да вы попросили бы ее войти. (Отворяя входную дверь) Прощу васъ, пожалуйста сюда. Вы хотѣли бы видѣть моего друга Брауна? Будьте любезны, входите!

(Анна Маръ—дѣвушка 24-хъ лѣтъ, средняго роста, съ небольшою головою и темными, гладко причесанными волосами. Тонкое нервное лицо. Въ ея непринужденныхъ движеніяхъ—грація и сила. Нѣкоторая увѣренность и рѣзкость на ряду со скромностью и тактомъ нисколько не нарушаютъ впечатлѣнія женственности. Анна одѣта въ черное).

Анна Маръ (входитъ). Извините, ради Бога. Мнѣ такъ непріятно, что я побезпокоила васъ.

Юганнесь. Да, пожалуйста, пожалуйста, прошу васъ!

Анна. Г-жа Леманъ пропала... И я только хотѣла ска-

зять ей... что я могу повидать г. Брауна какъ-нибудь въ другой разъ.

Гюганнесь. Да чтѣ вы! Я сейчасъ же позову Брауна. Садитесь, пожалуйста.

Анна. Очень вамъ благодарна. (Продолжаетъ стоять). Нѣтъ, право, мнѣ такъ непріятно...

Гюганнесь. Да пожалуйста... Я сейчасъ позову Брауна. Анна. Я доставила вамъ безпокойство...

Гюганнесь. Нисколько. Простите на одну минуту. (Уходитъ на веранду).

(Небольшая пауза—въ силу легкаго замѣшательства).

Г-жа Леманъ. Ну, такъ я пойду. (Аннѣ) Назадъ вы и одна найдете дорогу.

Анна. Да, да, благодарю васъ, что проводили. Пожалуйста! (Дастъ ей денегъ).

Г-жа Леманъ. Очень вамъ благодарна, очень благодарна! (Г-жѣ Фокератъ) Вотъ и весь мой заработокъ сегодня, г-жа Фокератъ, ей-Богу! Да, не легко приходится. А все-таки, говорю я, лучше собственную шкуру продать, чѣмъ жить съ такимъ пьяницей. Да... надо только надежды на Бога не терять! Господь Богъ никогда еще не оставлялъ меня. (Берется за дверную ручку). Ну, теперь прямо въ лавочку купить чего-нибудь своей пятеркѣ. (Уходитъ).

Г-жа Фокератъ (ей вслѣдъ). Зайдите-ка на кухню! Найдется что-нибудь... (Переноситъ свой стулъ къ стулу, около котораго стоитъ Анна, и садится). Пожалуйста. Присядьте!

Анна (медленно опускаясь на стулъ). Я совсѣмъ не устала, я...

Г-жа Фокератъ. Вы знаете эти края?

Анна. Нѣтъ. Я изъ русскихъ остзейскихъ провинцій, я... (Пауза смущенія).

Г-жа Фокератъ. Здѣсь все пески. Не нравится мнѣ здѣсь. Я изъ-подъ Бреславля. А какъ здѣсь все дорого,—вы и представить себѣ не можете. Мой мужъ арендуетъ дворянское имѣніе. Ну, это еще ничего, мы даже кое-что можемъ посылать дѣтямъ. А озеро видѣли? Дѣйствительно, очень красиво! И у насъ очень хорошо... Мы на самомъ берегу. У насъ двѣ лодки. Но я не люблю, когда дѣти катаются на лодкѣ. Знаете, я боюсь... Позвольте спросить, вы живете теперь въ Берлинѣ?

Анна. Да... Я тамъ въ первый разъ. Мнѣ бы хотѣлось хорошенько осмотрѣть Берлинъ.

Г-жа Фокератъ. О, да! Берлинъ стоить посмотрѣть! Только ужъ очень шумно.

Анна. Да, шумно. Особенно, если привыкла къ маленькому городку.

Г-жа Фокератъ. Вы откуда сами?

Анна. Изъ Ревеля, возвращаюсь въ Цюрихъ. Последніе четыре года я жила въ Цюрихъ.

Г-жа Фокератъ. Вотъ какъ! Прелестная Швейцарія! У васъ, вѣроятно, родственники въ Цюрихъ?

Анна. Нѣтъ... я учусь.

Г-жа Фокератъ. Вы... въ университетѣ?

Анна. Да, въ университетѣ.

Г-жа Фокератъ. Да не можетъ быть! Значить, вы—студентка? Что вы говорите? Это очень, очень интересно! Въ самомъ дѣлѣ студентка?

Анна. Въ самомъ дѣлѣ.

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, подумайте только! И что-жъ, вамъ нравится такъ много учиться?

Анна (весело). О, да, до извѣстной степени, конечно.

Г-жа Фокератъ. Просто невѣроятно.

(На верандѣ показываются Иоганнесь и Браунъ. Дамы видятъ, что они подходятъ, и встаютъ).

Анна. Мнѣ, право, непріятно, что я побезпокоила васъ.

Г-жа Фокератъ. Да что вы! Я ужасно рада, что своими глазами и такъ близко видѣла настоящую студентку. У насъ такія дикія представленія о нихъ. Вы родственница г. Брауну?

Анна. Нѣтъ... Мы познакомились съ нимъ въ Парижѣ, на выставкѣ.

Г-жа Фокератъ (подавая ей руку). Всего хорошаго! Очень пріятно.

Анна. Еще разъ... извините...

(Г-жа Фокератъ уходитъ съ поклономъ во входную дверь. Иоганнесь и Браунъ нѣсколько секундъ совѣщаются на верандѣ. Иоганнесь остается на верандѣ, а Браунъ входитъ въ комнату).

Браунъ (удивленно). Фрейлейнъ Маръ! Вы?!

Анна. Я! Надѣюсь, вы не считаете меня настолько безтактной... Въ томъ, что я попала сюда, виновата ваша хозяйка, эта оригинальная г-жа Леманъ...

Браунъ. Бимбамъ милостивый!

Анна. Все еще существуетъ... вашъ Бимбамъ?

Браунъ. И во снѣ не снилось! Упоительно!

Анна. И «упоительно» существуетъ? У васъ вѣдь все всегда упоительно. Совсѣмъ, совсѣмъ не измѣнились!

Браунъ. Думаето? Ну, снимайте пальто.

Анна. Нѣтъ, нѣтъ! Что вы! Мнѣ только хотѣлось взгля-

путь, что съ вами. (Лукаво) А больше всего хотѣлось узнать о вашей большой картинѣ. Можно полюбоваться ею?

Браунъ. И намека нѣтъ, фрейлейнъ Марь... полотно даже не куплено!

Анна. Нехорошо. Въ самомъ дѣлѣ,—очень нехорошо! А вы еще такъ твердо мнѣ обѣщали!

Браунъ. Человѣкъ предполагаетъ... а кучеръ располагаетъ... Снимайте же...

Анна. Нѣтъ! Я васъ повидала, г. Браунъ, и надѣюсь...

Браунъ. Нѣтъ, нѣтъ, вы должны остаться.

Анна. Здѣсь?

Браунъ. Да. Вѣдь вы не знаете, гдѣ мы?.. У Иоганнеса Фокерата. По моимъ рассказамъ вы его отлично знаете. Кстати сегодня здѣсь крестины. Вы попали какъ разъ въ-время.

Анна. Нѣтъ, нѣтъ! Неудобно... И мнѣ надо еще побывать сегодня въ городѣ въ тысячѣ мѣстъ.

Браунъ. Магазины сегодня всѣ заперты.

Анна. Ничего. Мнѣ надо къ знакомымъ. Но не воображайте, что вы отдѣлались отъ меня. Намъ нужно еще длинный разговоръ имѣть. Я должна еще прочитать вамъ хорошую нотацию. Вы... клятвopеступникъ! Вы попрежнему, кажется мнѣ, художникъ только въ нашемъ воображеніи!

Браунъ. Сперва надо идею выносить въ себѣ. А кисти не уйдутъ.

Анна. Ну, кто знаетъ!

Браунъ. Во всякомъ случаѣ, я васъ отсюда не выпущу.

Анна. Нѣтъ, г. Браунъ, оставьте вы меня въ покоѣ!

Браунъ (зоветъ). Гансъ! Гансъ!

Анна. Ради Бога!

(Иоганнесъ входитъ, краснѣя).

Браунъ. Позвольте васъ познакомить.. Мой другъ Иоганнесъ Фокератъ. Фрейлейнъ Анна Марь.

Анна } (вмѣстѣ). Я такъ много слышала о васъ.

Иоганнесъ } Я такъ много слышалъ о васъ.

Браунъ. Представь, Гансъ, фрейлейнъ Марь хочетъ уже уходить.

Иоганнесъ. Вы очень огорчите этимъ и мою жену и всѣхъ насъ... Подарите намъ сегодняшній день.

Анна. Право, не знаю... Впрочемъ, если, правда... я не стѣсню васъ... я съ удовольствіемъ останусь.

Иоганнесъ. Да нисколько, нисколько. (Помогаетъ ей снять кофточку и передаетъ ее Брауну). Повѣсь, пожалуйста. Я сей-

часъ скажу женѣ... (Подходить къ двери въ спальню). Катя!
(Уходитъ въ спальню).

Анна (оправляется передъ зеркаломъ). Вашъ другъ очень любезенъ.

Браунъ. Пожалуй, даже слишкомъ!

Анна. Почему?

Браунъ. Шучу, конечно. Онъ, дѣйствительно, хорошій малый. Только, когда дѣло доходитъ до его работы, онъ становится невыносимъ. Вотъ увидите, если вы останетесь здѣсь вечеромъ, онъ не пропуститъ случая почитать вамъ что-нибудь изъ своей работы.

Анна. Что это за работа?

Браунъ. Для меня слишкомъ ученая—философско-критико-психо-физиологическая. Почему я знаю!

Анна. Это интересно. Вѣдь я тоже, какъ говорится, «прикосновенна къ философiи».

Браунъ. Ну, тогда вы нескоро уйдете отсюда. Если вы заинтересуетесь его работою, вы несказанно его обрадуете.

Иоганнесъ (выходя изъ спальни). Браунъ!

Браунъ. Ну?

Иоганнесъ. Поди-ка къ Катя. Успокой ее немного. Оказывається, у мальчугана одно ребрышко слишкомъ выдается!

Браунъ. Еще что?

Иоганнесъ. Конечно, пустяки. Но все-таки зайди къ ней. Всегда сама себя разстраиваетъ.

Браунъ. Да ужъ хорошо, хорошо! Иду. (Уходитъ въ спальню).

Иоганнесъ. Жена проситъ извинить ее. Она через нѣсколько минутъ придетъ. Она поручила мнѣ пока показать вамъ нашъ садъ. Если вы не имѣете ничего противъ...

Анна. О, съ удовольствiемъ!

Иоганнесъ (улыбаясь). У насъ, правда, очень хорошенькое имѣнiе... то-есть мы арендуемъ его. Самая красота, конечно,—озеро. Вы знаете Мюггельское озеро? (Онъ передаетъ ей зонтикъ. Оба, разговаривая, идутъ къ двери на веранду). Я ненавижу городъ. Мой идеаль—уединенный паркъ, со всѣхъ сторонъ окруженный высокою стѣною. Никто не мѣшаетъ, можно жить для своихъ цѣлей.

Анна. Эпикурейство.

Иоганнесъ. Да, вы правы. Но, увѣряю васъ иначе я не могу... Вамъ не будетъ холодно?

АННА. О, нѣтъ! Я человѣкъ не измѣженный. (Иоганнесъ пропускаетъ Анну впередъ и идетъ вслѣдъ за нею на веранду. Здѣсь они остаются нѣсколько секундъ. Видно, какъ Иоганнесъ показываетъ и объясняетъ ей открывающійся съ веранды видъ. Наконецъ оба они исчезаютъ въ саду).

(БРАУНЪ и за нимъ КЭТЕ выходятъ изъ спальни).

БРАУНЪ (оглядываясь). Они ушли.

КЭТЕ. Ну?

БРАУНЪ. Нѣтъ, ничего... Совершенно естественное ребро.

КЭТЕ. Знаете, у меня какое-то щемящее чувство.

БРАУНЪ. Щемящее? Почему?

КЭТЕ (улыбаясь). Сердцебіеніе...

БРАУНЪ. Нервы еще не въ порядкѣ.

КЭТЕ. Она очень гордая?

БРАУНЪ. Кто?

КЭТЕ. Эта барышня.

БРАУНЪ. Маря? Гордая? Нисколько.

КЭТЕ. Почему же нѣтъ? Если бы я была на ея мѣстѣ, я бы...

БРАУНЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Вы, право, унижаете ее!

КЭТЕ. Напротивъ! Я чувствую къ ней безграничное уваженіе.

БРАУНЪ. Ну вотъ еще!.. Впрочемъ, иногда она бываетъ немного высокомерна... Ну, тутъ надо просто отучать ее. (Пауза).

КЭТЕ. Ганнесъ оставилъ здѣсь листъ изъ своей рукописи... Понимаетъ она что-нибудь въ этомъ?

БРАУНЪ. Еще бы!

КЭТЕ. Вотъ какъ! Рядомъ съ образованными людьми такія, какъ я, играютъ жалкую роль...

БРАУНЪ. Э, что тамъ! Я тоже не очень разбираюсь въ этомъ. Мало учился. Но мнѣ эта школьная мудрость не импонируетъ.

КЭТЕ. Говоритъ, навѣрное, блестяще?

БРАУНЪ. Блестяще? Нѣтъ. Говоритъ такъ... да какъ всѣ мы говоримъ... Она очень умна, — да, но изъ этого еще...

КЭТЕ (улыбаясь). Когда я была дѣвочкой, я была страшной болтушкой... Цѣлые дни безъ умолку болтала о всякихъ пустякахъ. Отъ этого я отучилась. Но зато теперь боюсь вообще разговаривать, боюсь слово сказать. (Подходить къ двери на веранду). Мамочка, надо еще приборъ поставить!

Г-жа ФОКЕРАТЪ (съ веранды, гдѣ она опять накрываетъ на столъ). А кто же еще будетъ?

Кэте. Фрейлейнъ.

Г-жа Фокератъ. Кто? Ахъ, да! Хорошо, хорошо, Кэте.

Кэте (обращается опять къ Брауну, со вздохомъ). Да, теперь уже все пропало! Стараешься, да что толку? Время ушло! (Подходя къ букету) Посмотрите, какъ красиво. Еще розы. (Даетъ понюхать Брауну). И какъ сильно еще пахнутъ!

Браунъ. Превосходно.

Кэте (ставитъ букетъ на мѣсто). Она молода?

Браунъ. Кто?

Кэте. Фрейлейнъ Маръ.

Браунъ. Сколько ей лѣтъ,—не знаю.

Кэте. Мнѣ уже двадцать два года. Да... Дѣло ужъ къ старости!

Браунъ. И къ глубокой! (Смѣется).

Кэте. И какая маленькая, узкая!

(Г-жа Фокератъ просовываетъ въ дверь голову).

Г-жа Фокератъ. Господа, у меня все готово! (Исчезаетъ. Кричитъ съ веранды въ садъ) Папа! Папа!

(Г-нъ Фокератъ и пасторъ, оба въ очень хорошемъ настроеніи, поднимаются по лѣстницѣ на веранду).

Фокератъ (въ дверяхъ, держитъ пальто пастора). Ну, вотъ! Войдите и разоблачайтесь! Ха-ха-ха! (Отъ души хохочетъ).

Пасторъ Коллинъ (со шляпой, палкой и пледомъ въ рукахъ; то хохочетъ, то пускаетъ клубы дыма). Ха-ха-ха! Въ самомъ дѣлѣ, очень смѣшно. Пф... пф... очень смѣшно. (Хохочетъ).

Фокератъ. И вѣдь это фактъ, г. пасторъ. (Несетъ его пальто).

Пасторъ Коллинъ. «Господинъ новопреставленный»... (Хохочетъ). Пф... пф... «Господинъ новопреставленный, можетъ, вамъ еще что угодно?» (Смѣется, вѣшаетъ пледъ, шляпу, но шапочки не снимаетъ).

Фокератъ (смѣясь вмѣстѣ съ нимъ). Г. новопреставленный... (Брауну) Это у насъ въ деревнѣ были какъ-то похороны, г. Браунъ. Стоятъ всѣ провожающіе покойника вокругъ гроба, и вдругъ... (Изображая ужасъ, быстро) вдругъ что-то зашевелилось... Можетъ-быть, стуломъ кто двинулъ или чѣмъ еще... Словомъ, что-то зашевелилось... (Изображаетъ ужасъ) Всѣ вздрогнули. Только сторожъ церковный, ха-ха-ха, не потерялся, — отчаянный онъ... Подходить къ гробу, ха-ха-ха, и стучитъ. (Подражаетъ голосу церковнаго сторожа и стучитъ пальцемъ по столу) «Господинъ новопреставленный, господинъ новопреставленный, можетъ, вамъ еще что угодно?» (Усиленно смѣется).

Пасторъ Коллинъ (смѣется). Можете себѣ представить?

Пф... пф!.. Это вѣрно. Я знаю этихъ церковныхъ сторожей.

Г-жа Фокератъ (входитъ). Ну, папочка, пожалуйста! А то супъ простынетъ.

Фокератъ. Пожалуйста, г. пасторъ!

Пасторъ Коллинъ. Обошли вы меня все-таки! (Кладетъ спгару въ пепельницу и подаетъ г-жѣ Фокератъ руку) Г-жа Фокератъ! Фокератъ (собираясь подать руку невѣсткѣ). А гдѣ же Иоганнесъ?

Г-жа Фокератъ. И фрейлейнъ? Право, это нехорошо со стороны Иоганнеса. Такой хорошій обѣдъ и весь...

Фокератъ (весело). Да, знаете, г. пасторъ, «между ртомъ и межъ фдой»,—ха-ха-ха!

Пасторъ Коллинъ. «Силы темныя толпой»,—ха-ха-ха!

Фокератъ. Должно-быть, это та самая дама. Мы видѣли на озерѣ какую-то парочку. Правда, г. пасторъ?

Пасторъ Коллинъ. Какъ же... какъ же... Они, навѣрно, на лодкѣ уѣхали.

Г-жа Фокератъ. Ну, начнемъ безъ нихъ.

Фокератъ. Кто опоздалъ...

Браунъ (наблюдавшій съ веранды, входитъ въ комнату). Идутъ, идутъ!

Фокератъ. Какъ разъ въ-время!

(Съ веранды входятъ Иоганнесъ и Анна).

Иоганнесъ. Мы опоздали?

Фокератъ. Нѣтъ, какъ разъ въ-время.

Иоганнесъ. Ради Бога, простите. Мы... На озерѣ такъ хорошо. Позвольте познакомиться. (Представляетъ) Г. пасторъ Коллинъ, мой отецъ, моя мать.

Г-жа Фокератъ. Мы уже познакомились.

Иоганнесъ. Моя жена. Фрейлейнъ Маръ.

(Всѣ оправляютъ платье и идутъ на веранду: г-жа Фокератъ под-руку съ пасторомъ, Кэте под-руку съ старымъ Фокератомъ, Анна— съ Иоганнесомъ. Одинъ, сади всѣхъ, идетъ Браунъ).

(Комната пустѣетъ. Изъ спальни долетаетъ тихое пѣнье кормилицы: бай-баю-бай... Съ веранды доносится звонъ посуды. Вдругъ входитъ Кэте и достаетъ что-то изъ выдвижного ящика стола. За нею поспѣшно входитъ Иоганнесъ).

Иоганнесъ. Послушай, Кэте... тебѣ же нельзя... нельзя такъ бѣгать. Позволь, я...

Кэте. Чтò ты, я ужъ не такъ слаба.

Иоганнесъ (съ пламеннымъ воодушевленіемъ). Знаешь, это поразительный человѣкъ! Такой запасъ знаній, такая самостоятельность сужденій! И подумать только, что такой

человѣкъ еле-еле сводить концы съ концами. Помнишь, Браунъ много рассказывалъ о ней. Собственно говоря, нашъ долгъ... да, просто наша обязанность уговорить ее погостить у насъ здѣсь хоть нѣсколько недѣль.

Кэте. Если хочешь...

Иоганнесъ. Совсе я не хочу. Тебѣ это гораздо нужнѣе, чѣмъ мнѣ. Ты должна этого хотѣть: отъ такой дѣвушки ты можешь многому научиться.

Кэте. Какой ты иногда бываешь злой, Ганнесъ.

Иоганнесъ. Да развѣ я не правъ? Тебѣ слѣдуетъ лихо-радочно хвататься за каждый случай хоть немного расширить свое развитіе... Ты должна стремиться къ этому. Ты должна удержать ее у насъ. Я не понимаю, какъ можно быть такой равнодушной.

Кэте. Да я всей душой за это, Ганнесъ.

Иоганнесъ. Никакого огня нѣтъ въ васъ, никакой инициативы! Ужасно!

(Пасторъ на верандѣ стучитъ ножомъ по стакану).

Кэте. Ступай, Ганнесъ, ступай! Пасторъ произноситъ тостъ. Я сейчасъ приду... А я... Я всей душой за то, чтобы она осталась. Ну, ступай,—надо же, чтобы хоть кто-нибудь изъ насъ тамъ былъ...

Иоганнесъ. Ну, будь милой, Кэте... будь милой. (Слѣдуетъ ее въ полные слезъ глаза и послѣшно идетъ на веранду. Слышенъ голосъ пастора. Все еще доносится тихое пѣніе кормилицы. Съ Кэте что-то произошло. Послѣ ухода Иоганнеса она сразу какъ бы вянетъ, слабѣетъ и направляется къ верандѣ, ища руками, о что бы опереться. Мгновеніями у нея кружится голова. Наконецъ она не въ состояніи идти и опускается на стулъ. Остановившійся взглядъ ея устремленъ въ одну точку, губы беззвучно шевелятся, на рѣсницахъ капли слезъ. Пасторъ кончилъ тостъ. Слышно, какъ чокаются. Кэте собирается съ силами, подымается со стула и идетъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Превосходное осеннее утро. Г-жа Фокергъ въ домашнемъ платьѣ, въ фартукѣ со связкою ключей, накрываетъ на столъ къ завтраку. Слышенъ хоръ мужскихъ голосовъ, поющій пѣсно: «Кого Господь захочетъ награждать». Мимо дома проходить «общество пѣнія». Изъ сада подымается на веранду Анна Маръ съ корзиной винограда. Она останавливается, прислушивается къ пѣнію, затѣмъ смотритъ вдаль черезъ озеро, прикрывая отъ солнца глаза рукой. Пѣніе понемногу стихаетъ. Анна входитъ. На ней черное утреннее платье съ короткими рукавами. На головѣ и вокругъ шеи черный кружевной шарфъ. На груди букетъ изъ пестрыхъ осеннихъ листьевъ.

Г-жа Фокератъ. А, доброе утро!

Анна (ставитъ корзину въ сторону, спѣшитъ къ г-жѣ Фокератъ и цѣлуетъ ей руку). Доброе утро, тетушка Фокератъ!

Г-жа Фокератъ. Такъ рано и ужъ встали?

Анна. Мы собираемъ съ г. Иоганнесомъ виноградъ.

Г-жа Фокератъ. Да, ужъ пора. (Пробуетъ ягоды изъ корзины) Слаще не будетъ... Неужели вамъ не холодно? (Трогаетъ пальцами обнаженную руку Анны). Вы такъ легко одѣты. Сегодня, по-моему, совсѣмъ свѣжо!

Анна (во время разговора тщательно вынимаетъ вѣтки винограда и раскладываетъ ихъ на деревянной дощечкѣ). Довольно свѣжо. Но мнѣ ничего. Я привыкла къ холоду. Поразительный воздухъ! Сваи въ озерѣ — знаете, къ которымъ привязываютъ лодки—утромъ были совершенно бѣлыя отъ инея. Такъ оригинально. Вообще здѣсь замѣчательно красиво... Можетъ-быть, помочь вамъ, тетушка Фокератъ?

Г-жа Фокератъ. Передайте мнѣ, пожалуйста, сахарницу.

Анна (ставитъ сахарницу на столъ. Наклонившись къ столу, смотреть въ сторону). Вы не сердитесь на меня, что я зову васъ тетушкой Фокератъ?

Г-жа Фокератъ (смѣется). Почему же?

Анна. Я такъ рада, что вы позволяете. (Порывисто и горячо цѣлуетъ г-жу Фокератъ). Ахъ, я такъ благодарна, что вы позволяете мнѣ жить здѣсь.

Г-жа Фокератъ. Да что вы, фрейлейнъ Анна!

Анна. Я чувствую себя такъ хорошо въ вашей семьѣ. Вы всѣ такъ сердечны ко мнѣ. И вообще всѣ вы такіе хорошіе люди.

Г-жа Фокератъ. Ахъ, ты!.. Сколько паутины на васъ! (Снимаетъ паутинки съ платья Анны).

Анна. Сколько счастья можетъ дать семья! До сихъ поръ все это было мнѣ такъ чуждо!

Г-жа Фокератъ (все еще снимая паутину). Ну, ну... Не сглазьте!... Погодите... настоящія веревки!

Анна. А вы суевѣрны, тетушка Фокератъ?

Г-жа Фокератъ. О, нѣтъ, нѣтъ, милая! Это правда, Господь милостивъ къ намъ. И все-таки и у насъ.. не совсѣмъ такъ, какъ могло бы быть.

Анна. Не знаю. Но вѣдь вы всѣ такъ... Ахъ, нѣтъ, вамъ не на что жаловаться...

Г-жа Фокератъ. Да, да, вы правы. Не слѣдуетъ роптать... (Уклончиво) Удивительно хорошо, что вы теперь у насъ! (Таинственно) И для Иоганнеса вы—добрый геній.

Анна (смущенная, то краснѣетъ, то блѣднѣетъ, потомъ говорить съ горячностью). Такъ вы, правда, ничего не имѣете противъ меня?

Г-жа Фокератъ. Я васъ очень люблю.

Анна. Все-таки не такъ, какъ я васъ. Я люблю васъ, какъ родную мать. (Беретъ пустую корзину, собираясь идти опять въ садъ). У г. Юганнеса слишкомъ доброе, слишкомъ мягкое сердце.

Г-жа Фокератъ. Почему?

Анна. Да такъ... вообще... Вотъ, наприимѣръ, вчера мы встрѣтили на улицѣ пьянаго. Какъ разъ въ это время возвращались изъ школы ребятишки. Да и взрослые даже не оставляли его въ покоѣ. У Мюггельскаго замка собралась цѣлая толпа...

Г-жа Фокератъ. Да, да! Этого онъ не выносить. Въ такихъ случаяхъ его не удержишь. У него уже было изъ-за этого столько неприятностей.

Анна. Развѣ это нехорошо, тетушка Фокератъ?

Г-жа Фокератъ. Хорошо? Да, конечно, онъ очень добрый. Но если хорошенько подумать, какая отъ этого польза... Какая польза отъ всей этой доброты! А потомъ, хоть онъ и добръ, а отъ Бога онъ отвернулся... Повѣрьте, это очень тяжело, фрейлейнъ, для матери... для родителей... которые всю свою душу отдали за то, чтобы сдѣлать изъ сына добраго христіанина. (Сморкается, чтобы скрыть волненіе). Ахъ, этотъ глупый насморкъ! Ужъ сколько дней!.. (Стираетъ пыль. Послѣ паузы) Да, онъ добрый, да! И это очень хорошо, только отъ этого еще вдвое больнѣе... И это безъ возмездія не проходить... Это замѣтно, — ему ни въ чемъ нѣтъ успѣха, да... Вѣчное безпокойство, вѣчное стремленіе куда-то... Какая-то погоня... И хоть бы выходило изъ этого что-нибудь! А то вѣдь — нѣтъ... впередъ онъ не идетъ! А какой онъ былъ раньше... ребенкомъ... Поразительный ребенокъ былъ... Помню, пасторъ Шмидель... Всѣ удивлялись. Тринадцати лѣтъ — уже въ старшемъ отдѣленіи, въ семнадцать — кончилъ гимназію. А теперь? А теперь почти всѣ обогнали его... Теперь ужъ многіе, у которыхъ и въ половину не было его способностей, уже давно на службѣ!

Анна. Собственно говоря, это вполне естественно. Это только доказываетъ, что г. Юганнесъ выше средняго уровня... Торные дороги — не для всѣхъ. Г. Юганнесъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые ищутъ новыхъ путей.

Г-жа Фокератъ. Но кому же это нужно, фрейлейнъ

Анна? Чтò толку въ томъ, что онъ такъ себя изнуряетъ? Мнѣ во сто разъ было бы пріятнѣе, если бы онъ былъ простымъ земледѣльцемъ... или садовникомъ, хоть чиновникомъ или чѣмъ-нибудь еще... Только бы не было у него этихъ пустыхъ мечтаній. Но, простите, фрейлейнъ, я еще испорчу вамъ расположеніе духа. Иногда находить на меня... Иногда кажется, что не вынесешь этого!.. А потомъ поплачешь немного и подумаешь: Господь устроить какъ-нибудь... Да, да! Вотъ вы улыбаетесь... Я — старого вѣка и отъ него не отступлю... Отъ Того, Кто на небесахъ, вы меня никакими силами не заставите отвернуться.

Анна. Да я и не собираюсь. Я и не смѣялась, тетушка Фокератъ. Но видите, вы и сами сейчасъ развеселились. Пойдемте... Хотите? На верандѣ чудесно...

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, нѣтъ. Еще простужусь тамъ. Да и дѣло у меня есть. Идите да приведите Иоганнеса. Завтракъ готовъ. (Анна уходитъ).

(Г-жа Фокератъ стираетъ съ мебели пыль. Слышны барабаны и флейты. Г-жа Фокератъ спѣшить къ окну. Звуки инструментовъ постепенно затихаютъ. Изъ спальни входитъ Кэте въ капотѣ).

Кэте (утомленная). По воскресеньямъ здѣсь слишкомъ шумно.

Г-жа Фокератъ. Это, Кэтель, гимнастическій кружокъ изъ Берлина. Веселые люди! Съ добрымъ утромъ, дорогая! Ну, какъ выспалась? Хорошо? Видъ у тебя сегодня не особенный.

Кэте. Маленькій два раза просыпался.. И я долго не могла заснуть... Все думала... думала о многомъ...

Г-жа Фокератъ. Ужъ пора передать его кормилицѣ... Можеть теперъ и одна съ нимъ спать...

Кэте (съ мягкимъ упрекомъ). Ахъ, мама, ты же знаешь...

Г-жа Фокератъ. Да почему же нѣтъ?

Кэте. Ты же знаешь, что я этого не сдѣлаю.

Г-жа Фокератъ. Въ концѣ концовъ придется же, Кэте, это сдѣлать.

Кэте (раздражаясь). Ни за что съ нимъ не разстанусь. Филиппъ—мой ребенокъ. Оставлять такую крошку безъ матери...

Г-жа Фокератъ. Да чтò ты, дѣточка! Сохрани Богъ! Кто же говоритъ объ этомъ! Погоди, я принесу тебѣ... кофе... сдѣлать тебѣ бутербродъ или...

Кэте (сидя за столомъ, утомленно). Да, пожалуйста! (Пауза, во время которой г-жа Фокератъ намазываетъ масло на хлѣбъ). А гдѣ Иоганнесъ?

Г-жа Фокератъ. Онъ съ фрейлейнъ Анной собираетъ виноградъ.

Кэте (опускаетъ подбородокъ на руки, говорить, растягивая слова). Она очень симпатичная. Правда?

Г-жа Фокератъ. Да. По правдѣ сказать, она мнѣ тоже нравится.

Кэте. Ну, вотъ видишь, мамочка, а ты всегда была такого дурного мнѣнія объ эмансипированныхъ женщинахъ.

Г-жа Фокератъ. Да, правда. И сознаюсь...

Кэте (вяло). Такая простая, женственная. Ни малѣйшей навязчивости... А она вѣдь очень образованная и очень умная. По-моему, это очень хорошо... Правда, мамочка? Она совсѣмъ не старается блеснуть своими знаніями... И за Иоганнеса я очень рада. Ты не находишь, что онъ теперь всегда такой веселый?

Г-жа Фокератъ (съ удивленіемъ). Да, да, правда. Онъ геперь иногда прямо дурачится.

Кэте. Правда, мамочка?

Г-жа Фокератъ. Потому что теперь у него есть человекъ, передъ которымъ онъ можетъ выкладывать всю свою ученость.

Кэте. А для него это очень важно.

Г-жа Фокератъ. Да, можетъ-быть, можетъ-быть. (Пауза).

Кэте. Въ очень многомъ я согласна съ фрейлейнъ Анной. Недавно она сказала: «Мы, женщины, находились въ приниженномъ состояніи». И она совершенно права. Я сотни разъ чувствовала это.

Г-жа Фокератъ. Ну, это меня нисколько не огорчаетъ. Знаешь, съ этими разговорами ко мнѣ, старой и опытной женщинѣ, она можетъ не являться. Впрочемъ, она это поняла. Я слишкомъ стара для этого и слишкомъ много переиспытала.

Кэте. Но она права, мама. Ясно, какъ день, что она права. Мы, въ самомъ дѣлѣ, какія-то презрѣнныя созданья... Подумай только,—въ нашихъ законахъ есть одна статья,—она вчера рассказывала,—по которой мужъ еще и теперь имѣетъ право подвергнуть жену тѣлесному наказанію.

Г-жа Фокератъ. Не знаю, ничего не могу объ этомъ сказать. Во всякомъ случаѣ, это было бы совсѣмъ ужъ не такъ плохо. Только, если ты хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, — оставь ты эти новыя идеи. Онѣ только съ толку сбиваютъ и отнимаютъ покой и миръ. Погоди, дѣтка. Я

сейчас кофе принесу. Да, я держусь, по крайней мѣрѣ, такого мнѣнія. (Уходит).

(Кэте сидитъ за столомъ, облокотившись на столъ и положивъ подбородокъ на руки. Въ это время неожиданно мимо дома проходятъ Іоганнесъ и Анна, громко разговаривая и смѣясь. Кэте пугается, вздрагиваетъ и подымается, чтобы прослѣдить ихъ глазами. Во взглядѣ ея—страхъ, она тяжело дышитъ. Слышно, какъ г-жа Фокератъ шумитъ кофейникомъ. Сейчас же послѣ этого входитъ г-жа Фокератъ и застаётъ Кэте въ той же позѣ, въ какой ее оставила).

Г-жа Фокератъ (внося кофе). Ну, вотъ... Выпей-ка да подкрѣпись.

(Фрейлейнъ Анна и Іоганнесъ входятъ съ веранды).

Іоганнесъ (оставляя дверь открытой). Дверь мы откроемъ. Солнце ужъ начало припекать. Очень сильныя пораненія, фрейлейнъ Анна?

Анна (втаскивая нѣсколько длинныхъ виноградныхъ лозъ). Нѣтъ, пустяки! Шпалеры такія мокрыя... я и поскользнулась съ ножницами... (Поспѣшно подходитъ къ Кэте, беретъ ее за обѣ руки и цѣлуетъ въ лобъ). Доброе утро, г-жа Кэте! У-у, какія холодныя руки! Ужасно холодныя! (Старается согрѣть ей руки).

Іоганнесъ (подойдя сзади, цѣлуетъ Кэте въ щеку). Съ добрымъ утромъ, Кэте! (Съ комичнымъ изумленіемъ) Боже мой, какой у тебя опять видъ! Ужасно! Совсѣмъ больной цыпленокъ!

Г-жа Фокератъ. Какой холодъ вы принесли съ собою! Да, скоро ужъ придется топить. Ну пожалуйста, господа! (Наливаетъ всѣмъ).

Анна (украшая столъ лозами). Украсить немного?

Кэте. Очень красиво.

Іоганнесъ (сидя). Ну, а теперь прошу констатировать, каковъ видъ теперь у фрейлейнъ Анны, и какъ выглядѣла она недѣлю назадъ, когда только-что пріѣхала.

Анна. Мнѣ здѣсь слишкомъ ужъ хорошо! Надо ужъ собираться!

Г-жа Фокератъ. Деревенскій воздухъ сразу даетъ себя знать.

Іоганнесъ. А кто тогда такъ упрямылся?

Г-жа Фокератъ. Что-то нашъ папа теперь подѣлываетъ?

Іоганнесъ. Навѣрное, скучаетъ безъ тебя.

Г-жа Фокератъ. Ну, у него дѣла много. Хоть и озимый сѣвъ теперь, но онъ пишетъ, чтобы я оставалась здѣсь, пока не пройдетъ надобность.

Іоганнесъ. Онъ прїѣдетъ за тобою, мама?

Г-жа Фокератъ. Да, если я напишу ему, онъ прїѣдетъ. (Къ Аннѣ) Онъ съ удовольствіемъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы повидать дѣтей. А теперь еще и внукъ есть! Нѣтъ, знаете, когда пришла ваша телеграмма, что родился здоровый мальчикъ, — онъ былъ внѣ себя отъ радости.

Кѣте. Славный палочка! Тебѣ надо скорѣе домой, къ нему! Съ нашей стороны было бы слишкомъ эгоистично...

Г-жа Фокератъ. Я - то поѣду! Только пусть сначала твои щечки измѣняютъ свой видъ.

Анна. Да и я еще здѣсь. Вы что думаете? Я не умѣю хозяйничать? О! И какихъ бы кушаній я вамъ наготовила! Настоящій русскій борщъ или пилавъ. (Всѣ смѣются).

Г-жа Фокератъ (съ невольной поспѣшностью). Нѣтъ, нѣтъ, я ни за что не уѣду.

Кѣте. Если тебѣ, правда, ничего, мамочка... (Пауза).

Іоганнесъ. Передай-ка мнѣ медъ, Кѣте.

Кѣте. А, вотъ и Браунъ! (Браунъ въ пальто, шляпѣ, съ зонтомъ и дорожной сумкой. Подъ мышкой книга. На лицѣ выраженіе скуки. Походка утомленная, медленная).

Браунъ. Здравствуйте!

Іоганнесъ. Куда это тебя несетъ такъ рано?

(Г-жа Фокератъ отмахивается салфеткой).

Іоганнесъ. Это пчелка, мамочка! Не бей ее, не бей!

Браунъ. Собирался въ Берлинъ купить красокъ. Да, къ несчастью, на поѣздъ опоздалъ.

Іоганнесъ. Съ тобою это часто случается.

Браунъ. Ну что-жь—и завтра поспѣю.

Кѣте (поднимаетъ руки, пчела летаетъ надъ ея тарелкой). Медъ почувала.

Анна. Развѣ нѣтъ больше поѣздовъ? (Смотритъ внизъ себѣ на грудь. Съ угрозой) Пчелка, пчелка!

Браунъ. Эти поѣзда слишкомъ дороги, я ѣзжу только въ рабочихъ.

Іоганнесъ. А они отходятъ очень рано. Скажи, а писать ты еще можешь?

Браунъ. Безъ красокъ? Нѣтъ.

Іоганнесъ. Ахъ, Брео, Брео! Опять ты въ лѣнь погрузился!

Браунъ. Придетъ ли слава днемъ раньше или днемъ позже... Да и вообще вся эта живопись...

Іоганнесъ. Лучше играть въ шахматы?

БРАУНЪ. Тебѣ не понять! Твое море, другъ мой, безъ гаваней. Ты живешь безъ паузъ.

ІОАННЕСЪ. Да это невозможно.

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ (вскакиваетъ, вскрикивая). Оса! Оса! (Всѣ машутъ салфетками около г-жи Фокератъ).

ІОАННЕСЪ. Улетѣла.

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ (снова садясь). Отвратительная тварь! (Всѣ садятся).

ІОАННЕСЪ (Брауну). Ну, присаживайся. Чтѣ это у тебя тамъ?

БРАУНЪ. Хочется знать? Интересная вещь.

ІОАННЕСЪ. Ну, садись да завтракай!

БРАУНЪ (садится и передаетъ Іоаннесу книгу. Іоаннесъ перелистываетъ ее). Съ удовольствіемъ. Я еле успѣлъ глотокъ... Отыщи-ка «Художниковъ» Гаршина.

ІОАННЕСЪ (перелистывая). Опять что-нибудь откопалъ?

БРАУНЪ. Какъ разъ для тебя, Гансъ.

АННА. Да, это очень хорошій рассказъ. Вы его не знали?

БРАУНЪ. Нѣтъ. Только сегодня утромъ еще въ постели началъ читать. Изъ-за него и на поѣздъ опоздалъ.

АННА. Вы за Рябинина или за Дѣдова?

ІОАННЕСЪ. Во всякомъ случаѣ, теперь ты больше за чтеніе, чѣмъ за живопись.

БРАУНЪ. Въ данную минуту, вѣрнѣе, я ни за то ни за другое. А ты вотъ обрати вниманіе на рассказъ Гаршина. Въ настоящее время есть, пожалуй, вещи поважнѣе, чѣмъ всѣ живописи и литературы, взятые вмѣстѣ.

АННА. Значить, вы за Рябинина?

БРАУНЪ. За Рябинина? Нѣтъ, такъ опредѣленно я не могу сказать.

ІОАННЕСЪ. Чтѣ это за рассказъ: «Художники»?

АННА. Два художника: одинъ—наивный, другой—такъ-называемый «идейный». Наивный былъ инженеромъ и дѣлается художникомъ. Идеальный бросаетъ живопись и дѣлается школьнымъ учителемъ.

ІОАННЕСЪ. По какимъ же мотивамъ?

АННА. Ему кажется, что въ данное время полезнѣе быть учителемъ.

ІОАННЕСЪ. Какъ же приходитъ онъ къ такому рѣшенію?

АННА (взяла книгу, перелистываетъ ее). Постойте. Самое простое, я прочту вамъ это мѣсто... Вотъ. (Она держитъ па-

лецъ на отысканномъ мѣстѣ и орацается ко всѣмъ, объясняя) Дѣдовъ, бывший инженеромъ, повелъ Рябинина на котельный заводъ. Рабочіе, которымъ приходится работать внутри котловъ, обыкновенно черезъ нѣкоторое время отъ ужаснаго шума бьющихся молотовъ теряютъ слухъ. Поэтому другіе рабочіе въ Россіи зовутъ ихъ «глухарями». Одно такою «глухаря» за работой и показываетъ Дѣдовъ Рябинину. (Читаетъ) «Вотъ онъ сидитъ предо мною въ темномъ углу котла, скорчившійся въ три погибели, одѣтый въ ломотья, задыхающійся отъ усталости человѣкъ. На багрово-красномъ лицѣ, по которому струится потъ... На измученной широкой и впалой груди...»

Г-жа Фокерать. И зачѣмъ только вообще описывать такіе ужасы! Кого это можетъ радовать?

Іоганнесъ (улыбаясь и нѣжно глядя мать по головѣ). Ахъ, мамочка, мамочка! Развѣ всегда надо только смѣяться?

Г-жа Фокерать. Этого я не говорю. Но все-таки искусство должно же доставлять извѣстное наслажденіе...

Іоганнесъ. Отъ искусства можно получать больше, чѣмъ наслажденіе.

Анна. Рябининъ тоже не радуется. Онъ потрясенъ до глубины души. Все въ немъ перевернуто.

Іоганнесъ. Ты вспомни сельское хозяйство, мама. И тамъ, чтобы выросла новая жатва, необходимо перевернуть землю плугомъ каждый годъ.

Анна. Вотъ и въ Рябининѣ вырастаетъ что-то новое. Онъ говоритъ себѣ: пока существуютъ такіе ужасы,—преступленіе заниматься чѣмъ-нибудь, что не имѣетъ цѣлью уменьшить эти ужасы.

Г-жа Фокерать. Ужасы эти всегда существовали.

Іоганнесъ. Но идея сдѣлаться учителемъ довольно неудачна.

Браунъ. Почему? Развѣ это—не болѣе полезное дѣло, чѣмъ писать картины или сочинять книги?

Іоганнесъ. Какъ ты цѣнишь свою работу,—это знаешь, конечно, ты! Я, во всякомъ случаѣ, не низкаго мнѣнія о своей дѣятельности.

Браунъ. Ты просто себѣ не сознаешься, а я—сознаюсь...

Іоганнесъ. Въ чемъ? Въ чемъ я не сознаюсь?

Браунъ. Именно въ этомъ.

Іоганнесъ. Въ чемъ?

Браунъ. Въ томъ, что всѣ эти писанія такъ же безцѣльны, какъ...

Иоганнесъ. Какія писанія?

Браунъ. Ну, да вотъ твои психо-физиологическія..

Иоганнесъ (сердито). Въ этомъ ты ровно ничего не понимаешь.

Браунъ. Да мнѣ дѣла до этого нѣтъ.

Иоганнесъ. Ну, послушай! Въ такомъ случаѣ ты—жалкій неучъ и стоишь на той ступени развитія..

Браунъ. Ну, ну, выложи опять свою школьную мудрость!

Иоганнесъ. На школьную мудрость я плюю, ты это отлично знаешь. Но несомнѣнно одно...

Браунъ. Ты это сто разъ говорилъ, и все-таки спесь учености такъ и лѣзетъ у тебя изо всѣхъ щелей. Перестанемъ лучше говорить объ этомъ. Все это—щекотливые вопросы, которые каждый рѣшаетъ про себя, по своему усмотрѣнію.

Иоганнесъ. Почему—щекотливые?

Браунъ. И какая цѣль? Ты сейчасъ же раздражаешься, сердидишься и...

Иоганнесъ. Выражайся яснѣе, милый другъ! Выражайся яснѣе.

Браунъ. Глупости! Все это ни къ чему! Каждый живетъ, какъ хочетъ.

Иоганнесъ. А я, по-твоему, живу не такъ, какъ слѣдуетъ?

Браунъ. Не хуже, чѣмъ другіе. Ты просто—человѣкъ компромисса.

Иоганнесъ. Не оскорбись, если я тебѣ на это ничего не отвѣчу. Мнѣ это просто скучно. (Возбужденно) А собственно вся бѣда въ томъ, что вы, друзья мои, кричали радикальныя фразы, а я вамъ разъ навсегда сказалъ, что въ этомъ я вамъ не товарищъ. Потому я и сталъ человѣкомъ компромисса.

Браунъ. Это ты говоришь, а дѣло обстоитъ иначе: когда мы беззавѣтно отстаивали наши идеи, ты выступалъ противъ насъ и защищалъ все старое и отжившее. Этимъ ты и отпугнулъ всѣхъ своихъ друзей и остался одинъ.

Кэтэ (успокаивая его). Иоганнесъ!

Иоганнесъ. Друзья, которыхъ я могъ отпугнуть отъ себя.. на этихъ друзей, откровенно говоря, мнѣ плевать!

Браунъ (встаетъ). Плевать? (Смотритъ на Анну) Съ какихъ это поръ, Гансъ?

Кэтэ (послѣ нѣкоторой паузы). Вы уходите, г. Браунъ?

Браунъ (оскорбленъ, но равнодушнымъ тономъ). Да, у меня есть еще дѣло.

ЮГАННЕСЪ (добродушно). Оставь свои глупости!

БРАУНЪ. НѢтъ, серьезно.

ЮГАННЕСЪ. Ну, въ такомъ случаѣ иди, занимайся своимъ неотложнымъ дѣломъ.

БРАУНЪ. До свиданія. (Уходитъ. Пауза).

Г-жа Фокератъ (начинаетъ собирать посуду). Не понимаю, право... Такъ вы всегда бредите этимъ Брауномъ... А я, сознаюсь, но очень люблю его.

ЮГАННЕСЪ (задѣтъ). НѢтъ ужъ, мама, ради Бога...

КѢТЕ. Но Браунъ, въ самомъ дѣлѣ, неделикатенъ съ тобою, Ганнесъ!

ЮГАННЕСЪ. НѢтъ, господа, ужъ, ради Бога, не мѣшайтесь въ мои личныя отношенія! (Новая пауза. Г-жа Фокератъ собираетъ со стола. КѢТЕ встаетъ).

ЮГАННЕСЪ (къ КѢТЕ). Куда ты?

КѢТЕ. Маленькаго купать. (Съ дѣланной улыбкой киваетъ Аннѣ и уходитъ въ спальню. Г-жа Фокератъ, поставивъ часть посуды на подносъ, собирается уходитъ. Въ это время наружная дверь пріотворяется, видна фигура торговки. Она выкрикиваетъ: «Зеленщица!»).

Г-жа Фокератъ (отвѣчаетъ ей). Иду... иду. (Уходитъ въ наружную дверь. Небольшая пауза).

АННА (встаетъ, заводитъ свои часы). Который теперь часъ можетъ быть? (Оборачивается къ Юганнесу. Онъ разстроенъ). Докторъ! (Она тихо напѣваетъ пѣсенку: «Братецъ ты мой», лукаво поглядывая на Юганнеса. Оба, наконецъ, смѣются).

ЮГАННЕСЪ (опять серьезно, со вздохомъ). Ахъ, фрейлейнъ Анна! Къ сожалѣнiю, это очень серьезно.

АННА (лукаво грозитъ пальцемъ). А вы не смѣйтесь!

ЮГАННЕСЪ (опять начинаетъ смѣяться, но потомъ говоритъ серьезно). Вѣдь вы не знаете, что за этимъ кроется... вотъ за такими словами Брауна.

АННА. Вы слыхали, какъ я играю на роялѣ?

ЮГАННЕСЪ. НѢтъ. Я думалъ, вы совсѣмъ не играете.

АННА. НѢтъ, нѢтъ... Шучу... Что-жъ, поѣдемъ кататься на лодкѣ?

ЮГАННЕСЪ. По правдѣ сказать, мнѣ ничего не хочется!

АННА (дружески грозя ему). Докторъ!.. Докторъ! Развѣ можно такъ падать духомъ?

ЮГАННЕСЪ. Не понимаю, какъ такой человекъ, какъ Браунъ...

АННА. Опять Браунъ! Неужели же его слова произвели на васъ такое сильное впечатлѣнiе?

Иоганнесь. Ахъ, фрейлейнъ, все это старья исторіи; которыя опять сейчасъ выплыли...

Анна. Ну, и оставьте, докторъ, эти старья исторіи въ покоѣ. Пока не перестанешь оглядываться назадъ, далеко не уйдешь.

Иоганнесь. Вы совершенно правы. Бросимъ это! Но все-таки интересно, какъ это люди, во всемъ остальномъ умныѣ, на протяженіи столькихъ лѣтъ всегда впадаютъ въ одну и ту же ошибку. Вѣдь онъ говорилъ совершенно серьезно. Онъ считаетъ мою философскую работу—совершенно ненужной. Можете вы понять это?

Анна. Бываютъ такіе люди.

Иоганнесь. Необходимо быть общественнымъ дѣятелемъ, шумѣть, изображать радикала! Нельзя вѣнчаться въ церкви, хотя бы изъ уваженія къ своей невѣстѣ, воспитанной въ религиозномъ духѣ. Вообще нельзя считаться ни съ прошлымъ, ни съ чѣмъ. А если кто-нибудь, вотъ какъ я, напримѣръ, живетъ замкнуто въ четырехъ стѣнахъ, отдавшись наукѣ, тотъ въ глазахъ этихъ товарищей—человѣкъ, измѣнившій своимъ идеаламъ! Развѣ все это не дико, фрейлейнъ?

Анна. Ахъ, докторъ, не придавайте вы столько значенія словамъ вашихъ друзей!.. Если ваши взгляды способны удовлетворить васъ самихъ, чего вамъ волноваться, что другихъ они не удовлетворяютъ! А эти конфликты только отнимаютъ у людей силы.

Иоганнесь. Да, да... и впредь я не стану больше огорчаться... Кому не нравится, какъ угодно! Конечно, раньше были и у меня другіе взгляды!.. Вѣдь выросъ вмѣстѣ съ этими друзьями... привыкъ къ тому, что они тебя цѣнятъ... А когда больше не чувствуешь этого уваженія, то кажется, что попалъ въ безвоздушное пространство и задыхаешься тамъ.

Анна. Но вѣдь у васъ есть семья.

Иоганнесь. Да, конечно, т.-е... Нѣтъ, фрейлейнъ Анна! Вы не истолкуете вкривъ моихъ словъ... Этого я никому еще не говорилъ. Вы знаете, какъ я привязанъ къ своей семьѣ. Но что касается моей работы,—то тутъ моя семья ничего мнѣ не можетъ дать. Кѣте... та хоть, по крайней мѣрѣ, сочувствуетъ ей. Это, конечно, очень трогательно! Она все всегда находитъ прекраснымъ. Но я же понимаю, что у нея не можетъ быть объ этомъ никакого мнѣнія. Пользы извлечь отсюда я не могу. Вотъ почему, съ тѣхъ

поръ какъ вы здѣсь, фрейлейнъ Анна, я чувствую себя буквально какъ на небѣ. Въ первый разъ въ жизни нашелся человѣкъ, серьезно заинтересовавшійся моей работой, тѣмъ, что я способенъ создать. И это меня бодритъ!.. Какъ будто дождь освѣжилъ степь... Какъ будто...

Анна. Вы почти поэтъ, докторъ!

Иоганнесъ. Да и есть отъ чего сдѣлаться поэтомъ... Но вы заблуждаетесь... Мать прямо ненавидитъ мою бѣдную рукопись. Съ величайшимъ удовольствіемъ она бросила бы ее въ печку. Моему доброму отцу она не менѣе неприятна. Итакъ, отсюда мнѣ ждать нечего. Семья можетъ быть только помѣхой въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, это меня и не удивляетъ. Но вотъ, когда у тебя есть друзья, и когда они не имѣютъ ни капли уваженія къ твоей работѣ; когда такой человѣкъ, какъ Браунъ...

Анна. Удивляюсь, почему именно Браунъ такъ огорчаетъ васъ.

Иоганнесъ. Да, Браунъ... Знаете... мы вѣдь знаемъ другъ друга съ дѣтства...

Анна. Т.-е. вы знали его съ дѣтства?

Иоганнесъ. Да, и онъ, конечно, меня...

Анна. Онъ—васъ? Неужели?

Иоганнесъ. Ну да... т.-е. до извѣстной степени.

Анна. Мнѣ кажется, вы такіе въ самой основѣ различные люди.

Иоганнесъ. Вы думаете?

Анна (послѣ паузы). Г. Браунъ во всѣхъ отношеніяхъ настолько еще не сложившійся человѣкъ... настолько... Не то, чтобы онъ завидовалъ вамъ... нѣтъ... Но ему неприятно... просто невыносимо ваше упорное отстаиванье вашей... вашей собственной своеобразности... Его это даже пугаетъ. Ему кое-что просто привили,—разныя соціально-этическія идеи, или какъ ихъ тамъ еще зовутъ,—и онъ хватается, цѣпляется за нихъ, потому что самостоятельно онъ... онъ не можетъ существовать. Какъ человѣкъ, онъ не представляетъ собою сильной индивидуальности, какъ и большинство художниковъ. На свои личныя силы онъ положиться не смѣетъ... Онъ долженъ чувствовать, что за его спиной—массы.

Иоганнесъ. Если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ это нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я чуть не погибъ отъ осужденія друзей! О, если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ это тогда!.. Я былъ совершенно уничтоженъ. Я мучилъ себя

упреками за то, что живу въ хорошемъ домѣ, за то, что вкусно ѣмъ и пью... Я пугливо уступалъ дорогу каждому рабочему и съ замираемъ сердца проходилъ мимо зданій, гдѣ они работали. Я измучилъ тогда жену... Я хотѣлъ раздать все имущество и добровольно осудить себя на нищету... Да, если бы пришлось снова переживать такое время, лучше... лучше—Мюггельское озеро... Ну, а теперь (береть шляпу) надо все-таки образумить этого глупаго маляго... Брауна...

Анна (смотреть на него съ своеобразной улыбкой).

Иоганнесъ. А по-вашему, не надо?

Анна. Нѣтъ, поступайте такъ, какъ находите нужнымъ. Эхъ, вы, взрослый ребенокъ!

Иоганнесъ. Фрейлейнъ Анна!

Анна. Ваше сердце, докторъ,—вашъ врагъ!

Иоганнесъ. Какъ подумаю, что онъ бѣгаетъ теперь взадъ и впередъ и злится,—не могу сидѣть спокойно.

Анна. Ну, развѣ хорошо быть такимъ мягкимъ?

Иоганнесъ (рѣшивъ). Нѣтъ... нехорошо. Хотя онъ ни за что не придетъ. Онъ никогда не дѣлалъ перваго шага. Ну, да все равно! Вы правы. А поэтому и я тоже на этотъ разъ не пойду... къ Брауну. Что-жъ, отправимся на озеро?

Анна. А вы хотѣли прочитать мнѣ третью главу?

Иоганнесъ. Рукопись можно захватить съ собою.

Анна. Превосходно. Такъ я одѣнусь... въ одну минуту. (Уходитъ. Иоганнесъ подходитъ къ книжному шкапу, вынимаетъ рукопись и углубляется въ чтеніе ея. Г-жа Фокератъ входитъ изъ наружной двери, въ рукахъ у нея двѣ книжечки съ золотымъ обрѣзомъ).

Г-жа Фокератъ. Возьму одинъ изъ вашихъ удобныхъ стульевъ, надѣну очки и почитаю утреннія молитвы. На верандѣ тепло?

Иоганнесъ. Совсѣмъ тепло, мама. (Отрываясь взглядомъ отъ рукописи) Что это у тебя?

Г-жа Фокератъ. «Слова сердца». Знаешь,—мой любимый Лафатеръ. А это—Герокъ: «Пальмовые листья». Вотъ это былъ человѣкъ! И достается же иногда отъ него ученымъ! Ой-ой! (Обнимаетъ Иоганнеса и прижимаетъ его голову. Нѣжно) Ну, старый ребенокъ, опять ужъ задумался! (Не безъ юмора) Ахъ, ты, молодой отецъ!

Иоганнесъ (разсѣяннo, отрываясь отъ рукописи). Что, мамочка?

Г-жа Фокератъ. Какъ ты себя чувствуешь въ твоемъ новомъ чинѣ отца?

Иоганнесь. Никакъ особенно, мамочка! Какъ всегда...
Г-жа Фокератъ. Ну, не притворяйся! Сначала прыгаль до потолка отъ радости, а теперь... Ты опять чѣмъ-нибудь недоволенъ?

Иоганнесь (разсѣянно). О, нѣтъ, очень доволенъ, мамочка!
Г-жа Фокератъ. Послушай, теперь ты носишь всегда своей хорошей костюмъ. Фрейлейнъ Анна не обидится... Доносилъ бы здѣсь все старье.

Иоганнесь. Вѣдь я, кажется, не ребенокъ, мама!

Г-жа Фокератъ. Сейчасъ ужъ и сердиться! (Крѣпко обвиняетъ его. Вкрадчиво и нѣжно) И будь хоть чуточку набожнымъ, мой старичокъ! Ну, сдѣлай это изъ любви къ своей старухѣ-матери. Твой старый Геккель и дурацкій Дарвинъ приносятъ тебѣ несчастье. Ну, пожалуйста! Для старой матери!

Иоганнесь (смотреть на небо). Ахъ, вы, *добрые* люди! Дѣйствительно приходится сказать: прости имъ, Господи, ибо не вѣдаютъ... Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что это такъ просто—взять да и сдѣлаться набожнымъ?

Г-жа Фокератъ (уходя). Да, да... Надо только захотѣть, Ганнесъ! Ты только попробуй, Ганнесъ! (Уходитъ на веранду, садится и принимается за чтеніе. Иоганнесъ снова погружается въ рукопись. Входитъ съ письмами Кэте).

Кэте (читаетъ, затѣмъ поднимаетъ глаза). Ганнесъ, письмо отъ банкира.

Иоганнесь. Пожалуйста, Кэте... Я сейчасъ совсѣмъ другимъ занятъ.

Кэте. Онъ спрашиваетъ, продавать ему...

Иоганнесь. Ради Бога, не сейчасъ!

Кэте. Но дѣло спѣшное, Ганнесъ...

Иоганнесь (вспыхнувъ). Вотъ это!.. да! (Судорожно стучитъ указательнымъ пальцемъ по рукописи) Для меня это еще болѣе спѣшное дѣло!

Кэте. Ну, пускай лежитъ! Только, въ такомъ случаѣ, завтра мы можемъ остаться безъ всякихъ средствъ.

Иоганнесь (еще болѣе раздраженно). Нѣтъ, Кэте, мы, очевидно, въ самомъ дѣлѣ не подходимъ другъ къ другу! А вы еще всегда удивляетесь, почему у насъ о покоѣ не можетъ быть рѣчи. Если даже начнетъ устанавливаться душевное равновѣсіе, являешься ты... и съ какими-то извозчичьими хватками залѣзаешь...

Кэте. И не думаю. Сейчасъ былъ почтальонъ... Я только объ этомъ сказала...

Иоганнесъ. Вотъ именно... Это-то и доказываетъ вашу полную неспособность понять... Какъ будто это то же самое, что шить башмаки! Пришелъ почтальонъ, и ты только говоришь мнѣ объ этомъ. Конечно! Почему же нѣтъ! А что ты этимъ нарушаешь цѣльность составленной съ трудомъ цѣпи мыслей, тебѣ это и въ голову не приходитъ.

Кэте. Да надо же думать и о практической сторонѣ жизни...

Иоганнесъ. А по-моему — моя работа прежде всего. И во-первыхъ, и во-вторыхъ, и въ-третьихъ—она, а ужъ потомъ—практическая сторона жизни. Пойми же хоть разъ меня, Кэте! Поддержи же меня хоть немного! Или—просто, не говори мнѣ о практической сторонѣ жизни. Вѣдай ее самостоятельно! Не взваливай на меня...

Кэте. Взять на себя отвѣтственность я не могу, Ганнесъ!

Иоганнесъ. Ну, вотъ видишь!.. Опять! Только бы никакой отвѣтственности! Никакого самостоятельнаго рѣшенія! Да почему вы во что бы то ни стало добиваетесь зависимости? Почему вы стремитесь быть непремѣнно несовершеннѣйшими?

Кэте (хочетъ передать ему письмо). Ну, Ганнесъ, ну, распридись же какъ-нибудь!

Иоганнесъ. Да не могу я теперь, Кэте!

Кэте. Когда же можно мнѣ придти къ тебѣ за отвѣтомъ, Ганнесъ? Не могу же я при фрейлейнъ Аннѣ...

Иоганнесъ. Ахъ, какъ все это мелко, по-мѣщански! Почему-то изъ денежныхъ дѣлъ всегда надо дѣлать тайну... Какое-то стѣсненіе... Не понимаю... По-моему, только мелкія души такъ должны поступать.

Кэте. Ну, а что бы было, если бы я заговорила объ этомъ при фрейлейнъ Аннѣ... Хотѣла бы я посмотреть.

Иоганнесъ. Вѣчно фрейлейнъ Анна... фрейлейнъ Анна... Оставь ты фрейлейнъ Анну въ покоѣ! Она намъ не мѣшаетъ.

Кэте. Да я и не говорю, что мѣшаетъ. Во всякомъ случаѣ, ей было бы неинтересно...

Иоганнесъ. Ахъ, Кэте, Кэте! Вѣдь это же мука! Вѣчно эти денежные дѣла, вѣчно этотъ страхъ, какъ будто завтра ужъ намъ придется голодать. Ужасно! Можно подумать, что у тебя и голова и сердце полны исключительно заботами о деньгахъ. А когда-то считали женщину чуть не идеаломъ!.. Что же, въ концѣ концовъ, остается любить въ ней?

Кэте. О себѣ я не забочусь... Но что же будетъ съ нашимъ ребенкомъ, если... Ты же самъ говоришь, что на заработокъ ты не можешь рассчитывать. Надо же жить скромно!

Иоганнесъ. Ну, конечно. У тебя вѣчно одни только интересы твоей семьи, а у меня интересы общечеловѣчскіе. Да вообще я не отецъ семейства. Для меня главное—выразить то, что есть въ моей душѣ. Я кажусь самому себѣ пегасомъ, на котораго надѣли ярмо. И я чувствую,—я окончателно погибну отъ этого...

Кэте. Иоганнесъ, мнѣ слышать это отъ тебя—ужасно!

Иоганнесъ. Фрейлейнъ Анна права. Кухня да дѣтская—вотъ ваши горизонты въ лучшемъ случаѣ. Дальше этого для нѣмецкой женщины ничего не существуетъ.

Кэте. Долженъ же кто-нибудь готовить обѣдъ и заботиться о дѣтяхъ. Ей легко говорить! Я бы сама съ большимъ удовольствіемъ сидѣла за книжками.

Иоганнесъ. Кэте! Зачѣмъ ты умышленно унижаешь себя? Говорить въ такомъ тонѣ о такомъ человѣкѣ, который стоитъ такъ высоко, какъ фрейлейнъ Анна...

Кэте. Но если она говоритъ такія вещи!

Иоганнесъ. Какія вещи?

Кэте. Ну, вотъ эти глупости насчетъ нѣмецкихъ женщинъ!

Иоганнесъ. Никакихъ глупостей она не говорила. Напротивъ. Сейчасъ мнѣ просто неприятно повторить тебѣ, какъ хорошо она отзывалась о тебѣ. Ты бы сгорѣла со стыда...

Кэте. Но она же сказала о ничтожности нашего горизонта.

Иоганнесъ. Докажи, что она ошибается.

Кэте (въ слезахъ). Нѣтъ, Ганнесъ... Ты такой добрый... но иногда... иногда ты бываешь такимъ холоднымъ, такимъ жестокимъ... безсердечнымъ.

Иоганнесъ (немного спокойнѣе). Ну, вотъ опять я же и безсердечный! Чѣмъ же, Кэте?

Кэте (всклипывая). Потому что ты... мучишь меня... Ты это самъ понимаешь...

Иоганнесъ. Что я понимаю, Кэте?

Кэте. Ты знаешь, что во мнѣ и тѣни самодовольства нѣтъ... ты знаешь это... и... и тебѣ ни капли не жаль меня. Вѣчно одни упреки...

Иоганнесъ. Въ чемъ?.. Когда, Кэте?

Кэте. Вмѣсто того, чтобы быть деликатнымъ со мной,

хоть немного укрѣпить мою вѣру въ себя... ты только унижаешь, унижаешь меня... все ниже. Я вѣдь и не воображаю, что у меня Богъ знаетъ какой широкій горизонтъ. Но вѣдь не безчувственная же я!.. Да, конечно, я не свѣтило! Вообще я уже давно замѣтила, что я лишняя.

Иоганнесъ (хочетъ взять ее за руку, Кэте отдергиваетъ руку). Нѣтъ, ты не лишняя... Этого я тебѣ никогда не говорилъ.

Кэте. Ты это только-что сказалъ. Да если бы ты этого даже и не говорилъ, я же чувствую: для тебя я не могу имѣть значенія, потому что понять твоей работы я не въ состояніи... А ребенокъ... Ну да, я кормлю его молокомъ, держу въ чистотѣ... Но все это можетъ сдѣлать и прислуга... А потомъ... когда онъ подрастетъ, чѣмъ я могу ему быть полезной?.. (Плачетъ сильнѣе). Фрейлейнъ Анна воспитала бы его гораздо лучше.

Иоганнесъ. Кэте... ты просто...

Кэте. Я говорю то, что есть. Это—правда. Она училась... У нея большія знанія... А мы... мы—жалкіе калѣки. Какъ же можно быть для кого-нибудь опорой, если сама...

Иоганнесъ (полный горячей любви, хочетъ обнять Кэте). Кэте, сердечко мое золотое! У тебя такое чудное, глубокое, сказочное сердце! Милая моя! (Она отталкиваетъ его отъ себя; онъ лепечетъ) Я былъ бы безчестный, если бы... Минутами я бываю грубъ, невыносимъ... Я недостойнъ тебя, Кэте!

Кэте. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Ганнесъ. Это ты только говоришь сейчасъ...

Иоганнесъ. Нѣтъ, серьезно, Кэте! Пусть я буду подлецомъ, если...

Кэте. Пусти меня, Ганнесъ. Я должна подумать. А письмо, письмо!

Иоганнесъ. Ахъ, Кэте, глупенькая! О чемъ же ты должна подумать?

Кэте. Столько мыслей... Какъ вихрь... Нѣтъ, оставь, оставь меня!

Иоганнесъ (горячо). Да оставь ты это письмо! Ты моя милая-милая женка!

Кэте. Нѣтъ, Ганнесъ, нѣтъ! (Отстраняетъ его отъ себя).

Иоганнесъ. Да что съ тобой?

Кэте. Подойди, Ганнесъ! Взгляни! (Показываетъ ему письмо) Онъ спрашиваетъ, продавать ему...

Иоганнесъ. Какія бумаги?

Кэте. Акціи прядильной мануфактуры.

Иоганнесъ. Развѣ процентовъ не хватаетъ?

Кэте. Чтò ты?! Мы за этотъ мѣсяць опять истратили больше тысячи марокъ.

Юганнесъ. Да чтò ты, Кэте! Это просто невозможно! Ахъ, господа, господа, вы ужь очень небережливы.

Кэте. Все записано, Ганнесъ.

Юганнесъ. Ну, я все равно ничего не пойму.

Кэте. Ты слыхкомъ много раздаешь, Ганнесъ. Капиталъ и таетъ. Чтò-жь, продавать?

Юганнесъ. Ну да, конечно. Подожди только! А, да пустяки! Куда ты?

Кэте. Послать отвѣтъ.

Юганнесъ. Кэте!

Кэте (оборачивается въ дверяхъ). Чтò, Ганнесъ?

Юганнесъ. И ты такъ увидешь?

Кэте. А чтò?

Юганнесъ. Я и самъ не знаю,—чтò... Но...

Кэте. Чтò же?

Юганнесъ. Ахъ, Кэте, я не понимаю, чтò съ тобою?

Кэте. Ровно ничего, Ганнесъ, право,—ничего.

Юганнесъ. Ты разлюбила меня.

Кэте (опускаетъ голову и отрицательно ею качаетъ).

Юганнесъ (обнимаетъ одной рукой Кэте). Помнишь, Кэте, наше условіе: никакихъ тайнъ другъ отъ друга. Ни малѣйшей! (Обнимаетъ сильнѣе). Ну, скажи что-нибудь! Ты меня больше не любишь, Кэте?

Кэте. Ахъ, Ганнесъ, ты же отлично знаешь.

Юганнесъ. Чтò же тогда съ тобою?

Кэте. Ты самъ знаешь.

Юганнесъ. Да чтò такое? Ничего не знаю. Не имѣю ни малѣйшаго представленія!

Кэте. Я бы такъ хотѣла для тебя чѣмъ-нибудь быть.

Юганнесъ. Но ты для меня значишь очень много.

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ!

Юганнесъ. Такъ скажи же мнѣ...

Кэте. Ты въ этомъ, конечно, не виновать, Ганнесъ... но... я тебя не удовлетворяю...

Юганнесъ. Удовлетворяешь... Вполнѣ...

Кэте. Да, это ты теперь говоришь.

Юганнесъ. Это мое самое святое убѣжденіе...

Кэте. Да, въ данную минуту.

Юганнесъ. Но изъ чего же ты можешь заключить, что...

Кэте. У меня глаза есть.

Иоганнесъ. Да развѣ, Кэте, я подаю тебѣ какой-нибудь поводъ?

Кэте. Нѣтъ, никогда.

Иоганнесъ. Ну, вотъ видишь! (Обнимаетъ ее еще болѣе нѣжно). Это все воображеніе... Глупое воображеніе, Кэте, отъ котораго надо отдѣлаться!.. Ну, поди, поди! (Горячо ее цѣлуетъ).

Кэте. Ахъ, если бы это было только воображеніе!

Иоганнесъ. Да ужъ будь увѣрена!

Кэте. А я... я такъ страшно тебя люблю, Ганнесъ... Словъ такихъ нѣтъ! Кажется, мнѣ легче ребенка уступить...

Иоганнесъ. Что ты, Кэте!

Кэте. Ну, Господь проститъ мнѣ! Но какой онъ милый, славный, смѣшной! (Обнимаетъ шею Иоганнеса). Милый, добрый... (Пауза, нѣмая объятя. Фрейлейнъ Анна, переодѣвая для катанья на лодкѣ, открываетъ дверь съ веранды).

АННА (зоветь). Докторъ! Ахъ, простите! (Прячетъ голову).

Иоганнесъ. Сейчасъ, сейчасъ, фрейлейнъ Анна! (Береть рукопись). Мы поѣдемъ кататься на лодкѣ, Кэте. Такъ никакихъ капризовъ? Общаешься? (Цѣлуетъ ее на прощаніе, беретъ шляпу и идетъ къ двери). Можетъ-быть, и ты съ нами поѣдешь, Кэте?

Кэте. Мнѣ нельзя уйти, Ганнесъ.

Иоганнесъ. Ну, такъ до свиданія! (Уходитъ. Кэте широко раскрытыми глазами смотритъ ему вслѣдъ, какъ будто чудное видѣніе вдругъ превращается въ ничто. Глаза ея наполняются слезами).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Около десяти часовъ утра. На письменномъ столѣ горитъ еще лампа. Кэте сидитъ за столомъ, погруженная въ счета. Слышно, какъ на верандѣ кто-то очищаетъ сапоги. Кэте выпрямляется и напряженно ждетъ. Входитъ Браунъ.

Кэте (ему навстрѣчу). Вотъ это мило съ вашей стороны.

Браунъ. Здравствуйте! Какой ужасный туманъ!

Кэте. И темно какъ. Идите сюда. Печка топится... Вамъ говорила г-жа Леманъ?

Браунъ. Да, она была у меня.

Кэте (вопреки своему обычному спокойствію, она дѣлается какъ-то особенно оживленной и нервной. Она волнуется. Глаза разгораются. На блѣдномъ изнуренномъ лицѣ выступаетъ нѣжный румянецъ). погодите, я принесу вамъ сигары.

БРАУНЪ. Не безпокойтесь... (Спѣшитъ за Кэте и подходитъ къ ней, когда она уже старается достать ящикъ съ сигарами изъ книжнаго шкапа).

Кэте. Надо, чтобы вы себя чувствовали поуютнѣе.

БРАУНЪ (взглядывая на Кэте). Да мнѣ и курить не хочется.

Кэте. Ну, сдѣлайте мнѣ удовольствіе. Я очень люблю табачный дымъ.

БРАУНЪ. Если такъ, пожалуйста. (Закуриваетъ сигару).

Кэте. Я хочу, чтобы вы чувствовали себя свободно... какъ прежде... Ну, а теперь скажите, злой человѣкъ, почему вы не были у насъ больше недѣли?

БРАУНЪ. Мнѣ казалось, что я больше не нуженъ Ганнесу.

Кэте. Но какъ вы можете...

БРАУНЪ. У него теперь есть фрейлейнъ Маръ.

Кэте. Какъ вамъ не стыдно говорить это?

БРАУНЪ. Онъ плюетъ на своихъ друзей...

Кэте. Какъ будто вы не знаете его вспыльчивости! Вѣдь это же не серьезно...

БРАУНЪ. Вполнѣ серьезно. И я даже отлично знаю, кто вліяетъ на него въ этомъ направленіи. Вообще эта Маръ... Можетъ-быть, она и умный человѣкъ, но несомнѣнно одно: разъ она чего-нибудь добивается, она дѣйствуетъ эгоистично и беспощадно. Меня она побаивается. Она отлично знаетъ, что меня ей не провести.

Кэте. Но какая же можетъ быть у нея цѣль?

БРАУНЪ. Зачѣмъ-то онъ ей нуженъ. И мое вліяніе на него ей нежелательно.

Кэте. Но я никогда не замѣчала, чтобы...

БРАУНЪ (вставая). Я вѣдь не навязываюсь... Я переѣхалъ сюда по просьбѣ Ганса. Если я лишній, я уйду.

Кэте (быстро съ выраженіемъ). Анна сегодня уѣзжаетъ.

БРАУНЪ. Вотъ какъ! Такъ она уѣзжаетъ?

Кэте. Да, и поэтому я хотѣла просить васъ, г. Браунъ... Для Ганнеса будетъ прямо ужасно, если онъ вдругъ совершенно останется одинъ... Вы должны попрежнему бывать у насъ, г. Браунъ. Не сердитесь на него за то, что онъ былъ рѣзокъ. Вѣдь мы съ вами знаемъ, что, въ сущности, онъ добрый.

БРАУНЪ. Я вѣдь не изъ обидчивыхъ людей, но...

Кэте. Ну вотъ; такъ и оставайтесь у насъ; сегодня же и на цѣлый день.

БРАУНЪ. Въ такомъ случаѣ, я лучше опять приду.

Кэте. Но, пожалуйста, возвращайтесь къ тому времени, когда она будетъ уѣзжать. Вотъ увидите, какъ теперь у насъ все пойдетъ хорошо. Я теперь научилась многое понимать. Мы проведемъ здѣсь зиму такъ хорошо, покойно... Вотъ еще что хотѣла я у васъ спросить... (Какъ будто въ шутку) Надо мнѣ, наконецъ, самой зарабатывать деньги... Да, да! Серьезно! Развѣ мы, женщины, тоже не созданы для работы?

Браунъ. Съ чего это пришла вамъ въ голову такая идея?

Кэте. Право, г. Браунъ, для меня это было бы болѣе шимъ развлеченіемъ.

Браунъ. Зарабатывать деньги—легко сказать.

Кэте. Ну, напримѣръ, я умѣю рисовать по фарфору. Вотъ нашъ сервизъ я разрисовала. А если это не годится—вышивать. Ну, знаете, напримѣръ, какія-нибудь изящныя мѣтки на бѣльѣ.

Браунъ. Вы вѣдь шутите?

Кэте. Ну, какъ знать!

Браунъ. Если вы не объясните все ясно... Я, право, ничего не пойму...

Кэте (увлекаясь). Вы умѣете молчать? Ахъ, да нѣтъ! Коротко и ясно: у людей есть потребности... Вѣдь всѣ мы со-всѣмъ не умѣемъ расчитывать...

Браунъ. Да ужъ, во всякомъ случаѣ, не Гансъ.

Кэте. Ахъ, нѣтъ... Не нужно придавать этому значенія. Нужно только позаботиться, чтобы у насъ ни въ чемъ не было недостатка.

Браунъ. Ну, если вы надѣетесь такъ много зарабаты-вать... Заранѣе можно сказать, что изъ вашихъ плановъ ничего не выйдетъ.

Кэте. Но, напримѣръ, талеровъ четыреста въ годъ...

Браунъ. Четыреста талеровъ? Едва ли. Но почему именно четыреста?

Кэте. Мнѣ столько нужно.

Браунъ. Опять, вѣроятно, кто-нибудь воспользовался излишней добротой Ганса?

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ, ничего подобнаго.

Браунъ. Или нужно помочь фрейлейнъ Аннѣ?

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Что вы! Какъ могло это придти вамъ въ голову! Но я больше ничего не скажу, г. Браунъ, ни одного слова.

Браунъ (берется за шляпу). Ну, во всякомъ случаѣ, я въ

этомъ дѣлѣ помочь вамъ не могу. Дѣйствительно ужъ... это было бы...

Кѣте. Ну, хорошо, хорошо! Оставимъ это! Такъ вы вернетесь?

Браунъ (уходя). Конечно, непременно. Такъ неужели же вы это дѣйствительно серьезно?

Кѣте (хочетъ засмѣяться, но вмѣсто этого наворачиваются слезы). Ахъ, что вы! Я пошутила! (Киваетъ оживленно, полусутоливо). Ну, идите, идите. (Не въ силахъ больше сдерживаться, убѣгаетъ въ спальню).

Браунъ (уходитъ въ раздумьѣ).

Г-жа Фокератъ (въ рукахъ у нея блюдо съ бобами, садится за столъ и чиститъ ихъ. Кѣте возвращается и садится къ письменному столу. Г-жа Фокератъ встряхиваетъ бобы на блюдѣ). Ну, вотъ и хорошо, теперь опять будетъ у насъ тихо. Такъ вѣдь, дѣточка?

Кѣте (наклонившись надъ счетами). Подожди, мнѣ надо сообразить, мамочка!

Г-жа Фокератъ. Ахъ, да! Ну, не буду тебѣ мѣшать... А куда она, собственно, ѣдетъ?

Кѣте. Кажется, въ Цюрихъ.

Г-жа Фокератъ. И отлично, тамъ она, можетъ-быть, больше къ мѣсту придется.

Кѣте. Какъ же такъ, мамочка, вѣдь она тебѣ, кажется, нравилась?

Г-жа Фокератъ. Э, нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не нравится! По-моему, она ужъ черезчуръ современная.

Кѣте. Но, мамочка...

Г-жа Фокератъ. Да и вообще, что это такое! Молоденькая дѣвушка три дня: ходитъ съ огромной дырой въ рукавѣ!

(Иоганнесъ въ шляпѣ входитъ съ веранды. Быстро проходитъ въ свой рабочій кабинетъ).

Кѣте. Ганнесъ!

Иоганнесъ. Что?

Кѣте. Мнѣ тоже ѣхать на вокзалъ?

Иоганнесъ (пожимая плечами). Это ужъ какъ тебѣ самой угодно. (Уходитъ въ кабинетъ. Небольшая пауза).

Г-жа Фокератъ. Что это съ нимъ опять? (Кончила чистить бобы и встаетъ). Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, пора уже, чтобы все здѣсь пришло въ порядокъ. И такъ уже люди стали болтать.

Кѣте. О чемъ?

Г-жа Фокератъ. Я ничего не знаю... Говорю только, что... И потомъ все это стоить денегъ.

Кэте. Ну, положимъ, мамочка, это пустяки. На троихъ ли готовить обѣдъ или на четверыхъ—совершенно все равно...

Г-жа Фокератъ. Э, изъ крошекъ составляется хлѣбъ. (Входитъ Иоганнесь, садится, кладетъ нога на ногу и перелистываетъ книгу).

Иоганнесь. Чтѣ за безобразіе! И это называется начальникъ станціи: пьеть, пьеть, цѣлый день пьеть. И грубъ при этомъ какъ... Эхъ!

Кэте. Когда отходитъ самый удобный поѣздъ? Не огорчайся, Ганнесь.

Иоганнесь. Вообще какое-то отвратительное захолустье! (Съ шумомъ захлопываетъ книгу и вскакиваетъ со стула). Я тоже не желаю оставаться здѣсь!

Г-жа Фокератъ. Ну, чтѣ ты, мальчикъ! Вѣдь ты нанялъ домъ на четыре года.

Иоганнесь. Такъ, по-твоему, я долженъ спокойно погибать здѣсь только оттого, что я имѣлъ несчастіе сдѣлать глупость и заключить контрактъ на четыре года?

Г-жа Фокератъ. Вѣдь ты же самъ хотѣлъ всегда жить въ деревнѣ, и не прошло еще и какихъ-нибудь полгода—и уже хочется куда-то уѣзжать...

Иоганнесь. Въ Швейцаріи тоже есть деревни...

Г-жа Фокератъ. А ребенокъ? Съ нимъ-то какъ же? Что-жъ, и его вы будете таскать съ собою по бѣлу свѣту?

Иоганнесь. И для Филиппа гораздо здоровѣе жить въ Швейцаріи, чѣмъ здѣсь.

Г-жа Фокератъ. Ну, мальчикъ, ты, кажется, скоро на луну захочешь ѣхать. Впрочемъ, дѣлайте, какъ хотите. На меня, старуху, конечно, нечего обращать вниманіе. (Уходитъ въ выходную дверь. Небольшая пауза).

Иоганнесь (вздыхаетъ). Ахъ, друзья, будьте вы поосторожнѣе, говорю я вамъ.

Кэте. Чтѣ это тебѣ вдругъ пришло въ голову ѣхать въ Швейцарію?

Иоганнесь. Да, да, дѣлай невинное личико! (Передразниваетъ ее) «Чтѣ это тебѣ вдругъ пришло въ голову ѣхать въ Швейцарію?» Я прекрасно вижу всѣ эти твои экивоки; слишкомъ ужъ они ясны. Отлично понимаю, чтѣ ты воображаешь. Да, ты совершенно права. Я бы очень хотѣлъ быть тамъ, гдѣ фрейлейнъ Анна. И это совершенно естественно, и я могу это говорить совершенно откровенно.

Кэте. Ганнесь... Ты сегодня какой-то странный... я лучше уйду.

Иоганнесь (быстро). Я самъ могу уйти. (Уходит на веранду).

Кэте (вдыхает; качая головой, шопотомъ). О, Господи, Господи...

(Входит Анна и кладетъ на стулъ шляпу, сумочку и пальто).

Анна. Ну, я готова. (Обращаясь къ Кэте) Впрочемъ, еще есть время... Сколько еще времени?..

Кэте. По крайней мѣрѣ, три четверти часа.

Анна. Ахъ! мнѣ такъ хорошо у васъ жилось!.. (Беретъ Кэте за руку).

Кэте. Да, время идетъ.

Анна. Теперь запрусь въ Цюрихъ, буду работать, работать и больше ни о чемъ не думать.

Кэте. Возьмешь съ собою бутерброды?

Анна. Нѣтъ, благодарю. Я не хочу ѣсть. (Короткая пауза). Скорѣ бы только прошли всѣ эти первыя встрѣчи. Просто не выношу ихъ. Всѣ эти друзья, разпросы! Бррр... (Дѣлаетъ движеніе, точно ей холодно). Ты будешь мнѣ иногда писать?

Кэте. О, да! Только у насъ вѣдь ничего не случается...

Анна. Подари мнѣ твою карточку.

Кэте. Съ удовольствіемъ. (Ищетъ въ ящикѣ письменнаго стола). Только очень старая.

Анна (нѣжно поглаживаетъ ея затылокъ. Почти съ состраданіемъ). Ахъ, ты, тоненькая шейка!

Кэте (продолжая искать, обрачивается съ грустной шутливостью). Ну, и поддерживать-то ей приходится не очень тяжелую ношу... А, вотъ! (Подаетъ Аннѣ фотографію).

Анна. Очень, очень хорошая карточка. Можетъ-быть, у тебя есть и карточка твоего мужа?.. Я такъ ко всѣмъ вамъ привязалась.

Кэте. Не знаю, есть ли.

Анна. Ахъ, дорогая, поищи, поищи! Навѣрно есть? Да?

Кэте. Да, вотъ, осталась еще одна.

Анна. Можно мнѣ ее взять?

Кэте. Возьми, Анна.

Анна (быстро прячетъ карточку). Ну, вотъ,—теперь вы скоро позабудете обо мнѣ... Ахъ, Кэте, Кэте! (Со слезами бросается къ ней на шею).

Кэте. Нѣтъ, Анна... я постоянно буду... конечно, постоянно буду вспоминать о тебѣ и...

Анна. И любить меня?

КЭТЕ. Да, Анна, да!

АННА. Скажи мнѣ,—ты *только* любишь меня?

КЭТЕ. Какъ *только*?

АННА. Ты не рада тоже немножко, что я уѣзжаю?

КЭТЕ. Какъ это пришло тебѣ въ голову?

АННА (выпускаетъ Кэте изъ объятий). Да, да! Хорошо, что я уѣзжаю. Во всякомъ случаѣ, г-жѣ Фокератъ я тоже ужъ немножко надобла.

КЭТЕ. Чтò за выдумки!..

АННА. Ужъ повѣрь мнѣ. (Присаживается къ столу). Къ чему все это! (Въ задумчивости вынимаетъ карточку Юганнеса и внимательно вглядывается въ нее). Какая у него глубокая складка около рта.

КЭТЕ. У кого?

АННА. У Ганнеса.. Настоящая складка скорби. Это отъ одиночества. Кто одинокъ, тотъ долженъ много страдать отъ другихъ... Какъ вы съ нимъ познакомились?

КЭТЕ. Ахъ, это было...

АННА. Онъ былъ еще студентомъ?

КЭТЕ. Да, Анна.

АННА. Ты была еще совсѣмъ дѣвочкой, и ты сказала «да»?

КЭТЕ (покраснѣвъ, въ смущеніи). То-есть я...

АННА (почти скорбно). Ахъ, Кэте, Кэте! (Прячетъ карточку и встаетъ). Еще не пора?

КЭТЕ. Еще нескоро.

АННА. Нескоро? Господи, нескоро! (Садится къ роялю). Ты не играешь? (Кэте качаетъ отрицательно головой). И не поешь? (Кэте снова качаетъ головою). А Ганнесъ любитъ музыку? Нѣтъ? Я прежде и пѣла и играла, а теперь ужъ давно перестала. (Быстро поднимается со стула). Эхъ! Все равно! Все-таки, чтò хорошо, то хорошо. Надо довольствоваться и этимъ. Надъ всѣми вещами есть какой-то легкій покровъ, какая-то дымка: это-то и есть самое лучшее. Правда, Кэте?

КЭТЕ. Не знаю.

АННА. Не все то, чтò кажется сладкимъ, дѣйствительно сладко.

КЭТЕ. Да, можетъ-быть.

АННА. Нѣтъ, это такъ! Ахъ, свобода, свобода! Нужно быть свободной во всѣхъ отношеніяхъ. Не надо ни родины, ни семьи, ни друзей. Ну, теперь, должно-быть, пора.

КЭТЕ. Нѣтъ еще, Анна. (Небольшая пауза).

АННА. Я пріѣду въ Цюрихъ слишкомъ рано. На цѣлую недѣлю раньше.

Кэте. Да?

Анна. Только бы скорѣе началась работа. (Вдругъ, рыдая, бросается Кэте на грудь). О, Господи! У меня сердце разрывается. Такъ тяжело, такая тоска.

Кэте. Ахъ, ты, бѣдная, бѣдная.

Анна (быстро освобождаясь изъ объятий). Но я *должна* уѣхать. *Должна!* (Небольшая пауза).

Кэте. Анна... ужь разъ ты уѣзжаешь... не дашь ли ты мнѣ одинъ совѣтъ?

Анна (печально улыбаясь, съ состраданіемъ). Милая Кэте...

Кэте. Ты умѣла... ты такъ благотворно вліяла на него.

Анна. Развѣ? Въ самомъ дѣлѣ?

Кэте. Да, Анна... и... на меня тоже... и на меня. Я должна быть тебѣ за многое благодарна. И я теперь твердо рѣшила... посовѣтуй мнѣ, Анна.

Анна. Я ничего не могу тебѣ посовѣтовать. Я боюсь давать совѣты...

Кэте. Ты боишься?

Анна. Я слишкомъ люблю тебя! Слишкомъ люблю, Кэте!

Кэте. Ахъ, если бы я могла что-нибудь для тебя сдѣлать, Анна!

Анна. Нѣтъ, ты не должна да и *не можешь*.

Кэте. А можетъ-быть... Можетъ-быть, я знаю, отчего ты страдаешь.

Анна. Отчего же я страдаю, глупенькая дѣвочка?

Кэте. Я бы сказала, но...

Анна. Все это пустяки! Ни отъ чего я не страдаю, оставь! Приѣхала, теперь уѣзжаю. Ничего вѣдь не случилось. Ну, вотъ опять выглянуло солнышко. Пойдемъ прогуляемся въ послѣдній разъ. Какъ бы тамъ ни было, сотнямъ и тысячамъ еще хуже живется... Пстой, я вспомнила, мнѣ нужно написать поскорѣе нѣсколько словъ.

Кэте. Можешь это здѣсь сдѣлать. (Очищаетъ мѣсто на письменномъ столѣ). Чернила и перо — тамъ, у Ганнеса въ комнатѣ. Его нѣтъ, можешь войти. (Она пропускаетъ Анну въ дверь и остается одна въ комнатѣ. Небольшая пауза).

Іоганнесъ (входитъ съ веранды. Еще тревожнѣе, чѣмъ раньше). Опять дождь. Надо было позвать извозчика.

Кэте. Теперь уже поздно.

Іоганнесъ. Да, къ сожалѣнію.

Кэте. Браунъ приходилъ.

Іоганнесъ. Это мнѣ довольно безразлично. Чтò же ему нужно было?

Кэте. Онъ опять будетъ бывать у насъ, и между вами все будетъ попрежнему.

Иоганнесъ (съ короткимъ смѣхомъ). Курьезно! Чтò же, я долженъ радоваться этому? Можетъ-быть, если поторопиться, можно еще успѣть послать? Ахъ, вообще...

Кэте. За извозчикомъ, Ганнесъ? Вѣдь до вокзала два шага.

Иоганнесъ. Но грязь ужасная. Пройти невозможно. Вообще худшей погоды для отъѣзда нельзя выдумать.

Кэте. Ну, только бы до вагона добраться.

Иоганнесъ. Да, въ третьемъ классѣ, и все биткомъ набито, да еще съ мокрыми ногами.

Кэте. Она вѣдь поѣдетъ въ дамскомъ отдѣленіи.

Иоганнесъ. Дай ей хоть большой пледъ.

Кэте. Да, да, правда. Я уже сама подумала объ этомъ.

Иоганнесъ. Ахъ, да вообще... Все это какъ-то рѣшили въ одну минуту.

Кэте (не отвѣчаетъ).

Иоганнесъ. Она, навѣрно, съ удовольствіемъ осталась бы здѣсь еще на нѣсколько дней.

Кэте (послѣ небольшой паузы). Ты вѣдь предлагалъ ей.

Иоганнесъ (болѣе рѣзко). Да, я, но не вы, — ни ты ни мать! Вы молчали, и она, конечно, замѣтила.

Кэте. Ахъ... нѣтъ... Я не думаю, Ганнесъ...

Иоганнесъ. А если при приглашеніи присутствуютъ еще двое... и молчатъ, точно рыбы... Конечно, пропадаетъ всякое желаніе. Тогда, конечно, скорѣе откажешься. И въ концѣ концовъ мнѣ очень больно, что мы гонимъ ее въ такую грязь.

Кэте (подходя къ нему съ робкою нѣжностью). Нѣтъ, Ганнесъ! Ты не смотришь вѣрно на дѣло! И не думай же обо мнѣ такъ плохо. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, что ее кто-нибудь гонить.

Иоганнесъ. Вы недостаточно чутки. Вы точно слѣпыя какія-то. На меня произвело все именно такое впечатлѣніе, точно вы ее гоните вонъ: «Ты довольно пожила здѣсь, пора и уходить! Ступай, куда хочешь, куда глаза глядятъ. Ска-тертью дорога». Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, Кэте. Какія-то холодныя сожалѣнія на прощаніе, и больше ничего!

Кэте. Нѣтъ, Ганнесъ, это неправда. Мы вѣдь подумали о томъ, чтобы помочь ей.

Иоганнесъ. А ты знаешь, что она приметъ отъ васъ помощь? И потомъ этого слишкомъ мало. Деньги не могутъ вознаграждать ее за жестокость.

Кэте. Но, Ганнесь, должна же она когда-нибудь уѣхать.
Иоганнесь. Такъ разсуждаютъ филистеры, Кэте. Она жила здѣсь, сдѣлалась нашимъ другомъ; ну, а теперь, говорятъ филистеры, мы должны разстаться. Я этого не понимаю. Это какая-то проклятая бессмыслица, которая становится человѣку поперекъ дороги, портитъ ему жизнь.

Кэте. Ты хочешь, чтобы она осталась у насъ еще?

Иоганнесь. Я ничего не хочу. Я говорю только, что это... что у насъ такой же жалкій, такой же узкій и давящій все живое образъ мыслей, какъ у любого филистера. И если бы зависѣло отъ меня, если бы я не былъ весь опутанъ мелочными предразсудками, я убѣжденъ, что сумѣлъ бы поступить совсѣмъ по-иному, и на душѣ у меня было бы чище, и я бы иначе относился къ самому себѣ. Можете быть въ этомъ увѣрены.

Кэте. Знаешь чтò, Ганнесь! Кажется — очень скоро — я буду здѣсь совершенно лишняя.

Иоганнесь. О, Господи! Отецъ Небесный! Нѣтъ, знаешь, въ самомъ дѣлѣ, только этого еще не доставало. Вѣдь и у меня нервы не изъ корабельныхъ канатовъ. Не въ силахъ я выносить теперь еще и это. (Уходитъ въ садъ).

Г-жа Фокератъ (вноситъ чашку бульона и ставитъ на столъ). Вотъ для фрейлейнъ Анны.

Кэте (съ отчаянiемъ рыдая, бросается къ г-жѣ Фокератъ; падаетъ ей на грудь). Мамочка! Мамочка! Я должна бѣжать, бѣжать отсюда... Изъ этого дома... Отъ всѣхъ васъ. Это уже слишкомъ, слишкомъ, мамочка!

Г-жа Фокератъ. Ради Бога, дѣточка, чтò случилось? Какъ? Кто посмѣлъ тебя...

Кэте (мѣняясь, гнѣвно). Нѣтъ ужъ, не такъ я ничтожна, не такъ ничтожна, чтобы можно было вышвырнуть меня вонъ... Этого не будетъ, мамочка! Я уйду сейчасъ, сію же минуту... На пароходѣ... въ Америку, куда угодно, только прочь, прочь отсюда... Въ Англію... гдѣ меня никто не знаетъ, гдѣ...

Г-жа Фокератъ. Да чтò ты, дѣточка! Въ какую Америку! О, Отецъ Небесный! Да чтò такое съ тобою случилось? Ты хочешь уѣхать отъ своего мужа? Отъ ребенка? Что-жъ, Филиппъ долженъ будетъ расти безъ матери?.. Не можешь этого быть!

Кэте. Ахъ, ну чтò такое «мать»! Его мать глупая, ограниченная женщина! На что ему нужно такое глупое, ограниченное существо, какъ я! Я теперь знаю, какъ я

глупа и ограничена. Они мнѣ это твердили каждый день, и они дѣйствительно сдѣлали меня такой ничтожной, такой жалкой, что я теперь сама себѣ противна. Нѣтъ, нѣтъ! Прочь отсюда!

Г-жа Фокератъ. Но, Кэте, подумай... Отъ мужа... отъ сына. Молю тебя, ради Бога...

Кэте. Развѣ онъ моимъ когда-нибудь былъ? Раньше онъ принадлежалъ своимъ друзьямъ, теперь Аннѣ. Одной меня ему всегда было мало. Я проклинаю свою жизнь. Довольно съ меня этого проклятаго существованія!

Г-жа Фокератъ (тоже выходятъ изъ себя, въ экстазѣ, какъ бы подъ влияніемъ внезапнаго просвѣтленія. Глаза ея устремляются въ одну точку и сверкаютъ, лицо то блѣднѣетъ, то вспыхиваетъ). Вотъ видите, видите! (Показываетъ пальцемъ въ пространство передъ собою). Теперь видите, видите! Чтò я говорила? Вотъ видите! Домъ, отъ котораго отвернулся Господь, рушится въ одну ночь! Вотъ видите! Да, не заблуждайтесь! Чтò я говорила? Сначала богоотступникъ, потомъ прелюбодѣй, потомъ... Кэте!

Кэте (почти въ обморокѣ). Нѣтъ, мама! Нѣтъ! Нѣтъ! Я... я...

Г-жа Фокератъ. Дитя мое! Соберись съ силами! Кто-то идетъ сюда. Пойдемъ. (Уходитъ съ Кэте въ спальню).

Иоганнесъ (входитъ съ веранды).

Г-жа Фокератъ (открываетъ дверь изъ спальни). Ахъ, это ты, Ганнесъ! (Выходитъ, всѣми силами старается преодолѣть чрезвычайное волненіе. Дѣлаетъ видъ, что что-то ищетъ въ комъ Ну, мальчикъ?)

Иоганнесъ. Чтò, мама?

Г-жа Фокератъ. Ничего. (Иоганнесъ вопросительно смотритъ на нее). Чтò ты такъ смотришь?

Иоганнесъ. Ничего, мнѣ только показалось, что ты... По правдѣ сказать, когда вы такъ слѣдите за мной...

Г-жа Фокератъ. Мальчикъ, мальчикъ! Твое счастье, что скоро зима. Ты въ такомъ состояніи... Прежде ты никогда не относился ко мнѣ такъ нехорошо... Тебѣ нужно прежде всего успокоиться.

Иоганнесъ. Да, да! Вы вѣдь всегда лучше меня знаете, чтò мнѣ нужно.

Г-жа Фокератъ. Да и Кэте тоже не совѣмъ поправилась...

Иоганнесъ. Ну, Анна, кажется, не причиняла ей особыхъ хлопотъ.

Г-жа Фокератъ. Все-таки... Я старуха... и рада бы иной разъ сама все сдѣлать, да старья кости иногда не позволяютъ.

Иоганнесь. И не къ чему вовсе, я говорилъ тебѣ сто разъ. У насъ достаточно всякой прислуги.

Г-жа Фокератъ. Но должна же вѣдь фрейлейнъ когда-нибудь опять приняться за свою работу.

Иоганнесь. Это ея дѣло.

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, я, право, не понимаю. Вѣдь всему должна быть мѣра! Она погостила здѣсь достаточно. Ну, и будетъ, довольно!

Иоганнесь. Чего ты, собственно, хочешь? Все это такъ странно, такъ... Я ужъ и не знаю...

Г-жа Фокератъ. Ты хочешь уговорить эту Маръ остаться здѣсь еще и...

Иоганнесь. И сдѣлаю это. Непремѣнно сдѣлаю, непременно... А ты имѣешь что-нибудь противъ этого?

Г-жа Фокератъ (съ угрозой). Иоганнесь, Иоганнесь!

Иоганнесь. Нѣтъ, мама! Въ самомъ дѣлѣ, это... Богъ знаетъ! Словно мы сдѣлали преступленіе какое-нибудь! Это ужъ не только...

Г-жа Фокератъ (убѣдительно, но мягко). Ахъ, мальчикъ ты мой! Будь же ты благоразумнѣе! Ну, выслушай меня спокойно. Вѣдь я же твоя мать. Вѣдь я же хочу тебѣ только добра. Нѣтъ человѣка, который бы тебѣ больше желалъ добра. Я вѣдь знаю, ты — благородный человѣкъ... Но вѣдь мы—слабые люди, Ганнесь... Кѣте думаетъ Богъ знаетъ чтѣ... и...

Иоганнесь (смѣется). Не сердись на меня, мамочка, но я не могу не смѣяться. Только и остается, что смѣяться. Вѣдь это же просто смѣшно...

Г-жа Фокератъ. Ахъ, мальчикъ, мальчикъ! И болѣе сильные люди попадались въ эту западню! И часто замѣчаешь это тогда, когда уже поздно.

Иоганнесь. Слушай, мама! Если вы не хотите, чтобы я сошелъ съ ума, то ради Бога оставьте меня съ этими разговорами. Не смущайте вы меня, не сбивайте съ толку. Не внушайте вы мнѣ того, чего... Не впутывайте вы меня въ отношенія, отъ которыхъ я далекъ... Убѣдительно прошу васъ, друзья мои!

Г-жа Фокератъ. Конечно, ты самъ долженъ знать, что ты дѣлаешь, Ганнесь! Я только говорю тебѣ: будь остороженъ. (Г-жа Фокератъ уходитъ въ спальню. Входитъ Анна).

Анна (замѣчая Иоганнеса). Докторъ! (Идетъ къ стулу, на которомъ лежатъ ея вещи, и беретъ непромокаемое пальто, чтобы надѣть его). Ну, пора!

ИОГАННЕСЪ (подбѣгаетъ и помогаетъ ей надѣть пальто). Значить, все-таки ѣдете?

АННА (застегивая пальто). Такъ вы скоро пришлете то, о чемъ мы говорили?

ИОГАННЕСЪ. Не забуду. Но вотъ что, фрейлейнъ Анна. Я былъ бы хотъ немного спокойнѣе, если бы вы разрѣшили намъ воспользоваться правами дружбы...

АННА. Вы обижаете меня, докторъ!

ИОГАННЕСЪ. Ну, хорошо, хорошо, не стану больше говорить объ этомъ. Но общайте мнѣ... въ случаѣ малѣйшей нужды... вмѣсто того, чтобы обращаться къ другимъ... позвольте намъ... (Идетъ къ двери въ спальню и зоветъ) Мама! Кэте!

(Кэте и г-жа Фокератъ входятъ).

АННА (цѣлуетъ руку у г-жи Фокератъ). Безконечно благодарю васъ. (Кэте и Анна крѣпко цѣлуются). Хорошая, милая моя! Ну, пиши же!

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ. Дай вамъ Богъ доѣхать благополучно.

КЭТЕ. И будь... (плачетъ). Будь счастлива, пусть... (рыдания мѣшаютъ ей говорить).

(Иоганнесъ несетъ дорожную сумку Анны. Кэте и г-жа Фокератъ провожаютъ ее на веранду. Тамъ они встрѣчаются съ Брауномъ. Онъ прощается. Иоганнесъ и Анна уходятъ. Г-жа Фокератъ, Кэте и Браунъ остаются на верандѣ. Кэте машетъ платкомъ. Потомъ всѣ трое возвращаются въ комнату).

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ (утѣшаетъ тихо плачущую Кэте). Ну, дѣточка, дѣточка! Не огорчайся такъ! Она скоро оправится, она молода.

КЭТЕ. У нея были такіе грустные, трогательные глаза! Ахъ, она пережила столько горя!

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ. На нашемъ пути тоже не однѣ розы, Кэте.

КЭТЕ. Господи! Сколько на свѣтѣ горя и страданій! (Уходитъ въ спальню. Небольшая пауза).

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ. А бульонъ здѣсь оставила. (Беретъ чашку и хочетъ нести, оставаясь подлѣ Брауна). Да, г. Браунъ... Могу сказать... немало я пережила за эти послѣднія десять минутъ. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, но на нее вдругъ нападаетъ чрезвычайная слабость, и она принуждена сѣсть). Теперь вотъ... все тѣло болитъ... Совсѣмъ разбита.

БРАУНЪ. А что же случилось, г-жа Фокератъ?

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ. Нѣтъ, не нужно роптать. Больше ни слова не скажу, лишь бы все этимъ кончилось. Господь направилъ на насъ грозный перстъ Свой, и я поняла Его...

Но вѣдь вы такой же безбожникъ. Да, да, но повѣрьте, г. Браунъ, старой опытной женщиной! Безъ Него недалеко уйдешь! Рано или поздно—споткнешься и упадешь. (Небольшая пауза). Ну, пойду. (Хочетъ встать, но не въ состояніи отъ волненія и слабости). Но кто знаетъ, совсѣмъ ли безслѣдно. (Прислушивается) Кто это тамъ? Кто-то идетъ по лѣстницѣ... Ахъ, да! У насъ стирка. Это прачки тамъ бѣлье стираютъ... Теперь у насъ опять покой настанетъ, можно будетъ опять за дѣло приниматься. (Небольшая пауза). Вотъ видите... Вѣдь у Иоганнеса такой золотой характеръ... Онъ такой честный, безупречный человѣкъ... Вотъ видите, къ чему это ведетъ, когда полагаются только на *свои* силы. Все это — только громкія фразы: моя вѣра — въ монхъ дѣлахъ. А Господь Богъ однимъ дуновеніемъ Своимъ разрушаетъ всѣ наши картонныя домики.

Иоганнесъ (возбужденный и въ смущеніи, быстро входитъ въ наружную дверь). Друзья мои, она остается!

Г-жа Фокератъ (не понимая). Кто остается?

Иоганнесъ. Она, мама, еще на нѣсколько дней... Конечно, фрейлейнъ Анна!

Г-жа Фокератъ (точно разбитая параличомъ). Фрейлейнъ Анна ост... Гдѣ-жъ она?

Иоганнесъ. У себя въ комнатѣ, мама. Но я не понимаю...

Г-жа Фокератъ. Такъ вотъ какъ!

Иоганнесъ. Сдѣлайте вы мнѣ одолженіе и не придавайте вы какого-то невѣроятнаго значенія простымъ вещамъ. Это...

Г-жа Фокератъ (встаетъ; повелительно). Ганнесъ, послушай! (Съ выраженіемъ) Я говорю тебѣ: этой господажѣ нечего здѣсь больше дѣлать! Она непременно должна оставить нашъ домъ. Я этого требую... Во что бы то ни стало.

Иоганнесъ. Позволь, мама, чей же это домъ?

Г-жа Фокератъ. О, я знаю, прекрасно знаю, — это домъ человѣка, который... который забылъ свой долгъ, который... И разъ ужъ ты мнѣ напомнилъ объ этомъ... то—хорошо, хорошо — я могу освободить мѣсто для этой... особы...

Иоганнесъ. Мама, ты говоришь о фрейлейнъ Аннѣ въ такомъ тонѣ, котораго я не могу допустить.

Г-жа Фокератъ. А ты говоришь со своею матерью въ такомъ тонѣ, который запрещается четвертой заповѣдью.

Иоганнесъ. Мама, я постараюсь сдержать себя, но по-

думайте же и вы хоть, немного о моемъ душевномъ состояніи. Иначе можетъ случиться.. Вы заставите меня сдѣлать то, чего нельзя будетъ исправить.

Г-жа Фокератъ. Кто налагаетъ на себя руку, тотъ обрекаетъ себя на вѣчное проклятіе.

Юганнесъ. Это все равно... Но въ такомъ случаѣ... вы должны быть вдвойнѣ осторожны.

Г-жа Фокератъ. Я умываю руки, я уѣзжаю.

Юганнесъ. Мама!

Г-жа Фокератъ. Или я, или эта особа.

Юганнесъ. Ты требуешь невозможнаго, мама! Я едва-едва уговорилъ ее, а теперь ты хочешь, чтобы я пошелъ къ ней и... Да я скорѣе застрѣлюсь!

Г-жа Фокератъ (съ внезапнымъ рѣшеніемъ). Хорошо. Въ такомъ случаѣ я пойду и прямо скажу ей: она опытная кокетка!.. Она... она опутала тебя своими сѣтями...

Юганнесъ (загородивъ ей дорогу). Мама, ты не пойдешь къ ней! Она въ моемъ домѣ; я—ея защитникъ, и я сумѣю защитить ее отъ грубыхъ оскорбленій... противъ кого бы то ни было.

Браунъ. Гансъ, Гансъ! Чтѣ ты...

Г-жа Фокератъ. Хорошо, хорошо! Я вижу теперь, до чего ты дошелъ. (Уходитъ въ наружную дверь).

Браунъ. Гансъ, да чтѣ съ тобой дѣлается?

Юганнесъ. Оставьте меня въ покоѣ, вы душу мою погубили!

Браунъ. Образумься, Юганнесъ! Вѣдь я не намѣренъ читать тебѣ проповѣди.

Юганнесъ. Вы-растлѣваете мои мысли. Какое-то насилие надъ человѣческой душой. Я измученъ, истерзанъ. Больше я не скажу ни-слова!

Браунъ. Нѣтъ, Гансъ, теперь ты не можешь молчать. Теперь дѣло приняло такой оборотъ, что ты даже скорѣе обязанъ говорить. Постарайся только быть немного спокойнѣе.

Юганнесъ. Ну, чтѣ вамъ нужно знать? Въ чемъ мы обвиняемся? Да, во всякомъ случаѣ, я не стану вамъ приводить доказательства, что мы ни въ чемъ не виноваты. Этого не позволяетъ мнѣ моя гордость. Понимаешь ты... О, какая мерзость! При одной мысли...

Браунъ. Послушай, Гансъ, вѣдь ты знаешь,—я смотрю на вещи совершенно трезво...

Юганнесъ. Да мнѣ совершенно безразлично. Смотри на

нихъ, какъ тебѣ угодно. Только оставь меня въ покоѣ съ твоими взглядами, потому что каждое слово бьетъ меня, точно удары хлыста по лицу!

Браунъ. Ты долженъ согласиться, Гансъ, что ты играешь съ огнемъ.

Иоганнесъ. Съ этимъ я ни въ коемъ случаѣ не долженъ согласиться. Не вамъ судить о моихъ отношеніяхъ къ Аннѣ.

Браунъ. Не станешь же ты отрицать, что у тебя есть обязанности относительно твоей семьи?

Иоганнесъ. Не станешь же ты отрицать, что у меня есть обязанности по отношенію къ самому себѣ. Вотъ видите, вы щеголяли вашими передовыми взглядами, а когда я дѣлаю первый свободный шагъ, вы уже трусите, начинаете говорить объ обязанностяхъ, вы уже...

Браунъ. Я вовсе не хотѣлъ сказать этого. Что такое обязанности! Но нужно ясно смотрѣть на вещи. Вѣдь дѣло обстоитъ такъ: или Анна, или твоя семья.

Иоганнесъ. Да послушай, ты просто съ ума сошелъ! Зачѣмъ вы изо всѣхъ силъ стараетесь создать и раздуть конфликтъ, котораго нѣтъ? Вѣдь то, что вы говорите, — ложь. Мнѣ не зачѣмъ дѣлать какой-то выборъ. Съ Анной меня связываетъ совсѣмъ не то, что съ Кэте. И одно другому нисколько не мѣшаетъ. Да вѣдь это же — дружба, чортъ возьми! Она создавалась благодаря тому, что мы близки по духу, что мы оба одинаково развивались. И поэтому мы понимаемъ другъ друга тамъ, гдѣ другіе перестаютъ понимать насъ; тамъ, гдѣ вы не можете понять. Съ тѣхъ поръ, какъ она здѣсь, я словно переродился. Ко мнѣ вернулись бодрость, уваженіе къ самому себѣ. Я чувствую въ себѣ творческія силы и чувствую, что все это — дѣло ея рукъ. Я чувствую, что для моего роста, развитія — нужна она. Нужна, какъ другъ, понимаешь ты? Да неужели же мужчина и женщина не могутъ быть друзьями?

Браунъ. Прости меня, Ганнесъ, но ты, очевидно, ни разу не взглянулъ на дѣло трезвыми глазами.

Иоганнесъ. Вы не знаете, что вы дѣлаете, говорю я вамъ. Вы судите обо всемъ по какому-то пошлomu шаблону, который я далеко отшвырнулъ отъ себя. Если вы любите меня, не мѣшайте мнѣ. Вы понятія не имѣете, что во мнѣ сейчасъ происходитъ. Да, теперь, послѣ всѣхъ этихъ вашихъ нападѣній, я самъ готовъ вѣрить тому, что есть опасность. Но у меня есть сила воли, и я сумѣю, не пе-

реступая предѣла и никого не заставляя страдать, добыть себѣ то, безъ чего я не могу жить. У меня есть воля,— понимаешь!

Браунъ. Твоя старая ошибка, Ганнесь. Ты хочешь соединить несоединимое. По-моему, — возможно только одно: просто—пойти къ ней, объяснить истинное положеніе вещей и попросить ее уѣхать.

Иоганнесь. Ну, кончилъ ты? Кончилъ наконецъ? Такъ слушай же. Чтобы хоть тутъ тебѣ было все ясно, и ты не тратилъ бы словъ по-пустому. (Со сверкающими глазами, отчеканивая каждое слово) То, чего вы хотите, не случится! Нѣтъ, Браунъ! Я теперь уже не тотъ, какимъ былъ еще недавно! Я нашелъ ту силу, которая управляетъ мною. Вы съ вашими мнѣніями не имѣете больше власти надо мною. Я позналъ самого себя и буду самимъ собою. Самимъ собою, наперекоръ всѣмъ вамъ! (Быстро уходитъ въ кабинетъ).

Браунъ (пожимаетъ плечами).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Время между четырьмя и пятью часами вечера. Кэте и г-жа Фокератъ сидятъ за столомъ. Кэте шьетъ дѣтскую распашонку. Г-жа Фокератъ вяжетъ. Кэте очень похудѣла. Проходитъ нѣсколько секундъ. Иоганнесь входитъ изъ кабинета. Шляпа надѣта кое-какъ, пальто еще только накинуто. Онъ собирается уходить.

Иоганнесь. Анна ушла?

Г-жа Фокератъ (громко вздохнувъ). Да, только-что.

Иоганнесь (подходить къ Кэте, цѣлуетъ ее въ лобъ). Ну, аккуратно ты принимаешь свое лѣкарство?

Г-жа Фокератъ. Охъ, ужъ эти глупыя лѣкарства! Нисколько они не помогутъ. Я знаю, что дѣйствительно могло бы.

Иоганнесь. Ахъ, мама, мама!

Г-жа Фокератъ. Молчу, молчу.

Кэте. Да, да, принимаю. Да вообще я теперь совсѣмъ здорова.

Иоганнесь. У тебя и видъ сегодня гораздо лучше.

Кэте. Да, мнѣ лучше.

Иоганнесь. Ну, смотри же, береги себя. До свиданія. Мы скоро вернемся.

Кэте. Вы далеко идете?

Иоганнесъ. Нѣтъ, только прогуляемся немного по лѣсу. До свиданія. (Уходитъ на веранду).

(Небольшая пауза. Слышенъ свистъ и грохотъ поѣзда. Затѣмъ вдали раздается станціонный звонокъ).

Г-жа Фокератъ. Звонокъ слышенъ.

Кэте. Вѣтромъ доносить, мамочка. (Роняетъ работу на ко-
лѣни и задумывается).

Г-жа Фокератъ (взглянувъ на Кэте). О чемъ ты опять за-
думалась, дѣточка?

Кэте (снова принимаясь за работу). Такъ... вообще.

Г-жа Фокератъ. Ну, напримѣръ?

Кэте. Напримѣръ... бываютъ ли на свѣтѣ такіе люди,
которымъ не въ чемъ раскаиваться?..

Г-жа Фокератъ. Конечно, нѣтъ, дѣточка!

Кэте (показывая свекрови свою работу). Не прострочить ли
вотъ здѣсь кругомъ? (Беретъ рубашечку за верхній и нижній
концы и растягиваетъ). Я думаю, длиннѣе не надо?

Г-жа Фокератъ. Пожалуй, а то лучше и подлиннѣе,
дѣти такъ скоро растутъ. (Обѣ прилежно работаютъ. Небольшая
пауза).

Кэте (шьетъ). Я иногда причиняла Ганнесу большія стра-
данія своимъ дурнымъ настроеніемъ. Очень часто мнѣ было
его такъ жаль. Но что подѣлаешь со своимъ характеромъ!
Въ этомъ все несчастье. (Съ короткой горькой усмѣшкой) Мы
были слишкомъ увѣрены. Ни о чемъ не задумывались.
(Вдохнувъ) Знаешь, эта распашоночка мнѣ напомнила: въ
богачѣвнѣ была старая сидѣлка... У нея въ сундукѣ много
лѣтъ лежалъ саванъ, который она сама себѣ сшила.
Какъ-то разъ она мнѣ его показала, и мнѣ стало такъ
грустно.

Г-жа Фокератъ. Сумасбродная старуха! (Короткая пауза).

Кэте (шьетъ). Славный мальчуганъ этотъ маленькій Фид-
леръ. Вчера я его привела сюда и стала показывать ему
картинки. А онъ вдругъ спрашиваетъ меня: «Тетя Кэте,
правда, что мотылекъ—мужъ, а стрекоза—жена?»

Г-жа Фокератъ (добродушно улыбається).

Кэте. Такой глупенькій! А потомъ потрогалъ у меня
вѣки и спрашиваетъ: «правда, въ нихъ глазки спать?»

Г-жа Фокератъ. Ужасно забавныя иногда бываютъ
дѣтишки.

Кэте (съ тихой и грустной веселостью). И потомъ онъ гово-
рить: «исклы» вмѣсто «искры». Я всегда дразню его этимъ.

Г-жа Фокератъ. Смѣшно—«исклы». (Смѣется).

Кэте (опускаетъ работу на колѣни). И какихъ только горестей ни выдумываешь въ дѣтствѣ! Помню, когда я была маленькая, я въ теченіе многихъ лѣтъ, бывало, какъ увижу картофельное поле, горячо молюсь, Богу: «Ахъ, Господи, сдѣлай такъ, чтобы я хоть разочекъ поймала большую «Мертвую голову»... Такъ ни разу и не поймала. (Утомленная, встаетъ со стула. Со вздохомъ) А позднѣе являються другія горести...

Г-жа Фокератъ. Куда ты? Посиди еще чуточку.

Кэте. Надо посмотреть, не проснулся ли маленькій.

Г-жа Фокератъ. Не тревожься ты такъ. Безъ тебя все сдѣлають.

Кэте (останавливается около стула и прикладываетъ руку ко лбу). Постой, мамочка, надо подумать.

Г-жа Фокератъ (нѣжно уговаривая ее). Да не о чемъ тебѣ думать! Лучше расскажи-ка мнѣ еще что-нибудь! (Она снова усаживаетъ Кэте на стулъ, безъ всякаго сопротивленія съ ея стороны). Садись. Когда Іоганнесъ былъ маленькій, онъ тоже былъ ужасно забавный.

Кэте (сидитъ словно въ оцѣпенѣніи, съ широко-раскрытыми глазами, которые устремлены на портретъ, висящій надъ пианно). Какой папа славный въ этомъ его облаченіи. Ему и въ голову не приходитъ, что его дочь... (Голосъ ея срывается отъ слезъ).

Г-жа Фокератъ (замѣтивъ это). Что ты, дѣточка?

Кэте (говоритъ съ трудомъ). Ахъ, пожалуйста, оставь меня! (Нѣсколько времени обѣ работаютъ).

Кэте (шьетъ). Ты радовалась, когда Іоганнесъ родился?

Г-жа Фокератъ. Ну, я думаю! А ты развѣ не радовалась, когда родился Филиппъ?

Кэте. Право, не знаю... (Опять встаетъ). Я лучше пойду, немного прилягу.

Г-жа Фокератъ (тоже встаетъ и гладитъ Кэте руку). Да, да, если тебѣ нездоровится...

Кэте. Посмотри, мамочка, какія у меня руки.

Г-жа Фокератъ. Да, дѣточка, холодныя, словно ледь!

Кэте. Возьми иголку! (Протягиваетъ ей иголку).

Г-жа Фокератъ (не рѣшается взять иглу). Зачѣмъ? Что мнѣ съ ней дѣлать?

Кэте. Вотъ посмотри. (Быстро колеетъ себѣ иголкой нѣсколько разъ ладонь).

Г-жа Фокератъ (хватаетъ ея руку). Что ты! Что ты дѣлаешь?

Кэте (улыбается). Совсѣмъ не больно. Ничуть. Я ничего не чувствую.

Г-жа Фокератъ. Ну, что это еще за выдумки! Пойдемъ, пойдемъ, прилягъ немножко, полежи! (Поддерживая Кэте, уводить ее въ спальню).

(Черезъ нѣкоторое время входитъ Браунъ. Онъ снимаетъ шляпу и пальто и вѣшаетъ ихъ на вѣшалку).

Г-жа Фокератъ (высовывая голову изъ спальни). Ахъ, это вы, г. Браунъ?

Браунъ. Здравствуйте, г-жа Фокератъ!

Г-жа Фокератъ. Я сейчасъ... (Исчезаетъ. Нѣсколько секундъ спустя торопливо входитъ, подходитъ къ Брауну и суетъ ему въ руки телеграмму). Ну, посоветуйте, какъ быть. (Пока онъ читаетъ, она съ боязливымъ напряженіемъ слѣдитъ за выраженіемъ его лица).

Браунъ (прочитавъ). Вы сообщили г. Фокерату, въ чемъ дѣло?

Г-жа Фокератъ. Ни словомъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! У меня не хватило бы на это духу. Я только написала ему, что слѣдовало бы ему приѣхать сюда... Потому что мнѣ еще не скоро можно будетъ уѣхать, и Кэте еще не совсѣмъ поправилась. Больше я ничего не писала. Даже и о томъ, что Анна еще здѣсь.

Браунъ (подумавъ нѣкоторое время, пожимаетъ плечами). Да что же тутъ можно посоветовать?

Г-жа Фокератъ (еще болѣе испуганно). По-вашему, я неправильно поступила? Не нужно было писать ему? Но вѣдь Кэте таетъ у меня на глазахъ, и если она сляжетъ, тогда... Я ужъ и не знаю, что тогда будетъ. Да и теперь то и дѣло приходится ее укладывать въ постель. Вотъ и сейчасъ лежитъ. Я не могу больше, не могу я одна, г. Браунъ, брать на себя такую отвѣтственность. (Сморкается).

Браунъ (взглянувъ на телеграмму). Г. Фокератъ приѣзжаетъ съ шестичасовымъ поѣздомъ. Который теперь часъ?

Г-жа Фокератъ. Скоро половина пятого.

Браунъ (подумавъ еще немного). Что же, вѣдь за эту недѣлю никакихъ перемѣнъ не произошло?

Г-жа Фокератъ (съ тоскою качаетъ головою). Никакихъ.

Браунъ. И она и виду не подавала, что собирается уѣзжать?

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, ни разу. А Иоганнеса совсѣмъ точно околдовала. Съ нимъ и прежде трудно было ладить, но въ концѣ концовъ онъ дѣлалъ, что было нужно. А теперь ничего не видитъ и не слышитъ. Только эта женщина,

только она одна для него и существует. Ни матери ни жены! О, Господи! Ну, что же теперь дѣлать! Вѣдь я по цѣлымъ ночамъ глазъ не могу сомкнуть. Я уже думала и такъ и этакъ. Что же намъ дѣлать? (Пауза).

Браунъ. Право, ужъ я и не знаю, хорошо ли, что приѣзжаетъ г. Фокератъ. Это только еще болѣе раадражить Ганнеса... И потомъ... Онъ только не хочетъ показать ей... Но мнѣ иногда кажется... что Ганнесъ и самъ хотѣлъ бы какъ-нибудь освободиться отъ этого.

Г-жа Фокератъ. Я тоже такъ думала. Поэтому я и позволила себя уговорить тогда, когда онъ привезъ ее назадъ. Поэтому я и осталась здѣсь. Ну, а теперь все идетъ хуже и хуже. Теперь мы и заикнуться ему не смѣемъ объ этомъ. И Кэте тоже слова нельзя сказать. Къ кому же мнѣ обратиться?

Браунъ. А г-жа Кэте ни разу не говорила съ нимъ объ этомъ?

Г-жа Фокератъ. Разъ говорила... Они не спали почти цѣлую ночь... Богъ ихъ знаетъ, о чемъ они тамъ говорили. Но Кэте слишкомъ терпѣлива. Она даже становится на его сторону, если я что-нибудь скажу. Да и эту самую... эту госпожу... такъ-называемую... она совсѣмъ не понимаетъ, то и дѣло за нее заступається. (Короткая пауза).

Браунъ. Знаете... я ужъ самъ себя спрашивалъ, не поговорить ли мнѣ съ фрейлейнъ Анной.

Г-жа Фокератъ (быстро). Да, можетъ-быть, и слѣдовало бы.

Браунъ. Я даже хотѣлъ-было написать ей... Только боюсь, чтобы не вмѣшался въ это дѣло г. Фокератъ. Помоему — это только могло бы ухудшить положеніе, и очень сильно.

Г-жа Фокератъ. Да, да. Но что же мнѣ оставалось дѣлать? У меня вѣдь все сердце изболѣло. Ахъ, если бы вы... если бы вы въ самомъ дѣлѣ поговорили съ ней... (Слышны голоса Анны и Юганнеса). Боже мой! Я не въ силахъ сейчасъ ее видѣть! (Уходитъ въ наружную дверь).

Браунъ (медлить нѣсколько секундъ, затѣмъ также уходитъ въ наружную дверь прежде, чѣмъ тѣ вошли).

(Анна входитъ съ веранды).

Анна (снимаетъ шляпу и говоритъ въ отворенную дверь Юганнесу, который остался на верандѣ). Что-нибудь интересное, докторъ?

Юганнесъ. Должно-быть, что-нибудь случилось, — полицейскій сѣлъ въ лодку. (Входитъ). Вѣроятно, опять несчастье.

Анна. Опять меланхолическія предчувствія.

Иоганнесь. Здѣсь часто случаются несчастія. Это — опасное озеро... Что это у васъ?

Анна. «Кошачьи лапки», докторъ. Я возьму ихъ съ собою на память.

Иоганнесь. Когда будете уѣзжать? Ну, а это еще не такъ скоро.

Анна. Вы думаете?

(Короткая пауза. Оба тихо ходятъ по комнатѣ, каждый отдѣльно).

Анна. Какъ рано стало темнѣть.

Иоганнесь. И свѣжо; какъ только солнце сядетъ. Зажечь огонь?

Анна. Какъ хотите. А то посидимъ немножко такъ, въ сумеркахъ. (Садится).

Иоганнесь (также садится вдали отъ Анны на первый попавшійся стулъ. Послѣ паузы). Сумерки... Въ сумерки приходятъ въ голову старыя воспоминанія...

Анна. И сказки—не правда ли?

Иоганнесь. Да, и сказки. Ахъ, какія есть чудесныя сказки!

Анна. О, да! Но знаете, какъ обыкновенно кончаются самыя лучшія изъ нихъ? «Тогда я надѣла хрустальный башмачокъ—и ударилаь имъ о камень. И башмачокъ зазвенѣлъ и разбился вдребезги».

Иоганнесь (послѣ короткой паузы). А это развѣ не тоже меланхолическія предчувствія?

Анна. Я думаю, что нѣтъ. (Встаетъ, тихо подходитъ къ стулу передъ пианино, садится на него и дышитъ себѣ на руки).

Иоганнесь (тоже встаетъ, медленно дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается сзади Анны). Сыграйте хоть нѣсколько тактовъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе. Нѣсколько самыхъ простыхъ аккордовъ—и довольно съ меня.

Анна. Я не умѣю играть.

Иоганнесь (съ мягкимъ упрекомъ). Ахъ, фрейлейнъ Анна, зачѣмъ вы это говорите? Вы просто не хотите, я вѣдь знаю.

Анна. Право, я дѣлала шесть лѣтъ не притрогивалась къ клавишамъ. Только этой весной опять стала немного упражняться. И потомъ... я такъ только брянчу печальныя безутѣшныя пѣсенки, которыя когда-то слышала отъ матери...

Иоганнесь. А можетъ-быть, вы споете одну изъ такихъ печальныхъ безутѣшныхъ пѣсенокъ?

Анна. Вотъ видите, вы ужъ и дразните меня.

Иоганнесъ. Нѣтъ, я вижу, вы не хотите доставить мнѣ удовольствія. (Короткая пауза).

Анна. Да, докторъ! Я—гадкое, капризное созданье.

Иоганнесъ. Я этого не говорю, фрейлейнъ Анна! (Небольшая пауза).

Анна (поднимаетъ крышку пiанино, кладетъ пальцы на клавиши. Задумчиво). Если бы я знала что-нибудь веселое...

Иоганнесъ (садится въ дальнемъ углу, наклонивъ впередъ голову; положилъ ногу на ногу, оперся на нихъ локтями и приставилъ руку къ уху).

Анна (уронивъ руки на колѣни, говорить тихо, съ паузами). Собственно, мы живемъ въ великое время.. Чудится мнѣ, точно что-то душливое, давящее постепенно сползаетъ съ насъ все дальше и дальше... Вамъ не кажется это, докторъ?

Иоганнесъ (откашливаясь). Т.-е. въ какомъ смыслѣ?

Анна. Съ одной стороны, насъ поработалъ томительный страхъ, съ другой—мрачный фанатизмъ. Теперь эта чрезмерно напряженная атмосфера какъ будто начала разряжаться, какъ будто откуда-то ворвался къ намъ потокъ свѣжаго воздуха, ну, положимъ, хоть изъ двадцатаго вѣка... Вы не согласны, докторъ? Ну, напримѣръ, такіе люди, какъ Браунъ, производятъ на насъ уже впечатлѣніе какихъ-то совъ при дневномъ свѣтѣ.

Иоганнесъ. Не знаю, фрейлейнъ! Относительно Брауна это совершенно вѣрно. Но я не могу еще проникнуться жизнерадостностью. Не знаю...

Анна. Я не говорю о нашихъ—*личныхъ* судьбахъ. Нашу маленькую личную жизнь оставимъ, докторъ, въ сторонѣ. (Пауза).

(Анна беретъ аккордъ и держитъ его).

Иоганнесъ (когда звуки аккорда замерли). Ну?

Анна. Что вы, докторъ!

Иоганнесъ. Вы не хотите играть? Ну, пожалуйста!

Анна. Я хотѣла вамъ кое-что сказать, но вы не должны горячиться, слышите? Вы должны остаться спокойны и благоразумны.

Иоганнесъ. Что такое?

Анна. Я думаю, мой срокъ кончился. Мнѣ пора уѣзжать.

Иоганнесъ (глубоко вздыхаетъ, потомъ встаетъ и начинаетъ медленно шагать по комнатѣ).

Анна. Послушайте, Иоганнесъ! Мы начинаемъ впадать въ ошибку: слабыхъ натуръ. Намъ слѣдуетъ больше интересоваться общими вопросами; намъ нужно научиться легче переносить свои личныя невзгоды. (Небольшая пауза).

Юганнесь. Вы серьезно хотите уѣхать?

Анна (мягко, но рѣшительно). Да, Юганнесь!

Юганнесь. Въ такомъ случаѣ, я буду теперь вдесятеро больше одинокимъ. (Пауза).

Юганнесь. Ахъ, по крайней мѣрѣ, хоть не будемъ говорить объ этомъ теперь.

Анна. Скажу вамъ только, что я извѣстила своихъ, что приѣду въ субботу или въ воскресенье.

Юганнесь. Уже извѣстили? Но, фрейлейнъ, почему же вы такъ торопитесь?

Анна. По многимъ причинамъ. (Пауза).

Юганнесь (все быстрѣе и возбужденнѣе шагая по комнатѣ). Да неужели же дѣйствительно нужно приносить въ жертву этимъ проклятымъ условностямъ все, все, что добыто съ такимъ трудомъ! Неужели же люди абсолютно не могутъ понять, что нѣтъ ничего преступнаго въ такихъ отношеніяхъ, при которыхъ обѣ стороны только выигрываютъ, становятся лучше, благороднѣе? Да развѣ теряютъ что-нибудь родители отъ того, что ихъ сынъ становится лучше, гллубже? Развѣ теряетъ что-нибудь жена, если ея мужъ духовно растетъ и крѣпнетъ?

Анна (ласково грозно). Ахъ, докторъ, докторъ! Опять вы злитесь!

Юганнесь (успокаиваясь). Да развѣ я неправъ, фрейлейнъ?

Анна. И да и нѣтъ... Вы оцѣниваете вещи иначе, чѣмъ ваши родители. Они—иначе, чѣмъ г-жа Кэте. И, по-моему, здѣсь нельзя возражать.

Юганнесь. Но вѣдь это же ужасно,—ужасно для насъ.

Анна. Да и для нихъ... для другихъ не меньше ужасно... (Пауза).

Юганнесь. Да, но не вы ли сами всегда говорили, что нельзя допускать себя до подчиненія чужимъ предрасудкамъ, нельзя ставить себя въ зависимость отъ другихъ.

Анна. Но если эта зависимость уже существуетъ?

Юганнесь. Хорошо, пусть такъ... пусть я нахожусь въ зависимости. Ну, а вы-то? Зачѣмъ вамъ считаться съ другими?

Анна. Я тоже полюбила ихъ. (Пауза).

Анна. Вы часто говорили мнѣ, что мечтаете о новой, высшей формѣ общенія между мужчиной и женщиной.

Юганнесь (тепло, съ увлеченіемъ). Да, мечтаю, и когда-нибудь это сбудется. Тогда не животная сторона, а человѣ-

челская—займетъ первое мѣсто въ союзѣ между мужчиною и женщиною. Не животное будетъ вступать въ бракъ съ животнымъ, а человекъ съ человекомъ. Дружба — вотъ та основа, на которой возрастетъ и окрѣпнетъ такая любовь, на которой воздвигнется нерушимое, прекрасное, волшебное зданіе. И я предчувствую нѣчто еще болѣе возвышенное, прекрасное, свободное. (Прерываетъ самъ себя и обращается къ Аннѣ) Если бы я могъ сейчасъ видѣть ваше лицо, я навѣрно бы увидѣлъ, что вы смѣетесь. Правда?

Анна. Нѣтъ, докторъ, я не смѣюсь... Но, правда, такіа слова... отъ которыхъ легко хмельнешь... Они, дѣйствительно, вызываютъ во мнѣ обыкновенно насмѣшку. Но допустимъ,— въ нашихъ отношеніяхъ было, дѣйствительно, что-то новое, высшее...

Иоганнесъ (огорченный). Вы сомнѣваетесь въ этомъ? Неужели нужно указывать вамъ разницу? Ну, чувствуете ли вы, напримѣръ, къ Кэте что-нибудь, кромѣ самой сердечной любви? Развѣ мое чувство къ ней хоть сколько-нибудь стало слабѣе? Напротивъ, я сталъ любить ее еще глубже, полнѣе.

Анна. Но найдется ли кто-нибудь, кромѣ меня, кто повѣритъ вамъ? И развѣ сама Кэте отъ этого меньше страдаетъ? Мнѣ не хочется говорить о насъ обоихъ. Ну, предположимъ,—такъ вообще: кто-нибудь прозрѣлъ возможность этихъ новыхъ, болѣе совершенныхъ отношеній; но вѣдь пока они, эти отношенія—только въ отгнѣнкѣ чувства, пока вѣдь это—чрезвычайно нѣжное молодое растение, которое надо холить и лелѣять. Вы согласны со мною, докторъ? Что это растеніице вырастетъ, пока мы еще живемъ, на это намъ нечего надѣяться. Мы никогда не увидимъ его расцвѣта, его плоды предназначены другимъ. Сберечь для потомства его сѣмя—это, пожалуй, мы можемъ. И думается мнѣ, что кто-нибудь возьметъ на себя этотъ трудъ.

Иоганнесъ. И изъ всего этого вы дѣлаете выводъ, что мы должны разстаться?

Анна. Я не хотѣла говорить о насъ. Но разъ ужъ вы заговорили... Да! Мы должны разстаться! Идти той дорогой, которая иногда... моментами... рисовалась мнѣ... Нѣтъ, теперь я этого не хочу. Я тоже испытала что-то въ родѣ предчувствія. И съ той поры прежняя цѣль, откровенно скажу вамъ, кажется и мнѣ слишкомъ незначительной, слишкомъ обыкновенной для насъ. Слово спустились мы съ высокой горы, откуда открывался далекій-далекій видъ,

и очутились въ долинь, гдѣ все такъ узко, такъ тѣсно.
(Пауза).

Іоаннесъ. А если ничье существованіе не пострадаетъ отъ этого?

Анна. Этого не можетъ быть.

Іоаннесъ. Но если бы Кэте была достаточно сильна для этого? Если бы ей удалось подняться на высоту этой идеи?

Анна. Если бы Кэте сумѣла жить рядомъ со мною... тогда... тогда я бы не смогла довѣрить самой себѣ. Во мнѣ... въ насъ есть что-то, что враждебно тѣмъ облагороженнымъ отношеніямъ, которыя греются намъ; что-то, что въ концѣ концовъ сильнѣе насъ, докторъ... Не зажечь ли огонь?

Г-жа Фокератъ (входитъ изъ передней со свѣчой. Говоритъ въ дверь). Тутъ еще темно. Я зажгу сначала лампу. Подождите еще немного здѣсь, г. Браунъ. Я такъ устрою, что... (Іоаннесъ кашляетъ).

Г-жа Фокератъ (въ испугѣ). Кто тутъ?

Іоаннесъ. Мы, мама.

Г-жа Фокератъ. Ты, Іоаннесъ?

Іоаннесъ. Да. Фрейлейнъ Анна и я. А тамъ кто?

Г-жа Фокератъ (съ нескрываемой досадой). Чтò это, Ганнесъ! Можно бы, кажется, хоть огонь зажечь. Это вѣдь не совсѣмъ... сидѣтъ въ темнотѣ... (Зажигаетъ лампу. Іоаннесъ и Анна сидятъ неподвижно).

Г-жа Фокератъ. Ганнесъ?

Іоаннесъ. Чтò, мама?

Г-жа Фокератъ. Поди-ка ко мнѣ. Мнѣ нужно съ тобою кое-о-чемъ поговорить.

Іоаннесъ. Развѣ нельзя здѣсь?

Г-жа Фокератъ. Если у тебя нѣтъ для меня свободной минуты, говори прямо.

Іоаннесъ. Ахъ, мама... Ну, сейчасъ иду. (Аннѣ) Извините, фрейлейнъ. (Уходитъ съ г-жою Фокератъ въ кабинетъ).

Анна (беретъ нѣсколько тихихъ аккордовъ, потомъ напѣваетъ вполголоса).

Неволей замученъ, ты рано покинулъ нашъ свѣтъ,
Страданій и горя людского поэтъ.

За свой народъ вступишь ты смѣло въ бой
И палъ, неравной сломленный борьбой.

(Умолкаетъ. Входитъ Браунъ).

Анна (поворачивается на вертящемся стулѣ). Добрый вечеръ, г. Браунъ!

БРАУНЪ. Я не хотѣлъ мѣшать. Здравствуйте, фрейлейнъ!

АННА. Что это васъ теперь такъ рѣдко видно?

БРАУНЪ. Какъ такъ?

АННА. Здѣсь часто о васъ вспоминаютъ.

БРАУНЪ. Кто же это? Ужь, конечно, не Гансъ.

АННА. Иоганнесъ? Да, не онъ. Г-жа Кэте.

БРАУНЪ. Вотъ видите! Откровенно говоря, я... впрочемъ; сейчасъ все это пустяки, дѣло не въ томъ. (Пауза).

АННА. Кажется, мы оба сегодня въ такомъ настроеніи, что слѣдовало бы намъ рассказать другъ другу что-нибудь веселенькое. Не знаете ли чего-нибудь? Иногда нужно заставлять себя смѣяться. Ну, какой-нибудь анекдотъ или что-нибудь...

БРАУНЪ. Нѣтъ, ужъ увольте!

АННА. Я думаю, вамъ даже непонятно, что такое смѣхъ. (Пауза).

БРАУНЪ. Собственно, я пришелъ, фрейлейнъ, чтобы поговорить съ вами серьезно.

АННА. Вы? Со мною?

БРАУНЪ. Да, фрейлейнъ Анна!

АННА (встаетъ). Пожалуйста, я слушаю. (Подходитъ къ столу, развязываетъ букетъ изъ иммортелей и начинаетъ перебирать ихъ и снова связывать въ букетъ).

БРАУНЪ. Я переживалъ тогда тяжелую внутреннюю борьбу, когда мы познакомились съ вами въ Парижѣ. Въ сущности, конечно, все это было вздоръ. И не все ли равно въ концѣ концовъ, писать ли картины съ идеей или безъ идеи. Искусство—роскошь, а служить въ наше время роскоши—позорно при всякихъ условіяхъ. Но, во всякомъ случаѣ, тогда знакомство съ вами помогло мнѣ разобраться во всемъ этомъ. И вотъ что главнымъ образомъ я хотѣлъ сказать вамъ,—что именно тогда-то я научился уважать и цѣнить васъ.

АННА (продолжая разбирать цвѣты, равнодушно). То, что вы говорите, не особенно любезно, но продолжайте.

БРАУНЪ. Если подобныя слова могутъ оскорблять васъ, я очень сожалѣю... Но тогда я ничего не понимаю...

АННА. Очень жаль, г. Браунъ.

БРАУНЪ. Мнѣ непріятно и больно; проще было бы, конечно, представить событіямъ идти своимъ путемъ. Но если эти событія могутъ имѣть такія ужасныя и тяжелыя послѣдствія! Вѣдь нельзя же...

Анна (напивая про себя: «Пряди, пряди, доченька»). Кошачьи лапки. Я слушаю, г. Браунъ.

Браунъ. Глядя на васъ, фрейлейнъ, не могу положительно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что... повидимому, вы совершенно не отдаете себѣ никакого отчета... совершенно не замѣчаете всего ужаса и серьезности положенія вещей...

Анна (напиваетъ): «Мальчикъ розу увидаль».

Браунъ. Но есть же наконецъ въ людяхъ совѣсть. Мнѣ ничего больше не остается, фрейлейнъ, я вынужденъ апеллировать къ вашей совѣсти.

Анна (послѣ короткой паузы, съ холоднымъ спокойствіемъ). Знаете, что сказалъ папа Левъ X о совѣсти?

Браунъ. Не знаю, да, право, меня это въ данную минуту нисколько и не интересуетъ.

Анна. «Совѣсть—это злое животное,—сказалъ онъ:—которое вооружаетъ человѣка противъ себя самого». Впрочемъ, продолжайте, продолжайте. Я вся—вниманіе.

Браунъ. Не знаю, право, но мнѣ кажется, что это ясно до очевидности: вѣдь не можете вы не видѣть, что дѣло идетъ о жизни и смерти цѣлой семьи. Достаточно, мнѣ кажется, взглянуть на молодую г-жу Фокератъ, только взглянуть на нее, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія. По моему...

Анна (дѣлаясь серьезно). Ахъ, вотъ что! Такъ вотъ что! Ну, дальше, дальше!

Браунъ. Да... такъ вотъ... И ваши отношенія къ Логаннесу...

Анна (протестуя). Г. Браунъ, до этого момента я думала, что выслушать друга моего друга—мой долгъ. Но то, что вы говорите теперь, вы говорите на вѣтеръ...

Браунъ (смущенъ. Послѣ короткой паузы онъ встаетъ, беретъ шляпу и пальто и уходитъ съ жестомъ человѣка, который сдѣлалъ все, что могъ).

Анна (какъ только Браунъ вышелъ, отбрасываетъ букетъ въ сторону и возбужденно ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, затѣмъ нѣсколько успокаивается и пьетъ воду).

(Г-жа Фокератъ входитъ въ наружную дверь).

Г-жа ФОКЕРАТЪ (боязливо оглядывается по сторонамъ, затѣмъ, убѣдившись, что онъ одинъ, быстро подходитъ къ Аннѣ). Я въ такомъ страхѣ за Ганнеса, вы знаете, какой онъ вспыльчивый. А у меня столько въ душѣ накипѣло... Не могу я больше таить въ себѣ, фрейлейнъ! Фрейлейнъ Анна! (Смотритъ на Анну съ умоляющимъ видомъ).

Анна. Я знаю, чего вы хотите.

Г-жа Фокератъ. Г. Браунъ говорилъ съ вами?

Анна (хочетъ отвѣтить утвердительно, но голосъ отказывается ей служить. Она съ трудомъ сдерживаетъ припадокъ слезъ и рыданій).

Г-жа Фокератъ (хлопчетъ около нея). Фрейлейнъ Анна, дорогая моя! Не надо падать духомъ. О, Господи! Только бы Иоганнесъ не вошелъ. Я не знаю, что и дѣлать. Ну, фрейлейнъ Анна!

Анна. Ничего, ничего... Вотъ ужъ и все прошло. Не беспокойтесь, г-жа Фокератъ.

Г-жа Фокератъ. Мнѣ вѣдь и васъ жаль, развѣ я не человекъ! Много и вамъ пришлось перенести въ жизни дурного. У меня сердце за васъ болитъ. Но вѣдь Иоганнесъ мнѣ все же ближе. Я этого перемѣнить не могу! А вы, фрейлейнъ, еще такъ молоды, такъ молоды. Въ ваши годы все легко переносится.

Анна. Мнѣ ужасно тяжело, что все это такъ далеко зашло.

Г-жа Фокератъ. Никогда я не дѣлала ничего подобнаго. Никогда не отказывала я никому въ гостепримствѣ. Но другого пути я не вижу. Это — послѣдній выходъ для всѣхъ насъ... Я не хочу сейчасъ никого судить. Я хочу говорить съ вами, какъ женщина съ женщиной, какъ мать... (Слезы душатъ ее). Какъ мать Иоганнеса, обращаюсь я къ вамъ. (Хватаетъ ее за руку). Отдайте мнѣ моего сына! Верните измученной матери ея дитя! (Падаетъ на стулъ и плачетъ, припавъ къ рукѣ Анны).

Анна. Милая, милая г-жа Фокератъ! Все это... Всѣмъ этимъ я глубоко потрясена. Но что же я могу вернуть вамъ? Развѣ я отнимала у васъ что-нибудь?

Г-жа Фокератъ. Не будемъ лучше говорить объ этомъ. Я не хочу разбираться во всемъ этомъ, не хочу разбирать, кто здѣсь виноватъ. Знаю только одно: у моего сына никогда, во всю жизнь не было дурныхъ склонностей. Я такъ была въ немъ увѣрена, что даже и теперь вотъ не могу понять... (Плачетъ). Я была слишкомъ самонадѣянна, фрейлейнъ Анна...

Анна. Что бы вы ни говорили, г-жа Фокератъ, противъ васъ я не могу защищаться.

Г-жа Фокератъ. Я не хотѣла сдѣлать вамъ больно, не хотѣла огорчать васъ, клянусь вамъ. Вѣдь я въ вашихъ рукахъ. Я могу только умолять васъ, только умолять отъ всей глубины моего изстрадавшагося сердца: оставьте моего Ганнеса. Пока еще не все погибло, пока еще не разбилось сердце Кэте. Сжальтесь!

Анна. Г-жа Фокератъ! Вы меня такъ унижаете... Я испытываю такое чувство, словно меня прибили, а я... Но нѣтъ! Говорю вамъ: я уѣзжаю,—это рѣшено. И если дѣло только въ этомъ...

Г-жа Фокератъ. О, Господи! Ну, что вы еще выдумали, фрейлейнъ! У меня просто слова нейдутъ съ языка... Но обстоятельства таковы... Нужно, чтобы вы сейчасъ же... Если можно, то сейчасъ же...

Анна (собираетъ вещи, которыя она сняла съ себя).

Г-жа Фокератъ. Я не могу найти иного исхода, фрейлейнъ! (Небольшая пауза).

Анна (съ вещами въ рукахъ, медленными шагами идетъ къ выходной двери, останавливается передъ г-жою Фокератъ). Неужели вы могли подумать, что я стала бы еще медлить?

Г-жа Фокератъ. Помогите вамъ Господь!

Анна. Прощайте, г-жа Фокератъ.

Г-жа Фокератъ. Вы не скажете Ганнесу, о чемъ мы здѣсь говорили?

Анна. Будьте покойны, г-жа Фокератъ.

Г-жа Фокератъ. Сохрани васъ Господь, фрейлейнъ Анна!

(Анна выходитъ въ выходную дверь. Г-жа Фокератъ съ облегченіемъ вздыхаетъ и быстро идетъ въ спальню.)

Веранда освѣщается фонаремъ. Входитъ старикъ Фокератъ въ шинели и плюшевой шапочкѣ, за нимъ станціонный сторожъ съ багажомъ.)

Фокератъ (крайне довольный). А! Никого нѣтъ? Положите вещи вотъ сюда. Подождите! (Ищетъ въ портмоне) Вотъ вамъ за труды.

Сторожъ. Покорнѣйше васъ благодарю.

Фокератъ. Подождите-ка, милый человѣкъ. (Ищетъ въ карманахъ пальто). Кажется, у меня была тутъ пара экземплярочковъ... «Пальмовыхъ вѣтвей»... А, вотъ! (Даетъ ему нѣсколько брошюрочекъ). Это писалъ одинъ благочестивый человѣкъ—все, что онъ пережилъ. Да послужить это вамъ на благо. (Пожимаетъ смущенному носильщику руку. Тотъ не знаетъ, что сказать, и молча уходитъ. Фокератъ снимаетъ пальто и фуражку, оглядывается, съ довольнымъ видомъ потираетъ руки, потомъ подходитъ къ дверямъ спальни и прислушивается. За дверью слышится шумъ; Фокератъ стремительно отходитъ и прячется за печку.)

Кэте (выходитъ изъ спальни, видитъ свертки, пальто и шапку). Ахъ, Господи, Боже мой, да вѣдь это... вѣдь это же вещи палочки!

Фокератъ (словно вихрь выбѣгаетъ изъ-за печки, и плачетъ и смѣется. Порывисто обнимаетъ Кэте и цѣлуетъ ее нѣсколько разъ). Дочурка! Сердечко мое! (Поплутъ). Ну, какъ живете? Что

подъльваете? Всѣ живы-здоровы? (Подълуд). Нѣтъ, вы себя представить не можете... (Выпускаетъ Кэте изъ объятій). Вы себя представить не можете, какъ я сегодня весь день былъ счастливъ! (Смѣется). Ну-съ, а что подъльваете нашъ принцъ? Ха-ха-ха! Какъ изволить поживать его высочество? Ха-ха-ха! Его высочество, наслѣдннй принцъ! Ха-ха-ха! Слава Тебѣ, Господи, наконецъ-то я здѣсь. (Слегка утомленно) Знаешь ты... (Снимаетъ очки и протираетъ стекла). Долго быть одному—нѣтъ, это не годится... Ха-ха! Нехорошо человѣку быть одному, надо непременно вдвоемъ! Ха-ха-ха! Такъ-съ... и потомъ, знаешь, много было работы. Ухъ! Особенно съ навозомъ. Навозъ, ха-ха-ха! Это — золото для хозяина. Да. Былъ у меня какъ-то на-дняхъ пасторъ Пфейферъ. Такъ онъ все возмущался, что у насъ навозная куча подъ самыми окнами. (Смѣется). А я ему говорю: милый пасторъ, говорю, да вѣдь это наши золотыя россыпи. Ха-ха-ха! Ну, а гдѣ же пропадаетъ моя старуха? Моя почтенная хозяйюшка? И гдѣ мой Ганнесъ? (Внимательно всматривается въ Кэте) Не знаю, можетъ-быть, это отъ лампы? По-моему, ты все еще не... не такая, какъ прежде. а, Кэте?

КЭТЕ (съ трудомъ скрывая свое волненіе). Ахъ, паночка, да нѣтъ. Я чувствую себя совсѣмъ... (Обнимая его) Я такъ рада, что ты пріѣхалъ.

Фокератъ. Я, должно-быть, тебя... немножко напугалъ тебя... Напугалъ, а, Кэте? (Въ входныхъ дверяхъ показывается г-жа Фокератъ. Фокератъ опять внѣ себя отъ радости). Ха-ха-ха! Да вотъ и она!

(Бросаются другъ другу въ объятія, плачуть и смѣются).

КЭТЕ (не въ силахъ сдерживать себя, уходитъ).

Фокератъ (послѣ объятій хлопаетъ жену по спинѣ). Такъ, такъ, моя вѣрная старушка! Никогда еще не разставались мы съ тобою такъ надолго... Ну, теперь недостаетъ только Юганнеса.

Г-жа Фокератъ (послѣ небольшой паузы). У насъ еще гостья здѣсь.

Фокератъ. Гостья? Кто такая?

Г-жа Фокератъ. Да фрейлейнъ.

Фокератъ. Такъ. Какая фрейлейнъ?

Г-жа Фокератъ. Да ты вѣдь знаешь,—фрейлейнъ Маръ.

Фокератъ. А я думалъ, что она уѣхала. Ну-съ, вотъ здѣсь кое-какая провизія. (Разбирая свертки). Вотъ тебѣ масло. Лицъ на этотъ разъ не привезъ. До сихъ поръ еще съ ужасомъ вспоминаю о прошломъ разѣ. Вотъ это—для Юган-

неса, сыръ собственного производства. Надо все это скорѣй на погребъ. А вотъ ветчина. Замѣчательная, Марта, ну, прямо лососина. Да что ты все молчишь? Здорова?

Г-жа Фокератъ. Да, папочка, только ужъ не знаю, право... Есть у меня кое-что на сердцѣ... Не хотѣла я тебѣ, собственно, говорить, но... я... Вѣдь ты мой вѣрный спутникъ въ жизни... У меня одной ужъ больше нѣтъ силъ... Нашъ сынъ... нашъ Иоганнесъ... чуть-было...

Фокератъ (изумленно, испуганно). Что такое съ Иоганнесомъ? Что съ нимъ? Да что же, наконецъ?!

Г-жа Фокератъ. Ты только не волнуйся. Съ Божьей помощью, теперь все пойдетъ на ладъ. По крайней мѣрѣ, фрейлейнъ скоро уѣзжаетъ.

Фокератъ (глубоко потрясенный). Марта! Не можетъ этого быть! Это неправда!

Г-жа Фокератъ. Да я и не знаю, какъ далеко у нихъ зашло. Только... Ахъ! Это было для меня ужасное время!

Фокератъ. Я бы, не задумываясь, далъ отрубить себѣ руку... Чтобы мой сынъ, Марта! Мой сынъ забылъ долгъ и честь?

Г-жа Фокератъ. Ахъ, дорогой мой, ты раньше посмотри, раньше самъ разберись... Я вѣдь не знаю...

Фокератъ (ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, блѣдный, бороча). Да будетъ воля Твоя! Да будетъ воля Твоя!

(Г-жа Фокератъ тихо плачетъ).

Фокератъ (останавливается передъ нею, глухо). Марта, гдѣ-нибудь да должна таиться вина. Давай сообразимъ.

Г-жа Фокератъ. Мы молча терпѣли, и наши дѣти все больше и больше удалялись отъ Бога и отъ истиннаго пути.

Фокератъ. Да, ты права. Это такъ. И за это мы теперь понесемъ кару. (Беретъ жену за обѣ руки). Но будемъ молить Господа съ глубокимъ смиреніемъ день и ночь. Будемъ молить Бога, Марта!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Событія этого дѣйствія почти непосредственно слѣдуютъ за событіями четвертаго дѣйствія.

Комната пуста. На столѣ еще стоитъ зажженная лампа.

Иоганнесъ (быстро входитъ черезъ входную дверь. Въ сильномъ гнѣвѣ). Мама! (Открываетъ дверь въ спальню). Мама!

Г-жа Фокератъ (выходитъ изъ спальни). Ну, что случилось, мальчикъ? Чего ты такъ шумишь? Филиппа разбудишь.

Иоганнесъ. Мама, я хотѣлъ бы знать, кто далъ тебѣ право выгонять гостей изъ моего дома?

Г-жа Фокератъ. Но, Ганнесъ... Я и не думала никого гнать.

Иоганнесъ (ходитъ взбѣшенный по комнатѣ). Мама, ты лжешь!

Г-жа Фокератъ. И ты можешь говорить это матери прямо въ лицо, Ганнесъ?

Иоганнесъ. Я долженъ тебѣ это сказать, потому что это правда. Фрейлейнъ Анна собирается уѣхать и...

Г-жа Фокератъ. Что-жъ, она тебѣ сказала, что это я ее выгнала изъ дому?

Иоганнесъ. Ей не нужно было говорить этого, я и самъ знаю.

Г-жа Фокератъ. Что-жъ ты знаешь?

Иоганнесъ. Она уѣзжаетъ. Вы столько времени втолковывали ей это. Но я говорю тебѣ: я лягу здѣсь у дверей, возьму револьверъ (беретъ револьверъ изъ книжнаго шкапа), поставлю его себѣ къ головѣ и, если она уѣдетъ, спущу курокъ. Клянусь тебѣ жизнью!

Г-жа Фокератъ (въ ужасѣ, хочетъ схватить его за руку). Ганнесъ, ради Бога, перестань!

Иоганнесъ. Даю тебѣ честное слово...

Г-жа Фокератъ. Боже мой, Боже мой! (Зоветь) Папочка! Папочка! Иди же скорѣе! Одна минута и... Папочка, да образумь ты сына!

(Старикъ Фокератъ входитъ изъ спальни).

Иоганнесъ. О... отецъ! (Сразу приходитъ въ себя и роняетъ револьверъ).

Фокератъ. Да, я, это я... И вотъ какъ суждено намъ встрѣтиться.

Иоганнесъ. Что это значить, мама?

Фокератъ (подходитъ къ нему, серьезно и торжественно). Это значить... что ты долженъ опомниться, сынъ мой.

Иоганнесъ. Почему ты пріѣхалъ къ намъ теперь?

Фокератъ. Воля Всевышняго привела меня къ вамъ.

Иоганнесъ. Это мама позвала тебя?

Фокератъ. Да, Иоганнесъ.

Иоганнесъ. Зачѣмъ?

Фокератъ. Чтобы я пришелъ помочь тебѣ, какъ другъ.

Иоганнесъ. Да развѣ я нуждаюсь въ помощи?

Фокератъ. Да, Ганнесъ, ты слабъ; ты такой же слабый человекъ, какъ и всѣ мы. Да!

Иоганнесъ. Ну, хорошо, пусть я слабъ. Но чѣмъ же ты хочешь помочь мнѣ?

Фокератъ (подходить къ нему и беретъ его за руку). Я хочу сказать тебѣ, какъ всѣ мы тебя любимъ. Да. И еще я хотѣлъ сказать тебѣ, что Господь радуется, когда видитъ кающагося грѣшника, да...

Иоганнесъ. Такъ, значить, я грѣшникъ?

Фокератъ (попрежнему мягко). Великій грѣшникъ, да... передъ Господомъ Богомъ.

Иоганнесъ. Да въ чемъ же я согрѣшилъ?

Фокератъ. Кто смотритъ на женщину съ вождельніемъ,—сказалъ Господь... Да... А ты сдѣлалъ больше... да... да...

Иоганнесъ (дѣлаетъ движеніе, точно хочетъ зажать себѣ уши). Отецъ!

Фокератъ. Открой мнѣ свое сердце, Ганнесъ! Протяни мнѣ свою руку, какъ грѣшникъ грѣшнику, и возьми меня помощникомъ въ твоей борьбѣ...

Иоганнесъ. Я долженъ сказать тебѣ, отецъ... Я стою на другой почвѣ, чѣмъ ты.

Фокератъ. Ты стоишь на зыбкой почвѣ.

Иоганнесъ. Какъ ты можешь говорить объ этомъ, отецъ! Ты не знаешь той почвы, на которой я стою, моего пути ты не знаешь.

Фокератъ. О, да! Это широкий путь къ гибели. Я втайнѣ слѣдилъ за тобою, да. Но кромѣ меня слѣдилъ за тобою еще и всевышній Богъ! И я зналъ это и поэтому медлилъ исполнить свой долгъ, да... Но сегодня я прихожу къ тебѣ во имя Его и говорю тебѣ: вернись, ты стоишь передъ пропастью!

Иоганнесъ. Я долженъ сказать тебѣ, отецъ... Ты говоришь, какъ честный, добрый человекъ, но... твои слова не находятъ отклика въ моей душѣ. Твои пропасти не пугаютъ меня. Есть другая пропасть,—и смотрите, не столкните меня въ нее!

Фокератъ. Нѣтъ, Ганнесъ, нѣтъ...

Иоганнесъ. Неправда, что кто посмотритъ съ вождельніемъ на женщину, уже нарушилъ свой супружескій долгъ. Я боролся, долго боролся!

Фокератъ. Нѣтъ, Ганнесъ, нѣтъ. Я часто давалъ тебѣ совѣты, и всегда они шли тебѣ на пользу. Я говорю тебѣ теперь,—не обманывай себя, положи этому конецъ. Поду-

май о своей женѣ, о Филиппѣ, хоть немного подумай о своихъ старыхъ родителяхъ! Не увеличивай...

Иоганнесъ. А о себѣ самомъ я не долженъ-подумать?

Фокератъ. Тебѣ и самому будетъ легче и свободнѣе, когда ты придешь къ этому рѣшенію.

Иоганнесъ. А если это не такъ?

Фокератъ. Повѣрь мнѣ, что такъ.

Иоганнесъ. А если... А Анна?

Фокератъ. Такія, какъ она,—дѣти всего міра,—Ганнесъ, легко переносятъ.

Иоганнесъ. Ну, а если она не легко перенесетъ?

Фокератъ. Тогда, значить, не было на это воли Божіей.

Иоганнесъ. Ну, отецъ... я—иного мнѣнія. Мы не понимаемъ другъ друга. Да и вообще никогда въ подобныхъ вопросахъ не поймемъ другъ друга.

Фокератъ (все еще стараясь быть мягкимъ). Здѣсь... здѣсь рѣчь вовсе не о пониманіи. Ты не хочешь видѣть истинное положеніе, да! Тутъ совсѣмъ другое. Раньше и ты отлично понималъ это. Но не въ томъ дѣло... не въ пониманіи другъ друга...

Иоганнесъ. Прости, отецъ, но въ чемъ же?

Фокератъ. Въ повиновеніи, да, вотъ въ чемъ!

Иоганнесъ. По-твоему, значить, я долженъ дѣлать все, что тебѣ угодно, хотя бы самъ я не считалъ это правильнымъ? Да?

Фокератъ. Я не посоветую тебѣ ничего неправильнаго. Мнѣ очень больно, что я долженъ тебѣ говорить это... Какъ будто попрекаешь чѣмъ-то, да! Но пока мы вырастили тебя, сколько было у насъ заботъ, сколько бессонныхъ ночей. Мы не жалѣли для тебя никакихъ жертвъ, мы ухаживали за тобою, когда ты хворалъ! А ты много хворалъ, Ганнесъ, когда былъ маленькій. Да! Но мы все дѣлали охотно, съ радостью.

Иоганнесъ. Да, отецъ, и за это я глубоко благодаренъ вамъ.

Фокератъ. Да. Но это только слова! А я хочу видѣть поступки, поступки! Будь благочестивымъ, чистымъ, послушнымъ, вотъ это—настоящая благодарность.

Иоганнесъ. Ты, значить, считаешь, что я неблагодаренъ, что я не заслуживаю вашихъ заботъ?

Фокератъ. Помнишь, когда ты былъ еще ребенкомъ, о чемъ ты всегда молился въ своей кровати, да? утромъ и вечеромъ?

Иоганнесъ. О чемъ, отецъ?

Фокерать. Господи, молю Тебя, сдѣлай такъ, чтобы я былъ хорошимъ мальчикомъ... А если я не буду хорошимъ...

Иоганнесъ. Тогда лучше возьми меня съ земли. Значить, ты думаешь, что было бы лучше, если бы вы тогда схоронили меня?

Фокерать. Да, если ты будешь продолжать идти по этой опасной дорогѣ, если, да... Если сердце твое останется непреклоннымъ....

Иоганнесъ. Да, я и самъ думаю, что это было бы лучше... (Небольшая пауза).

Фокерать. Приди въ себя, сынъ мой. Вспомни, Ганнесъ, о тѣхъ, кто наставлялъ тебя, вспомни пастора Пфейфера, твоего благочестиваго учителя и духовника. Припомни...

Иоганнесъ (внѣ себя). Ахъ, оставь ты меня, отецъ, въ покоѣ съ этими моими учителями! Иначе я расхожусь! Не напоминай ты мнѣ объ этомъ стадѣ барановъ, которые вытравливали во мнѣ все живое.

Г-жа Фокерать. О, Отецъ Небесный!

Фокерать. Молчи, Марта, молчи! (Иоганнесу) Ни твои наставники ни мы съ нею не заслужили этого.

Иоганнесъ (кричить). Изуродовали вы меня!

Фокерать. Ты клеветишь, Ганнесъ!

Иоганнесъ. Я правду говорю... вы изуродовали меня!

Фокерать. Такъ-то платишь за нашу любовь?

Иоганнесъ. Ваша любовь изуродовала меня!

Фокерать. Я не узнаю тебя, Ганнесъ, я перестаю понимать тебя.

Иоганнесъ. Я то же самое думаю, отецъ. Вы никогда не понимали и никогда не поймете меня. (Небольшая пауза).

Фокерать. Ну, хорошо, Ганнесъ. Я кончилъ. Я не подозрѣвалъ, что это зашло такъ далеко. Я надѣялся, но средства мои истощились. Здѣсь можетъ помочь только Господь. Пойдемъ, Марта, пойдемъ, моя старая! Здѣсь намъ нечего больше дѣлать. Да! Спрячемся куда-нибудь и будемъ ждать, пока милосердый Богъ призоветъ насъ къ Себѣ. (Обращается снова къ Иоганнесу) Но, Ганнесъ! Одно еще долженъ я тебѣ сказать: не обagri рукъ своихъ кровью, слышишь! Не налагай на свою душу еще и этого грѣха! Подумалъ ли ты хоть разъ о Кетѣ? Знаешь ли ты, что мы боимся за ея разсудокъ? Поглядѣлъ ли ты когда-нибудь повнимательнѣе на это бѣдное, милое созданье? Понимаешь ли ты, что вы съ ней сдѣлали? Вотъ пусть

мать тебѣ расскажетъ, какъ она по ночамъ плачетъ надъ твоимъ портретомъ, бьется въ рыданіяхъ. Такъ послушай же ты меня еще разъ, Ганнесъ! Не обagri рукъ своихъ кровью. Ну, а теперь я все сказала, да! Пойдемъ, Марта, пойдемъ!

ІогаННЕСЪ (послѣ короткой борьбы). Отецъ! Мама!

Г-жа ФОКЕРАТЬ } (оборачиваются. ІогаНнесъ бросается въ ихъ
ФОКЕРАТЬ } объятія). ІогаНнесъ! (Пауза).

ІогаННЕСЪ (упавшимъ голосомъ). Ну, скажите же, что я долженъ сдѣлать?

ФОКЕРАТЬ. Не удерживай ее, пусть она уѣзжаетъ, Ганнесъ.

ІогаННЕСЪ. Обѣщаю тебѣ это. (Въ полномъ изнеможеніи онъ опускается на стулъ).

Г-жа ФОКЕРАТЬ (въ радостномъ волненіи, поспѣшно уходитъ въ спальню).

ФОКЕРАТЬ (глядитъ сидящаго сына по головѣ и цѣлуетъ въ лобъ). Дай тебѣ Господь силы! (Уходитъ въ спальню).

(ІогаНнесъ сидитъ нѣсколько мгновеній спокойно, потомъ вздрагиваетъ, становится все безпокойнѣе. Встаетъ, подходитъ къ окну, всматривается въ темноту, прислушивается. Отворяетъ наружную дверь).

ІогаННЕСЪ. Кто тамъ?

Анна. Это я, г. ІогаНнесъ! (Входитъ).

ІогаННЕСЪ. Вы хотѣли уѣхать, не простившись? (Ходитъ по комнатѣ).

Анна. Правда, одну минуту я колебалась. Но теперь такъ хорошо.

ІогаННЕСЪ. Я въ ужасномъ состояніи. Отецъ здѣсь. Я его никогда не видалъ такимъ. Онъ всегда такой веселый, жизнерадостный... Я не могу отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія. И въ то же время я долженъ видѣть, какъ вы уходите отъ насъ, фрейлейнъ...

Анна. Что же, вѣдь должна же была я когда-нибудь уѣхать!

ІогаННЕСЪ. Но вы не должны уѣзжать, не можете уѣхать! По крайней мѣрѣ, хоть не сейчасъ, не въ эту минуту! (Садится, опустивъ на руку голову. Глубокій стонъ вырывается у него изъ груди).

Анна (взволнованнымъ, еле слышнымъ голосомъ). Докторъ! (Тихо кладетъ свою руку на его голову).

ІогаННЕСЪ (выпрямляется со вздохомъ). Ахъ, фрейлейнъ Анна!

Анна. Вспомните, о чемъ мы говорили всего какой-нибудь часъ назадъ. Давайте, превратимъ необходимость въ подвигъ

ГОГАННЕСЬ (встает, въ возбужденіи ходить по комнатѣ). Я не знаю, о чемъ мы говорили. Въ головѣ у меня пусто-пусто, я весь истерзался... Я не помню, о чемъ я говорилъ и съ отцомъ. Я ничего не знаю. Пусто въ головѣ... Я измучился...

Анна. Ахъ, Гоганнесъ, лучше, чтобы все было ясно въ эти послѣднія наши минуты.

ГОГАННЕСЬ (послѣ нѣкоторой борьбы). Помогите мнѣ, Анна! Во мнѣ не осталось ни капли гордости, ничего высокаго. Я сдѣлался другимъ человѣкомъ. Вотъ сейчасъ, въ эту минуту, я уже совсѣмъ не тотъ, какимъ былъ прежде, чѣмъ пріѣхали вы къ намъ. Во мнѣ нѣтъ сейчасъ ничего, кромѣ нестерпимаго отвращенія къ жизни. Все для меня потеряло всякую цѣну, все загрязнено, осквернено, втоптанно въ грязь, а вѣдь я чувствую, что я все-таки былъ чѣмъ-то, благодаря вамъ, вашему присутствію, вашимъ словамъ; и если ужъ мнѣ не суждено опять сдѣлаться тѣмъ же, тогда... тогда къ чему мнѣ все остальное. Тогда надо подвести итогъ... и покончить... (Ходитъ по комнатѣ, потомъ останавливается передъ Анной). Поддержите меня... дайте мнѣ что-нибудь, на что бы я могъ опереться и подняться. Какую-нибудь опору! Вѣдь все во мнѣ разбито. Какую-нибудь опору! У меня не осталось ни капли силъ...

Анна. Докторъ! Мнѣ мучительно тяжело видѣть васъ такимъ. И я совершенно не знаю, какъ поддержать васъ. Но вы должны помнить объ одномъ: вѣдь мы же предвидѣли это. Днемъ раньше, днемъ позже, мы должны были быть готовыми ко всему, докторъ.

ГОГАННЕСЬ (стоитъ молча, въ раздумьѣ).

Анна. Ну? Вспомнили вы теперь? Давайте, сдѣлаемъ опытъ. Вы знаете, какой? Давайте; поставимъ сами себѣ законъ и будемъ по нему поступать. Только мы вдвоемъ и всю свою жизнь; и если мы даже никогда больше не встрѣтимся, будемъ жить только по одному этому собственному закону. Хотите? Кромѣ этого нѣтъ ничего, что бы соединяло насъ другъ съ другомъ. Не нужно обманывать себя. Все другое только разъединяетъ насъ. Такъ хотите? Согласны?

ГОГАННЕСЬ. Да, я чувствую, что это могло бы меня поддержать. Я бы могъ работать даже безъ надежды, что достигну цѣли. Но кто поручится мнѣ, гдѣ возьму я вѣру, кто убѣдитъ меня, что я буду мучить себя не изъ-за призрака?

Анна. Если мы такъ хотимъ, то къ чему намъ, Иоганнесъ, вѣра, какія-то гарантіи?

Иоганнесъ. А если у меня не хватитъ воли?

Анна (совсѣмъ тихо). Когда я почувствую себя слабой, я вспомню о томъ, кто живетъ, подчиняясь тому же закону. И я знаю навѣрно, — это подкрѣпитъ меня. Я вспомню о васъ, Иоганнесъ...

Иоганнесъ. Анна! Ну, хорошо, я хочу, хочу! Будемъ беречь въ себѣ это предчувствіе новой свободной жизни, этотъ призракъ отдаленнаго блаженства, который живъ въ насъ. Мы не должны дать исчезнуть тому, что разъ почувствовали—ту возможность лучшей жизни, которая мелькнула передъ нами. Все равно, имѣють ли будущее эти мечты, или нѣтъ, онѣ должны сохраниться въ насъ. Пусть всегда горитъ во мнѣ ея пламя. А когда оно угаснетъ, угаснетъ и моя жизнь. (Оба молчатъ, потрясенные). Благодарю васъ, Анна!

Анна. Будьте счастливы, Иоганнесъ!

Иоганнесъ. Куда вы ѣдете?

Анна. Можетъ-быть, на сѣверъ, можетъ-быть, на югъ.

Иоганнесъ. Вы не хотите сказать мнѣ, куда?

Анна. Лучше не спрашивайте меня объ этомъ.

Иоганнесъ. Но неужели же намъ нельзя... хоть иногда, изрѣдка... ну, хоть нѣсколько словъ... или... или... хоть самыми коротенькими извѣстіями... какъ живемъ, гдѣ находимся...

Анна (качаетъ головой, съ грустной улыбкой). Къ чему? Развѣ не въ насъ самихъ—самая большая опасность? А если мы потерпимъ крушеніе, мы же и будемъ обмануты.

Иоганнесъ. Хорошо, я возьму на себя это бремя, я буду твердо нести его, хотя бы оно раздавило меня. (Беретъ Анну за руку). Прощайте!

Анна (съ усиленіемъ, то краснѣя, то блѣднѣя, смущенно, въ сильномъ волненіи). Иоганнесъ!.. Еще одно: это кольцо снято съ пальца умершей женщины, которая пошла за своимъ... мужемъ... за своимъ мужемъ пошла въ Сибирь. И она вынесла съ нимъ все до конца. (Полушутя) У насъ — наоборотъ.

Иоганнесъ. Анна! (Прижимаетъ ея руку къ губамъ и крѣпко держать ее).

Анна. Я никогда не носила никакихъ другихъ украшеній. И когда я чувствовала, что у меня не хватало силъ, я вспоминала исторію этого кольца... И вы... когда будете

смотримъ на-него... въ минуты слабости, тогда вспоминайте и о той, которая вдали отъ васъ — одинокая, какъ вы, и борется такъ же, какъ вы. Прощайте!

Іоганнесъ (съ отчаяніемъ). И мы никогда, никогда не увидимся?

Анна. Если мы увидимся—мы погибнемъ.

Іоганнесъ. Ахъ, хватить ли только у меня силъ это вынести!

Анна. Чтò не побуждаетъ насъ, то дѣлаетъ насъ сильнѣе. (Хочетъ идти).

Іоганнесъ. Анна! Сестра!

Анна (плачетъ) Братъ! Іоганнесъ!..

Іоганнесъ. Неужели же братъ не смѣетъ поцѣловать сестру свою передъ тѣмъ, какъ они разстанутся навѣки?

Анна. Нѣтъ, Ганнесъ.

Іоганнесъ. Да, Анна! Да! Да! (Онъ обнимаетъ ее, и ихъ губы соединяются въ единственномъ, долгомъ, пламенномъ поцѣлѣ. Потомъ Анна вырывается и исчезаетъ черезъ веранду. Іоганнесъ стоитъ нѣкоторое время, словно ошеломленный. Затѣмъ начинаетъ ходить по комнатѣ, проводить рукою по волосамъ, вздыхаетъ все сильнѣе, останавливается и прислушивается. Вдругъ издали доносится грохотъ приближающагося поѣзда, быстро мчащагося черезъ лѣсъ. Іоганнесъ открываетъ дверь на веранду и прислушивается. Грохотъ усиливается, затѣмъ утихаетъ. Слышенъ первый звонокъ на вокзалѣ. Второй, третій. Свистокъ. Іоганнесъ идетъ къ себѣ въ комнату, но на дорогѣ опускается на стулъ. Все его тѣло трясется отъ слезъ и рыданій. Блѣдный свѣтъ луны освѣщаетъ веранду. Изъ сосѣдней комнаты доносится шумъ. Тамъ громко разговариваютъ. Іоганнесъ встаетъ, направляется къ своей комнатѣ, останавливается на мгновенье въ раздумьѣ, потомъ быстро убѣгаетъ черезъ веранду въ садъ. Старикъ Фокератъ выходитъ изъ спальни, за нимъ г-жа Фокератъ. Оба идутъ по направленію къ выходной двери).

Фокератъ (останавливаясь). Ганнесъ! Мнѣ показалось... здѣсь кто-то былъ.

Г-жа Фокератъ (уже подойдя къ выходной двери). Кто-то поднялся по лѣстницѣ.

Фокератъ. Да, да, мальчику надо успокоиться. Не будемъ ему мѣшать. Можно, пожалуй, послать къ нему Брауна...

Г-жа Фокератъ. Да, да. Я сейчасъ пошлю за нимъ. А можетъ-быть, подняться мнѣ самой къ нему, палочка?

Фокератъ (идетъ къ двери на веранду). Нѣтъ, Марта, лучше не ходи. (Открываетъ дверь, прислушивается). Какая чудесная луна! Послушай-га!

Г-жа Фокератъ (быстро отходить отъ выходной двери). Чтò такое?

Фокератъ. Дикіе гуси, вонъ видишь? Вонъ тамъ! Надъ озеромъ. Вонъ какъ точки мелькаютъ противъ луны.

Г-жа Фокератъ. Эхъ, глаза-то ужъ у меня не молодые. (Идетъ назадъ къ входной двери).

Фокератъ. Послушай-ка!

Г-жа Фокератъ. Да чтò? (Останавливается).

Фокератъ. Шш... Марта! (Запираетъ дверь и идетъ за женою). Ничего! Мнѣ только показалось, словно кто-то тамъ внизу шумѣлъ веслами, Марта!

Г-жа Фокератъ. Кто же это могъ бы тамъ шумѣть веслами? (Оба уходятъ во входную дверь).

(Съ веранды черезъ окно кто-то заглядываетъ въ комнату. Это Иоганнесъ. Онъ осторожно входитъ. Онъ совершенно измѣнился, блѣденъ, какъ мертвецъ, тяжело дышитъ открытымъ ртомъ. Быстро и съ опасеніемъ, что его застанутъ, оглядывается кругомъ — ищетъ клочокъ бумаги и пишетъ нѣсколько словъ. Потомъ вскакиваетъ, бросаетъ перо и, услышавъ шаги, стремительно убѣгаетъ черезъ веранду).

(Входятъ г-нъ и г-жа Фокератъ, съ ними Кэте).

Г-жа Фокератъ. Да чтò ты, дѣточка, сидишь тамъ впотъмахъ?

Кэте (держа руку передъ глазами). Мнѣ глаза слѣпнотъ отъ свѣта.

Г-жа Фокератъ. Ну, вотъ еще! У, какая нехорошая дѣвочка! Сидитъ Богъ знаетъ сколько времени впотъмахъ.

Кэте (съ какимъ-то недовѣріемъ). Почему... Почему вы такъ ласковы со мною?

Фокератъ. Потому что ты наша единственная любимая дочка. (Цѣлуетъ ее).

Кэте (слабо улыбаясь). Да, да! Вамъ жаль меня.

Г-жа Фокератъ. Тебѣ опять нездоровится, Кэте?

Фокератъ. Ну, ничего, подожди, теперь опять все войдетъ въ свою колею. Худшее, слава Тебѣ, Господи, уже прошло.

Кэте (сидя за столомъ, послѣ небольшой паузы). Знаешь, мамочка, я точно... Ахъ, у меня глаза болятъ отъ свѣта! Точно я сдѣлала что-то бессмысленное, и вдругъ у меня открылись глаза...

Г-жа Фокератъ. Чтò ты хочешь этимъ сказать?

Кэте. Анна уѣхала, мамочка?

Фокератъ. Да, Кэте! И теперь ты должна опять сдѣлаться веселой и счастливой.

(Кэте молчитъ).

Г-жа Фокератъ. Развѣ ты разлюбила Иоганнеса, Кэте?

Кэте (послѣ короткаго раздумья). Все-таки моя жизнь прошла

ужь не так дурно. Вонъ Фанни Штенцель вышла за пастора. И знаешь, хоть она и счастлива и довольна,—ты думаешь, я бы помѣнялась съ нею? Нѣтъ, ни за что... Что, здѣсь не пахнетъ дымомъ?

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, дѣточка, здѣсь ничѣмъ не пахнетъ.

КѢТЕ (за столомъ, ломая руки). Господи, все кончилось, все!

Фокератъ. Кѣте, дѣточка моя! Ну, какъ можно быть такой малодушной! Я опять вѣрю, опять уповаю на Бога. У Него Свои неисповѣдимые пути, которыми Онъ возвращаетъ заблудшія души. Мнѣ кажется, Кѣтхень, я угадалъ предопредѣленіе Его.

Кѣте. Видишь, мамочка, — то первое чувство, которое было у меня, когда Ганнесъ пришелъ просить моей руки, оно было вѣрное. Я помню — цѣлый день вертѣлось у меня въ головѣ: ну, на что ты ему, такому развитому, образованному человѣку. Что ему съ тобою дѣлать? Что можетъ онъ получить отъ тебя? Вотъ видишь, какъ я была права.

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, Кѣте, не онъ выше тебя, а ты слишкомъ высока для него. Онъ долженъ смотрѣть на тебя снизу вверхъ. Вотъ это — правда.

Фокератъ (дрожащимъ голосомъ). И поэтому... да, Марта говоритъ правду. Да, и поэтому, если ты можешь простить... если можешь простить его великій грѣхъ...

Кѣте. Ахъ, если бы нужно было только простить! Можно простить разъ, сто разъ, тысячу разъ! Но Ганнесъ... Ганнесъ знаетъ себѣ цѣну. И мнѣ, несчастной, не за что простить Ганнеса. Тутъ дѣло просто: ты — такая, а не иная. Я хорошо знаю, что во мнѣ есть и чего во мнѣ нѣтъ.

(Со двора слышны крики, зовъ).

Г-жа Фокератъ. Дорогая моя, что я хочу тебѣ предложить. Послушай, пойдемъ, я уложу тебя въ постель и почитаю что-нибудь. Ну, хоть сказки Гримма — пока ты не заснешь. А завтра утромъ я сварю тебѣ пепсиннаго бульонку и яичко въ сметку; когда встанешь, пойдемъ съ тобою въ садъ. Солнышко тамъ такъ ласково свѣтитъ, и тогда все покажется тебѣ другимъ, не такимъ, какъ вечеромъ. Пойдемъ, пойдемъ!

БРАУНЪ (входитъ черезъ веранду). Добрый вечеръ!

Фокератъ. Добрый вечеръ, г. Браунъ!

Браунъ. Добрый вечеръ, г. Фокератъ! (Подаетъ ему руку). Иоганнесъ дома?

Фокератъ. Да, кажется, наверху.

БРАУНЪ. А! Навѣрно?

ФОКЕРАТЬ. Кажется. Развѣ нѣтъ, Марта? А что такое?

БРАУНЪ. Я пойду, погляжу. (Быстро уходитъ черезъ входную дверь).

Г-жа ФОКЕРАТЬ (съ легкой тревогой). Что съ Брауномъ?

КЭТЕ (въ страхѣ). Гдѣ же Ганнесъ?

Г-жа ФОКЕРАТЬ. Только не пугайся, Кэте, куда ему дѣваться?

КЭТЕ (съ быстро возрастающимъ страхомъ). Да гдѣ же онъ наконецъ?

ФОКЕРАТЬ. Да наверху... наверху. Ну, конечно, тамъ. (Браунъ возвращается. Моментъ сильнаго напряженія. Пауза).

ФОКЕРАТЬ. Ну, г. Браунъ?

БРАУНЪ. Нѣтъ, г. Фокератъ! Наверху его нѣтъ... и... и...

ФОКЕРАТЬ. Да ну?.. Ну, что такое съ вами?

БРАУНЪ. Ничего, ничего!

КЭТЕ (подбѣгая къ Брауну). Неправда, вы что-то знаете!

БРАУНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, право, ничего! Совершенно нечего беспокоиться. У меня такое чувство... Нельзя теперь ни подъ какимъ видомъ оставлять Ганнеса одного. И когда я вошелъ... Нѣтъ, право же, это совершеннѣйшій пустякъ...

Г-жа ФОКЕРАТЬ. Ну, что же, когда вошли... Да говорите же!

ФОКЕРАТЬ. Да говорите, говорите скорѣе, не теряйте времени!

БРАУНЪ. Да ничего особеннаго. Когда я отворилъ калитку въ садъ, мнѣ показалось, что кто-то отвязываетъ лодку, и когда я подошелъ поближе къ озеру, кто-то въ самомъ дѣлѣ отчалилъ. Кто-то...—не замѣтилъ—кто. Какой-то человѣкъ. И тогда мнѣ пришло въ голову, я окликнулъ, отвѣта не было. А Ганнесъ, конечно, отвѣтилъ-бы.

КЭТЕ (точно теряя разсудокъ). Иоганнесъ, это былъ Иоганнесъ! Бѣгите туда, бѣгите, ради Бога, скорѣе, скорѣе! Мама! отецъ! Это вы довели его до крайности! Зачѣмъ, зачѣмъ вы сдѣлали это!

Г-жа ФОКЕРАТЬ. Но, Кэте...

КЭТЕ. Да, да! Я чувствую, что это такъ! Онъ не можетъ больше жить. Я все сдѣлаю, все! Только не это! не это!

ФОКЕРАТЬ (бѣжить въ садъ, кричить, съ паузами). Ганнесъ! Иоганнесъ!

Г-жа ФОКЕРАТЬ (выбѣгая изъ дому, кричить). Ганнесъ! Ганнесъ!

КЭТЕ (Брауну). Какой-то человѣкъ? И вы окликнули

его? А онъ не отвѣтилъ? Бѣгите же туда! Бѣгите! (Браунъ уходитъ).

Кэте (ему вслѣдъ). И я съ вами! (Ломаетъ руки). О, Боже мой, Боже! Только бы онъ былъ еще живъ! Только бы онъ могъ еще услышать меня!

(Съ озера слышенъ призывающій крикъ Брауна).

Кэте (кричитъ во входную дверь). Альма, Минна, скорѣ несите фонари въ садъ. Скорѣ, скорѣ, фонари! (Хочетъ бѣжать на веранду, замѣчаетъ письмо, вся выпрямляется, идетъ какъ застывшая, дрожа, подходитъ къ столу, беретъ письмо, нѣсколько мгновений стоитъ, какъ въ столбнякъ, потомъ падаетъ. Изъ сада попрежнему слышатся призывающіе крики).

(Занавѣсъ падаетъ).

КОЛЛЕГА КРАМПТОНЪ.

Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Переводъ А. Л. Соколовскаго.

Въ біографіи Гауптмана есть черты, которыя слѣдуетъ спеціально вспомнить, приступая къ чтенію «Коллеги Крамптона» и «Михаэля Крамера».

Въ семьѣ Гауптмановъ наблюдалась родовая склонность къ изобразительнымъ искусствамъ. Старшій братъ, Георгъ, былъ довольно искуснымъ рисовальщикомъ карикатуръ. Самъ Гергартъ долго боролся между призваніемъ скульптора и писателя. Въ 1880 году, при содѣйствіи брата Карла, онъ, какъ извѣстно, поступилъ въ художественную королевскую школу въ Бреславль, гдѣ сдѣлалъ первые опыты работъ надъ глиной и воскомъ.

Въ началѣ 1881 года онъ былъ на нѣкоторое время исключенъ изъ школы и принятъ въ нее вновь только по ходатайству профессора по классу скульптуры, Роберта Гертеля. Профессоръ вѣрилъ въ талантъ ученика, ждалъ отъ него кое-чего въ будущемъ и прослушивалъ нѣкоторыя изъ раннихъ его стихотвореній.

Въ 1882 году Гауптманъ покинулъ школу. Позднѣе, уже послѣ студенчества въ Іенѣ, во время путешествій въ Испанію и Италію Гергартъ Гауптманъ изучалъ искусство. Въ Римѣ онъ даже завелъ себѣ мастерскую, спеціально занявшись скульптурой. Еще позднѣе онъ занимался ею въ Дрезденѣ.

Не будь этихъ страницъ въ біографіи Гауптмана, можетъ-быть, мы не имѣли бы въ собраніи его сочиненій двухъ пьесъ, разыгрывающихся на бытовомъ фонѣ жизни художниковъ и рисующихъ ихъ типы. Обѣ драмы, и «Коллега Краamptonъ» и «Михаэль Крамеръ», построены на трагизмѣ гибнущаго таланта, на драматизмѣ борьбы не простой личности съ средой, но борьбы художника и толпы. И та и другая до извѣстной степени—вариантъ мотива о «Геніи и безпутствѣ».

«Коллега Краamptonъ» (College Crampton), по счету пятая пьеса Гауптмана,—первая изъ его комедій, написанныхъ въ легкомъ и веселомъ тонѣ. Осенью 1891 года, послѣ постановки «Ткачей» въ Берлинѣ, Гауптманъ увидѣлъ въ театрѣ Барная представленіе мольеровскаго «Скупого». По словамъ его біографа Шленгера, это произвело на него настолько сильное впечатлѣніе, что въ его памяти воскресла фигура погавшаго таланта, давно запавшая въ его воображеніе, и онъ почувствовалъ формы, въ какія должна вылиться его пьеса. Онъ стремительно скрылся въ свои родные снѣга и всего лишь въ нѣсколько недѣль создалъ «Краamptonа».

Пьеса появилась въ первый разъ въ «Нѣмецкомъ театрѣ» въ Берлинѣ 16 января 1892 г. съ геніальнымъ комикомъ Георгомъ Энгельсомъ въ заглавной роли, превосходно воплотившимъ образъ спившагося

профессора, и Ниссеномъ въ роли Штрэлера. Въ томъ же году пьеса вышла отдѣльнымъ изданіемъ.

Ганштейнъ рассказываетъ, что сценическій успѣхъ «Крамптона», благодаря игрѣ двухъ названныхъ замѣчательныхъ актеровъ, былъ совершенно исключительный. Бурныя рукошлесканія заставили выходить автора къ рампѣ. И случилась вещь не совсѣмъ обыкновенная: авторъ благодарилъ публику отъ имени актеровъ. Благодаря чудесной игрѣ, пьеса выдержала въ Берлинѣ болѣе сотни представленій.

Трагизмъ гибнущаго таланта, трагизмъ личности, столкнувшейся со средою и разбившейся, воплощенъ въ пьесѣ въ лицѣ художника Гарри Крамптона. Одаренный Божимъ даромъ крупнаго таланта, въ молодости близкій къ герцогскому двору, достигшій профессуры, Крамптонъ къ вечеру своей жизни жалко опускается изъ-за своей страсти къ вину. Взрослый ребенокъ, наивный, непрактичный, слабовольный, онъ не въ состояніи противостоять соблазну, какой представляетъ въ особенности жизнь богемы.

Зритель слѣдитъ почти послѣдній актъ былого величія художника. На его глазахъ Крамптонъ теряетъ профессуру и заработокъ, вынуждается отдать дочь въ чужія руки, расходится съ женой. Крамптонъ опускается совсѣмъ на дно жизни, превращается чуть не въ маляра, переживаетъ двойную драму падающаго таланта и несчастливаго отца. Опустившася художника Гауптманъ спасаетъ черезъ посредство Крамптонова ученика Штрэлера. Тотъ женится на его дочери и возвращаетъ художнику его потерянный рай.

Этотъ счастливый исходъ заставилъ Гауптмана назвать комедіей произведеніе, которое по существу рѣзко-драматично и, можно сказать, остается такимъ даже и при радужномъ финалѣ со свадьбой и благословеніями. Горбатыхъ исправляетъ только могила, и возможность спасенія безупрочнаго таланта остается для вдумчиваго читателя вопросомъ. «Мы совсѣмъ,—пишетъ Штейгеръ:—не испытываемъ къ концу пьесы примиряющаго чувства: все-де хорошо, что хорошо кончается. Мы знаемъ, что черезъ какой-нибудь мѣсяць можетъ повториться только-что видѣнное нами. Надо быть такимъ же улекаящимся человѣкомъ, какъ Крамптонъ, чтобы повѣрить въ его исправленіе».

Даже педантическая нѣмецкая критика, старающаяся всегда и во что бы то ни стало найти въ произведеніи черты, навѣянные писателю старою литературой, — отказывается сдѣлать это въ отношеніи «Крамптона» и «Крамера». Гауптманъ здѣсь совершенно самобытенъ и въ вліяніи въ смыслѣ возбужденія фантазіи. На этотъ разъ такимъ возбудителемъ была для него сама жизнь. Съ большею, чѣмъ когда-либо, положительностью можно сказать, что для «Крамптона» Гауптманъ имѣлъ прямой прототипъ. Такимъ былъ бреславльскій художникъ Маршалъ, уроженецъ Веймара, приобрѣтшій извѣстность, какъ авторъ интересной картины: «Соната дьявола». Въ 1880 году онъ занималъ мѣсто профессора живописи въ Бреславлѣ, гдѣ въ числѣ учениковъ его былъ и Гауптманъ.

Біографы Гауптмана считаютъ это безспорнымъ и общезвѣстнымъ (Баргельсъ). Иностранное имя Гарри являлось лишь средствомъ спутать слѣды (Штернъ). Въ свое время это ставилось въ вину драматургу во многихъ литературныхъ кружкахъ.

Лѣтъ пять тому назадъ нѣмецкія газеты сообщили о смерти Маршала, прямо повторяя показаніе гауптмановскихъ біографовъ. Талантливый чело­вѣкъ опу­стился настолько, что потерялъ мѣсто и

лишился знакомых и друзей. Отъ него отказались всё его родные, и онъ умеръ въ нищетѣ. Таковъ болѣе правдоподобный финаль и гауптмановскаго Крамптона.

Въ подробностяхъ комедіи Гауптманъ, безъ всякаго сомнѣнія, использовала свои академическія впечатлѣнія. Разсказъ Макса Штрелера о томъ, какъ онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, но не проявилъ здѣсь никакихъ талантовъ,—чисто-автобиографическая частность въ комедіи.

Родственность «Коллеги Крамптона» съ первыми пьесами Гауптмана совершенно очевидна. Здѣсь отчасти слышатся еще отзвуки интереса Гауптмана къ вопросу объ алкоголизмѣ, который занималъ драматурга во время писанія его первой драмы: «Предъ восходомъ солнца». Здѣсь также рѣчь о несовершенствахъ семьи, хотя на этотъ разъ, изображая несчастіе Крамптона, драматургъ не напираетъ такъ, какъ въ «Праздникъ мира», на неблагопріятныя брачныя условія. Показывая человѣка въ трагизмъ его борьбы съ внѣшними условіями жизни, столкновеніе личности и среды, Гауптманъ предлагаетъ зрителю посмотрѣть на тихое сіяніе прекраснаго человѣческаго духа даже въ пораженіи, даже въ нелѣпомъ и карикатурномъ уродствѣ жизненной обстановки.

И вы съ глубокой и скорбною симпатіей слѣдите за центральнымъ образомъ гауптмановской драмы, за этимъ большимъ ребенкомъ, который и въ своемъ паденіи все же ярче, выше и лучше окружающей его толпы и чиновниковъ отъ педагогіи. Образъ Крамптона выписанъ великолепно. Онъ царитъ въ этой драмѣ-комедіи. Въ немъ бездна наблюдательности, мѣткости и красокъ. Это—кладъ для актера.

Истинно-художнически Гауптманъ избѣжалъ опасности спустить краски въ геніальномъ гулякѣ. Его черты тонки, нѣжны и свободны отъ преувеличеній. Критика могла отмѣтить развѣ только то, что Гауптманъ ничѣмъ не показалъ объективно дѣйствительной геніальности Крамптона, и второе—что психологія его паденія, причины того, почему онъ опускается,—не совершенно ясны.

Если можно согласиться съ первымъ замѣчаніемъ, то едва ли велика психологическая цѣнность второго. Намъ, русскимъ, въ особенности выпадъ тяжелый жребій видѣть угасаніе отъ національнаго недуга многихъ ярко-талантливыхъ людей въ силу какого-то органическаго порока души, внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ обстоятельствъ.

Много уступаютъ этому образу въ художественности выполненія другія фигуры пьесы. Правда, Янецкій и Лѣфлеръ, зарисованные всего нѣсколькими штрихами, удивительно жизненны и типичны. Но этого не приходится сказать ни о Штрелерѣ ни о Гертрудѣ. Первый—типично-сентиментальный нѣмецкій юноша, вторая—типичная нѣмецкая индѣице. Если милы сценки въ пятомъ актѣ между молодыми влюбленными, то обыкновенный комедійный финаль произведенія едва ли стоитъ на высотѣ всей пьесы.

«Крамптонъ», — замѣчаетъ Брандесъ: — поражаетъ своимъ легкимъ, юмористическимъ тономъ, тономъ комедіи. Та самая вѣрность природѣ какъ въ крупномъ, такъ и въ мелкомъ, которая замѣчалась читателями въ подернутыхъ ипохондрическимъ духомъ произведеніяхъ Гауптмана, примѣняется здѣсь къ изображенію грустно-веселыхъ положеній главнаго дѣйствующаго лица, которое, несмотря на слегка трогательный оттѣнокъ, носитъ истинно-комическій отпечатокъ... Герой пьесы, распятившійся художникъ-цыганъ, по своей необыкновенной правдивости и вѣрности природѣ—являетъ живое

цѣлое, въ которомъ все, даже отталкивающее, представляетъ извѣстную привлекательность».

«По сравненію съ «Ткачами»,—пишетъ Бартельсъ:—«Коллега Крамптонъ» имѣетъ только весьма ограниченное значеніе и стоитъ даже въ частностяхъ далеко не на ихъ художественной высотѣ. Но по сравненію съ первыми драмами пьеса ушла дальше, и вмѣсто колеблющихся, абстрактныхъ, начиненныхъ доктринаю образовъ мы видимъ здѣсь настоящаго человѣка, къ которому можемъ чувствовать симпатію... Здѣсь болѣе выступаетъ психологическое искусство, и въ первый разъ Гауптманъ изображаетъ всесторонній характеръ, не преувеличивая его».

Очень образно и мѣтко Шлентеръ приравниваетъ образъ Крамптона къ рембрандтовскимъ портретамъ, выступающимъ съ рембрандтовскаго темнаго фона. На строеніи самой комедіи онъ видитъ непосредственныя вліянія мольеровскаго «Скупого». «Здѣсь, какъ и тамъ,—пишетъ онъ:—одно главное дѣйствующее лицо, около нравственной слабости котораго вертится все остальное. Здѣсь, какъ и тамъ, среди комическихъ положеній открывается смѣлый ходъ къ трагизму человѣческой души. Здѣсь, какъ и тамъ, на ряду съ глупостью и безразсудствомъ вырастаетъ грозный призракъ безумія. Тамъ—въ центрѣ всего человѣчскій типъ, одержимый одною, сколько отвратительной, столько же и смѣшной чертою характера. Здѣсь—человѣческая натура, живущая во всемъ своемъ многообразіи. Тамъ моралистическая, здѣсь психологическая комедія».

Сдержанно оцѣнивая комедію въ цѣломъ, Штейгеръ восторженно говоритъ о самомъ образѣ Крамптона: «Крамптонъ—это юмористическій, психологическій этюдъ—и болѣе ничего, но профессоръ-алкоголикъ такъ дѣлкомъ, со всѣми малѣйшими своими проявленіями, перенесенъ въ поэзію, что мы не можемъ досыта насмотрѣться на эту мастерски нарисованную характерную фигуру и благодаримъ поэта за то, что онъ лишь немногими штрихами намѣтилъ все окружающее... Гауптманъ мастерски справился со своей задачей. Напрасный трудъ подробнѣе описывать его искусство. Здѣсь каждое слово произносящаго его человѣка—оторванный клочокъ человѣческой души. И только когда мы соединимъ всѣ эти клочки въ данномъ авторомъ порядкѣ, только тогда встаетъ передъ нами самъ человѣкъ. Натуралистическій портретъ не поддается дальнѣйшему расчлененію, — его нужно созерцать и имъ наслаждаться».

КОЛЛЕГА КРАМПТОНЪ.

Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Крамптонъ, профессоръ, преподаватель въ академіи художествъ.

Гертруда Крамптонъ, его дочь.

Агнеса, урожденная Штрэлеръ, во вдовствѣ Виснеръ.

Адольфъ Штрэлеръ.

Максъ Штрэлеръ.

Кирхейзенъ, профессоръ }
Миллусъ, архитекторъ } преподаватели въ академіи.

Янецкій, педагогъ въ академіи.

Попперъ, ученикъ академіи.

Фейстъ, содержатель ресторана.

Каснеръ, хозяинъ трактира низшаго разряда.

Кунце }
Зейфертъ } маляры.

Зельма, кельнерша.

Вейсбахъ }
Штенцель } старшіе ученики академіи.

Лефлеръ, уличный слуга, завѣдующій хозяйствомъ Крамптона.

Уличный посыльный.

Ученики Крамптона.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Мастерская профессора Гарри Крамптона въ академія художествъ одного изъ большихъ силезскихъ городовъ. Большая высокая комната. На правой стѣнѣ два большихъ окна, какія устраиваются въ мастерскихъ для свѣта. Въ задней и лѣвой стѣнахъ двери. Подъ окнами готическіе столы, на которыхъ разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ свертки картоновъ, кисти, акварельные ящики, краски, палитры, муштабели и прочія принадлежности живописи. На лѣвомъ столѣ бронзовая статуэтка пьянаго фавна изъ Геркуланума; на правомъ статуэтка силена изъ Помпеи. Въ простѣнкѣ между окнами скелеть, на черепѣ котораго нахлобучена сдвинувшаяся на затылокъ круглая, широкополая шляпа. Задняя стѣна украшена гобеленами, спускающимися до низкаго персидскаго дивана. На полу передъ диваномъ тигровая шкура; на ней готическое кресло-кушетка, на креслѣ массивная библія въ старинномъ пергаментномъ переплетѣ. Прочія части стѣны заставлены готическими церковными стульями. На верхней части лѣвой стѣны повѣшенъ большой картонъ, нарисованный углемъ и изображающій пляску менадъ. Кромѣ того, висятъ на той же стѣнѣ нѣсколько масляныхъ картинъ и эскизовъ. Ниже ихъ готическій ларь, на которомъ разставлены статуя Аполлона Бельведерскаго и другіе предметы искусства. На мольбертахъ нѣсколько начатыхъ картинъ, изъ которыхъ одна изображаетъ сцену Мефистофеля съ ученикомъ. Полъ мастерской устланъ хорошими коврами. Много табуретовъ, стульевъ разныхъ формъ и прочихъ принадлежностей мастерской. Освѣщеніе газовое. Картонная подвижная перегородка отдѣляетъ уголь, гдѣ стоятъ диванъ, отъ остальной части мастерской.

Профессоръ Крамптонъ спитъ; приподнявъ къверху ноги на диванѣ. Съ виду это мужчина лѣтъ сорока, средняго роста, съ тонкими ногами. На черныхъ, какъ крыло ворона, волосахъ надѣта феска. Усы и густыя бакенбарды также черныя. Глаза на выкатъ; взглядъ безъ выраженія и неподвижный, обличающій пьяницу. При разговорѣ почти всегда избѣгаетъ смотрѣть на того, съ кѣмъ говорить, скользятъ взглядомъ только по сторонамъ. Ходитъ, смотреть больше внизъ. Одѣтъ слишкомъ неряшливо для званія профессора. Часто принужденъ бываетъ подтягивать къверху свои широкія, воронкообразныя панталоны. Бархатный пиджакъ сильно потертъ, а турецкія туфли поношены.

Въ лѣвую дверь стучать. За ней слышно движеніе спокойно ходящихъ людей, говоръ, пріветствія и иногда смѣхъ. Шумъ отъ передвигаемыхъ стульевъ.

КРАМПТОНЪ (спросонковъ бормочетъ охрипшимъ голосомъ).
Вой...войдите!.. (Входитъ Лёфлеръ).

ЛЕФЛЕРЪ. Здравствуйте, господинъ профессоръ!

(Крамптонъ ворчитъ про себя, не двигаясь).

ЛЕФЛЕРЪ (подходя ближе, говорить громче). Съ вами здороваются, господинъ профессоръ!

КРАМПТОНЪ. Здравствуй!

ЛЕФЛЕРЪ (трясетъ его за плечи). Господинъ профессоръ! Господинъ профессоръ! Или не слышите? Ученики собрались.

КРАМПТОНЪ (быстро вскакивая, садится и осматривается безсмысленнымъ взглядомъ). Который часъ?.. А? Что ты сказалъ?

ЛЕФЛЕРЪ (грубо). Зашло за восемь. Не слышите развѣ сами? Ученики ужъ собрались въ актовую залѣ.

КРАМПТОНЪ. За восемь?.. (Встаетъ и задумчиво выходитъ на средину комнаты; затѣмъ снимаетъ лѣвой рукой феску, а правой чешетъ въ затылкѣ). Хм!.. (Смотря на Лэфлера) Развѣ сегодня вечерній актъ?

ЛЕФЛЕРЪ (опускаетъ оконныя маркизы и тушитъ газъ). Христосъ съ вами! Да вѣдь на дворѣ ясный день. Утро теперь, господинъ профессоръ, а не вечеръ.

КРАМПТОНЪ. Вотъ такъ глупая штука вышла! Развѣ ты не свелъ меня вчера домой?

ЛЕФЛЕРЪ. А какъ мнѣ было это сдѣлать? Я и говорилъ съ вами и звалъ васъ, да ничѣмъ нельзя было васъ вразумить.

КРАМПТОНЪ (прохаживаясь съ досадой взадъ и впередъ, говоритъ плаксивымъ голосомъ). Лэфлеръ, Лэфлеръ! Подумай, какая глупая вышла исторія!.. Что скажете теперь жена? А? Какъ думаешь, Лэфлеръ?..

ЛЕФЛЕРЪ (небрежнымъ тономъ). Все это я вамъ говорилъ послѣ третьей корзины пива; твердилъ не разъ, что пора домой, что иначе супружница ваша, пожалуй, насъ не впуститъ. Все было сказано, а вы въ отвѣтъ меня только выругали и отправили домой одного.

КРАМПТОНЪ (всплескивая руками). Милѣйшій мой! Дражайшій!.. Вѣдь я совсѣмъ готовъ былъ уйти, да меня силой задержали эти безпутные мошенники!.. Въ городѣ Венеціи! Въ гор... Что я болтаю? (Въ правую дверь стучать). Хорошо! Хорошо! Сейчасъ иду! (Стучать снова). Ну, что тамъ случилось? Дайте мнѣ хоть вздохнуть! Вотъ она, собачья жизнь учителя! (Кричитъ въ дверь) Мажьте! Рисуйте кто что хочетъ.

Голоса учениковъ (за дверью). У насъ нѣтъ натурщика... нѣтъ натурщика.

(Входитъ Попперъ, молодой ученикъ изъ Вѣны. Курчавая бородка, изящно одѣтъ, говорить вѣнскимъ нарѣчіемъ).

ПОППЕРЪ. Мое глубочайшее почтеніе господину профессору! Почтительнѣйше прошу меня извинить. Мы собрались всѣ, но недостаетъ натурщика. Беру смѣлость обратиться съ вопросомъ...

КРАМПТОНЪ. Прискорбный случай, господинъ Попперъ, прискорбный! Что станете дѣлать? Ни на кого нельзя положиться! Бѣгай за каждымъ самъ! Я велѣлъ придти натур-

щику сегодня утромъ. Велѣтъ, любезный Попперъ, точнѣйшимъ образомъ!

Лефлеръ. Ну вотъ и неправда, господинъ профессоръ! Вы натурщика и въ глаза-то не видали.

Крамptonъ. Неужели?.. Ну, значить, я спуталъ. Видите, любезный Попперъ, до чего можно дойти! Это ужасно!.. (Лефлеру) Гдѣ же натурщикъ? Отвѣчай, гдѣ?..

Лефлеръ. Я о немъ позабылся.

Попперъ. Если-бъ позаботились, то привели бы его съ собой.

Лефлеръ. Я и привелъ.

Крамptonъ (нетерпѣливо и съ горячностью). Чтѣ за болванъ! Чтѣ за болванъ! (Не смотря на Лефлера) Ну, чтѣ ты стоишь, вытаращивъ глаза! Ступай и приведи натурщика. (Лефлеръ уходитъ). Скажите, вы курите, любезный Попперъ?

Попперъ. Курить бы охотно, если-бъ это было позволено.

Крамptonъ. Правда, правда! Академiя, все академiя! Къ чорту бы ее! (Курить быстрыми затяжками). Не знаю, право, надолго ли меня хватить продолжать такую жизнь! А у меня есть планы. Выносить больше нѣтъ силъ. (Значительно) Да, у меня есть планы, любезный Попперъ. Знаете ли вы, что мнѣ сказывается протекцію нѣкая императрица? О! какая это понимающая искусство женщина! Знаете ли вы, что вотъ уже десять лѣтъ, какъ я прозябаю въ этой ямѣ? Кажется, довольно! Есть отчего прокиснуть! Прокиснуть по меньшей мѣрѣ! Многое здѣсь не по моему вкусу! У учениковъ таланта мало, а у преподавателей такъ ужъ нѣтъ совсѣмъ. Эти коллеги!—ха-ха... а директоръ!..—хо-хо! Впрочемъ, хорошiй человекъ: сальныхъ свѣчъ не ѣсть. Не правда ли? (Попперъ смѣется. Возвращается Лефлеръ съ какии-то испитымъ, художавымъ парнемъ).

Крамptonъ (не глядя на пришедшаго). А ну, подойди, любезный, поближе. (Парень подходит. Крамptonъ всматривается сначала въ него, затѣмъ переноситъ взглядъ на Поппера, потомъ опять на парня и наконецъ на Лефлера. Взглянувъ вновь на Поппера, раздражается смѣхомъ). Вотъ такъ умора! Препотѣшное чучело! Не правда ли, Попперъ?—вѣдь умора! (Лефлеру) Такъ ты его-то хочешь поставить моделью?

Лефлеръ (задѣтый за живое). Ну, понятно! Чѣмъ же онъ не годится? Вы посмотрите на его мускулы. (Беретъ парня за руку). Тверды, какъ камни! У него, господинъ профессоръ, девять человекъ дѣтей. (Парню) Ты, Августъ, дѣйствительно

глупъ и выглядишь неказисто. Чего ты насоваль себѣ за пазуху? (Говоря такъ, обшариваетъ парня и вынимаетъ у него изъ-за пазухи большой кусокъ хлѣба, клубокъ шнурковъ, кисеть съ табакомъ, трубку, множество соломенныхъ коробочекъ и пару сапожныхъ щетокъ). Ты, кажется, намѣренъ завести здѣсь торговлю! Для этого нужно видѣ приличнѣй имѣть. Смотри! держи ухо востро. Нѣтъ, нѣтъ, господинъ профессоръ,—вы только посмотрите на этого молодца, какъ онъ раздѣнется. (Крамptonъ въ это время достаётъ изъ-подъ дивана спрятанную тамъ бутылку и наполняетъ изъ нея металлическій бокаль).

Крамptonъ. Да, да, раздѣвайся!.. (Пьетъ, прячетъ бутылку и бокаль снова въ дальнее мѣсто подъ диваномъ и продолжаетъ съ вынужденнымъ смѣхомъ, смотря въ лицо Поппера). Миѣ вѣдь предписано хинное вино, мой дражайшій! Что станете дѣлать? (Тяжело вздыхаетъ). Докторовъ надо слушаться! (Вздыхаетъ снова). Желудокъ плохъ, желудокъ!—вотъ въ чемъ мое горе! (Приведенный парень, послѣ того какъ Лѣфлеръ толчками и говоря шопотомъ хочетъ заставить его раздѣться, говоритъ вдругъ рѣшительнымъ тономъ).

Парень. Э, нѣтъ, Карлуша,—этого нельзя!

Лѣфлеръ. Ну, если ты, Августъ, станешь жеманиться, то не видать тебѣ твоего счастья. Скажите, господинъ Попперъ, въ залѣ вѣдь хорошо натоплено?

Крамptonъ (зажигая вновь сигару, которая по его разсѣянности безпрестанно тухнетъ). Двигайтесь, двигайтесь, маршъ въ актовую залу. Ведите его, Попперъ! (Попперъ со смѣхомъ беретъ парня подъ руку и ведетъ его въ дверь направо).

Крамptonъ (кричитъ имъ вслѣдъ). Пусть они рисуютъ съ него этюды костей. Препотѣшный анекдотъ! (Послѣ того какъ Попперъ съ парнемъ уходитъ, за дверью залы раздается взрывъ общаго хохота. Крамptonъ гладитъ бороду, откашливается и, взявъ въ руки муштабель, начинаетъ разбираться въ наставленныхъ въ комнатѣ вещахъ, разбрасывая ихъ направо и налево, какъ будто чего-то ищеть. Вмѣстѣ съ тѣмъ, взглядывая быстро на Лѣфлера, дѣлаетъ ему повелительные жесты, указывая на одинъ изъ угловъ мастерской. Лѣфлеръ однако не обращаетъ на это, повидному, никакого вниманія. Крамptonъ это замѣчаетъ и затѣмъ вдругъ обращается къ нему рѣзкимъ голосомъ).

Крамptonъ. Лѣфлеръ! Ты оглохъ?

Лѣфлеръ. Никакъ нѣтъ, господинъ профессоръ.

Крамptonъ. Такъ что-жъ надъ тобой стряслось?

Лѣфлеръ. Ничего не стряслось... Только вотъ... (Вертитъ въ рукахъ шапку).

Крамptonъ. Ну, что «вотъ»?

Лѣфлеръ (помявшись нѣсколько минутъ). Коньяку я вамъ какъ-нибудь добуду, ну, а насчетъ пива, господинъ про-

фессоръ... такъ это ужъ извините... Идти за нимъ надо съ деньгами, а иначе не получите ни шиша! Мнѣ и носа туда нельзя показать. Каждый разъ наскочишь на исторію! Съ самимъ хозяиномъ, пожалуй, поладить еще можно, ну а старая толстуха—чортъ сущій!

Крамptonъ. Ну, ну, полно: встряси марку и поставь на мой счетъ.

Лефлеръ. А какъ это, господинъ профессоръ, сдѣлать, если встряхать-то нечего?.. Вотъ эти люди такъ могли бы трясти кошелькомъ, сколько хотять. Чтѣ имъ тѣ шестьдесятъ марокъ, которыя мы имъ должны!

Крамptonъ. Да вѣдь марка-то, я думаю, у тебя, Лефлеръ, все-таки найдется?

Лефлеръ. Ей-Богу, скоро не будетъ ни одной! Иное дѣло, если-бъ не моя супружница. Она вѣдь чуетъ, гдѣ лежитъ каждый пфеннигъ, какъ охотничья собака. Придется отказаться! Спрятать отъ нея что-нибудь трудно. Я ужъ и то издержалъ на васъ двадцать двѣ марки шестьдесятъ пфенниговъ.

Крамptonъ. А первое число, Лефлеръ...

Лефлеръ. Да! Если-бъ въ первое число не совалась ваша супруга! Она вѣдь слѣдитъ за вами цѣлый день. Чтѣ же тутъ станете дѣлать?

Крамptonъ (впадая въ плаксивый ворчливый тонъ). Ахъ. Лефлеръ, Лефлеръ! какъ ты меня огорчаешь! какъ мнѣ надоѣдаешь! Я долженъ работать, а ты вмѣсто того, чтобъ мыть мои кисти, меня огорчаешь! Я, право, не знаю... Но однако ступай,—ступай, куда слѣдуетъ. (Разбрасываетъ вещи). Никто обо мнѣ не заботится! Беспорядокъ кругомъ! Пыль вездѣ такая, что можно въ ней завязить ноги! А!.. все бы къ чорту!.. Въ этой ямѣ наживешь чахотку! И это мастерская академіи художествъ! (Повелительнымъ голосомъ) Вонъ корзина! (Поднимаетъ съ пола пустую пивную корзину и подаетъ ее Лефлеру). Бери—и въ путь безъ разговоровъ!

Лефлеръ (пожимая плечами). Право, господинъ профессоръ, если бы я пожертвовалъ даже всѣмъ своимъ добромъ...

Крамptonъ. Тихе... (бѣгло осматривается). Вонъ тамъ коверъ: можно пустить его въ мытье! (Закладываетъ руки въ карманы и начинаетъ насвистывать мелодію изъ Боккачіо. Пройдясь немного, беретъ ручное зеркало, смотрится въ него, затѣмъ, гордо закинувъ голову, проходитъ въ актовую залу. Лефлеръ въ это время, нагнувшись, снимаетъ съ пола небольшой персидскій коверъ, свертываетъ его въ трубку, наваливаетъ себѣ на плечо, и когда Крамptonъ уходитъ, то намѣревается тоже идти, держа на лѣвомъ плечѣ коверъ

и захвативъ правой рукойъ пивную корзину. Въ эту минуту входитъ въ лѣвую дверь педелъ Янецкій).

Янецкій (здоровый малый съ типическимъ славянскимъ лицомъ. Одѣтъ явно въ чужомъ пиджакѣ безъ воротничка. Сапоги стоптаны, держать въ рукахъ пакетъ, говорить съ польскимъ акцентомъ, не совсѣмъ правильнымъ языкомъ). Гдѣ есть профессоръ?

Лефлеръ. А я почему знаю. (Хочетъ пройти мимо).

Янецкій. Эге-ге! Что то есть? Куда, пріятель, тащишь ты коверъ?

Лефлеръ. Не мѣшай, полякъ. Прочь съ дороги!

Янецкій. А! я полякъ? Хорошо! Такъ ты знай, что если полякъ одолажаетъ профессору деньги, такъ желаетъ получить ихъ обратно.

Лефлеръ. Да мнѣ-то что до твоихъ дѣлъ съ профессоромъ?

Янецкій. А то, что я не дамъ такъ растаскивать профессорское добро! Это есть мнѣ непріятно! Я давалъ профессору въ долгъ и полотно, и рамы, и бумагу, и мало ли что еще!

Лефлеръ. Говорю тебѣ, не задерживай меня. Коверъ несу я въ мытье.

Янецкій. Я такъ и думалъ. Этакъ вы будете продавать одну вещь за другой!

Лефлеръ. Ну такъ что же? Развѣ профессоръ не воленъ дѣлать со своимъ добромъ, что хочетъ?

Янецкій. Нѣтъ, не воленъ! Ни въ чемъ не воленъ! Здѣсь его добра нѣтъ ни куска полотна! Пусть сперва заплатитъ долгъ, а тамъ дѣлаетъ что хочетъ.

Лефлеръ. Прочь, прочь! Не то худо будетъ!

Янецкій. Нѣтъ, не прочь! Не уйду! Кликну полицію! Директору пожалуюсь!..

(Входятъ Крамптонъ и Максъ Штрэлеръ).

Крамптонъ (обращаясь къ Янецкому, притворно-любезнымъ тономъ). Вамъ нужно меня, любезный Янецкій?

(Янецкій злобно косится на Штрэлера, который отвѣчаетъ ему также взглядомъ, выражающимъ презрѣніе и ненависть).

Янецкій (Крамптону). Получите бумагу отъ директора.

Крамптонъ (кладетъ пакетъ на библію). А что еще, любезный Янецкій?

Янецкій. Я собралъ ваши счета. Завтра первое октября.

Крамптонъ. Положите ихъ на тотъ столъ. (Видя, что Янецкій не собирается уходить) Очень радъ, любезный Янецкій, очень радъ. (Лефлеръ уходитъ, Крамптонъ кричитъ ему вслѣдъ) Мою сеledку, Лефлеръ! не забудь мою сеledку къ завтраку. (Штрэлеру) Это мнѣ полезно. Я ѣмъ сеledки каждый день.

Янецкій. Если господинъ профессоръ пожелаетъ... Могу сказать, что жена моя также хорошо моетъ ковры...

Крамптонъ (видимо понявъ, въ чемъ дѣло, киваетъ головой). Вѣрно, Янецкій, вѣрно.

Янецкій (подбѣжавъ къ двери, кричитъ). Лѣфлеръ! Лѣфлеръ! Профессоръ приказалъ... Ковромъ займется моя жена! (Уходитъ).

Крамптонъ (взглянувъ ему вслѣдъ сверкнувшими глазами, трясетъ съ подавленной яростью кулакомъ). Песъ этотъ Янецкій!.. проклятый польскій песъ! (Зажигаетъ снова сигару и прохаживается съ бѣшенствомъ взадъ и впередъ по комнатѣ). Курите, любезный Штрэлеръ! Курите, курите! (Сильно дымитъ сигарой). Однако къ дѣлу. Жаль мнѣ васъ, любезный Штрэлеръ, очень жаль! Рѣшеніе вышло. Конференція была вчера. Я старался сдѣлать все, что было въ моей власти. Но вѣдь вы знаете!.. (Останавливается въ задумчивости). Во-первыхъ, надо сознаться, что вы вели порядочно-таки безпутную жизнь.

Максъ (блѣдный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, безбородый, одѣтъ чисто и опрятно въ темное, сшитое по модѣ платье). Господинъ профессоръ...

Крамптонъ. Я знаю, что вы хотите сказать: что это нейдетъ къ дѣлу; что можно кутить и въ то же время имѣть талантъ? Да, конечно, такъ судимъ мы; но высокая коллегія!.. По ея мнѣнію, таланта ученику совсѣмъ не нужно. Что ему съ нимъ дѣлать? Поведеніе, любезный другъ, поведеніе,—вотъ главное! Почтительный страхъ предъ учителемъ! Страхъ, начиная съ директора и кончая педелемъ. Особенно предъ педелемъ. Мой дорогой! А вы что натворили? Вспомните только. Вздумалъ поколотить педеля!

Максъ. И поколотилъ бы непременно, если-бъ онъ не успѣлъ улизнуть.

Крамптонъ. Простительнѣй было бы, если-бъ вы поколотили директорскую жену! Тогда никто не тронулъ бы волоса на вашей головѣ! Вѣрно, говорю вамъ! Но поколотить педеля! Подумайте только: педеля! (Горько усмѣхается).

Максъ. Вѣдь это плутъ, господинъ профессоръ! Я никогда не имѣлъ съ нимъ никакихъ дѣлъ и только осаживалъ его всякій разъ, когда онъ ко мнѣ съ чѣмъ-нибудь приставалъ. Матеріала для живописи не покупалъ у него никогда, такъ какъ онъ сталъ мнѣ противенъ со дня перваго же знакомства. Вотъ все мое преступленіе. Но онъ меня подстерегъ и напелелъ директору всевозможныхъ про

меня гадостей. Какъ же вы хотите, чтобы я не бѣсился?

Крамптонъ. Не обращайтесь, Штрэлеръ, на это вниманія, да и вообще на всю академію. Подумайте, что такое истинный талантъ?— вѣковѣчный дубъ! А академія—это учрежденіе для дрессировки! испанскіе сапоги! тюрьма! обезличеніе! прямая противоположность искусству! (Шлюеть).. Къ чорту ее! (Помолчавъ, продолжаетъ нѣсколькѣ успокоившимся тономъ) Слушайте, что я вамъ скажу: вѣдь вы довольно подурачились на своемъ вѣку. Я слышалъ, что вы человѣкъ не безъ средствъ и бросаете деньги зря направо и налѣво. Около васъ постоянно торчатъ шайка блюдолизовъ. Ну, понятно, вы молоды, и это вамъ нравится; но вамъ надо поучиться узнавать людей. Даю вамъ добрый сердечный совѣтъ избѣгать подобнаго общества. Не показывайте вездѣ и всѣмъ, что у васъ есть деньги. Поступайте такъ отнюдь не изъ страха, что у васъ попросятъ въ долгъ. Отъ такого взгляда оборони васъ Богъ! Но дѣло въ томъ, что богатство создаетъ вокругъ насъ атмосферу, въ которой порядочный человѣкъ дѣйствуетъ осторожно, а вульгарныя натуры и безмозглая толпа мечутся очертя голову. Потому тотъ, кто попадетъ въ когти подобной шайки... Видали вы, какъ обрабатываютъ лягушку ежи, разъ она попадется въ ихъ лапы? Потому, любезный Штрэлеръ, — дайте мнѣ вашу руку... (Протягиваетъ ему руку).

Максъ (нерѣшительнымъ голосомъ). Благодарю васъ, господинъ профессоръ!

Крамптонъ (кладетъ ему руку на плечо). Что до прочаго, юноша, то грудь впередъ! голову вверхъ! А затѣмъ, если на твоей дорогѣ встанутъ самъ чортъ со своей бабушкой, или если даже лучшіе твой друзья будутъ тебѣ совѣтовать бросить искусство,—предоставь имъ болтать, что хотятъ! Помни, что если въ первое время ты создашь даже что-нибудь истинно-хорошее, — то пересуды будутъ все равно горячить твою голову. Работу твою оплюетъ всякій уличный подметальщикъ, крича тебѣ въ уши совѣты, чтобы ты сдѣлался такимъ же подметальщикомъ, какъ онъ!.. Главное молись и трудись. Скажу даже: трудись больше, чѣмъ молись. Замѣйте себѣ это хорошенько, любезный Штрэлеръ. Затѣмъ прощайте! Можете приходить ко мнѣ такъ часто, какъ вздумаете. Слышите? когда вздумаете. Посидите и теперь; я очень бываю радъ васъ видѣть. (Беретъ положенный на библію пакетъ).

Максъ. Позвольте вамъ сказать, господинъ профессоръ, что на этотъ счетъ вы можете быть вполне спокойны. Пусть это находятъ смѣшнымъ, но перемѣнить о себѣ мнѣніе трудно. А я увѣренъ въ себѣ въ достаточной степени.

Крамptonъ. Ну, понятно... въ ваши-то годы!

Максъ. Та крупница искусства, которая въ настоящее время еще существуетъ въ Германіи, меня не пугаетъ; конкурировать съ ней я могу.

Крамptonъ. Любезный другъ, любезный другъ! не увлекайтесь!

Максъ. Нѣтъ, право, могу! Я знаю это, знаю навѣрно.

Крамptonъ. Есть причина тому, мой дорогой, есть причина! Повторяю вамъ еще разъ, любезный Штрэлеръ: если вы можете вырваться изъ этого вертепа—вырывайтесь скорѣй! Поѣзжайте въ Мюнхенъ, въ Римъ, въ Парижъ. Здѣсь вы рискуете сдѣлаться малярномъ вывѣсокъ. Вотъ, полюбуйтесь! (Открываетъ одинъ изъ завѣшенныхъ холстовъ, на которомъ оказывается нарисованной трактирная вывѣска). Вотъ гдѣ полная гибель! (Мрачно смотритъ въ землю, но потомъ ободряется и открываетъ полученный пакетъ. Лицо его внезапно вспыхиваетъ радостью, которая, при концѣ чтенія, переходитъ въ полный восторгъ. Послѣдующій монологъ безпрестанно прерывается слезами). Что вижу!.. Что вижу!.. Что вижу! Штрэлеръ! Знаете ли вы, Штрэлеръ? Приѣдетъ герцогъ! Нашъ герцогъ! Понимаете ли вы, что это значитъ! Приѣдетъ мой благодѣтель, мой меценатъ, мой спаситель!.. Вы понимаете, Штрэлеръ? Мой спаситель! Клянусь Богомъ, я боюсь задохнуться отъ восторга! Приѣдетъ спаситель. Все, значитъ, пойдетъ иначе! Пусть теперь малюетъ вывѣски Лёфлеръ, или хоть самъ чортъ! Я къ нимъ не прикоснусь! (Схватываетъ Штрэлера за плечи). Если-бъ вы знали, Штрэлеръ, что это за человѣкъ, что за характеръ! Золото! Добръ какъ дитя! именно какъ дитя! Ко мнѣ относился всегда, какъ отецъ!.. Прочитайте, дорогой Штрэлеръ, прочитайте вслухъ!..

Максъ (читаетъ). «Увѣдомляю васъ, милостивый государь, что его высочество герцогъ Фрицъ-Августъ приказалъ объявить здѣшней академіи о своемъ намѣреніи посѣтить ее завтра послѣ полудня. Вслѣдствіе этого господамъ преподавателямъ вмѣняется въ обязанность...»

Крамptonъ. Это мы ужъ знаемъ, знаемъ! Добрѣйшій нашъ директоръ глупъ! Само собой разумѣется, что для пріема герцога я рваныхъ штановъ не надѣну. Директоръ во всю свою жизнь придворнаго воздуха ни разу не ню-

халь, а я дышалъ имъ съ вашихъ лѣтъ! Да, дорогой мой, да! Вамъ надо еще поработать, а я въ девятнадцать лѣтъ былъ уже герцогскимъ придворнымъ живописцемъ. Сегодняшнимъ посѣщеніемъ герцогъ удостоиваетъ исключительно меня,—держу пари, что такъ! (Входитъ Лефлеръ, держа корзину пива въ одной рукѣ и тарелку съ селедкой въ другой). Лефлеръ! Лефлеръ! Ыдетъ нашъ герцогъ!.. Что скажешь?! Ыдетъ съ тѣмъ, чтобъ посѣтить меня! Вотъ и письмо! Наливай, наливай пива! По такому случаю мы должны выпить всѣ!.. Вы, Штрэлеръ, герцога не знаете? Чудный человѣкъ! Какъ деликатенъ, какъ скромнень! А какой знатокъ, какой просвѣщенный знатокъ во всемъ, что касается искусства! А какъ меня уважаетъ! Разъ даже сказалъ, что за Крамптона онъ отдастъ все свое герцогство! Ну, понятно, это было сказано въ шутку... Пейте, пейте! (Штрэлеръ прихлебываетъ, Крамптонъ осушаетъ яружку залпомъ. Пьютъ изъ старинныхъ глиняныхъ кружекъ). Однако я болтаю вздоръ вмѣсто того, чтобъ заняться дѣломъ. Надо посмотрѣть, что у меня есть готового! Вѣдь высокій гость навѣрно захочетъ что-нибудь выпить. (Оглядываясь вокругъ, внезапно останавливаетъ взглядъ на головѣ Штрэлера и затѣмъ, громко свистнувъ, продолжаетъ) Пффа!.. что я вижу! (Хлопаетъ, какъ сумасшедшій, ладонями). Ученикъ! ученикъ! мой ученикъ!.. Ты только взгляни, Лефлеръ!—вѣдь это мой ученикъ, какъ естъ!..

Лефлеръ. Ну да, господинъ профессоръ; вѣдь вы это ужъ давно знаете.

Крамптонъ. О, глупая, глупая голова! (Хватаетъ палитру и муштабель, становится передъ начатою картиною, изображающею Мефистофеля съ ученикомъ, и затѣмъ указываетъ Штрэлеру повелительнымъ жестомъ на одно изъ кресель). Вотъ онъ, ученикъ для моего Мефистофеля! На мѣсто, Штрэлеръ, на мѣсто! (Беретъ кисть и тычетъ въ картину). Вижу, что вы безцѣнный человѣкъ. Счастливый для меня сегодня выдался день. (Смѣшиваетъ краски). Цѣлыхъ два года искалъ я такую голову. (Продолжаетъ смѣшивать краски). Упрямую! Именно упрямую! Много надѣлала мнѣ хлопотъ эта упрямая голова! Но теперь-то ужъ мы ее поймаемъ! Да, любезный Мефистофель, долго мы другъ другу надоѣдали. Завтра достанется эта вещичка герцогу, или иначе побери ее чортъ! (Напѣваетъ) «Завтра прочь уйду отсюда!» Прощайте! Добраго всѣмъ здоровья.

Лефлеръ. Значить, мнѣ можно убраться?

Крамптонъ (самымъ согласнымъ тономъ).. Съ Богомъ!

ЛЕФЛЕРЪ. А когда приходит назадъ?

КРАМПТОНЪ. Завтра къ обѣду.

ЛЕФЛЕРЪ. Получите двѣ марки сдачи.

КРАМПТОНЪ. Возьми ихъ себѣ.

ЛЕФЛЕРЪ. Премного благодаренъ. (Хочетъ уйти и останавливается). Да, вотъ еще: я встрѣтилъ вашу дѣтку; черезъ полчаса она хотѣла быть здѣсь.

КРАМПТОНЪ (удивленнымъ голосомъ). Какую-такую дѣтку?

ЛЕФЛЕРЪ. Ну, понятно, вашу младшую дочь.

КРАМПТОНЪ (подчеркивая каждое слово). Мою младшую дочь?.. Хорошо, Лѣфлеръ, хорошо! Спасибо, что сказалъ. (Лѣфлеръ уходитъ. Крамптонъ, не сдѣлавъ еще ни одного штриха кистью, вскакиваетъ и начинаетъ быстро убирать кружки и бутылки, которыя принесъ Лѣфлеръ). Знаете, любезный Штрэлеръ, если явится сюда моя дочь, то нужно намъ... Иначе, что вѣдь она можетъ подумать? (Уходитъ за перегородку, быстро наливаетъ изъ спрятанной бутылки стаканъ вина, выпиваетъ его и прячетъ бутылку снова; при этомъ тяжело вздыхаетъ). Да, да! Да, да! (За дверью стучатъ. Крамптонъ бросается къ мольберту и принимаетъ видъ, какъ будто былъ давно уже занятъ усердной работой и работаетъ до сихъ поръ. Стучать снова. Дверь отворяется. Входитъ Гертруда Крамптонъ, прелестная, статная дѣвушка лѣтъ восемнадцати. На головѣ рембрандтовская шляпа. Одѣта хотя и по модѣ, но съ свободнымъ, художественнымъ вкусомъ. Въ лицѣ, несмотря на юнощескую свѣжесть, выраженіе озабоченности и печали).

ГЕРТРУДА. Папочка, здравствуй!

КРАМПТОНЪ (притворно-удивленнымъ голосомъ). А, это ты, дитя мое?

ГЕРТРУДА. Я, папочка, я. (Медленно снимаетъ перчатки).

КРАМПТОНЪ. Извини, милая. Сейчасъ буду весь къ твоимъ услугамъ

ГЕРТРУДА. Пожалуйста, не стѣсняйся. Время у меня есть.

КРАМПТОНЪ. Ты не можешь себѣ представить, какъ я долженъ торопиться. Завтра пріѣзжаетъ герцогъ. Онъ намѣренъ купить у меня картину, и я заработался до того, что забодѣли глаза. Не правда ли, любезный Штрэлеръ? (Гертрудѣ, указывая на Штрэлера) Вотъ преступникъ, котораго мы присудили къ изгнанію. Можно ли этому повѣрить? Не смотритъ ли онъ, какъ невинная дѣвушка?

(Гертруда, не обращавшая до того на Штрэлера вниманія, взглядываетъ на него при словѣ «преступникъ» и слегка ему кланяется, покраснѣвъ).

КРАМПТОНЪ. Поди ко мнѣ, милое дитя! (Привлекаетъ ее, взявши за талію, и усаживаетъ себѣ на колѣни, лаская и глядя по

головѣ, какъ вѣжннй любовникъ возлюбленную. Затѣмъ говоритъ, указывая на картину). Скажи: нравится? Не правда ли, картинка не дурна? Понравиться можетъ. (Штрэлеру строго) Сидите смирно, Штрэлеръ! Какая мнѣ отъ васъ польза, если вы будете такъ ерзать направо и налево? Вы трясете головой, какъ старикъ. Весь ученикъ трясется, — не правда ли, дитя мое? Можете, впрочемъ, отдохнуть. Такъ-то! (Кладетъ паплету). Вы еще не знакомы?.. Это мое сокровище!.. Моя жизнь, моя безцѣнность, моя будущность!

ГЕРТРУДА. Ну, довольно объ этомъ, папочка, довольно.

КРАМПТОНЪ (восторженнымъ голосомъ, обращаясь къ Штрэлеру, который разсматриваетъ картину). Ну, что? Каково? Не правда ли, вещьца хоть куда? Вотъ какъ писали въ тѣ времена, когда Ванъ-Дикъ посѣщалъ школу Рубенса. Пусть-ка кто-нибудь явится да напишетъ такъ теперь! О, эти пачкуны, пачкуны! А взгляните сюда: это картонъ моей пляски менадь. Сама картина обѣхала весь свѣтъ. Знаете ли вы, Штрэлеръ, что сказалъ Генелли, когда увидѣлъ этотъ картонъ? Онъ вѣдь былъ моимъ другомъ при герцогскомъ дворѣ. Вотъ его слова: «есть въ мірѣ тодько два человѣка, способные создать такой рисунокъ: вы, Крамптонъ, да я!» (Вдругъ спохватясь) Ахъ, Боже мой! Ужъ десять часовъ. Надо спѣшить въ актовую залу. Надо спѣшить! Опять придется поправлять, указывать! Проклятое учительское ремесло! воистину проклятое. Побесѣдуйте, дѣтки, вдвоемъ, пока я вернусь. (Надѣваетъ снова феску и идетъ къ дверямъ, но, прежде чѣмъ войти въ залу, присанивается и начинаетъ насвистывать, какъ прежде, мелодію).

(Гертруда и Штрэлеръ остаются одни. Она перелистываетъ книгу; онъ перебираетъ въ рукахъ красочныя трубочки. Гертруда нечаянно толкаетъ столъ, при чемъ съ него сваливается какая-то вещь. Оба нагибаются ее поднять и при этомъ касаются другъ друга руками; затѣмъ встаютъ съ признаками смущенія на лицахъ).

ГЕРТРУДА (нѣсколько помолчавъ). Кажется, ваше имя, если я вѣрно слышала, Штрэлеръ?

МАКСЪ. Такъ точно: я зовусь Штрэлеръ, сударыня.

ГЕРТРУДА. Кажется, я знакома съ вашей сестрой.

МАКСЪ. Совершенная правда. Сестра мнѣ это не разъ говорила.

ГЕРТРУДА. Мы часто встрѣчались съ ней въ консерваторіи. (Краткое молчанье).

ГЕРТРУДА. Скажите, справедливо извѣстіе, будто приѣдетъ герцогъ?

Максъ. Вполнѣ справедливо; вотъ здѣсь лежитъ увѣдомительное объ этомъ письмо.

Гертруда (помолчавъ). Вѣдь вы нѣсколько лѣтъ занимались сельскимъ хозяйствомъ? Или, можетъ-быть, я ошибаюсь. Не помню, отъ кого это слышала; кажется, отъ профессора Мюллера. Онъ, сколько помнится, недавно объ этомъ говорилъ.

Максъ. Совершенно вѣрно, сударыня.

Гертруда. Почему же вы оставили это занятіе? Хозяйничать въ деревнѣ такъ пріятно.

Максъ. У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ на это таланта.

Гертруда. Какъ? Развѣ для этого дѣла тоже нуженъ талантъ?

Максъ. О, да! И очень большой.

Гертруда. Не знаю,—но карьеру художника я бы не выбрала.

Максъ. Почему же?

Гертруда. Занятіе сельскимъ хозяйствомъ кажется мнѣ гораздо привлекательнѣй. (Помолчавъ) Скажите, какъ находите вы сегодня папашу?

Максъ. Онъ, повидимому, совершенно здоровъ и веселъ.

Гертруда. Вы находите? А меня такъ состояніе его крайне тревожитъ.

Максъ. Неужели?

Гертруда. Знаете ли вы, что я часто должна его водить подъ руку, потому что, если онъ ходитъ одинъ, то у него дѣлаются головокруженія. Выносить не можетъ онъ почти ничего и вообще становится такъ слабъ, что долженъ быть остороженъ во всемъ. Истинно-добрымъ дѣломъ было бы постоянно напоминать ему, чтобъ онъ себя берегъ и избѣгалъ всякаго излишества. Вамъ, господинъ Штралеръ, все это, конечно, рѣдко бросается въ глаза; но я!—я знаю по опыту... Вы, впрочемъ, можете легко догадаться мое положеніе. Вамъ, напримѣръ, вѣроятно, извѣстно, что въ эту ночь папаша совсѣмъ не возвращался домой. Очень можетъ быть, вы знаете, гдѣ онъ ее провелъ?.. Я не сомкнула во всю ночь отъ тревоги глазъ. Подумайте сами, чтò можетъ съ нимъ случиться! Вѣдь онъ совсѣмъ безпомощенъ и постоянно нуждается въ чемъ-нибудь присмотрѣ! (Тяжело вздохнувъ) Ахъ, я не могу болѣе, не могу!..

Максъ. Скажу вамъ...

Гертруда. Вы молоды, а вѣдь папаша старикъ!

Максъ. Могу васъ увѣрить, что никогда не вызывалъ я

господина профессора на что-либо для него вредное. Къ тому-жь я очень рѣдко его сопровождалъ во время его отлучекъ.

ГЕРТРУДА. Но кто же въ такомъ случаѣ во всемъ этомъ виновать? Чтò это за люди? Вѣдь должны же они видѣть, что папаша идетъ по дурной дорогѣ! Онъ себя погубить... И не одного себя! Это ужасно! Страшно подумать, чтò поставлено здѣсь на карту.

Максъ. Дорогая!.. Выслушайте!.. я хочу вамъ сказать... Вы были откровенны со мной... По чести и совѣсти... увѣрю васъ, что я не негодяй! (Подвигается къ ней).

ГЕРТРУДА (быстро вставъ, отираетъ слезы и, отворачиваясь, говоритъ). Тш!.. вотъ папаша.

(Крамptonъ входитъ съ радостнымъ лицомъ, налѣвая и приплясывая).

Крамptonъ. Undici, dodici, tredici,
tra-la-la-la-lal!..

(Останавливается въ горделивой позѣ среди мастерской, прищелкиваетъ пальцами и торжественно смотритъ съ выраженіемъ неизяснимой радости на Штрэлера и Гертруду).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Мастерская Крамптона, какъ въ первомъ дѣйствіи. Послѣобѣденное время.

Въ лѣвую дверь входитъ Максъ Штрэлеръ, въ сопровожденіи своего брата Адольфа.

АДОЛЬФЪ (мужчина лѣтъ тридцати двухъ, здороваго вида, склонный къ полнотѣ. Одѣтъ изящно, но легко). Скажи однако, куда ты меня постоянно таскаешь?

Максъ. Я очень рѣдко затрудняю тебя просьбами; но на этотъ разъ скажу, что тотъ, къ кому привелъ тебя теперь, относился ко мнѣ всегда крайне доброжелательно, и потому твоя непремѣнная обязанность его двумя-тремя словами поблагодарить. Взгляни, Адольфъ: не правда ли, обстановка недурна? Сейчасъ видно, какого рода и характера человѣкъ здѣсь живетъ?

АДОЛЬФЪ (оглядываясь вокругъ). По-моему, обстановка нелѣпая!

Максъ. Нелѣпая? Почему?

АДОЛЬФЪ. Почему? Да вотъ, напримѣръ, для чего (указывая на

скелеть) торчит тутъ этотъ Иванъ-дуракъ съ калабрійской шляпой на лысинѣ? Чтѣ за безвкусіе!

Максъ. Ну, чтѣ до вкуса, то извѣстно, что онъ у тебя такой же плоскій, какъ истертый грошъ.

Адольфъ. Можетъ-быть. Я себѣ не судья. Ну, а вотъ это для чего тутъ положено? (Указывая поскомъ сапога на тигровую кожу). Чтѣ это за символика?

Максъ. Какая символика?

Адольфъ. Ну,—королевскій тигръ...

Максъ. Какая, однако, у тебя грубая манера выражаться! Вѣдь это цинизмъ. Впрочемъ, вы, купцы, циники всѣ. Это вашъ сословный порокъ.

Адольфъ (сдерживая хохотъ). Хо-хо! Это прелестно! Молодца выгнали изъ академіи, а онъ толкуеть о сословныхъ порокахъ! Ахъ, ты, общипанный пѣтухъ!

(Изъ дверей актовъ залы входитъ Крамптонъ).

Максъ. Ну, перестань, Адольфъ.

Адольфъ. Пѣтухъ, пѣтухъ!

Максъ. Тш... Тш!..

Адольфъ. Почтительно умолкаю!

Крамптонъ (входитъ во фракъ и лакированныхъ башмакахъ, съ орденѣмъ въ петлицѣ. По всему видно, что онъ очень озабоченъ. Войдя, бросаетъ разсѣянный взглядъ на Адольфа и Макса). Мое почтеніе, милостивые государи! Прошу сказать, чему обязанъ я честью... (Внезапно удивясь) Чтѣ вижу? Здравствуйте, любезный Штрэлеръ! Представьте, я только теперь васъ узналъ.

Максъ. Вы позволите, господищъ профессоръ, представить вамъ моего брата?

Крамптонъ. А! Вы его братъ? Такъ, такъ! Очень пріятно, очень пріятно! Извините меня, любезный Штрэлеръ! Вы видите, въ какихъ я хлопотахъ. (Не безъ хвастливой гордости) Его высочество можетъ прибыть каждую минуту. (Притворно-небрежнымъ тономъ) Меня пожелалъ вѣдь посѣтить его высочество герцогъ Фрицъ-Августъ.

Адольфъ. Я займу васъ, господинъ профессоръ, всего на одну минуту. Этотъ юноша не только мой братъ, но, кромѣ того, состоитъ подъ моею опекой.

Крамптонъ (безъ вниманія). Чѣмъ могу служить?

Адольфъ. Онъ явился ко мнѣ съ объявленіемъ, что его исключили изъ академіи; а потому я, въ качествѣ опекуна...

Крамптонъ (разгорчась, всплескиваетъ руками). Да!.. Но

чего же вы отъ меня хотите? Чего хотите? Я очень много прочелъ вашему брату по этому случаю поученій. Не ждете же вы, что я вамъ ихъ повторю? Въ такомъ случаѣ, извините! Ихъ больше нѣтъ въ моей головѣ! Клянусь честью, я перезабылъ ихъ всѣ! Мнѣ надо твердо держать въ памяти тѣ нѣсколько словъ, которыя я приготовилъ для пріема герцога.

Адольфъ (тихонько стараясь сохранить серьезность). Повторю, господинъ профессоръ, что цѣль моего прихода буквально исчерпывается въ какихъ-нибудь двухъ словахъ.

Крамptonъ (хотя и замѣтилъ усмѣшку Адольфа, но говоритъ, не глядя на него). Мнѣ это не смѣшно! Совсе не смѣшно! Папаши, мамы и опекуны скоро сведутъ меня съ ума! Являются люди и требуютъ, чтобъ я пророчествовалъ судьбу ихъ дѣтей. Я не Пиея! На треножникѣ не сижу. Я до сихъ поръ не знаю, есть ли талантъ у меня самого! Они скоро станутъ таскать ко мнѣ для разбора пеленки своихъ ребятъ! Я не могу, какъ римляне, гадать по внутренностямъ.

Адольфъ. Но, pardon, pardon!..

Крамptonъ. Прошу безъ всякихъ pardon!

Адольфъ. Вы, господинъ профессоръ, меня не понимаете. Я хотѣлъ выразить вамъ только мою глубокую благодарность... Вы, конечно, знаете, что въ жизни бываютъ иной разъ случаи... вотъ хоть бы какъ настоящій. Понятно, что я былъ въ очень встревоженномъ состояніи, когда братъ мой собрался вчера идти къ вамъ. Но ваша рѣчь вполне возстановила его угасшую бодрость. Меня, конечно, это очень обрадовало, и потому очень понятно, что я захотѣлъ васъ искренно поблагодарить.

Крамptonъ. А!. Вотъ откуда дуетъ вѣтеръ. Такъ, такъ, любезный Штрэлеръ! (Прохаживался, треплетъ Макса по плечу). Очень я радъ, юноша, что могъ тебѣ помочь. (Адольфу) Дѣло въ томъ, любезнѣйшій, что вы начали съ разговора объ опекѣ, а меня можете довести до потери чувствъ одинъ звукъ этого слова.

Адольфъ (смѣясь). Общаю вамъ принять это на будущее время къ свѣдѣнію.

Крамptonъ (смѣясь также). Да, мой дорогой. Вы дѣйствительно невиннымъ образомъ смутили то торжественное настроеніе...

Адольфъ. Которое предназначалось для пріема герцога?

Крамptonъ. Именно, именно!

Адольтъ. Не буду болѣ стѣснять васъ своимъ присутствіемъ.

Крамптонъ. О, останьтесь, останьтесь! (Смотря на часы) Герцогъ не торопится.

Адольтъ. Да, но долженъ торопиться я. (Кланяется). Свидѣтельству вамъ, господинъ профессоръ, мое глубочайшее почтеніе.

Крамптонъ (махая небрежно рукою). А, ну, въ такомъ случаѣ прощайте! Прощайте! Заходите какъ-нибудь при случаѣ. Очень буду радъ васъ видѣть. (Максу) Ну, а вы, любезный Штрэлеръ, остаетесь? Вы могли бы мнѣ кое-въ-чемъ помочь.

Адольтъ. Можешь остаться совершенно спокойно; я найду дорогу домой одинъ. (Уходятъ. Короткое молчаніе).

Крамптонъ. Прежде всего скажите, любезный Штрэлеръ, каково сидитъ на мнѣ фракъ?

Максъ. Очень хорошо, господинъ профессоръ.

Крамптонъ. Не правда ли, превосходно? А теперь прошу васъ попрідержать немного дверь. (Достаётъ бутылку и наливаєтъ). У меня всегда есть запасъ. Мнѣ необходимо имѣть въ домѣ что-нибудь подкрѣпительное для сердца... (Пьетъ). Особенно въ случаяхъ, подобныхъ настоящему. Сегодня, любезный Штрэлеръ, я долженъ собрать и держать крѣпко всѣ мои пять чувствъ. Вы, можетъ-быть, удивляетесь моему возбужденному состоянію? Но вѣдь сегодня для меня нѣкоторымъ образомъ рѣшительный день. Я вамъ позднѣе это при случаѣ объясню. Теперь же скажу вотъ что: если вы вздумаете когда-нибудь жениться... Но, впрочемъ, нѣтъ!—лучше не дѣлайте этого никогда. Это для васъ совершенно не нужно. Дѣло въ томъ, что если на подобный шагъ рѣшается художникъ, то онъ ставитъ на карту все и обыкновенно все теряетъ, начиная съ таланта; теряетъ прежде, чѣмъ успѣешь сосчитать до трехъ. Если, однако, вы захотите жениться во что бы то ни стало, то озаботьтесь сперва, мой дорогой, потуже набить вашъ кошелекъ. (Стучать. Крамптонъ кричитъ) Войдите, войдите!

(Входитъ профессоръ Кирхейзенъ и архитекторъ Миліусъ—оба во фракахъ).

Крамптонъ. Servus, servus, милостивые государи! Его высочество еще не прибылъ? Покорно прошу садитя.

Кирхейзенъ (мужчина съ красивымъ лицомъ, лѣтъ пятидесяти. Волосы рѣдкіе, причесанные на манеръ художниковъ. Борода à la Барбаросса. Кажется возбужденнымъ и говоритъ, нервно смѣясь).

Хи-хи! У меня сегодня по всему тѣлу ходять мурашки. Хи-хи! Видитъ Богъ, коллега Крамптонъ, я не могу даже спокойно сидѣть.

Миліусъ (толстый человекъ лѣтъ тридцати трехъ. Страдаетъ одышкой, вслѣдствіе чего говорить короткими фразами, со смѣхомъ). Кажется, почтенный нашъ директоръ отъ усерднаго служенія искусству совсѣмъ измочалился. Сейчасъ обѣжалъ въ избыткѣ рвенія съ лѣстницы и, растянувшись на бѣгу, расквасилъ себѣ носъ. Жена педеля занята подмываньемъ на полу пятень крови.

Кирхейзенъ (смѣясь). О, Господи, вотъ такъ несчастіе! Хи-хи! Ну чтѣ, если кровь закаплетъ у него изъ носу передъ герцогомъ! А она каплетъ, до сихъ поръ каплетъ, навѣрно! (Всѣ смѣются).

Крамптонъ (серьезнымъ тономъ). Исторію о Раухѣ вы, конечно, слышали. У него въ мастерской накапало чѣмъ-то на мраморный бюстъ. Чѣмъ? Вы поймете, если я скажу вамъ, что художникъ поношалъ передъ тѣмъ табаку. Знаете, какъ онъ затѣмъ поступилъ? Искусство, конечно, прежде всего; потому попортить бюстъ нельзя было ни въ какомъ случаѣ. Онъ взялъ да и слизалъ оставшіяся капли языкомъ. (Кирхейзенъ и Миліусъ прыскаютъ со смѣха). Что-жъ такое? Я нахожу это совершенно естественнымъ. (Предлагаетъ всѣмъ папирсы). Добудьте, любезный Штрэлеръ, огня. (Профессора съ удивленіемъ замѣчаютъ присутствіе Штрэлера). Это мой приватный ученикъ. Въ моей собственной мастерской вѣдь я полный хозяинъ. Я рѣшилъ наконецъ серьезнымъ образомъ показать директору зубы. Я не хочу выпускать изъ своихъ рукъ истинныхъ талантовъ. Намъ, господа, необходимо крѣпко сплотиться. Передовые элементы должны непременно дѣйствовать въ согласіи. Знаете ли, какая у меня въ головѣ идея? Мы должны образовать клубъ святаго Луки. Товарищъ Вейнгертнеръ, Миліусъ, ты, Кирхейзенъ, и я. Для начала будетъ довольно. Крѣпко соединясь, мы легко внушимъ къ себѣ уваженіе враждебной намъ партіи, всѣхъ этихъ Мюллеровъ, Шульце, Краузе, Нагелей, — словомъ, всѣхъ самозванныхъ знаменитостей, громко каркающихъ, какъ вороны, о своей славѣ. Этимъ средствомъ мы внесемъ наконецъ въ это гнѣздо хоть сколько-нибудь жизни и свѣжаго воздуха, и если настойчиво захотимъ, то превратимъ нашъ городъ, можетъ — быть, въ центръ искусствъ перваго разряда. Знаете ли вы, что мнѣ приходится мысль переговорить объ этомъ серьезно съ герцогомъ?

Миліусъ (кладя Крамптону на плечо руку). Послушайте, профессоръ: герцогъ, вѣроятно, прибудетъ еще не скоро, а между тѣмъ человекъ—вы знаете какой—мною приведенъ и дожидается на улицѣ. Ему бы очень хотѣлось взглянуть на вывѣску. Можетъ войти?

Крамптонъ (тихимъ голосомъ). Можетъ, любезный Миліусъ, можетъ: она стоитъ тамъ.

Миліусъ (кричитъ въ дверь). Господинъ Фейстъ! Господинъ Фейстъ! Прошу, войдите.

(Входитъ Фейстъ. Съ виду богатый трактирщикъ. Ходитъ съ припрыжкой походкой кельнеровъ).

Фейстъ. Къ вашимъ услугамъ! Къ вашимъ услугамъ.

Миліусъ (представляя ихъ другъ другу). Профессоръ Крамптонъ! Господинъ Фейстъ!

(Крамптонъ, едва обращая на Фейста вниманіе, свертываетъ папироску. Миліусъ нервничаетъ и конфузится, Фейстъ еще болѣе. Миліусъ подводитъ его къ вывѣскѣ и отдергиваетъ покрывающую ее занавѣску. Крамптонъ въ это время тихо, съ веселымъ видомъ разговариваетъ съ Кирхейзеномъ).

Миліусъ (Фейсту). Ну, что-жъ? Нравится?

Фейстъ (съ видомъ знатока). Да... оно, конечно, хорошо, но я представляю себѣ нѣсколько иначе. Вотъ тутъ, я думаю, будетъ посаженъ толстый Гамбринусъ, а тутъ изображена большая кружка, изъ которой пѣна ползетъ черезъ край. А вотъ здѣсь слѣдовало бы подрисовать нѣсколько маленькихъ ангеловъ, которые, играя, перебрасываются бутылками.

Крамптонъ (профессорамъ). Вотъ такъ субъектецъ для комедіи!.. (Вдругъ всплывъ до ярости) Ну, если вы такъ хорошо знаете, какъ слѣдуетъ писать вывѣски, такъ малойте ихъ впередъ сами! Сваливать эту обузу на другихъ людей незначѣмъ. Это безстыдство! Безстыдство неслыханное!..

Миліусъ. Коллега, коллега! Вѣдь онъ не сдѣлалъ ничего такого, что могло дать вамъ право...

Крамптонъ. Это мнѣ все равно! Рѣшительно все равно, я все-таки зову такой поступокъ безстыдствомъ! Я художникъ, а не касильщикъ!

Фейстъ (пятясь). О, прошу!.. прошу... Имѣю честь кланяться...

Миліусъ (слѣдуя за нимъ). Повѣрьте, господинъ Фейстъ... мнѣ очень жаль... (Оба уходятъ).

Крамптонъ. Скажите, господа, что этотъ архитекторъ о себѣ вообразилъ? Вздумалъ садить мнѣ на плечи своихъ подрядчиковъ! Вообразилъ...

(Янецкій въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ вязаныхъ перчаткахъ, въ высшей степени взволнованный, выглядываетъ изъ дверей).

Янецкій. Господинъ профессоръ, господинъ профессоръ! Герцогъ въ скулытурномъ классѣ.

Кирхейзенъ. Какъ?.. Что? Янецкій! (Быстро вскакиваетъ и убѣгаетъ).

Крампитонъ (кричитъ въ дверь актовъ залы). Герцогъ приѣхалъ!..

(Входитъ Гертруда, блѣдная и заплаканная).

Крампитонъ. Гертруда! Герцогъ можетъ явиться каждую минуту! Онъ уже внизу у Кирхейзена! Останься здѣсь. дитя мое, и успокойся. Я представлю тебя его высочеству. Васъ, Штрэлеръ, представлю также, если только подойдетъ случай. Почему же не сдѣлать этого? Наружность ваша благоприлична! Дайте мнѣ, дѣтки, руки. (Дрожитъ отъ волненія). До этой минуты я былъ крайне возбужденъ, а теперь спокоенъ. Со мной вѣдь всегда такъ бываетъ. Чѣмъ ближе какой-нибудь торжественный моментъ, тѣмъ спокойнѣе я себя чувствую. (Потираетъ руки). Очень, очень радъ я, дѣтки, вновь повидаться со старымъ знакомымъ! (Кричитъ въ дверь залы) Войдите, господа! Мнѣ надо сказать вамъ нѣсколько словъ. (Въ комнату бурно врываются человекъ двадцать учениковъ въ возрастѣ отъ восемнадцати до тридцати лѣтъ). Объявляю вамъ, господа, что его высочество герцогъ Фрицъ-Августъ соблаговолилъ почтить меня своимъ посѣщеніемъ. Этотъ знакъ вниманія отношу я не къ одному себѣ, но ко всему моему классу. Позволяю себѣ надѣяться, что изъ васъ не найдется никого, кто не оцѣнитъ достойно эту честь. Очень можетъ быть, что при благопріятной минутѣ я попрошу васъ прокричать его высочеству «ура». Потому, если въ числѣ присутствующихъ найдутся лица, съ чьими убѣжденіями «ура» въ честь его высочества не согласуется, то прошу такихъ лучше теперь же молча покинуть это помѣщеніе. Замѣйте себѣ это хорошенько.

Ученики (говорятъ наперерывъ). Конечно, господинъ профессоръ! Конечно! (Шумя, смѣясь и порекидываясь шутками, вся толпа возвращается въ актовую залу).

Крампитонъ (бѣжитъ за учениками вслѣдъ и кричитъ въ дверь). Господа! Господа! Пойдите! Еще одинъ важный пунктъ! Еще одинъ пунктъ! (Уходитъ въ актовую залу).

Гертруда (въ отчаяніи до судорогъ, едва говорить). Штрэлеръ! Штрэлеръ! Это ужасно!.. Отецъ ничего не предчувствуетъ!.. Ужасно! Онъ не переживетъ! Этому нѣтъ имени!..

Максъ. Что такое, дорогая? Что случилось?

ГЕРТРУДА. Штрелеръ! Я знаю, вы любите папашу. Умоляю васъ, возьмитесь осторожно за это дѣло вы! При немъ вѣдь нѣтъ никого! (Ломаетъ въ отчаяніи руки).

Максъ. Даю вамъ честное слово!.. Но могу ли я прежде узнать, въ чемъ дѣло?

ГЕРТРУДА. Стыдь! Позоръ! Вотъ что самое худшее! Сегодня утромъ мамаша получила письмо, — письмо отъ директора, въ которомъ онъ пишетъ, что, по всей вѣроятности, завтра папаша будетъ отрѣшенъ отъ должности, и потому онъ совѣтуетъ его къ этому извѣстію осторожно приготовить. Но мамаша уѣхала! Оставаться ей было негдѣ. У насъ сегодня все опечатано! На все наложено запрещение по иску домовладѣльца. Директоръ пишетъ, что сегодня или завтра сдѣлаютъ то же самое съ папашиними вещами и здѣсь! Папочка останется нищимъ! бѣднымъ, безпомощнымъ нищимъ!.. (Рыдаетъ).

Максъ (глубоко потрясенный). Не видите ли вы все въ слишкомъ черномъ цвѣтѣ?

(Входитъ Янецкій).

Янецкій. Гдѣ есть господинъ профессоръ?

Крамptonъ (возвращаясь). Здѣсь, Янецкій, здѣсь. Скажи, куда дѣвался герцогъ?

Янецкій (сквозъ зубы). Герцогъ, господинъ профессоръ? Герцогъ уѣхалъ.

Крамptonъ. Что вы мнѣ городите? Герцогъ только-что пріѣхалъ.

Янецкій. Ну да, пріѣхалъ, посѣтилъ профессора Кирхейзена и затѣмъ уѣхалъ.

ГЕРТРУДА (быстро подбѣжавъ, обнимаетъ пораженнаго какъ громомъ Крамptonа). Папочка! Милый папочка! Умоляю, не принимай этого такъ близко къ сердцу!..

Крамptonъ. Оставь, дитя мое, оставь!.. Что-жъ послѣ этого принимать къ сердцу? (Вдругъ впадая въ ярость) Но, однако, что-жъ это?.. Какъ?.. Уѣхалъ, не посѣтивъ меня!.. Уѣхалъ! Да развѣ я собака? Паршивая собака? Какъ же это?.. (Хочетъ дикимъ голосомъ).

ГЕРТРУДА (продолжая его обнимать, говорить тономъ, въ которомъ слышится предчувствіе бѣды). Папочка, милый папочка!

Крамptonъ. Ахъ, оставь меня въ покоѣ! Это заговоръ! Это дѣло моихъ враговъ и завистниковъ! Меня оклеветали, но я еще не такъ глупъ, не такъ глупъ!.. Я знаю, кто очернилъ меня въ глазахъ герцога. Знаю, знаю! Ну, пусть, ну, пусть! Отомстить врагу я сумѣю! Въ мои руки онъ попа-

дети! Будь спокойна—онъ обо мнѣ услышитъ! (Толпа учениковъ входитъ изъ актовъ залы). Что вамъ надо?.. Развѣ ваше мѣсто здѣсь? Кто хочетъ войти, долженъ постучать.

Одинъ изъ учениковъ. Мы стучали, да никто насъ не слышалъ.

Крамptonъ. Нѣтъ отвѣта на стукъ, такъ оставайтесь за дверью! Я здѣсь еще хозяинъ! Комната моя, мастерская моя! Поняли? Кого захочу, того вышвырну! Могъ бы сейчасъ вышвырнуть Янецкаго! Но пока этого еще не сдѣлаю!.. Чего вамъ отъ меня надо?..

Другой ученикъ. Мы хотѣли только узнать, пожалуетъ ли герцогъ?

Крамptonъ. Какое дѣло мнѣ до герцога?.. Какое дѣло вамъ?..

Тотъ же ученикъ. Пробыло пять часовъ, и намъ хотѣлось бы отправиться домой.

Крамptonъ. Захотѣлось, такъ и убирайтесь. Чего вы ждете? (Ученики уходятъ).

Крамptonъ (не глядя на Янецкаго). Чего этотъ негодяй скалитъ зубы? Очень желалъ бы я, чтобъ онъ убрался прочь! (Попрежнему, не глядя на Янецкаго, хватая въ руки, не владѣя собой отъ бѣшенства, бронзовую статуэтку). А не уберется, такъ увидитъ, что будетъ! (Янецкій убѣгаетъ). Вонъ эту сволочь!.. Узнаете вы меня, подлая шайка! (Штрэлеру и Гертрудѣ) Ну, полноте, полноте! Придите въ себя. Идемте! (Указывая на полученное письмо). А эта тряпка пусть валяется тутъ. Я знаю, что въ ней сказано! Отрекаюсь, отрекаюсь! Уйду добровольно, самъ! (Дѣлаетъ видъ, что хочетъ уйти, но вдругъ, точно подкошенный, падаетъ ничкомъ на диванъ, рыдая, какъ ребенокъ).

ГЕРТУДА (рыдая также, бросается предъ упавшимъ старикомъ на колѣни). Папочка, родной, милый папочка!.. Бѣдный мой папочка!..

Максъ. Несчастный, несчастный!.. Господинъ профессоръ! Фрейлейнъ Гертуда! Сбереите силы! Боритесь съ обстоятельствами! Вспомните, профессоръ, ваши собственные слова; грудь впередъ, голову вверхъ! И если самъ чортъ съ своей бабушкой встанутъ поперекъ дороги, то... вы это все мнѣ говорили...

Крамptonъ (сидя на диванѣ, совершенно изнеможенный, говорить слабымъ голосомъ). Милыя дѣтки! Дорогой мой другъ, милый Штрэлеръ! Я знаю, что вы мнѣ другъ, и сознаться въ этомъ не боюсь ни предъ кѣмъ. Но это не поможетъ.

Все слишком скверно сложилось около меня! Сложилось отвратительно! Тотъ, кто лишить меня теперь жизни, сдѣлаетъ мнѣ этимъ добро! Но вѣдь не похоже на то, чтобъ на это рѣшились, добрый другъ, вы! Тебѣ-жъ, Гертруда, вотъ какое сдѣлаю я признаніе: если кто-нибудь скажетъ тебѣ — «чти отца твоего и мать», то знай, что отецъ твой этого не заслужилъ! Отецъ твой всѣхъ васъ привелъ вмѣстѣ съ собой на край пропасти!..

ГЕРТРУДА. Ты не долженъ говорить этого, папочка! Не долженъ такъ отчаянно смотрѣть на будущее, ты долженъ собраться съ духомъ, долженъ...

КРАМПТОНЪ (совершенно подавленный). Все прошло! Все кончено безвозвратно! Какихъ-нибудь полчаса назадъ я еще надѣялся... Я хотѣлъ объяснить герцогу мое положеніе! Не нищенствовать собирался я предъ нимъ!.. Я надѣялся только, что онъ... Ну, хоть картину, или что-нибудь... О, дѣтки, дѣтки! Кончимте объ этомъ разговоръ! (Входитъ Лёфлеръ). А! это ты, Лёфлеръ! Здравствуй, любезный другъ. Мы уйдемъ вмѣстѣ, непременно вмѣстѣ!

ГЕРТРУДА (обнимаетъ его съ выраженіемъ ужаса). Папочка, папочка! Куда же собираешься ты идти? Возьми меня съ собой! Я не отойду отъ тебя ни шагу.

КРАМПТОНЪ. Домой, домой! Ступай домой!

ГЕРТРУДА. Да вѣдь мамаша уѣхала, и сестры также.

КРАМПТОНЪ. Ступай за ними и ты! Для чего тебѣ здѣсь оставаться? Подай мнѣ, Лёфлеръ, плащъ, шляпу и галстукъ. (Продолжаетъ, пока Лёфлеръ окутываетъ его плащомъ). Ха-ха! Такъ мамаша изъ этого дѣла выпуталась! Хорошо утѣшилась! О, женщины, женщины! Seriously говорю тебѣ, Гертруда, ты должна послѣдовать за мамашей. (Штрэлеру) А къ вамъ, Штрэлеръ, моя послѣдняя просьба — первая и послѣдняя. Родители моей жены люди богатые. Они изъ тюрингенскихъ дворянъ. Дочь моя должна отправиться къ нимъ, — если же ей на эту поѣздку не хватитъ денегъ... то... (Крѣпко схватываетъ за руку Штрэлера, въ чьихъ глазахъ выражается обязательная готовность все исполнить). Я вашъ должникъ!.. Ну, теперь прощай, дитя мое! Живи хорошо съ своей мамашей. Старайся подладиться къ высокоблагороднымъ милостямъ твоихъ дѣдушки и бабушки. У тебя будетъ по крайней мѣрѣ кусокъ хлѣба.

ГЕРТРУДА (обнимаетъ его, рыдая). Папочка!.. Я не могу...

КРАМПТОНЪ (тихо освобождаясь изъ ея рукъ). Э, ничего! Все забудется, все перемелется!.. Прощайте! прощайте! (Сла-

быми шагами направляется къ двери, слегка размахивая руками и взявъ Лёфлера под руку).

ГЕРТРУДА. Папочка! Я иду съ тобой...

КРАМПТОНЪ (въ ярости топаетъ ногой). Ты хочешь пройти сквозь строй позора?.. (Уходитъ съ Лёфлеромъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Пріемная комната владѣльца фабрики Адольфа Штрэлера. Мягкая, уютная, оригинальная обстановка. Комната четырехугольная съ большимъ, широкимъ, полукруглымъ сверху окномъ налѣво. На задней стѣнѣ дверь, на правой также. Стѣны до высоты человѣческаго роста обшиты деревомъ. По верхней части этой обшивки тянется кругомъ длинная узкая полка, на которой разставлено собраніе разныхъ рѣдкостей, череповъ, маленькихъ звѣриныхъ чучель, кристалловъ, рѣдкихъ камней, коралловъ, раковинъ, бездѣлушекъ, деревянныхъ и фарфоровыхъ шкатулокъ съ рѣзбой, интересныхъ чашекъ изъ красной глины, старинныхъ пивныхъ кружекъ, сосудовъ изъ нильскаго ила. Большинство предметовъ обличаетъ, что все это пріобрѣтено во время путешествій, какъ воспоминанія. Верхняя часть стѣнъ надъ деревянной обшивкой покрыта бѣлой штукатуркой. Потолокъ также бѣлый, но безъ всякой живописи и лѣпныхъ украшеній. Посрединѣ укрѣплено чучело аиста съ распушенными крыльями. Налѣво поставленъ по діагонали старинный, съ вытравленными орнаментами, шкафъ въ стилѣ рококо. На немъ самая обыкновенная фигура рождественскаго старика съ елкой, какихъ можно за бездѣлицу купить на каждой оконной выставкѣ. У стѣны направо обитая темной кожей софа. Надъ ней, настолько низко, что лежащій можетъ доставать рукой, подвѣшена полка съ гнѣздами для пяти или шести большихъ чубуковъ и съ множествомъ длинныхъ глиняныхъ трубокъ. Тутъ же кисты съ табакомъ и всевозможныя другія курительныя принадлежности. На правой сторонѣ, передъ угольной скамейкой темнаго моренаго дерева, стоитъ такой же, украшенный прекрасной рѣзбой, большой столъ въ стилѣ деревенской мебели. Надъ скамейкой, на обшитой деревомъ части стѣны повѣшена дубовая этажерка съ изящными рѣзными бездѣлушками. Огромное, обитое кожей, вольтеровское кресло стариннаго стиля придвинуто къ окну. Большой письменный столъ заваленъ книгами, разставленными въ полномъ порядкѣ. На немъ же разложены торговыя, купеческія книги и прочія конторскія принадлежности. Вообще вся обстановка обнаруживаетъ хорошей вкусъ, оригинальность взглядовъ, а также особенную склонность хозяина собирать около себя вещи, хотя и въ большомъ числѣ, но выбранныя и пріобрѣтенныя отдѣльно. Возлѣ двери на стѣнѣ телефонный аппаратъ. Полъ устланъ ковромъ.

Адольфъ входитъ черезъ открытую среднюю дверь, за которой открывается анфилада комнатъ. Въ послѣдней видна Агнеса Виснеръ, урожденная Штрэлеръ, и горничная, занятая уборкой со стола.

АДОЛЬФЪ (достаётъ съ полки чубукъ, привинчивается къ нему головку и продуваетъ: Кончивъ это, кричить въ дверь). Агнеса, гдѣ же ты?

АГНЕСА (молодая вдова лѣтъ тридцати. На красивомъ лицѣ выражение той просвѣтленности, какая замѣчается у людей, много перенесшихъ въ жизни и смирившихся передъ судьбой. Впечатлѣніе всего ея существа пріятное и тихое. Входитъ быстрыми шагами). Иду, Адольфъ, иду.

АДОЛЬФЪ. Куда-жь ты дѣвала Гертруду?

АГНЕСА. Ей принесъ почтальонъ письмо. Я думаю, отъ тюрингенскихъ родственниковъ. (Зажигаетъ фидибусъ и подаетъ Адольфу).

АДОЛЬФЪ (закуривъ, пыхаетъ дымомъ во всѣ стороны и потому говорить коротко и прерывисто). Хотѣлось бы... Хотѣлось бы мнѣ... узнать... для чего только эти люди огорчаютъ бѣдную дѣвушку? (Продолжая курить, прохаживается по комнатѣ). Ты, Агнеса, скажи ей, что о новомъ переселеніи ея не можетъ быть и рѣчи. Мы просто ее не пустимъ.

АГНЕСА. Я думаю, что вернуться въ Тюрингію у ней самой нѣтъ никакой охоты... Съ матерью, повидимому, она совсѣмъ не ладитъ. Съ сестрами тоже не въ хорошихъ отношеніяхъ, ну, а что до дѣдушки и бабушки, то предъ ними у нея даже какой-то благоговѣйный страхъ.

АДОЛЬФЪ. Ну, въ такомъ случаѣ... А гдѣ, между прочимъ, скрывается Максъ? Юношу не видать совсѣмъ. Онъ не является даже къ обѣду.

АГНЕСА. Онъ приходитъ послѣ четырехъ часовъ, когда ты уже уходишь въ контору.

АДОЛЬФЪ. И все занять своими поисками?

АГНЕСА. Вѣдь ты знаешь, что по этому дѣлу онъ хлопочетъ, не складывая рукъ.

АДОЛЬФЪ. Онъ это дѣло глупо повелъ. Ужасно глупо повелъ. Посуди, Агнеса, сама: цѣлые пять дней ищеть безъ успѣха въ городѣ съ трехсоттысячнымъ населеніемъ человека, настолько всѣмъ извѣстнаго, насколько былъ извѣстенъ профессоръ.

АГНЕСА. Онъ навелъ справки вездѣ, у учениковъ и въ полиціи.

АДОЛЬФЪ. Если онъ не умѣетъ помочь себѣ самъ, такъ къ чорту такіе труды! Но почему же не посоветуется онъ со мной?

АГНЕСА. Этому нечего удивляться. Онъ тебѣ не довѣряетъ. Ты постоянно надъ нимъ насмѣхаешься.

Адольфъ. Хо-хо! Ну, полно, полно.

Агнеса. Нѣтъ, право, такъ, Адольфъ.

Адольфъ. Ты говоришь вздоръ! Вѣдь мы съ нимъ другъ друга знаемъ. Сегодня посмѣюсь надъ нимъ я, а завтра надо мной онъ. Такъ что-жъ сердиться за такія насмѣшки?

Агнеса. Я и не говорю, что онъ сердится, но знаю только, что въ теперешнемъ своемъ настроеніи онъ дѣйствительно ничего не можетъ переносить хладнокровно.

Адольфъ. Въ настроеніи? Хо-хо! Знамъ мы эти настроенія!

Агнеса. Ну, вотъ ты начинаешь опять свои насмѣшки.

Адольфъ. Нѣтъ, скажи мнѣ, Агнеса, серьезно. Замѣчаешь ты что-нибудь? Я кое-что замѣчаю.

Агнеса. Ну, конечно, замѣчаю и я.

Адольфъ. А дальше?..

Агнеса. Дальше? Чтò дальше?

Адольфъ. Вѣдь нашему молодцу, кажется, едва девятнадцать лѣтъ.

Агнеса. Десять исполнилось ему три недѣли тому назадъ.

Адольфъ. Значить, цѣлыхъ три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ ему минуло девятнадцать. Что-жъ ты на это скажешь? Находишь ты его затѣю благоразумной?

Агнеса. О, да, въ достаточной степени.

Адольфъ. «Въ достаточной степени»? Прелестно! Превосходно! «Въ достаточной степени!» А чтò, если-бъ были живы отецъ и мать? Какъ думаешь, чтò бы сказали про это дѣло они?

Агнеса. Они обсудили-бъ дѣло по-своему и поступили-бъ согласно съ тѣмъ, чтò, по ихъ мнѣнію, было-бъ всего лучше для счастья Макса. Совершенно въ этомъ духѣ хочу дѣйствовать и я.

Адольфъ. Значить, по-твоему, бракъ девятнадцатилѣтняго мальчика—поступокъ благоразумный?

Агнеса. Почему же нѣтъ? Это зависитъ отъ обстоятельствъ. Вѣдь и я наслаждалась лучшими минутами моей жизни именно въ этомъ возрастѣ. Смерть Людвига, унесшая съ собой все, чтò меня привязывало къ жизни, сразила меня на двадцать первомъ году.

Адольфъ. Ты совсѣмъ другое дѣло! Совсѣмъ другое!

Агнеса. Если ты иного мнѣнія, такъ дѣйствуй по-своему. Скажи властное слово. Ты опекунъ и сдѣлать это въ правѣ.

А доль фъ. Да! Властное слово, властное слово! А чего достигну я моимъ властнымъ словомъ? Не мастеръ я говорить властныя слова! А сверхъ того вопросъ еще, принесло ли бы это какую-нибудь пользу. (Прикасается пальцами къ своей головѣ и затѣмъ къ головѣ Агнесы). Крѣпкій лобъ, крѣпкій лобъ! И вонъ тамъ тоже крѣпкій лобъ! (При послѣднемъ словѣ указываетъ пальцемъ въ сторону, намекая этимъ на Макса). Мы, Штралеры, крѣпколобы всѣ! (Продолжаетъ съ комическимъ наеосомъ) Но за это можемъ нашими крѣпкими лбами пробить каменную стѣну! Случается, конечно, при этомъ раскрасить лобъ всѣми цвѣтами радуги. Но это ничего! Пускай! Бѣды въ томъ нѣтъ. Если Максъ даже на что-нибудь наткнется, то тревожить изъ-за этого мой покой я не намѣренъ. Заварилъ кашу, такъ пусть самъ и расхлебываетъ. Трудить для него мои мозги я не стану. (Агнеса смѣется). Да, да, трудить мозги ради того, что въ головѣ парня завелись блохи, и онъ несетъ несуразую дичь. Этакій юнецъ и лѣзетъ въ бракъ! Какъ бы не забраковалъ себя совсѣмъ! (Идетъ направо. Во второй комнатѣ показывается Гертруда).

Агнеса. Фрейлейнъ Гертруда! Я здѣсь.

Гертруда (входя). А, вотъ вы гдѣ.

Агнеса. Хорошія вѣсти?

Гертруда. Ахъ! Совсѣмъ... (Останавливается; на глазахъ ея выступаютъ слезы).

Агнеса (нѣжно, по-матерински ее обнимаетъ). Только не плакать, только не плакать! Все пройдетъ, все будетъ попрежнему хорошо.

Гертруда. Папаша съ мамашей разводятся! Она не будетъ въ правѣ носить даже его имя. А я должна вернуться къ ней. Такъ хочетъ дѣдушка.

Агнеса. Объ этомъ не стѣдуетъ говорить. Принудить васъ къ этому силой не можетъ никто.

Гертруда. Я не хочу! Не хочу! Мнѣ претитъ ѣсть кусокъ хлѣба, который они бросаютъ мнѣ изъ милости! Я не могу слышать, какъ они обвиняютъ во всемъ моего дорогого папочку! Грѣхи есть вѣдь и за мамашей! Она была всегда съ нимъ жестока и безсердечна! Если дѣдушка пріѣдетъ замной даже самъ, я все равно не поѣду съ нимъ и въ этомъ случаѣ. Я не могу, не могу!.. Папочка одинокъ, возлѣ него нѣтъ ни души! О мамашѣ и сестрахъ заботятся всѣ. Я останусь съ папочкой. Я принадлежу ему!

Агнеса. Развѣ дѣдушка хочетъ пріѣхать за вами самъ?

Гертруда. Въ письмѣ сказано, что онъ отправился пу-

тешествовать и навѣрно проѣдетъ черезъ Силезію. Ахъ, милая, милая госпожа Агнеса! Умоляю васъ, не отпускайте меня! Я вѣдь ужъ не дитя и знаю, что дѣлаю. Разъ они меня увезутъ, — возврата мнѣ ужъ не будетъ. Я прошу у васъ пріюта всего на какіе-нибудь два-три дня! До того, словомъ, дня, когда я найду моего несчастнаго папочку! Затѣмъ я останусь съ нимъ навсегда!.. Пріютите меня только до того дня! до того дня!..

АГНЕСА. Что это вы говорите, милая Гертрудочка! Вы у насъ и у насъ останетесь. Скажу болѣе: если вы захотите даже сами насъ покинуть, то еще вопросъ, отпустимъ ли васъ мы.

ГЕРТРУДА (горячо ее обнимая). О! ты мой лучший, вѣрный другъ!..

АГНЕСА. На ты?—вотъ это хорошо! (Крѣпко жметъ ей руку).

ГЕРТРУДА (покрывая руку Агнесы поцѣлуями). Милая, дорогая! (Небольшое молчаніе. Возвращается Адольфъ).

АДОЛЬФЪ. Скажи мнѣ, пожалуйста, Агнеса, какая причина, что, когда я застаю васъ вдвоемъ съ фрейлейнъ Гертрудой, она всегда дѣлаетъ печальное личико? (Агнесѣ) А ты тоже хороша! Вмѣсто того, чтобъ стараться ее развлечь, ты что дѣлаешь? Усаживаешься за фортеціано и начинаешь пѣть. (Поетъ комическимъ тономъ)

Не знаю, право, я,
Что можетъ это зна-а-а-чить!

Полноте, милая фрейлейнъ Гертруда! Дѣло, право, не стоитъ такихъ безпокойствъ! Повѣрьте мнѣ, что родитель вашъ такъ же здоровъ и бодръ, какъ мы съ вами. Пойдемте-ка лучше да сыграемте партійку въ шахматы. Не желаете? Напрасно! Развлекаться необходимо. Хотите, я покажу и объясню вамъ мой музей?

АГНЕСА. Ахъ, перестань, Адольфъ! Ты фрейлейнъ Гертрудѣ надоѣдаешь.

АДОЛЬФЪ (видя, что Гертруда отрицательно качаетъ головой). Прости меня Господь! Вотъ-то сказала! Я надоѣдаю фрейлейнъ Гертрудѣ! Скажите, милая фрейлейнъ, какъ и чѣмъ я вамъ надоѣдаю?

АГНЕСА. Понятно, что она тебѣ этого не скажетъ.

АДОЛЬФЪ. О, глупая, глупая головушка! Не правда ли, фрейлейнъ, что у моей сестрицы очень глупая головушка? Чуть вздумаю я дать вамъ совѣтъ больше кушать, чтобъ пополнѣть—сейчасъ является: «ахъ, перестань!». Скажу ли, что вамъ надо быть больше на воздухѣ, чтобъ подрумянить

ваши щечки—«ахъ, перестаны!»—тутъ какъ тутъ. Выводить людей изъ печальнаго настроенія надо силой! Гнать кислыя мысли слѣдуетъ во что бы то ни стало, потому что такія мысли бесполезны. Пойдемте, фрейлейнъ! Прописываю вамъ часъ занятія карикатурами. Вотъ альбомъ Оберлендера. Смотрите: рынокъ звѣрей въ Тимбукту. Видите этихъ черномазыхъ продавцовъ скота? А вотъ жирафъ вытуживаетъ направо и налево свою шею. (Комически представляетъ жирафа).

Агнеса. Да полно-жъ, Адольфъ.

Адольфъ. Чтò полно? Чтò ты находишь дурнаго въ томъ, что я немножко передразню жирафа? Рѣшительно сестрица моя слишкомъ степенная женщина! Представьте, фрейлейнъ Гертруда, что отъ благоговѣйнаго страха передъ ея степенностью у меня дѣлается иной разъ сильнѣйшій припадокъ астмы! (У входа звонятъ). Кто тамъ? (Уходитъ направо, чтобъ отворить наружную дверь, и тотчасъ возвращается). Агнеса, ты будешь такъ добра... Это мой товарищъ по дѣламъ. Очень скучная личность, фрейлейнъ Гертруда. (Агнеса и Гертруда уходятъ въ среднюю дверь, которую Адольфъ заботливо за ними запираетъ. Затѣмъ возвращается къ лѣвой двери и говоритъ въ нее) Прощу, войдите. (Входитъ Лефлеръ).

Лефлеръ. Добраго здоровья.

Адольфъ. Вы хотите говорить съ моимъ братомъ?

Лефлеръ (мнетъ въ рукахъ шапку). Наперво хотѣлось бы сказать словечко вамъ.

Адольфъ. Не зоветесь ли вы Лефлеромъ?

Лефлеръ. Такъ точно,—зовусь Лефлеромъ.

Адольфъ. Вы, кажется, служили раньше въ мастерской профессора Крамптона.

Лефлеръ. Вѣрно.

Адольфъ. Такъ скажите мнѣ, гдѣ скрывается профессоръ теперь?

Лефлеръ. Объ этомъ-то мнѣ и хотѣлось поговорить съ господиномъ Штралеромъ.

Адольфъ. А, вотъ чтò!.. Но моего брата нѣтъ теперь дома, и потому вамъ придется обождать. Зажгите пока эту сигарочку да покурите на свободѣ. Усаживайтесь вотъ сюда... Садитесь, садитесь! А теперь встрясите ваши вѣсти. Скажите, гдѣ скрывается профессоръ?

Лефлеръ (чешетъ въ затылкѣ). Да... видите ли, я не знаю, имѣю ли право сказать...

Адольфъ. Надѣюсь, во всякомъ случаѣ, что онъ не прыгнулъ въ воду?

Лефлеръ (попрежнему нерѣшительно). Нѣтъ, нѣтъ! До того не дошло. Да и не таковъ человѣкъ, чтобъ на этакое дѣло пойти. Онъ вѣдь очень ужъ ученъ и потому такой штуки не выкинетъ. А главное... и вода...

Адольфъ. Ну, конечно, вода!.. (Смѣется). Понимаю: воды онъ не любитъ.

Лефлеръ. Нѣтъ, я правду говорю. До того не дошло, потому человѣкъ! Нѣтъ, нѣтъ, очень онъ благовоспитанъ. Кабы съ его-то умомъ да захотѣлъ онъ заняться! Будъ такая голова у меня...

Адольфъ. Значить, во всякомъ случаѣ онъ живъ и, можно надѣяться, здоровъ?

Лефлеръ. Ну, конечно, живъ.

Адольфъ. Натурально. А гдѣ же онъ живетъ?

Лефлеръ. Гдѣ живетъ? Ну, вотъ этого-то я и не могу вамъ сказать! На это у меня свои причины! Нѣтъ, нѣтъ, нельзя.

Адольфъ. Такъ чего же вамъ надо отъ моего брата?

Лефлеръ. Отъ брата-то? Ну, тотъ профессора знаетъ! Съ нимъ объ этомъ дѣлѣ можно поговорить по душѣ. Этотъ грѣхъ я на свою душу беру. Потому видите, если кто услышитъ то, чтѣ я скажу, такъ у того человѣка сердце поворотится.

Адольфъ. Значить, профессору живется нѣ очень сладко?

Лефлеръ (трогнутый). Нѣтъ, нѣтъ!—очень несладко.

Адольфъ. Ну, такъ послушайте, чтѣ я вамъ скажу. Вы можете довѣриться мнѣ вполне. Я готовъ сдѣлать для профессора все, чтѣ только въ моихъ силахъ.

Лефлеръ. Да нѣтъ, я все-таки поговорилъ бы лучше съ вашимъ братцемъ. На дорогу-то отвозилъ маленькую вѣдь я.

Адольфъ. Какую маленькую?

Лефлеръ. Какую! понятно, младшую дочку профессора.

Адольфъ. А! фрейлейнъ Гертруду. Конечно, конечно.

Лефлеръ. Вотъ объ ней-то я и хотѣлъ его поразспросить. Она, господинъ Штрэлеръ, здѣсь вѣдь въ городѣ! Я недавно встрѣтилъ ее на улицѣ.

Адольфъ. И вы съ ней говорили?

Лефлеръ. Нѣтъ, несподручно было.

Адольфъ. Несподручно? Почему?

Лефлеръ. Она стала бы меня разспрашивать о папашѣ.

Адольфъ. Очень понятно. Но что-жъ изъ этого?

Лефлеръ. Вотъ тутъ-то мнѣ и нельзя было прогово-

риться. Это пойметъ всякій, кто увидитъ нору, въ какую закопался старикъ. Въ такія мѣста молодой дѣвушкѣ ходить не слѣдъ. А во-вторыхъ, если я даже ее къ нему приведу, такъ меня морозъ подираетъ по кожѣ, какъ подумаю, какую онъ можетъ выкинуть штуку. Вѣдь краше маленькой Гертруды для него нѣтъ ничего на свѣтѣ, и потому, если я скажу ему, что она здѣсь, такъ можетъ выйти бѣда, какую и не разведешь. Посыплются разспросы: «Гдѣ она? чтó она?» Старикъ сойдетъ съ ума. (Встаетъ). У него вѣдь здѣсь нѣтъ ни родныхъ ни друзей. Онъ своихъ тестя съ тещей хоть и ругаетъ, но все-таки спокоенъ тѣмъ, что Гертрудѣ живеть у нихъ. А чужіе!.. Чужіе люди для него то же, чтó для быка красный платокъ.

Адольфъ. Вотъ вамъ кое-что на дорогу.

Лефлеръ. Премного благодаренъ.

Адольфъ. А теперь слушайте внимательно: въ шесть часовъ придите на почту и ждите отъ главнаго входа направо. Туда пришло я для свиданья съ вами моего брата. Онъ, я думаю, о фрейлейнъ Гертрудѣ кое-что знаетъ. (Звонокъ у входной двери). Пойдите, пойдите на минутку. (Запираетъ лѣвую дверь на задвижку и прислушивается. Слышно, какъ отворяютъ и запираютъ входную дверь. Кто-то проходитъ за сценой въ заднюю комнату. Адольфъ, услыша шумъ отворенной двери въ задней комнатѣ, быстро отворяетъ свою дверь и дѣлаетъ знакъ Лефлеру уйти, говоря) Такъ сегодня въ шесть. (Провожаетъ Лефлера и выпускаетъ его черезъ входную дверь; затѣмъ, возвратясь, беретъ и раскуриваетъ снова трубку, которую, взволнованный разговоромъ, отложилъ въ сторону. Въ эту минуту входитъ Максъ съ двумя пакетами какихъ-то вещей въ рукахъ и останавливается на срединѣ комнаты).

Адольфъ (со скрытымъ удовольствіемъ въ голосѣ). Живъ, цѣлъ и невредимъ?

Максъ. Кто живъ? Кто невредимъ? Профессоръ?

Адольфъ (притворно-изумленнымъ тономъ, какъ бы его не поппмал). Какой-такой профессоръ? А, да! Твой профессоръ Краптонъ? Ну, тотъ долженъ быть недалеко.

Максъ (положивъ пакеты на столъ, говоритъ со вздохомъ). Кто знаетъ, кто знаетъ!

Адольфъ (продолжая курить, растягивается на диванѣ и беретъ въ руки газету). Чтó это ты притащилъ?

Максъ (развертывая пакеты). Это? Такъ—бездѣлка. Пара бронзовыхъ статуэтокъ.

Адольфъ. Для чего же онѣ, милый юноша, предназначаются?

Максъ. Для чего? Для моего собственнаго удовольствія.

Адольтъ. Порядочно дорогое удовольствіе!

Максъ. Почему дорогое? (Короткое молчаніе).

Адольтъ. Послушай!.. Вѣдь дѣло тутъ ясно. Пару совершенно такихъ же статуэтокъ видѣлъ я въ мастерской профессора. Такъ или нѣтъ?

Максъ. Кажется.

Адольтъ. Кажется и мнѣ. (Короткое молчаніе).

Максъ. Объясни мнѣ однако, Адольтъ, что значать такіе допросы? Думаю, что я имѣю право приобрести пару бронзовыхъ бездѣлушекъ.

Адольтъ. Ну, это само собой. Но мнѣ только подумалось... Покупать ты можешь, конечно, все, что тебѣ угодно, противъ этого я не скажу ни слова. Но я вспомнилъ, что вчера я случайно взглянулъ въ конторѣ на твой текущій счетъ.

Максъ. Вѣдь я устраиваю себѣ мастерскую. Ты самъ твердилъ мнѣ объ этомъ дѣлѣ не днями, а годами, и ничего не имѣлъ противъ.

Адольтъ. О, нѣтъ! Противъ того, что было говорено, я ни слова. Но мнѣ кажется немного страннымъ и довольно безтактнымъ, что ты... Ну, да что тутъ молчать! — скажу прямо, что ты скупаешь всѣ вещи, какія были въ мастерской профессора.

Максъ (краснѣя). Откуда ты это узналъ?

Адольтъ. Слухомъ земля полнится. (Короткое молчаніе). Кое-что узнать, милый мой юноша, нетрудно. Поговоримъ серьезно: скажи мнѣ, какую ты собственно роль намѣренъ играть во всей этой исторіи?

Максъ (недовѣрчиво на него смотря). Въ какой исторіи?

Адольтъ. Исторія здѣсь одна.

Максъ. Я не знаю никакой.

Адольтъ. Однако я надѣюсь, что дѣло поставлено тобой на практическую почву?

Максъ. Ахъ, эти исторіи, эти практическія дѣла! Не знаю я никакихъ практическихъ дѣлъ!

Адольтъ. Можетъ-быть, я долженъ выразиться прямѣй, назвавъ это дѣло—дѣломъ спасенія; или тебѣ, можетъ-быть, пріятнѣй будетъ, если я назову его дѣломъ любви?.. Выражаясь общимъ именемъ, скажу: дѣло Крампгона!

Максъ. Я давно замѣчалъ, что ты не можешь говорить объ этомъ вопросѣ иначе, какъ съ презрѣніемъ и насмѣшкой.

Адольтъ. Почему же съ презрѣніемъ? Хотѣлось бы мнѣ

это узнать. Я просто желаю, чтобъ ты ясно сознавалъ, что затѣваешь. Ты нанялъ себѣ квартиру въ три тысячи марокъ.

Максъ. При двухъ мастерскихъ это недорого.

Адольфъ. Прекрасно. Пойдемъ дальше. Значить, ты намѣренъ жить вмѣстѣ съ благороднымъ страдальцемъ?

Максъ. Съ благороднымъ страдальцемъ? Это кто благородный страдалецъ?

Адольфъ. Оставимъ, милый юноша, подробности и поговоримъ о главномъ. Главное же заключается въ томъ, что ты намѣренъ его спасать. Ты вьешь ему теплое гнѣздо. Воображаешь, что, хозяйничая вмѣстѣ и въ то же время оставаясь самостоятельными, вы будете жить въ нѣжномъ согласіи?

Максъ. Развѣ ты считаешь это слишкомъ глупымъ, Адольфъ?

Адольфъ. Дай мнѣ договорить. Самъ по себѣ проектъ прекрасенъ. Идея очень мила. Но если этотъ благородный страдалецъ... если онъ не можетъ нигдѣ и никакъ отстать... отъ своей привычки питаться только жидкостями...

Максъ. Тяжело, сознаюсь, мнѣ на это тебѣ отвѣтить. Человѣкъ этотъ презираемъ. Въ него бросаютъ камни. Оскорбляетъ его первый встрѣчный негодяй. Но скажу тебѣ, что я его знаю и готовъ за него поручиться! Смѣйся надо мной сколько хочешь, но я повторю еще, что готовъ за него поручиться душой и тѣломъ! Послушай, что говорятъ о немъ люди, знающіе хорошо его жизнь. Его эксплуатировали, высасывали изъ него все, что только было возможно. Высасывали, какъ пивки! Совершенно неопытный въ житейскихъ дѣлахъ, остается онъ добродушенъ, довѣрчивъ...

Адольфъ. Расчеты въ житейскихъ дѣлахъ у него дѣйствительно слабы.

Максъ. Расчеты въ житейскихъ дѣлахъ слабы; но зато въ немъ есть нныя сильныя стороны. Чего онъ отъ жизни требуетъ? Единственно покоя да еще небольшого вниманія со стороны близкихъ людей, которые защищали бы его отъ мелкихъ ежедневныхъ заботъ. Разъ это у него будетъ, я за него поручусь во всемъ.

Адольфъ. Будемъ надѣяться, что ты не обманываешь себя мечтой.

Максъ. Я себя не обманываю и обмануться не могу. Ты послушай только, что рассказываетъ фрейлейнъ Гертруда. Больше всего натерпѣлся онъ отъ жены. Личность

бессердечная, пустая, надменная, а сверхъ того глупая и зараженная дворянскимъ чванствомъ...

Адольфъ. Это все рассказывала фрейлейнъ Гертруда?

Максъ. Ну, хоть не прямо; но смыслъ выдѣлялся самъ собой.

Адольфъ. Положимъ, смыслъ выдѣлялся самъ собой. Но вотъ что спрошу я тебя, Максъ. Обдумалъ ли ты этотъ вопросъ основательно? Ясны ли для тебя причины твоего рѣшенія?

Максъ. Ахъ, я не терплю вымогательныхъ разспросовъ.

Адольфъ. Ну, послушайте, что онъ говоритъ!—«вымогательныхъ разспросовъ!» Я человѣкъ простой и интересуюсь изучить основныя причины поступковъ человѣка гениальнаго, а онъ называетъ это вымогательствомъ! Нѣтъ, мой милый, вымогательство совсѣмъ иная вещь. Вотъ если-бъ я вздумалъ выпытывать у тебя свѣдѣнія о почтенномъ тестѣ, или сталъ разспрашивать о днѣ свадьбы, или наконецъ даже о томъ, любить ли она тебя? Сознайся, что вѣдь даже и этотъ вопросъ окончательно не рѣшенъ. Кто знаетъ, не обручена ли она ужъ давно съ другимъ?.. Потому выслушай меня, — но только серьезно! Если хочешь достичь счастливаго успѣха, будь сдержаннымъ! Сдержанность лучшее средство для привлеченія. Дѣлай видъ, что въ груди твоей заложена мѣрная скорбь! Понимаешь? Побѣждаютъ дѣвчонокъ этимъ лучше всего.

Максъ (все время слушавшій брата съ выраженіемъ несогласія, заткнувъ пальцами уши и ежеминутно порываясь его прервать, открываетъ вдругъ въ эту минуту уши и восклицаетъ яростно). Дѣвчонокъ! Какихъ дѣвчонокъ? Она не дѣвчонка!

Адольфъ. Хо-хо!.. Знаешь, мой милый, вѣдь это, наконецъ, становится глупо!.. (Оба, взглянувъ другъ на друга, разражаются искреннимъ смѣхомъ).

Максъ. Нѣтъ, Адольфъ. Для тебя рѣшительно нѣтъ ничего святаго.

Адольфъ (смѣясь громкимъ и, повидимому, безпричиннымъ смѣхомъ). Нѣтъ, какъ только вспомню мое первое посѣщеніе уважаемаго тестя! (Передразниваетъ съ преувеличеннымъ комизмомъ манеру и рѣчь Крамптона) «Что вы думаете? Что? Вы говорите, что вы опекуны! Вы хотите меня погубить! Есть ли у мальчишекъ талантъ? Да его нѣтъ у меня самого! Что вы думаете? Я не пинюя! я не могу гадать по внутренностямъ». (Запыхавшись и передохнувъ отъ своей рѣчи, продолжаетъ смѣяться). Благородный страдалецъ не можетъ гадать по внутренно-

стямъ! Удивительное это было свиданіе! (Немного помолчавъ) Гдѣ же, однако, скрывается профессоръ теперь?

Максъ. О, если-бъ я это зналъ, то чувствовалъ бы себя гораздо лучше.

Адольфъ. Значить, ты не нашель никакихъ слѣдовъ?

Максъ. Ни малѣйшихъ. Въ академіи не узнаешь ничего. Фактотума его Лѣфлера не сыщешь нигдѣ. Словомъ, никакихъ вѣстей ни изъ дома ни съ улицы. Я готовлюсь къ самому худшему.

Адольфъ. Дѣйствительно надо скрѣпитъ духомъ.

Максъ. Ну, вотъ видишь, вотъ видишь! Ты говоришь это самъ! прежде ты только смѣялся, а теперь страхъ разбираетъ тебя самого! Помнишь, что я тебѣ говорилъ на второй день? Надо готовиться къ худшему! Повторяю, что онъ въ состояніи застрѣлиться или броситься въ воду. Ты тогда только смѣялся мнѣ въ отвѣтъ и убаюкивалъ меня надеждами. Ты клялся...

Адольфъ. Нѣтъ, я ни въ чемъ не клялся.

Максъ. Клялся, клялся! Пусть снимутъ съ меня голову, если не такъ! И вотъ до чего мы дошли! Я, какъ дуракъ, рыщу вездѣ и строю Богъ знаетъ какіе воздушные замки.

Адольфъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ покупаешь дорогія вещи.

Максъ. Ты о парѣ статуэтокъ? Объ этомъ вздорѣ не стѣдуетъ говорить. Вотъ если-бъ познергичнѣй взялся за это дѣло ты, такъ было бы лучше. Ты постоянно хвастаешь своей находчивостью и практичностью. Но скажу вамъ, дѣти мои, что если съ нимъ что-нибудь случится, такъ ищите меня! Все это длилось слишкомъ долго. Увидите сами, что будетъ со мной!

Адольфъ (покачиваясь со смѣху, напрасно старался нѣсколько разъ его прервать). О, Господи, Господи! Что же дѣлать? Приди въ себя! Утѣшься! Скажу тебѣ, что вѣдь онъ нашелся! Я искалъ его давно. Вся исторія давно кончилась.

Максъ (остолбенѣвъ, останавливается, затѣмъ, бросившись къ Адольфу, съ силой трясетъ его за плечи). Говори, злодѣй, говори!..

Адольфъ. Да что-жъ мнѣ еще тебѣ говорить?

Максъ (въ восторгѣ начинаетъ плясать, таская съ собой и Адольфа). Молодецъ, молодецъ! (Выпустивъ изъ рукъ Адольфа, падаетъ на диванъ). А, въ какомъ я неописанномъ восторгѣ!

Адольфъ (изнеможенный). Молодъ ты еще, Максъ! очень молодъ.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Маленькая комната въ такъ-называемыхъ меблированныхъ номерахъ. Меблировка состоитъ изъ дешевенькаго дивана, расшатаннаго стола, желѣзнаго умывальника, пары дешевыхъ гипсовыхъ бюстовъ. Надъ диваномъ виситъ олеографическая картина. Въ углу изразцовая печь. На задней и на правой стѣнахъ двери. Профессоръ Крамптонъ лежитъ на диванѣ съ головой, обвязанной мокрымъ полотенцемъ въ видѣ чалмы, и играетъ въ карты съ двумя молодыми людьми. Онъ одѣтъ въ поношенный халатъ. За спиной его заложена пуховая подушка, а возлѣ стоитъ на табуретѣ чашка съ водой. На столѣ нѣсколько до половины выпитыхъ пивныхъ стакановъ. Оба его партнера, Штенцель и Вейсвахъ—молодые люди отъ двадцати восьми до тридцати двухъ лѣтъ. Выраженіе ихъ лицъ обнаруживаетъ среднюю полубразованность. Шляпы и верхнее платье обоихъ брошены на стул. Итальянскій широкій плащъ профессора, а также широкополая художническая шляпа и феска повѣшены на средней двери. Груды книгъ и старинныхъ рукописей на стульяхъ и даже на полу. На столѣ вмѣстѣ съ пивными стаканами лежитъ мандолина. Время около шести часовъ пополудни. На столѣ горитъ лампа. Игроки сильно курятъ.

КРАМПТОНЪ (напѣваетъ). *Sul mare luccica!*.. (Выпадаетъ картой). Вотъ вамъ! вотъ вамъ!.. Благодарю. Съ меня довольно... *Sul mare luccica!*..

ВЕЙСВАХЪ. Сдавай, Штенцель.

ШТЕНЦЕЛЬ. Господинъ профессоръ, скоро шесть. Намъ пора уходить.

ВЕЙСВАХЪ. Вѣрно. Сегодня вечеромъ актъ.

КРАМПТОНЪ (тасуетъ карты, нескладно напѣваетъ). «Человѣкъ свободный я и пою на волѣ!»... Вы точно хотите уходить? Актъ продлится отъ шести до восьми. Не вернетесь ли въ восемь снова?

ВЕЙСВАХЪ (указывая на Штенцеля). Онъ живетъ, господинъ профессоръ, съ своей матерью. А она давать ему ключъ отъ входной двери больше не хочетъ.

КРАМПТОНЪ (небрежно). Разстаньтесь съ вашей матерью, Штенцель, разстаньтесь! Я тоже развожусь съ женой. (Бросаетъ карты). Значитъ, мы кончили... Вернитесь же въ восемь часовъ. Только не опаздывать! (Одушевляясь) У меня есть для васъ парочка забористыхъ вещицъ. Парочка драгоцѣнныхъ новеллъ Боккачіо. Истинно чудныя вещицы! Вы, конечно, знаете Боккачіо? Этого божественнаго гуляку? Какъ! Не знаете? Ну, тогда остается только зарыть васъ, провинціаловъ, въ могилу.

ШТЕНЦЕЛЬ. Боккачіо, господинъ профессоръ, кажется намъ слишкомъ безразвратнымъ.

Крамптонъ (смѣясь). Отличная отговорка, любезный Штенцель. Скажите лучше, что онъ для васъ слишкомъ изящент. Вашему желудку нужны горохъ и свинина. У васъ, провинціальной молодежи, вкусы гориллы, именно гориллы... Ну, впрочемъ, идите. (Добродушно смѣясь) Не прогуляйте срока! Нельзя же вамъ опоздать лѣвкой въ ваше дрессировочное учрежденіе. (Смѣется). Иначе придется отсидѣть. Потѣха да и только! (Штенцель и Вейсбахъ, смѣясь, надѣваютъ свои пальто. Входитъ кельнерша Зельма. Черезъ отворившуюся дверь видны бильярдъ и гости, натирающіе мѣломъ кія).

Крамптонъ (взявъ мандолину, начинаетъ съ жаромъ и чувствомъ играть и напѣвать первую строфу Santa Lucia). Вотъ какъ воркуютъ, милѣйшая Зельма, въ Италіи! А здѣсь, у васъ, вѣдуютъ какъ на базарѣ! (Повторяетъ послѣдній стихъ). Принесите-ка мнѣ что-нибудь выпить да покурить. (Молодымъ людямъ) Больше дѣлать вѣдь ничего не остается! Куришь да пьешь, пьешь да куришь весь день съ утра.

Зельма (убирая стананы и вытирая столъ). Вы слишкомъ много курите, господинъ профессоръ. Цѣлый день и цѣлую ночь.

Крамптонъ (разочарованно). А что же мнѣ больше дѣлать? Куришь, читаешь да полощешь себя пивомъ! Кстати, любезный Штенцель, прошу, принесите книгъ, книгъ! Вы сказали, что у васъ есть старья «Гартенлаубе», иллюстраціи и т. д. Несите все, что найдется. Я буду благодаренъ за все. Меня хоть хлѣбомъ не корми, только дай что читать! (Снимаетъ съ головы повязку). Вы, молодые художники, мало читаете! Вы невѣжды самаго низшаго разбора. Въ вопросахъ о Богѣ и вселенной не смыслите ничего. Читали вы Свифта? Нѣтъ? Знаете Смоллета, Тэккерея, Диккенса? Знаете ли, что существовалъ человѣкъ, Байронъ по имени, написавшій «Каина»? Читали Гофмана? Невѣжды вы, невѣжды послѣдняго сорта!

Зельма (убравъ пустые стаканы и возвратясь съ полнымъ, напѣваетъ).

Жила красотка Альма,
Всѣмъ голубкомъ казалась,
Когда-жъ я къ ней вернулся,
Такъ вѣдьмой оказалась.

Вейсбахъ. Прощайте, господинъ профессоръ. Общаемъ вамъ исправиться.

Штенцель. Чуть не забылъ, господинъ профессоръ, вамъ сказать, что вчера кто-то справлялся, гдѣ вы живете.

КРАМПТОНЪ (прохаживается, напѣвая). «Не живу я нигдѣ, не живу я нигдѣ!», мой милѣйшій.

ШТЕНЦЕЛЬ. Я отвѣтилъ на вопросъ, что мѣсто вашего жительства мнѣ неизвѣстно.

КРАМПТОНЪ. Вѣрно, Штенцель, вѣрно. Я не живу нигдѣ... А кто обо мнѣ спрашивалъ?

ВЕЙСБАХЪ. Вы его знаете. Это уволенный ученикъ Штрелеръ. Онъ спрашивалъ о васъ и меня.

КРАМПТОНЪ (вспыливъ). И чтѣ только этимъ людямъ отъ меня нужно! Неужели они не могутъ оставить меня въ покоѣ? Всего хорошаго, Штенцель! Всего хорошаго, Вейсбахъ!

ШТЕНЦЕЛЬ и ВЕЙСБАХЪ. Прощайте, господинъ профессоръ.

(Вейсбахъ, уходя, щиплетъ Зельму за локоть).

ЗЕЛЬМА. Ахъ, убирайся ты, обезьяна, домой!

(Штенцель и Вейсбахъ уходятъ, смѣясь. Слышно, какъ въ смежной ресторационной залѣ играютъ на бильярдѣ).

КРАМПТОНЪ. Надоѣдливый дуракъ! Страшно надоѣдливый!.. А тебя, дитя мое, мнѣ жалко. (Снимаетъ халатъ и надеваетъ бархатный пиджакъ).

ЗЕЛЬМА. Меня? Почему?

КРАМПТОНЪ. Нравится тебѣ такая жизнь?

ЗЕЛЬМА. Чтѣ станешь дѣлать!

КРАМПТОНЪ. Въ этомъ-то и вопросъ.

ЗЕЛЬМА (говоритъ медленно). А вотъ васъ, господинъ профессоръ, такъ мнѣ жалко.

КРАМПТОНЪ. Меня? Ха-ха! Того лучше! (Нетерпѣливо) Ступай, ступай! Убирайся во-свояси!

ЗЕЛЬМА. Человѣку, какъ вы, слѣдовало бы оставить такую жизнь. И вы могли-бъ это сдѣлать, если-бъ захотѣли. Но вы вмѣсто того только губите свое здоровье.

КРАМПТОНЪ (съ трагикомическимъ отчаянiемъ). О, dio mio! (Грустно поникаетъ головой). Уходи однако прочь — я хочу спать. (Ложится на диванъ. Зельма уходитъ. Въ сосѣдней комнатѣ раздается грубое кабацкое пѣнiе. Въ дверь нѣсколько разъ стучать, и послѣ того, какъ Крамптонъ не отвѣчаетъ, средняя дверь до половины отворяется снаружи и чрезъ нее выглядываютъ нѣсколько красныхъ добродушныхъ рожъ. Затѣмъ входитъ человѣкъ съ блѣднымъ вульгарнымъ лицомъ, въ визанныхъ туфляхъ, грязномъ бѣльѣ и платьѣ. Это содержатель ресторана Каснеръ).

КАСНЕРЪ. Прошу, господинъ профессоръ, меня извинить...

КРАМПТОНЪ (встрепенувшись спросонокъ). Чтѣ? Въ чемъ долженъ я васъ извинить?

КАСНЕРЪ. Тамъ... нѣсколько господъ. Они желали бы удостоиться чести... Можетъ-быть, господинъ профессоръ будетъ любезенъ, что не откажется осушить съ ними стаканчикъ.

КРАМПТОНЪ (рѣзко). Чтѣ это за господа?

КАСНЕРЪ. Небольшая компанія, господинъ профессоръ! (Входятъ Кунце и Зейфертъ, два толстыхъ филистера).

ЗЕЙФЕРТЪ. Вы извините насъ, господинъ профессоръ! Мы узнали о вашемъ здѣсь присутствіи. А мы сегодня въ такомъ хорошемъ расположеніи духа... въ такомъ хорошемъ... и притомъ собрались вмѣстѣ, а потому и осмѣлились учтиво васъ просить...

КРАМПТОНЪ. Развѣ вы меня знаете?

ЗЕЙФЕРТЪ. Конечно, вы, господинъ профессоръ, такой великій художникъ, такой мастеръ дѣла, а я простой маляръ, но... вѣдь мы всѣ люди! (Растроганнымъ голосомъ) Скажу, что у кого доброе, вѣрное сердце... А вѣдь доброе сердце главное дѣло! Потому, можетъ-быть, вы не сочтете наше общество для васъ слишкомъ низкимъ и согласитесь сегодня вечеркомъ насъ посѣтить съ тѣмъ, чтобъ осушить стаканчикъ и съ нами чокнуться, несмотря на то, господинъ профессоръ, что мы простые маляры.

(Въ это время къ дверямъ подошли еще нѣсколько посѣтителей и кельнерша. Всѣ со смѣхомъ смотрятъ на происходящее).

КУНЦЕ. Вамъ нѣтъ причины, господинъ профессоръ, насъ стыдиться. Мы люди хоть и простые, но искусство уважаемъ.

КРАМПТОНЪ (равнодушнымъ и небрежнымъ, повидимому, голосомъ). Что-жь! Я не имѣю ничего противъ, ничего противъ! (Раздается «браво». Зрители у дверей аплодируютъ тоже. Кунце съ Зейфертомъ подхватываютъ Крамптона подъ руки и съ триумфомъ водятъ его при повторяемыхъ крикахъ: «браво» въ сосѣдную комнату).

КАСНЕРЪ (бѣжить вслѣдъ). Они васъ ублажаютъ, господинъ профессоръ, хорошо ублажаютъ! У этихъ ребятъ деньги водятся, хорошія деньги!

(Коротко повторяются многими голосами крики: «браво». Въ это время правая дверь отворяется и вновь запирается снаружи. Входятъ Лефлеръ и Максъ Штрэлеръ).

ЛЕФЛЕРЪ (пропуская Макса впередъ). Прошу, войдите, господинъ Штрэлеръ.

МАКСЪ (осматриваясь). Такъ вотъ здѣсь живетъ профессоръ?

ЛЕФЛЕРЪ. Слышите этотъ погромъ? Такой дымъ коромысломъ идетъ съ шести часовъ вечера до шести-семи утра. Срамъ да и только!

Максъ. Но скажите, любезный Лёфлеръ, ради чего же онъ посадилъ себя въ такую нору?

Лёфлеръ. Это я вамъ сейчасъ скажу. Бѣда въ томъ, что мы задолжали здѣшнему хозяину мало не шестьдесятъ марокъ. Такъ вотъ онъ и ухватился за профессора, чтобъ не потерять своихъ денегъ. У него былъ расчетъ на профессорскую родню. Да, кажется, расчетъ-то оказался плоховать, и онъ начинаетъ замѣчать, что придется, пожалуй, на этой затѣѣ профершпилиться. Профессоръ живетъ здѣсь ужъ дней восемь, а между тѣмъ ни одинъ пѣтухъ не прокурикала до сихъ поръ даже его имени. Кто знаетъ, когда и чѣмъ это кончится!

Максъ. А гдѣ же профессоръ теперь?

Лёфлеръ. Гдѣ? тамъ, въ трактирной залѣ. Вы — только слушайте меня. Смекаете ли вы хозяйскій расчетъ? Не удалось въ одномъ, такъ онъ хочетъ наквитать на другомъ. Онъ теперь дѣлаетъ изъ профессора приманку для своихъ гостей.

Максъ. Ну, такъ слушайте меня. Во-первыхъ, вотъ вамъ деньги. Покамѣстъ спрячьте ихъ. (Даетъ ему ассигнацію). А затѣмъ прежде всего заплатите профессорскіе долги. Онъ непременно долженъ выѣхать изъ этой трущобы.

Лёфлеръ. Да, но видите, въ чемъ дѣло: онъ вѣдь упрямъ. Вы не можете себѣ представить, чтобъ это за голова! Если онъ въ нее что-нибудь себѣ вобьетъ, то ужъ дѣлать тутъ нечего! Не выбьете ничѣмъ... Да! будь у него немножко иная голова — другое было бы дѣло. Вѣдь ужъ, кажется, всякій пойметъ, что здѣсь кабакъ. Пиво льется съ утра до вечера, а онъ здѣсь сидитъ! Если-жъ ему что-нибудь нужно, такъ онъ только кликнетъ дѣвчонку; а та отъ него безъ ума. Все, что бы онъ ни потребовалъ, она спроворитъ вмигъ. Если даже не дастъ пива хозяинъ, она молчкомъ вытрясетъ деньги изъ собственнаго кармана. Потому онъ и обрѣтается вѣчно въ подпитіи. Посудите сами, что изъ этого можетъ выйти? Я вамъ говорю, если мы даже попробуемъ доставить профессору какое-нибудь мѣсто, онъ и надъ этимъ только посмѣется! Очень ужъ гордъ человекъ. Если-бъ не былъ такъ гордъ... Вѣдь многіе сюда приходили, предлагая помочь. А что съ нимъ подѣлаешь! Кто ни придетъ, — онъ за дверь выпроводитъ. (Голоса за сценой приближаются къ двери). Вотъ и теперь навѣрно выругается за то, что я привелъ сюда васъ. Ну, да ничего! Пусть выругается. (Крамptonъ входитъ въ сопровожденіи Зейффта, который за нимъ ухаживаетъ). Здравствуйте, господинъ профессор!

Крамптонъ. Здравствуй, любезный! Ступай туда да вели нацѣдить себѣ пивца. (Лѣфлеръ уходитъ. Крамптонъ обращается къ Максу). Вы ученикъ?

Максъ (держась въ темномъ углу комнаты). Точно такъ— ученикъ.

Крамптонъ. Обождите немного.

Зейфертъ (горячо). Да, да, господинъ профессоръ! Если-бъ мы стали вести дѣло сообща, такъ скажу вамъ, что у меня дѣло первоклассное!—можете этому повѣрить. Лишь бы мы были другъ другомъ довольны! Денежекъ перепадетъ вамъ въ такомъ случаѣ больше, чѣмъ надо! Берусь за себя отвѣтить, что я поставленъ недурно.

Крамптонъ (нетерпѣливо). Вѣрю вамъ, вѣрю.

Зейфертъ. Да, да, господинъ профессоръ,—я поставленъ недурно! Можете справиться обо мнѣ, гдѣ хотите, гдѣ хотите! У меня лучшія рекомендаціи, господинъ профессоръ. Мы можемъ исполнять и художественные заказы; и если будемъ дѣйствовать единодушно—о!—много тогда можетъ выйти хорошаго! Предиримемъ хорошія дѣла! Вотъ хоть теперь въ Гёрлицѣ требуется расписать концертную залу.

Крамптонъ (съ возрастающимъ нетерпѣніемъ). Ну да, ну да, мой милый. Я обдумаю это дѣло за ночь. Если будетъ время, то почему не согласиться. Посмотримъ, посмотримъ! До завтра, значитъ?

Зейфертъ. Прошу взглянуть на дѣло благосклонно. До завтра!

Крамптонъ. Да, да. Ждите хорошаго.

(Зейфертъ уходитъ съ поклонами).

Максъ (выходя немного впередъ). Добрый вечеръ, господинъ профессоръ. Надѣюсь, вы позволите мнѣ освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ.

Крамптонъ (недовольнымъ тономъ, ложась на софу). Если желаете. Кто вы такой?

Максъ. Мое имя Штрэлеръ.

Крамптонъ. Ну да, да, Штрэлеръ. Вы, вѣроятно, живописецъ?

Максъ. Такъ точно, господинъ профессоръ. Было время, когда я работалъ у васъ.

Крамптонъ. А, да! Помню.. Штрэлеръ? Штрэлеръ? Это, значитъ, было въ дрессировочномъ учрежденіи, когда я еще волочилъ тамъ свое время? Скажу вамъ, дражайшій, что память объ этомъ времени порядочно улетучилась изъ моей головы. Впрочемъ, вспомнилъ, вспомнилъ! Васъ вѣдь

оттуда исключили, ѳ васъ былъ кой-какой талантъ? Не правда ли? Вотъ за это васъ и исключили.

Максъ. Признано было дѣйствительно за лучшее меня исключить.

Крамptonъ. Вы тогда часто бывали въ моей мастерской. Хорошая это была мастерская, уютная. Не правда ли, уютная? Я понемногу успѣлъ въ ней кое-что собрать. Помните мой готическій ларь? А мейсенскіе фарфоры?

Максъ. О, помню прекрасно.

Крамptonъ. А чудныя бронзы? У каждой вещи была своя исторія. Ну, да все равно! Пропало, такъ пропало! Они обобрали у меня все. Я покамѣстъ поселился здѣсь... Конечно, скверно, но все-таки сносно! Правда, немного темно, новсе-таки сносно!.. Какъ, вы сказали, ваше имя?

Максъ. Меня зовутъ Штрэлеръ.

Крамptonъ. Штрэлеръ, Штрэлеръ. (Короткое молчаніе).

Максъ. Я, господинъ профессоръ, явился съ намѣреніемъ спросить, не могу ли быть чѣмъ-нибудь вамъ полезнымъ? Я...

Крамptonъ. Не могу, право, сказать вамъ сразу, но, впрочемъ, если вы, мой милый, хотите для меня что-нибудь сдѣлать, то принесите книгъ. Я читаю почти постоянно. У меня безсонница, и я буду вамъ крайне благодаренъ. Если желаете, могу дать вамъ рекомендаціи въ Веймаръ, въ Вѣну. У меня прекрасныя связи вездѣ.

Максъ. Позвольте узнать, имѣете ли вы какія-нибудь извѣстія о вашей дочери, господинъ профессоръ?

Крамptonъ (быстро вскочивъ съ софы. Коротко и отрывисто). Чтѣ вамъ за дѣло, молодой человекъ, до моей дочери?

Максъ. Вы, можетъ-быть, помните, господинъ профессоръ, что въ недавнее время вы мнѣ оказывали знаки очень большого довѣрія.

Крамptonъ (потеревъ лобъ). Ахъ, да, да! Помню! То-есть...

Максъ (скромно, но съ твердостью). Я полагаалъ потому, господинъ профессоръ, что ваше ко мнѣ вниманіе давало мнѣ право говорить о вашей дочери.

Крамptonъ. Хорошо, хорошо, согласенъ! Но все-таки прошу, сдѣлайте мнѣ удовольствіе... Вы видите, какая здѣсь атмосфера... Потому не говорите о моей дочери, по крайней мѣрѣ въ этомъ мѣстѣ...

Максъ. Въ этомъ мѣстѣ?.. Исполню, господинъ профессоръ. Но въ такомъ случаѣ, позволю себѣ спросить, въ какомъ же другомъ мѣстѣ могу я себѣ позволить этотъ разговоръ?

Крамптонъ. Да лучше всего нигдѣ! Лучше всего нигдѣ.

Максъ. Извольте,—если вы этого желаете. Но я хотѣлъ бы задать вамъ другой вопросъ. Почему?.. высказать это довольно трудно! Однимъ словомъ, мнѣ очень больно видѣть, что вы живете здѣсь въ какой-то тѣсной, темной норѣ, гдѣ нѣтъ достаточно свѣта даже для работы и гдѣ вы губите ваше здоровье... Не позволите ли вы, господинъ профессоръ... Увѣряю васъ, что вы меня ошастливили-бъ и заставили гордиться, если-бъ я что-нибудь успѣлъ сдѣлать для человѣка, котораго чту и уважаю, какъ васъ, господинъ профессоръ! Скажите-жь, рѣшаетесь ли вы оказать мнѣ ваше довѣріе?

Крамптонъ (нѣсколько мягче, но все еще тономъ отказа). Да что же вы, любезный другъ, обо мнѣ думаете? Я живу здѣсь потому, что мнѣ такъ нравится! Обстановку нахожу я очень сносною. Бѣда лишь въ томъ, что у меня отобрали весь мой рабочій матеріалъ. Не будь этого, можно было-бъ здѣсь немного и поработать.

Максъ. Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, доставить вамъ необходимый матеріалъ.

Крамптонъ. О, да, милый мой, да! Сдѣлайте это. Я хорошему не препятствую. Но видите: бѣда въ томъ, что я усталъ! Заказы сыплются на меня со всѣхъ сторонъ, а я усталъ! Вотъ, на примѣръ, предстоитъ расписать концертную залу. Заказчикъ пристаётъ! Я задумалъ для плафона круглое панно. Нѣчто изъ первобытной природы. Мнѣ воображается море, океанъ, возмущенный бурей! По срединѣ скала; на нее карабкаются и дерутся между собой гиганты, а изъ трещинъ вырывается клубами пламя! Какое? Что скажете? Скажете ли, что я сталъ старой клячей? Что у меня опилки въ головѣ? (Приходить въ экстазъ). Пусть-ка явятся да создадутъ что-нибудь подобное эти паучуны, эти пирожники дрессировочной академіи! (Ходитъ въ волненіи).

Максъ. Помните ли вы, господинъ профессоръ, моего брата?

Крамптонъ. Этого толстаго лавочника? Не такъ ли?

Максъ. Именно, господинъ профессоръ, толстаго лавочника. У меня есть еще сестра... Она живетъ съ братомъ вмѣстѣ.

Крамптонъ (разсѣянно). Вотъ какъ? Очень радъ, очень радъ! Ну, и что-жь? уживаются дружно?

Максъ. Не жалуются, господинъ профессоръ.

Крамптонъ. Это хорошо; крайне меня радуетъ.

Максъ. Я завелъ рѣчь о моей сестрѣ, господинъ про-

фессоръ по той причинѣ, что... ей... хотѣлось бы обратиться чрезъ меня къ вамъ съ одной просьбой.

Крамptonъ (въ себя). Господи помилуй! Ужъ не написать ли ея портретъ? Нѣтъ, дражайшій! Учтиво благодарю и отказываюсь! Трактирнаго хозяина я напишу за пятьдесятъ пфенниговъ, торговку зеленью намалюю за горшокъ солсныхъ огурцовъ; но настоящій портретъ, мой милѣйшій, стодитъ шестьсотъ талеровъ! Ни гроша больше, ни гроша меньше. Я не могу себя обезцѣнивать. Потому, если согласны, то я къ вашимъ услугамъ.

Максъ (вскочивъ, крѣпко сжимаетъ ему руку). Слово и дѣло, господинъ профессоръ.

Крамptonъ. Да вы говорите это въ здоровомъ умѣ?

Максъ. Совершенно. Дѣло идетъ о подаркѣ, господинъ профессоръ. Мой братъ Адольфъ...

Крамptonъ. Да вѣдь рѣчь шла о сестрѣ.

Максъ (съ замѣшательствомъ). Ну да! Съ сестры будетъ писаться портретъ.

Крамptonъ. И братъ его заказываетъ?

Максъ. Именно: братъ заказываетъ.

Крамptonъ. Ну, если дѣло стоитъ такъ, любезный Штрэеръ, и вы говорите серьезно... (съ дурно скрываемой радостью) то, конечно, сердиться мнѣ причины нѣтъ.

Максъ. А теперь, господинъ профессоръ... я все-таки долженъ... передать вамъ поклонъ отъ вашей дочери.

Крамptonъ (встрепенувшись и стараясь скрыть отъ Макса свое волненіе). Съ чего завели вы опять объ этомъ рѣчь?

Максъ (съ разстановкой). Вы такъ строго скрывали свой адресъ, что фрейлейнъ Гертрудѣ поневолѣ пришлось обратиться ко мнѣ.

Крамptonъ. Вы въ сношеніяхъ съ моей дочерью?

Максъ. Въ сношеніяхъ... то-есть это значить, господинъ профессоръ, что я единственный человѣкъ, чрезъ котораго фрейлейнъ Гертруда надѣялась что-нибудь узнать о васъ.

Крамptonъ. Тайно отъ меня? тайно отъ меня? Что-жъ это значить?

Максъ. Значить... собственно говоря... сколько я могъ замѣтить—мысль поѣздки къ дѣдушкѣ и бабушкѣ вовсе не была для фрейлейнъ Гертруды привлекательна, и потому...

Крамptonъ (горько усмѣхался). Охотно этому вѣрю, охотно вѣрю! Зачѣмъ дѣлать для бѣднаго ребенка адъ жарче самого ада. Воображаю, чтѣ стануть тамъ валить на голову

ея отца! Охотно вѣрю! Вѣчный вопль: «распни его, распни! А если несогласна—такъ погибель и тебѣ!» О, милые родственники! Добрыя души! Бабушка ангелъ! Жена моя тоже ангелъ! Небесный ангелъ! Впрочемъ, ну ее!..

Максъ (помолчавъ). Я знаю также, что фрейлейнъ Гертруда всёмъ сердцемъ жаждетъ съ вами увидѣться и васъ поспѣтить, господинъ профессоръ.

Крамптонъ. Не могу на это согласиться! Не могу! Вы поймете это сами. Вы видите, какую я веду жизнь!.. собачью! Для меня лично все равно, такъ это или иначе. Я схороненъ, зарытъ! Но принять здѣсь ее — не могу! Не могу, любезный Штрэлеръ.

Максъ. Потому сестра моя и поручила мнѣ обратиться къ вамъ съ сердечной просьбой позволить ей взять фрейлейнъ Гертруду къ себѣ.

Крамптонъ (снова вспыхнувъ). Ну вотъ еще, вотъ еще! Это чтò за вздоръ! Нѣтъ, нѣтъ, дражайшій, этого нельзя! Предпринять дальнее путешествіе, хоть бы даже зимой, все-таки лучше, все-таки лучше...

Максъ. Вы могли бы легко убѣдиться въ противномъ, если-бъ согласились поспѣтить насъ хоть одинъ разъ. Фрейлейнъ Гертруда была бы принята моею сестрой съ распростертыми объятіями; онѣ знакомы другъ съ другомъ, какъ товарки по консерваторіи.

Крамптонъ. Ахъ, повѣрьте, любезный Штрэлеръ, я нимало въ этомъ не сомнѣваюсь. (Растроганный, едва можетъ говорить). Конечно, легко понять, что я радъ былъ бы видѣть дитя мое возлѣ себя. Вѣдь вы еще не знаете, чтò это за существо! Какая у нея умная головка! Какъ эта дѣвочка — совершенная еще дѣвочка — основательно судить. Какая она смѣлая! Бывало, вѣдь она со мной даже ссорилась. Намылить, бывало, мнѣ голову, — увѣряю васъ! Но зато какъ сердечно она меня любила! Какъ меня защищала! Точно маленькій тигренокъ! (Вынимаетъ изъ кармана фотографическій портретъ Гертруды) Вотъ ея головка: прелестная головка! Да! Дѣвочка основательная.

Максъ. Скажите, господинъ профессоръ, одно слово, и она будетъ здѣсь.

Крамптонъ. Одно слово! О, милая юность! Слово это могло бы натворить много бѣдъ. Нѣтъ, не могу на это согласиться.

(Входятъ Зейфертъ и Кунце).

Зейфертъ (съ краснымъ лицомъ, довольный и навеселѣ). Намъ

хотѣлось бы, господинъ профессоръ, поговорить съ вами еще объ одномъ пунктѣ. Я привелъ съ собой и моего компаньона. Вѣдь Кунце мой компаньонъ. Фирма Зейфертъ и Кунце вамъ, безъ сомнѣнья, извѣстна. Намъ, видите, было-бъ желательно получить отъ васъ нѣкоторый опредѣленный отвѣтъ. А затѣмъ мы угостили-бъ васъ снова пивцомъ. Выпить мы охотники всѣ. За этимъ у насъ дѣло не станетъ...

Крамптонъ (рѣзко и горячо). Кто вы такіе, и что вамъ отъ меня надо?

Зейфертъ. Какъ что? Мнѣ казалось, мы до половины ужъ сговорились.

Крамптонъ. Не знаю, чего вы хотите. Я называюсь Крамптонъ! Профессоръ Крамптонъ. А кто такіе вы?

Зейфертъ. Я Зейфертъ...

Кунце. Я Кунце...

Крамптонъ. Въ такомъ случаѣ, господа Гинцъ и Кунце,—или какъ вы тамъ называетесь,—позвольте спросить, по какому праву вы врываетесь въ мою комнату? Развѣ вы не знаете правилъ приличія? Не слыхали о законахъ учтивости? Покорно прошу васъ немедленно меня оставить.

(Зейфертъ и Кунце сконфуженно пятятся).

Зейфертъ (отвѣшивая поклоны). Прошу извинить, прошу извинить!

Кунце. Имѣю честь кланяться! Почтительнѣйше прошу простить! (Уходить).

Крамптонъ (имъ вслѣдъ). Прощено! прощено! (Входитъ Лёфлеръ). Ну, скажи, пожалуйста, Лёфлеръ, что это за народъ? Врываются въ мою комнату силой! Я не застрахованъ отъ нихъ нигдѣ. Нѣтъ!.. Переселяюсь рѣшительно! Переселяюсь сегодня же! Не останусь здѣсь ни минуты. Заплати, Лёфлеръ, тотчасъ нашъ маленькій счетъ. Выложи имъ эти гроши. На порядочную квартиру, Лёфлеръ, на порядочную квартиру! (Указывая на Макса) А что до этого юноши — то онъ можетъ посѣщать меня, когда захочетъ. (Надѣваетъ шляпу и плащъ). Относительно портрета, любезный Штрэлеръ, скажу вамъ, что мнѣ хотѣлось бы начать его какъ можно скорѣй. Съ будущей недѣли я займусь такъ, что пойдетъ кругомъ голова. (Входятъ Каснеръ съ чашкой кофе. Крамптонъ говоритъ ему грубымъ тономъ) Съ чѣмъ вы явились? Съ вашей молочной водой? Благодарю! Употреблять ее больше не буду. Я переѣзжаю.

КАСНЕРЪ. Переѣзжаете? Какъ угодно, только сперва прошу расплатиться. Ваше присутствіе здѣсь мнѣ давно непонутру, надѣюсь, вы можете это себѣ представить сами. Вамъ бы только ничего не дѣлать. Это все, чтò вы требуете. А какую прекрасную работу могли бы имѣть! Живописцы люди съ деньгами.

КРАМПТОНЪ. Этотъ зловредный шутъ, любезный Штрэлеръ, рѣшительно меня зарѣжетъ или сведетъ съ ума.

МАКСЪ. Отправимтесь, господинъ профессоръ, впередъ.

КАСНЕРЪ. Денежки, сперва денежки! — тамъ скатертью дорога.

КРАМПТОНЪ (Штрэлеру). Идемте, мой милый. А ты, Лёфлеръ, рассчитывайся.

ЛЕФЛЕРЪ. Сегодня хоть дѣло наладилось. (Каснеру) Ну, говорите, чтò мы вамъ должны. (Максъ съ Крамптономъ уходятъ подъ руку).

КАСНЕРЪ (изумленно). Что-жъ это все значить?

ЛЕФЛЕРЪ. А то, что у такого человѣка, какъ господинъ профессоръ, деньги найтись должны.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Мастерская въ нанятой Максомъ новой квартирѣ. Большинство обстановки состоитъ изъ вещей, взятыхъ изъ старой мастерской Крамптона. Пока все еще въ безпорядкѣ, и многіе предметы не на своихъ мѣстахъ. Направо и налево небольшія двери, лѣвая съ звономъ. Въ задней стѣнѣ большое свѣтовое окно для живописи. Максъ и Гертруда, одѣтые по-зимнему, вбѣгаютъ, запыхавшись. Лица ихъ сіяютъ счастьемъ и горять румянцемъ отъ быстрой ходьбы. Оба въ высшей степени весело возбуждены.

МАКСЪ (сбрасывая шляпу и верхнее платье). Вотъ мы и здѣсь!..

ГЕРТРУДА (газвяывая шляпку). Вотъ мы и здѣсь!..

МАКСЪ (глядя на нее). Ну!.. А теперь?

ГЕРТРУДА (покраснѣвъ). Теперь?..

МАКСЪ. Гертруда!.. (Схватываетъ ее въ объятія и покрываетъ лицо поцѣлуями).

ГЕРТРУДА. Максъ!.. (Освобождаясь изъ его рукъ) Скорѣй, скорѣй! Надо начинать уборку.

МАКСЪ. Да, да!.. Скорѣй. (Суетится безъ толку по комнатѣ).

ГЕРТРУДА. Съ чего же начать?..

МАКСЪ (останавливаясь). Я задохся...

ГЕРТРУДА. Я тоже. Мы такъ скоро бѣжали.

МАКСЪ (бѣжить и запираетъ дверь). Постой! Запретъ сперва дверь. (Подходя къ ней) Ну, а теперь...

ГЕРТРУДА (съ нѣжнымъ, но нѣсколько боязливымъ смущеніемъ). Что теперь?..

МАКСЪ. А вотъ увидишь. (Возобновляетъ пощипуи).

ГЕРТРУДА. Ай, ай! Перестань! Надо же начать уборку.

МАКСЪ (выпустивъ ее изъ рукъ, оббѣгаетъ сосѣднія комнаты и затѣмъ возвращается въ мастерскую, крича во все горло). Ура!.. Ура!.. Я съ ума сойду!..

ГЕРТРУДА (удивленная при видѣ готическаго ларя). Это что такое?

МАКСЪ. Папашинъ ларь.

ГЕРТРУДА (увидя Силену). А это?..

МАКСЪ. Папашинъ Силенъ.

ГЕРТРУДА. Максинька, Максинька! Да что же это все значить?

МАКСЪ. А то, что я въ старой мастерской пошарилъ, порылся и, собравъ все, перетасилъ сюда. Смотри—вотъ гобелены.

ГЕРТРУДА (изумленная). Ахъ!..

МАКСЪ. Вотъ библия въ пергаментѣ, тигровая шкура. Столъ новый, но это ничего; онъ не замѣтитъ.

ГЕРТРУДА. Ахъ, ты, трогательный человѣчекъ! До чего ты добръ!

МАКСЪ. Ну, довольно объ этомъ толковать, Времени мало. Примемся за уборку.

ГЕРТРУДА. Правда, примемся, примемся...

МАКСЪ (ставя Силену на столъ). Это поставимъ сюда.

ГЕРТРУДА. Смотри,—вонъ картина, для которой ты былъ патурщикомъ.

МАКСЪ. Ее поставимъ сюда.

ГЕРТРУДА (разсматривая картину, стоящую на мольбертѣ). Помнишь? (Комически подражая голосу Крамптона) Сидите смирно, Штралеръ! Вы трясете головой, какъ старикъ. (Оба хочутъ).

МАКСЪ (схватываетъ обѣими руками ея голову). Ахъ, Гертруда, Гертруда!

ГЕРТРУДА (стараясь освободиться). Убирать! Убирать! Время!

МАКСЪ. Ты моя, ты моя! Не отдамъ тебя никому!..

ГЕРТРУДА. Берись за дѣло, берись!

МАКСЪ. Не разстанемся никогда!

ГЕРТРУДА. Никогда, никогда!

Максъ. А придетъ смерть—умремъ вмѣстѣ!

Гертруда. Вмѣстѣ, вмѣстѣ! (Поцѣлун. Короткое молчаніе). Хорошій ты мнѣ помощникъ! Это, по-твоему, называется убирать?

Максъ. Да, да, — будемъ убирать. Вѣдь папаша аккуратень.

Гертруда (сдержавъ приливъ радости, говоритъ съ тихимъ благоговѣніемъ). Милый, добрый папочка! Скоро увижу я его опять! Какое счастье, какое счастье! (Глубоко тронутая, продолжаетъ, понизивъ голосъ, но убѣжденнымъ тономъ). Надѣюсь, что наконецъ будетъ счастливъ и онъ!

Максъ (въ восторгѣ). Всѣ, всѣ будемъ счастливы!.. Куда-жь ты, куда?

Гертруда (убѣжавъ въ сосѣдную съ мастерской комнату, кричить оттуда). Искать сюрпризы!.. Ахъ, Максинька, что за прелести! Что за дивная прелести!

Максъ (кричитъ, разставляя вещи). Тамъ буду работать я, а здѣсь папаша. Да иди же, иди! Вѣдь мнѣ тебя надо.

Гертруда. Ищи меня, ищи!

Максъ (бросается въ сосѣдную комнату). Погоди-жь ты, муха! (Изъ сосѣдней комнаты несутся смѣхъ, визгъ, крикъ, можно подумать, что тамъ дерутся. Гертруда наконецъ выбѣгаетъ изъ комнаты, Максъ бѣжитъ за ней).

Гертруда (измученная, едва можетъ крикнуть, смѣясь и бѣгая по комнатѣ). А вотъ улечу! А вотъ улечу!..

Максъ. А я тебя усмирю! (Хочетъ ее схватить, но она выскользаетъ изъ его руки; онъ хочетъ схватить опять, она выскальвается снова; наконецъ совершенно измученная останавливается посреди комнаты и отстраняетъ его руками).

Гертруда. Начинай же уборку, начинай!

Максъ. Меня разбираетъ смѣхъ.

Гертруда. Надъ чѣмъ?

Максъ. Вспомнилъ, кака я у меня была тогда глупая фizioномія! Какъ я заикался!..

Гертруда. Именно заикался.

Максъ. А ты предчувствовала, въ чемъ дѣло?

Гертруда. Такъ, въ туманѣ, въ туманѣ! Но, знаешь, когда на бульварѣ, послѣ твоей проповѣди, я все поняла, мнѣ стало немножко жутко.

Максъ. А мнѣ немножко страшно.

Гертруда. Бѣдный зайчикъ!

Максъ. А! Такъ погоди же! (Схватываетъ ее и цѣлуетъ).

Гертруда. Ай!.. Мое платье! Мои волосы!.. Да перестань же, Максъ, усмирись! Того гляди, сейчасъ лягнутся

братъ съ сестрой. (Съ поддѣльнымъ вздохомъ) Что-то скажутъ они?

Максъ. Насъ поздравятъ.

Гертруда. Ты думаешь—больше ничего?

Максъ. Чего же ждать еще?

Гертруда. Очень ты еще молодъ, Максъ. (Короткое молчаніе, затѣмъ смѣхъ).

Гертруда (хлопая руками). Папочка! Милый папочка! Какъ онъ изумится! Какіе глаза сдѣлаетъ! Какъ я его обниму! (Вполголоса и шутливо) Этого благороднаго гуляку!

Максъ (удивленно). Что? Я не слышалъ.

Гертруда. Бѣдный старичокъ, сталъ глухъ, не слышитъ!

Максъ. А! Насмѣшки! Сюда, для должнаго наказанія.

Гертруда (съ притворнымъ равнодушіемъ). Какъ же, какъ же! Такъ и приду!

Максъ. Не послушаешься, такъ приду я.

Гертруда. А я тебя царягну.

Максъ. Попробуй.

Гертруда. Ты еще не знаешь, какъ я бываю зла. Если чего-нибудь не хочу, такъ отрѣжу прямо. (Топаетъ ногой) Не хочу, не хочу, не хочу!

Максъ. Посмотримъ, чѣмъ это тебѣ поможетъ. (Порывается къ ней).

Гертруда (заставляясь стуломъ). Ну, полно, полно, Максъ. Что за глупости мы дѣлаемъ! Достанется намъ обоимъ: мнѣ отъ папочки, а тебѣ отъ сестры.

Максъ. Очень я этого боюсь!

Гертруда. Да, храбрись, храбрись!

Максъ. Развѣ я въ чемъ-нибудь виноватъ?

Гертруда. Ну, ну!—не прикидывайся святошей. Виновать во всемъ.

Максъ. Я виноватъ во всемъ?.. Нѣтъ, ужъ если кто-нибудь виноватъ...

Гертруда (перебивая). Такъ это ты!

Максъ. Нѣтъ, ты!

Гертруда. А я говорю—ты.

Максъ. Я буду тебя цѣловать, пока ты не попросишь прощенья.

Гертруда (подъ его поцѣлуями). Хорошо, хорошо! Сознаюсь,—виновата, сознаюсь!.. Ну, а теперь, Максенька, за работу. Скажи, папочка ничего не знаетъ?

Максъ. Я не смѣлъ ему сознаться.

ГЕРТРУДА. Даже въ томъ, что я здѣсь?

МАКСЪ. Ни въ чемъ, ни въ чемъ.

ГЕРТРУДА. Ахъ, ты, трусливый зайчикъ! Не смѣлъ сказать правды! секретникъ!

МАКСЪ (цѣлуя ей руки). О, если-бъ я зналъ прежде, какъ хороша жизнь!

ГЕРТРУДА. А теперь извольте, милостивый государь, приблизиться.

МАКСЪ. Что это? Что я услышу?

ГЕРТРУДА (повязываетъ ему на кисть руки зеленую ленту). Видишь эту ленту? Я связываю тебя навсегда. И горе, горю тебѣ, если ты вздумаешь когда-нибудь стряхнуть эту повязку.

МАКСЪ. Остерегусь.

ГЕРТРУДА (испуганно). Слышишь! Они идутъ.

МАКСЪ. Какъ жаль!

ГЕРТРУДА. Жаль и мнѣ.

МАКСЪ. Очень некстати.

ГЕРТРУДА. А если это палочка? Мы и про него тоже скажемъ?

МАКСЪ. То же, то же—безъ разсужденій.

ГЕРТРУДА. И про брата съ сестрой?

МАКСЪ. То же, то же—безъ разсужденій. (Звонятъ). Войдите, кто тамъ. (Отмыкаетъ дверь. Входитъ съ лѣвой стороны Агнеса. Максъ, весь красный отъ волненія, кричитъ ей навстрѣчу) Агнеса, Агнеса! Поздравь! Мы женихъ и невѣста!..

АГНЕСА (съ притворнымъ изумленіемъ). О! Вотъ какъ!

ГЕРТРУДА (бросаясь ей на шею). Агнесочка, Агнесочка! Если-бъ ты знала, какъ я счастлива!

АГНЕСА (цѣлуя ее при каждомъ словѣ). Ахъ, ты, моя куколка! Моя крошка, моя милая новая сестрица!

АДОЛЬФЪ (входя въ лѣвую дверь). Слушай, Максъ,—профессоръ стоитъ съ Лѣфлеромъ внизу и изучаетъ входную доску.

МАКСЪ (съ сіяющими глазами). Адольфъ! Мы женихъ и невѣста!

АДОЛЬФЪ (говоря вскользь). Знаю, все знаю! Но только фрейлейнъ Гертрудѣ необходимо теперь скрыться. Слышите? Вамъ надо скрыться, фрейлейнъ Гертруда. (Всѣ впопыхахъ ищутъ мѣста, куда спрятать Гертруду).

АДОЛЬФЪ (показывая на правую дверь). Сюда, дѣти мои, сюда! Вотъ здѣсь, вотъ здѣсь.

(Всѣ исчезаютъ за средней дверью. За лѣвой дверью, которая только притворена, слышно ворчанье, затѣмъ стукъ и снова ворчанье. Наконецъ звонитъ колокольчикъ, и вслѣдъ затѣмъ дверь отворяетъ Лѣфлеръ).

ЛЕФЛЕРЪ (говорить въ дверь). Пожалуйте, отперто! Да только здѣсь никого нѣтъ.

КРАМПТОНЪ (разсерженнымъ голосомъ, еще за дверью). Что-жъ это значитъ? Что эти люди со мной дѣлаютъ? Не могу же я стоять и ждать на лѣстницѣ. Того гляди, простудишься. Ну, входи, Лёфлеръ, входи. Пойдемъ дальше.

(Входитъ Лёфлеръ, за нимъ Крамптовъ, окутанный плащомъ).

ЛЕФЛЕРЪ (увидя Крамптонову обстановку, совсѣмъ обалдѣлъ). Да это что же такое?..

КРАМПТОНЪ. Смотри, Лёфлеръ: вотъ что значитъ точность. Мы пришли минуту въ минуту, а они заставляютъ насъ ждать. (Поражается, увидя окружающее). Постой, ностой, Лёфлеръ... Это что же?

ЛЕФЛЕРЪ. Самъ гляжу, господинъ профессоръ, и дивлюсь. Ума не приложу.

КРАМПТОНЪ (стараясь собрать мысли). Устроился человѣкъ хорошо!

ЛЕФЛЕРЪ. Глядите — все устроено точь-въ-точь, какъ было у васъ въ мастерской.

КРАМПТОНЪ. Вижу, вижу самъ. (Дѣлаетъ шагъ два и останавливается передъ готическимъ ларемъ). Что-жъ это?.. Сатана, что ли, меня обошелъ?..

ЛЕФЛЕРЪ. Что вы изволите говорить?

КРАМПТОНЪ. Смотри, Лёфлеръ: да вѣдь это мой ларь!

ЛЕФЛЕРЪ. Надо такъ думать, господинъ профессоръ.

КРАМПТОНЪ. Будь я директоромъ академіи, если это не мой ларь! Надо подумать! Надо сообразить! (Ходить взадъ и впередъ). Нѣтъ, что ни говори, а это мои вещи! Все, что я здѣсь вижу, мое съ начала до конца! Мнѣ ли не знать моихъ вещей?

ЛЕФЛЕРЪ. Знаете, я какъ пораскину умомъ, такъ невольно думаю, что богатъ, должно-быть, этотъ господинъ Штрэлеръ. Вѣдь это, навѣрно, онъ скупилъ всѣ ваши вещи.

КРАМПТОНЪ. Это еще что за новость? Чтобъ я позволилъ себя такъ одурачить! Это неслыханно! Мои вещи! Что станеть съ ними дѣлать этотъ юнецъ? Такая безтактность возмутительна. Мальчишка, ученикъ, дилегантъ, чуть начинающій карьеру, вздумалъ меня ограбить! Хочетъ по-домашнему расположиться въ моей мастерской! И чтобъ я это допустилъ! Какъ же, какъ же! Пусть лучше поселится здѣсь чортъ! Пусть малюетъ старушечьи портреты дьяволъ!

АДОЛЬФЪ (неслышно подходит къ Крамптому сзади, за нимъ также тихо подходит Агнеса). Здравствуйте, господинъ про-

фессоры! Извините за внезапный приходъ. Мы не знали, что вы ужъ здѣсь. Позвольте васъ познакомить: моя сестра Агнеса; господинъ профессоръ Крамптонъ.

КРАМПТОНЪ (взглянувъ на Агнесу съ враждебнымъ видомъ, едва ей кланяется). Извините, я попрошу отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ. Вы желаете, чтобы я писалъ въ этой комнатѣ?

АДОЛЬФЪ. Я такъ думалъ. Развѣ вы, господинъ профессоръ, имѣете что-нибудь противъ?

КРАМПТОНЪ. О! Противъ я не имѣю ничего, но вамъ, можетъ-быть, неизвѣстно, что для живописи прежде всего нуженъ свѣтъ. А гдѣ здѣсь свѣтъ? Я его не вижу. Здѣсь тьма кромѣшная! Кто-жъ согласится писать при такихъ условіяхъ? Писать въ подвалѣ для картофеля не станеть ни одинъ художникъ!

АДОЛЬФЪ (съ трудомъ удерживая смѣхъ). Я въ этомъ дѣлѣ дѣйствительно очень мало понимаю; но думаю, что мой братъ..

КРАМПТОНЪ. Вашъ братъ, мой милѣйшій? Вашъ братъ? Вашъ братъ мнѣ не указъ! Вашъ братъ не болѣе какъ скромный ученикъ, а я на этомъ ремеслѣ состарился! Потому, если человекъ, какъ я, говоритъ вамъ, что мастерская эта не стоитъ ни гроша и что въ ней работать нельзя, то вы можете въ этомъ поручиться и поклясться двадцать разъ. Скажите, съ кого долженъ писаться портретъ?

АДОЛЬФЪ. Я думаю, съ тебя, Агнеса.

КРАМПТОНЪ. Потрудитесь, милостивая государыня, подойти. (Приглашаетъ ее жестомъ встать на свѣтъ и пристально вглядывается въ ея лицо). Ну, благодарной моделью для живописи васъ назвать нельзя. Что вы изъ себя сдѣлали? Для чего подвели этотъ сѣрый тонъ? Или вы гримируетесь? Такимъ средствомъ привлекательными сеансовъ не сдѣлать. Художники любятъ натуру. (Адолфу) Извините... но такъ какъ въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ мой интересъ, то скажите, какую роль игралъ во всемъ этомъ вашъ братъ?

АДОЛЬФЪ. Вотъ онъ идетъ самъ. Можетъ-быть, господинъ профессоръ...

КРАМПТОНЪ (гораздо болѣе ласковымъ тономъ, идя Максу навстрѣчу). А, здравствуйте, любезнѣйшій! Какъ живете, какъ можете?

Максъ. Благодарю, господинъ профессоръ.

КРАМПТОНЪ. Объясните мнѣ, пожалуйста, что все это значитъ? Должно-быть, вы сдѣлались знаменитостью. Лучшей обстановки для мастерской не пожелалъ бы самъ Маркартъ.

Максъ. О, нѣтъ, господинъ профессоръ—это просто недоразумѣнiе.

Крамптонъ. Какъ недоразумѣнiе? Какое недоразумѣнiе? Вы мои вещи должны знать хорошо. Вѣдь вы у меня работали.

Лефлеръ. Вѣрно, господинъ профессоръ, эти вещи были прежде вашими.

Крамптонъ. Ну, конечно, конечно! Я это вижу. Известно; что если съ человѣкомъ случится бѣда, то его непременно вслѣдъ затѣмъ ограбятъ. Вотъ такъ ограбили и меня.

Максъ. Пока я не забылъ,—позвольте, господинъ профессоръ, обратиться къ вамъ съ однимъ вопросомъ.

Крамптонъ. О, прошу, прошу.

Максъ. Это помѣщенiе наняли для меня мой братъ и сестра, чтобъ отпраздновать мое изгнанiе изъ академiи. Но вѣдь я, господинъ профессоръ, не больше какъ начинающiй ученикъ. Такое великолѣпiе меня стѣсняетъ, и мнѣ подобная обстановка совсѣмъ не нужна. Къ счастью, возлѣ этой комнаты есть другая, тоже свѣтлая, но гораздо болѣе скромная. Для меня она будетъ болѣе чѣмъ достаточна; что-жъ касается собственно до этого помѣщенiя, то понятно, что я не соглашусь уступить его первому встрѣчному. Но вотъ, если-бъ любезно согласились помѣститься здѣсь хотя бы на время только вы, господинъ профессоръ...

Крамптонъ. Какъ это помѣститься?

Адольфъ. Ну—скажемъ, нанять эту комнату.

Максъ. Именно нанять.

Крамптонъ. Да... видите... объ этомъ надо поговорить...

Максъ. Какъ находите вы, господинъ профессоръ, здѣшнiй свѣтъ?

Крамптонъ (съ жаромъ). О, свѣтъ превосходенъ! Противъ этого нельзя сказать ни слова. Мысль ваша сама по себѣ кажется мнѣ очень симпатичной. Что скажешь на это, Лефлеръ, ты? (Видя, что у Лефлера вытянулось лицо, Крамптонъ обращается къ Максусу). Что же это можетъ стоить?

Максъ. Стоить... стоить. Это дѣло моего брата.

Адольфъ. Объ этомъ, господинъ профессоръ, мы сговоримся. Повѣрьте, что своихъ выгоду я не прудешевлю.

Крамптонъ (смѣясь). Ну, конечно, нато вы и купецъ! Нато и купецъ. (Хлопнувъ Макса по плечу) Такъ, значитъ, намъ придется жить рядомъ, дверь съ дверью. Вы можете снова быть моимъ ученикомъ. (Внезапно схватываетъ себя за голову) Что это?.. Что это? Или мнѣ показалось... (Бѣжитъ къ окну и

высовывается из него, так что присутствующіе видятъ только его спину). Не знаю... не знаю...

(Агнеса, Адольфъ и Максъ быстро отходятъ къ двери направо, въ которую Адольфъ уходитъ, чтобъ позвать Гертруду, и болѣе не возвращается. Гертруда быстро пробѣгаетъ по сценѣ на цыпочкахъ и, подбѣжавъ сзади къ отцу, закрываетъ ему глаза руками).

ГЕРТРУДА (въ полномъ восторгѣ). Кто я? Кто я?

КРАМПТОНЪ (пораженный). Создатель!.. (Впадая въ полное блаженство) Дити мое!.. Сердце мое!.. Котеночекъ мой! Моя наставница!.. Что же это все значить? Что случилось? Что вы затѣяли? О, я теряю голову!

ГЕРТРУДА. Папочка, милый папочка! Не разсердись на меня: я невѣста!

КРАМПТОНЪ. О! какая шутница! Ну, пусть все будетъ, какъ ты хочешь!.. (Цѣлуетъ ея пальцы). Дюжина поцѣлуевъ на каждый пальчикъ! Клянусь честью! А затѣмъ выбирай въ женихи, кого хочешь—князя, графа!..

ГЕРТРУДА. Ну, нѣтъ, папочка,—отъ этого я отказываюсь! Графовъ мнѣ не нужно. Но я серьезно тебѣ говорю, что я точно невѣста. Смотри, папочка. (Бросается на шею Агнесы) Вотъ моя новая сестричка!

КРАМПТОНЪ. Такъ ты невѣста?.. Это твоя сестра? (Указывая на Макса) Твой женихъ, значить, онъ? (Смѣясь сквозь слезы, бѣгаетъ по комнатѣ). О, Господи! хочетъ жениться! Лёфлеръ! А, Лёфлеръ? Что ты на это скажешь?—Ничего! Забавно! Удивительно забавно? (Агнесѣ) Ну, а вы, сударыня, тоже не скажете ни словечка?

АГНЕСА. Скажу только, что радуюсь отъ всего сердца.

КРАМПТОНЪ. Радуетесь отъ всего сердца? Радъ и я, радъ и я! Плакать рѣшительно не о чемъ. Ну, а ты, Гертруда, моя крошечка, какъ ты додумалась до такой затѣи? (Максу) Объясни мнѣ это и ты, милый мальчикъ! Подите сюда, дѣтки, подите сюда! Мое благословеніе двухъ грошей все-таки стоить. (Обнимаетъ ихъ, а затѣмъ выпускаетъ изъ рукъ Гертруду, жметъ руку Максу). Скажи мнѣ теперь, какъ теби зовуть?

ГЕРТРУДА. Максомъ, папочка.

КРАМПТОНЪ. Ну, Максомъ такъ Максомъ! (Максу) Скажу тебѣ словечко! Теперь у насъ съ тобой праздники пойдутъ къ чорту! Будемъ работать вмѣстѣ, какъ два китайскихъ кули. (Оставляетъ его руку и обращается къ Лёфлеру) Максомъ зовется. Глупая головушка! Слышишь, Лёфлеръ? Максомъ. (Бѣгаетъ по комнатѣ). Глупая головушка! Глупая!

(Занавѣсъ падаетъ).

МИХАЭЛЬ КРАМЕРЪ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Переводъ К. Бальмонта и Ек. Андреевой.

*Памяти моего дорогого друга
Гуго-Эрнста Шмидта.*

Рядомъ съ «Коллегою Крамптономъ» Гауптманъ въ полномъ собраніи своихъ сочиненій ставитъ «Михаэля Крамера» (Michael Kramer)—одну изъ самыхъ позднѣйшихъ своихъ драмъ (1900). Логическое основаніе этого совершенно очевидно. Общи и родственны здѣсь и идеи пьесы—трагизмъ гибнущаго таланта и подавленія личности средой, и самая среда—міръ художниковъ.

Приходится повторить, что, несомнѣнно, и здѣсь, какъ въ «Краптовѣ», очень многое построено на личныхъ переживаніяхъ драматурга (см. предисловіе къ «Коллегѣ Крапнтону»). Въ нѣмецкой печати не разъ высказывалась догадка, что въ лицѣ несчастнаго Арнольда Гауптманъ изобразилъ своего старшаго брата Георга, довольно искуснаго карикатуриста, по капризу судьбы ставшаго не художникомъ, а коммерсантомъ.

Посвященіе «Крамера» «памяти дорогаго друга Гуго Эрнста Шмидта» позволяетъ Бартельсу высказать догадку, не причастно ли это неизвѣстное намъ лицо къ образамъ драмы. Вполнѣ правдоподобно, что и для фигуры Крамера-отца у Гауптмана тоже былъ какой-либо прямой прототипъ. Въ этомъ смыслѣ говорили о нынѣ умершемъ художникѣ Брэйерѣ, профессорѣ бреславльской школы, въ семьѣ котораго наблюдались отложенія, очень напоминающія исторію Арнольда. Одинъ изъ друзей Гауптмана Heinrich Lee рассказалъ однажды эту исторію отца-художника, всю жизнь съ суровымъ самоотреченіемъ аскета работавшаго надъ картиною: «Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ», и гуляки-сына, умершаго, правда, не насильственною, но неожиданно и вызванною его причудами трагической смертью (юный Брэйеръ выкупался въ ледяной водѣ и умеръ отъ остраго ревматизма). При угадкахъ поминали также имя и профессора Гертеля, который спасъ Гауптмана въ свое время отъ исключенія изъ бреславльской художественной школы. Въ деталяхъ пьесы безспорно Гауптманъ широко использовалъ свои академическія воспоминанія.

Тринадцатая по счету пьеса Гауптмана—«Крамеръ» увидѣлъ свѣтъ рампы 19 декабря 1900 года, въ одномъ году съ пьесой «Шлукъ и Лу». Если это не былъ неуспѣхъ, то во всякомъ случаѣ это не былъ и полный успѣхъ. Красоту и значеніе этой драмы почувствовали только позднѣе.

Между прочимъ для Россіи, гдѣ почти нѣтъ театра, не ставившаго «Крамера», образъ стараго художника запечатлѣлся въ превосходномъ воплощеніи такого мастера сцены, какъ Станиславскій.

Какъ и относительно «Крапнтона», критика отказывается указать чужія литературныя вліянія на Гауптмана въ «Крамерѣ». Лишь въ

самой отдаленной степени справедлива ссыла на романъ Зола «Трудъ».

Изъ раннѣйшихъ пьесъ самого Гауптмана ближе всѣхъ по идеѣ сюда подходитъ «Праздникъ мира», по обстановкѣ — «Крамptonъ». Страшное взаимное непониманіе отца и сына, создавшее драму въ семьѣ Шольцевъ, есть вмѣстѣ и тема «Крамера». Старый Шольцъ и старый Крамеръ могли бы сказать другъ другу очень многое, какъ много основаній подружиться имѣли бы Вильгельмъ и Арнольдъ.

По своему содержанію «Крамеръ» есть совершенно такая же «семейная катастрофа», какъ и «Праздникъ мира», и если Гауптманъ на этотъ разъ не ставитъ подъ заглавіемъ этого термина, то, вѣроятно, только потому, что послѣдній актъ даетъ широкое философское обобщеніе его идеѣ, какого не могло быть въ «Праздникъ мира», гдѣ все носитъ характеръ довольно исключительнаго случая.

Какъ въ большинствѣ случаевъ у Гауптмана, внѣшняя фабула «Крамера» чрезвычайно несложна. Вся цѣнность пьесы въ ея психологической и философской сложности и глубинѣ. Старикъ Крамеръ — строгій художникъ, свято относящійся къ своему труду, идеальный учитель, дающій безконечно многое своимъ ученикамъ и снискивающій ихъ горячую любовь. По существу добрый и гуманный, Крамеръ однако такъ рѣзко проникнутъ сознаніемъ долга своего и чужого, что его душевный складъ пріобрѣтаетъ какую-то тяжелую для другихъ узость, какую-то мертвящую семью сухость.

И это качество создаетъ тяжелую драму самого Крамера и его сына. Ярко-галантный, богато одаренный душевно, хотя и уродъ по внѣшности, Арнольдъ задыхается въ этой атмосферѣ отповской сдержанности, корректности и безавѣтнаго труда. Старый Крамеръ по-своему правъ во всѣхъ своихъ предъявленіяхъ къ сыну. Привыкшій къ тому, чтобы его имя всѣми въ городѣ произносили съ глубокимъ уваженіемъ, Крамеръ требуетъ отъ Арнольда старческаго благоразумія и сдержанности, отреченія отъ любовныхъ исторій, отъ кутежей и т. п. По-своему правъ и Арнольдъ, когда не можетъ ни запрячь своего Пегаса въ хомутъ трудолюбія, ни отказаться отъ любимой дѣвушки, ни воздержаться отъ дани бурной молодости.

Тяжелая туча розни и враждебности виситъ надъ домомъ Крамеровъ, какъ падъ семьею Шольцевъ. И только тогда, когда Арнольдъ кончаетъ съ собою самоубійствомъ, у незакрытаго гроба безнадежно потеряннаго сына, ставшаго вдругъ безконечно-дорогимъ, предъ лицомъ всепримиряющей смерти, несчастный старый Крамеръ понимаетъ свою непростительную ошибку. Только здѣсь онъ постигаетъ, какъ трагически холодъ его узкой теоріи убилъ цвѣтокъ жизни, который могъ расцвѣсть ослѣпительно-прекрасно. Старый Крамеръ произноситъ свой потрясающій монологъ-гимнъ смерти, все примиряющей и все облакающей высшею красотой, — монологъ, по красотѣ и силѣ имѣющій немного соперниковъ въ міровой литературѣ.

Какъ видимъ, философія Крамера страшно родственна всѣмъ раннимъ пьесамъ Гауптмана, начиная «Предъ восходомъ солнца». Всюду катастрофа или смерть — въ итогъ борьбы личности со средою. И опять смертельная рана нанесена не рукою заклятаго врага, а рукою почти друга, во всякомъ случаѣ человѣка, желавшаго добра, не искавшаго зла. На этотъ разъ Гауптманъ, у котораго мы привыкли видѣть слабыхъ людей и «не-героевъ», впервые попытался изобразить въ лицѣ отца Крамера человѣка съ силой воли и стойкимъ мировоззрѣніемъ. И что же, — сильный оказался побѣжденнымъ и уступающимъ слабому.

Кто истинный герой пьесы Гауптмана,—старик Крамеръ или молодой Арнольдъ? Какая идея центральнѣе—трагедія попраіія личности или гибели таланта?

Гауптманъ даетъ точный отвѣтъ на это и названіемъ пьесы, явно выдвигающимъ впередъ старика Крамера, и заключительнымъ монологомъ, являющимся ключомъ ко всей пьесѣ. И однако, когда вы посмотрите пьесу, личность Арнольда настолько выпукло выдвигается впередъ, настолько овладѣваетъ вашимъ вниманіемъ, заслоняя стараго художника, что на протяженіи всей пьесы вы всецѣло захвачены драмою сына. Только послѣдній актъ возвращаетъ права вниманія Михаалу Крамеру. Въ чемъ же дѣло? И не скрывается ли здѣсь какой-то органическій недостатокъ драмы?

Разгадка въ томъ, что въ Гауптманѣ здѣсь все время борется мыслитель съ драматургомъ. Для мыслителя всего важнѣе идея порабошенія личности, какую воплощаетъ старый Крамеръ. Но, какъ драматургъ, Гауптманъ весь захваченъ красочною драмою Арнольда. Какъ бы даже не согласованно дѣйствуютъ драматургъ и мыслитель. Мыслитель хотѣлъ бы смѣло показать, что истинный убійца Арнольда, какъ это ни жутко, есть вотъ этотъ самый—гуманный, честный, всѣми уважаемый, аскетически преданный искусству Михаалъ Крамеръ, его устарѣлый строй негодящихся для сына взглядовъ, его узкій деспотизмъ, его неспособность понять, что выше драгоцѣнность выше таланта—жизнь человѣка. Это чудесное растеніе онъ задушилъ, закрывъ ему солнце.

Драматургъ Гауптманъ смягчилъ, понизилъ, ослабилъ эту идею. Онъ ввелъ въ пьесу элементъ личнаго оскорбленія Арнольда посторонними людьми, непосредственно толкающей юношу на самоубійство. И этотъ моментъ выступилъ настолько рѣшительно, что не слишкомъ вдумчивый зритель можетъ вовсе не унести изъ театра представленія объ истинномъ нравственномъ убійцѣ безпутьнаго гения,—тѣмъ болѣе послѣ примирительныхъ рѣчей стараго Крамера.

По мысли Гауптмана, смерть попираетъ смерть. Умершій Арнольдъ уничтожаетъ мертвое въ душѣ Крамера. Крамеръ просвѣтлѣлъ. Онъ постигъ, что выше приказовъ головы—вѣлнія сердца, что выше всепоглощающаго Молоха искусства, котораго онъ былъ такимъ вѣрнымъ и самоотверженнымъ жрецомъ, есть свѣтлый богъ любви и свободы, который ласково позволяетъ всякому цвѣтку земли тянуться къ солнцу и улыбаться небу.

Критика дѣлала упрекъ Гауптману, что такіе побѣдные, торжествующіе, восторженные аккорды, какіе звучатъ въ гимнѣ Крамера смерти,—неправдивы въ душѣ отца, сознаващаго, что онъ убійца, и потрясеннаго отчаяніемъ непоправимости сдѣланнаго. Но надо не забывать, что здѣсь идетъ рѣчь о высшемъ, близкомъ къ чуду философскомъ просвѣтлѣніи, истинномъ экстазѣ человѣческаго духа, что старый Крамеръ послѣднихъ страницъ уже вовсе не Крамеръ второго акта, что наконецъ именно для такой фанатической души, беззаветно отдававшейся раньше одному богу, особенно естественно восторженное и столь же пламенное обращеніе къ лучшей вѣрѣ.

И если это могло чувствоваться, какъ психологическое противорѣчіе у другого, то этого избѣжалъ Гауптманъ, облекій думы и чувства Крамера въ слова потрясающей силы и неумирающей красоты. Нужно не имѣть вкуса, чтобы, подобно нѣкоторымъ нѣмецкимъ критикамъ, увидѣть здѣсь только реторику, или, оставшись холоднымъ предъ этимъ гимномъ, педантически отмѣчать техническія слабости

нѣкоторыхъ мѣсть драмы, отсутствіе въ ней дѣйствія въ общепринятомъ смыслѣ, меньшую, чѣмъ свойственно Гауптману, чеканку второстепенныхъ лицъ и общую какъ бы усталость Гауптмана.

Мы склоняемся къ мнѣнію другихъ критиковъ, что «трудно выразить въ немногихъ словахъ, какой красоты исполнено это произведеніе, какое блаженное, небесное примиреніе съ дѣйствительностью скрывается въ послѣднемъ заключительномъ актѣ. Если въ этой драмѣ и найдутся значительныя погрѣшности противъ незыблемыхъ до сихъ поръ техническихъ условій драматургій, то во всякомъ случаѣ человекъ, создавшій такой образъ; какъ старый Крамеръ, есть поистинѣ поэтъ съ лучезарнымъ вѣнцомъ, къ голосу котораго долженъ прислушиваться весь міръ» *).

---

*) M. Kirschstein.

МИХАЭЛЬ КРАМЕРЪ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МИХАЭЛЬ КРАМЕРЪ, преподаватель въ Королевской академіи художествъ, художникъ.

Г-жа КРАМЕРЪ, его жена.

МИХАЛИНА КРАМЕРЪ, дочь, художница.

АРНОЛЬДЪ КРАМЕРЪ, сынъ, художникъ.

ЭРИСТЪ ЛАХМАНЪ, художникъ.

АЛЬВИНА ЛАХМАНЪ, его жена.

ЛИЗА БЕНШЪ, дочь ресторатора Бенша.

АСЕССОРЪ ШНАВЕЛЬ

АРХИТЕКТОРЪ ЦИИНЪ } гости ресторана Беншъ.

ФОНЪ-КРАУТХЕЙМЪ }

КВАНТМЕЙЕРЪ

КРАУЗЕ, педагогъ въ академіи.

БЕРТА, служанка у Крамеровъ.

ФРИЦЪ, кельнеръ въ ресторанѣ Беншъ.

Мѣсто событій драмы—главный городъ въ провинціи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ квартирѣ Крамера, обставленная по-берлински. Зимнее утро, около девяти часовъ. На столѣ, въ углу, у большого окна, выходящаго во дворъ, стоитъ еще горящія лампа и посуда отъ завтрака. Обстановка комнаты ничего особеннаго собою не представляетъ. Михалина, интересная дѣвушка, брюнетка, отодвинула нѣсколько свой стулъ отъ стола, курить папиросу, на колѣняхъ у нея книга. Г-жа Крамеръ входитъ изъ двери, что въ задней стѣнѣ, занятая хозяйственными соображеніями. Это сѣдая женщина лѣтъ пятидесяти шести, характера безпокойнаго и озабоченнаго.

Г-жа Крамеръ. Ты все еще здѣсь, Михалина? Развѣ тебѣ не надо уходить?

Михалина (отвѣчая не тотчасъ же). Нѣтъ, мать, еще не надо... Да и на дворѣ вѣдь еще совершенно темно.

Г-жа Крамеръ. Да, если тебѣ нечего дѣлать, Михалина.

Михалина. Да, нечего, мать.

Г-жа Крамеръ. Потому что дѣйствительно... тебѣ дѣйствительно надо бы замѣтить,—и безъ того довольно заботъ.

Михалина. Да, мать, конечно! (Курить и смотреть въ книгу).

Г-жа Крамеръ. Что это ты тамъ читаешь? И вѣчно куришь!

Михалина. Что же мнѣ не читать?

Г-жа Крамеръ. Мнѣ-то что, читай!.. Меня только удивляетъ, какъ ты можешь быть такой спокойной.

Михалина. О, Господи! Если бы ждать спокойствія. Когда же тогда вообще успѣешь что-нибудь сдѣлать?!

Г-жа Крамеръ. Что, папа, уходя, ничего больше не сказалъ?

Михалина. Нѣтъ!

Г-жа Крамеръ. Это хуже всего, когда онъ ничего не говорить.

Михалина. Ахъ, да! Я-было и забыла. Чтобы Арнольдъ пришелъ къ нему въ мастерскую ровно въ одиннадцать.

Г-жа Крамеръ (закрываетъ заслонку въ печкѣ, заворачиваетъ ее и, поднимаясь, вздыхаетъ). Ахъ, да! Господи, Боже мой!

Михалина. А ты, мать, дѣлай, какъ я, не думай!.. Новаго же ничего нѣтъ, мы же это знаемъ. Арнольдъ и въ этомъ не измѣнится...

Г-жа Крамеръ (садится къ столу, подпираетъ голову рукой и вздыхаетъ). Ахъ, не понимаете вы мальчика! Не понимаете вы его! Не понимаете! А отецъ... онъ еще окончательно погубить его.

Михалина. Я думаю, ты ошибаешься, когда утвер-

ждаешь это: Ты жестоко ошибаешься. Папа дѣлаетъ все, что можетъ, для Арнольда. Онъ перепробовалъ съ нимъ все. Если вы этого не умѣете цѣнить, мать, тѣмъ хуже.

Г-жа Крамеръ. Ты дочь своего отца, это я уже знаю.

Михалина. Да. И твоя дочь и отца!

Г-жа Крамеръ. Да, отца гораздо больше, чѣмъ моя. Потому что, если бы ты была больше моей дочерью, ты бы не брала всегда его сторону.

Михалина. Мать, лучше намъ не волноваться... Пытаешься быть просто справедливой, и сейчасъ же: ты берешь сторону того или другого... Тяжело съ вами, это ужъ повѣрьте.

Г-жа Крамеръ. Я беру сторону моего мальчика, и basta! А тамъ можете дѣлать, что хотите!

Михалина. Какъ только можно говорить такія вещи!

Г-жа Крамеръ. Михалина, ты вѣдь совсѣмъ не женщина! Ты совсѣмъ не женщина, Михалина! Ты говоришь, какъ мужчина! Думаешь, какъ мужчина! Какой толкъ въ такой дочери?

Михалина (пожимая плечами). Да, мать, если это дѣйствительно такъ!.. Вѣдь этого же и измѣнить я не могу.

Г-жа Крамеръ. Можешь измѣнить, только не хочешь.

Михалина. Мама... Мнѣ, къ сожалѣнію, надо уходить, мама. Послушай, мать, пожалуйста, не волнуйся. Ты же и не думаешь того, что говоришь сейчасъ.

Г-жа Крамеръ. Такъ же вѣрно, какъ я здѣсь стою, слово въ слово!

Михалина. Тогда мнѣ очень жалко насъ всѣхъ, мать!

Г-жа Крамеръ. Да, мы всѣ страдаемъ отъ папы.

Михалина. Сдѣлай одолженіе, разъ навсегда. Я никогда не страдала отъ отца, не страдаю и теперь отъ него. Я уважаю отца, ты отлично это знаешь! Было бы распроткнутой ложью...

Г-жа Крамеръ. Фу, Михалина, что ты все ругаешься!

Михалина. Если бы я говорила, что я страдаю отъ него. Нѣтъ человѣка на свѣтѣ, которому бы я такъ безмѣрно была благодарна.

Г-жа Крамеръ. Больше чѣмъ мнѣ?

Михалина. Да. Мнѣ очень жаль. Что такое отецъ, и что такое отецъ для меня,—это лучше понимаютъ чужіе, чѣмъ вы: я разумѣю тебя, мать, и Арнольда; это судьба! Самые близкіе отцу—самые ему далекіе. Онъ бы пропалъ одинъ среди васъ.

Г-жа Крамеръ. Будто я не знаю, какъ ты часто плакала, когда отецъ...

Михалина. Да, плакала. И часто плакала. Онъ иногда дѣлалъ мнѣ больно, но въ концѣ концовъ я всегда должна была сознаться себѣ: онъ дѣлалъ мнѣ больно, но никогда не былъ несправедливъ, и всегда мнѣ это что-нибудь давало.

Г-жа Крамеръ. Давало или нѣтъ, все же ты никогда не была счастлива благодаря отцу. Если бы у тебя былъ свой уютный уголокъ, мужъ, дѣти... и все это...

Михалина. Это же не отецъ у меня отнял!

Г-жа Крамеръ. Теперь ты мучишься, какъ мучится папа, и ничего изъ этого не выходитъ, кромѣ недовольства и заботъ.

Михалина. Ахъ, мать, когда я все это слышу, мнѣ дѣлается такъ тяжело! Такъ тѣсно! Такъ тѣсно и тоскливо, ты не повѣришь. (Съ горечью, печально) Если бы Арнольдъ не былъ Арнольдомъ, какъ бы онъ былъ благодаренъ отцу.

Г-жа Крамеръ. Онъ билъ его, когда ему было уже пятнадцать лѣтъ!

Михалина. Я не спору, что отецъ можетъ быть жестоко и что онъ иногда давалъ себѣ волю,—я этого не приукрашиваю и не извиняю. Но, мать, вспомни тоже, не далъ ли Арнольдъ къ этому поводъ. Онъ тогда поддѣлалъ подпись отца.

Г-жа Крамеръ. Изъ страха! Изъ страха передъ папой.

Михалина. Нѣтъ, мать, этимъ всего не объяснишь.

Г-жа Крамеръ. Онъ мальчикъ несчастный, онъ нездоровъ, онъ отъ рожденія нездоровъ.

Михалина. Очень можетъ быть, онъ долженъ съ этимъ примириться. Примиряться съ собой нашъ общій удѣлъ, мать. Держать себя въ рукахъ и добиться чего-нибудь выешаго—это обязанъ каждый. И лучшій ему примѣръ отецъ... Кстати, мать, вотъ двадцать марокъ, я въ этомъ мѣсяцѣ не могу дать больше. Я заплатила по счету за краски, это одно уже стоило двадцать три марки. Зимнюю шапку мнѣ тоже нужно было непременно. Двумъ ученикамъ пришлось отсрочить плату.

Г-жа Крамеръ. Ну да, мучишься ты съ этими женщинами, а потомъ онѣ отбираютъ у тебя послѣднее.

Михалина. Нѣтъ, мать, онѣ вовсе не отбираютъ меня. Эта бѣдная кривая Шефферъ совсѣмъ безъ средствъ, недоѣдаетъ! (Звонокъ въ передней). Позвоили. Кто бы это могъ быть?

Г-жа Крамеръ. Не знаю. Я только лампу потушу. Въ могилу бы мнѣ!

БЕРТА (проходить черезъ комнату).

Михалина. Берта, спросите раньше фамилію.

Г-жа Крамеръ. Чтò, молодой баринъ спитъ еще?

БЕРТА. Да они, поди, вовсе и не ложились. (Уходитъ).

Михалина. Кто бы это могъ быть, мама?

БЕРТА (возвращается). Художникъ Лахманъ съ женой. Они прежде того у господина профессора въ школь были.

Михалина. Папа не профессоръ. Вы же знаете, онъ хочетъ, чтобы его называли просто господиномъ Крамеромъ. (Уходитъ въ переднюю).

Г-жа Крамеръ. Подожди-ка! Я тутъ приберу немного. Живо, Берта! Я потомъ вернусь. (Она и Берта уходятъ, унося съ собой кое-что изъ посуды).

(Изъ передней слышно, какъ тамъ здороваются. Затѣмъ появляется художникъ Эрнстъ Лахманъ, его жена Альвина, за ними Михалина. Лахманъ въ пальто и цилиндръ, съ палкой въ рукѣ; она въ темной шляпѣ изъ перьевъ, въ боа изъ перьевъ и пр. Платье у обоихъ поношенное).

Михалина. Откуда же ты? И чтò собственно ты дѣлаешь?

Лахманъ (представляя). Альвина,—а это Михалина Крамеръ.

Г-жа Лахманъ (очень удивленная). Неужели?.. Это вы?

Михалина. Васъ это въ самомъ дѣлѣ такъ удивляетъ?

Г-жа Лахманъ. Да! Откровенно говоря, немного. Я васъ себѣ представляла совсѣмъ другой.

Михалина. Еще старше? Еще морщинистѣе, чѣмъ я сейчасъ?

Г-жа Лахманъ (быстро). Нѣтъ, откровенно говоря, совсѣмъ наоборотъ.

Михалина и Лахманъ (весело смѣются).

Лахманъ. Можетъ недурно выйти. Ты хорошо начинаешь.

Г-жа Лахманъ. А чтò? Я опять что-нибудь не такъ сдѣлала?

Лахманъ. Какъ поживаетъ твой отецъ, Михалина?

Михалина. Хорошо. Такъ же приблизительно, какъ всегда. Ты врядъ ли найдешь въ немъ большую перемену... Но сядь же, прошу! Пожалуйста, г-жа Лахманъ. Вы насъ извините? У насъ тутъ еще не убрано. (Всѣ садятся вокругъ стола). Ты куришь? (Она предлагаетъ ему папиросу). Или отвыкъ? Простите, это я надымилась: я знаю, это не женственно, но,

къ несчастью... сознала я это слишкомъ поздно. А вы, вѣрно, не курите? Нѣтъ? И васъ не беспокоитъ?

Г-жа Лахманъ (качаетъ отрицательно головой). Да, Эрнстъ дома цѣлый день не выпускаетъ папиросы изо рта

Лахманъ (беретъ изъ портсигара Михалины папиросу). Спасибо.. Въ этомъ ты ничего не понимаешь.

Г-жа Лахманъ. Что же тутъ понимать, Эрнстъ?

Лахманъ. Очень много, моя милая.

Г-жа Лахманъ. Да что же? Какъ же?

Михалина. Говорить легче, когда куришь.

Г-жа Лахманъ. Значить, это хорошо, фрейлейнъ, что я не курю. Я и безъ того слишкомъ много болтаю.

Лахманъ. Это зависитъ отъ того, что говорить.

Г-жа Лахманъ. Милый Эрнстъ, ты тоже иногда болтаешь вздоръ.

Лахманъ (рѣзко мѣняетъ разговоръ). Да! Что это я хотѣлъ сказать!.. Да, значить, твой отецъ живетъ хорошо,—я очень радъ.

Михалина. Да. Я уже сказала: живетъ, какъ всегда. Въ общемъ, во всякомъ случаѣ, хорошо. А ты прѣхалъ сюда навѣстить свою мать?

Г-жа Лахманъ (болтливо). Да онъ, видите ли, хотѣлъ здѣсь осмотрѣться немного: не найдется ли ему здѣсь какое дѣло. Въ Берлинѣ рѣшительно ничего нѣтъ. А здѣсь, фрейлейнъ, развѣ тоже нечего дѣлать?

Михалина. Въ какомъ смыслѣ? Я не знаю... что вы хотите сказать.

Г-жа Лахманъ. Ну, да вотъ вы открыли школу. Даетъ она вамъ что-нибудь?

Лахманъ. Эй; ты! Скажи, когда кончишь. Да?

Михалина. Моя школа живописи? Немного! О, да, очень немного. Но все же даетъ. Ничего себѣ. (Къ Лахману) А ты что, конкурентомъ мнѣ собираешься быть?

Г-жа Лахманъ. Ахъ, что вы, сохрани Богъ! Какъ вы могли подумать! Мой мужъ вѣдь бредитъ вами, должна я вамъ сказать. Никогда мой мужъ такъ бы не поступилъ. Но что-нибудь ему надо же дѣлать. Ъсть - пить надо же, не правда ли? Мой мужъ...

Лахманъ. Мой мужъ: я не твой мужъ. Мнѣ это выраженіе дѣйствуетъ на нервы.

Г-жа Лахманъ. Ну, какъ вамъ это нравится!

Лахманъ. Альвина, меня зовутъ Эрнстъ! Замѣть себѣ это. Мой совокъ, ты можешь сказать. Мой кофейникъ, моя фальшивая коса, а вообще: рабство упразднено.

Г-жа Лахманъ. Но, дружокъ..

Лахманъ. Это собачья кличка.

Г-жа Лахманъ. Вотъ извольте видѣть! Вотъ такого мужа имѣть. Сдѣлайте мнѣ только одолженіе: ни за что на свѣтѣ не выходите замужъ. Старымъ дѣвамъ живется гораздо лучше.

Михалина (отъ души смѣется).

Лахманъ. Ну, Альвина, теперь будетъ. Надѣвай свое боа и ступай куда-нибудь, подожди меня. Поняла?.. А то все равно нѣтъ никакого смысла въ этомъ... Надѣвай свое прелестное любимое боа и отправляйся. Побѣзжай къ матери, или посиди тутъ рядомъ въ кафе, я потомъ зайду туда, пожалуй, за тобой.

Г-жа Лахманъ. Нѣтъ! Посмотрите-ка... Полюбуйтесь на обращеніе съ женой. Пикнуть нельзя, рта открыть, все не такъ.

Лахманъ. Да и не нужно вовсе открывать. Всегда глупость выходить.

Г-жа Лахманъ. Конечно, я не такъ умна, какъ ты.

Лахманъ. Будетъ! Все остальное оставь при себѣ.

Михалина. Пожалуйста, г-жа Лахманъ, останьтесь.

Г-жа Лахманъ. Помилуй Богъ! Что вы! Вамъ меня жалѣть не приходится. Прощайте. На углу здѣсь есть кондитерская. Итакъ, дружокъ, понять? Тамъ встрѣтимся. (Уходитъ въ сопровожденіи Михалины).

Лахманъ. Не съѣшь только опять тринадцать пирожковъ.

Михалина (возвращается). Старымъ дѣвамъ живется много лучше; она, правда, немного черезчуръ пряма.

Лахманъ. Городить все, что въ голову придетъ.

Михалина (садится опять). Но и ты съ ней безъ церемоніи. Не всякая это стерпитъ, Лахманъ.

Лахманъ. И мнѣ съ нею не сладко. Она вѣдь непременно хотѣла познакомиться съ тобой. Иначе я бы ее сюда и не взялъ. Ну, какъ же ты живешь?

Михалина. Спасибо! Хорошо! А ты?

Лахманъ. Ничего себѣ.

Михалина. Да и я тоже... Но ты уже съѣдешь, — виски.

Лахманъ. Это глупость наружу лѣзеть. (Оба смѣются).

Михалина. И хочешь, значитъ, поселиться здѣсь?

Лахманъ. И во снѣ мнѣ этого не снилось. Она сочиняетъ разныя разности, а потомъ утверждаетъ съ непоколебимой твердостью, что я невѣсть что только ни говорилъ. (Пауза). Какъ поживаетъ твой братъ?

Михалина. Благодарю, хорошо.

Лахманъ. Усердно пишетъ?

Михалина. Напротивъ.

Лахманъ. А что же онъ тогда дѣлаетъ?

Михалина. Болтается, конечно. Болтается, что же ему еще дѣлать.

Лахманъ. Почему же онъ не остался въ Мюнхенѣ? Все же онъ тамъ кое-что да дѣлалъ.

Михалина. А ты все еще думаешь, что онъ можетъ что-нибудь дѣлать?

Лахманъ. То-есть какъ это? Я этого не понимаю. Это до нѣкоторой степени вѣ сомнѣнiя.

Михалина. Ну, если у него и есть талантъ... то онъ недостойнъ его... Однако лучше поговоримъ о другомъ: отецъ часто о тебѣ спрашивалъ. Онъ радъ будетъ увидать тебя. И, не говоря, конечно, обо мнѣ, я очень рада за отца, что ты опять къ намъ пріѣхалъ. Видишь ли, ему надо освѣжиться.

Лахманъ. И мнѣ тоже. Мнѣ, вѣроятно, даже больше, чѣмъ ему. И,—я также не говорю о тебѣ;—что особенно меня тянуло—со всѣмъ другимъ можно было бы подождать—это особенное желанiе опять побыть съ твоимъ отцомъ. И картину его, конечно, мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть.

Михалина. Кто тебѣ говорилъ объ его картинѣ?

Лахманъ. Да говорили, что ее купили въ галерею.

Михалина. Директоръ Мюрингъ былъ здѣсь, но о томъ, что онъ купилъ картину, я не знаю. Папа такой трудный. Врядъ ли. Я думаю, онъ прежде, вѣроятно, пожелаетъ ее кончить.

Лахманъ. Но ты знаешь картину? Да, конечно?

Михалина. Я видѣла ее два года тому назадъ. Я совсѣмъ о ней не могу судить. Папа ужъ очень давно работаетъ надъ ней. (Пауза).

Лахманъ. А мнѣ онъ ее покажетъ? Какъ ты думаешь? Не знаю, но у меня предчувствiе, что это что-то совсѣмъ необычайное. Ничего съ собой не подѣлаю, вѣрю въ это. Я вѣдъ теперь съ многими познакомился. Но ни одного не встрѣчалъ, которому бы такъ хотѣлось заглянуть въ душу. Вообще, знаешь, если я не совсѣмъ погрязъ,—потому что все же я еще держусь,—я этимъ главнымъ образомъ обязанъ твоему отцу. Что онъ говорилъ и какъ онъ говорилъ,—этого забыть нельзя. Такого другого учителя, какъ онъ, не существуетъ. Я утверждаю, что тотъ, на кого твой отецъ имѣлъ влiяние, не можетъ совершенно измелъчать.

Михалина. Надо бы такъ думать, Лахманъ. Да, да.

Лахманъ. Онъ какъ-то тебя всего пересоздаетъ. У многихъ можно научиться тому-другому, я встрѣчалъ очень славныхъ людей; но всегда за ними я видѣлъ твоего отца, и ни одинъ изъ нихъ не выдерживалъ съ нимъ сравненія. Такъ онъ всѣхъ насъ, учениковъ, умѣлъ встряхнуть, онъ передѣлывалъ въ насъ все заново, переплавлялъ насъ на свой образецъ. Выколачивалъ изъ насъ все мѣщанское. Есть чего держаться всю жизнь. Кто зналъ, напримѣръ, его строгое, неумолимое отношеніе къ искусству, тому потомъ въ жизни все кажется пустымъ...

Михалина. Теперь ты видишь... это отношеніе отца... какъ ты сказалъ... Ты чувствуешь его еще въ крови, и для меня оно мое лучшее достояніе. Онъ производитъ впечатлѣніе на самыя глупыя головы, а Арнольдъ его не принимаетъ. (Она встала). Ну, мнѣ пора идти въ школу, Лахманъ. Тебѣ смѣшно, ты думаешь, сама ничего не знаетъ.

Лахманъ. Въ этомъ ты дочь своего отца. Никогда я этого не могъ понять. Мнѣ думается, что какъ-то особенно безнадежно биться вотъ такъ съ живописующими дамами.

Михалина. Да иногда съ ними можно кое-что и сдѣлать. Стараются онѣ изъ всѣхъ силъ. Ужь это одно мирить. Чего же желать еще? Достигнуть ли онѣ чего дѣйствительно?.. Въ стремленіи уже достигаешь многого. И, кромѣ того, меня, какъ отца, забавляетъ вліять на людей. Молодѣешь съ учениками, Лахманъ: а это съ теченіемъ времени бываетъ нужно. (Она отворяетъ дверь и кричитъ въ задній комнаты) Мама, прощай, мы уходимъ.

Голосъ Арнольда (передразниваетъ ее). Мама, прощай, мы уходимъ.

Лахманъ. Кто это такой?

Михалина. Арнольдъ. Онъ всегда такъ. Забавнаго мало. Пойдемъ.

Лахманъ и Михалина (уходятъ).

Арнольдъ (входитъ. Это некрасивый человѣкъ, съ черными огненными глазами, въ очкахъ, темные волосы и тощая борода, фигура кривая и нѣсколько спорбленная. Цвѣтъ лица грязно-блѣдный. Онъ, шлепая туфлями, идетъ къ зеркалу. Онъ въ брюкахъ и сюртукѣ; снимаетъ очки, корча гримасы, разсматриваетъ нечистоту своей кожи. Всѣмъ своимъ видомъ производитъ впечатлѣніе неряшливости).

Михалина (возвращается. Слегка испуганно). Ахъ, Арнольдъ! Я забыла зонтикъ. Кстати, ты знаешь, Лахманъ здѣсь.

Арнольдъ (показываетъ, чтобы его оставили въ покоѣ). Мнѣ

въ высокой степени наплевать на этого добродѣтельнаго мужчину.

Михалина. Скажи, пожалуйста, что тебѣ Лахманъ сдѣлалъ?

Арнольдъ. Онъ какъ-то мнѣ кукишъ показалъ.

Михалина (пожимая плечами, спокойно). Не забудь, въ одиннадцать часовъ тебѣ надо быть у отца.

Арнольдъ (объими руками затыкаетъ себѣ уши).

Михалина. Скажи, Арнольдъ, это по-твоему лично?

Арнольдъ. Да... Дай-ка мнѣ лучше одну марку займа.

Михалина. Я могу тебѣ дать займа. Почему же нѣтъ. Только, въ концѣ концовъ, я могу упрекнуть себя въ томъ, что...

Арнольдъ. Ну, пошла! Проваливай. Намъ ваше скряжничество известно.

Михалина (хочетъ что-то возразить, пожимаетъ плечами и уходитъ).

Арнольдъ (идетъ къ столу, на которомъ остатки завтрака, беретъ кусочекъ сахару въ ротъ и слегка задѣваетъ мать, которая какъ разъ входитъ. Потомъ онъ опять подходитъ къ зеркалу).

Г-жа Крамеръ (вытираетъ руки о передникъ и опускается на первый попавшійся стулъ. Тяжело и озабоченно вздыхаетъ). О! Господи! О-охъ!

Арнольдъ (оборачивается, спускаетъ очки на кончикъ носа, поднимаетъ высоко плечи и принимаетъ соответствующій послѣдующему комическій видъ). Мама, похожъ я на марабу?

Г-жа Крамеръ. Ахъ, Арнольдъ, мнѣ, право, не до того! Я не могу смѣяться надъ твоими глупостями. Кто же тебѣ отперъ сегодня ночью?

Арнольдъ (приближается къ ней, сохраняя комическую важность марабу). Отецъ!

Г-жа Крамеръ. Онъ спустился внизъ всѣ три лѣстницы?

Арнольдъ (все еще коса комично черезъ очки). Да!

Г-жа Крамеръ. Оставь, Арнольдъ, мнѣ это противно! Брось свои глупости. Можешь ты быть хоть когда-нибудь серьезень? Будь благоразуменъ. Расскажи мнѣ, что тебѣ сказалъ папа.

Арнольдъ. Вамъ всегда все противно. Вы мнѣ тоже противны,—и какъ еще!

Г-жа Крамеръ. Очень отецъ сердился, когда отперъ тебѣ?

Арнольдъ (не слышитъ какъ будто).

Г-жа Крамеръ. Что же онъ тебѣ сказать?

Арнольдъ. Ничего!

Г-жа Крамеръ (подходить къ нему, вѣжно). Арнольдъ, исправся: Изъ любви ко мнѣ! Начни другую жизнь.

Арнольдъ. А какъ же я живу?

Г-жа Крамеръ. Безпутно живешь ты! Лѣнтяишься! Ночи напролетъ дома не бываешь. Шатаешься... О, Господи, Господи! Ты ведешь ужасную жизнь, Арнольдъ.

Арнольдъ. Не приходи въ азартъ, мать. Я хотѣлъ бы только знать, что это такое у тебя за предчувствія.

Г-жа Крамеръ. Очень мило, могу сказать, какъ ты съ матерью обращаешься.

Арнольдъ. Ну, такъ сдѣлай милость, оставь меня въ покоѣ! Ну, что вы ко мнѣ пристааете! Такъ вѣдь и впрямь съ ума сойдешь.

Г-жа Крамеръ. Ты называешь это приставать, Арнольдъ? Когда подходишь къ тебѣ, тебѣ добра желаешь? Что же, мать твоя не можетъ подойти къ тебѣ? Арнольдъ, Арнольдъ, не грѣши!

Арнольдъ. Мнѣ это ни къ чему, мать. Къ чему эта вѣчная болтовня? Впрочемъ, у меня страшно голова болитъ! Дайте-ка мнѣ немножко денегъ, тогда я посмотрю, какъ мнѣ дальше быть...

Г-жа Крамеръ. Вотъ какъ? Чтобы ты совсѣмъ погибъ. (Пауза).

Арнольдъ (у стола. Беретъ булку въ руку). Булка! Какъ камень твердая.

Г-жа Крамеръ. Вставай раньше, свѣжую получишь.

Арнольдъ (зѣвая). Противно, до чего день тянется долго.

Г-жа Крамеръ. Не удивительно, если такъ проводить его, какъ ты. Выспался бы хорошенько ночь и днемъ былъ бы веселѣе... Арнольдъ, но сегодня я тебя такъ не отпущу! Груби мнѣ, сколько хочешь. Не могу я больше этого видѣть. (Онъ садится къ столу, она наливаетъ ему кофе). Гримасничай, сколько хочешь, я вижу за этимъ другое. У тебя что-то есть! Я тебя хорошо знаю. Тебя что-то беспокоитъ и мучитъ. Ты думаешь, я не слыжала, какъ ты вздыхаешь? Ты безпрестанно вздыхаешь и самъ не замѣчаешь, какъ вздыхаешь.

Арнольдъ. Ахъ, Господи, вотъ подсматриваютъ! Къ чорту! Сколько разъ чихнулъ и что еще... Сколько разъ цюнулъ, сколько вдохнулъ. Отъ васъ на стѣну полѣзешь!

Г-жа Крамеръ. Говори, что хочешь, мне все равно. Я знаю, что знаю, и все тутъ. Что-то тебя тяготитъ, Арнольдъ. Ужъ это по одному твоему безпокойству замѣтно. Безпокойный ты всегда былъ, но не такой, какъ теперь. Это я хорошо вижу.

Арнольдъ (ударяетъ кулакомъ по столу). Оставь меня въ покоѣ, мать!.. Поняла? А то вы меня совсѣмъ изъ дому выживете. Что вамъ за дѣло до того, что я дѣлаю, мать!? Я не младенецъ и, чего не хочу сказать, не скажу. Довольно мне васъ.. Достаточно вы меня мучили. За вашу помощь тоже благодарю. Помочь вы мне не можете, я вамъ говорю. Самое большее можете вопить о спасеніи.

Г-жа Крамеръ (плачетъ безудержно). Арнольдъ, ты сдѣлалъ что-нибудь дурное. Боже милосердный, Арнольдъ, ради Бога, что ты сдѣлалъ?

Арнольдъ. Убилъ стараго жида, мама.

Г-жа Крамеръ. Не насмѣхайся, не насмѣхайся надо мною. Скажи мне, если ты сдѣлалъ что-нибудь. Я же знаю, что ты не злой человекъ, но иногда ты раздражителенъ и запальчивъ. И что ты можешь сдѣлать въ бѣшенствѣ и въ запальчивости... кто знаетъ, что ты можешь сдѣлать.

Арнольдъ. Мама, мама, успокойся! Я не убилъ жида, не поддѣлалъ даже векселя, хотя мне очень нужны деньги, хоть немного.

Г-жа Крамеръ. Я стою на своемъ, ты что-то отъ насъ скрываешь! Ты не можешь смотрѣть прямо въ глаза. Въ тебѣ и прежде было что-то угрюмое, а теперь, Арнольдъ, ты только этого не замѣчаешь, теперь на тебѣ какъ будто клеймо. Ты пьешь! Прежде ты терпѣть не могъ пива. Ты пьешь, чтобъ заглушить что-то въ себѣ, Арнольдъ.

Арнольдъ (стоялъ до сихъ поръ у окна и барабанилъ пальцами по стеклу). Клеймо! Клеймо! Ну, и еще что? Мне-то что. Говорите, что хотите... Клеймо на мне, это ты правду сказала, но въ этомъ, кажется, я неповиненъ.

Г-жа Крамеръ. Всегда у тебя всѣ виноваты.. Всѣхъ задѣваешь и иногда очень больно попадаешь—въ самое сердце. Мы же сдѣлали все, что могли. Что ты такимъ сталъ, какъ ты есть... Это надо терпѣть, коли Богъ послалъ.

Арнольдъ. Ну, такъ и терпите, сдѣлайте одолженіе. (Пауза).

Г-жа Крамеръ. Арнольдъ, послушай, не запирайся! Скажи мне, что съ тобой. Неужели намъ такъ и бояться

день и ночь. Ты вѣдь не знаешь, какъ папа мучится. Я тоже столько дней не сплю. Сними же съ насъ эту тяжесть; она давить насъ, мальчикъ. Ты это можешь сдѣлать, скажи одно откровенное слово. Ты слабый, я знаю...

Арнольдъ. Ахъ, мать, оставь эти исторіи. А то я буду спать въ мастерской, т.-е. на моемъ сѣновалѣ, хотѣлъ я сказать. И лучше замерзну тамъ. Ну, что-то есть! Отлично! Я не спорю. Чтò же мнѣ поэтому тревогу бить? Отъ этого только бы хуже стало.

Г-жа Крамеръ. Арнольдъ, ты... Это все та исторія?.. Нѣсколько недѣль тому назадъ ты проговорился! А потомъ старлся заглушевать... Это все исторія съ той дѣвушкой, Арнольдъ?

Арнольдъ. Мать, да чтò ты, совсѣмъ съ ума сошла?

Г-жа Крамеръ. Мальчикъ мой, не причиняй намъ еще этого! Не запутывайся ты хоть въ любовныя исторіи. Свяжешься съ какой-нибудь бабой, тогда не вытащить тебя изъ грязи. Я знаю, какъ великъ здѣсь соблазнъ. Западни на каждомъ шагу. Когда мимо идешь, слышишь, какъ онѣ пристають. Полиція-то это терпитъ!.. Не послушаешься ты матери своей, такъ и другая бѣда съ тобой приключиться можетъ. Преступленія совершаются ежедневно.

Арнольдъ. Пусть только кто-нибудь дотронется до меня, мать! (Кладетъ руку въ карманъ брюкъ). Этотъ случай я предусмотрѣлъ.

Г-жа Крамеръ. Чтò это значитъ?

Арнольдъ. Что я на все готовъ. На это, слава Богу, нынче есть средства.

Г-жа Крамеръ. Неужели тебѣ не противно уже снаружи все это: барабанять на фортепiano, красные фонари и весь этотъ мерзкій чадъ! Арнольдъ, какъ я подумаю, что ты тамъ... я хочу сказать, въ такихъ вертепахъ... въ такихъ грязныхъ дырахъ проводишь ночи, тогда лучше бы мнѣ умереть и быть мертвой.

Арнольдъ. Мать, я бы хотѣлъ, чтобы этотъ день уже прошелъ. Вы меня совсѣмъ дуракомъ сдѣлали, звонъ въ ушахъ стоитъ. Мнѣ надо всегда держать себя въ рукахъ, ипаче въ трубу вылетитъ. Я куплю себѣ мѣшокъ, мама, и буду таскать васъ всюду съ собой.

Г-жа Крамеръ. Хорошо. Но одно говорю тебѣ, ты не выйдешь сегодня вечеромъ изъ дому.

Арнольдъ. Да? Тогда я сейчасъ уйду, мама.

Г-жа Крамеръ. Въ одиннадцать къ папѣ и затѣмъ вернешься.

Арнольдъ. И не подумаю! Въ голову не придетъ.

Г-жа Крамеръ. Такъ куда же ты пойдешь?

Арнольдъ. Не знаю еще.

Г-жа Крамеръ. Значить, ты не будешь обѣдать дома?

Арнольдъ. Чтобы смотрѣть на ваши физиономіи? Нѣтъ. И все равно я ничего не ѣмъ, мама.

Г-жа Крамеръ. И вечеромъ тебя опять не будетъ?

Арнольдъ. Я сбѣгаю, что мнѣ захочется.

Г-жа Крамеръ. Хорошо, мальчикъ, тогда между нами все кончено! И, кромѣ того, я выслѣжу тебя! До тѣхъ поръ не успокоюсь, повѣрь! И если я узнаю, что за этимъ кроется такая женщина, тогда, клянусь тебѣ и Богомъ мнѣ свидѣтель, я отправляю ее въ полицію!

Арнольдъ. Ну, мать, этого лучше не дѣлай.

Г-жа Крамеръ. Я скажу отцу. Напротивъ. И отецъ, отецъ вразумитъ тебя. Если онъ что замѣтитъ, онъ будетъ внѣ себя.

Арнольдъ. А я тебѣ только могу сказать: лучше этого не дѣлай. Когда отецъ мораль проповѣдуетъ, ты знаешь, я просто затыкаю себѣ уши. Никакого другого эффекта это не достигаетъ. О, Господи, да! Такъ чужды вы мнѣ стали... Ну, скажи сама, гдѣ я-тутъ... что я тутъ?

Г-жа Крамеръ. Вотъ какъ?!

Арнольдъ. Ну, гдѣ? Гдѣ я, мать? Михалина, отецъ, ты, что вы хотите отъ меня? Какое вамъ до меня дѣло? И что, въ сущности, мнѣ до всѣхъ васъ?

Г-жа Крамеръ. Что? Какъ?

Арнольдъ. Да, ну что? Что вамъ отъ меня нужно?

Г-жа Крамеръ. Какія возмутительныя вещи ты говоришь!

Арнольдъ. Да, да, возмутительныя: по-моему тоже. Но, правда, мать, на этотъ разъ истинная правда. Не совралъ я. Вы мнѣ помочь не можете, говорю я вамъ. И если вы будете приставать ко мнѣ еще, тогда случится... нѣчто, мама, что васъ, можетъ-быть, очень озадачить!.. Тогда будетъ конецъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Мастерская старика Крамера въ академіи. Задернутый сѣрый занавѣсъ скрываетъ самую мастерскую. Передъ занавѣсомъ направо дверь, къ которой ведетъ лѣсенка. Также направо, ближе къ переднему плану, старый кожаный диванъ и передъ нимъ маленькій по-

крытый столикъ. Налѣво половина большого окна мастерской, другая половина скрыта занавѣсомъ. Подъ нимъ маленькій столикъ, на которомъ лежатъ принадлежности для гравированія и начатая доска. На столѣ передъ диваномъ письменныя принадлежности, бумага, старинный подсвѣчникъ со свѣчой и проч. На стѣнѣ голубовато-сѣраго цвѣта, надъ диваномъ висятъ гипсовыя снимки: рука, нога, женскій бюстъ и маска Бетховена. Поверхъ занавѣса, который не доходитъ на одну треть до потолка помещенія, видно верхнюю часть мольберта. Надъ диваннымъ столомъ газовый рожокъ. Два простыхъ гутыхъ стула дополняютъ обстановку. Всюду царитъ чистота и тщательный порядокъ. Михаэль Крамеръ сидитъ на диванѣ и, охая, подписываетъ нѣсколько бумагъ, которыхъ ждетъ педагогъ Краузе съ шалкой въ рукѣ. Краузе — широкій и неуклюжій. Крамеръ — бородачатый человекъ, за пятьдесятъ лѣтъ, бѣлые пряди въ черной бородѣ и въ волосахъ. Голова всажена между слишкомъ высокихъ плечъ. Фигура согнутая, какъ бы подъ какою тяжестью. Глубоко лежащіе глаза, темные, горящіе и притомъ безпокойные. У него длинныя руки и ноги, некрасивая походка, большой шагъ. Лицо его блѣдно и вдумчиво. Онъ часто охаетъ. Въ его манерѣ говорить есть что-то непривольно-свирѣбое. Онъ ступаетъ въ своихъ безформенныхъ и прямо вычищенныхъ сапогахъ, выворачивая ступни. На немъ черныя слуртукъ, черныя жилетъ, черныя панталоны, старомодный отложной воротничокъ, крахмаленная сорочка и черныя галстучекъ ленточкой — все безукоризненной чистоты и аккуратности. Манжеты онъ поставилъ на подокольникъ. Въ общемъ онъ при первомъ взглядѣ производитъ странно впечатлѣнію фигуры значительной и скорѣе отталкивающей, чѣмъ привлекательной. Налѣво, передъ окномъ, стоитъ Лахманъ спиной къ комнатѣ. Онъ ждетъ и смотритъ въ окно.

КРАМЕРЪ (къ Лахману). Видите, мы все тутъ дѣла дѣлаемъ. (Къ Краузе) Такъ. Кланяйтесь отъ меня директору. (Встаетъ, собираетъ бумаги и вручаетъ ихъ педагогу, затѣмъ начинаетъ приводить въ прежній порядокъ свой столикъ). А вы любуетесь моими тополями?

ЛАХМАНЪ (разсматривавшій мѣдную доску, нѣсколько пугается и выпрямляется). Извините.

КРАУЗЕ. Прощайте, г. Крамеръ, прощайте, г. Лахманъ.

ЛАХМАНЪ. До свиданія, г. Краузе.

КРАМЕРЪ. Съ Богомъ.

(Краузе уходитъ).

КРАМЕРЪ. Пять лѣтъ тому назадъ меня посѣтилъ Бёглинъ. Знаете, онъ стоялъ передъ этимъ окномъ... не могъ насмотрѣться, знаете.

ЛАХМАНЪ. И правда, тополя удивительно красивы. Они еще тогда произвели на меня впечатлѣніе. Много лѣтъ тому назадъ, когда я впервые здѣсь былъ. Они выстроились такъ величественно. Академія среди нихъ, какъ храмъ.

КРАМЕРЪ. Знаете, это обманчиво.

ЛАХМАНЪ. Но только отчасти!.. А что Бёглинъ здѣсь былъ, я не зналъ.

Крамеръ. Они тогда вздумали тамъ, въ провинціалномъ музеѣ, поручить ему расписать лѣстницу. А потомъ нашелся какой-то профессоръ. Ахъ, знаете, это преступленіе.

Лахманъ. Въ этомъ отношеніи непростительное.

Крамеръ. А, знаете ли, вѣдь никогда иначе и не было. Но тутъ это особенно жалко. Такія сокровища можно было собрать при такихъ громадныхъ затратахъ, которые теперь дѣлаются въ странѣ, знаете! А такъ самые достойные остаются не у дѣлъ. (Лахманъ взялъ въ руки гравировальный листъ, и Крамеръ продолжаетъ, говоря о гравюрахъ) Это такъ, этюдъ для моей картины. Но доска была недостаточно протерта. И вся исторія еще не клеится. Мнѣ нужно будетъ еще хорошенько поработать надъ ней.

Лахманъ. Я тоже вѣдь попробовалъ гравюру, но скоро бросилъ.

Крамеръ. А надъ чѣмъ вы теперь работали, Лахманъ?

Лахманъ. Портреты, пейзажи, всякую всячину. Ничего не вышло, къ сожалѣнію.

Крамеръ. Надо работать, работать, работать, Лахманъ. Знаете, вы должны работать, Лахманъ. А то заживо прекрощесь плѣсенью. Всмотритесь-ка въ такую жизнь, какъ работаетъ такой человѣкъ, какъ Бѣклинь. Тогда и выходить толкъ. Не то, что онъ пишетъ, а весь человѣкъ. Знаете, работа—это жизнь, Лахманъ!

Лахманъ. Я тоже такъ думаю.

Крамеръ. Я безъ работы никуда негодный дѣлаюсь. А работаю, чувствую себя чѣмъ-то.

Лахманъ. А у меня какъ-то время уходитъ, и я до настоящаго никакъ не доберусь.

Крамеръ. Какъ же это такъ, знаете?

Лахманъ. Потому что у меня другое дѣло есть: работа, которая вовсе и не работа.

Крамеръ. Какъ же это понять, знаете?

Лахманъ. Я прежде былъ художникомъ и больше ничего. А теперь я принужденъ кропать строчки.

Крамеръ. Что это значитъ?

Лахманъ. Я пишу въ газетахъ.

Крамеръ. А!

Лахманъ. Это значитъ, другими словами, г. Крамеръ, я трачу самое драгоценное время на то, чтобы заработать себѣ кусокъ хлѣба. На масло, по правдѣ сказать, не хватаетъ. А какъ женой и семьей обзаведешься...

КРАМЕРЪ. Семью надо имѣть, Лахманъ. Это очень хорошо, это такъ и должно быть. А что касается до вашего писанья, пишете только добросовѣстно. У васъ есть пониманіе настоящаго, знаете; а съ этимъ вы можете много сдѣлать.

ЛАХМАНЪ. Но все это Сизифова работа. Публика насколько не мѣняется. Вотъ и волочишь изо дня въ день Сизифовъ камень...

КРАМЕРЪ. А что-бъ мы были безъ этого, знаете?

ЛАХМАНЪ. Въ концѣ концовъ все же приходится жертвовать собой. И если ужъ не пробьешься живописью, тогда...

КРАМЕРЪ. Знаете, это совершенно все равно. Если-бъ мой сынъ сталъ сапожникомъ и сапожникомъ исполнялъ свой долгъ, я бы такъ же уважалъ его, знаете. Есть у васъ дѣти?

ЛАХМАНЪ. Одинъ. Сынъ.

КРАМЕРЪ. Ну, знаете, вотъ вы уже и сдѣлали кое-что, Лахманъ. Ничего лучшаго и нельзя сдѣлать. Значить, статьи ваши легко вамъ даются, знаете,—что?

ЛАХМАНЪ. Ну, этого я не могу сказать, г. Крамеръ.

КРАМЕРЪ. Обязанности, обязанности—вотъ главное. Это прежде всего дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, знаете. Надо сознать всю серьезность жизни, и потомъ, знаете, можно подняться надъ ней.

ЛАХМАНЪ. Но иногда это бываетъ, правда, очень нелегко.

КРАМЕРЪ. Оно и должно быть нелегко, знаете. Въ этомъ сказывается, кто что собой представляетъ? Человѣкъ выявляетъ человѣка. Нынѣшніе шалопаи думаютъ, что мръ—это постель публичной женщины. А настоящій человѣкъ долженъ признавать обязанности, знаете.

ЛАХМАНЪ. Но и обязанности относительно себя.

КРАМЕРЪ. Да, знаете, въ этомъ вы правы. Кто признаётъ обязанности относительно себя самого, признаётъ обязанности и относительно другихъ. Сколько лѣтъ вашему сыну?

ЛАХМАНЪ. Три года, г. Крамеръ.

КРАМЕРЪ. Знаете, когда мой мальчикъ появился на свѣтъ... засѣло это у меня въ головѣ! Цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ я ждалъ. Когда жена родила Арнольда, знаете, я задрожалъ, знаете. Я его запеленалъ, знаете, и заперся съ нимъ въ своей кельѣ, и, знаете, это былъ какъ храмъ,

Лахманъ: я посвятилъ его Богу... Вы вотъ не знаете, что это такое сынъ! А я, ей-Богу, я это зналъ. Я думалъ: не я, а ты! Не я, думалъ я про себя, а ты, быть-можетъ!.. (Съ горечью) А мой сынъ негодяй, видите ли, Лахманъ. И все же я бы всегда такъ поступилъ.

Лахманъ. Онъ не негодяй, г. Крамеръ.

Крамеръ (съ большой горячностью и свирѣпостью). Знаете, оставьте меня въ покоѣ, шалопай онъ и больше ничего! Или, лучше, не будемъ говорить объ этомъ. Знаете, я вамъ скажу, Лахманъ. Это больное мѣсто мое. Это меня гложетъ. Но оставимте это.

Лахманъ. Все это, конечно, еще перемѣнится.

Крамеръ (все еще съ горечью и свирѣпостью). Не перемѣнится! Не перемѣнится! Въ немъ нѣтъ ни одной хорошей черточки. Мальчикъ въ корнѣ испорченъ. Дурной человѣкъ! Низкій человѣкъ! Этого не измѣнишь! Это не можетъ измѣниться! Знаете, я все могу простить, но низости я не могу простить. Мнѣ противна низкая душа, знаете, а у него именно низкая душа, трусливая, подлая: это мнѣ противно. (Онъ идетъ къ простому шкапу въ стѣнѣ, выкрашенному въ сѣрый цвѣтъ). И, знаете, у этого негодяя такой талантъ, что я готовъ волосы рвать на головѣ. Гдѣ нашъ братъ трудиться долженъ, гдѣ мучишься день и ночь, этому все готовое съ неба валится. Вотъ посмотрите его этюды и наброски. Ну развѣ это не жалость, скажите? За что онъ ни возьмется, у него все выходитъ. Что бы ни началъ, все удается. Вы посмотрите, какъ это все сдѣлано,—можно заплакать съ досады. (Онъ нѣсколько разъ проходитъ взадъ и впередъ по передней части комнаты, пока Лахманъ просматриваетъ наброски и этюды. Стучать). Войдите!

Михалина (входить въ костюмъ для гулянья). Я только за Лахманомъ зашла, отецъ.

Крамеръ (поверхъ очковъ). А школу бросила?

Михалина. Я какъ разъ оттуда... Лахманъ, я встрѣтила твою жену. Она не хотѣла ждать въ кафе. Пошла къ твоей матери. (Лахманъ и Михалина смѣются).

Крамеръ. Почему же вы ее сюда не привели?

Лахманъ. Она не очень подходитъ къ мастерской.

Крамеръ. Глупости! Что это значить? Не понимаю!

Михалина (стоитъ за Лахманомъ и вмѣстѣ съ нимъ разсматриваетъ этюды). Эту мельницу я тоже писала.

Крамеръ. М... м... но иначе.

Михалина. Не съ той точки.

КРАМЕРЬ. Да, я тоже этой точки зрѣнія.

ЛАХМАНЪ (смѣется).

МИХАЛИНА. Это меня нисколько не задѣваетъ, отецъ. Если кто дѣлаетъ, что можетъ, такъ съ него большаго и требовать нечего.

КРАМЕРЬ. Ты, дѣвочка, силы свои знаешь.

МИХАЛИНА. Конечно, знаю, и очень хорошо знаю. Ты отъ меня ничего не ждешь.

КРАМЕРЬ. Послушай, съ чего это ты взяла? Если бы Арнольдъ наполовину былъ такъ прилеженъ, какъ ты, и наполовину такъ одаренъ, мальчикъ былъ бы совсѣмъ другимъ, въ этомъ ему не сравняться съ тобой. Но въ немъ есть искра, которой у тебя нѣтъ. Человѣкъ долженъ знать себя цѣну. Ты себя знаешь цѣну, и въ этомъ твое преимущество. Потому съ тобой и говорить можно. Все, что можно взять упорствомъ, прилежаніемъ и волей, ты взяла, Михалина, и можешь быть этимъ довольна. (Смотритъ на свои карманные часы) Десять... Лахманъ, теперь у насъ ничего не выйдетъ. Я радъ, что вы пріѣхали. И я, пожалуй, охотно пойду съ вами выпить куда-нибудь стаканъ пива. А теперь мнѣ надо въ классъ зайти, а въ одиннадцать я жду сына.

МИХАЛИНА (серьезно). Отецъ, развѣ ты не покажешь Лахману свою картину?

КРАМЕРЬ (быстро оборачивается). Нѣтъ, Михалина. Что это тебѣ пришло въ голову?

МИХАЛИНА. Очень просто, онъ слышалъ о ней и сказалъ мнѣ, что хотѣлъ бы ее видѣть.

КРАМЕРЬ. Оставьте меня съ этимъ въ покоѣ. Всѣ являются и хотятъ видѣть мою картину. Да пишите себѣ сами картину, сколько угодно! Я не могу вамъ ее показать, Лахманъ.

ЛАХМАНЪ. Я, конечно, не настаиваю, г. Крамеръ.

КРАМЕРЬ. Видите, это выше моихъ силъ. Вотъ я живу теперь семь лѣтъ этой картиной. Вначалѣ какъ-то разъ Михалина видѣла—сынъ никогда даже не спрашивалъ о ней! Теперь пожаловалъ директоръ Мюрингъ. И вотъ это не вмѣщается у меня въ головѣ. Знаете, это нельзя, этого я не могу. Ну, если бы у васъ была любовница, и всѣ бы забирались къ ней въ постель... Это вѣдь свинство и ничего больше. Этакъ всякую радость потеряешь... Лахманъ, этого нельзя! Я этого не хочу!

МИХАЛИНА. Я не понимаю твоего сравненія, отецъ: Такая сдержанность кажется мнѣ слабостью.

Крамеръ. Можешь думать, что хочешь. Но замѣть себѣ, что я скажу. Все родится въ одиночествѣ. Свое собственное, настоящее, глубокое и сильное зарождается только въ одиночествѣ. Художникъ всегда истинный отшельникъ. Такъ! А теперь я пойду, оставьте меня въ покоѣ:

Михалина. Жаль, отецъ, мнѣ очень жаль. Если ты такъ будешь баррикадироваться даже отъ Лахмана... меня это удивляетъ. Вѣдь ты такимъ образомъ отстраняешь отъ себя всякое общеніе. Будь откровеннымъ: послѣ того, какъ тутъ намеренъ былъ директоръ Мюрингъ, это тебя очень освѣжило, сознайся. Ты потомъ былъ въ такомъ подъемѣ.

Крамеръ. Но въ ней пока вѣдь ничего нѣтъ. Ничего пока нѣтъ. Вы, знаете, не огорчайте меня! Если ужъ показывать, такъ нужно, чтобы что-нибудь было. Вы думаете, это шутка? Знаете, если у кого хватается дерзости писать Человѣка въ терновомъ вѣнцѣ—ему, знаете, на это надо всю жизнь отдать. Знаете, и жизнь не шумную, не пустую, а одинокіе часы, одинокіе дни, одинокіе годы, видите ли. Ему нужно, знаете, быть тогда съ собой наединѣ, со своими страданіями, со своимъ Богомъ. Ему нужно, знаете, освящать себя каждый день! Ничего пошлаго не должно быть въ немъ или около него... И вотъ тогда, знаете, сходить Святой Духъ, когда борешься и мучишься въ такомъ одиночествѣ. Тогда можетъ что выпасть на мою долю. Тогда, знаете ли, небо видишь, ужъ что-то предчувствуешь. Погружаешься въ вѣчность, видите ли, и тогда оно тутъ, передъ вами, тихое и прекрасное. Это является помимо вашей воли. Тогда видишь Спасителя, чувствуешь его. Ну, а какъ двери начнутъ хлопать, Лахманъ, Его не увидишь, не почувствуешь. Тогда Онъ исчезаетъ, знаете, совсѣмъ безслѣдно.

Лахманъ. Г. Крамеръ, теперь мнѣ, право, очень жаль...

Крамеръ. Ахъ, что тамъ жаль, всякій долженъ о себѣ думать. Мѣсто, на которомъ ты стоишь, когда работаешь, святая земля, вотъ что надо говорить себѣ. Вы, другіе, оставайтесь за дверями, поняли? Мѣста много для базарной суетоки... Искусство—религія. Когда молишься, удались въ свою келью. Торговцевъ и мѣняль вонь изъ храма. (Онъ поворачиваетъ ключъ въ замкъ во входной двери).

Михалина. Но мы же не мѣняли и не торговцы.

Крамеръ. Да, конечно. Боже сохрани, да, но все же! Это выше моихъ силъ... Я отлично понимаю Лахмана. Ему хочется посмотреѣть, что такое кроется за всѣмъ этимъ.

Пока слышалъ одни громкія слова, теперь хочется и вправду увидать что-нибудь. А ничего нѣтъ. Я ему такъ и сказалъ. Ничего у старика не вышло. Иногда онъ видитъ и чувствуетъ—а потомъ беретъ шпатель и спарываетъ все сдѣланное. (Стучать). Стучать! Можетъ, когда въ другой разъ, Лахманъ! Войдите!.. А теперь ничего нѣтъ... Знаете, вѣдь стучали! Войдите!

Михалина. Ты же заперъ дверь, отецъ.

Крамеръ. Я? Когда же?

Михалина. Да вотъ сейчасъ. Сейчасъ, когда проходилъ по комнатѣ.

Крамеръ. Отопри и посмотри, кто тамъ.

Михалина (пріотворяетъ дверь). Какая-то дама, папа.

Крамеръ. Натурщица, должно-быть. Мнѣ не нужно!

Лиза Беншъ (еще за дверью). Могу я видѣть г. профессора?

Михалина. Что вамъ угодно, позвольте узнать?

Лиза Беншъ. Я бы хотѣла видѣть самого г. профессора.

Михалина. Какого профессора?

Крамеръ. Скажи ей, что никакого профессора здѣсь нѣтъ.

Лиза Беншъ. Профессоръ Крамеръ не здѣсь живетъ?

Крамеръ. Меня зовутъ Крамеръ, войдите.

Лиза Беншъ (входитъ. Стройная, красивая особа, разряжена, какъ кокотка). Осмѣлюсь, если позволите.

Крамеръ. Идите-ка, дѣти, въ вашъ музей. Вы вѣдь въ музей собирались. Въ двѣнадцать я буду васъ ждать, Лахманъ. (Провожаетъ Лахмана и Михалину до двери. Лахманъ и Михалина уходятъ). Съ кѣмъ имѣю честь? Къ вашимъ услугамъ.

Лиза Беншъ (не безъ смущенія, но очень аффектированно). Г. профессоръ, я и есть Лиза Беншъ. Я по очень щекотливому дѣлу.

Крамеръ. Садитесь, прошу. Вы натурщица?

Лиза Беншъ. О, нѣтъ, г. профессоръ, вы ошибаетесь. Мнѣ, слава Богу, этого не нужно. Я, слава Богу, г. профессоръ, не натурщица.

Крамеръ. А я, фрейлейнъ, слава Богу, не профессоръ. Чѣмъ обязанъ удовольствію васъ видѣть?

Лиза Беншъ. А вамъ это надо сейчасъ же знать? Можно мнѣ передохнуть немножко? Я, видите ли, очень разгорячилась. Я внизу хотѣла даже назадъ повернуть, а потомъ все же рѣшилась.

КРАМЕРЪ. Сдѣлайте милость, отдохайте.

ЛИЗА БЕНШЪ (садится, покашливаетъ и осторожно притрогивается подъ вуалью къ своему накрашенному лицу). Нѣтъ, какъ вы только про меня такое подумать могли! Хорошо, что Георгъ не слышитъ. Мой женихъ служить въ судѣ, онъ бы изъ себя вышелъ. А я, правда, такъ похожа на натурщицу?

КРАМЕРЪ (задергиваетъ занавѣску на окнѣ). Это смотря по тому, кто васъ будетъ писать. Смотря по обстоятельствамъ, мы всѣ можемъ быть натурщиками. Если вы думаете, что въ этомъ есть что-нибудь позорное, то это большая ошибка.

ЛИЗА БЕНШЪ. Нѣтъ, знаете ли, я просто боюсь васъ. Не сердитесь на меня, г. Крамеръ, но я просто васъ боялась.

КРАМЕРЪ. Нельзя ли покороче, въ чемъ дѣло?

ЛИЗА БЕНШЪ. Я о васъ поспросила, а они всѣ говорили о васъ, какъ будто... вы Богъ знаетъ какой, въ родѣ нечистаго, что ли.

КРАМЕРЪ. Очень благодаренъ. Чтѣ же вы желаете? Могу васъ увѣрить, что здѣсь васъ не тронуть.

ЛИЗА БЕНШЪ. Вотъ Арнольдъ васъ тоже такъ боится.

КРАМЕРЪ (пораженный, смущенный). Арнольдъ? Чтѣ это значитъ? Какъ вы сказали?

ЛИЗА БЕНШЪ (боязливо привстаетъ). Ай, какъ вы смотрите, г. Крамеръ. Я ужъ лучше уйду. Арнольдъ вотъ тоже всегда такіе глаза дѣлаетъ и...

КРАМЕРЪ. Какой Арнольдъ? Я его знаю?

ЛИЗА БЕНШЪ (боязливо и успокаивающе). Г. Крамеръ, прошу васъ, не безпокойтесь, это ничего. Пусть ужъ само собой уладится. Родители не знаютъ, что я здѣсь... Это, какъ я говорю вамъ, дѣло щекотливое. Лучше ужъ я совсѣмъ не буду говорить объ этомъ.

КРАМЕРЪ (дѣлая надъ собой усиліе). Я вижу васъ сегодня въ первый разъ. Поэтому прошу извинить меня. У меня есть сынъ, его зовутъ Арнольдъ. Если вы говорите объ Арнольдѣ Крамерѣ...

ЛИЗА БЕНШЪ. Ну да, конечно, я говорю объ Арнольдѣ Крамерѣ.

КРАМЕРЪ. Отлично. Но это меня... не удивляетъ. Чтѣ же вы имѣете сказать о немъ?

ЛИЗА БЕНШЪ. Ахъ, что онъ такой глупый, такой сумасшедшій, что онъ не даетъ мнѣ покоя

КРАМЕРЪ. Гм... такъ. Въ какомъ же это смыслѣ? Чтѣ вы хотите сказать?

Лиза Беншъ. Потому что надо мной всё смѣются изъ-за него. Я его никакъ не могу образумить.

Крамеръ. Да, это трудно, этому я повѣрю.

Лиза Беншъ. Я ему сказала: иди домой, Арнольдъ. И никакихъ. Торчитъ всю ночь!

Крамеръ. Такъ онъ у васъ былъ эту ночь?

Лиза Беншъ. Его невозможно съ мѣста сдвинуть. Папа пробовалъ, мама пробовала, посѣтители наши пробовали, и я пробовала. И все напрасно. Сидитъ и пялитъ глаза, вотъ такъ, какъ вы. Пока послѣдній гость не уйдетъ, онъ не тронется съ мѣста.

Крамеръ. Вашъ отецъ трактирщикъ?

Лиза Беншъ. Рестораторъ.

Крамеръ. А ваши постоянные посѣтители, кто это?

Лиза Беншъ. Ассессоръ Шнабель, архитекторъ Циннъ, мой женихъ и еще нѣсколько господъ.

Крамеръ. И вотъ они всё старались выпроводить его, такъ сказать?

Лиза Беншъ. Они всегда его называютъ марабу. (Смѣется). Это, знаете, такая птица. Они говорятъ, что онъ точь-въ-точь такой. Потому, вѣрно, что онъ кривобокій...

Крамеръ. Да, да, совершенно вѣрно. А они очень веселые, эти ваши постоянные посѣтители?

Лиза Беншъ. Страшно веселые. Прямо умереть со смѣху можно. Такой стоитъ хохотъ, просто не расскажешь. Сногшибательно, скажу я вамъ. Арнольдъ всегда ѣсть очень много хлѣба, вѣдь даровой на всѣхъ столахъ лежитъ; вотъ они намедни и повѣсили корзинку какъ разъ надъ мѣстомъ, гдѣ онъ всегда сидитъ. Понимаете? Подъ потолкомъ повѣсили, но снизу не достать. Такъ все заведеніе просто ржало отъ смѣха.

Крамеръ. И мой сынъ сидитъ съ ними за однимъ столомъ?

Лиза Беншъ. О, нѣтъ, этого мой женихъ не потерпитъ. Онъ всегда сидитъ одинъ въ углу. А потому, что онъ вынимаетъ иногда листокъ и косится на ихъ столъ такъ злобно, это, конечно, господамъ не нравится. И разъ къ нему одинъ господинъ подошелъ и выговаривалъ ему.

Крамеръ. Они не хотѣли, чтобъ онъ рисовалъ, эти господа?

Лиза Беншъ. Да, потому что онъ все рожи рисуешь. Этого же нельзя себѣ позволять, г. Крамеръ. Онъ мнѣ разъ показалъ одинъ рисунокъ. Этакая маленькая собачка и такъ много большихъ... Такая гадость, прямо ужасно!

КРАМЕРЪ. Платить Арнольдъ за то, что требуетъ?

ЛИЗА БЕНШЪ. Ахъ, что тамъ! Я не изъ-за того. Выпить два, самое большее три стакана пива. Если бы только это, г. Крамеръ.

КРАМЕРЪ. Вы, что называется, душа-человѣкъ!.. Если я васъ такъ понялъ, фрейлейнъ, то сынъ мой въ вашемъ домѣ, какъ бы это сказать, нѣчто въ родѣ шута; но отъ котораго все же пріятнѣе было бы избавиться. И далѣе я не ошибусь, если предположу, что ни постоянные ваши посѣтители,—вѣроятно, почтеннѣйшіе люди! — ни пиво, ни хлѣбъ вашего почтеннѣйшаго паленьки,—не это удерживаетъ Арнольда у васъ?

ЛИЗА БЕНШЪ (кокетливо). Но я-то тутъ не при чемъ.

КРАМЕРЪ. Да, да, конечно, что же вы можете сдѣлать. А мнѣ что прикажете дѣлать?

ЛИЗА БЕНШЪ. Г. Крамеръ, я такъ боюсь его. Онъ ждетъ меня на всѣхъ углахъ, и тогда я цѣлыми часами не могу отъ него отдѣлаться, и потомъ мнѣ все кажется, честное слово, что онъ со мной что-нибудь сдѣлаетъ.

КРАМЕРЪ. Гм... Что же, онъ вамъ прямо грозилъ когда-нибудь?

ЛИЗА БЕНШЪ. Нѣтъ, этого я не могу сказать. Но все же что-то есть такое въ немъ. Мнѣ иногда дѣлается страшно, когда я на него посмотрю. И вотъ тоже, когда онъ такъ сидитъ... и задумается... Цѣлыми часами сидитъ, до полуночи, ни слова не говоритъ, будто не въ себѣ... И вотъ тоже, когда свои исторіи рассказываетъ, онъ такія сочиняетъ небылицы... ухъ! Знаете, а потомъ смотреть на меня...

КРАМЕРЪ. А у васъ къ нему нѣтъ никакого чувства? (Раздается звонокъ).

ЛИЗА БЕНШЪ. Ахъ, Господи! Конечно, нѣтъ.

КРАМЕРЪ. Отлично. Хотите встрѣтиться здѣсь съ Арнольдомъ?

ЛИЗА БЕНШЪ. Боже меня сохрани! Ни за что.

КРАМЕРЪ. Ровно одиннадцать и звонокъ. Онъ долженъ быть здѣсь ровно въ одиннадцать. (Онъ раскрываетъ дверь въ сосѣдную комнату). Войдите сюда, пожалуйста. Увѣрю васъ, если что-нибудь зависить отъ меня, все будетъ сдѣлано.

ЛИЗА БЕНШЪ (уходитъ въ сосѣдную комнату).

КРАМЕРЪ (отворяетъ главную дверь и выпускаетъ Арнольда. Въ вломъ лицъ Арнольда борются упрямство, отвращеніе и страхъ). По-

дожди-ка здѣсь, я сейчасъ приду. (Онъ провожаетъ Арнольда за занавѣсь, опускаетъ его и раскрываетъ дверь въ кабинетъ. Оттуда выходитъ Лиза. Онъ прикладываетъ руку къ губамъ и показываетъ на занавѣсь. Лиза дѣлаетъ то же движеніе. Онъ ведетъ ее къ входной двери, въ которую она проскальзываетъ. Крамеръ останавливается, стонетъ, хватается за лобъ и затѣмъ принимается ходить взадъ и впередъ по передней части комнаты. Видно, что онъ употребляетъ всю волю, чтобы овладѣть своимъ глубочайшимъ волненіемъ и подавить стоны. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ онъ овладѣваетъ собою: Отдергиваетъ занавѣсь и говоритъ, обращаясь къ Арнольду). Арнольдъ, я хотѣлъ поговорить съ тобой. (Арнольдъ медленно показывается изъ-за занавѣса. Цвѣтной галстукъ, претензіи на франтовство). Какъ ты расфрантился.

Арнольдъ. Какъ?

Крамеръ. Я о твоёмъ красномъ галстукѣ.

Арнольдъ. Такъ что же?

Крамеръ. Непривычно на тебѣ. И лучше бы ты это оставилъ, Арнольдъ. Ну что, сдѣлалъ ты наконецъ наброски?

Арнольдъ. Какіе, отецъ? Я не знаю.

Крамеръ. Гм... Ты о нихъ забылъ. Такъ, такъ. Ну, если тебѣ не очень трудно, не сдѣлаешь ли ты усилій и не вспомнишь ли?

Арнольдъ. Ахъ, да. Ты о тѣхъ, что для столяра.

Крамеръ. Да, хотя бы и для столяра. Это не относится къ дѣлу, кто онъ. Значить, они у тебя не подвинулись?.. Послушай, скажи прямо: «нѣтъ», не выискивай предлоговъ. Какъ же ты проводишь все время?

Арнольдъ (представляется удивленнымъ). Я работаю, отецъ.

Крамеръ. Надъ чѣмъ же ты работаешь?

Арнольдъ. Рисую, пишу, все такое.

Крамеръ. А я думалъ, что ты весь день ничего не дѣлаешь. Я радъ, что ошибся. Впрочемъ, мнѣ дѣла до тебя нѣтъ. Ты достаточно великовозрастенъ, и я не сыщикъ. Кстати, я хотѣлъ тебѣ сказать: если у тебя что есть на сердцѣ... я все же твой отецъ, такъ сказано. Понимаешь? Подумай объ этомъ, пожалуйста.

Арнольдъ. У меня ничего нѣтъ на сердцѣ, отецъ.

Крамеръ. Я и не говорю этого. И не настаиваю совсѣмъ. Я сказалъ: *если* у тебя есть что-нибудь. Я могъ бы тебѣ тогда, быть-можетъ, помочь. Я знаю жизнь нѣсколько больше тебя. На всякій случай, понимаешь ты. Ты сегодня опять не ночевалъ дома. Ты разстраиваешь свое здоровье. Подумай о своемъ здоровьѣ. Въ здоровомъ

тѣлѣ здоровая душа. Здоровая жизнь—здоровое искусство. Гдѣ же ты такъ долго вчера пропадалъ? Оставь—мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Я не хочу знать, чего ты не хочешь сказать. Скажи добровольно, или молчи.

Арнольдъ. Я былъ за городомъ съ Альфредомъ Френкелемъ.

Крамеръ. Вотъ какъ! Гдѣ же именно, въ Пиршамѣ, или гдѣ?

Арнольдъ. Нѣтъ. Тутъ, въ Шейтнигѣ.

Крамеръ. И оба всю ночь тамъ были?

Арнольдъ. Нѣтъ, оттуда пошли къ Френкелю.

Крамеръ. И тамъ до четырехъ утра?

Арнольдъ. Да, почти до четырехъ. Потомъ бродили по улицамъ.

Крамеръ. Такъ! Съ Френкелемъ? Вдвоемъ? Очень, значитъ, вы подружились? Чтò же такое вы съ нимъ дѣлаете, когда сидите такъ, а другіе всѣ спятъ?

Арнольдъ. Мы куримъ и говоримъ объ искусствѣ.

Крамеръ. Да?! Арнольдъ, ты пропащій человѣкъ.

Арнольдъ. Но почему же?

Крамеръ. Ты пропащій человѣкъ. Ты испорченъ до мозга костей.

Арнольдъ. Ты это уже сколько разъ мнѣ говорилъ.

Крамеръ. Да, я долженъ это былъ тебѣ говорить... Я долженъ былъ тебѣ это говорить тысячи разъ, и, чтò еще хуже, я это чувствовалъ. Арнольдъ, докажи мнѣ, что я лгу! Докажи мнѣ, что я неправъ, я буду ноги цѣловать тебѣ за это.

Арнольдъ. Чтò бы я ни говорилъ, я думаю...

Крамеръ. Чтò? Что ты испорченъ?

Арнольдъ (очень блѣденъ, пожимаетъ плечами).

Крамеръ. Чтò же дальше, если это такъ будетъ?

Арнольдъ (холодно и враждебно). Я этого самъ не знаю, отецъ.

Крамеръ. А я знаю, ты погибнешь окончательно! (Онъ яростно шагаетъ взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливается у окна, заложивъ руки за спину, нервно постукивая носкомъ).

Арнольдъ (съ пепельно-блѣднымъ лицомъ, зло искаженнымъ, хватая свою шляпу и идетъ къ двери. Когда онъ берется за ручку двери, Крамеръ оборачивается).

Крамеръ. Тебѣ нечего больше сказать мнѣ?

Арнольдъ (выпускаетъ ручку двери, бросаетъ исподлобья взглядъ съ выраженіемъ упорства на лицѣ).

Крамеръ. Арнольдъ, и ничего въ тебѣ не шевельнется?

Ты не чувствуешь, какую пытку мы терпим? Скажи что-нибудь. Защищайся. Скажи же что-нибудь, какъ мужчина мужинѣ, или какъ другъ другу. Я былъ несправедливъ къ тебѣ? Объясни мнѣ! Говори! Ты можешь говорить, какъ мы. Зачѣмъ же ты всегда ползаешь предо мной? Я презираю трусость, ты же знаешь. Скажи: отецъ мой тиранъ. Отецъ мой мучитъ меня. Отецъ мой терзаетъ меня. Онъ, какъ чортъ, за мной всюду. Скажи, скажи ему это прямо. Скажи мнѣ, какъ мнѣ исправить свои ошибки. Я исправлюсь, даю тебѣ честное слово. Или ты думаешь, что я во всемъ правъ?

Арнольдъ (до странности неподвижно и равнодушно). Можетъ-быть, ты и правъ.

Крамеръ. Отлично. Если ты такъ думаешь. А ты не хочешь попробовать исправиться? Арнольдъ, вотъ я протягиваю тебѣ руку. Вотъ она, возьми ее, я хочу помочь тебѣ. Возьми меня въ товарищи. Сдѣлай меня своимъ другомъ въ часъ, когда ты будешь въ крайности. А теперь, Арнольдъ, этотъ часъ насталъ. Не обманывайся, онъ дѣйствительно насталъ. Соберись съ духомъ. Справься съ собой. Тебѣ стоить только захотѣть, и это будетъ. Сдѣлай только первый шагъ къ добру, второй и третій дадутся тебѣ легко. Да? Хочешь? Хочешь исправиться, Арнольдъ?

Арнольдъ (съ дѣланнымъ непониманіемъ). Но какъ же? Въ чемъ же?

Крамеръ. Во всемъ. Да?

Арнольдъ (съ горечью и уклончиво). Я ничего противъ этого не имѣю. Почему же и нѣтъ. Мнѣ тоже не очень сладко живется.

Крамеръ. Да, я вѣрю, что тебѣ не сладко. Ты не испыталь, какое благословеніе работа. Арнольдъ, ты долженъ достичь этого. Ты намекалъ на свою внѣшность. (Онъ снимаетъ со стѣны маску Бетховена). Вотъ, посмотри на эту маску. Въ тебѣ тотъ же Богъ, раскрой только его въ себѣ. Можетъ-быть, ты думаешь, что этотъ былъ красивъ? Или все твое честолюбіе въ томъ, чтобы быть фатомъ? Или ты думаешь, что Богъ оставилъ тебя, потому что ты близорукъ и не совсѣмъ прямъ? Въ тебѣ можетъ быть столько красоты, что фаты будутъ, какъ нищіе около тебя. Арнольдъ, вотъ тебѣ моя рука. Слышишь, довѣрься мнѣ. Не скрывайся отъ меня, будь откровененъ. Ради тебя самого, Арнольдъ. Мнѣ не важно знать, гдѣ ты былъ вчера. Но скажи мнѣ, слышишь, ради тебя самого. Можетъ-быть, ты узнаешь,

какой я на самомъ дѣлѣ. Ну, скажи, гдѣ ты былъ вчера ночью?

Арнольдъ (послѣ паузы, очень блѣдный, послѣ видимой борьбы съ собой). Я же сказалъ тебѣ, отецъ.

Крамеръ. Я забылъ, что ты сказалъ. Гдѣ же ты былъ? Ты понимаешь? Я тебя спрашиваю не для того, чтобы наказатъ тебя за это. Только чтобы услышать правду. Скажи правду и больше ничего.

Арнольдъ (упорно). Я былъ у Альфреда Френкеля.

Крамеръ. Да!

Арнольдъ (снова, неувѣренно). Гдѣ же я могъ еще быть?

Крамеръ. Ты не сынъ мнѣ!.. Ты не можешь быть моимъ сыномъ! Уходи! Уходи! Мнѣ противно! Ты мнѣ противенъ!!

Арнольдъ (тотчасъ же жметъ къ выходу).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Ресторанъ Бенша. Маленькая пивная въ старо-нѣмецкомъ стилѣ. Стѣны отдѣланы деревомъ. Столъ и стулья моренаго дерева. Налѣво опрятный буфетъ съ мраморной доской и ярко вычищенными пивными кранами. За буфетомъ горка для ликеровъ и пр. и пр. Въ ней четырехугольное опускающееся окошко въ кухню. Налѣво за буфетомъ дверь въ кухню. Большая витрина съ опрятными занавѣсками, рядомъ стеклянная дверь на улицу. Направо дверь въ смежную комнату. Вечернія сумерки.

Лиза Беншъ, мило и чисто одѣтая, въ бѣломъ передникѣ, входитъ медленно черезъ низенькую дверь за буфетомъ. Она мелькомъ взглядываетъ изъ-за вязанья, замѣчаетъ Арнольда, который сидитъ за стаканомъ пива у передняго стола направо. Покачивая головой, она продолжаетъ вязать.

Арнольдъ (очень блѣдный, тихо и нервно постукивая ногой, устываетъ на нее неподвижно). Добрый вечеръ.

Лиза Беншъ (вздыхаетъ тенденціозно и отворачивается).

Арнольдъ (громче). Добрый вечеръ. (Лиза Беншъ не отвѣчаетъ). Ну, не хотите, какъ хотите. И не нужно. Добиваться не буду. (Продолжаетъ смотрѣть на нее молча, съ лихорадочнымъ волненіемъ). Почему же вы держите пивную, если вы такъ невѣжливы съ гостями?

Лиза Беншъ. Я не невѣжлива. Оставьте меня.

Арнольдъ. Я поздоровался съ вами.

Лиза Беншъ. Я вамъ отвѣтила.

Арнольдъ. Это неправда.

Лиза Беншъ. Вотъ какъ! Впрочемъ, мнѣ это все равно. (Пауза).

Арнольдъ (пускаетъ резинкой бумажную стрѣлу въ Лизу).

Лиза Беншъ (надменно-презрительно передергиваетъ плечами).

Арнольдъ. Вы думаете, на меня это дѣйствуетъ?

Лиза Беншъ. Я буду думать, что захочу.

Арнольдъ. Я плачу за свое пиво такъ же, какъ другіе. Понимаете вы? Потому прошу... Или здѣсь нужно носить монокль?. Кто такіе посѣтители вашего знаменитаго заведенія? Вы воображаете, что я сбѣгу отъ нихъ? И не подумаю даже.

Лиза Беншъ (угрожающе). Ну, вы не очень, мусье.

Арнольдъ. Ага! Пусть попробуетъ кто-нибудь изъ нихъ. Увидитъ! Понимаете вы? Въ себя придти не успѣетъ.

Лиза Беншъ (смѣется).

Арнольдъ. Если кто-нибудь пальцемъ меня тронетъ... Поняли? Тотъ отъ меня получить.

Лиза Беншъ. Арнольдъ, я на васъ буду жаловаться, если вы будете постоянно грозить.

Арнольдъ. Что же? Я сказалъ, если кто-нибудь меня тронетъ.. А бить вообще можно.

Лиза Беншъ. Не смѣйте оскорблять нашихъ гостей.

Арнольдъ (злобно смѣется про себя, пьетъ и затѣмъ говорить). Нуи! Что мнѣ за дѣло до нулей!

Лиза Беншъ. А вы-то что такое, что такъ носъ задираете? Вы-то что въ своей жизни такое сдѣлали, что?

Арнольдъ. Вы этого не можете понять, къ сожалѣнію.

Лиза Беншъ. Ну да! Это всякій можетъ сказать. Подите-ка лучше да сдѣлайте что-нибудь. И какъ докажете, что что-нибудь можете, тогда и набрасывайтесь на другихъ. (Пауза).

Арнольдъ. Лиза, послушайте. Я вамъ это объясню какъ слѣдуетъ.

Лиза Беншъ. Ну, что тамъ! По-вашему, всѣ выходятъ нехороши. Г. Квантмейеръ не настоящій юристъ, г. архитекторъ Цинъ не настоящій архитекторъ, и все-то это чистѣйшій вздоръ.

Арнольдъ. Напротивъ. Это чистѣйшая правда. Здѣсь всякій невѣжда, который строитъ, важничаетъ, если онъ ничего и не понимаетъ въ искусствѣ. А попадетъ такой къ художникамъ, такъ это все равно будетъ, что подмастерье для сапожника.

Лиза Беншъ. А настоящій художникъ вы, что ли, будете? (Сострадательно) О, Господи!

Арнольдъ. Да, еще я художникъ. Если бы вы пришли въ мою мастерскую...

Лиза Беншъ. Ну, ужъ этого я поостерегусь.

Арнольдъ. Поѣзжайте-ка въ Мюнхенъ да поспросите тамъ профессоровъ, — это все знаменитости, — какого они чертовски-высокаго мнѣнія обо мнѣ.

Лиза Беншъ. Вы хвастаетесь, а не Цинъ.

Арнольдъ. Да, они уважаютъ меня и знаютъ, за что. Я больше могу, чѣмъ они всѣ вмѣстѣ взятые. У меня въ одномъ мизинцѣ въ десять тысячъ разъ больше... чѣмъ у нихъ всѣхъ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ роднымъ.

Лиза Беншъ. Вы хвастаетесь, а не г. Цинъ. Если бы и правда вы были такой, вы бы совсѣмъ иначе выглядѣли.

Арнольдъ. Какъ это?

Лиза Беншъ. Какъ это? Кажется, очень просто. Знаменитые художники зарабатываютъ деньги, я думаю.

Арнольдъ (рѣзко). Деньги? А я-то чтѣ же, деньги не зарабатываю? Деньги для меня навозъ, спросите-ка. Можете спросить моего отца. Подите-ка, спросите его, честное слово.

Лиза Беншъ. Куда же вы дѣваете всѣ эти деньги?

Арнольдъ. Я? Подождите-ка только, когда я совершеннолѣтнимъ стану. У кого такой отецъ... Лиза, будьте же со мной помилѣй.

Лиза Беншъ. Фрицъ!

Фрицъ (просыпается и вскакиваетъ). Да!..

Лиза Беншъ. Фрицъ, подите въ кухню, тамъ привезли новые бокалы. Кажется, господа сегодня будутъ пить шампанское.

Фрицъ. Хорошо-съ, съ удовольствіемъ, фрейлейнъ Беншъ.

Лиза Беншъ (стоитъ за прилавкомъ спиной къ Арнольду, вынимаетъ шпильки изъ волосъ и перекалываетъ ихъ).

Арнольдъ. Это вы ловко сдѣлали.

Лиза Беншъ. Пожалуйста, не воображайте. (Оборачивается внезапно и замѣчаетъ Арнольда, который вытаращилъ на нее глаза поверхъ очковъ). Господи Иисусе! Опять онъ на меня глаза вытаращилъ.

Арнольдъ. Лиза!

Лиза Беншъ. Я вамъ не Лиза.

Арнольдъ. Ахъ, Лизочка, если бы вы были умницей, малютка, кипяточка вы. У меня такъ отвратительно на душѣ.

Лиза Беншъ (смѣется не то весело, не то насмѣливо).

Арнольдъ (болѣе страстно). Да, смѣйтесь, если можете смѣяться! Смѣйтесь, смѣйтесь! И правда, можетъ-быть, я

смѣшной. Но только наружно, не внутренно. Потому что, если бы ты заглянула мнѣ въ душу, я бы всѣхъ этихъ молодцовъ съ лица земли стеръ.

Лиза Беншъ. Арнольдъ, не волнуйтесь. Я же вамъ вѣрю, я вѣрю вамъ. Но, во-первыхъ, вы слишкомъ молоды, во-вторыхъ, въ-третьихъ, въ-четвертыхъ, въ-пятыхъ... это чистое сумасшествіе, мой милый. Ну, послушай, будь же благоразуменъ, да? Мнѣ очень жаль тебя, но что же мнѣ дѣлать?

Арнольдъ (тяжело охая). Это какъ чума въ крови.

Лиза Беншъ. Глупости! Встаньте-ка на скамью и дайте мнѣ вотъ тотъ боченокъ. (Арнольдъ, охая, это дѣлаетъ). Такихъ дѣвушекъ, какъ я, много. Ну, го-пъ! го-пъ! (Она протягиваетъ ему руку, онъ хватается за нее и спрыгиваетъ. Задерживаетъ ее руку въ своей, а когда наклоняется поцѣловать руку, Лиза выдергиваетъ ее). Нѣтъ, золотой мой! Такъ! За одну такую десять получите, драгоцѣнный мой.

Арнольдъ. Лиза, что мнѣ для васъ сдѣлать? Ограбить? Украсть? Что мнѣ сдѣлать?

Лиза Беншъ. Оставить меня въ покоѣ, больше ничего. (Дверь въ сосѣдней комнатѣ раскрывается. Лиза Беншъ прислушивается, совершенно мѣняется, уходитъ за буфетъ и кричитъ черезъ окошко въ кухню). Фрицъ! Гости—живо! (Дверь раскрывается, слышно, какъ въ сосѣдную комнату входитъ шумная компанія).

Арнольдъ. Пожалуйста, я хочу еще стаканъ пива. Но только я сяду въ другой комнатѣ.

Лиза Беншъ (съ дѣланной отчужденностью). Г. Крамеръ, но вѣдь и здѣсь очень хорошо?

Арнольдъ. Да? Но тамъ мнѣ удобнѣе рисовать.

Лиза Беншъ. Арнольдъ, вы же знаете, опять выйдетъ ссора. Будьте благоразумны, останьтесь здѣсь.

Арнольдъ. Ни за что на свѣтѣ, фрейлейнъ Беншъ.

Архитекторъ Циинъ (входитъ, очень весело). Ура, фрейлейнъ Лисбетъ! Вся компанія здѣсь. Всѣ въ сборѣ. А вы что подѣлываете? Какъ поживаете? Вашъ «женихъ» уже томится безъ васъ. (Замѣчаетъ Арнольда) Ахъ, чортъ возьми, виноватъ.

Лиза Беншъ. Фрицъ! Фрицъ! Всѣ господа собрались!

Архитекторъ Циинъ (у машинки обрѣзаетъ сигару). Фрицъ, пива, пива сюда! Чортъ побери! Какъ папенька поживаетъ?

Лиза Беншъ. Не особенно. Мы сегодня два раза за докторомъ посылали.

Ассессоръ Шнабель (входитъ). Господинъ архитекторъ, сыграемъ партійку въ скать.

Архитекторъ Циннъ. Я думаю, мы поставимъ сего-дня гуся и по сему случаю разопьемъ бутылочку шампанскаго.

Ассессоръ Шнабель (поднимаетъ руки, поетъ, пританцовывая). «У Лизочки есть птичка. Сидитъ у нея въ клѣткѣ». Что же вы вашего друга томите!

Архитекторъ Циннъ (тихо, взглядывая въ сторону Арнольда). Конечно, надо, чтобы и ему гусиная лапка досталась!

Ассессоръ Шнабель (замѣтилъ Арнольда и также украдкой). А! И каменный гость здѣсь. Рафаэль карманнй. Фрейлейнъ Лизхенъ, какъ можно больше хлѣба. Къ моей порціи прошу какъ можно больше хлѣба.

Фрицъ (вошелъ, суетится за буфетомъ).

Лиза Беншъ. А вы что заказали, г. ассессоръ?

Ассессоръ Шнабель. Ахъ, да! Паприка-шнитцель и хлѣба. Колоссально много хлѣба, милая Лизхенъ. Я, видите ли, ѣмъ неимоверно много хлѣба.

Архитекторъ Циннъ. Вамъ бы лучше всю корзину съ хлѣбомъ подвѣсить.

Фонъ-Краутхеймъ (входитъ; студентъ-юристъ, немолодой). Фрицъ, гдѣ же пиво, ради Бога!

Фрицъ. Только-что новую бочку поставили.

Ассессоръ Шнабель (въ бинокль смотритъ на кранъ пивной бочки). Пока оттуда идетъ одинъ воздухъ, воздухъ и воздухъ.

Арнольдъ (береть шляпу, встаетъ и отправляется въ сосѣднюю комнату).

Фонъ-Краутхеймъ. Теперь воздухъ сталъ чище, по крайней мѣрѣ. Это воздухъ, но чистый воздухъ.

Ассессоръ Шнабель (поетъ).

Ты съ ума сошелъ, мой милый,
Поѣзжай-ка ты въ Берлинъ.
Слава Богу, удалился изъ сихъ мѣстъ.

Фрицъ. Нѣтъ, онъ совсѣмъ не за тѣмъ, ему хочется тамъ сидѣть, гдѣ господа.

Лиза Беншъ (аффектированно). Я нахожу это просто смѣшнымъ.

Архитекторъ Циннъ. А мы просто - на просто оста-немся здѣсь.

Фонъ-Краутхеймъ. Нѣтъ, что же это, позвольте. Бѣ-жать передъ каждой обезьяной.

Квантмейеръ (входитъ. Нарядно и пестро одѣтъ. Монокль). Добрый вечеръ. Какъ поживаешь, милочка? (Береть Лизу за

руки, она отворачиваетъ отъ него голову). И фатальный Крамеръ ужь здѣсь.

Ассессоръ Шнавель. И рдѣ только этотъ шалопай не шляется! Вчера утромъ я его еще видѣлъ—зрѣлице божественное, могу сказать! Въ Рингѣ, въ публичномъ домѣ, и чортъ знаетъ въ какомъ видѣ. Когда онъ здѣсь готовъ, онъ идетъ въ другое мѣсто начинать сначала.

Квантмейеръ. А ты что сердисься на меня, милочка?

Лиза Беншъ (высвобождается, смѣется и кричитъ въ кухонное окно). Паприка-шнитцель для г. ассессора.

Ассессоръ Шнавель. И хлѣба, побольше хлѣба, не забудьте! Колоссально много хлѣба, неистово много. (Общій хохотъ).

Фрицъ (внося четыре полныхъ кружки пива). Вотъ и пиво. (Уходитъ въ сосѣдную комнату. Архитекторъ Циннъ, ассессоръ Шнавель и фонъ-Краутхеймъ слѣдуютъ за кельнеромъ).

(Пауза).

Квантмейеръ. Чего это ты дуешься, кися?

Лиза Беншъ. Я? Дуюсь? Ахъ, чего ты ни выдумашь!

Квантмейеръ. Поди сюда, стервочка. Будь умницей. Дай мнѣ свою рожицу, ну, скорѣй, а послѣзавтра ты придешь опять ко мнѣ. Послѣзавтра воскресенье, ты знаешь. Моихъ хозяевъ нѣтъ, ни души не будетъ дома, честное слово.

Лиза Беншъ (все еще нѣсколько упираясь). Что мы обручены съ тобой, или не обручены?

Квантмейеръ. Конечно, обручены. Какъ же иначе!.. Я же человѣкъ независимый. Могу жениться, на комъ хочу.

Лиза Беншъ (даетъ себя поцѣловать и, слегка ударивъ его по щекѣ, выскальзываетъ изъ его рукъ). Ахъ, поди ты, я не вѣрю тебѣ больше.

Квантмейеръ (хочетъ идти за ней). Что это ты, крошка, такъ надальничаешь сегодня? (Стеклянная дверь раскрывается, входитъ Михалина).

Лиза Беншъ. Тс...

Квантмейеръ. Чортъ побери! Что этой здѣсь понадо- билось?

Михалина (входитъ въ комнату, подвигаясь впередъ, оглядывается по сторонамъ).

Лиза Беншъ (зашла за прилавокъ, наблюдаетъ).

Квантмейеръ (съ дѣланнымъ добродушіемъ, отщипнувъ кончикъ у своей сигары). Подожди, Лизхень, я тебѣ отомщу. (Уходитъ въ сосѣдную комнату).

Лиза Беншъ (послѣ короткой паузы). Вы кого-нибудь ищете, барышня?

Михалина. Вѣдь это ресторанъ Беншъ?

Лиза Беншъ. Этотъ самый.

Михалина. Благодарю. Мнѣ это только хотѣлось знать. Значить, знакомые мои придутъ сюда позднѣе. (Хочетъ пройти въ сосѣдную комнату).

Лиза Беншъ. Тамъ только наши всегдашніе посѣтители.

Михалина. А?.. Я жду одного господина съ женой. Тогда я здѣсь сяду, все равно.

Лиза Беншъ. Пожалуйста сюда? Тутъ? Или тамъ?

Михалина (садится на скамью около стѣны, противъ буфета). Благодарю, я здѣсь сяду. Пожалуйста, небольшую кружку пива!

Лиза Беншъ (къ Фрицу, который какъ разъ входитъ). Фрицъ, небольшую кружку пива. (Она садится, откидывается назадъ, принимаетъ скромный, порядочный видъ, оправляетъ туалетъ и съ большимъ интересомъ наблюдаетъ за Михалиной; затѣмъ она опять съ ней заговариваетъ). Сегодня, вѣрно, очень плохая погода?

Михалина (снимаетъ калоши, затѣмъ пальто и наконецъ шляпу). Да, я еще калоши надѣла, слава Богу. Ужасная погода. (Садится, приглаживаетъ волосы, вытираетъ лицо).

Лиза Беншъ. Не хотите ли гребенку? Я могу вамъ одолжить. Пожалуйста. (Подходитъ и протягиваетъ Михалинѣ свою гребенку).

Михалина. Вы очень любезны. Благодарю васъ. (Беретъ гребенку и старается привести въ порядокъ прическу).

Лиза Беншъ (поправляетъ ей прядку волосъ). Позвольте, я вамъ помогу.

Михалина. Благодарю, я сама.

Лиза Беншъ (уходитъ за буфетъ и продолжаетъ съ интересомъ слѣдить за Михалиной).

Фрицъ (приноситъ пиво, ставитъ его передъ Михалиной, затѣмъ беретъ ящикъ съ сигарами и уноситъ его въ сосѣдную комнату. Оттуда доносится хохотъ).

Михалина. Тамъ, кажется, очень веселятся?

Лиза Беншъ (не безъ аффектаціи пожимаетъ плечами). Да, ничего не подѣлаешь. Они всегда такъ, господа. (Она нѣсколько подвигается впередъ). Я, собственно, очень не люблю шумъ и все такое; но, знаете, отецъ заболѣлъ, мать не выноситъ табачнаго дыма, и потомъ она, конечно, за папой ухаживаетъ. Чтò же дѣлать? Приходится помогать.

Михалина. Конечно, это ваша обязанность.

Лиза Беншъ. Да потомъ я молода, не правда ли? У насъ тутъ бываютъ и очень милые господа, очень образо-

ванные и милые. И потомъ можно научиться среди людей тому-другому.

Михалина. Конечно... разумѣется... конечно.

Лиза Беншъ. Но знаете, что противно... (Съ внезапной довѣрчивостью) что всегда выходятъ ссоры. Сначала они пьютъ, потомъ ссорятся. Господи, тутъ нужно быть такой осторожной. То съ однимъ слишкомъ ласково не здоровайся, то тому руки не подавай, третъяго плечомъ не задѣнь— а сама и не знаешь, когда кого задѣнешь,—на четвертаго не смотри, пятаго выпроводи. А все равно всѣмъ не угодишь. Такъ вѣдь? А они сейчасъ же... другъ другу въ волосы вцѣплятся.

Голоса (изъ сосѣдней комнаты). Лиза, Лиза, гдѣ вы пропадаете?

Лиза Беншъ (къ Михалинѣ). Я лучше посижу съ вами, не пойду къ нимъ. Мнѣ всегда теперь такъ неудобно тамъ. Тамъ съ другими господами женихъ мой—ну, скажите сами... вѣдь не годится это! Конечно, онъ хочетъ, чтобы я была ласкова съ нимъ. Ну, а это не годится же, это всѣ скажутъ.

Михалина. Но ваиъ женихъ этого и требовать не можетъ.

Лиза Беншъ. Нѣтъ, нѣтъ, онъ этого и не требуетъ, конечно, но все же... (Она встаетъ, такъ какъ Фрицъ входитъ съ пустыми кружками). Послушайтесь моего совѣта, не связывайтесь никогда съ поклонниками.

Лахманъ (входитъ черезъ стеклянную дверь, тотчасъ же замѣчаетъ Михалину и протягиваетъ ей руку. Вѣшаетъ пальто и шляпу). Михалина, а мы очень постарѣли.

Михалина (весело). Ты прямо съ этого начинаешь.

Лахманъ. Я, по крайней мѣрѣ. Я. Не ты, а я. По сравненію съ твоимъ отцомъ особенно. (Садится).

Михалина. Какъ это?

Лахманъ. На это есть причины. Есть причины, конечно... Когда я тогда поступилъ въ вашу академію... Чортъ побери! И теперь сравнить. Сильно впередъ попятился!

Михалина. Какъ это? Все хочется только спрашивать: какъ?

Лахманъ. Такъ: Бога съ чортомъ хотѣли примирить. И чего только ни хотѣли! Чего только ни могли! И чѣмъ только самому себѣ ни казался!.. А теперь? Въ нѣкоторомъ родѣ полное банкротство.

Михалина. Какъ это? По отношенію чего?

Лахманъ. По отношенію многого и многого. Къ иллюзіямъ, напримѣръ.

Михалина. Гм!.. А я думала, живешь себѣ и безъ нихъ сносно. Развѣ ты такъ много придаешь цѣны этому?

Лахманъ. Да. Все другое сомнительно. Способность къ иллюзіямъ, Михалина—это лучшее въ мірѣ достояніе. Подумай объ этомъ, ты сама увидишь.

Михалина. Ты разумѣешь, собственно, фантазію. Безъ нея, конечно, нельзя быть артистомъ.

Лахманъ. Да, фантазія и вѣра въ нее. Бутылку красного, какъ вчера.

Лиза Беншъ (приготовила уже вино, откупорила бутылку). Я васъ сейчасъ же узнала. (Она ставитъ бутылку и стаканъ передъ Лахманомъ).

Лахманъ. Да? Очень радъ. Будь у меня деньги, мы бы сегодня шампанскаго выпили. (Пауза).

Михалина. Ты изъ одной крайности впадаешь въ другую. Какъ это согласовать, Лахманъ?

Лахманъ. Да никакъ. Въ этомъ вся суть... Конецъ мнѣ пришелъ, просто-напросто. И больше ничего. Теперь можно начать и веселую жизнь.

(Изъ сосѣдней комнаты снова слышенъ хохотъ и шумъ. Лиза Беншъ неодобрительно покачиваетъ головой и отправляется туда).

Михалина. Ты какъ-то странно возбужденъ.

Лахманъ. Да, ты находишь? Видишь ли, я обыкновенно сплю. Слава Богу, что я нѣсколько возбужденъ. Но, къ сожалѣнію... долго это не продлится. Старость!.. Старость!.. Заживо умираешь.

Михалина. Я вовсе не нахожу тебя такимъ старымъ, милый Лахманъ.

Лахманъ. Да, Михалина? Тогда выходи за меня замужъ.

Михалина (удивленно, весело). Ну ужъ нѣтъ! Я не объ этомъ говорю! Для этого мы съ тобой, пожалуй, и стары. Но видишь ли, пока ты въ такомъ шутливомъ настроеніи, тебѣ навѣрно ужъ не такъ плохо.

Лахманъ. Да. И все же... И все же!.. Но оставимъ это.

Михалина. Но скажи, почему ты такой подавленный?

Лахманъ. Ничего! Я вовсе и не подавленъ... Я только опять оглянулся на себя и замѣтилъ, что, въ сущности, не живешь вовсе.

Михалина. Какъ это? Я опять спрашиваю: какъ?

Лахманъ. Рыба приспособляется въ водѣ. Кто хочетъ

жить, долженъ жить въ своей атмосферѣ. То же самое въ духовномъ отношеніи. Я попалъ не въ свою атмосферу. Хочешь не хочешь, а дышишь ею. Задыхаешься и задыхнешься въ ней. Себя больше не чувствуешь. Не знаешь себя. Вообще не узнаешь самого себя.

Михалина. Значитъ, мнѣ лучше, надо сказать, въ моемъ добровольномъ одиночествѣ.

Лахманъ. Вамъ вообще здѣсь лучше живется. Вы ничего не слышите и не знаете о всеобщемъ филистерскомъ канканѣ большого города. А какъ попадешь туда, такъ и закружишься.. Вѣчно рвешься на свободу въ далекій міръ. Лучше бы я жилъ всегда дома. Свѣтъ вовсе не большой, Михалина! Всюду то же, что и здѣсь. И здѣсь онъ не тѣснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. А кому онъ тѣсенъ, пусть расширяетъ его для себя, какъ это сдѣлалъ твой отецъ, напримѣръ. Да. Такъ я говорилъ, когда я поступилъ здѣсь въ академію весной...

Михалина. Это было осенью.

Лахманъ. А я изъ того времени помню только весну. Тогда отрѣшился отъ всего мѣщанскаго, тогда дѣйствительно... Можно было сказать... передъ тобой міръ раскрылся, большой, просторный. А теперь погрязъ въ томъ же. Попалъ въ хозяйственный супружескій гробъ.

Михалина. Я такъ и вижу тебя, Лахманъ, съ твоими желтыми, шелковистыми волосами, какъ ты стоишь въ коридорѣ,—ты помнишь,—передъ дверью отца. Мастерская отца была тогда еще наверху, а не въ маленькомъ флигелѣ. Помнишь? Или ужъ забылъ?

Лахманъ. Я? Нѣтъ. Это не забывается. Ничего я не забылъ, что было тогда. Я помню все до мельчайшей черточки. Это было лучшимъ временемъ. Этого никакими словами не выразишь. Это была мистерія, что происходило тогда: изъ школьника ты сразу посвящался въ рыцари.

Михалина. Не всѣ такъ воспринимали это, милый Лахманъ. На очень многихъ отецъ дѣйствовалъ подавляюще.

Лахманъ. Да. Тѣ того и стоили. У которыхъ что-нибудь было за душой, тѣхъ сразу онъ поднималъ высоко. И когда онъ раскрывалъ передъ нами міръ героевъ... ужъ то, что онъ считалъ насъ достойными соревнованія... и вообще онъ заставлялъ насъ чувствовать въ сферѣ искусства къ принцамъ крови близость, какъ будто мы были одной крови съ ними. Являлась божественная гордость,

Михалина... Итакъ, за твое здоровье... Это было когда-то. (Онъ замѣчаетъ, что у Михалины нѣтъ стакана, и обращается къ Фрицу, который направляется съ шампанскимъ въ сосѣдную комнату) Дайте, пожалуйста, еще стаканъ.

(Фрицъ быстро подаетъ его, затѣмъ уходитъ съ шампанскимъ).

Михалина. Что это съ тобою такое особенное приключилось, Лахманъ?

Лахманъ (наливаетъ стаканъ). Я видѣлъ картину твоего отца.

Михалина. Да? Ты отъ отца?

Лахманъ. Да. Только-что. Прямо оттуда.

Михалина. И она произвела на тебя такое впечатлѣніе?

Лахманъ. Такое глубокое, какъ только возможно. Да.

Михалина. И это искренно?

Лахманъ. Искренно, конечно, искренно.

Михалина. И ты не разочарованъ?

Лахманъ. Нѣтъ. Нѣтъ. Ни въ какомъ случаѣ. Я знаю, куда ты мѣтишь, почему спрашиваешь. Всякое искусство отрывочно... То, что у него есть, прекрасно. Захватывающе и прекрасно. И то, что достигнуто, и то, что чувствуешь, Михалина. Последнее выраженіе, въ которомъ все... Только тутъ познаешь, что такое твой отецъ. Великая неудача можетъ имѣть больше значенія—она всегда выступаетъ въ самомъ крупномъ, можетъ больше захватить и увлечь, чѣмъ самая большая удача.

Михалина. А въ какомъ настроеніи вообще былъ отецъ?

Лахманъ. Онъ меня страхъ какъ пробиралъ, что, впрочемъ, было совершенно безцѣльно. Но знаешь ли, если закрыть глаза и представить себѣ, если есть къ тому охота, что переживаешь первый весенній ливень, и что ты будешь расти невѣсть какъ высоко...

(Архитекторъ Циннъ и ассессоръ Шнавель входятъ. Оба навеселъ, говорятъ громко, безъ стѣсненія. Затѣмъ вдругъ начинаютъ тайно шептаться, но такъ однако, что всѣ ихъ могутъ слышать. Въ сосѣдней комнатѣ хохотъ).

Архитекторъ Циннъ. Фрицъ, живо, еще одну бутылку, Гельдерманъ. Восемь марокъ бутылка, что-жъ изъ этого? Меня это начинаетъ забавлять.

Ассессоръ Шнавель. Онъ божествененъ, Квантмейеръ. Что? И что ему только въ голову приходитъ?

Архитекторъ Циннъ (смѣясь). Умереть со смѣху можно! (Шопотомъ) Только осторожнѣе, ассессоръ, при старыхъ дѣвахъ. (Дѣлаетъ гримасы и глазами показываетъ на Михалину).

Ассессоръ Шнабель. Фрицъ, развѣ циркъ Ренца опять здѣсь?

Фрицъ (занятый шампанскимъ). Какъ такъ, г. ассессоръ? Мнѣ объ этомъ ничего неизвѣстно.

Ассессоръ Шнабель. Какъ такъ, какъ такъ! Развѣ не слышно запаха? Манежемъ пахнетъ.

Архитекторъ Циннъ. Да здравствуютъ свободные нравы!

Фонъ-Краутхеймъ (входитъ, направляясь къ буфету, говорить Цинну и Шнабелю). Что это, мужчина или женщина?

Архитекторъ Циннъ. Подите-ка, изслѣдуйте..(къ Шнабелю шопотомъ) Скажите, что такое Квантмейеръ? Что онъ, въ самомъ дѣлѣ, юристъ? Ничего не разберешь въ этомъ человѣкѣ. На что онъ живетъ?

Ассессоръ Шнабель (пожимая плечами). На деньги, вѣроятно.

Архитекторъ Циннъ. Да, но кто же ему ихъ даетъ?

Ассессоръ Шнабель. Онъ, кажется, при деньгахъ, а это вѣдь главное.

Архитекторъ Циннъ. Ну, а въ жениховство его вы вѣрите?

Ассессоръ Шнабель. Циннъ, у васъ нюхъ положительно.

Архитекторъ Циннъ. Ну, въ такомъ случаѣ дѣвчонка, значить, совершенно глупа! Немного глухой полагается быть каждой дѣвчонкѣ; но если она настолько не дорожить собой... (Онъ говорить ему что-то на ухо, затѣмъ оба дико хохочутъ и усиленно курятъ).

Архитекторъ Циннъ. Ассессоръ, осмотритесь-ка здѣсь. (Онъ беретъ подъ руку ассессора и подводитъ его безцеремонно къ столу, за которымъ сидятъ Михалина и Лахманъ. Онъ касается ихъ, не извиняясь, широко вытягиваетъ правую руку, громко и хвастливо показываетъ ему на отдѣлку комнаты). Все это я сдѣлалъ. Всю эту исторію я сочинилъ. Всю отдѣлку, потолокъ, буфетъ и все, все самъ рисовалъ, все дѣло рукъ моихъ. Потому я здѣсь и люблю выпить. У насъ есть вкусъ, видите ли. Какъ вы полагаете? Чортъ знаетъ, съ какимъ вкусомъ сдѣлано. (Выпускаетъ его руку, закуриваетъ сигару спичкой, которую онъ беретъ и, не торопясь, зажигаетъ на столѣ Лахмана и Михалины. Изъ сосѣдней комнаты опять доносится хохотъ. Фрицъ несетъ туда шампанское. Циннъ оборачивается туда и говорить) Они со-всѣмъ съ ума сведутъ юнца.

Ассессоръ Шнабель (пожимаетъ плечами).

Архитекторъ Циннъ. Пойдемте туда, тамъ опять па-

чалось. (Оба уходятъ въ сосѣднюю комнату. Михалина и Лахманъ значительно смотрятъ другъ на друга. Пауза).

ЛАХМАНЪ (вынимая изъ кармана портсигаръ. Сухо). Типы не изъ важныхъ. Я закурю; можно?

Михалина (нѣсколько безпокойно). Конечно.

ЛАХМАНЪ. А ты?

Михалина. Нѣтъ, благодарю. Здѣсь не хочу.

ЛАХМАНЪ. Да, да. Мы далеко ушли: мы дѣти нашихъ дней... Или, скажи... ты сомнѣваешься въ этомъ?

Михалина. Мнѣ здѣсь не очень пріятно.

ЛАХМАНЪ (курить). И даже на крыльяхъ утренней зари тебѣ не уйти отъ нихъ!.. Господи! А какъ вначалѣ было!.. А теперь стараешься для этого же общества. Ни одной точки соприкосновенія съ ними нѣтъ. Чистота, ни во что не облеченная, унижается. Святыней почитаются дряннѣйшія тряпки, грязнѣйшая одежда, нищенское отрепье. А мы должны молчать и работать на этотъ обродъ. За твое здоровье, Михалина! За здоровье твоего отца! И за искусство, весь міръ освѣщающее... Вопреки всему! И вопреки всему! (Они чокаются). Да, будь я на пять лѣтъ моложе... я обезпечилъ бы себя тѣмъ, что теперь для меня потеряно. И многое было бы иначе.

Михалина. А знаешь, что иногда тяжелѣе всего?

ЛАХМАНЪ. Что?

Михалина. Между друзьями!

ЛАХМАНЪ. Что же именно?

Михалина. Не мѣшать другъ другу въ своихъ блужданіяхъ! Ну, еще разъ: это было когда-то. (Она чокается съ нимъ многозначительно).

ЛАХМАНЪ. Конечно, конечно. Такъ мнѣ и надо. То время миновало безвозвратно. Но однажды совсѣмъ было близко къ этому... И какъ бы ты теперь ни качала головой, мнѣ тогда только стоило кивнуть.

(Крики и хохотъ въ сосѣдней комнатѣ).

Михалина (блѣднѣетъ, вздрагиваетъ). Лахманъ... что? Ты слышалъ?

ЛАХМАНЪ. Да. Неужели это на тебя дѣйствуетъ, Михалина?

Михалина. Я сама не знаю почему. Это въ связи съ тѣмъ, должно-быть, что Арнольдъ и отецъ въ такомъ напряженіи сегодня, и на меня это нѣсколько дѣйствуетъ.

ЛАХМАНЪ. Да, да. Но какъ же? Почему теперь именно?

Михалина. Не знаю. Не лучше ли намъ уйти. Ахъ,

да, твоя жена? Да, тогда подождемъ. Но, правда, здѣсь мнѣ очень не по себѣ.

Лахманъ. Не обращай вниманія на этотъ сбродъ.

Лиза Беншъ (выходитъ изъ сосѣдней комнаты). Ахъ, Боже мой, Боже мой, что же это такое! Тамъ напьются господа шампанскимъ, а потомъ сами не знаютъ, что дѣлаютъ. Правда, безобразіе. (Она безъ стѣсненія садится къ столу Лахмана и Михалины. По ея сильному волненію видно, что съ нею было что-то для нея дѣйствительно непріятное).

Лахманъ. Господа эти, должно-быть, ведутъ себя не очень тактично.

Лиза Беншъ. Нѣтъ, ничего. Они очень даже приличные, но, видите ли, тамъ одинъ молодой человекъ. Они его совсѣмъ... (Она представляетъ: трясетъ головой какъ бы въ безсознательномъ состояніи и дѣлаетъ при этомъ растерянные движенія рукой). Совсѣмъ... Я не знаю, какъ сказать!

Лахманъ. Это, вѣрно, вашъ женихъ?

Лиза Беншъ (дѣлаетъ видъ, какъ будто она зябнетъ, смотритъ себѣ на грудь, опустивъ глаза, и поправляетъ кружева). Ахъ, нѣтъ. Это просто одинъ глупый человекъ, который забралъ себѣ въ голову всякій вздоръ. Что мнѣ за дѣло до него? Убирался бы съ Богомъ. (Къ Михалинѣ) А вы бы позволили, чтобы сидѣлъ такой, какъ марабу? Я же могу дѣлать, что хочу. Вѣдь такъ? Что мнѣ за дѣло до такого досмотрщика. (Она взволнованно встаетъ). Впрочемъ, мой женихъ тоже виновинъ... если онъ желаетъ напиться, можетъ идти въ другое мѣсто. (Она уходитъ въ отдаленнѣйшій уголъ буфета. Пауза).

Лахманъ. Ты не можешь себѣ представить, какое это впечатлѣніе: твой отецъ въ своей мастерской—и вотъ здѣсь это... благородное собраніе. А потомъ, когда вспомнишь его картину—спокойный, торжественный ликъ Христа, и представишь себѣ его здѣсь, въ этомъ чаду, во всемъ его величіи и чистотѣ, — впечатлѣніе совсѣмъ особенное. Такъ странно... Я радъ, что моей дражайшей половины нѣтъ. Я прямо боялся, что она придетъ сюда.

Михалина. Если бы знать, что она придетъ сюда навѣрно. А то бы я предложила... а тебѣ здѣсь хорошо?

Лахманъ (кладя свой портсигаръ въ карманъ пальто). Да. Послѣ нашего тоста. Вопреки всему, вопреки всему! Если двое говорятъ: «это было когда-то», значить, еще что-то осталось, и за это, давай, выпьемъ еще разъ.

(Изъ сосѣдней комнаты послѣ взрыва хохота слышенъ слѣдующій все болѣе громкій обмѣнъ словъ:)

Квантмейеръ. Какъ васъ зовутъ?.. Кто вы такой?

Кто?.. Чтò вы все сидите здѣсь и глаза на насъ пялите?.. Чтò вы устались на насъ?.. Чтò?.. Вамъ это не нравится? Вамъ не нравится, что я цѣлую свою невѣсту? Да? Вы думаете, я у васъ спрашивать буду?.. Вы!.. Вы!.. Вы!.. Полоумный! Вы! Полоумный!

Голоса другихъ (вперемежку среди взрывовъ смѣха). Душъ! Душъ! Холодный душъ ему!

Квантмейеръ. Я не могу здѣсь показать своей подвязки?.. Вы воображаете, что я не смѣю? (Хохотъ).

Лахманъ. Миленькая компанія!

Квантмейеръ. Вы думаете, я не смѣю?.. Я ношу дамскія подвязки и баста... А если это не мои, такъ и не мои. Тогда это, вѣрно, Лизочкины. (Смѣхъ).

Лиза Беншъ (къ Михалинѣ и Лахману). Онъ лжетъ. Это подло! Онъ лжетъ! И этотъ хочеть быть моимъ женихомъ! И такъ лжетъ...

Квантмейеръ. Чтò?.. Чтò?.. Выходи-ка только впередъ. И если отъ васъ ничего не останется, мнѣ наплевать. Пачкунъ! Маляръ! Грифель! Еще одно слово, и онъ вылетитъ отсюда, будьте благонадежны!

Лиза Беншъ (быстро сбиваясь въ рѣчи). Вотъ какъ вышло... Не думайте, пожалуйста, что это изъ-за меня, такой скандалъ, дѣло было такъ... Такъ было... Мой женихъ былъ выпивши и сталъ меня щипать за руку... Тогда они вздумали заставить его ревновать...

Лахманъ. Кого они хотѣли заставить ревновать?

Лиза Беншъ. Да этого молодого человѣка, о которомъ я говорила. Я ужъ къ его отцу ходила. Чего я только ни дѣлала? Ничего не помогаетъ. Онъ приходитъ и сидитъ въ углу, и вотъ до чего довелъ.

Лахманъ. А чтò онъ собственно дѣлаетъ?

Лиза Беншъ. Ничего не дѣлаетъ. Сидитъ и все смотреть. Вѣдь это очень неприятно. Чтò же ему тогда удивляться, что они его нарочно злятъ, чтобы онъ ушелъ. (Квантмейеръ опять говорить). Ну, вотъ видите, вотъ опять начинается. Я, правда, пойду навѣрхъ къ отцу. Я не знаю, какъ мнѣ быть.

Квантмейеръ. Вы слышали, чтò я сейчасъ сказалъ? Нѣтъ?.. Вы забыли?.. Чтò?.. Ну, такъ слушайте: я могу цѣловать свою невѣсту, какъ хочу, гдѣ хочу, когда хочу. Самъ чортъ не помѣшаетъ мнѣ! Да-съ! Ну, скажите еще одно слово и, какъ скажете,—очутитесь на улицѣ.

Лиза Беншъ. Фу, ты, чортъ! И онъ хочеть быть моимъ женихомъ? Такъ ведетъ себя и такъ вретъ.

(Внезапный вскрикъ всѣхъ голосовъ заразъ. Можно разслышать слѣдующія слова:)

Архитекторъ Циннъ. Лстой, молодець, постой. Это ужъ жирно будетъ.

Шнабель. Чтò?.. Чтò? Полицію! Въ тюрьму этого мерзавца!

Фонъ-Краутхеймъ. Отнимите, Квантмейеръ! Чтò съ нимъ церемониться.

Квантмейеръ. Какъ вы смѣете?! Какъ вы смѣете?! Несчастный!

Архитекторъ Циннъ. Отнимите!

Шнабель. Отнимите! Разъ, два, три!

Квантмейеръ. Бросьте! Слышите? Бросьте! Бросьте!

Архитекторъ Циннъ. Отдадите вы его, или нѣтъ?

Шнабель. А, вы видите, онъ анархистъ!

(Въ сосѣдней комнатѣ происходитъ короткая глухая борьба).

Михалина (вскочила вдругъ въ неизяснимомъ страхѣ и хватается за свои вещи). Лахманъ, пожалуйста, пойдемъ... пойдемъ отсюда.

Архитекторъ Циннъ. Ну, ребята, у меня онъ. А, поймали тебя!

Шнабель. Держите! Держите его, мерзавца!

(Въ комнату врывается смертельно-блѣдный Арнольдъ и убѣгаетъ черезъ входную дверь на улицу).

Циннъ, Шнабель и фонъ-Краутхеймъ (бѣгутъ за нимъ). Держите! Держите его! (Они бѣгутъ за нимъ на улицу и исчезаютъ. Слышны ихъ крики и крики проходящихъ, которые постепенно слабѣютъ, пока не умолкаютъ совсѣмъ вдали).

Михалина (какъ ошеломленная). Арнольдъ!.. Это былъ Арнольдъ?

Лахманъ. Тише! (Квантмейеръ и кельнеръ входятъ).

Квантмейеръ (показывая маленькій револьверъ). Вотъ, Лизочка, видишь, какой мерзавецъ! Посмотри-ка, сдѣлай одолженіе, на эту штучку!.. Стоить, правда, пять-шесть марокъ самое большее, а могла бы надѣлать дѣловъ.

Лиза Беншъ. Оставьте вы меня, пожалуйста, въ покоѣ!

Фрицъ. Скажите на милость, гости, которые вытаскиваютъ револьверъ и около себя кладутъ... около своего пива... такимъ гостямъ я служить не желаю.

Лиза Беншъ. Не желаете, такъ не служите.

Лахманъ (къ Фрицу). Вамъ этотъ господинъ угрожалъ револьверомъ?

Квантмейеръ (смѣриваетъ Лахмана полицейскимъ взглядомъ). Да. Угрожалъ! Этотъ господинъ! А вы сомнѣваетесь? Это

лучше всего. Можетъ-быть, мы еще и отвѣтитъ за это должны.

ЛАХМАНЪ. Я только позволилъ себѣ спросить кельнера, не васъ.

КВАНТМЕЙЕРЪ. Позволил! Позволил! Кто вы такой? Чтѣ вы позволяете себѣ вмѣшиваться? Или вы, можетъ-быть, родственникъ «этому господину»? «Господинъ!» (Со смѣхомъ) На сегодня ему будетъ, господину. Запомнить урокъ... А ты думаешь, этотъ трусъ защищался?..

МИХАЛИНА (приходя въ себя, встаетъ и идетъ, какъ помѣшанная, къ Квантмейеру).. Арнольдъ!!! Это былъ Арнольдъ?!

ЛИЗА БЕНШЪ (догадываясь о связи событій, съ быстротой молніи становится между Квантмейеромъ и Михалиной. Къ Квантмейеру): Прочь! Оставьте нашихъ гостей въ покоѣ... а то я сейчасъ позову папу.

МИХАЛИНА (съ мучительнымъ, отчаяннымъ вскрикомъ, какъ бы жедая вернуть Арнольда, въ смертельномъ страхѣ бѣжитъ къ двери). Арнольдъ!!! Это былъ Арнольдъ?!

ЛАХМАНЪ (бѣжитъ за нею, удерживая ее). Нѣтъ! Нѣтъ, нѣтъ, Михалина. Успокойся!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мастерская старика Крамера, та же, чтѣ и во второмъ дѣйствіи. Около пяти часовъ вечера. Занавѣсъ, который отдѣляетъ собственно мастерскую, какъ всегда, задернуть. Крамеръ работаетъ за своимъ гравировальнымъ столикомъ. Онъ одѣтъ, какъ во второмъ дѣйствіи. Школьный слуга Краузе вынимаетъ изъ ручной корзинки, которую принесъ съ собою, синіе пакеты со стеариновыми свѣчами.

КРАМЕРЪ (не отрывая глазъ отъ работы). Положите туда свѣчи, туда, за подсвѣчники.

КРАУЗЕ (положилъ пакеты на столъ, на которомъ стоятъ нѣсколько серебряныхъ канделябровъ. Затѣмъ достаетъ письмо и держитъ его въ рукѣ). Больше, значить, ничего, г. профессоръ?

КРАМЕРЪ. Профессоръ? Чтѣ это значить?

КРАУЗЕ. Да, вѣрно, объ этомъ тутъ писано. Вотъ бумага изъ правленія. (Онъ кладетъ письмо на гравировальный столъ передъ Крамеромъ).

КРАМЕРЪ. Гм. Такъ. Это мнѣ? (Глубоко вздыхаетъ). Все достождное уваженіе. (Не распечатываетъ письма, продолжаетъ работать).

КРАУЗЕ (беретъ свою корзину и хочетъ идти). Г. профессоръ,

не остаться ли мнѣ здѣсь на ночь? Вамъ, правда, надо было бы отдохнуть.

КРАМЕРЪ. Все останется, какъ было, Краузе. Чтò? И относительно ночи тоже, знаете. Да я и не одинъ буду. Я переговорилъ съ художникомъ Лахманомъ. Вы вѣдь знаете Лахмана издавна?

КРАУЗЕ (береть шапку и вздыхаетъ). О, Господи, Господи! А сейчасъ, значить, больше ничего?

КРАМЕРЪ. Директоръ здѣсь?

КРАУЗЕ. Такъ точно, г. Крамеръ.

КРАМЕРЪ. Благодарю. Отлично. Пойдите. Еще минуточку. Въ понедѣльникъ вечеромъ... гдѣ это было... гдѣ тогда ваша жена встрѣтила Арнольда?

КРАУЗЕ. Пойдите... Это тамъ, гдѣ лодки... Внизу около укрѣпленій. Гдѣ лодки сдають.

КРАМЕРЪ. Это маленькій ходъ, чтò внизъ ведетъ? Совсѣмъ у воды?

КРАУЗЕ. Такъ точно. Какъ разъ тамъ.

КРАМЕРЪ. Она съ нимъ заговорила, или онъ съ ней?

КРАУЗЕ. Нѣтъ, онъ сидѣлъ на перилахъ, знаете ли, на стѣнѣ, тамъ, гдѣ стоятъ, смотрятъ, какъ поляки на плахахъ вечеромъ себѣ картофель варятъ. Женѣ это такъ странно показалось. Она это, значить, и поздоровалась съ нимъ.

КРАМЕРЪ. Чтò она еще говорила съ нимъ?

КРАУЗЕ. Она сказала, что, молъ, простудитесь.

КРАМЕРЪ. Гм! А онъ чтò на это?

КРАУЗЕ. Какъ жена это сказала, онъ смѣяться, и, жена говорила, видите ли, очень это онъ страшно смѣялся. Этакъ презрительно. Ничего больше я не знаю.

КРАМЕРЪ. Кто хочетъ презирать... все хочетъ презирать, знаете, у того найдутся и основанія къ этому. Мнѣ жаль только, что вы ко мнѣ не пришли!.. Я думаю, и тогда уже было поздно.

КРАУЗЕ. Да, кабы впередъ знать! А кто же зналъ? И кому въ голову придетъ такое подумать? Какъ тогда Михалина пришла, — она тогда съ г. Лахманомъ ко мнѣ пришла, — тогда меня прямо страхъ взялъ. Тогда уже первый часъ ночи былъ.

КРАМЕРЪ. Знаете, ночь эту... я не забуду. Когда меня дочь разбудила, былъ часъ... А когда мы отыскали моего бѣднаго мальчика, на соборныхъ часахъ пробило девять.

КРАУЗЕ (вздыхаетъ, качаетъ головой, отворяетъ дверь, чтобы

идти. Въ ту же минуту появляются Михалина и Лахманъ. Они входятъ въ комнату. Краузе уходитъ. Михалина одѣта въ темное платье, серьезная, усталая и заплаканная).

КРАМЕРЪ (кричитъ имъ навстрѣчу). А, вотъ и вы, дѣти! Ну, входите же. Вы, Лахманъ, значитъ, останетесь здѣсь на ночь? Вы были и его другомъ отчасти! Я очень радъ, что вы здѣсь побудете, потому что чужой... мнѣ было бы неприятно!.. (Онъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливается, задумывается и говоритъ) Я на пять минутъ васъ оставлю однихъ. Схожу къ г. директору. Скажу ему то, что имѣю ему сказать: А вы до тѣхъ поръ не уйдете.

Михалина. Нѣтъ, отецъ, Лахманъ, во всякомъ случаѣ, останется здѣсь. А мнѣ надо еще распорядиться.

КРАМЕРЪ. Я очень радъ, Лахманъ, что вы остаетесь. Я только на минуту, сейчасъ вернусь. (Накидываетъ на себя шаль, киваетъ обонмъ и уходитъ).

МИХАЛИНА (садится, откидываетъ вуаль и вытираетъ глаза носовымъ платкомъ. Лахманъ снимаетъ пальто, шляпу и кладетъ палку). Измѣнился отецъ, по-твоему?

ЛАХМАНЪ. Измѣнился? Нѣтъ!

МИХАЛИНА. Ахъ, Господи, я опять забыла. Гертелей не извѣстили. Совѣмъ у меня памяти не стало. А тутъ вѣнокъ... (Встаетъ и разсматриваетъ довольно большой лавровый вѣнокъ съ лентой, лежащій на диванѣ. Поднимаетъ прикрѣпленную къ ней карточку и, удивленная, продолжаетъ). Это отъ Шефферъ... Да, она тоже теперь осиротѣла. У нея была только одна мысль: Арнольдъ. А Арнольдъ даже и не зналъ объ этомъ.

ЛАХМАНЪ. Это та горбатенькая, которую я видѣлъ у тебя въ мастерской?

МИХАЛИНА. Да, да. Она рисовала, потому что Арнольдъ рисовалъ. И во мнѣ она видѣла лишь сестру Арнольда... Да такъ: вѣнокъ она купила, за то три недѣли будетъ питаться однимъ чаемъ и хлѣбомъ.

ЛАХМАНЪ. И при этомъ, быть-можетъ, будетъ очень счастлива... А знаешь, кого я встрѣтилъ? И кто тоже вѣнокъ пошлетъ?

МИХАЛИНА. Кто?

ЛАХМАНЪ. Лиза Беншъ.

МИХАЛИНА. Этого она могла бы не дѣлать. (Пауза).

ЛАХМАНЪ. Если бы я могъ говорить съ Арнольдомъ!.. Быть-можетъ, и о Лизѣ Беншъ. Можетъ-быть, что-нибудь изъ этого и вышло бы.

МИХАЛИНА. Нѣтъ, Лахманъ, ты ошибаешься. Я этого не думаю.

Лахманъ. Кто знаетъ? Въ концѣ концовъ, онъ меня избѣгалъ. А я бы могъ ему объяснить одну вещь, что именно, не скажу... И по опыту, такъ сказать. Намъ часто приходится отказываться отъ самыхъ горячихъ желаній нашихъ. Потому что, исполнись они, Михалина,—у меня подобное желаніе исполнилось,—и мнѣ,—передъ тобой мнѣ не нужно скрываться,—мнѣ отъ этого стало только хуже.

Михалина. Свой опытъ не передашь, по крайней мѣрѣ, въ чемъ-либо глубококомъ.

Лахманъ. Возможно, но вообще — я знаю, что знаю. (Пауза).

Михалина. Да, да, всегда такъ, всегда такъ бываетъ! И она съ огнемъ играла. А что это такъ могло кончиться, ей, конечно, въ голову не приходило. (У гравировального стола) Посмотри, что здѣсь отецъ только-что выгравировалъ.

Лахманъ. Мертвый рыцарь въ доспѣхахъ.

Михалина. Мм!

Лахманъ (читаетъ на доскѣ).

Я закованъ въ броню,
Смерть—мой оруженосецъ.

Михалина (неувѣренно, потомъ тихо плача). Я никогда не видала, чтобы отецъ плакалъ; посмотри, надъ этимъ отецъ плакалъ.

Лахманъ (невольно, беря ее за руку). Михалина, будемъ сильны, не правда ли?

Михалина. Листъ совсѣмъ мокрый! Ахъ, Боже мой. (Она овладѣваетъ собой, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и въ болѣе повышенномъ тонѣ продолжаетъ). Онъ, конечно, сдерживается, Лахманъ. А что у него на душѣ—онъ на десять лѣтъ постарѣлъ, по крайней мѣрѣ.

Лахманъ. Кому жизнь въ ударахъ судьбы открываетъ всю глубину своего значенія — я тоже похоронилъ отца и брата,—тотъ, если онъ пережилъ самое тяжелое... корабль того пойдетъ спокойнѣе и ровнѣе,—съ мертвецами у себя, тамъ, глубоко въ трюмѣ.

Михалина. Но пережить, вотъ что самое трудное.

Лахманъ. Я никогда не могъ предположить.

Михалина. Да, да! Какъ молнія! Это было какъ молнія. Я чувствовала: найдемъ мы его, хорошо! А не найдемъ, это будетъ конецъ... Я знаю Арнольда. Я это чувствовала. Въ немъ все давно накапливалось, и когда я поняла въ чемъ дѣло, я знала, что ему грозитъ опасность.

Лахманъ. Мы вѣдь совсѣмъ близко отъ него были.

Михалина. Было поздно. Когда я тогда опомнилась. Одно только слово! Одно слово бы сказать ему! Одно слово! И оно бы все повернуло, вѣроятно. Если бы они его поймали, тѣ люди, что гнались за нимъ, — если бы они привели его назадъ! Закричи я: Арнольдъ, вернись... (Отъ волненія не можетъ продолжать).

Лахманъ. Ничего бы дурного не вышло... Эти глупости съ револьверомъ...

Михалина. А эта дѣвушка. Позоръ. Отецъ, мать. И, вѣрно, тоже страхъ передъ послѣдствіями. Онъ представлялся невѣсть какимъ старикомъ, бывалымъ. А въ сущности онъ былъ, если его знать, какъ я, такой неопытный и наивный. Я знала вѣдь, что онъ носилъ при себѣ револьверъ.

Лахманъ. Онъ мнѣ тоже его показывалъ въ Мюнхенѣ.

Михалина. Да, потому что ему всегда казалось, что его преслѣдуютъ. Онъ видѣлъ въ окружающихъ однихъ враговъ, и его нельзя было переубѣдить. Это все наружно только, говорилъ онъ всегда. Они прячутъ свои когти. И если не остеречься, тебѣ конецъ.

Лахманъ. Да, это отчасти и такъ. Въ этомъ есть правда. Въ извѣстные моменты это чувствуешь. Онъ много, должно-быть, перенесъ всякой грубости. И, если себя поставить на его мѣсто, — онъ былъ правъ по-своему.

Михалина. Надо было больше заботиться о немъ. Арнольдъ былъ всегда такой рѣзкій. И какъ бы ты ему добра ни желалъ, онъ отталкивалъ тебя съ самыми твоими добрыми намѣреніями.

Лахманъ. Чтò такое онъ написалъ твоему отцу?

Михалина. Папа никому не показывалъ еще письма.

Лахманъ. Мнѣ онъ только намекнулъ на него... Только намекнулъ и ничего, въ сущности, не сказалъ. Впрочемъ, онъ говорилъ о немъ безъ всякой горечи. Я думаю, въ этомъ письмѣ было что-нибудь въ родѣ того, что не выношу жизни. Не приспособленъ къ жизни.

Михалина. Почему онъ не искалъ поддержки у отца? Конечно, отецъ суровъ. Но кто не понимаетъ доброты, чело-вѣчности въ немъ, не чувствуетъ ея, у того самого чего-нибудь не хватаетъ. Я, какъ женщина, видишь ли, я это понимала. И насколько мнѣ это было трудноѣ, чѣмъ Арнольду. Отецъ самъ жаждалъ откровенности Арнольда. А я должна была добиваться довѣрія отца. Отецъ правдивъ до

ужаса, вотъ и все. Меня отецъ больнѣе задѣвалъ, чѣмъ Арнольда, а Арнольдъ мужчина. Я же вынесла.

Лахманъ. Я бы могъ исповѣдываться твоему отцу.

Михалина. Онъ черезъ то же прошелъ.

Лахманъ. Это чувствуется.

Михалина. Да, и я знаю навѣрно. Онъ бы, конечно, понималъ Арнольда.

Лахманъ. Кто? Кто знаетъ спасающее слово?

Михалина. Вотъ видишь, Лахманъ, какъ это бываетъ. Наша мать внутренно очень далека отъ отца, а когда у нея что выходило съ Арнольдомъ, она сейчасъ же грозила отцомъ. Такимъ образомъ... чего она достигла... только ускорила, быть-можетъ...

Крамеръ (возвращается. Въшаетъ свою шаль). Вотъ и я! А что мама?

Михалина. Она просила, чтобы ты не переутомлялся. Ты сегодня дома ночуешь?

Крамеръ (просматривая письма съ выраженіемъ соболѣзнованія). Нѣтъ, Михалина. Если ты домой пойдешь, отнеси мамѣ эти письма. (Къ Лахману) Видите, у него тоже друзья были, только мы этого не знали.

Михалина. И днемъ на квартиру къ намъ многіе приходили.

Крамеръ. Лучше бы не приходили. Но если они думаютъ, что дѣлаютъ доброе дѣло, то имъ не надо мѣшать. Ты уходишь?

Михалина. Да, надо. Эти ужасныя формальности и затрудненія!

Крамеръ. Это теперь не должно насъ разстраивать. Нужно исполнить послѣдній долгъ.

Михалина. Прощай, папа.

Крамеръ (нѣсколько ее задерживая). До свиданія, милая. Тебя это и не разстраиваетъ. Ты самая разумная изъ всѣхъ насъ! Нѣтъ, нѣтъ, Михалина, я не такъ это сказалъ. Ты разумная, здоровая. И сердце у нея, Лахманъ, нѣжное, какъ ни у кого другого. (Михалина плачетъ сильнѣе). Но, послушай, и покажи это, дѣвочка. Мы должны показать, что мы можемъ вынести.

Михалина (овладѣваетъ собой, жметъ ему руку, затѣмъ Лахману, и уходитъ).

Крамеръ. Лахманъ, а мы вставимъ свѣчи. Раскройте пакеты. (Самъ дѣлаетъ это). Горе, горе, горе! Чувствуете ли, что въ этомъ словѣ? Знаете, то же и со словами бываетъ:

они только временами дѣлаются живыми, въ повседневности они мертвы. (Передастъ Лахману подсвѣчникъ, въ который онъ поткнулъ свѣчу). Отнесите это туда, къ моему мальчику. (Лахманъ направляется съ подсвѣчникомъ за занавѣсъ въ комнату. Крамеръ одинъ передъ занавѣсомъ продолжаетъ громко) Когда въ жизни наступаешь великое, знаете, тогда все мелкое какъ бы сметено. Мелочи разъединяють, великое соединяетъ, знаете ли. То-есть надо, чтобы такъ было. Въ смерти всегда есть нѣчто великое, знаете: въ смерти и въ любви. (Лахманъ выходитъ изъ-за занавѣса). Я былъ сейчасъ внизу у директора, сказалъ ему всю правду. И почему бы я сталъ лгать, знаете? Мнѣ теперь не до того. Какое мнѣ дѣло до кого бы то ни было на свѣтѣ, хотѣлъ бы я знать! Онъ тоже сталъ выше этого... А женщины, видите, безъ этого не могутъ. Въ такихъ случаяхъ пасторъ не сопровождаетъ гробъ, и все бываетъ не по-положенному. А мнѣ это, знаете, совсѣмъ не важно. Богъ для меня — все. Пасторъ ничто. Знаете ли, чтѣ я дѣлалъ сегодня утромъ? Хоронилъ свои любимыя мечты. Тихо, тихо, про себя. Совсѣмъ тихо, знаете. Длинное шествіе: большія и маленькія, замѣтныя и незамѣтныя. Теперь передо мной, Лахманъ, все, какъ скошенное поле.

Лахманъ. Я тоже потерялъ друга. Умершаго добровольно, хочу я сказать.

Крамеръ. Добровольно, знаете?.. Кто знаетъ, такъ ли это? Посмотрите на эти наброски. (Роется въ боковомъ карманѣ сюртука и вынимаетъ книжечку съ набросками, которую онъ раскрываетъ передъ Лахманомъ, подводя его къ окну, гдѣ еше видно, при вечернемъ свѣтѣ). Вотъ здѣсь собраны всѣ его мучители. Посмотрите. Вотъ они, какъ онъ ихъ видѣлъ. И знаете, глазъ у него былъ. Воистину злой глазъ. Но настоящій взглядъ, думаю я... Можетъ-быть, я не такъ разстроены, какъ вы думаете, и не такъ безутѣшны, какъ думаютъ многіе. Смерть, знаете, поднимаетъ на высоту. И вмѣстѣ съ тѣмъ, видите ли, пригнетаетъ низко. И то, чтѣ насъ пригнетаетъ, одновременно прекрасно и чудовищно. Мы это чувствуемъ тогда, почти видимъ это, и безъ страданій дѣлаемся больше... Чтѣ только ни умерло въ моей жизни! Многіе изъ тѣхъ, Лахманъ, кто живъ еще понинѣ. Почему сердца исходятъ кровью и бьются въ то же время?.. Потому что имъ надо любить, Лахманъ. Все стремится къ единенію, а надъ нами виситъ проклятіе разрозненности. Мы ничего не хотимъ упустить, и все уходитъ отъ насъ такъ же, какъ приходитъ.

Лахманъ. Я это тоже испыталъ.

Крамеръ. Когда Михалина разбудила меня ночью, я былъ, должно-быть, очень жалокъ. Но, видите, я тогда уже это зналъ. Самые тяжелые часы для меня были тѣ, когда ему пришлось лежать тамъ. Въ тѣ часы, клянусь Богомъ, Лахманъ, было ли это просвѣтлѣніе во мнѣ, или нѣтъ, но я самъ себя не узнавалъ. Знаете, я горько ропталъ, самъ отъ себя не ожидалъ этого. Я глумился, я бунтовалъ противъ Бога. Мы сами не знаемъ себя. Я смѣялся, какъ идолопоклонникъ, и обращался за отвѣтомъ къ своему идолу. Тогда для меня это была проклятая шутка, чертовская, ни къ чему не нужная продѣлка, знаете, Лахманъ, весьма дешевая, нестроумная и скверная. Видите, какой я былъ, какъ я бунтовалъ. Потомъ... Когда онъ очутился здѣсь, у меня, я только тогда опомнился. Сначала такое и въ голову не приходитъ. Теперь усвоилъ. Теперь уже этимъ живу. Теперь скоро два дня, что его нѣтъ. Я былъ оболочкой, тамъ лежитъ зерно. Лучше бы они оболочку взяли.

Михалина (входитъ тихо, не стучась). Папа, внизу Лиза Беншъ. Она принесла вѣнокъ.

Крамеръ. Кто?

Михалина. Лиза Беншъ. Она хотѣла бы тебя видѣть. Можно ей войти?

Крамеръ. Я не виню ее, я не мѣшаю ей. Во мнѣ нѣтъ ненависти. Все такъ мелко и ничтожно кажется мнѣ теперь. (Михалина уходитъ). Меня это, знаете, поразило неожиданностью. Да оно и не удивительно, послушайте-ка... Живешь себѣ изо дня въ день, какъ будто такъ все и должно быть. Бьешься изъ-за разныхъ мелочей, и, знаете, придаешь имъ невѣсть какое значеніе. Создаешь себѣ заботы, охаешь, жалуешься, и вдругъ налетитъ это сразу, какъ орелъ на стаю воробьевъ. Тогда, знаете, держись. За это я, видите, и наказанъ, и все, что бы теперь со мной ни было,—меня ничто не можетъ больше радовать, ничто не можетъ испугать. Для меня больше нѣтъ угрозъ.

Лахманъ. Можетъ-быть, зажечь одну?

Крамеръ (раздвигаетъ занавѣсъ. Въ глубинѣ большой, почти уже темной мастерской на возвышеніи лежитъ въ гробу покойникъ, весь въ покровахъ). Посмотрите, вотъ лежитъ одинъ изъ сыновъ человѣческихъ! Какіе безчеловѣчныя животныя люди! (Сквозь высокія окна мастерской, слѣва, слабый отблескъ вечерней зари. Въ головѣхъ гроба канделябры съ зажженными свѣчами. Крамеръ снова подходит впередъ къ столу и наливаетъ вино въ стаканы). Лах-

манъ, подите сюда, подкрѣпитесь. Здѣсь есть вино. Можно подкрѣпитесь. Выпьемъ, Лахманъ. Совершимъ жертвенное возліаніе. Чокнемся спокойно. Тотъ, кто лежитъ тамъ—это я! Это вы! Въ этомъ большое величіе. Чтѣ къ этому можеть прибавить пасторъ. (Они пьютъ. Пауза).

Лахманъ. Я давеча упомянулъ о другѣ, мать котораго была дочь пастора и которая какъ-то особенно огорчалась, что никто изъ духовенства не соглашался его хоронить. А когда мы опустили тѣло въ могилу, на нее какъ будто сошелъ Духъ Святой. И какъ будто самъ Богъ молился ея устами... Я никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь такъ молился.

Михалина (вводитъ Лизу Беншъ, скромно одѣтую въ темное. Обѣ останавливаются въ дверяхъ. Лиза прижимаетъ носовой платокъ къ губамъ).

Крамеръ (повпдимому, не замѣчая Лизы, спичкой зажигаетъ свѣчи. Лахманъ дѣлаетъ то же, пока не зажжены всѣ свѣчи въ двухъ канделябрахъ и въ шести подсвѣчникахъ). Чтѣ знали эти франты о немъ? Эти бревна и чурбаны въ образѣ человѣческомъ? О немъ и обо мнѣ и о нашей боли! Они затравили его на смерть. Убили его, Лахманъ, какъ собаку. Да, они убили его, это я ныѣю право сказать. Да и чтѣ, скажите, могли бы они ему сдѣлать! Ну, а теперъ подойдите же, господа! Посмотрите на него и попробуйте оскорбить его. Подойдите поближе и попробуйте, осмѣлитесь ли вы. Теперъ, Лахманъ, знаете, этого уже нельзя больше! (Онъ снимаетъ съ лица покойника шелковый платокъ). Ему хорошо такъ лежать! Хорошо! Хорошо! (При свѣтѣ свѣчей виденъ близъ гроба поставленный мольбертъ, на которомъ начата картина. За нее теперъ садится Крамеръ. Онъ продолжаетъ говорить, ни на кого не глядя, какъ будто кромѣ него и Лахмана никого нѣтъ). Я сидѣлъ здѣсь весь день, рисовалъ, писалъ, снялъ съ него маску. Вотъ она лежитъ тамъ въ шелковомъ платкѣ. Теперъ онъ ни въ чемъ не уступитъ величайшему изъ великихъ. (Показываетъ на маску Бетховена) Когда хочешь такія черты закрѣпить, чувствуешь все свое безсиліе. Все, чтѣ теперъ видимъ на лицѣ его, все это, Лахманъ, было въ немъ. Я это чувствовалъ, я это зналъ, я видѣлъ это въ немъ, по все же не могъ добыть этого сокровища, а смерть сумѣла это сдѣлать. И все теперъ исполнено ясности въ немъ, она исходитъ изъ него, изъ его лица, и, знаете, Лахманъ, я ищущу этого свѣта, стремлюсь къ нему, какъ черная опьяненная бабочка. И, знаете, вообще чувствуешь себя такимъ безпомощнымъ. Всю жизнь я былъ его школьнымъ

учителемъ. Я дурно обращался съ мальчикомъ, а онъ выросъ до какого величія. Я, можетъ-быть, задушилъ это растеніе. Можетъ-быть, я заслонилъ ему солнце, и онъ зачахъ въ моей тѣни. Но, видите, Лахманъ, онъ не хотѣлъ меня принять, и если ему не хватало друга... Я, Лахманъ, могъ быть его другомъ... Когда приходила тогда та дѣвушка, я попробовалъ... все, что могъ. Но тогда зло взяло верхъ въ немъ, и когда зло брало въ немъ верхъ, — ему доставляло радость мучить меня. Раскаяніе? Я не знаю раскаянія. Но меня это сломило. Я передъ нимъ совсѣмъ сталъ жалкимъ. Я смотрю на этого мальчика снизу вверхъ, какъ будто онъ мой старшій предокъ. (Михалина подводитъ Лизу Беншъ. Она кладетъ свой вѣнокъ въ ноги покойника. Крамеръ взглядываетъ ей прямо въ лицо).

Лиза Беншъ. Г. Крамеръ, я... я... я... Я такъ несчастна. Люди пальцами на меня показываютъ... (Пауза).

КРАМЕРЪ (наполовину про себя). А гдѣ теперь то, что было столь смертоносно? И все же, кто разъ узналъ это и продолжаетъ жить, у того останется заноза въ ладони. До чего бы онъ ни дотронулся, онъ будетъ чувствовать боль отъ нея. А вы идите спокойно домой. Между нимъ и нами теперь миръ.

(Пауза. Михалина и Лиза Беншъ уходятъ).

КРАМЕРЪ (уйдя въ созерцаніе покойника и свѣчей). Свѣчи! Свѣчи! Какъ это странно! Я сжегъ не одну свѣчу! Я видѣлъ пламень многихъ свѣчей, Лахманъ. Но, знаете, этотъ свѣтъ другой. Я васъ не пугаю, Лахманъ?

Лахманъ. Нѣтъ. Чего же мнѣ пугаться?

КРАМЕРЪ (вставая). Есть люди, которые пугаются. Но я думаю, Лахманъ, что не нужно пугаться ничего на свѣтѣ. Любовь, говорятъ, сильна, какъ смерть. Переверните эту фразу: смерть такъ же нѣжна, какъ любовь, Лахманъ. Знаете, смерть оклеветали. Это худшій обманъ, какой есть! Смерть есть самая кроткая форма жизни: высшее художественное созданіе вѣчной любви. (Онъ растворяетъ большое окно въ мастерской. Тихій звонъ вечернихъ колоколовъ. Вздрагиваетъ отъ холода). Шумная жизнь—это дрожь лихорадки. То холодно, то жарко. То жарко, то холодно!.. Вы сдѣлали то же самое съ Сыномъ Божиимъ! И теперь вы сдѣлали съ нимъ то же, что тогда. И теперь, какъ тогда, онъ не умретъ. Колокола поютъ. Вы слышите? Они рассказываютъ всѣмъ и повсюду исторію мою и моего сына. И о томъ, что ни одинъ изъ насъ не погибъ!.. Это явственно слышно отъ

слова до слова. Это произошло сегодня. Сегодня великий день. Колоколь—это больше, чѣмъ церковь, Лахманъ! Призывъ къ столу—это больше, чѣмъ хлѣбъ. (Ему бросается въ глаза маска Бетховена. Онъ снимаетъ ее со стѣны и продолжаетъ, разглядывая ее) Гдѣ мы причалимъ, куда мы несемся? О чемъ ликуемъ мы надъ краемъ пропасти? Мы, малые, въ неизмѣримости потерянные? Какъ будто мы знаемъ, куда нашъ путь лежитъ! Такъ ликовалъ и ты! А что ты зналъ? Ни пиршествъ земныхъ!.. Ни неба поповъ! Ни то и ни другое, но что... (Съ поднятыми къ небу руками) Что будетъ тамъ, въ концѣ?

(Занавѣсъ падаетъ).

ГАННЕЛЕ.

Драма-сновидѣніе въ двухъ актахъ.

Переводъ О. Н. Чюминой.

Маріи Гауптманъ,
рожденной Тидеманъ.

Дѣти рвутъ алый клеверъ, осторожно обрываютъ вѣн-
чикъ и высасываютъ сокъ изъ тонкихъ блѣдныхъ стебель-
ковъ. У нихъ во рту остается легкій сладковатый вкусъ.
Если ты извлечешь изъ моего произведенія хотя бы
столько же сладости, я не стану стыдиться моего дара.

Гергартъ.

Шрейберау, 1893.

«Ганнеле», или по первоначальному заглавию «Вознесение Ганнеле Маттернъ» (Hannele Matterns Himmelfahrt), открываетъ рядъ сказокъ-драмъ Гауптмана (Märchendramen), къ которому прежде всего относятся еще «Потонувшій колоколь» и «Бѣдный Генрихъ».

Какъ въ литературной сокровищницѣ Гауптмана эта пьеса въ правѣ претендовать на мѣсто, близкое къ центру, поскольку она намѣчаетъ совершенно новый и не менѣе великолѣпный поворотъ въ его творчествѣ, такъ въ жизни самого писателя она—переломная грань. Сіяніе возносящейся въ небеса Ганнеле озарило и Гауптмана міровою славою. «Ганнеле» открыло ему двери королевскаго театра. «Ганнеле» дало ему доселѣ еще невиданный подъемъ общаго восторга. «Ганнеле» принесло ему премію Грильпарцера.

Даже внѣшняя сторона появленія этой пьесы представляетъ особенный интересъ. Вотъ какъ ее передаютъ Шленгеръ, Бартельсъ, Ганштейнъ и Штейгеръ.

«Ганнеле»—свидѣтельство проживанія Гауптмана въ 1891 г. въ родной Силезіи. Уже сложившійся и признанный поэтъ, здѣсь онъ пережилъ всѣ освѣжающія и очищающія впечатлѣнія дѣтства. Позднимъ лѣтомъ 1893 г. поэтъ привезъ драму въ Берлинъ и прочелъ ее друзьямъ. Между первыми, слышавшими ее изъ его устъ, былъ директоръ королевской берлинской сцены, графъ фонъ-Гохбергъ, землякъ Гауптмана, силезецъ. Родная поэзія сразу охватила его. Онъ понялъ, что эта вещь создана для сцены.

14-го ноября 1893 г., въ канунъ 31-го дня рожденія Гауптмана, «Ганнеле» была поставлена въ королевскомъ театрѣ. Гохбергу впервые съ такою силой пришлось почувствовать, насколько различны человѣческіе взгляды.

Услыхъ пьесы былъ колоссальный, впечатлѣніе потрясающее, но сейчасъ же за только-что закрывшимися дверями театра разразилась та буря разномыслія, какую исключительно суждено будить Гауптману. Разнаго рода теоретики тотчасъ же подняли пьесу на вилы своей партійной узкости.

Убѣжденные послѣдователи натурализма и социаль-демократы, молвившіеся на Гауптмана, какъ творца «Ткачей», считали себя оскорбленными до глубины души «измѣною» имъ писателя. Авторъ революціонныхъ «Ткачей», высмѣивавшій чиновничество въ «Бобровой шубѣ», дерзнулъ измѣнить натурализму ради мистики, ради какихъ-то фантастическихъ грезъ о загробномъ блаженствѣ и воздаяніи за страданія!

«Мнѣ несимпатична эта смѣсь церкви и театра, патологии и серафическаго восторга!» — восклицалъ Карлъ Френцель. Исключительно

рѣзко критикъ Ф. Мерингъ бичевалъ Гауптмана за то, что въ душу пролетарской дѣвочки онъ вложилъ религиозную мечту. Другіе, смѣясь надъ «внезапнымъ благочестіемъ» поэта, прямо называли его ханжой. Одни критикъ торжественно заявляли, что отнынѣ нѣмецкій народъ можетъ совсѣмъ отказаться отъ надежды увидѣть въ Гауптманѣ своего Шекспира.

Въ то время, какъ одни призывали цензуру, другіе зывали къ полиціи, кивая,—какъ было и съ «Ткачами»,—на то, что такое пламенное сочувствіе голодной голытьбѣ можетъ вызвать на бунтъ всѣхъ недовольныхъ социальнымъ строемъ, третьи указывали, что современные нервы не въ силахъ выдержать ужаса появленія нѣмого призрака смерти. Считали оскорбленіемъ религиознаго чувства появленіе Спасителя и ангеловъ на сценѣ, и это несмотря на то, что придворный театръ, самъ по себѣ повышенно осторожный и щепетильный, уже смягчилъ многое, имѣя въ виду именно благочестиваго зрителя. Часть публики протестовала противъ появленія на сценѣ Христа въ видѣ странника, и въ слѣдующія представленія странникъ являлся въ видѣ юноши безъ бороды, потомъ превращаясь въ ангела. Протестовали и противъ англа смерти, заносащаго мечъ надъ бѣдной Ганнеле. Режиссеръ королевской сцены снялъ и эту подробность.

Придворный проповѣдникъ Эмиль Фроммель былъ официально командированъ въ театръ для выясненія, насколько дѣйствительно въ пьесѣ содержится оскорбленіе религіи. Но выборъ филистеровъ оказался неудачнымъ. Въ роли цензора-инквизитора оказался чело-вѣкъ съ настоящей поэтической душой.

Фроммель ушелъ изъ театра глубоко потрясенный, поэтически захваченный и еще не разъ вернулся въ театръ, чтобы пережить съ мукою любви драму бѣдной дѣвочки. И придворная цензура не посягнула на дѣтище Гауптмана.

Въ довершеніе всего, голоса друзей старательно оправдывали дѣйствительность дѣтскаго бреда Ганнеле, ставя въ заслугу автору, что даже въ область сна онъ сумѣлъ провести послѣдовательный натурализмъ, и видя въ этомъ новую побѣду таланта.

Знаменитый Антуанъ, глава извѣстнаго французскаго театра, большой поклонникъ Гауптмана, специально пріѣхалъ изъ Парижа въ Берлинъ, чтобы быть на первомъ представленіи. Въ честь его былъ устроенъ фестиваль, который обратился въ истинное чествованіе Гауптмана. Даже люди устарѣлыхъ понятій, не хотѣвшіе признать гауптмановскихъ «Ткачей», преклонились предъ прелестной поэмой. Антуанъ былъ одинаково восхищенъ и реалистическимъ началомъ и мистическимъ концомъ поэмы. Онъ, конечно, немедленно пересадилъ пьесу на французскую почву.

Въ Парижѣ почитатели автора «Ткачей» были нѣсколько разочарованы. Гауптманъ казался имъ больше «у себя» въ домѣ прирѣвня, чѣмъ въ царствѣ идеаловъ.

Зато дѣлую бурю восторговъ пьеса вызвала въ Америкѣ. Постановка «Ганнеле» у насъ, въ Россіи, прогремѣла въ Петербургѣ и Москвѣ, точно такъ же вызвавъ обостренную полемику газетъ за и противъ пьесы и по вопросамъ объ ея касаніи религіи. Долго держались опасенія, что пьеса будетъ насильственно снята съ репертуара.

Послѣ «Крамера», «Ганнеле»—третій сценическій успѣхъ Гауптмана и первый—мировой. Дружественная ему критика заявила, что эта пьеса была молниеносной побѣдой новаго направленія въ искусствѣ.

Но менѣе грандіозенъ былъ и литературный успѣхъ «Ганнеле». Въ

декабрь 1893 г. она появилась въ иллюстрированномъ изданіи. Хотя рисунки Юл. Экстера нельзя было назвать подходящими къ символическому стилю и наивной темѣ драмы, книжка выдержала 4 изданія. Другое, неиллюстрированное изданіе, съ 1896 г. по 1905 г. было повторено 14 разъ.

Свою книгу о Гауптманѣ извѣстный Шленгеръ, такъ сказать, офиціозный биографъ драматурга, посвятилъ юной актрисѣ, создавшей своеобразный образъ Ганнеле.

Что плѣнило и плѣняетъ посейчасъ зрителя и читателя въ «Ганнеле»? Плѣняетъ самый драматизмъ дѣтскаго страданія, та вѣчная тема о невинной «дѣтской слезкѣ», не искупаемой ничѣмъ ни въ этомъ вѣкѣ ни въ будущемъ, которую съ потрясающею силою установилъ для русской литературы Достоевскій въ «Карамазовыхъ». Вотъ вопросъ, вотъ картины, передъ которыми взрослый не можетъ не испытать волненія и содроганія! Плѣняетъ и вся та красота выраженія авторскаго страданія за эти «дѣтскія слезки», какую Гауптманъ нашель въ своей душѣ.

«Но будучи сентиментальною, — пишетъ Брандесъ:— «Ганнеле» — мечтательная поэма, созданная душою, которая при нѣжности и искренности своихъ чувствъ заслуживаетъ вполне названія прекрасной. Душевный міръ ребенка открывается передъ нами во всѣхъ его мелкихъ изгибахъ, и нельзя не поразиться при видѣ того, какое богатство содержанія, какія сокровища могутъ скрываться въ тайникахъ сердца бѣднаго, маленькаго, замученнаго до смерти ребенка. Въ пьесѣ много поэтическихъ достоинствъ: глубина и тактъ, тонкость наблюденія, полускрытая символика, захватывающая душу лирика... Сама по себѣ мучительно-патетическая, драма приноситъ намъ утѣшеніе и примиреніе, потому что въ то самое время, какъ ребенокъ переживаетъ свою смерть и благодаря этому приобретаетъ защиту и избраннычество, чувствуя себя поднятымъ черезъ смерть въ царство небесъ, — его мученія прекращаются, и воцаряется поэтическая справедливость въ болѣе глубокомъ значеніи этого слова, чѣмъ обыкновенно».

Именно Гауптманъ, съ его исключительнымъ даромъ соединенія въ душѣ двухъ царствъ—реальнаго и мечтательнаго, могъ связать въ одной картинѣ страшную дѣйствительность жизни несчастной дѣвочки съ міромъ ея свѣтлыхъ дѣтскихъ грезъ. Здѣсь Гауптманъ могъ или откровенно уйти въ область фантастическаго, какъ ушелъ Гёте въ «Фаустѣ», или подставить подъ всѣ грезы Ганнеле трезвую дѣйствительность. Послѣдовательный натуралистъ сидѣлъ въ немъ прочно, и онъ избралъ второй путь. Тѣ, кто называютъ драму символической, очень погрѣшаютъ противъ истины. Символовъ здѣсь нѣтъ. Здѣсь все надо понимать такъ, какъ дано, не подставляя какого-либо иного смысла подъ понятія и образы. Это не то, что «Штонувшій колоколь».

Въ самыхъ грезахъ Ганнеле Гауптманъ сумѣлъ остаться на почвѣ тѣхъ представлений, какія могли быть именно у такой дѣвочки-простушки. Ея представленія о раѣ и небесномъ блаженствѣ, о плодахъ и золотистомъ винѣ, ея видѣнія ангеловъ, точь въ точь такихъ, какихъ она видѣла на плохихъ картинахъ деревенской церкви, ея честолюбивыя мечты о нарядѣ невесты въ гробъ и стекляннхъ башмачкахъ— все это именно такъ должно было отразиться въ душѣ дѣвочки ея лѣтъ и нравственнаго уровня. Не диссонируетъ съ этимъ и такая подробность, какъ недѣтское уже представленіе о «бѣлой постели и темной комнатѣ» новобрачныхъ въ ея пѣснѣхъ. Ганнеле—изъ той среды, гдѣ ребенокъ рано видитъ жизнь и въ 14 лѣтъ уже многое

знаеть. Въ бредовомъ отождествленіи любимаго учителя съ Христомъ также соблюдена логика болѣзни. Психіатръ, анализирующій эту частность, могъ бы найти ее хорошо мотивированной.

Упрекъ Гауптману въ томъ, что грезы Ганнеле моментами облечены въ слишкомъ красивые для дѣвочки-оборвашки слова, хорошо отражаетъ Штейгеръ.

«Если,—говоритъ онъ:—поэтъ хотѣлъ воспроизвести въ драмѣ то, что Ганнеле видѣла во снѣ, то онъ долженъ былъ найти для этихъ дѣтскихъ мыслей самые лучшіе стихи, самые восхитительные образы, чтобы слушатель могъ самъ прочувствовать все блаженство, испытываемое спящимъ ребенкомъ. Требовать здѣсь, во имя правды, вмѣсто этихъ ангельскихъ голосовъ и рѣчей Спасителя, ребяческихъ приемъ и безпѣвныхъ библейскихъ стиховъ—было бы совершенно недѣло».

Образъ Ганнеле остается изумительно цѣльнымъ и трогательнымъ. «Чтобы вовсе извратить его на сценѣ,—пишетъ Шлентеръ:—нужна выходящая изъ ряда бездарность. Чтобы показать все внутреннее содержаніе его, нужно имѣть врожденную, конгеніальную Гауптману силу, которая слила бы воедино дѣтское, глубокое, полное фантазіи настроеніе съ полной художественною зрѣлостью».

Для режиссера и актера «Ганнеле» представляетъ совершенно исключительныя трудности. Переливы дѣйствительности и грезъ ничѣмъ не отгѣнены въ текстѣ. Едва, напримѣръ, бредящая Ганнеле заговорила съ Мартой,—уже снова вступаетъ во власть міръ сна. Единственное средство показанія этого, по мнѣнію Шлентера,—тонъ исполнителей. Въ сценахъ сновидѣній должно входить въ стиль представленія нѣчто туманное и расплывающееся. Сумеречные, сказочныя тона должны отмѣчать такія сцены отъ сценъ реальныхъ.

Критика съ крайнимъ усердіемъ старалась подыскать литературныя и художественныя произведенія, какія могли «навѣять» на Гауптмана сюжетъ «Ганнеле». Трагедія несчастнаго ребенка вѣчно занимала поэтовъ, и поэтому не было ничего легче, какъ подыскать здѣсь цѣлый рядъ прототиповъ. Такъ, указывали на гётевскую Миньону, отношенія которой къ Вильг. Мейстеру могли напоминать отношенія Ганнеле къ Готтвальду, ссылались на диккенсова Оливера Твиста, Гедвигу изъ «Дикой утки» Ибсена, съ большимъ основаніемъ на Анютку изъ «Власти тьмы» *) и на разсказъ Достоевскаго о «Мальчикѣ у Христа на елкѣ» (Суворинъ). Есть мнѣніе, что Гауптманъ имѣлъ въ памяти картину нѣмецкаго художника Фрица Уде (F. Uhde), изображающую Христа, входящаго съ благословеніемъ въ хижину бѣдняка. Сама по себѣ мысль о предсмертной грезѣ ребенка на ложѣ смерти и нищеты настолько проста, что едва ли нужны такія изысканія. Въ раннихъ стихотвореніяхъ Гауптмана можно найти пьесу (Die Mondbraut) гдѣ поэтъ уже тронулъ тему земного страданія, искупаемаго блаженствомъ, и образъ дѣвочки-мученицы. И всѣ изысканія указаннаго рода ничего не умалятъ въ заслугѣ Гауптмана. Вся суть въ томъ, какъ написалъ онъ свою драму. А здѣсь неотрицаема его высокая самобытность и яркій поэтический талантъ.

Несравнимо большее воздѣйствіе на Гауптмана оказало родное небо

*) Умѣстно замѣтить о сходствѣ Пleshке съ косноязычнымъ Акимомъ изъ той же драмы. Въ «Ганнеле», между прочимъ, повторена и насмѣшка женщины надъ косноязычіемъ Пleshке, вызывающая въ памяти реплику Маррены: «вотъ только п рѣчей отъ орла моего,—таѣ, таѣ...». И самое «того» Пleshке напоминаетъ присловіе Акима.

Силезіи, дѣтскія воспоминанія, преданія, всосанныя съ молокомъ матери, и тотъ красивый мистицизмъ, какой лежитъ въ характерѣ силезца. Печать набожной Силезіи лежитъ на всей пьесѣ, сказывался не только въ діалектѣ, на которомъ говорятъ окружающіе Ганнеле.

Маститый нѣмецкій романистъ Густавъ Фрейтагъ за годъ до своей смерти далъ восторженный отзывъ о «Ганнеле», замѣтивъ, что создать такую вещь могъ только «истинный поэтъ и, можетъ-быть, только изъ того горнаго округа, который подвѣдомственъ горному духу, Рюбенало». Онъ былъ плѣненъ «внутреннимъ прозрѣніемъ въ таинственнѣйшія движенія души и вдыхалъ ароматъ родной почвы и тѣхъ образныхъ оборотовъ языка, какихъ не найти въ книгахъ, но какіе живутъ въ народѣ доселѣ». Глубоко вѣрно онъ указалъ «народность» драмы, обвѣянной духомъ старинныхъ нѣмецкихъ сказаній, восходящихъ къ X-му вѣку, къ поэмѣ саксонской монахини Гросвигты. Непосредственными вѣяніи жизни руководили Гауптманомъ болѣе властно, чѣмъ какіе бы то ни было литературные образцы. «Кто пѣшкомъ прошелъ бы,—вѣрно замѣчаетъ Шленгеръ:—по очаровательному лѣсному дугу, по склонамъ холма около престыянскаго домика братьевъ Карла и Гергарта Гауптмановъ, въ Шрейбергау, — могъ бы встрѣтить на деревенской улицѣ обитателей дома призрѣваемыхъ, — отца Пешке, ставшую набожной Тульце, уличную дѣвицу Гету, еще не ставшую сидѣлкой. невѣжу Ганке и каменщика Маттернъ. Въ общеніи съ народомъ и природой окрѣпло искусство поэта, и если корни этой поэзіи—въ земной скорби, то верхушки ихъ вѣнчаютъ небесный свѣтъ».

«Какъ бы различно ни судили о «Ганнеле»,—пишетъ Бартельсъ:— оно есть неоспоримо прекрасное и истинно-трогательное произведеніе, и хочется сказать, что оно создано настоящимъ поэтомъ... Пьеса по существу «театральна», но повсюду въ это «театральное» вложено столько человѣческаго содержанія, и здѣсь часто такъ много поэтической прелести, что со сцены возбуждается величайшее состраданіе къ судьбѣ бѣднаго ребенка».

Дѣйствительно, создать изъ бреда умирающаго ребенка такую красоту, при такомъ простомъ замыслѣ такъ захватить сердца, такъ тронуть ихъ проповѣдью милосердія—могъ только большой художникъ. До появленія «Потонушаго колокола», стихи, заключающіе «Ганнеле», справедливо считались вершиною гауптмановской поэзіи.

ГАННЕЛЕ.

ДРАМА-СНОВИДѢНІЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГАННЕЛЕ.

ГОТВАЛЬДЪ, учитель.

СЕСТРА МАРТА, дьяконисса.

ТУЛЬПЕ.

ГЕДВИГА.

ПЛЕШКЕ.

ГАНКЕ.

ЗЕЙДЕЛЬ, дровосѣкъ.

БЕРГЕРЪ, окружный начальникъ.

ШМИДТЪ, судейскій служитель.

ДОКТОРЪ ВАХЛЕРЪ.

Въ бреду передъ Ганнеле появляются: каменщикъ Маттернъ, ея отецъ. Женщина, ея покойная мать. Высокій черный ангелъ. Трое свѣтлыхъ ангеловъ. Дьяконисса. Готвальдъ и его ученики. Обитатели пріюта: Плешке, Ганке и др. Зейдель. Четверо юношей въ бѣлыхъ одеждахъ. Странникъ. Множество маленькихъ и большихъ свѣтлыхъ ангеловъ. Несущіе гробъ. Женщины и др.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ пріютѣ для бѣдныхъ въ горной деревнѣ. Голыя стѣны, посрединѣ дверь, налѣво маленькое окно, похожее на потаенное. Передъ окномъ убогій столъ и скамья. Направо — кровать съ соломеннымъ тюфякомъ. У стѣны—въ глубинѣ—печь и другая кровать—тоже съ соломеннымъ матрацемъ, прикрытая кое-какими лохмотьями.

Бурная декабрьская ночь. У стола, при свѣтѣ сальной свѣчи сидитъ Тульпе, старая оборванная нищая, и поетъ изъ молитвенника.

ТУЛЬПЕ (поеть):

Будь съ нами въ милости Твоей,
Господь нашъ Иисусъ Христось,
Дабы и впредь...

(Входитъ Гедвига, по прозванію Гета, женщина развратнаго поведения, лѣтъ тридцати, съ кудряшками на лбу. На головѣ у нея толстый платокъ, подъ мышкою узелокъ, одѣта она легко и бѣдно).

ГЕТА (для на пальцы, но не выпуская узла). Господи Иисусе, вотъ такъ погода! (Узелъ ея выскальзываетъ и падаетъ на столъ, она не перестаетъ дуть себѣ на голыя руки и переступаетъ съ ноги на ногу въ своихъ дырявыхъ башмакахъ). Такой страсти ужъ который годъ не бывало!

ТУЛЬПЕ. Ты что такое принесла?

ГЕТА (оскаливъ зубы, взвизгиваетъ отъ боли и, присѣвъ на скамью у печки, старается стачить башмаки). Ой-ой, батюшки!.. Пальцы мои!.. Какъ огнемъ жжетъ!..

ТУЛЬПЕ (развязываетъ узелокъ; въ немъ—хлѣбъ, мѣшочекъ цукорія, свертокъ кофе, нѣсколько паръ чулокъ). И на мою долю, чай, малость перепадетъ?

ГЕТА (занятая стаскиваніемъ башмаковъ и не обращавшая вниманія на Тульпе, кидается, какъ коршунъ, на вещи и собираетъ ихъ). Тульпе! (Забравъ вещи, ковыляетъ къ кровати въ глубинѣ; одна нога у нея босая, другая въ башмакѣ). Я выбѣгаю цѣлую милю, всѣ косточки себѣ поотморожу для того, чтобы ты могла набить себѣ зобъ? Какъ бы не такъ!

ТУЛЬПЕ. Заткни свою глотку, старая карга! Стану я пачкаться изъ-за всякой дряни... (встаетъ, захлопываетъ молитвенникъ и тщательно обтираетъ его о свое платье) которую ты выклянчила...

ГЕТА (пряча вещи подъ соломеннымъ тюфякомъ). Хотѣла бы я знать, кто это больше на своемъ вѣку кланчилъ: ты или я? Ты отродяся ничего другого не дѣлала. Всякій это знаетъ.

ТУЛЬПЕ. Ну, ты, конечно, совсѣмъ другими дѣлами занималась. Господинъ пасторъ тебѣ въ глаза это сказалъ. Когда я была молода, какъ ты, то ужъ, разумѣется, вела себя по-другому...

ГЕТА. Потому-то ты и сидѣла въ смиренномъ домѣ.

ТУЛЬПЕ. И ты можешь попасть туда въ любое время. Стоитъ мнѣ только повстрѣчать жандарма. Ужъ я открою ему глаза. Попробуй только разинуть глотку.

ГЕТА. Пошли заодно твоего жандарма и ко мнѣ. Я тоже поразкажу ему кое-что.

ТУЛЬПЕ. По мнѣ—разсказывай, что хочешь.

ГЕТА. А кто укралъ пальто? А? У мальчика, у сына трактирщика Рихтера? (Тульпе дѣлаетъ видѣ, что плюетъ на нее). Тульпе проклятая! Ну, теперь ничего не получишь.

ТУЛЬПЕ. Наплевать! Мнѣ твоего даренаго и не нужно.

ГЕТА. Потому что ты ничего не получишь.

(Появляются Пляшке и Ганке, которыхъ буря, только-что полетѣвшая вихремъ на домъ, буквально вталкиваетъ въ сѣни. Пляшке, старикъ съ зубомъ, наполовину влвавшій въ дѣтство, раздражается громкимъ смѣхомъ. Ганке, молодой развратникъ и бездѣльникъ, произносить проклятіе. Оба они, видимые въ отворенную дверь, отряхаютъ на каменный полъ сѣней снѣгъ со своихъ шапокъ и одеждъ. Каждый несетъ по узелку).

ПЛЯШКЕ. Ишь ты, градъ-то, градъ-то какой!.. Хлещетъ, какъ чортъ! Хибарку-то нашу—пріютъ, того гляди... да... того гляди... совсѣмъ... того, снесетъ... (Гета при видѣ ихъ приходитъ въ себя, прячетъ вещи подъ тюфякъ и бѣжитъ мимо мужичка въ сѣни, а затѣмъ вверхъ по дѣстницѣ).

ПЛЯШКЕ (вслѣдъ Гетѣ). Ты чего бѣжишь?.. Чего бѣжишь прочь? Я тебя того... не обижу тебя... Ганке! Слышь?

ТУЛЬПЕ (возится у печки съ котелкомъ картофелю). У дѣвки въ головѣ неладно. Бойтся, что мы ее оберемъ.

ПЛЯШКЕ (входя). Исусе Христе! Ну, вотъ, того, полегче стало... Добрый вечеръ... Добрый вечеръ... Ахъ, чортъ, ахъ, чортъ!.. Вотъ такъ погодка... Вотъ такъ погодка на дворѣ... Я... того... во всю длину... во всю длину, того, растянулся... Во весь, значить, ростъ... (Ковыляетъ съ согнутыми колѣнами къ столу. Онъ кладетъ свой узелокъ и оборачиваетъ къ Тульпе свою трясущуюся голову съ сѣдыми волосами и слезящимися глазами. Онъ тяжело переводитъ духъ отъ усталости, кашляетъ и дѣлаетъ движенія для того, чтобы согрѣться. Тѣмъ временемъ Ганке тоже вошелъ. Онъ кладетъ свой мѣшокъ у дверей и, дрожа отъ холода, начинаетъ подбрасывать сухой хворостъ въ печь).

ТУЛЬПЕ. Ты откуда?

ПЛЯШКЕ. Я-то? Я-то откуда? Издалеча я, значить, издалеча. На горѣ всю деревню, того, обходилъ.

ТУЛЬПЕ. Принесъ что-нибудь?

ПЛЯШКЕ. Какъ же!.. Какъ же! Много добра... Много всякаго добра принесъ... У регента дали мнѣ... дали мнѣ

пятишницу... У трактирщика... у трактирщика на горѣ, значить... дали мнѣ... полнехонькій горшокъ... полнехонькій, того, горшокъ... Съ супомъ горшокъ, значить...

Тульпе. Я сейчас поставлю разогрѣть. Давай.

Плешке. А вотъ еще... того, колбаса. Мясникъ, Зейпельтъ, мясникъ, значить, даль мнѣ колбасу-то... Колбасу даль...

Тульпе. А сколько денегъ ты принесъ?

Плешке. Трешницу, значить... Трешница тутъ у меня, кажись...

Тульпе. Давай сюда. Я припрячу деньги для тебя.

Гета (снова входитъ). Очень вы глупы, что все отдаете.

Ганке. Вѣдь онъ женихъ.

Гета. Господи Иисусе!

Ганке. Только полагается, чтобы и невѣста кой-что припасла. Такъ ужъ заведено.

Плешке. Можешь, того, пересмѣивать... Всякаго, значить, пересмѣивать можешь... А старика, значить, старика ты ужъ, того, не трогай...

Гета (передразнивая его манеру говорить). Старикъ Плешке... Старикъ Плешке, онъ ужъ скоро, того, совсѣмъ лопотать не будетъ... Онъ скоро, того, ни словечка, значить... Ни... ни... ни... ни... одинаго словечка, словечка, значить, не выговорить...

Плешке (идеть на нее съ палкой). А теперь ты... того, проваливай... Проваливай, значить.

Гета. Передъ кѣмъ это, скажите, пожалуйста?..

Плешке. Проваливай, значить, говорятъ тебѣ!

Тульпе. Дай ей разѣ!

Плешке. Проваливай, значить, слышь?

Ганке. Оставьте эти глупости.

Тульпе. Да будетъ вамъ.

(Гета, пользуясь минутою, покуда Ганке поднимаетъ возню съ Плешке, защищая ее, съ быстротою молнии что-то вытаскиваетъ у него изъ мѣшка и убѣгаетъ. Тульпе вся трясется отъ смѣху).

Ганке. Нечего зубы скалить.

Тульпе. Вотъ такъ штука! Какъ же тутъ не смѣяться-то?

Плешке. О, Господи Иисусе! Да ты погляди...

Тульпе. Осмотри-ка твое добро. Можетъ статься, чего не досчитаешься?

Ганке (оборачивается и видитъ, что его обворовали). Тварь! (Бросается вслѣдъ за Гетою). Попадись ты мнѣ! (Слышенъ топотъ по лѣстницѣ, возня, заглушенный крикъ).

Плешке. Чортова дѣвка! Чортова дѣвка! (Смѣется на всѣ лады, Тульпе тоже помираетъ со смѣху. Вдругъ входная дверь съ шумомъ отворяется. Оба перестаютъ смѣяться). Ну, что тамъ такое?

(Шорвы бури потрясаютъ домъ. Въ окна бьетъ сухой снѣгъ. Минута тишины. Затѣмъ входитъ учитель Готтвальдъ, человекъ тридцати двухъ лѣтъ, съ темною бородою. Онъ несетъ на рукахъ 14-ти-лѣтнюю Ганнеле Маттернъ. Дѣвушка, длинные рыжіе волосы которой ниспадаютъ черезъ плечо учителя, все время стонетъ. Она скрыла лицо на плечѣ учителя, руки ея безжизненно повисли. Она еле одѣта и завернута въ платки. Но обращая вниманія на присутствующихъ, Готтвальдъ бережно кладетъ свою ношу на кровать у стѣны. Съ нимъ вошелъ дровосѣкъ, по имени Зейдель, держащій фонарь. У него кромѣ топора и пилы—узелъ мокрыхъ лохмотьевъ, на головѣ его, сильно посѣдѣвшей, заломленная набекрень старая охотничья шляпа).

Плешке (съ тупымъ изумленіемъ). Э... э... э... это что такое? Что тутъ творится?

Готтвальдъ (укрывая дѣвушку одѣялами и своимъ собственнымъ плащомъ). Нагрѣйте кирпичи, Зейдель. Скорѣй!

Зейдель. Эй, вы, пару кирпичей! Да поворачивайтесь. Живо!

Тульпе. Что съ ней случилось?

Зейдель. Брось спрашивать. (Уходитъ съ Тульпе).

Готтвальдъ (успокоительно къ Ганнеле). Ну, успокойся же, успокойся. Не дрожи. Ничего съ тобой не будетъ.

Ганнеле (случа зубами). Мнѣ такъ страшно, такъ страшно!

Готтвальдъ. Но тебѣ рѣшительно нечего бояться. Никто ничего тебѣ не сдѣлаетъ.

Ганнеле. Отецъ... Отецъ...

Готтвальдъ. Его здѣсь нѣтъ...

Ганнеле. Мнѣ такъ страшно, что онъ придетъ.

Готтвальдъ. Но онъ не придетъ. Повѣрь же мнѣ наконецъ. (Кто-то быстро сбѣгаетъ по лѣстницѣ).

ГЕТА (высоко поднимая терку). Поглядите только: какую милостыню собираетъ Ганке.

(Ганке, догнавъ ее, хочетъ отнять у нея терку, но она увертывается и выбѣгаетъ на середину комнаты).

Ганнеле (испуганно поднималась). Онъ идетъ! Идетъ!

(Полуподнявшись, вытянувъ голову, съ выраженіемъ величайшаго страха на блѣдномъ, болѣзненномъ, искаженномъ страданіемъ личикѣ, она смотритъ въ ту сторону, гдѣ происходитъ шумъ. Гета, вырвавшись отъ Ганке, убѣжала въ заднюю комнату. Онъ нагибается, чтобы поднять терку).

Ганке. Я тебѣ этого не забуду, тварь ты этакая!

Готтвальдъ (Ганнеле). Будь покойна, Ганнеле. (Къ Ганке) Вы чего хотите?

ГАНКЕ (изумленный). Я? Чего я хочу?

ГЕТА (высунувъ голову въ дверь, кричить). Мазурикы! Жулики!

ГАНКЕ (съ угрозою). Будь покойна, ужъ я съ тобой расправлюсь.

ГОТТВАЛЬДЪ. Я прошу васъ не шумѣть. Тутъ есть больная.

ГАНКЕ (спрятавъ терку, отходить слегка смущенный). Чтò тутъ такое стряслось?

ЗЕЙДЕЛЬ (возвращается съ парою кирпичей). Вотъ покуда.

ГОТТВАЛЬДЪ (беретъ кирпичи). Достаточно ли они теплы?

ЗЕЙДЕЛЬ. Чутьocky согрѣютъ. (Прикладываетъ одинъ изъ нихъ къ ногамъ дѣвушки).

ГОТТВАЛЬДЪ (указываетъ, куда положить). Другой вотъ сюда..

ЗЕЙДЕЛЬ. Она еще совсѣмъ не согрѣлась.

ГОТТВАЛЬДЪ. Ее буквально колотить.

(Тульпе выглядываетъ изъ-за Зейделя, позади нея—Гета и Плешке у дверей показываются подозрительнаго вида еще нѣсколько нищихъ живущихъ въ пріютѣ. Всѣ они полны любопытства и перешептываются между собою. Мало-по-малу, осмѣлѣвъ, они начинаютъ говорить громче и подходятъ ближе къ постели).

ТУЛЬПЕ (стоитъ у самой постели, подбоченясь). Хорошо бы ей дать горячей воды съ водкою, ежели у кого найдется.

ЗЕЙДЕЛЬ (достаетъ фляжку, Ганке и Плешке тоже). У меня еще есть малость.

ТУЛЬПЕ (у печки). Давай сюда.

ЗЕЙДЕЛЬ. А кипятокъ есть?

ТУЛЬПЕ. Исусе Христе, да тутъ быка изжарить можно.

ГОТТВАЛЬДЪ. Прибавить бы туда сахару, если найдется.

ГЕТА. Откуда у насъ быть сахару?

ТУЛЬПЕ. У тебя есть. Не прикидывайся душой.

ГЕТА. У меня сахаръ? И не бывало его. (Принужденно смѣется).

ТУЛЬПЕ. Ты вѣдь принесла съ собою. Я сама видѣла: въ жестянкѣ у тебя. Нечего врать...

ЗЕЙДЕЛЬ. Ну давай. Принеси же.

ГАНКЕ. Сбѣгай за нимъ, Гета.

ЗЕЙДЕЛЬ. Видишь, чтò съ дѣвушкой дѣлается.

ГЕТА (жестко). А мнѣ чтò?

ПЛЕШКЕ. Ступай, принеси сахаръ.

ГЕТА. Въ лавкѣ его много! (Выскальзываетъ).

ЗЕЙДЕЛЬ. Ну, счастье твое, что улелетнула, не то далъ бы я тебѣ въ ухо разъ-другой. Можетъ статься, прибавки бы не попросила.

Плешке (вышедший на минуту, возвращается). Вотъ какая она дѣвка-то... Вотъ какая дѣвка...

Зейдель. Выбилъ бы я изъ нея дурь. Будь я здѣшнимъ начальникомъ; взялъ бы я здоровую орясину, живо бы она у меня заработала... Этакая дѣвка—молодая, здоровая. Съ какой стати ей лежать на боку въ пріютѣ?

Плешке. Вотъ у меня, того, кусочекъ остался... кусочекъ маленькій... кусочекъ сахару, значитъ, нашелся у меня...

Ганке (вдыхая запахъ грога). Я, пожалуй, и самъ бы не прочь заболѣть. (Входитъ судейскій служитель Шмидтъ съ фонаремъ въ рукѣ. Убѣдительно и дружелюбно). Посторонитесь! Г. начальникъ идетъ.

(Входитъ окружный начальник Бергеръ, очевидно, капитанъ запаса. Бородка, мѣлажное, добродушное лицо, уже сильно посѣдѣвшіе волосы, длинный сюртукъ, въ костюмѣ отъбнокъ элегантности, въ рукахъ палка. Шляпа съ широкими полями нѣсколько сдвинута на затылокъ. Во всемъ его обликѣ есть гѣчто; напоминающее бурша).

Обитатели пріюта. Добрый вечеръ! Добрый вечеръ, г. капитанъ!

Бергеръ. Добрый вечеръ! (Снимаетъ шляпу, плащъ, кладетъ палку. Съ пояснительнымъ жестомъ) Ну-ка! Убирайтесь отсюда! (Шмидтъ вырывается изъ заднюю комнату). Здравствуйте, г. Готтвальдъ. Ну, какъ дѣла?

Готтвальдъ. Да вотъ вытащили ее изъ воды.

Зейдель (выступаетъ). Прошу прощенія, г. начальникъ. (По старой солдатской привычкѣ дѣлаетъ подъ козырекъ). Я позамѣшкался въ кузницѣ, надо было наложить обручъ на топорь... Выхожу я, а тамъ внизу у кузницы Юхнера есть, знаете, прудъ... Съ позволенія сказать — чуть не озеро. (Готтвальду) Право слово... Почитай что не меньше. И намъ, можетъ статья, извѣстно, г. судья, что тамъ есть мѣсто, которое не замерзаетъ. Споконъ вѣку оно не замерзало. И малышемъ еще былъ...

Бергеръ. Ну? И что же?

Зейдель (снова отдавая честь). Ну, ~~выхожу~~ я, стало-быть, изъ кузницы,—мѣсяцъ чуточку проглянулъ,—слышу: кто-то стонетъ... Сначала думаю, что это мнѣ такъ, мерещится... Только вижу вдругъ: кто-то бѣжитъ по льду. И прямахонько туда — къ полыньѣ. Крикнулъ я, а его и слѣдъ простылъ. Я назадъ въ кузницу, никому ни слова, беру доску да опять къ пруду. Доску на ледъ. Разъ, два, три—и выволокъ ее за шиворотъ.

БЕРГЕРЪ. Вотъ это мнѣ по сердцу, Зейдель. А то у насъ только и слышишь, что о разбитыхъ головахъ, перерѣзанныхъ горлахъ, сломанныхъ ногахъ... Хоть разъ въ жизни другое что-нибудь услышалъ. Такъ вы, значить, принесли ее сюда?

Зейдель. Г. учитель Готтвальдъ...

Готтвальдъ. Я случайно проходилъ мимо, возвращаясь съ учительской конференціи. Жена моя собрала наскоро кое-какія вещи, чтобы переодѣть ее во все сухое.

БЕРГЕРЪ. Какъ же это все произошло?

Зейдель (нерѣшительно). Да какъ сказать? Она падчерницей приходится каменщику Маттерну.

БЕРГЕРЪ (въ первый мигъ очень смущенный). Кому? Этому негодяю?

Зейдель. Мать ея умерла шесть недѣль тому назадъ. Прочее, значить, извѣстно. Она и отбивалась и царапалась: приняла меня за отца.

БЕРГЕРЪ (бормочетъ). Этакій мерзавецъ!

Зейдель. Со:вчерашняго дня онъ сидитъ въ кабацѣ и пьетъ безъ просыпу. Ему сколько ни налей, — все вылокаетъ.

БЕРГЕРЪ. Ну, здорово ему отъ насъ попадетъ! (Наклоняется надъ кроватью, чтобы разспросить Ганнеле). Слушай, дѣвочка, скажи мнѣ... Да нечего тебѣ пичкать. Не гляди на меня съ такимъ страхомъ. Я ничего тебѣ не сдѣлаю. Какъ тебя зовутъ? Что ты говоришь? Я не понимаю тебя. (Онъ выпрямляется). Кажется, дѣвочка немного упряма.

Готтвальдъ. Она просто запугана. Ганнеле!

ГАННЕЛЕ (чуть слышно). Да.

Готтвальдъ. Ты должна отвѣчать г. начальнику на его вопросъ.

ГАННЕЛЕ (дрожа). Господи, мнѣ холодно.

Зейдель (подходить къ ней съ горячимъ питьемъ). Вотъ тебѣ, выпей-ка.

ГАННЕЛЕ (попрежнему). Господи, я голодна.

Готтвальдъ (судь). А когда ей дадутъ чего-нибудь, она не хочетъ ѣсть.

ГАННЕЛЕ. Господи, какъ мнѣ больно!

Готтвальдъ. Гдѣ у тебя болитъ?

ГАННЕЛЕ. Я такъ боюсь!

БЕРГЕРЪ. Кто же тебя обижаетъ? Кто? Ну, говори... Я ни словечка не понимаю, милое дитя. Это мнѣ не поможетъ. Слушай, дѣвочка. Твой отчимъ дурно съ тобой обра-

щался? Бить тебя, хочу я сказать? Запираль? Выгоняль изъ дому, или что-нибудь въ этомъ родѣ? Ахъ, ты, Господи, да что же?..

Зейдель. Дѣвочка все молчитъ. Ужъ если она скажетъ словечко—плохо ей, значить, пришлось. Она безотвѣтная, съ позволенія сказать, какъ ягненокъ.

БЕРГЕРЪ. Я хотѣлъ бы знать нѣчто опредѣленное. Можеть-быть, мнѣ удалось бы наконецъ засадить этого молодца.

Готтвальдъ. У нея безумный страхъ передъ нимъ.

Зейдель. Ничего новаго не добьетесь. Это, съ позволенія сказать, всякому извѣстно. Спросите кого угодно. Я только дивлюсь тому, что дѣвочка до сихъ поръ жива. Прямо—чудеса да и только...

БЕРГЕРЪ. Что же онъ съ нею продѣлываль?

Зейдель. Всего, съ позволенія сказать, бывало. Выгнать ее на улицу въ девять часовъ вечера, въ такую вотъ погоду. Принеси ему пятишницу, на выпивку, значить. Откуда дѣвочкѣ взять пятишницу? Она и дрогнетъ по ночамъ на улицѣ. А придетъ домой безъ денегъ—тутъ люди, бывало, сбѣгутся, какъ начнетъ онъ ее, съ позволенія сказать, смертнымъ боемъ бить...

Готтвальдъ. При жизни матери у нея еще была защита.

БЕРГЕРЪ. Во всякомъ случаѣ я сейчасъ же засажу негодяя. Онъ значится у меня въ спискѣ пьяницъ. Ну, дѣвочка, погляди-ка на меня.

ГАННЕЛЕ (съ мольбою). Ахъ, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Зейдель. Нескоро вы отъ нея чего-нибудь добьетесь.

Готтвальдъ (кратко). Ганнеле!

ГАННЕЛЕ. Да.

Готтвальдъ. Ты знаешь меня?

ГАННЕЛЕ. Да.

Готтвальдъ. Кто же я?

ГАННЕЛЕ. Господишь... учитель... Готтвальдъ.

Готтвальдъ. Хорошо. Вотъ видишь ли, я всегда былъ къ тебѣ расположенъ. Ты можешь мнѣ все рассказать. Ты была внизу у пруда возлѣ кузницы. Почему ты не осталась дома? Почему?

ГАННЕЛЕ. Мнѣ такъ страшно!

БЕРГЕРЪ. Мы оба отойдемъ въ сторону. Скажи все одному г. учителю.

ГАННЕЛЕ (робко и таинственно). Меня позвали.

ГОТТВАЛЬДЪ. Кто позвалъ?

ГАННЕЛЕ. Иисусъ Христосъ.

ГОТТВАЛЬДЪ. Куда звалъ тебя Иисусъ Христосъ?

ГАННЕЛЕ. Въ воду.

ГОТТВАЛЬДЪ. Куда?

ГАННЕЛЕ. Туда, на дно, въ воду.

БЕРГЕРЪ (очевидно, измѣнивъ свое рѣшеніе, надѣваетъ плащъ). Тутъ всего нужнѣ докторъ. Я думаю, онъ еще сидитъ въ гостиницѣ Меча.

ГОТТВАЛЬДЪ. Я послалъ также за сестрою милосердія. Ребенку необходимъ уходъ.

БЕРГЕРЪ. Я пойду и объясню доктору, въ чемъ дѣло. (Шмидту) Приведите ко мнѣ туда стражника. Я буду ждать въ гостиницѣ. Покойной ночи, г. Готтвальдъ. Мы сегодня же засадимъ этого негодяя. (Уходитъ вмѣстѣ съ Шмидтомъ. Ганнеле засыпаетъ).

ЗЕЙДЕЛЬ (послѣ нѣкотораго молчанія). А онъ все-таки остережется: не запрячетъ того въ тюрьму.

ГОТТВАЛЬДЪ. Но почему же?

ЗЕЙДЕЛЬ. Извѣстно — почему. Кто приходится отцомъ ребенку?

ГОТТВАЛЬДЪ. Ахъ, Зейдель, все это одни пересуды.

ЗЕЙДЕЛЬ. Ну, съ позволенія сказать: онъ таки - пожилъ на своемъ вѣку.

ГОТТВАЛЬДЪ. Чего только люди ни наплетутъ! И половинѣ слуховъ нельзя вѣрить. Если бы только докторъ поскорѣе пришелъ!

ЗЕЙДЕЛЬ (тихо). Сдается мнѣ, что дѣвочкѣ уже не встать. (Входитъ докторъ Вахлеръ, человекъ лѣтъ 34, серьезнаго вида).

ДОКТОРЪ ВАХЛЕРЪ. Добрый вечеръ.

ГОТТВАЛЬДЪ. Добрый вечеръ.

ЗЕЙДЕЛЬ (услужливо помогая снять шубу). Добрый вечеръ, г. докторъ.

ДОКТОРЪ ВАХЛЕРЪ (грѣетъ руки у печки). Мнѣ нужно было бы еще свѣчу. (Изъ задней комнаты доносятся звуки шарманки). Они тамъ, должно-быть, съ ума сошли?

ЗЕЙДЕЛЬ (уже у открытой двери). Слушайте, вы бы тамъ потише! (Шумъ умолкаетъ, Зейдель исчезаетъ въ задней комнатѣ).

ДОКТОРЪ ВАХЛЕРЪ. Г. Готтвальдъ, не такъ ли?

ГОТТВАЛЬДЪ. Мени зовутъ Готтвальдъ.

ДОКТОРЪ ВАХЛЕРЪ. Она, какъ я слышалъ, хотѣла утѣшиться?

Готтвальдъ. Ей ничего другого не оставалось. (Краткое молчаніе).

Докторъ Вахлеръ. Говорить она во снѣ?

Ганнеле. Милліоны звѣздочекъ! (Д-ръ Вахлеръ и Готтвальдъ наблюдаютъ. Изъ окна падаетъ лунный свѣтъ и озаряетъ ихъ группу). За что ты ломаешь мнѣ кости? Ай! Ай! Душа разрывается.

Докторъ Вахлеръ (осторожно разстегивая воротъ у рубашки). Все тѣло у нея должно быть въ рубцахъ.

Зейдель. Такою лежала и мать ея въ гробу.

Докторъ Вахлеръ. Ужасно, ужасно!

Ганнеле (измѣнившимся упрямымъ тономъ). Не хочу. Не хочу. Не пойду домой. Мнѣ нужно... къ фрау Голле... въ колодець... Пусти меня, отецъ! Фу, какъ отъ тебя дурно пахнетъ! Ты опять пилъ водку? Слышишь, какъ шумитъ лѣсъ? Сегодня поутру въ горахъ бушевала буря! Только бы не вспыхнулъ пожаръ!.. Если у портного не будетъ камня въ карманѣ и утюга въ рукѣ — буря унесетъ его черезъ горы. Слышишь, какъ бушуетъ?

(Входитъ сестра Марта, дьякописса).

Готтвальдъ. Добрый вечеръ, сестра!

Сестра Марта (киваетъ головою. Готтвальдъ подходитъ къ дьякописсѣ, которая раскладываетъ лѣкарственные принадлежности, и разговариваетъ съ нею въ глубинѣ).

Ганнеле. Гдѣ моя мама? На небесахъ? Ахъ... ахъ, какъ далеко! (Открываетъ глаза, испуганно озирается, проводитъ рукою по глазамъ и говоритъ еле слышно). Гдѣ... же... я?

Докторъ Вахлеръ (наклоняясь надъ нею). У добрыхъ людей.

Ганнеле. Пить хочу.

Докторъ Вахлеръ. Воды! (Зейдель, принесшій вторую свѣчу, идетъ за водою). Есть у тебя гдѣ-нибудь боли?

Ганнеле (качаетъ головою).

Докторъ Вахлеръ. Нѣтъ? Ну-ка взгляни на меня. Намъ совсѣмъ уже не такъ плохо.

Ганнеле. Вы—докторъ?

Докторъ Вахлеръ. Конечно.

Ганнеле. Значить... я больна?

Докторъ Вахлеръ. Немножко... Не очень.

Ганнеле. Вы хотите меня вылѣчить?

Докторъ Вахлеръ (быстро осматривая ее). Больно тебѣ здѣсь? А тутъ? Здѣсь больно? Здѣсь? Здѣсь? Нечего глядѣть на меня съ такимъ страхомъ. Я не причиню тебѣ боли. А какъ здѣсь? Больно тебѣ?

ГОТТВАЛЬДЪ (снова подходит къ постели). Отвѣчай г. доктору, Ганнеле.

ГАННЕЛЕ (искреннимъ, молящимъ, полнымъ слезъ голосомъ). Ахъ, милый, милый г. Готтвальдъ!

ГОТТВАЛЬДЪ. Слушай, что говоритъ докторъ, и отвѣчай, какъ слѣдуетъ.

ГАННЕЛЕ (качаетъ головою).

ГОТТВАЛЬДЪ. Почему ты не хочешь отвѣчать?

ГАННЕЛЕ. Потому что... потому что... мнѣ такъ хотѣлось бы къ мамѣ...

ГОТТВАЛЬДЪ (взволнованный, гладитъ ее по волосамъ). Ну, полно, полно... (Краткое молчаніе).

(Докторъ выпрямляется, переводитъ духъ и на мигъ задумывается. Сестра Марта взяла вторую свѣчу со стола и свѣтитъ ему).

ДОКТОРЪ ВАХЛЕРЪ (дѣлалъ знакъ сестрѣ Мартѣ). Пожалуй-ста, сестра! (Отходить съ нею къ столу и тихо отдастъ распоряженія. Готтвальдъ, взявъ шляпу, стоитъ въ ожиданіи, бросая взгляды то на Ганнеле, то на д-ра Вахлера и дьякониссу. Д-ръ Вахлеръ, закончивая краткій разговоръ съ сестрою). По всей вѣроятности, я еще разъ зайду. Лѣкарства я пришлю. (Готтвальду) Его должны были арестовать сегодня въ гостиницѣ Меча.

СЕСТРА МАРТА. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ сейчасъ сказали.

ДОКТОРЪ ВАХЛЕРЪ (надѣвая шубу, къ Зейделю). Вы дойдете со мною до аптеки?

(Докторъ, Готтвальдъ и Зейдель, уходя, кланяются сестрѣ Мартѣ).

ГОТТВАЛЬДЪ. Что вы думаете объ ея состояніи, г. докторъ? (Всѣ трое уходятъ. Дьяконисса одна остается съ Ганнеле. Она наливаетъ въ кружку молока. Ганнеле открываетъ глаза и слѣдитъ за нею).

ГАННЕЛЕ. Ты отъ Господа Исуса?

СЕСТРА МАРТА. Что ты говоришь?

ГАННЕЛЕ. Ты пришла отъ Господа Исуса?

СЕСТРА МАРТА. Развѣ ты не узнаешь меня, Ганнеле? Вѣдь я—сестра Марта, узнаешь? Ты бывала у насъ, неужели ты не помнишь? Мы молились вмѣстѣ и пѣли чудныя пѣсни. Помнишь?

ГАННЕЛЕ (радостно киваетъ). Ахъ, да! Чудныя пѣсни!

СЕСТРА МАРТА. Ну, вотъ я стану съ Божьей помощью ходить за тобою, покуда ты не выздоровѣешь.

ГАННЕЛЕ. Я не хочу выздоравливать.

СЕСТРА МАРТА (подходя къ ней съ кружкою молока). Докторъ велѣлъ тебѣ выпить молока для того, чтобы ты подкрѣпилась.

ГАННЕЛЕ (отказываясь). Я не хочу быть здоровой.

СЕСТРА МАРТА. Ты не хочешь быть здоровой? Обдумай, что ты говоришь. Постой, я тебѣ подвяжу волосы. (Дѣлаетъ это).

ГАННЕЛЕ (тихо плачетъ). Я не хочу быть здоровою.

СЕСТРА МАРТА. Почему ты не хочешь?

ГАННЕЛЕ. Я такъ бы хотѣла... такъ бы хотѣла уйти на небо!

СЕСТРА МАРТА. Это не въ нашей власти, доброе дитя. Мы должны ждать, покуда Господь не призоветъ насъ. Но если ты раскаялась въ твоихъ грѣхахъ...

ГАННЕЛЕ (пылко). Ахъ, сестра, я такъ раскаиваюсь.

СЕСТРА МАРТА. И если вѣруешь въ Господа Иисуса Христа...

ГАННЕЛЕ. Я вѣрую въ моего Спасителя.

СЕСТРА МАРТА. Тогда ты можешь ожидать спокойно и безпечально. Теперь я поправлю твои подушки, и ты заснешь.

ГАННЕЛЕ. Я не могу спать.

СЕСТРА МАРТА. Попробуй.

ГАННЕЛЕ. Сестра Марта!

СЕСТРА МАРТА. Ну, что?

ГАННЕЛЕ. Сестра Марта! Бываютъ грѣхи... бываютъ грѣхи, которые не прощаются?

СЕСТРА МАРТА. Спи, Ганнеле. Не волнуйся.

ГАННЕЛЕ. Скажите мнѣ, я очень, очень васъ прошу.

СЕСТРА МАРТА. Конечно, такіе грѣхи бываютъ. Грѣхи противъ Духа Святого.

ГАННЕЛЕ. А вдругъ я совершила такой грѣхъ?

СЕСТРА МАРТА. Полно, что ты. Такіе грѣхи совершаютъ только самые дурные люди! Иуда, напримѣръ, предавшій Господа Иисуса.

ГАННЕЛЕ. А все же это... это могло случиться. Я такъ боюсь.

СЕСТРА МАРТА. Тебѣ совсѣмъ нечего бояться.

ГАННЕЛЕ. Что, если я совершила такой грѣхъ?

СЕСТРА МАРТА. Ты не совершила такого грѣха.

ГАННЕЛЕ (прижимаясь къ сестрѣ, глядитъ въ темноту). Ахъ сестра, сестра!

СЕСТРА МАРТА. Можешь быть совершенно спокойна.

ГАННЕЛЕ. Сестра!

СЕСТРА МАРТА. Ну, что?

ГАННЕЛЕ. Онъ сейчасъ войдетъ. Развѣ ты не слышишь?

СЕСТРА МАРТА. Я ничего не слышу.

ГАННЕЛЕ. Это его голосъ на дворѣ. Слышишь?

СЕСТРА МАРТА. О комъ ты говоришь?

ГАННЕЛЕ. Отецъ... Отецъ—онъ тамъ...

СЕСТРА МАРТА. Гдѣ?

ГАННЕЛЕ. Смотри. Видишь?

СЕСТРА МАРТА. Гдѣ?

ГАННЕЛЕ. Въ ногахъ у кровати.

СЕСТРА МАРТА. Тутъ виситъ плащъ, а тамъ шляпа. Сейчасъ мы уберемъ эти гадкія вещи и отнесемъ ихъ къ дядѣ Плешке. Я зачерпну воды и сдѣлаю тебѣ холодный компрессъ. Ты останешься на минуту одна? Только надо лежать совсѣмъ смирно, не шевелясь.

ГАННЕЛЕ. Ахъ, какая я глупая! Такъ это былъ плащъ, да? А сверху—шляпа?

СЕСТРА МАРТА. Но теперь лежи смирно-смирно, покуда я не вернусь. (Она идетъ, но возвращается, потому что въ сѣняхъ совсѣмъ темно). Я поставлю свѣчку тутъ въ сѣняхъ. (Еще разъ ласково погрозивъ пальцемъ) Смотри же, лежи смиронехонько. (Уходитъ).

(На сценѣ почти полный мракъ. Сейчасъ же въ ногахъ постели Ганнеле появляется фигура каменщика Маттерна. Пьяное дикое лицо, рыжіе вклочоченные волосы, на головѣ военная истрепанная фуражка безъ козырька. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ рабочій инструментъ каменщика. Въ правой рукѣ онъ сжимаетъ ремень и словно выжидаетъ минуты, чтобы ударить Ганнеле. Отъ его фигуры исходитъ блѣдный свѣтъ, образующій свѣтлый полукругъ у постели Ганнеле).

ГАННЕЛЕ (испуганно закрываетъ глаза руками, стонетъ, корчится и тихо всхлипываетъ).

ПРИЗРАКЪ (говоритъ хриплымъ, сдавленнымъ отъ дикаго бѣшенства голосомъ). Ты гдѣ? Гдѣ это ты пропадала? Чтѣ дѣлала? Я тебя проучу! Я тебѣ задамъ, погоди уже у меня... Ты чего наговорила людямъ? Я бью тебя? Я дурно съ тобой обращаюсь? А? Такъ, что ли, по-твоему? Ты вѣдь—не моя дочь. Эй, поднимайся. Какое мнѣ до тебя дѣло? Я могъ бы вышвырнуть тебя на улицу. Вставай, растопляй печку... Долго мнѣ ждать? Я держу тебя въ домѣ изъ, милости и состраданія. А ты еще лѣнтяйничать вздумала? Ну, скоро ты поднимешься? Я стану тебя хлестать, покуда ты...

ГАННЕЛЕ (съ трудомъ, не открывая глазъ, дотацившись до печки, открываетъ заслонку и тутъ же падаетъ безъ чувствъ).

(Въ эту минуту входитъ сестра Марта съ кружкой воды и свѣчою въ рукахъ. Призракъ Маттерна исчезаетъ. Она останавливается, видитъ Ганнеле лежащую въ золѣ у печки и съ восклицаніемъ: «Гроподи Иисусе!» ставитъ свѣчу и кружку, подбѣгаетъ къ Ганнеле и поднимаетъ ее съ полу. На зовъ ея сбѣгаются обитатели пріюта).

СЕСТРА МАРТА. Я пошла за водою, а она тутъ безъ меня встала съ постели. Пожалуйста, Гедвига, помогите мнѣ.

ГАНКЕ. Ну, Гета, поостерегись, не то, чего добраго, переломаешь ей всѣ кости.

ПЛЕШКЕ. Мнѣ, того, думается, сестра, думается мнѣ, что дѣвочку, того, сглазили... Съ глазу оно, значить; съ дѣвочкой-то...

ТУЛЬПЕ. Можетъ, и вправду порчу на дѣвочку напустили.

ГАНКЕ. А я вамъ скажу, что тутъ дѣло къ концу идетъ.

СЕСТРА МАРТА (положившая, съ помощью Гедвиги, Ганнеле на постель). Возможно, любезнѣйшій, но теперь прошу васъ. Вы сами понимаете, не правда ли, что мы не должны тревожить больную?

ГАНКЕ. Да чтѣ же мы такого ей дѣлаемъ?

ПЛЕШКЕ (къ Ганке). Дуракъ ты... Дуракъ... Такъ и знай, что ты, того, дуракъ... и ничего... и ничего больше... Больному, того, больному нуженъ—малый ребенокъ и тотъ понимаетъ: покой больному нуженъ...

ГЕТА (передразнивалъ его). Больному, того... больному...

СЕСТРА МАРТА. Я очень васъ прошу... убѣдительно прошу...

ТУЛЬПЕ. Сестра правду говоритъ, убирайтесь-ка отсюда.

ГАНКЕ. Уйдемъ сами, когда захотимъ.

ГЕТА. Чтѣ же намъ, въ курятникѣ, что ли, спать?

ПЛЕШКЕ. Тебѣ, того, найдется мѣсто... Найдется тебѣ, значить, мѣсто... сама знаешь, небось, гдѣ будешь... (Всѣ расходятся).

ГАННЕЛЕ (со страхомъ открывая глаза). Ушелъ? Онъ ушелъ?

СЕСТРА МАРТА. Эти люди ушли. Ты не испугалась, Ганнеле?

ГАННЕЛЕ (все еще испуганно). Отецъ ушелъ?

СЕСТРА МАРТА. Онъ и не былъ здѣсь.

ГАННЕЛЕ. Былъ, сестра, былъ.

СЕСТРА МАРТА. Тебѣ это приснилось.

ГАННЕЛЕ (съ глубокимъ вздохомъ молясь про себя). Господи Иисусе Христе! Милостивый Боже! Милосердный Сладчайшій Иисусе! Возьми меня къ Себѣ, молю Тебя, возьми меня! (Другимъ тономъ)

Ахъ, если бы пришелъ Онъ,

Меня къ Себѣ увелъ Онъ!

Ахъ, если-бъ отъ людей

Меня съ собой увелъ Онъ!

Я навѣрное знаю это, сестра.

СЕСТРА МАРТА. Чтѣ ты знаешь?

ГАННЕЛЕ. Онъ общалъ мнѣ. Я уйду на небо. Онъ общалъ мнѣ это.

СЕСТРА МАРТА. Гм!

ГАННЕЛЕ. Ты знаешь, кто?

СЕСТРА МАРТА. Ну?

ГАННЕЛЕ (таинственно ей на ухо). Милосердный Госпо... господи! Готтвальдъ.

СЕСТРА МАРТА. Послушай меня, Ганнеле! Засни.

ГАННЕЛЕ. Сестра, а вѣдь г. учитель Готтвальдъ—очень красивъ. Его зовутъ Генрихъ. Слышишь? Генрихъ — красивое имя, не правда ли? (Искренно) О, милый, милый Генрихъ! Сестра, знаешь что? Мы съ нимъ повѣнчаемся. Да, да! Обвѣнчаемся! Господинъ учитель Готтвальдъ и я.

Когда же въ вѣрности навѣкъ
Они другъ другу клятву дали,
Они остались въ темной спальнѣ
На ложѣ бѣломъ, словно снѣгъ.

Какая у него красивая борода! (Восторженно) На головѣ его—цвѣтуцкій клеверъ. Слышишь? Онъ зоветъ меня. Развѣ ты не слышишь?

СЕСТРА МАРТА. Спи, Ганнеле, спи. Никто тебя не зоветъ.

ГАННЕЛЕ. Это звалъ Господь Исусъ. Слышишь? Вотъ Онъ снова зоветъ меня:—«Ганнеле!» Громко зоветъ. Ясно, отчетливо:—«Пойдемъ со Мною».

СЕСТРА МАРТА. Когда Господь пожелаетъ призвать меня,— я буду готова.

ГАННЕЛЕ (освѣщенная луною, поворачиваетъ голову, словно вдыхая аромат цвѣтовъ). Ты ничего не замѣчаешь, сестра?

СЕСТРА МАРТА. Нѣтъ, Ганнеле.

ГАННЕЛЕ. Сиренью запахло! (Съ возрастающимъ блаженнымъ экстазомъ) Да слушай же, слушай! Что это такое? (Издали доносится пѣжный голосъ) Это ангелы поютъ? Развѣ ты не слышишь?

СЕСТРА МАРТА. Слышу, конечно. Но знаешь ли что? Ты должна лечь на бокъ и спокойно проспять до завтрашняго утра.

ГАННЕЛЕ. А ты умѣешь это пѣть?

СЕСТРА МАРТА. Что, дѣточка?

ГАННЕЛЕ. «Спи, дитя!»

СЕСТРА МАРТА. Ты хочешь, чтобы я спѣла эту пѣсенку?

ГАННЕЛЕ (опускается на подушки и гладитъ руку сестры). Мамочка, спой! Спой, мамочка!

СЕСТРА МАРТА (гаситъ свѣчу, наклоняется надъ постелью и говоритъ нараспѣвъ, между тѣмъ какъ издали доносится музыка).

Спи, дитя, спокойнымъ сномъ,
Ходятъ овцы подѣ окномъ.

(Она поетъ, становится совсѣмъ темно).

Тамъ ягнята на лужку,
На зеленомъ бережку.
Спи, дитя, спокойнымъ сномъ.

(Комната наполняется сумеречнымъ свѣтомъ. На краю постели, наклонившись нѣсколько впередъ, опираясь обнаженными худыми руками, сидитъ блѣдная призрачная фигура женщины. Она—босая. Бѣлые волосы виспадаютъ космами по обѣимъ сторонамъ лица до самаго оушка. Лицо исхудалое, изможденное, глубоко впалые глаза, хотя и закрытые вѣками, устремлены на спящую Ганнеле. Голосъ ея звучитъ однотонно, точно голосъ дунатика. Прежде тѣмъ что-нибудь сказать, она шевелитъ губами, словно приготавливаясь говорить. Она съ нѣкоторымъ усиленіемъ извлекаетъ звуки изъ глубины своей груди. Она кажется преждевременно состарившеюся, исхудалою, со впалыми щеками. Оуба очень бѣдно).

ФИГУРА ЖЕНЩИНЫ. Ганнеле!

ГАННЕЛЕ (тоже съ закрытыми глазами). Мамочка, милая мамочка, это ты?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Да, я омыла ноги нашего Спасителя моими слезами и отерла ихъ моими волосами.

ГАННЕЛЕ. Ты приносишь мнѣ добрую вѣсть?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Да!

ГАННЕЛЕ. Ты пришла издалика?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Я прошла среди ночи сотни тысячъ миль!

ГАННЕЛЕ. Мама, какая ты теперь?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Такая, какъ всѣ дѣти міра.

ГАННЕЛЕ. У тебя во рту майскіе колокольчики. Голосъ твой звученъ.

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Но звукъ его еще не чистъ.

ГАННЕЛЕ. Мамочка, мамочка, какъ сіяешь ты въ своей красть!

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Ангелы небесные во сто тысячъ разъ прекраснѣе.

ГАННЕЛЕ. Почему же ты не такъ прекрасна?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Я страдала изъ-за тебя.

ГАННЕЛЕ. Мамочка, останься со мною!

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ (поднимаясь). Мнѣ пора уходить.

ГАННЕЛЕ. Хорошо ли тамъ у тебя?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Тамъ широкіе-широкіе дуга,

укрытые отъ вѣтра, защищенные отъ града и бури на лонѣ Господнемъ.

ГАННЕЛЕ. Отдыхаешь ли ты, когда устаешь?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Да.

ГАННЕЛЕ. Есть ли у тебя пища, когда ты голодна?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Я утоляю свой голодъ плодами и мясомъ. Когда я жажду—я пью золотистое вино. (Отступаетъ назадъ).

ГАННЕЛЕ. Ты уходишь, мама?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Господь зоветъ меня.

ГАННЕЛЕ. Громко ли зоветъ Господь?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Господь громко зоветъ меня.

ГАННЕЛЕ. Сердце мое въ огнѣ горитъ, мама.

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Господь охладитъ его лиліями и розами. Ты знаешь цвѣтокъ, который я держу въ рукѣ?

ГАННЕЛЕ. Это буквица—ключъ отъ царствія небеснаго.

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ (вкладывая ее въ руку Ганнеле). Возьми ее, какъ залогъ, данный Господомъ. Прощай.

ГАННЕЛЕ. Мамочка, останься со мною!

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ (отступая). Черезъ нѣкоторое время ты не будешь видѣть меня и еще черезъ нѣкоторое время ты снова меня увидишь.

ГАННЕЛЕ. Мнѣ страшно.

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ (еще болѣе удаляясь). Какъ вѣтеръ сметаетъ снѣжную пыль съ горъ, такъ Господь разсѣетъ твоихъ мучителей.

ГАННЕЛЕ. Не уходи.

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Мы—дѣти небесъ—подобны голубымъ молніямъ ночи. Спи!

(Постепенно темнѣетъ. Слышны нѣжные голоса мальчиковъ, поющихъ вторую строфу).

Спи, дитя, глубокимъ сномъ,
Нынче гости будутъ въ домъ.

(Золотисто-зеленый свѣтъ мгновенно наполняетъ комнату. Проявляются трое свѣтлыхъ ангеловъ—прекрасныхъ крылатыхъ юношей, увѣнчанныхъ розами. Они поютъ заключительную строфу пѣсни по нотнымъ листамъ, висящимъ по обѣимъ сторонамъ въ воздухѣ. Не видно ни дьякониссы ни призрака женщины).

Прилетитъ ночной порой
Ангелочковъ Божьихъ рой.
Спи, дитя, спокойнымъ сномъ.

ГАННЕЛЕ (открываетъ глаза, пристально съ восхищеніемъ смотритъ на ангеловъ и говоритъ удивленно). Ангелы? (Съ возрастаю-

щимъ изумленіемъ, прорывающеюся, но еще не чуждою сомнѣнія радостью) Ангелы! (Съ восторженнымъ порывомъ) Ангелы!!!

(Краткое молчаніе, затѣмъ ангелы поочередно говорятъ подѣ музыку).

ПЕРВЫЙ АНГЕЛЪ.

Солнце въ горахъ не дарило
Тебя золотыми лучами,
Травы, колеблемы вѣтромъ,—
Въ лугахъ предѣ тобою не стались.

ВТОРОЙ АНГЕЛЪ.

Хлѣбъ золотистый на нивахъ
Тебѣ не давалъ пропитанья,
Въ кружкѣ твоей не дымилось
Пасущихся стадъ молоко.

ТРЕТІЙ АНГЕЛЪ.

Злаки земные, цвѣты
Сладкимъ полны ароматомъ,
Пурпуромъ, нѣжной лазурью—
Окаймлять не желали твой путь.

(Краткая пауза).

ПЕРВЫЙ АНГЕЛЪ.

Первый привѣтъ мы приносимъ,
Во мракѣ къ тебѣ прилетая,
Первое вѣянье счастья—
На крыльяхъ своихъ мы несемъ.

ВТОРОЙ АНГЕЛЪ.

Первымъ дыханьемъ весны
Отъ края одеждъ нашихъ вѣть,
Первая алая зорька
На нашихъ устахъ расцвѣла.

ТРЕТІЙ АНГЕЛЪ.

Свѣтитъ съ отъ ногъ нашихъ отблескъ .
Нашей отчизны небесной,
Вѣчнаго града сіянье—
Въ нашихъ глубокихъ очахъ.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

На сценѣ все то же, что было до появленія ангеловъ. Сестра Марта сидитъ у постели, Ганнеле лежитъ. Она снова зажигаетъ свѣчу, и Ганнеле открываетъ глаза. Бя взоръ еще обращенъ внутрь себя. На лицѣ выраженіе небснаго блаженства. Узнавъ сестру, она начинаетъ говорить въ радостномъ возбужденіи.

ГАННЕЛЕ. Сестра! Ангелы!.. Сестра Марта, ангелы... Знаешь ли ты, кто здѣсь былъ?

СЕСТРА МАРТА. А! Ты опять не спишь?

ГАННЕЛЕ. Угадайте, кто? Ну же! (Не удержавшись) Ангелы, ангелы! Настоящіе ангелы! Ангелы небесные, сестра Марта. Знаешь,—такіе съ длинными крыльями?

СЕСТРА МАРТА. Ну, если тебѣ снились такіе чудные сны...

ГАННЕЛЕ. Ахъ! Она говоритъ, что это мнѣ снилось! А здѣсь что такое? Погляди-ка. (Дѣлаетъ видъ, какъ будто держитъ въ рукѣ цвѣтокъ и показываетъ его).

СЕСТРА МАРТА. Что это у тебя въ рукѣ?

ГАННЕЛЕ. А вотъ посмотри.

СЕСТРА МАРТА. Это...

ГАННЕЛЕ. Ну, видишь?

СЕСТРА МАРТА. Ага!

ГАННЕЛЕ. Понюхай только.

СЕСТРА МАРТА (дѣлая видъ, что нюхаетъ цвѣтокъ). Чудесно.

ГАННЕЛЕ. Не такъ сильно. Ты его сомнешь.

СЕСТРА МАРТА. Мнѣ было бы жаль. Но что же это такое?

ГАННЕЛЕ. Какъ? Ты не узнаешь буквицу—ключикъ отъ царствія небснаго?

СЕСТРА МАРТА. Ахъ, да!

ГАННЕЛЕ. Какая ты! Возьми же свѣчу. Скорѣе, скорѣе!

СЕСТРА МАРТА (свѣтитъ). Ну вотъ, теперь я вижу.

ГАННЕЛЕ. Видишь?

СЕСТРА МАРТА. Но ты, право, слишкомъ много говоришь! Мы должны вести себя смирно, не то докторъ разсердится на насъ. Онъ и лѣкарство прислалъ. Надо послушаться и принять его.

ГАННЕЛЕ. Ахъ, сестрица, вы такъ заботитесь обо мнѣ. Вы не знаете, что случилось? Нѣтъ? Если знаете, такъ скажите. Кто мнѣ это далъ? Ну? Золотой ключикъ? Кто далъ его? Ну! Отъ чего этотъ золотой ключикъ? Угадайте.

СЕСТРА МАРТА. Ты расскажешь мнѣ все это завтра поутру. До тѣхъ поръ ты хорошенько отдохнешь и встанешь свѣжею и здоровою...

ГАННЕЛЕ. Я здорова. (Она садится на постели и спускает ноги на пол). Ты видишь, сестра, я уже здорова.

СЕСТРА МАРТА. Что ты, Ганнеле? Ты не должна этого дѣлать. Тебѣ нельзя этого дѣлать. (Ганнеле поднимается, отстраняет сестру и дѣлает нѣсколько шаговъ).

ГАННЕЛЕ. Ты меня все-таки отпусти... Отпусти меня... Я должна... уйти! (Она пугается и смотритъ въ одну точку). О, Божественный Спаситель!

(Появляется ангелъ въ черномъ одѣяніи, съ крыльями. Онъ высокъ, могучъ, прекрасенъ, при немъ длинный изогнутый мечъ, рукоятъ котораго обвита чернымъ крепомъ. Молча и строго сидитъ онъ у печки и, не отрываясь, спокойно глядитъ на Ганнеле. Бѣлый призрачный свѣтъ наполняетъ комнату).

ГАННЕЛЕ. Кто ты? (Онъ не отвѣчаетъ). Ты ангелъ? (Онъ молчитъ). Ты пришелъ за мной? (Онъ молчитъ). Я — Ганнеле Матернъ. Ты пришелъ за мной? (Снова нѣтъ отвѣта. Сестра Марта, стоявшая до сихъ поръ со сложенными руками набожно и смиренно, теперь медленно уходитъ изъ комнаты).

ГАННЕЛЕ. Или Господь отнял у тебя годось? (Отвѣта нѣтъ). Тебя послалъ Господь? (Отвѣта нѣтъ). Ты приходишь, какъ другъ? Или ты приходишь, какъ врагъ? (Отвѣта нѣтъ). Ты спрячешь мечъ въ складкахъ твоей одежды. (Отвѣта нѣтъ). Ахъ! Я дрогну... Рѣжущимъ холодомъ вѣетъ отъ твоихъ крыльевъ. Отъ тебя исходитъ ледяное дыханіе. (Отвѣта нѣтъ). Кто ты такой? (Отвѣта нѣтъ. Внезапный ужасъ охватываетъ ее. Она съ крикомъ оборачивается, словно позади нея кто-то стоитъ). Мамочка! Мамочка! (Входитъ женская фигура въ платьѣ сестры Марты, но моложе и красивѣе ея, съ длинными бѣлыми крыльями. Ганнеле прижимается къ ней, схвативъ ее за руку). Мамочка! Мамочка! Тутъ кто-то стоитъ.

СЕСТРА МАРТА. Гдѣ?

ГАННЕЛЕ. Тамъ, тамъ!

СЕСТРА МАРТА. Почему ты такъ дрожишь?

ГАННЕЛЕ. Я боюсь.

СЕСТРА МАРТА. Не бойся. Я съ тобою.

ГАННЕЛЕ. Зубы мои стучать отъ страха. Я не могу удержаться. Я боюсь его.

СЕСТРА МАРТА. Не бойся его. Онъ—твой другъ.

ГАННЕЛЕ. Кто онъ, мама?

СЕСТРА МАРТА. Развѣ ты его не знаешь?

ГАННЕЛЕ. Кто онъ?

СЕСТРА МАРТА. Смерть.

ГАННЕЛЕ. Смерть? (Молча и благоговѣнно смотритъ нѣкоторое время на чернаго ангела). Такъ должно быть?

СЕСТРА МАРТА. Таково преддверье, Ганнеле.

ГАННЕЛЕ. Каждый долженъ пройти черезъ преддверье?

СЕСТРА МАРТА. Каждый.

ГАННЕЛЕ. Ты возьмешь меня жесткою рукою, Смерть? Онъ молчитъ. Онъ не отвѣчаетъ ни на одинъ мой вопросъ, мама.

СЕСТРА МАРТА. Слова Господа явственно звучатъ въ твоёмъ сердцѣ.

ГАННЕЛЕ. Я часто всѣмъ сердцемъ призывала тебя. А теперь мнѣ страшно.

СЕСТРА МАРТА. Приготовься.

ГАННЕЛЕ. Умереть?

СЕСТРА МАРТА. Да.

ГАННЕЛЕ (помолчавъ, робко). Неужели я буду лежать въ гробу въ рубищѣ и лохмотьяхъ?

СЕСТРА МАРТА. Господь одѣнетъ тебя. (Она достаетъ маленький серебряный колскольчикъ и звонитъ въ него. Сейчас же безшумно, подобно всѣмъ слѣдующимъ за нимъ фигурамъ, входитъ маленькій горбатый деревенскій портной. Черезъ руку у него перекинуты: вѣнчалное платье, фата и вѣнокъ, въ рукахъ онъ держитъ хрустальные тувельки. У портного забавная подпрыгивающая походка. Онъ молча склоняется передъ ангеломъ, передъ сестрою Мартою, но всего ниже—передъ Ганнеле).

ДЕРЕВЕНСКІЙ ПОРТНОЙ (съ поклонами). Дѣвица Іоганна-Катерина Маттернъ! (Откашливается). Вашъ отецъ, его сіятельство высокородный графъ, удостоили заказать мнѣ подвѣчный нарядъ.

СЕСТРА МАРТА (беретъ отъ него платье и одѣваетъ Ганнеле). Дай, я одѣну тебя, Ганнеле.

ГАННЕЛЕ (въ радостномъ возбужденіи). Ахъ, какъ оно шумитъ!

СЕСТРА МАРТА. Это бѣлый шелкъ, Ганнеле.

ГАННЕЛЕ (восхищенно осматривая себя). Вотъ удивятся люди, что я лежу въ гробу такая нарядная.

ДЕРЕВЕНСКІЙ ПОРТНОЙ. Дѣвица Іоганна-Катерина Маттернъ. (Откашливается). Всѣ на деревнѣ только о томъ и говорятъ... (Откашливается). Какое счастье вамъ въ смерти привалило, дѣвица Ганна. (Откашливается). Вашъ отецъ... (Откашливается). Высокородный господинъ графъ (откашливается) извоили побывать у господина окружнаго начальника...

СЕСТРА МАРТА (надѣваетъ Ганнеле на голову вѣнокъ). Наклони голову, Христова невѣста!

ГАННЕЛЕ (дрожа отъ дѣтской радости). Знаешь чтò, сестра Марта? Я радуюсь смерти. (Внезапно съ сомнѣніемъ смотря на сестру). Вѣдь это—ты?

СЕСТРА МАРТА. Да.

ГАННЕЛЕ. Ты — сестра Марта? Ахъ, нѣтъ! Вѣдь ты—
МОЯ МАТЬ.

СЕСТРА МАРТА. Да.

ГАННЕЛЕ. Ты—и та и другая?

СЕСТРА МАРТА. Дѣти небесъ—воедино въ Богѣ.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПОРТНОЙ. Если позволите, принцесса Ганнеле. (Становится съ туфлями въ рукахъ передъ нею на козлѣнѣ). Это—самыя маленькія туфли во всемъ царствѣ. У Гедвиги, у Агнесы, у Лизы, у Марты, у Минны, у Кэты, у Греты, у всѣхъ—слишкомъ большія ноги. (Надѣваетъ ей туфли). Впору! Впору! Невѣста нашлась. У дѣвицы Ганнеле—самыя маленькія ножки... Если еще что-нибудь понадобится—я къ вашимъ услугамъ. Вашъ слуга! (Уходитъ, раскланиваясь).

ГАННЕЛЕ. Я не могла ожидать этого, мамочка.

СЕСТРА МАРТА. Теперь тебѣ уже не нужно принимать лѣкарство.

ГАННЕЛЕ. Нѣтъ.

СЕСТРА МАРТА. Теперь ты скоро будешь здоровѣе, чѣмъ рыбка въ водѣ, Ганнеле.

ГАННЕЛЕ. Дз.

СЕСТРА МАРТА. Ну, пойдѣмъ. Лягъ на свое смертное ложе. (Она беретъ Ганнеле за руку, тихо подводитъ ее къ постели, и Ганнеле ложится).

ГАННЕЛЕ. Теперь я узнаю наконецъ, что значить умереть.

СЕСТРА МАРТА. Ты узнаешь это, Ганнеле.

ГАННЕЛЕ (лежа на спинѣ и словно держа въ рукѣ цвѣтокъ). У меня есть залогъ.

СЕСТРА МАРТА. Прижми его крѣпко къ груди.

ГАННЕЛЕ (вновь начиная страшиться, робко смотреть на ангела). Развѣ надо, чтобы это совершилось?

СЕСТРА МАРТА. Надо.

(Издали доносятся звуки похороннаго марша).

ГАННЕЛЕ (прислушиваясь). Играютъ похоронный маршъ. Мейстеръ Зейфридъ и музыканты... (Ангель поднимается). Вотъ онъ встаетъ: (Буря на дворѣ усиливается. Ангель всталъ, строго и медленно шагая, онъ приближается къ Ганнеле). Вотъ идетъ ко мнѣ... Ахъ, сестра! Мама! Гдѣ же ты? (Къ ангелу съ мольбою) Только поскорѣе, черный, безмолвный духъ! (Со стономъ, какъ будто ее давить кошмаръ) Меня душить... давить... словно камнемъ! (Ангель медленно заноситъ свой широкій мечъ). Онъ хочетъ меня... онъ хочетъ меня... погубить навѣкъ... (Въ смертной мукѣ) Сестра, помоги!

СЕСТРА МАРТА (торжественно становится между Ганнеле и черным ангеломъ и, защищая ее, кладетъ ей обѣ свои руки на сердце. Она говоритъ съ выраженіемъ силы, святости и величія). Онъ не посмѣетъ этого сдѣлать. Я кладу тебѣ на сердце мои освященные руки!

(Черный ангелъ исчезаетъ. Тишина. Сестра Марта, сложивъ руки, съ кроткою улыбкой смотритъ на Ганнеле, затѣмъ уходитъ въ себя и шевелитъ губами, беззвучно молясь. Звуки похороннаго марша между тѣмъ не смолкаютъ. Слышится топотъ осторожныхъ шаговъ многихъ людей. Немедленно вслѣдъ за этимъ въ средней двери появляется фигура учителя Готтвальда. Онъ одѣтъ во все черное, какъ на похоронахъ, и держитъ въ рукѣ красивый букетъ изъ колокольчиковъ. Онъ благоговѣнно снимаетъ высокую шляпу и, едва успѣвъ войти, обращается назадъ, движеніемъ руки приглашая къ молчанію. Позади него видѣются его ученики — мальчики и дѣвочки въ лучшихъ своихъ платьяхъ. По знаку учителя они перестаютъ шептаться, и среди нихъ воцаряется полная тишина. Они не рѣшаются переступить порогъ. Готтвальдъ съ торжественнымъ выраженіемъ лица приближается къ сестрѣ Мартѣ, которая все еще продолжаетъ молиться).

ГОТТВАЛЬДЪ (тихимъ голосомъ). Добрый день, сестра!

СЕСТРА МАРТА. Г. Готтвальдъ, да благословитъ васъ Богъ!
ГОТТВАЛЬДЪ (глядя на Ганнеле, скорбно качаетъ головою). Бѣдная дѣвочка!

СЕСТРА МАРТА. Почему вы такъ печальны, г. Готтвальдъ?
ГОТТВАЛЬДЪ. Потому что она умерла.

СЕСТРА МАРТА. Не будемъ обѣ этомъ печалиться. Она успокоилась, и я радуюсь, что она нашла успокоеніе.

ГОТТВАЛЬДЪ (со вздохомъ). Да, ей хорошо. Она освободилась отъ скорби и страданія.

СЕСТРА МАРТА (погруженная въ созерцаніе Ганнеле). Какъ она теперь прекрасна!

ГОТТВАЛЬДЪ. Да, прекрасна—теперь. Только теперь, въ смерти, ты впервые расцвѣла во всей своей красѣ.

СЕСТРА МАРТА. Потому, что она была такою кроткою духомъ, Господь и сдѣлалъ ее такою прекрасною.

ГОТТВАЛЬДЪ. Да, она была кротка и добра. (Глубоко вздыхаетъ, открываетъ свой молитвенникъ и сумрачно смотритъ въ него).

СЕСТРА МАРТА (тоже смотритъ въ молитвенникъ). Не надо жаловаться. Надо терпѣть и молчать.

ГОТТВАЛЬДЪ. Ахъ, тяжело мнѣ!

СЕСТРА МАРТА. Оттого, что она спасена?

ГОТТВАЛЬДЪ. Оттого, что у меня завяли два цвѣтка.

СЕСТРА МАРТА. Гдѣ?

ГОТТВАЛЬДЪ. Двѣ фіалки, заложенные мною въ эту книгу. Это—мертвые глаза моей милой Ганнеле.

СЕСТРА МАРТА. Они еще краше расцвѣтутъ въ царствіи небесномъ.

Готтвальдъ. О, Боже мой, какъ долго еще придется странствовать намъ въ этой мрачной юдоли земныхъ скорбей. (Измѣнившимся сразу, дѣловитымъ и озабоченнымъ тономъ, доставая ноты) Какъ вы думаете? Я рѣшилъ, что мы споемъ здѣсь въ домѣ прежде всего хораль: «Христосъ — мое прибіжище».

СЕСТРА МАРТА. Да, это чудный хораль, и Ганнсле Маттернъ была вѣрующимъ ребенкомъ.

Готтвальдъ. А тамъ на кладбищѣ мы споемъ: «Отпусти меня въ обитель...» (Оборачивается, подходит къ учепикамъ и говорить) № 62: «Отпусти меня въ обитель». (Тихо напѣваетъ, считая тактъ) «От-пусти меня въ оби-тель, гдѣ пред-станетъ мнѣ Спа-си-тель». (Дѣти только подпѣвають). Тепло ли вы одѣлись, дѣтки? Тамъ на кладбищѣ будетъ очень холодно. Войдите же. Взгляните въ послѣдній разъ на бѣдную Ганнеле. (Школьники входятъ толпой и благоговѣнно становятся вокругъ постели). Посмотрите, какую прекрасно сдѣлала смерть эту бѣдную милую дѣвочку! Она ходила въ лохмотьяхъ, — теперь она въ шелковой одеждѣ. Она бѣгала босикомъ, а теперь у нея на ногахъ хрустальные башмачки. Скоро она будетъ жить въ золотомъ замкѣ и ѣсть каждый день жареное мясо. Здѣсь она питалась холоднымъ картофелемъ, да и того не всегда наѣдалась досыта. Здѣсь вы всегда звали ее принцессою въ лохмотьяхъ, теперь она скоро будетъ настоящею принцессою. Если кто-либо изъ васъ въ чемъ-нибудь провинился передъ нею, пусть онъ сейчасъ же попросить у нея прощенія, а то она все разкажетъ Господу Богу, и тогда вамъ плохо придется.

Маленькій мальчикъ (немного выступаетъ впередъ). Милая принцессочка Ганнеле, не сердись на меня и не говори Господу Богу, что я всегда называлъ тебя принцессою въ лохмотьяхъ!

Всѣ дѣти (наперебой). Мы отъ всего сердца жалѣемъ объ этомъ.

Готтвальдъ. Хорошо. Бѣдняжка Ганнеле навѣрно вамъ простила. Теперь ступайте и подождите меня на дворѣ.

СЕСТРА МАРТА. Пойдемте, и проведу васъ въ заднюю комнату. Тамъ я скажу вамъ, что нужно вамъ дѣлать для того, чтобы каждый изъ васъ могъ стать такимъ же прекраснымъ ангеломъ, какимъ скоро станетъ Ганнеле. (Она идетъ впередъ, дѣти слѣдуютъ за нею, дверь притворяютъ).

Готтвальдъ (оставшись наединѣ съ Ганнеле). Милая моя Ганнеле, я принесъ тебѣ букетъ красивыхъ колокольчиковъ. (Преклонивъ колѣна, говорить дрожащимъ голосомъ) Не забудь меня навѣки въ славѣ твоей! (Онъ рыдаетъ, скрывъ лицо въ складкахъ ея платья). Сердце мое разрывается отъ того, что я должень разстаться съ тобою.

(Слышны голоса. Готтвальдъ поднимается и прикрываетъ Ганнеле. Двѣ пожилыя женщины, одѣтыя какъ на похороны, съ платками и желтообръзными молитвенниками въ рукахъ, пробираются въ комнату).

Первая женщина (оглядываясь). Мы первыя, кажись?

Вторая женщина. Нѣтъ, господинъ учитель уже здѣсь. Здравствуйте, г. учитель.

Готтвальдъ. Здравствуйте.

Первая женщина. Г. учитель, небось, принимаетъ это близко къ сердцу? Она вправду хорошая была дѣвочка. Ужъ такая старательная, такая старательная...

Вторая женщина. А что же люди говорить... Зря болтаютъ, вѣрно, будто она сама на себя руки наложила?

Третья женщина (подходитъ). Это—грѣхъ противъ Духа Святого.

Вторая женщина. Грѣхъ противъ Духа Святого?

Третья женщина. Господинъ пасторъ говорить, что такому грѣху вѣвки не будетъ прощенія.

Готтвальдъ. Развѣ вы не знаете, что сказалъ Спаситель: «Пусть дѣти придутъ ко Мнѣ»?

Четвертая женщина (подходитъ). Ахъ, батюшки, вотъ такъ погода! Прямо ноги себѣ поотморозишь! Только бы пасторъ не опоздалъ. На кладбищѣ снѣгу намело на цѣлый аршинъ.

Пятая женщина (входитъ). Ахъ, батюшки! Пасторъ-то, говорятъ, отпѣвать ее не хочетъ. Отказывается хоронить ее въ освященной землѣ.

Плешке. Слыхали вы... слыхали... того? У пастора, того, хороший баринъ былъ и говорить, значить, пастору-то, что Ганнеле Маттернъ, того, свя-та-я...

Ганке (вбѣгаетъ). Хрустальный гробъ несутъ.

Разные голоса. Хрустальный гробъ! Хрустальный гробъ!

Ганке. Господи Иисусе! Вскочилъ онъ, небось, въ копейку!

Разные голоса. Хрустальный гробъ! Хрустальный гробъ!

Зейдель. Еще не то увидимъ. Ангелъ по деревнѣ про-

иель. Ростомъ, хоть вѣрьте, хоть нѣтъ—съ цѣлый тополь. У пруда около кузницы сидятъ еще двое. Только тѣ—маленькіе, какъ малые ребята. Видно, дѣвчурка не простая побирушка была.

РАЗНЫЕ ГОЛОСА. Дѣвочка не простая побирушка была!.. Несутъ хрустальный гробъ!.. Ангелъ прошелъ по деревнѣ!..

(Четверо юношей въ бѣломъ вносятъ гробъ, который они ставятъ около постели Ганнеле. Провожающіе съ любопытствомъ и удивленіемъ перешептываются).

ГОТТВАЛЬДЪ (слегка приподнимаетъ съ Ганнеле покровъ). Поглядите на усопшую!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА (искоса съ любопытствомъ заглядывая). Чтѣ за волосы! Они—какъ золотые!

ГОТТВАЛЬДЪ (совершенно снимая покровъ съ озаренной блѣднымъ сіяніемъ Ганнеле). И шелковое платье, и хрустальные башмачки.

ВСѢ (отступаютъ, ослѣпленные, назадъ, съ восклицаніями крайняго изумленія). Какая красавица!.. Да кто же это? Маттернова Ганнеле? Въ жизнь не повѣрю!..

ПЛЕШКЕ. Дѣвочка... дѣвочка, того, святая...

(Четверо юношей бережно кладутъ Ганнеле въ хрустальный гробъ).

ГАНКЕ. Ее, говорятъ, и хоронить не стануть.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Ее поставятъ въ церкви.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Да умерла ли еще она? Съ виду она—живехонька!

ПЛЕШКЕ. Дайте-ка, того, сюда... Дайте-ка перышко... Мы ей, того, приставимъ... ко рту перышко-то приставимъ... Да, да... И поглядимъ, того, есть ли въ ней духъ?.. (Ему даютъ перышко, онъ, внимательно глядя, держать его у рта Ганнеле). Не... не шелохнется. Умерла дѣвочка... На эстолько жизни въ ней нѣтъ.

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА. Я, отдамъ ей свой букетикъ розмарина. (Кладетъ въ гробъ букетикъ).

ЧЕТВЕРТАЯ ЖЕНЩИНА. Пусть ей пойдетъ и моя лаванда!

ПЯТАЯ ЖЕНЩИНА. Гдѣ же Маттернъ?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Гдѣ Маттернъ?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Гдѣ ему быть? Въ кабакѣ сидитъ.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Не знаетъ онъ, вѣрно, чтѣ случилось.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Ему только бы водка была, а тамъ ему и горюшка мало.

ПЛЕШКЕ. А вы, того, не сказали ему, того... чтѣ у него въ дому покойница, значить?

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА. Самъ долженъ знать.

ЧЕТВЕРТАЯ ЖЕНЩИНА. Я бы ни-ни! Ни словечка не сказала. А только кто дѣвочку до смерти довелъ—про это намъ кое-что извѣстно.

ЗЕЙДЕЛЬ. Это, съ позволенія сказать, вся деревня знаетъ. У нея шишка—съ мой кулакъ.

ПЯТАЯ ЖЕНЩИНА. Онъ гдѣ ступитъ, тамъ трава не растеть.

ЗЕЙДЕЛЬ. Мы вмѣстѣ ее переодѣвали. Своими глазами видѣлъ. У нея шишка—съ мой кулакъ. Оттого она и жизни рѣшилась.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Маттернъ за нее Богу отвѣтитъ, не другой кто!

ВСѢ (возбужденно, но шопотомъ, перебывая другъ друга). Не другой кто-нибудь!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Убійца онъ!

ВСѢ (съ гнѣвомъ, но таинственно). Убійца! Убійца!

(Слышенъ ревъ пьянаго каменщика Маттерна).

ГОЛОСЪ МАТТЕРНА. «Спо-кой-ная со-вѣсть—мяг-кая по-душ-ка». (Онъ появляется въ дверяхъ и кричитъ) Дѣвчонка! А дѣвчонка! Негодница! Куда ты запропастилась? (Стукается о косякъ двери). Жду, покуда... не сосчитаю до пяти... Не дольше того... Разъ... два... три... сколько будетъ? Дѣвчонка! Не выводи меня изъ терпѣнія. Слышишь? Ежели я искаету стану да найду тебя—разражу!! (Останавливается и замѣчаетъ присутствующихъ, среди которыхъ царитъ мертвая тишина). Чего вамъ здѣсь надо? Самъ чортъ принесъ васъ сюда? А? Убирайтесь вонъ! Скоро вы уйдете? (Смѣется про себя). Пойстой-ка! Знаю я эти штуки. Мерещится мнѣ, вотъ и вся недолга! Хватилъ лишнее... Вотъ мнѣ и чудится... (Поетъ) «Спо-кой-ная со-вѣсть—мяг-кая по-душ-ка». (Пугается). Вы все еще здѣсь? (Съ внезапнымъ бѣшенствомъ ищетъ, чѣмъ бы ударить). Возму-ка я что подъ руку попадется...

(Входитъ нѣкто въ темномъ поношенномъ одѣяніи. Ему лѣтъ тридцать, у него длинные черные волосы и блѣдное лицо съ чертами учителя Готтвальда. Въ лѣвой рукѣ у него шляпа съ широкими полями, на ногахъ—саидалии. Онъ запыленъ и утомленъ съ дороги. Прерывая слова каменщика, онъ кротко дотрогивается рукою до его плеча. Маттернъ рѣзко оборачивается).

СТРАННИКЪ (очень спокойно и серьезно смотреть ему прямо въ лицо и говорить). Каменщикъ Маттернъ, да благословитъ тебя Богъ!

МАТТЕРНЪ. Какъ ты сюда попалъ? Чего тебѣ нужно?

СТРАННИКЪ (со смиренною мольбою). Я до крови изранилъ

въ пути свои ноги; дай мнѣ воды, чтобы омыть ихъ. Палящее солнце сожгло меня; дай мнѣ испить вина, чтобы я могъ освѣжиться. Я не вкушалъ еще хлѣба, ибо я вышелъ на зарѣ. Я голоденъ.

Маттернъ. А мнѣ какое дѣло? Кто велить тебѣ шататься по дорогамъ? Работай. Вѣдь я работаю.

Странникъ. Я работникъ.

Маттернъ. Бродяга ты. Кто работаетъ, тому не зачѣмъ побираться.

Странникъ. Я—работникъ, не получающій платы.

Маттернъ. Бродяга ты.

Странникъ (робко, смиренно, но при этомъ настойчиво). Я—врачъ. Ты, можетъ-быть, будешь имѣть во мнѣ нужду.

Маттернъ. Я не боленъ. Никакого доктора мнѣ не надо.

Странникъ (голосомъ, дрожащимъ отъ внутренняго волненія). Каменщикъ Маттернъ, опомнись! Ты можешь не давать мнѣ воды, и я все же испѣлю тебя. Ты можешь не давать мнѣ хлѣба насущнаго, и я все же излѣчу тебя, какъ Богъ святъ!

Маттернъ. Проваливай отсюда. Ступай своей дорогой! Здоровья мнѣ не занимать стать. Понялъ?

Странникъ. Каменщикъ Маттернъ, опомнись! Я омою тебѣ ноги. Я дамъ тебѣ испить вина. Ты вкусишь отъ сладкаго хлѣба. Поставь ногу мнѣ на шею, и все же я испѣлю и спасу тебя, какъ Богъ святъ!

Маттернъ. А я вотъ хочу поглядѣть, уберешься ты отсюда или нѣтъ? И ежели ты не уйдешь добромъ, я покажу тебѣ дорогу...

Странникъ (со строгимъ увѣщаніемъ). Каменщикъ Маттернъ, знаешь ли ты, что у тебя въ домѣ?

Маттернъ. То, чему полагается быть. То, чему полагается быть... А вотъ тебѣ здѣсь быть не полагается... Проваливай, значить!

Странникъ (просто). Дочь твоя больна.

Маттернъ. Для ея хвори доктора не нужно. Она лѣнью хвораеть. Я самъ ужъ повыбью изъ нея эту хворь.

Странникъ (торжественно). Каменщикъ Маттернъ, я прихожу къ тебѣ, какъ вѣстникъ.

Маттернъ. Отъ кого это ты приходишь вѣстникомъ?

Странникъ. Я прихожу отъ Отца и ухожу къ Отцу. Гдѣ у тебя Его дитя?

Маттернъ. Почему я знаю, гдѣ она шатается? Что

мнѣ за дѣло до его дѣтей? Чего онъ раньше о нихъ не заботился?

Странникъ (съ силою). У тебя въ домѣ покойникъ.

Маттернъ (замѣтивъ лежащую Ганнсле, молча и тупо подходитъ къ гробу, бормоча про себя). Откуда у тебя взялось такое нарядное платье? Кто купилъ тебѣ хрустальный гробъ?

(Провожатые перешептываются взволнованно и таинственно. Порою у нихъ прорывается съ озлобленіемъ слово: «убійца!»).

Маттернъ (тихо, съ дрожью). Вѣдь я съ тобою никогда не обходился дурно... Я одѣвальный тебя... Я тебя кормилъ... (Къ страннику, дерзко) Чего же тебѣ отъ меня надо? Какое мнѣ до всего до этого дѣло?

Странникъ. Каменщикъ Маттернъ, тебѣ нечего мнѣ сказать?

(Среди провожатыхъ шепотъ усиливается, все яростнѣе и чаще повторяются слова: «Убійца! Убійца!»).

Странникъ. Тебѣ рѣшительно не въ чемъ себя упрекнуть? Ты не будилъ ее отъ сна по ночамъ? Она никогда не падала замертво подъ твоими ударами?

Маттернъ (въ ужасѣ, вѣ себя). Убей меня Богъ! Не сойди мнѣ съ мѣста! Разрази меня громъ небесный, сжели я въ этомъ виновать.

(Блѣдная голубоватая молния и дальній раскатъ грома).

Всѣ (вмѣстѣ). Гроза собирается! Теперь, среди зимы! Онъ далъ ложную клятву! Дѣтоубійца далъ ложную клятву!

Странникъ (настойчиво, съ доброю). Тебѣ нечего мнѣ больше сказать, каменщикъ Маттернъ?

Маттернъ (жалкій, испуганный). Кто любитъ свое дитя, тотъ наказуетъ его... Ничего кромѣ добра я не дѣлалъ дѣвчонкѣ. Я держалъ ее, какъ родную дочь. А ежели она неладное дѣлала, какъ же мнѣ было не наказывать ее?

Женщина (наступая на него). Убійца! Убійца! Убійца! Убійца!

Маттернъ. Она лгала мнѣ, обманывала... Кажинный день обкрадывала меня...

Странникъ. Ты правду говоришь?

Маттернъ. Накажи меня Богъ!

(Въ этотъ мигъ въ сложенныхъ рукахъ Ганнсле появляется свѣтъ, похожій на небесный ключикъ, изливающий желтовато-зеленое сіяніе. Каменщикъ Маттернъ, какъ безумный, дрожа всѣмъ тѣломъ, глядитъ, не отводя глазъ, на видѣніе).

Странникъ. Каменщикъ Маттернъ, ты лжешь!

Всѣ (въ сильнѣйшемъ возбужденіи говорятъ разомъ). Чудо!.. Чудо!..

Плешке. Дѣвочка... того... дѣвочка и вправду... святая. Проклялъ онъ себя... Душу и тѣло... загубилъ...

МАТТЕРНЪ (съ рычаніемъ). Я повѣшусь! (Хватается обѣими руками за голову и убѣгаетъ).

СТРАННИКЪ (подходить къ гробу Ганнеле и говорить, обращаясь къ присутствующимъ. Всѣ благоговѣнно отступаютъ передъ его фигурою, дышащею величіемъ). Не бойтесь! (Онъ наклоняется и какъ бы испытующе беретъ руку Ганнеле, затѣмъ съ кротостью говоритъ) Дѣвушка не умерла. Она спитъ. (Съ глубочайшею проникновенностью и могучею увѣренностью) Юганна Маттернъ! Встань!

(Яркій золотисто-зеленый свѣтъ наполняетъ комнату. Ганнеле открываетъ глаза, поднимается, опираясь на руку странника, но не смѣя посмотрѣть ему въ лицо. Она выходитъ изъ гроба и опускается на колѣни передъ тѣмъ, кто пробудилъ ее. Присутствующихъ охватываетъ ужась. Они разбѣгаются. Ганнеле и странникъ остаются вдвоемъ. Съ его плечъ соскользнулъ сѣрый плащъ, онъ остается въ бѣло-золотистой одеждѣ).

СТРАННИКЪ (нѣжно, проникновенно). Ганнеле!

ГАННЕЛЕ (съ внутреннимъ восторгомъ прѣклоняетъ голову насколько возможно). Вотъ онъ!

СТРАННИКЪ. Кто я?

ГАННЕЛЕ. Ты.

СТРАННИКЪ. Назови мое имя.

ГАННЕЛЕ (трепеща отъ благоговѣнія, голосомъ, подобнымъ вздоху). Святъ! Святъ!

СТРАННИКЪ. Мнѣ вѣдомы всѣ твои скорби и страданія.

ГАННЕЛЕ. О, возлюбленный, возлюбленный!

СТРАННИКЪ. Поднимись.

ГАННЕЛЕ. Твоя одежда непорочна. На мнѣ тяготѣетъ стыдъ.

СТРАННИКЪ (кладетъ правую руку на голову Ганнеле). ~~Вотъ~~ этимъ я снимаю съ тебя гнѣтъ униженія. (Приподнявъ съ нѣжнымъ насиліемъ ея лицо, прикасается къ ея глазамъ) Вотъ этимъ я дарю очамъ твоимъ вѣчный свѣтъ. Примите въ себя солнца и новыя солнца. Примите въ себя сіяніе вѣчнаго дня отъ утренней зари до вечерней и отъ вечерней зари до утренней. Примите въ себя все, что сіяетъ:—синее море, синее небо и зеленые луга вѣчности. (Касается ея уха) Вотъ этимъ я дарю твоему слуху возможность слышать ликованіе всѣхъ милліоновъ ангеловъ, обитающихъ въ милліонахъ Божіихъ небесъ. (Касается ея устъ). Вотъ этимъ я разрѣшаю безсильный твой языкъ и влагаю въ него твою душу, и мою душу, и душу Вседержителя Творца.

ГАННЕЛЕ (дрожа всѣмъ тѣломъ, пытается приподняться, но не можетъ этого сдѣлать, словно изнемогая подъ бременемъ блаженства. Потрясаемая рыданіями, она скрываетъ лицо на груди странника)

Странникъ. Этими слезами я омываю твою душу отъ
земного праха и скорби. Я вознесу твои стопы превыше
свѣтилъ Господнихъ.

(Глядя Ганнеле по головѣ, странникъ подь нѣжную музыку продол-
жаетъ говорить. Во время его рѣчи появляются въ дверяхъ призракъ
ангеловъ, большіе, малые, мальчики, дѣвочки; они робко останавли-
ваются, затѣмъ рѣшаются войти и убираютъ комнату коврами и
цвѣтами).

Блаженство—есть городъ чудесный Творца,
Гдѣ миру и счастьемъ не будетъ конца.

(Арфы звучать сначала тихо, затѣмъ громче и наконецъ—полнымъ
голосомъ).

Тамъ—золото кровель и мраморъ палатъ,
Фонтаны—пурпурныя вина струять,
На улицахъ облыхъ тамъ сыплютъ цвѣты,
И свадебный звонъ тамъ звучить съ высоты.
Тамъ розовой вязью обвита стѣна,
И бабочки выются, и блещетъ весна.
Двѣнадцать сребристыхъ, какъ снѣгъ, лебедей
Кружатся въ звенящей одеждѣ своей
И смѣло взлетаютъ въ лазурную высь,
Гдѣ въ воздухѣ звонъ съ ароматомъ слились:
Торжественно-вѣчный полетъ въ высоту.
Какъ арфы, ихъ крылья звенятъ на лету.
Глядятъ на Сіонъ, на дѣса, океанъ,—
И слѣдъ ихъ—какъ отблескъ созвѣздій въ туманъ.
Внизу же, ликуя въ отчизнѣ святой,
Блаженные объ руку ходятъ толпой.
Тамъ плещетъ нурпурное море вина,
Ихъ свѣтлое тѣло пріемлетъ волна,
И въ блескѣ и въ брызгахъ, омыты навѣкъ—
Выходятъ они съ ликованиемъ на берегъ...
Сіяютъ они красотою любви—
Омытые въ алой Христовой крови.

(Странникъ обращается къ ангеламъ, окончившимъ свою работу.
Съ робкою радостью и счастьемъ они подходятъ и образуютъ полу-
кругъ около Ганнеле и странника).

Съ тончайшими покровами льняными
Приблизьтесь, дѣти неба, вы, любимцы,
Вы, кроткіе, какъ голуби, приблизьтесь
И слабое отъ истощенья тѣло,
Что зябло въ стужу и горѣло въ жаръ,—

Вы бережно окутайте, чтобъ боли
Не причинить ему прикосновеньемъ.
И, на крылахъ безшумныхъ тихо рѣя,
Ее несите нѣжно, на лету
Касаясь стебельковъ, налитыхъ сокомъ,
Въ сіяніи цѣлительномъ луны,
Сквозь ошіямъ благоуханій райскихъ—
Въ храмъ, гдѣ ее прохладою объемлетъ.

(Краткая пауза).

Пока на ложѣ шелковомъ она
Поконится тамъ будетъ, въ бѣлой ваннѣ
Изъ мрамора перемѣшайте воду
Изъ горнаго ключа съ пурпурнымъ сокомъ
И молокомъ газели, чтобъ струею
Прозрачною слѣды болѣзни смыть.
Съ кустовъ сирени и жасмина вѣтви,
Росою отягченныя, сорвите;
Да брызнуть капли свѣтлыя душистой,
Живительной прохладой на нее.
Ей въ чашѣ золотой вина подайте,
Въ него подливъ плодовъ созрѣвшихъ сокъ;
Созрѣвшую на солнцѣ землянику
И ягоды малины, сладкой кровью
Налитыя, и желтый ананасъ,
И бархатистый персикъ, апельсины
Блестящія, какъ золото, подайте
На блюдѣ ей изъ свѣтлаго металла.
Пусть блескъ и изобиліе новыхъ зорь
И вкусъ ея и сердце очаруютъ,
И взоръ ея плѣнитъ краса чертоговъ.
Пусть огненные бабочки, качаясь
На зелени изъ малахита, блещутъ.
Атласъ ей разстелите на пути,
Пускай идетъ она среди тюльпановъ
И гіацинтовъ,—а по сторонамъ
Трепещутъ пальмы, словно опахала,
Зеркальнымъ блескомъ стѣнъ отражены.
Ей покажите поле красныхъ маковъ,
Гдѣ золотымъ мячомъ играютъ дѣти
Небесныя—счастливыя въ лучахъ
Сіянья вновь рожденнаго, и нѣжно
Пусть музыка ей сердце усладитъ!

АНГЕЛЫ (хоромъ).

Тихо на крыльяхъ уносимъ ее,
Словно баюкая, въ царство Твое,
Словно баюкая, въ царство Твое!

(Во время ихъ пѣнія на сценѣ темнѣеть. Изъ мрака ихъ пѣніе доносится все слабѣе и слабѣе, отдаляясь. Затѣмъ снова становится свѣтло, и взору является комната въ пріютѣ для нищихъ въ томъ же видѣ, въ какомъ она была до появленія перваго призрака. Ганнеле—блѣдная больная дѣвочка лежитъ на постели. Докторъ Вахлеръ наклоняется надъ ною, въ рукахъ у него трубка для выслушиванія. Дьяконисса держитъ свѣчу и боязливо слѣдитъ за нимъ).

Докторъ Вахлеръ (выпрямяясь). Вы правы.

Сестра Марта. Умерла?

Докторъ Вахлеръ (сумрачно киваетъ головою). Умерла.

(Занавѣсъ падаетъ).

ПОТОНУВШИЙ КОЛОКОЛЪ.

Сказка - драма.

Переводъ В. П. Буренина.

«Потонувшій колоколъ» (*Die versunkene Glocke*)—шедевръ Гауптмана. Какъ раньше его называли «творцомъ Ткачей», такъ послѣ этого созданія для европейскаго читателя онъ сталъ авторомъ «Потонувшаго колокола».

«Потонувшій колоколъ» былъ поставленъ 2 декабря 1896 г. въ берлинскомъ «Нѣмецкомъ театрѣ» съ блистательнымъ успѣхомъ. Драматургу послѣ представленія были устроены бурныя оваціи.

Нѣкоторые изъ его біографовъ склонны отчасти видѣть въ этомъ горячемъ приѣмѣ протестъ публики противъ назначенія обѣихъ гринльпарцеровскихъ премій Вильденбруху, хотя по сужденію шиллеровской комиссіи однимъ изъ лауреатовъ долженъ былъ быть Гауптманъ. Это была демонстрація противъ *regis voluntatem*. Чистый и независимый ни отъ какихъ виѣшнихъ соображеній успѣхъ чудесной драмы-сказки, впрочемъ, нашелъ немедленное подтвержденіе въ признаніи ея въ слѣдующій сезонъ во всей Германіи.

Успѣхъ новаго произведенія Гауптмана прокатился по родной поэту странѣ громомъ. Признала его публика, признала и критика. Не проходило недѣли, чтобы не появлялось какой-нибудь новой попытки разобрать въ философскомъ смыслѣ поэмы. Литература о ней выросла вдругъ до чудовищныхъ размѣровъ. Повсюду Гауптмана сравнивали съ Шиллеромъ и Гёте. За исключеніемъ роستانовскаго «Сирано де-Бержерака», ни одна изъ пьесъ современныхъ драматурговъ не вызывала такого шума.

Имя Гауптмана грѣлось въ лучахъ міровой славы. Въ сезонъ 1897 и 1898 гг. трудно было бы найти маскированный балъ, въ которомъ не участвовала бы хоть одна Раутенделейнъ. Улично мальчишки пользовали «брекекекекскъ» Водяного. Дѣвочки въ школахъ заучивали наизусть стихи о человѣческой слезѣ. Изучающій Гауптмана въ первую минуту будетъ удивленъ тѣмъ, что почти все цѣнное о Гауптманѣ приурочено къ 1897 году. Въ этомъ году появилась книжка Вернера, за нею капитальное изслѣдованіе о Гауптманѣ Бартельса, слѣдомъ книга Шлентера и книга Ганштейна.

Литературный успѣхъ изданія «Колокола» былъ безпримѣренъ. Съ декабря 1896 по июль 1897 г. книжка выдержала не менѣе 28 изданій. Къ 1906 г. Бартельсъ подсчиталъ уже 62 изданія! «Колоколъ» сталъ настольною книгою нѣмецкой дѣвушки-подростка. Имя Гауптмана стало «опасно-популярнымъ», какъ выразился Шлентеръ.

Этотъ головокружительный успѣхъ палъ на душу нѣмецкаго поэта благодатнымъ дождемъ, необходимымъ для нея потому, что передъ этимъ Гауптманъ только-что пережилъ мучительную драму художника. Эта драма огромно повліяла и на самую идею, на самое созданіе

«Потонувшего колокола». Не зная ея, нельзя и понять «Колоколь» въ полной мѣрѣ и силѣ.

Эта душевная трагедія Гауптмана—неуспѣхъ его предшествующей исторической драмы «Флоріанъ Гейеръ», любимого дѣтища поэта, надъ которымъ онъ работалъ съ исключительнымъ трудомъ, захватимъ и любовью еще раньше, чѣмъ началъ «Ганнеле». Берлинская публика совершенно не поняла «Флоріана», соскучилась надъ нимъ, не разобралась въ этой громадѣ лицъ и картинъ. Пьеса была снята съ репертуара послѣ второго представленія.

Возлагавшій на эту вещь огромныя надежды, Гауптманъ вышелъ изъ театра, потрясенный до глубины души, разбитый, усомнившійся въ своей творческой силѣ. Онъ признавался, что неуспѣхъ «Флоріана» былъ горчайшимъ разочарованіемъ его жизни. Нѣкоторыя слова литейщика Генриха въ самомъ дѣлѣ цѣлкомъ могъ бы сказать о себѣ разочарованный Гауптманъ.

Да, Магда... Повторю: мнѣ
 Не удалось послѣднее созданіе
 Искусства моего. Я грустно шелъ
 За лошадьми, когда онѣ тащили,
 Подъ хлопанье бичей, на высоту
 Мой колоколь. И вотъ съ обрыва въ пропасть
 Скатился онъ и въ озеро упалъ,
 И тамъ лежитъ на глубинѣ, быть-можетъ,
 Ста сажень. Въ безднѣ молчаливой водѣ,
 Какъ будто въ темной и нѣмой могилѣ,
 Похороненъ мой лучшій трудъ...
 Ни колоколь ни жизнь ко мнѣ не могутъ
 Опять вернуться, какъ бы я ни жаждалъ
 Услышать снова потонувшій звонъ...
 О, горе мнѣ! Все, чѣмъ я жилъ такъ страстно,—
 Все оказалось тьмою и безумьемъ,
 Обманомъ, зломъ, отравой. Не могу
 Я жить, какъ прежде. Жизнь долины мирной
 Меня не обольщаетъ, какъ бывало.
 И обезсилѣлъ я, и если-бъ снова
 Я усремился вверхъ, то упаду я.
 Да, упаду... Нѣтъ, лучше умереть.

Когда Гауптманъ находился въ этомъ отчаянномъ состояніи духа, неожиданно изъ Вѣны ему пришла окрыляющая его радость. За «Ганнеле» ему была присуждена премія Грильпарцера. Лучъ свѣта былъ брошенъ въ мракъ его души. Вѣнскіе судьи сдѣлали больше, чѣмъ ожидали. Они подвигли поэта на новое созданіе. Свои недавніи печали Гауптманъ перелилъ въ поэтическіе образы.

Такъ родился «Потонувшій колоколь», чудное сказаніе о художникѣ, потерившемъ неудачу въ созданіи, какое онъ считалъ лучшимъ, стремящемся на высоты творчества, но неотразимо влекомомъ узамъ земли къ ея долинамъ. Нѣмецкіе изслѣдователи Гауптмана, даже чуждающіеся ходячихъ силетень, заглядывающихъ въ личную жизнь драматурга, намекаютъ на значительную долю личныхъ гауптмановскихъ переживаній и въ нѣкоторыхъ иныхъ частностяхъ трагедіи литейщика Генриха.

«Потонувшій колоколь»—ярко символическая драма. «Ганнеле» только по недоразумѣнію относится нѣкоторыми къ этому роду. За личной драмой литейщика Генриха вырисовывается вообще драма

генія въ его отношеніяхъ къ міру и землѣ. Это «трагедія сверхчеловѣка, который для достиженія великаго готовъ пренебречь «малыми симми», но у котораго въ рѣшительный моментъ не хватило духа и силы настоять на великомъ, вопреки пѣжнымъ чувствамъ и угрызениямъ совѣсти» (Н. Котляревскій). Гауптманъ не довелъ мечту своего сверхчеловѣка до конца, не сдѣлалъ изъ Генриха—Бранда. Генрихъ уступилъ, сдался. Въ его драмѣ—вѣчная драма гауптмановскихъ героевъ, «слабыхъ людей»: Лота, Иоганнеса Фокерата. Нетрудно установить пзвѣстную параллель между Магдой и Кэтэ (изъ «Одинокихъ») и между Раутенделейнъ и Анной Марь.

Отысканіе тѣхъ «крестныхъ отцовъ», какіе всегда есть у Гауптмана въ лицѣ Ибсена, Толстого, Зола и т. д., въ отношеніи «Колокола» не представляетъ значительныхъ трудностей. Можно не отрицать несомнѣннаго вліянія здѣсь ибсеновскаго образа «Бранда», такъ же рвущагося на высокія вершины и лелѣющаго мечту новой религіи, его же драмы «Песеръ Гинтъ» и гётевскаго «Фауста». Шенспировскій «Сонъ въ лѣтнюю ночь», можетъ-быть, подсказалъ Гауптману поэзію лѣса ночью, черты изъ міра эльфовъ, звонъ стиха ихъ пѣсенюкъ. Есть нѣчто «гамлетовское» въ нѣкоторыхъ настроеніяхъ мастера Генриха.

Германская народная мифологія вмѣстѣ съ нѣкоторыми литературными образцами дала поэту очаровательный образъ Раутенделейнъ. Здѣсь неотрицаемо вліяніе сказки Вилларіа о потонувшемъ колоколѣ, «Ундины» Ламоть-Фуке, знакомой и русскому читателю по переводу Жуковскаго, можетъ-быть, «Русалочки» Андерсена и стариннаго сказанія о «Тангейзерѣ».

Но все навѣянное поэтъ такъ самобытно претворилъ въ тайникахъ своего духа, такъ чутко почувствовалъ душою всю прелесть нѣмецкаго сказанія, облекъ въ такую нѣжную красоту, что это стало *его* твореніемъ, а образъ Раутенделейнъ оказался поистинѣ достойнымъ стать въ галлерей первоклассныхъ фантастическихъ образовъ женщинъ.

Кого поцѣловала въ уста мечта пного міра, какъ Раутенделейнъ Генриха, тотъ уже не найдетъ сытости на землѣ. Но жалость къ міру, къ землѣ подсѣкаетъ творческой духъ, рвущійся на высоты, и выхода изъ этой трагедіи Гауптманъ не видитъ... «Кто взлетѣлъ въ горнюю область свѣта и упалъ,—долженъ разбиться»,—какъ говоритъ Виттиха. Но и жить безъ мечты, безъ Раутенделейнъ, невозможно. Позднѣе тотъ же символъ Гауптманъ воплотилъ въ образѣ Пиппы.

Самый символъ колокола давно присущъ тевтонской поэзии въ такой же мѣрѣ, какъ и нынѣ. Шиллеръ, вдохновленный народными сказаніями, спѣлъ свою безсмертную «Пѣсню о колоколѣ». Ницше чувствуетъ чары мелодическаго колокольнаго звона въ старинномъ Наумбургѣ. Ренанъ ссылается на бретонскую легенду о таинственномъ городѣ Исъ, звонъ колоколовъ котораго слышится въ тихіе дни. Вспомнимъ еще русское сказаніе о невидимомъ градѣ Китежѣ. Символъ колокола пользовалъ и самъ Гауптманъ въ одномъ изъ своихъ раннихъ стихотвореній: «Gestorbenes Erz».

Философски «Потонувшій колоколъ» есть живая иллюстрація къ ученію Ницше о сверхчеловѣкѣ. Огромное идейное вліяніе философа на драматурга неотрицаемо. Д-ръ философіи А. Родэ написалъ цѣлую книжку *), гдѣ выяснилъ всѣ параллельныя мѣста у Ницше и

*) «Гауптманъ и Ницше», къ объясненію «Потонувшаго колокола». М. 1902.

Гауптмана. Спорить противъ его заключеній о близости двухъ этихъ мировоззрѣній можно было бы только по недомыслию. Генрихъ Гауптмана — «высшій человѣкъ», предтеча «сверхчеловѣка», «творящій», какъ называлъ его Ницше. Онъ дерзнулъ, но его дерзанія не хватило до конца. Онъ еще не «преодолѣлъ» въ себѣ человѣка, и человѣкъ побѣдилъ въ немъ. Въ послѣднихъ строкахъ своей книги Родо справедливо спрашивалъ, не слѣдуетъ ли ждать отъ поэта второй части трагедіи, героемъ которой былъ бы совершенный сверхчеловѣкъ, выходящій побѣдителемъ.

Генрихъ напоминаетъ идеаль Заратустры, потому что онъ творецъ по природѣ, потому что ради идеала онъ умѣетъ быть жестокимъ, потому что презираетъ толпу и ненавидимъ толпою, потому, наконецъ, что онъ отказался отъ всѣхъ боговъ, какимъ молится толпа *).

За «Потонувшимъ колоколомъ» упрочилась репутація темной и туманной пьесы, требующей толкованій. Если бы въ пьесѣ было только четыре акта, — никто не сказалъ бы этого. Тогда «Колоколъ» былъ бы ясною трагедіею художника, котораго жизнь съ ея жалостью и прозой, съ семьей и слезами жены сорвала съ горныхъ высотъ творчества. Человѣкъ, смиреннѣе побѣдилъ художника. Генрихъ отказался отъ своей творческой мечты перерожденія міра изъ-за жалости къ земному страданію. Только намѣренно закрывая глаза, можно не понять, что кувшинъ слезъ, приносимый дѣтьми Генриху, образно выражаетъ полную материнскаго страданія, что пасторъ — воплощеніе казенной церкви и морали долга, что учитель — символъ узкой науки, упразднившей всѣ тайны ради таблицы умноженія, что цырюльникъ — прикладная необходимость, и т. д.

Но Гауптманъ послѣ четвертаго акта отдался своему вдохновенію, и оно увлекло его. Такъ всегда бывало и съ Ибсеномъ. Чистая символика драмы замутилась, заслонилась частностями. И всѣ усилія толкователей «Колокола» сводятся къ анализу этого заключительнаго акта пьесы.

Почему Генрихъ опять явился въ горы? Чѣмъ вызвана ненависть къ нему жителей долины? Какой смыслъ каждаго изъ трехъ кубковъ, которые онъ долженъ пить?

Вопросы эти понятны, недоумѣніе законно. Но при этихъ розыскахъ надо помнить умный совѣтъ Штейгера, предостерегающаго «отъ хитроумныхъ толкованій этой глубокомысленной сказки. Настоящая, истинная сказка всегда многозначача: она одновременно мнѣ о природѣ, исторіи и морали. И съ тѣмъ, кто хочетъ логически ее расчлениить, происходитъ то же самое, что и съ ребенкомъ, схватывающимъ бабочку за крылья: цвѣточная пыль спадаетъ, и исчезаетъ вся прелесть красокъ».

И большинство критиковъ съ поэтическимъ вкусомъ — слагаютъ съ себя обязанность детальныхъ толкованій. «Зачѣмъ, — пишетъ Маршалъ по поводу знаменитыхъ трехъ кубковъ въ финалѣ драмы: — зачѣмъ пытаться объяснить таинственную церемонію съ кубками и искать въ «Колоколѣ» нѣчто кромѣ того, что онъ несомнѣнно есть: блестящее произведеніе неподдѣльной чистоты? Въ этой чистотѣ — его непреодолимое очарованіе. Сцена, вмѣсто того, чтобы быть анатомическимъ театромъ души, какъ часто случалось съ Гауптманомъ, превращается въ гористую мѣстность, покрытую лѣсами, гдѣ зрителю открываются всѣ чары природы».

*) Объ этомъ подробнѣе у П. Когана: «Очерки по исторіи Зап.-Европ. литературы», т. 2-й.

И это, въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, лучше тонкихъ мудрованій, въ родѣ, напр., предлагаемаго Рода о тѣхъ же кубкахъ, при помощи сопоставленій Гауптмана съ Ницше. «Виттиха,—говоритъ онъ:—предлагаетъ Генриху три кубка: съ бѣлымъ виномъ, съ краснымъ и съ желтымъ. Что означаютъ цвѣта вина? Отвѣтъ въ главѣ «о духѣ тяжести» въ «Заратустрѣ». Изъ этого мѣста, гдѣ Ницше говоритъ о красномъ цвѣтѣ крови, бѣломъ, выдающемъ безцвѣтную душу, и желтомъ,—Рода дѣлаетъ такой выводъ:

«Бѣлое вино есть вино тѣхъ, которые влюблены въ призраки, или, говоря безъ метафоръ, оно означаетъ *еще върующей въ Бога мѣра*. Въ немъ дѣйствовалъ мастеръ старой силой, поэтому она возвращается съ бѣлымъ виномъ. Красное вино—тѣло и кровь, красенъ сверхчеловѣкъ, поэтому красное вино вызываетъ Раутенделейнъ, это воплощеніе великаго *здоровья земли*. Желтое вино—вино мумій, оно — *носитель смерти*. Его дастъ сама Раутенделейнъ».

Можетъ-быть, это и такъ. Можетъ-быть, это талмудическаго типа толкованіе явилось полною неожиданностью и для самого Гауптмана. Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Туманный конецъ драмы-сказки не умаляетъ ея прелести. Всѣ образы, начиная съ захватывающаго образа Генриха, глубоки и красивы. Какъ истинно-народный поэтъ, Гауптманъ живописалъ Водяного, эту «философствующую лягушку», Виттиху, эльфа. Человѣческія фигуры вычеканены менѣе старательно, но извѣстная абстрактность ихъ могла быть у Гауптмана намѣренной: она въ духѣ этой сказки-драмы.

Въ критикѣ среди восторженныхъ поклонниковъ драмы первое мѣсто можетъ принадлежать извѣстному Эрнсту фонъ-Вольцогену. Онъ называетъ «Потонувшій колоколь» шедевромъ, какой только могъ создаться на фонѣ натурализма, сливагося съ новымъ искусствомъ, съ чаяніями новой красоты. Идеиное значеніе сказки онъ выноситъ далеко за предѣлы частной драмы артиста. «Это не трагедія борьбы художника,—пишетъ онъ:—но всеобъемлющее изображеніе чловѣка на порогѣ новой эпохи, изображеніе того новаго духа, который силится перейти въ полную свободу, достичь окончательнаго избавленія съ мощною поддержкою природы, но не можетъ высвободиться изъ цѣпей наслѣдственности и воспитанія. Теперь,—кончаетъ онъ:—у насъ есть шедевръ Гауптмана,—это «Колоколь». Я вполне отдаю себѣ отчетъ въ словахъ, и я *осмѣливаюсь поставити его* въ нѣмецкой литературѣ на мѣсто *непосредственно за первую частью «Фауста»*. Гауптманъ снова отыскалъ ту дорогу, какую молодой Гёте открылъ новой поэзіи».

«Потонувшій колоколь»,—говоритъ Брандесъ:—есть въ одно и то же время наиболѣе блестящее и наиболѣе слабое изъ произведеній Гауптмана послѣднихъ лѣтъ,—не менѣе блестящее и не менѣе оригинальное, чѣмъ романы Габріэля д'Аннунціо. Написанная подъ сильнымъ влияніемъ двухъ произведеній Ибсена: «Брандъ» и «Зодчій Сольнесъ», эта драма по своей неясной символикѣ представляетъ скорѣе лирическое, чѣмъ драматическое произведеніе... Автору удалось создать нѣчто цѣльное, удалось создать художественное произведеніе, особенно благодаря музыкальности его языка, — но по плану, заимствованному у Генрика Ибсена».

«Пьеса Гауптмана совершенно нѣмецкая,—пишетъ французскій критикъ К. Мокларъ:—и очарованіе ея отлетаетъ съ переменю языка. И здѣсь дѣло не только въ поэтическомъ стилѣ, а въ самой душѣ

сказки Гауптмана, которая излучается от своей родной земли и от нее только. Здесь тысячи черточек, доставляющих нѣмцамъ безконечное наслаждение, какъ въ деталяхъ, такъ и въ атмосферѣ. Для насъ онѣ остаются закрытыми, какъ терли бы свою прелесть діалоги М. Доннэ для саксонцевъ... Гауптманъ хотѣлъ создать произведение очень и очень мѣстное. Это его право, но въ этомъ и естественное извинение французской публики, принявшей его слабо».

Извѣстный Германъ Баръ, не закрывая глазъ на слабыя стороны драмы, рѣшительно отмѣчаетъ ея прелесть. «Въ ней — вѣчно стремление угнетеннаго жизнью человѣка къ чистому, необъятому и свободному міру грезъ. Это драма для «поздно пришедшихъ», которые чувствуютъ конецъ, зная, что новое время придетъ, когда ихъ уже не будетъ. Это пьеса для печальныхъ и неудовлетворенныхъ, погруженныхъ въ тѣнь. Будущее зоветъ ихъ, но прошлое ихъ не пускаетъ».

«Каждый, у кого есть глаза и уши, — пишетъ Штейгеръ: — чувствуетъ глубокую пропасть между обычными шарманками нашихъ поставщиковъ историческихъ ямбовыхъ драмъ и рѣчами Гауптмана. Тамъ утомительный монотонный трезвопъ, здѣсь истинная музыка, тамъ одни слова, здѣсь — образы, одни лишь образы. Это не намѣренная погоня за ними: истинный художникъ только образами и мыслить. У Гауптмана, какъ у всѣхъ великихъ поэтовъ, слово и образъ сливаются воедино. Мы не только слышимъ его стихи, мы видимъ ихъ».

Примѣняющій въ большинствѣ случаевъ узко-реалистическую точку въ оцѣнкѣ литературныхъ явленій, Бартельсъ не можетъ и при оцѣнкѣ «Колокола» отказаться отъ этой узости. Сказочно-условный и «ненатуральный» складъ драмы заставляетъ его видѣть въ ней не прогрессъ Гауптмана, а ошибку уклоненія отъ натурализма. Но и онъ находитъ «истинныя сказочныя чары въ этомъ произведеніи, которое, по справедливому замѣчанію Штерна, заставляетъ вспомнить объ Арнольдѣ Беклиннѣ. «Я нахожу здѣсь, — пишетъ онъ: — мѣстами захватывающую личную правду, короче, я нахожу самого поэта Гауптмана, прочно стоящаго на почвѣ родной природы и народа. И если даже и въ этомъ произведеніи онъ даетъ только настроеніе и никакихъ типовъ, я все же нахожу въ немъ людей. Тѣ тона, которые прозвучали въ первомъ произведеніи Гауптмана: «Участь прометидовъ» и потомъ откликнулись въ «Ганнеле», онъ довелъ здѣсь до возможной чистоты и красоты».

ПОТОНУВШІЙ КОЛОКОЛЬ.

Сказка-драма.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГЕНРИХЪ, литейщикъ.
МАГДА, его жена.
СЫНОВЬЯ ихъ, 9 и 5 лѣтъ.
ПАСТОРЪ.
ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.
ЦЫРЮЛЬНИКЪ.
СТАРАЯ ВИТТИХА.
ФЕЯ РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.
ВОДЯНОЙ.
ЛѢШІЙ.
ЭЛФЫ.
ЛѢСНЫЕ ГНОМЫ.

Мѣсто дѣйствія—горы и деревня у ихъ подножья.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Горная поляна, окаймленная соснами. Налѣво, на заднемъ планѣ, хижина, полураскрытая подъ нависшей скалой. Направо, близъ лѣвой лѣсной опушки, старый колодець.

На краю колодца сидитъ фея Раутенделейнъ, полуребенокъ, полудѣвушка. Она расчесываетъ свои густые красновато-золотистые волосы, отмахиваясь отъ пчелы, которая назойливо жужжитъ вокругъ нея.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Прочь, золотая пчелка, прочь! Откуда Ты прилетѣла? Собирай съ цвѣтовъ Душистый медь. Не приставай, мѣшаешь Мнѣ бабушкинымъ гребнемъ волоса Расчесывать. Домой—того гляди—

Вернется бабушка, браниться будеть.
Оставь меня! Чего тебѣ далась я?
Вѣдь я не розань, на губахъ моихъ
Нѣтъ меда сладкаго. Лети-ка лучше
Черезъ ручей, туда, къ лѣсной опушкѣ:
Тамъ золотоцвѣтъ растетъ, растутъ фіалки,
Вползи въ ихъ чашечки и пей въ нихъ медъ.
Ну, убирайся же скорѣе, право!
Ты знаешь, бабушка тебя не любитъ:
Она сердита на тебя за то,
Что въ церковь на рождественскія свѣчи
Ты доставляешь воскъ... Эй, эй, дымокъ!
Спустись ко мнѣ скорѣе изъ трубы
И прогони своей струею пчелку!..

(Пчела улетаетъ).

Что, улетѣла! Наконецъ-то!

(Расчесываетъ нѣсколько мгновений волосы, потомъ наклоняется въ колодець и кричитъ)

Дѣдь!

Дѣдь! Водяной!.. Не слышать... Дай спую
Я пѣсенку любимую мою.

Не знаю, откуда пришла я

И выросла гдѣ я,

Не знаю—я птичка лѣсная,

Иль фея.

Но развѣ кто знаетъ:

Откуда цвѣтокъ, что кругомъ

Во мракѣ лѣсномъ

Ароматъ разливаешь?

(Снова кричитъ въ колодець)

Водяной дѣдушка! Поднимись - ка наверхъ. Бабушка
ушла въ лѣсъ. Мнѣ скучно одной! Расскажи мнѣ что-ни-
будь. Потѣши меня. Я за это утащу для тебя ночью чер-
наго пѣтуха изъ курятника. Слышишь?

Вотъ заплескалъ, забулькалъ. Побѣжали

Серебряные шарики. Сейчасъ

Онъ вынырнетъ и зеркало колодца,

Въ которое я весело люблюсь,

Онъ разобьетъ косматой головою...

(Смотритъ въ колодець и говоритъ со своимъ отраженіемъ)

А, здравствуй, милочка! Какъ звать тебя?

Раугенделейнтъ? Вѣдь ты себя считаешь

Красивѣе всѣхъ дѣвушекъ на свѣтѣ?
Что? что ты говоришь? Ты на себя
Указываешь? Да, ты хороша,
Какъ фея. Волосы твои соткали
Изъ солнечныхъ лучей, и тамъ, въ водѣ,
Они блестятъ, какъ золотая сѣтка,
Для золотыхъ раскинутая рыбокъ.
Ты хочешь быть прекраснѣе меня?
Ахъ, глупенькая дѣвочка! Я брошу
Въ колодець камень, и исчезнешь ты
Со всей своей чудесной красотой,
А я такой же, какъ была, останусь!..

Дѣдушка! Водяной дѣдушка! Да выходи же. Помоги мнѣ
скоротать время. А, вотъ и онъ!

(Водяной поднимается изъ колодца до груди).

Ха-ха-ха! Ну, и хорошъ же ты, дѣдушка! Вотъ всякій
разъ такъ: кличешь тебя, а какъ ты вылѣзешь, такъ му-
рашки отъ страху забѣгаютъ.

Водяной. Брекекекексъ!

Раутенделейнъ (передразнивая). Брекекекексъ. Только и
знаешь! Весной пахнетъ, а ты дивишься этому. Всѣ это
чуютъ—и послѣдняя ящерица, и комаръ, и земляной чер-
вякъ, и форель въ ручьѣ, и выдра, и водяная мышь, и
муха, и всякая былинка. А водяной дѣдушка ничего-ничего
не подозрѣваетъ.

Водяной (злится и надувается). Брекекекексъ!

Раутенделейнъ. Что ты заспался, что ли? Ничего не
видишь, не слышишь.

Водяной. Брекекекексъ, какъ ты дерзка! Ахъ, ты,
обезьяна, обезьяна! Выдра ты рѣчная, ниголица, скорлупка
отъ яйца кузнечика! Я бы тебѣ и еще сказалъ... квораксъ!
квораксъ!

Раутенделейнъ. Ну, что ты осерчалъ, дѣдушка. Я и
безъ тебя попляшу. У меня всегда найдутся товарищи: на
то я красива, мила и молода. (Поеть)

Я мила, я молода!

Лѣшій (за сценой) Го-го-го!

Раутенделейнъ.

А, Лѣшенька! поди сюда, поди,

Со мною попляши.

(Лѣшій съ козлиными ногами и козлиной бородой выскакиваетъ на
полянѣ, комически припрыгивая).

Лѣшій.

Я не умѣю
Плясать по-вашему, зато въ прыжкахъ
За мною и козлу не угоняѣся.
А если прыгать ты со мной не хочешь,—
Пойдемъ-ка, феечка, туда, въ кусты,
Тамъ не слышать ни пѣнья пѣтуха,
Ни бульканья ручья. Тамъ я потѣшу
Тебя игрой на дудочкѣ волшебной. (Обнимаетъ ее).

Раутенделейнъ (вырываясь).

Къ себѣ зовешь меня ты?
Ахъ, ты, косматый!
Ахъ, козьи ноги!
Живи въ своей берлогѣ,
Подъ старую сосною,
Съ лѣшачихой-женою.
Пусть, коли ей не лѣнь,
Она родить тебѣ каждый день
Лѣшенятъ грязныхъ
И безобразныхъ;
А въ воскресенье заразъ четверыхъ:
Вотъ въ недѣлю-то ихъ
И выйдетъ ровно десятокъ
Козленятокъ!
Ха - ха - ха!.. (Убѣгаетъ въ хижину).

Водяной. Брекекекексъ, экая проказница, чтобъ се
черти взяли!

Лѣшій (бросившійся - было за феей,
возвращается).

Недурно бы прибрать ее къ рукамъ.

(Вынимаетъ короткую трубку и закуриваетъ, черкнувъ
огнивомъ объ копыто. Молчаніе).

Водяной.

Ну, какъ дѣда у васъ въ лѣсу?

Лѣшій.

Да такъ, понемножку,
Изъ кулька въ рогожку.
У васъ тутъ внизу тепло, благодать,

А у насъ наверху, въ горахъ,
Какъ начнетъ грова бушевать,
Такъ просто а-ахъ!
Тучи несутся, несутся
Да потомъ дождемъ разольются:
Изволь въ сырости—мокрофъ жить.
Свинство одно—что и говорить!

Водяной. Новенькаго ничего нѣтъ?

Лѣшій. Вчера была новинка: поѣлъ перваго щавелю. А сегодня поутру вышелъ прогуляться въ нашъ большой лѣсъ, спускаюсь по скаламъ, глядь — люди землю роютъ, ломаютъ камень. Сущій грабежъ! Вѣрно, хотятъ строить часовни да церкви. Терпѣть не могу проклятаго колокольнаго звона.

Водяной. Да, не очень-то всеело гудить.

Лѣшій. Вонъ, погляди, тамъ, на самомъ краю обрыва новая церковь. Расписныя стекла. Колокольня высокая, крестъ въ самое небо. Кабы не я, съ этой колокольни ревомъ ревелъ бы колоколъ и мучилъ насъ своимъ гуднѣемъ. А теперь онъ лежитъ на днѣ озера. Да, ловкая вышла штука! Стою я, прислонясь къ сосновому пню, пожевываю травку да смотрю на церковь. Вдругъ изъ травы ко мнѣ прыгъ русалочка. И начала болтать. «У насъ, говорить, теперъ около озера кипить работа: лягушки икру иечуть», и пошла, и пошла. «А люди, говорить, изъ долины наверхъ что-то везутъ, кадушку, что ли, какую-то желѣзную. Хлопаютъ бичами, кричатъ. Даже смотрѣть страшно. Толкують, что эту штуку люди жетятъ поднять высоко-высоко, на колокольню, да каждый день въ нее бить желѣзнымъ языкомъ, чтобы пугать и мучить всѣхъ добрыхъ духовъ». Ну, говорю я, это мы еще посмотримъ. Русалочка ушла, а я тотчасъ же къ стаду козъ. Велася насосался молока. Цѣлыхъ три ведра выдулъ: «го-го-го, думаю себѣ, пусть-ка теперъ подоить козочекъ скстинца,—ни капельки не выдоить». А потомъ—сталъ я на краю скалы. Тутъ должны были пробхать и лошади и люди. Хорошо. Поползъ я за ними слѣдомъ, прячась за камнями и кустарникомъ. Восемь здоровыхъ ломовыхъ лошадей танцили чудовище. Храпятъ, натуживаются въ упряжки. Остановятся, запыхавшись, ноги дрожатъ. А потомъ опять примутся тащить. Смекнулъ я, какъ лѣшій, что надо коньковъ избавить отъ лишняго труда, да и хватъ за колесо. Спица треснула. Колоколъ

покачнулся, а я еще подтолкнулъ повозку: онъ и рухнулъ въ озеро. Какъ онъ прыгаль по камнямъ, ухъ, ухъ, ухъ! Какъ гудѣлъ: только эхо отдавалось. Внизу съ плескомъ приняли его глубокія воды. Пусть онъ тамъ и останется: ему тамъ спокойно лежать.

(Во время разказа Лъшаго начало смеркаться. Нѣсколько разъ въ лѣсу раздавались крики о помощи. Входитъ литейщикъ Генрихъ, измученный, съ блѣднымъ, грустнымъ лицомъ. Онъ съ трудомъ пробирается къ хижинѣ. Лъшій немедленно скрывается. Водяной причется въ колодець).

ГЕНРИХЪ.

Я заблудился. Помогите! Въ пропасть
Свалился я. Послушайте! Откройте
Мнѣ дверь... Ахъ, я не въ силахъ больше...

(Падаетъ безъ чувствъ на траву. Пурпуровыя облака плывутъ надъ горами. Солнце зашло. Легкій ночной вѣтерокъ. Старая Виттиха съ корзиной на спинѣ выходитъ изъ лѣсу. У нея сѣдая, непокрытая голова; лицо похоже на мужское; подбородокъ обросъ пухомъ).

Виттиха. Рутандля! Поди-ка сюда, помоги мнѣ стащить корзину. Больно ужъ я нагрузилась. Рутандля! Да иди же! Силушки моей не хватаетъ. Куда это дѣвка запропастилась? (Пролетаетъ летучая мышь). Эй, эй, мышка, постой-ка. Звякни крыломъ въ оконце: тутъ ли дѣвчонка-то моя? Кликни ее, пусть идетъ сюда. Охъ, быть сегодня ненастью. (Грозитъ небу, на которомъ блеститъ блѣдная зарница) Ну, ну, полегче, Торъ! Не очень-то сверкай своей красною бородою. Эй, Рутандля! (Обрацаясь къ шмыгнувшей мимо бѣлкѣ) Бѣлочка, бѣлочка, у тебя проворныя ноги, я дамъ тебѣ орѣшкови: сбѣгай-ка, покличь Рутандлю. (Увидѣвъ лежащаго Генриха) Это чтò такое? Кто это тутъ валяется? Эй, ты, парень? Кажись, не слышитъ. Ужъ не мертвый ли? Рутандля! Вотъ еще напасть! И безъ того мнѣ надоѣли пасторъ и бургомистръ. И такъ загнали, какъ собаку. А коли найдутъ у меня мертвое тѣло, такъ прощай моя избушка. Снять ее, какъ лучинку. Эй, парень! Вставай! Не слышитъ... (Раутенделейнъ выходитъ изъ хижины и оглядывается вопросительно). Ну, наконецъ-то пожаловала. Глянь-ка сюда: у насъ гость, да еще какой! Тихій, смиренный. Тащи-ка охапку сѣнца да постели ему.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ. Въ избѣ?

Виттиха. Ну, вотъ еще — въ избѣ! Здѣсь постели. Не принтъ какой—въ горницѣ валяется. (Уходить въ хижину).

(РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ выходитъ изъ хижины съ охапкой сѣна. Становится на колѣни около Генриха. Онъ открываетъ глаза).

ГЕНРИХЪ.

Гдѣ я? Скажи мнѣ, доброе дитя.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Въ горахъ.

ГЕНРИХЪ.

Въ горахъ? Но какъ сюда попалъ я?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Не знаю. Перестань объ этомъ думать,
Вотъ мохъ и сѣно. Лягъ и отдохни.
Тебѣ покой необходимъ.

ГЕНРИХЪ.

Ты правду

Сказала. Успокойся мнѣ надо.
Но не могу я, не могу...

Хочу (тревожно)

Я знать: какъ это все со мной случилось?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Я, какъ и ты, не знаю.

ГЕНРИХЪ.

Это сонъ...

Я сплю, и мнѣ во снѣ все это снится.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вотъ молоко. Ты обезсиленъ. Надо
Тебѣ напитокъ.

ГЕНРИХЪ.

Дай. (Пьетъ изъ кружки, которую она придерживаетъ).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Сдается мнѣ,

Что не привыченъ ты къ горамъ. Должно-быть,
Ты изъ породы тѣхъ людей, что тамъ
Живуть, въ долинѣ. Вотъ намедни тоже
Одинъ охотникъ, за козой гоняясь,
Сорвался и убился на-смерть здѣсь.
Мнѣ кажется однако, что онъ былъ
Совсѣмъ не то, что ты.

ГЕНРИХЪ (пристально и съ восторженнымъ удивленіемъ смотритъ на нее).

О, говори,
Еще, еще!.. Твое питье—услада,
Но рѣчь твоя еще мнѣ слаще.

(Снова ослабѣваетъ, одолевасмый своимъ мыслями).

Да,
Онъ былъ не то, что я, онъ былъ сильнѣе,
И все-жъ упалъ онъ... Говори, дитя,
Еще, еще...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Что толку въ разговорахъ,
Пойду-ка лучше зачерпну воды
Въ колодезь свѣжей и тебѣ омою
И пыль и кровь съ лица.

ГЕНРИХЪ (умоляющимъ голосомъ).

Постой, стой,

Не уходи!

(Раутенделейнъ, которую онъ удерживаетъ за руку, останавливается въ нерѣшимости).

ГЕНРИХЪ.

Смотри въ мои глаза
Загадочными, чудными очами.
Ты знаешь ли, въ твоихъ очахъ сіяетъ
Весь Божій міръ прекрасный: горы, небо
И облачка летящія, какъ птицы,
И снова манитъ онъ меня привѣтно...
Не уходи, дитя, не уходи.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Коль хочешь, я останусь.

ГЕНРИХЪ (въ лихорадочномъ жару,
умоляя).

Да, останься,
Останься... Ты—дитя. Не знаешь ты,
Чѣмъ для меня ты можешь быть... Останься
И не буди меня... Я расскажу,
Какъ я упалъ... нѣтъ, нѣтъ, я буду

Твой слушать голосъ чистый и небесный..
Что-жь ты замолкла? Отчего, дитя,
Не говоришь ты, не поешь?.. Упалъ я,—
Вѣдь я тебѣ сказалъ... Не знаю, какъ
Случилось это... Скалы подо мною
Обрушились, нарочно-ль я упалъ
Или нечаянно—Богъ вѣсть... Сорвался
И покотился въ пропасть...

(Возбужденно)

Но успѣлъ

За вѣтку дикой вишни ухватиться,
Да, да, за вѣтку вишни... Изъ скалы
Она росла... Вдругъ вѣтка обломилась,
А я, держа ее въ рукѣ и весь
Осыпанный цвѣтами съ дерева,
Понесся въ бездну темную и умеръ...
Но вотъ теперь я живъ... Скажи, скажи,
Что умеръ я. Скажи, чтобъ не будили
Меня теперь.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мнѣ кажется, ты живъ.

ГЕНРИХЪ.

Не знаю. Прежде этого не зналъ я:
Не зналъ, что жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь.
(Съ тоскою)

Да, я упалъ. И колоколь упалъ.
Упали оба мы: и онъ и я.
Я прежде, онъ за мной. Иль это было
Наоборотъ? Кто знаетъ! Все равно:
То было въ жизни, а теперь я умеръ...
(Ласково)

Не отходи! Рука моя блѣдна,
Отяжелѣла, какъ свинець, мнѣ трудно
Ее поднять. Волна твоихъ волосъ
Ее цѣлить, какъ воды Силоама.
Какъ ты прекрасна... О, не уходи...
Моя рука честна, а ты—святая...
Тебя я видѣлъ раньше... Гдѣ-жь я видѣлъ?..
Вѣдь для тебя я долго такъ боролся...
О, я хотѣлъ, чтобъ колокола мѣдъ

Звучала голосомъ твоимъ небеснымъ
И сочеталась съ золотомъ лучей
Въ воскресный день сіяющаго солнца!
Достичь такого совершенства я
Не могъ, не могъ... и плакалъ я слезами
Кровавыми...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты плакалъ? Какъ же такъ?
Я не могу понять. Что значить—слезы?

ГЕНРИХЪ (силаясь приподняться).

Приподними меня, приподними,
Прелестное видѣнье.

(Она приподнимаетъ Генриха).

Если сердцемъ
Ты мнѣ сочувствуешь,—освободи
Меня своею любящей рукою
Отъ этой жизни, отъ земли суровой,
Гдѣ пригвожденъ я будто на крестѣ.
Освободи меня! Ты это можешь.
Ты можешь также снять вѣнокъ терновый,
Что сжалъ мнѣ лобъ. Не нужно мнѣ вѣнка.
Я одного хочу: любви.

(Онъ принимаетъ полулежащее положеніе. Утомленно)

Благодарю,

Вотъ такъ.

(Растерянно)

Здѣсь хорошо. Шумятъ деревья,
И сосны темныя какъ будто руки
Привѣтливо протягиваютъ мнѣ,
Торжественно качая головами;
И вѣтъ лѣсъ какой-то чудной сказкой...
Да, сказкой. Это сказка шепчетъ тамъ
И шелеститъ листочками, и пѣсни
Поетъ въ травѣ... Смотри, смотри—она
Идетъ сюда въ одеждѣ изъ тумана
И на меня показываетъ блѣднымъ,
Прозрачнымъ пальцемъ... ближе, ближе... вотъ
Коснулась слуха моего и взора
И вдругъ исчезла—ты одна осталась...
Ты—сказка. Сказка, поцѣлуй меня.

(Впадаетъ въ обморокъ).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (про себя).

Ты странно говоришь. Не понимаю
Тебя я.

ГЕНРИХЪ (въ бреду).

Сказка, поцѣлуй меня.

(Смерклось).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (пристально вглядывается въ него и вдругъ
вскрикиваетъ въ ужасъ и тоскѣ). Бабушка!

ВИТТИХА (изъ хижины). Чтò, внучка?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ. Поди, поди сюда!

ВИТТИХА. Ступай сама сюда. Надо развести огонь.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ. Бабушка, помоги ему! Онъ умираетъ,
бабушка!

(На порогъ хижины появляется Виттиха. Въ одной рукѣ у ней
горшокъ молока, другою она манитъ кошку).

Кисъ, кисанька, ко мнѣ!

(Обращаясь къ лежащему Генриху)

Ну, чтò тамъ за-напастъ? Умеръ онъ, что ли? На то онъ
и человѣческое отродье, чтобы умереть. Кисъ, кисъ! Вотъ
твое молочко. Гдѣ же кисанька?

Сюда! Ко мнѣ!
Лѣсные гномы!
Вотъ молоко—
Вамъ полакать,
Вотъ мягкій хлѣбъ—
Вамъ пожевать.

(Десять маленькихъ уродливыхъ гномовъ торопливо выбѣ-
гаютъ изъ чащи и бросаются къ криницѣ съ молокомъ).

Потише, потише!
Распрыгались, словно мыши.
Чтò за возня?
Каждому кусочекъ
Каждому глоточекъ
Есть у меня.
Такъ торопиться
Совсѣмъ не годится:
Каждый бери свою долю.
Поѣли, допили въ волю

И убирайтесь:
Въ лѣсъ возвращайтесь!

(Гномы убѣгаютъ въ лѣсъ. Выходитъ луна. На скалѣ, надъ избушкой, показывается Лѣшій. Приложивъ руки ко рту въ видѣ трубы, онъ кричитъ, подражая эху).

Лѣшій. Помогите! Помогите!

Виттиха. Что тамъ еще стряслось?

(Издалека въ лѣсу слышны крики: «Генрихъ! Генрихъ!»).

Лѣшій. Помогите! Помогите!

Виттиха. Полно-ка тебѣ морочить людей своими глупыми проказами. Извѣстно, что тебѣ любо: украсть у крестьянина посуду, взбѣсить собаку, завести путника на болотистыя кочки, чтобы онъ голову потерялъ да ноги поломалъ.

Лѣшій.

Смотри, бабка,
У самой-то подъ ногами не гладко.
Побереги свои старыя кости.
Къ тебѣ идутъ важные гости:
Цырюльникъ съ мыломъ и бритвой,
Школьный учитель съ линейкой
Да господинъ пасторъ съ молитвой.
Потолкуютъ съ тобой, старой лиходѣйкой.
(Крики ближе: «Генрихъ!»).

Лѣшій.

Помогите!

Виттиха.

О, проклятый орало!
Чтобъ тебя разорвало!
Накликалъ гостей мнѣ на шею.
(Грозитъ Лѣшему кулакомъ).
Ну, да я отплатить тебѣ сумѣю,
Подожди уже вотъ:
Нападетъ на тебя комаръ да оводъ:
Такъ начнутъ кусаться,
Что не будешь знать, куда дѣваться!

Лѣшій (злорадно).

Ну, бабушка, эта бѣда
Пожалуетъ ко мнѣ еще когда!
А твой-то гости ужъ идутъ сюда.
(Скрывается).

Виттиха. Пускай ихъ идуть. Какое мнѣ до нихъ дѣло. (Обращаясь къ Раутенделейнъ, которая не можетъ оторвать глазъ отъ Генриха) Ступай въ избу. Гаси огонь. Пора спать. Проворнѣй, проворнѣй!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (мрачно и упрямо). Не хочу.

Виттиха. Не хочешь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ. Не хочу, бабушка.

Виттиха. Что такъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ. Они возьмутъ его.

Виттиха. Ну такъ что-жь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ. Не надо, чтобы брали.

Виттиха. Полно, полно, дѣвка. Пойдемъ. Оставь его. Пусть себѣ лежитъ. Пусть они дѣлають съ нимъ, что хотять. Вѣдь долженъ же онъ помереть. Ну, и пусть помираетъ. Такъ-то лучше будетъ: перестанетъ мучиться тѣломъ и душою.

Генрихъ (въ бреду). Восходитъ солнце!

Виттиха. Вишь ты: не видываль онъ солнца. Пойдемъ. Пускай лежитъ. Я вѣдь добра тебѣ желаю.

(Уходитъ Раутенделейнъ, оставшись одна, прислушивается. Снова слышны крики: «Генрихъ! Генрихъ!». Она проворно ломаетъ вѣтку въ цвѣту).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (чертитъ вѣткой кругъ, приговаривая).

Волшебной вѣткой кругъ черчу волшебный,

Какъ бабушка меня учила.

Останься здѣсь. Въ моей ты будешь власти.

Пусть не подступится никто къ тебѣ—

Ни дѣвушка, ни мальчикъ, ни мужчина.

(Скрывается въ темнотѣ).

(Пасторъ, цырюльникъ и школьный учитель выходятъ одинъ за другимъ изъ лѣсу).

ПАСТОРЪ. Я вижу свѣтъ.

УЧИТЕЛЬ. И я тоже.

ПАСТОРЪ. Гдѣ же мы?

ЦЫРЮЛЬНИКЪ. Богъ знаетъ. Вотъ опять кричать: «помогите, помогите!».

ПАСТОРЪ. Это голосъ мастера Генриха.

УЧИТЕЛЬ. Я ничего не слышу.

ЦЫРЮЛЬНИКЪ. Голосъ слышится оттуда—сверху.

УЧИТЕЛЬ. Сверху? Но какъ же это такъ? Вѣдь если бы можно было падать на небо, такъ это могло бы быть. Но

всегда падаютъ какъ разъ наоборотъ: съ горы въ долину, а не изъ долины въ гору. Я готовъ поклясться душой: мастеръ лежитъ тамъ, футовъ на пятьдесятъ ниже. А не здѣсь наверху.

Цырюльникъ. Фу, ты, пропасть! Да развѣ вы не слышали, какъ кричалъ тутъ? Если это не былъ голосъ мастера Генриха, такъ я готовъ обрить бороду самому Рубецалю! Это такъ же вѣрно, какъ то, что я знаю свое ремесло. Вотъ опять зоветъ,—слышите, слышите?

Учитель. Гдѣ?

Пасторъ. Прежде всего, господа, объясните мнѣ, гдѣ мы теперь? У меня все лицо исцарапано. Я едва волочу ноги. Подошвы ноютъ. Я дальше не пойду.

(Снова крикъ: «помогите!»).

Пасторъ. Опять кричатъ.

Цырюльникъ. И близехонько отъ насъ. Десяти шаговъ не будетъ.

Пасторъ (садится въ изнеможеніи). Меня будто четверговали. Право, четверговали, любезные друзья. Я не въ силахъ идти дальше. Ради Бога, оставьте меня здѣсь. Бейте меня до синяковъ,—я не двинусь съ мѣста. Я больше не могу. Такой торжественный праздникъ и какъ окончился! Праведное небо, кто бы могъ это подумать. А этотъ колоколъ! Лучшее созданіе благочестиваго мастера—и вдругъ въ воду! Ахъ, ахъ, пути Провидѣнія неисповѣдимы.

Цырюльникъ. Вы, господинъ пасторъ, спрашивали, гдѣ мы? Такъ позвольте вамъ дать добрый совѣтъ: уйдемте отсюда поскорѣй. Я лучше соглашусь голымъ переночевать въ осиномъ гнѣздѣ, чѣмъ тутъ. Вѣдь это—да охранить насъ Богъ!—та самая поляна, гдѣ стоитъ лачуга старой Виттихи. Проклятая вѣдьма! Уйдемте, уйдемте скорѣй!

Пасторъ. Я не могу двинуться.

Учитель. Да, да, уйдемте, прошу васъ. Колдовство—ничего, колдовства я не боюсь. Но хуже этого мѣста не найти. Тутъ притонъ всякой сволочи, воровъ. Объ этомъ мѣстѣ въ народѣ худая молва. Тутъ разбойничаютъ, убиваютъ. Это похуже колдовства.

Цырюльникъ. Господинъ учитель, вы сильны въ таблицѣ умноженія. Не отрицаю. Но есть еще кое-что, кромѣ таблицы умноженія. Не дай вамъ Богъ узнать, чтò такое колдовство. Тутъ въ своей норѣ прикурнула вѣдьма, безобразная, какъ жаба. Она вамъ пошлетъ всякое лихо: болѣзнь въ домъ, чуму на вашъ скотъ, коли онъ у васъ есть. Коровы

начнуть давать кровь вмѣсто молока, у овецъ разведется червь, на лошадей найдеть сапъ. У дѣтей будетъ цынга, а то и еще хуже, коли вздумается вѣдьмѣ: зобы, нарывы.

Учитель. Ну, вы фантазируете. Ночь затемнила вамъ разсудокъ. Толкуете о вѣдьмахъ. А я вамъ говорю—я своими глазами видѣлъ его.

Пасторъ. Кого?

Учитель. Да кого мы ищемъ: мастера Генриха.

Цырюльникъ. Э-э, господинъ учитель, это колдунья кричала его голосомъ.

Пасторъ. Да, тутъ замѣшалась нечистая сила.

Учитель. Какая тамъ нечистая сила! Дважды-два — всегда четыре, а не пять. Никакихъ вѣдьмъ не существуетъ. А вотъ тамъ дѣйствительно лежитъ нашъ мастеръ-литейщикъ. Въ это я такъ же вѣрю, какъ въ спасеніе моей души. Вотъ смотрите, смотрите, луна выходитъ изъ-за тучи. Теперь видно, господа. Ну, развѣ я не правъ?

Пасторъ. Въ самомъ дѣлѣ это нашъ мастеръ.

Цырюльникъ. Мастеръ-литейщикъ!

(Всѣ трое бросаются туда, гдѣ лежитъ Генрихъ, но не могутъ переступить волшебный кругъ и отшатываются въ разные стороны).

Пасторъ. Ой!

Цырюльникъ. Ой!

Учитель. Ой!

(Съ вѣтвей сосны соскакиваетъ Раутенделейнъ и, мелькнувъ на мгновеніе, исчезаетъ съ демоническимъ насмѣшливымъ хохотомъ).

Раутенделейнъ. Ха-ха-ха! (Пауза).

Учитель (въ недоумѣніи). Чтò это такое было?

Цырюльникъ. То-то вотъ: чтò это такое было?

Пасторъ. Слышался смѣхъ.

Учитель. У меня искры посыпались изъ глазъ. Точно кто обухомъ по головѣ хватилъ.

Пасторъ. Вы слышали смѣхъ?

Цырюльникъ. Я слышалъ. Кто-то смѣялся и скрежеталъ зубами.

Пасторъ. Кто-то захоталъ. Вонъ тамъ, на соснѣ, чтò качается теперь, освѣщенная блѣдной луною. Да, вонъ тамъ, гдѣ сейчасъ пролетѣла и прокричала сова.

Цырюльникъ. Ага, теперь вы вѣрите тому, чтò я говорилъ про вѣдьму? Ну-съ, чтò же, вы хорошо себя чувствуете? Или у васъ, какъ у меня, мурашки по спинѣ? Говорю вамъ: тутъ вѣдьма, исчадье сатаны.

Пасторъ. Кто бы тутъ ни былъ, мы войдемъ туда. Лукавство сатаны выразилось уже въ томъ, что онъ сбросилъ съ обрыва и колоколь, и благочестиваго мастера, его соорудившаго. Но насъ подкрѣпитъ небо. Я постучусь въ эту лачугу.

Цырюльникъ. Не дѣлайте этого.

Пасторъ. Нѣтъ, постучусь. (Стучится въ дверь хижины).

Виттиха (за дверью). Кто тамъ?

Пасторъ. Христіанинъ.

Виттиха. Христіанинъ или язычникъ,—что вамъ надо?

Пасторъ. Женщина, именемъ Бога, котораго ты не признаешь...

Виттиха. Вишь ты какъ благочестиво начинаешь...

Учитель. Заткни глотку, проклятая вѣдьма! Ни слова больше. Мѣра переполнена, и твой часъ пришелъ! За твою гнусную жизнь и твои гнусныя дѣла тебя ненавидятъ въ народѣ. Если ты не будешь дѣлать, что тебѣ велятъ, смотри: къ утру на твоей лачугѣ запоетъ красный пѣтухъ. Взлетитъ твое дьявольское гнѣздо дымомъ.

Цырюльникъ (труся). Я не боюсь твоего сглаза, кошка проклятая. Что ты глазѣшь на меня? Куда бы ты ни взглянула, я отчураюсь. Вотъ плюю и говорю: чурь меня!.. Ну, выдавай его, тебѣ говорятъ.

Пасторъ. Женщина, оставь свои дьявольскія козни. Вотъ тутъ лежитъ мастеръ-литейщикъ, Божій слуга, которому данъ свыше даръ...

Виттиха (подвигаясь туда, гдѣ лежитъ Генрихъ). Ну, ну, довольно. Берите его, коли онъ вамъ нуженъ. Мнѣ-то что? Развѣ я ему что-нибудь сдѣлала? Пусть себѣ живетъ, коли можетъ. Только, кажется, долго-то не проскрипитъ. Вишь ты, мастеръ! Его мастерство для насъ не важно. Вѣдь это вамъ только любо слушать звонъ колокола, что отлилъ этотъ парень: у васъ такія уши, которыя ничего не слышатъ... Что-жъ, берите носилки, тащите его домой, вашего великаго мастера! Вставай! Ты нуженъ пастору, чтобы помогать ему говорить проповѣди; учителю, чтобы помогать сѣчь ребятъ; цырюльнику, чтобы помогать взбивать мыло.

(Генриха кладутъ на носилки; цырюльникъ и учитель поднимаютъ ихъ).

Пасторъ (Виттихѣ). Порочная, безстыдная баба! Замолчи. Иди своей дьявольской дорогой. Иди...

Виттиха. Будетъ, будетъ. Мнѣ не нужно проповѣди. Я знаю, по-вашему, все на землѣ — грѣхъ. Земля — большой гробъ. Голубое небо — крышка на гробѣ. Охъ, проповѣдники! На себя бы сперва вы посмотрѣли. Вы-то больно хороши...

Пасторъ. Замолчишь ли ты, слуга дьявола!
Цырюльникъ. Ради Бога, не раздражайте проклятую
вѣдьму. Не то намъ придется плохо.

(Пасторъ, учитель, цырюльникъ уходятъ, унося Генриха).
(Мѣсяць выходитъ изъ-за тучъ. Ночная тишина. Появляется изъ лѣсу
первая, вторая и третья эльфы и кружатся, сплетаясь руками).

Сестры!
ПЕРВАЯ (шопотомъ).

Сестры!
ВТОРАЯ.

ПЕРВАЯ.
Надъ скалою
Блѣдный мѣсяць въ облакахъ,
И прохладной вѣть мглою
И въ ущельѣ и въ горахъ,
И на озерѣ волна
Спитъ недвижно-холодна.

ВТОРАЯ.
Ты откуда?

ПЕРВАЯ.
Тамъ, гдѣ съ кручъ
Льется бурный водопадъ,
Гдѣ, дробя сребристый лучъ,
И грохочутъ и шумять,
Брызжа пѣною, валы,—
Изъ расщѣдины скалы
Вышла я, чтобъ видѣть васъ.

ТРЕТЬЯ.
Въ часъ ночной, волшебный часъ,
Заводите хороводы!

ВТОРАЯ.
Ты откуда?

ТРЕТЬЯ.
Тамъ, у скалъ,
Блещетъ озеро кристалль,
Въ глубину бездонныхъ водъ
Смотрятъ звѣзды, золотясь.
При сіяніи луны,
Изъ серебряной волны

Я взвилась и понеслась
Въ чистомъ воздухѣ небесъ
Черезъ горы, черезъ лѣсъ.

ЧЕТВЕРТАЯ (появляется).

Сестры!

ПЕРВАЯ.

Къ намъ, сестра, сюда!

Всѣ.

Вейтесь въ сумракъ ночномъ!

ЧЕТВЕРТАЯ.

Изъ сосѣдняго пруда
Я всплыла тайкомъ, тайкомъ.

Всѣ.

Заводите хороводъ!

(Молнія блещетъ чаще и чаще. Вдали раскаты грома. Раутенделейнъ появляется на порогѣ хижины и останавливается, закинувъ руки за голову. Луна освѣщаетъ ее).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Эльфы!

ПЕРВАЯ.

Кто-то насъ зоветъ?

ВТОРАЯ.

Ахъ, проклятый, старый сукъ!
Разорвалъ онъ платье мнѣ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Эльфы, въ вашъ волшебный кругъ
Я хочу, чтобъ при лунѣ
Закружиться съ вами въ ладъ.
Поглядите, мой нарядъ
Сотканъ весь изъ серебра:
Это бабушка ткала.
Эльфа, смуглая сестра,
Посмотри, и я смугла,
Звѣздъ лучи въ моихъ глазахъ.
Эльфа свѣтлая, въ кудряхъ
Золотистыхъ, посмотри:
Краснымъ пламенемъ зари

Волоса мои блестятъ,
Льютъ волну вслѣдъ за волной
На плеча, вокругъ смуглыхъ щекъ:
Точно быстрый ручеекъ
Золотится подь луной.

ЭЛЬФЫ (хоромъ).

Чась полуночный насталь,
Вейтесь, вейтесь и пляшите!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Въ воду колоколь упаль:
Гдѣ лежитъ онъ, гдѣ—скажите?

ЭЛЬФЫ.

Слышенъ громъ. Гроза идетъ.
Заводите хороводъ!
Легкой, рѣзвою ногою
Не касайтесь земли:
Тамъ, унизаны росюю,
Маргаритки расцвѣли,
Тамъ синѣють незабудки.

(Лѣшій выскакиваетъ козлиными прыжками. Гроза усиливается. Въ продолженіе слѣдующей сцены сильные удары грома и ливень).

ЛѢШІЙ.

А вотъ я вдругъ наскочу—
Ихъ копытомъ растопчу!
Лѣшій я, мнѣ любы шутки!
Если брызги—разъ и два!—
Вдругъ взлетаютъ изъ болота,
Иль шуршитъ въ лѣсу трава:
Это все моя работа!
Темной ночью, въ свѣтѣ дня,
Жизнь кипитъ вокругъ меня.
Жизнь всю тварь веселью учитъ
И къ любви всю тварь зоветъ:
Отвѣчаетъ кошкѣ котъ,
Чуть кошурка замаячитъ;
Зареветъ на сѣнѣ быкъ—
Отзовется телка вмигъ;
Мошки, малыя пичужки,
Лошадь, заяцъ и олень,
Жабы, бабочки, лягушки,—

Всѣ хлопочуть о подружкѣ,
Никому любить не лѣны!

(Хватаетъ одну изъ эльфъ и убѣгаетъ съ нею въ лѣсъ. Остальныя эльфы разбѣгаются. Раутенделейнъ стоитъ одна, задумавшись. Гроза утихаетъ).

Водяной (поднимается изъ колодца).

Брекекекексъ! Эй, дѣвочка, что ты стоишь тутъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ахъ, милый дѣдушка, мнѣ грустно, грустно.

(Трогаетъ пальцемъ лѣвый глазъ).

Смотри-ка, что такое у меня?

Водяной.

А что?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да вотъ, въ глазу.

Водяной.

Въ твоемъ глазу?

Ну, что-жъ такое! Покажи-ка?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Видишь,

Упала капелька мнѣ въ глазъ.

Водяной.

Не съ неба-ль?

Поди сюда, я погляжу.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (показываетъ ему слезу на пальцѣ).

Смотри:

Какая свѣтлая!

Водяной.

Ахъ, что за прелести!

Не хочешь ли, обдѣлаю ее

Я въ розовую раковину?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ладно.

Я положу ее на край колодца.

Но что же это, дѣдушка, скажи?

Водяной.

Прекрасный бриллиантъ. Онъ отражаетъ
И радость міра и печаль. Слезой
Его зовутъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Слезой? Да, мнѣ сдается,
Я плакала. Теперь я поняла,
Что значить плакать, что такое слезы!
Скажи, скажи еще мнѣ что-нибудь...

Водяной.

Поди ко мнѣ, дитя мое.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Зачѣмъ же?

И такъ мы можемъ говорить съ тобой.
Колодець твой и старъ и мокръ. Въ немъ плѣсень
Да паутина. Мнѣ противенъ онъ.
И ты противенъ.

Водяной.

Брекекекексъ!

Какъ это жалко.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вотъ еще, еще

Такая-жъ капелька.

Водяной.

Весенній дождикъ!

Вдали грохочетъ Торъ. Сверкаетъ пламень
Отъ бороды его, и молній свѣтъ
Прорѣзываетъ тучи, а подъ ними
Въ испугѣ стая вороновъ взвилась.
Ты чуешь ли, дитя, какъ мать-земля,
Измученная жаждой, влагу пьетъ,
Какъ травки, и деревья, и букашки,
И черви радуются блеску молній?
Квораксъ!

(Молнія).

Небесный мастеръ зажигаетъ
Въ долину свой костеръ. Вотъ застучалъ

Желѣзный молотъ, и на сотню версть
Вдругъ искры разлетѣлись. Колокольня
Колеблется и рушится, и дымъ
Надъ нею клубомъ повалилъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Довольно!

Разсказывай о чемъ-нибудь веселомъ.

Водяной.

О чемъ-нибудь веселомъ? Чтò же знать
Ты хочешь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ничего. Ты надоѣлъ мнѣ.

Водяной.

Ты разсердилась?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Нѣтъ.

Водяной.

Такъ что-жъ съ тобой?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Со мною вотъ чтò: я-бъ уйти хотѣла
Отъ всѣхъ отъ васъ.

(Смотрить вдаль глазами, полными слезъ).

Водяной.

Чтò сдѣлалъ я тебѣ?

Куда уйти ты хочешь? Потеряла
Ты голову, ты хочешь убѣжать
Въ людское царство? Берегись! Вѣдь люди
Народъ мудреный. Искони вѣковъ
Они запутались. Живутъ какъ будто
То въ нашемъ свѣтломъ мѣрѣ, то въ своемъ,
Наполовину здѣсь, наполовину
Не знаютъ сами гдѣ. Не то намъ братья,
Не то—враги, чужіе намъ. Бѣда,
Бѣда тому изъ насъ, кто броситъ горы,—
Волшебный, недоступный людямъ край,—

И къ ихъ проклятому уйдець отродью.
Отродье это хилое. Ихъ корень
Въ землѣ растеть, а между тѣмъ они
Его оттуда сами вырываютъ
И къ небу тянутся, а неба свѣтъ
Не могутъ вынести и увядаютъ.
Весенній вѣтерокъ больную вѣтвь
Легко ломаеть, но былинку нѣжить
И оживляетъ. Брось, мое дитя,
Мечту пустую. Ты навяжешь жерновъ
Себѣ на шею, если къ нимъ уйдешь.
Они тебя смутятъ. Во мглѣ туманной
Ты будешь жить. Научишься ты плакать
И горевать. А здѣсь всегда смѣялась.
Ты будешь скована цѣпями ихъ
И раздѣлять ихъ вѣчное проклятье!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мнѣ говорила бабушка, что ты
Умень и мудръ. Такъ погляди же: въ мирѣ
Нѣтъ ручейка, нѣтъ самой тонкой струйки,
Что не катилась бы въ людское царство.

Водяной.

Брекекекексъ! Но только не тебѣ
Туда дорога. Слушай, что скажу я,
Тысячелѣтній, опытный старикъ:
Пусть рабскіе ручки стремятся къ людямъ,—
Что-жъ люди съ ними дѣлають? Ручьи
Вертятъ колеса мельницы; полощутъ
Въ ручьяхъ бѣлье и въ огородахъ льютъ
Ихъ воду на капусту; заставляютъ
Такую гадость обмывать, что мнѣ
Противно вспомнить.

(Горячо и убѣдительно)

Слушай: ты—принцесса!

Да, ты принцесса Раутенделейнъ.
Твоя судьба—быть царскою женою.
Есть у меня кристальный голубой
Вѣнецъ. Его я на тебя надѣну.
Ты будешь жить въ чертогахъ золотыхъ,
Гдѣ полъ и потолокъ изъ самоцвѣтныхъ,

Сверкающихъ каменьевъ, а столы
И кубки изъ коралловъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Если-бъ даже
Вънецъ твой былъ изъ чистаго сапфира—
Его бы не надѣла дочь твоя.
Мнѣ золото моихъ волосъ милѣе:
Вотъ мой вънецъ, его легко носить;
И если бы твои столы и кубки
Не изъ коралловъ были—изъ алмазовъ,
Все-жъ не пошла бы я къ тебѣ и жить
Съ лягушками и рыбами въ водѣ,
Въ болотѣ иль въ колодцѣ не могла бы!

(Удаляется).

Водяной.

Куда-жъ идешь ты?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Что тебѣ за дѣло?

Водяной (горестно).

Большое дѣло! Брекекексъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Иду,

Куда хочу.

Водяной.

Да хочешь ты куда же?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Туда...

(Вскидывая руки).

Въ далекое людское царство!

(Исчезаетъ въ лѣсу).

Водяной (испуганно).

Квораксъ!

(Съ воплемъ)

Квораксъ!

(Потише)

Квораксъ. Брекекекексъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Домъ литейщика Генриха. Половину задней стѣны занимаетъ глубокая ниша, въ которой устроенъ открытый очагъ; надъ потухшими углями виситъ мѣдный котелокъ. Въ другой, выступающей половинѣ стѣны окно; возлѣ него кровать. Въ боковыхъ стѣнахъ двѣ двери. Дверь слѣва ведетъ въ мастерскую; дверь справа—въ сѣни. На авансценѣ, съ правой стороны, столъ и стулья. На столѣ кувшинъ молока и коврига хлѣба. Стѣны украшены благочестивыми картинками. Раннее утро. Постепенно разсвѣтаетъ.

ФРАУ МАГДА (дѣтямъ). Смотрите, дѣти, я принесла цвѣты. За нашимъ садомъ есть мѣстечко, усыянное этими цвѣточками. Вотъ мы и разукрасимся ими въ такой торжественный для вашего отца день.

ПЕРВЫЙ мальчикъ. Дай мнѣ.

ВТОРОЙ. И мнѣ, и мнѣ букетикъ.

ФРАУ МАГДА. Каждому достанется по пяти цвѣтиковъ. Вы знаете, ихъ зовутъ «ключиками неба». Пейте скорѣе молоко. Скушайте по кусочку хлѣба. Далекъ путь до церкви, далекъ и крутъ.

СОСѢДКА (у окна). А, вы ужь встали, сосѣдка?

ФРАУ МАГДА. Какъ же не встать. Я почти всю ночь не смыкала глазъ, а все-таки выпалась, какъ сурокъ. День, кажется, будетъ ясный.

СОСѢДКА. Навѣрное, навѣрное.

ФРАУ МАГДА. Вы, конечно, идете съ нами? Славная будетъ прогулка. Конечно, съ дѣтьми не очень-то скоро дойдешь. А я, сказать по совѣсти, сосѣдка, просто бы полетѣла. Такъ забираетъ меня радость и нетерпѣніе.

СОСѢДКА. Развѣ мужъ вашъ не вернулся ночью?

ФРАУ МАГДА. Вишь, чего захотѣли! Я буду довольна, коли колоколь успѣютъ повѣсить къ тому времени, когда сегодня соберется весь приходъ. Времени мало: приходилось торопиться. И то надо благодарить Бога, если Генриху выпадетъ свободный часокъ поспать въ лѣсу на травѣ. Ну, да какъ быть: трудъ былъ тяжелъ, зато награда сладка. Вы не повѣрите, какъ чудно звучитъ новый колоколь. Вотъ прислушайтесь уже, какъ зазвонитъ онъ въ первый разъ. Ангельское пѣніе да и только! Утѣшенье, радость...

СОСѢДКА. Да, да. Вотъ чтѣ только мнѣ удивительно. Вы знаете, сосѣдка, съ моего порога видно церковку въ горахъ. Толковали, что взовется бѣлый флагъ, когда укрѣпятъ на башнѣ колоколь. Но флага не видно.

ФРАУ МАГДА. Смотрите хорошенько. Вѣрно, онъ тамъ.

Сосѣдка. То-то вотъ, нѣтъ его до сихъ поръ.

Фрау Магда. Можетъ, вы и въ самомъ дѣлѣ правы. Если бы вы знали, какъ знаю я, сколько труда требуетъ такое дѣло! Мастеръ долженъ обдумывать, бороться, работать день и ночь. Ну, что-жъ удивительнаго, что въ назначенную минуту не успѣли вбить послѣдній гвоздь. А теперь флагъ, навѣрное, ужъ развѣвается.

Сосѣдка. Охъ, не думаю. По всей деревнѣ толкуютъ, будто тамъ въ горахъ что-то неблагополучно. Были, вишь, худыя примѣты. Каменщикъ тамъ видѣлъ голую бабу, скакавшую на помелѣ. Онъ поднялъ камень и бросилъ его въ вѣдму. Рука-то у него сейчасъ и отнялась по самую кисть. Это чтó значить? Это значить, что злые горные духи разсердились за новый колоколь. Дивлюсь я, какъ это въ ничего до сихъ поръ не знаете. Бургомистръ уже ушелъ туда съ людьми. Говорять, будто...

Фрау Магда. Чтó же говорятъ? Туда пошелъ бургомистръ? Ради Бога...

Сосѣдка. Да вѣдь еще ничего неизвѣстно. Вѣрнѣе, что ничего нѣтъ. Пугаться нечего. Не волнуйтесь такъ, сосѣдка, прошу васъ. Ни о какомъ несчастѣи не слышно. Толкуютъ вотъ только, что будто бы телѣга, на которой везли колоколь, поломалась. Ну, съ колоколомъ-то будто и приключилось что-то тамъ. А чтó такое—не знаю.

Фрау Магда. Ахъ, если бы только это! Колоколь—Богъ съ нимъ совсѣмъ! Мнѣ бы лишь живъ остался Генрихъ. Но надо же узнать все навѣрное. Прошу васъ, возьмите моихъ дѣтей. (Подаетъ обоихъ дѣтей ей въ окно).

Сосѣдка. Разумѣется, я возьму ихъ къ себѣ.

Фрау Магда. Да, да, къ себѣ въ домъ возьмите ихъ. Прошу васъ. А я побѣгу туда, туда, помочь. Я должна быть тамъ, гдѣ мой мужъ.

(Поспѣшно уходитъ. Сосѣдка отходить отъ окна. За сценой гулъ толпы. Затѣмъ раздражающій вопль Магды. Пасторъ торопливо входитъ, вздыхая и вытирая себѣ глаза. Онъ озирается, быстро отбрасываетъ одѣяло на постели, возвращается къ двери и встрѣчаетъ носилки, на которыхъ учитель, цырюльникъ и другіе люди несутъ Генриха. Фрау Магда идетъ за носилками въ глубокомъ отчаяннн; ослабѣвшая отъ горя. Ее поддерживаютъ подѣ руки. За нею въ комнату проталкивается народъ. Генриха кладутъ на кровать).

Пасторъ (Магдѣ). Успокойтесь! Уповайте на Господа. Мы сочли мастера мертвымъ, когда клали на носилки. Но дорогой онъ очнулся. И, какъ увѣряетъ врачъ, видѣвшій его, можно надѣяться, что мастеръ выздоровѣетъ.

ФРАУ МАГДА (едва переводя духъ). Можно надѣяться! Боже милосердый! Я была такъ счастлива. Что со мною? Что здѣсь случилось? Гдѣ дѣти?

ПАСТОРЪ. Уповайте на Господа. Вооружитесь терпѣніемъ. Терпѣніемъ и смиреніемъ. Вы сами знаете, гдѣ великое несчастье,—тамъ всего ближе и Божья помощь. Если Господь въ Своей премудрости не опредѣлитъ даровать временное исцѣленіе вашему мужу, вы можете утѣшиться тѣмъ, что онъ войдетъ въ обитель вѣчнаго блаженства.

ФРАУ МАГДА. Вы, господинъ пасторъ, говорите о моемъ утѣшеніи. Развѣ я нуждаюсь? Онъ выздоровѣетъ. Онъ долженъ выздоровѣть!

ПАСТОРЪ. Да, да, мы надѣемся. А если нѣтъ, — воля Божья. И такъ и такъ мастеръ Генрихъ восторжествуетъ. Служа Всевышнему, онъ отлилъ колоколь. Служа Всевышнему, онъ взбирался на горы, гдѣ царство темныхъ силъ въ ущельяхъ и пропастьяхъ. Служа Всевышнему, онъ палъ въ борьбѣ съ коварными духами ада. Ибо это они, убоявшись благовѣста его колокола, снѣтались въ адскій союзъ, чтобы погубить мастера. Господь ихъ накажетъ, будьте покойны.

ЦЫРЮЛЬНИКЪ. Здѣсь въ околоткѣ живетъ женщина-чудотворица. Она исцѣляетъ молитвой.

ПАСТОРЪ. Сходите за нею и приведите ее сюда.

ФРАУ МАГДА. Какъ это случилось? Какъ случилось? (Къ толпѣ) А вы что глазѣте? Уйдите. Одно пустое любопытство. Ступайте. Не беспокойте его вашимъ оглядываньемъ. Прикройте ему платкомъ лицо. Вы его мучите. Пожалуй, еще сглазите. Прикройте. Вотъ такъ. Уходите. Что съ нимъ сдѣлалось? Что-жъ, вы нѣмые, что ли?

УЧИТЕЛЬ. Трудно объяснить, какъ и что съ нимъ случилось. Можетъ-быть, онъ хотѣлъ удержать колоколь, когда колоколь падалъ. Одно вамъ скажу: если бы вы взглянули въ пропасть, куда скатился колоколь, такъ вы бы упали на колѣна и возблагодарили Бога, что вашъ мужъ живъ. Это, скажу вамъ,—чудо!

ГЕНРИХЪ (слабымъ голосомъ). Воды... пить...

ФРАУ МАГДА. Уйдите, уйдите, всѣ!

ПАСТОРЪ. Ступайте, милыя дѣти. Больному необходимъ покой. (Народъ уходитъ). Если я вамъ нуженъ, фрау Магда, то вѣдь вы знаете, гдѣ меня найти.

ЦЫРЮЛЬНИКЪ. И меня тоже.

УЧИТЕЛЬ. Я думаю здѣсь остаться.

ФРАУ МАГДА. Нѣтъ, никого, никого не надо.

(Пасторъ, учитель и цырюльникъ, послѣ короткаго совѣщанія, уходятъ, пожимая плечами и качая головами).

ГЕНРИХЪ.

Дай мнѣ еще воды...

МАГДА (даетъ ему пить).

Ты боленъ, Генрихъ?

ГЕНРИХЪ.

Меня томить мучительная жажда.
Дай мнѣ воды. Ты слышишь?

МАГДА.

Потерпи

Немного, Генрихъ, потерпи...

ГЕНРИХЪ.

Терпѣнью

Я скоро научусь въ сырой землѣ.

(Пьетъ).

Благодарю... Конецъ мой близокъ...

МАГДА.

Полно,

Твои слова мнѣ страшны.

ГЕНРИХЪ.

Не должна

пугаться ты. Тебѣ придется, Магда,

жить безъ меня.

МАГДА.

Нѣтъ, не хочу я жить...

Я не могу жить безъ тебя.

ГЕНРИХЪ.

Не мучь

меня своей ребяческой печалью.

Ты перенеси ее должна: ты мать,

пойми: ты мать — и будь тверда душою.

МАГДА.

Зачѣмъ такія мысли... Ты жестокъ...

ГЕНРИХЪ.

Тебѣ жестокимъ кажется, что въ дѣтяхъ
Я вижу счастье твое? Твой долгъ
Заботиться, трудиться для малютокъ:
Въ нихъ жизнь твоя.

МАГДА.

Пусть мнѣ Господь простить,
Но я тебя люблю, ты мнѣ дороже
Дѣтей и жизни собственной моей.

ГЕНРИХЪ.

О, если такъ, то горе вамъ, сиротки!
И трижды горе мнѣ: отъ вашихъ устъ
Я отрываю хлѣбъ и молоко,
Малютки бѣдныя!.. Но грудь моя,
Я чувствую, горить... Прощай, навѣки!
Да сохранить васъ Тотъ, къ Кому мы всѣ
Должны придти. Подъ сѣнью темной смерти.
Находятъ многіе желанный свѣтъ:
Пусть и со мной такъ будетъ.

(Мягко)

Дай мнѣ руку.

Я много, много зла тебѣ принесъ
И дѣломъ и словами. Оскорблялъ я
Твою любовь не разъ: прости мнѣ, Магда!
Я оскорблялъ невольно и потомъ
Раскаивался, но не могъ сдержаться
И снова заставлялъ тебя страдать.
Прости мнѣ, Магда.

МАГДА.

Но за что же, Генрихъ?
Ахъ, если любишь, любишь ты меня,
Не говори мнѣ это: я заплачу.
Ужъ лучше побрани меня. Ты знаешь,
Что я тебѣ обязана.

ГЕНРИХЪ (съ горечью).

Не знаю.

МАГДА.

Ты человекъ сдѣлалъ изъ меня.
Запуганною, бѣдною жила я,
Какъ подъ грозой трепещущая птичка.
Ты приманилъ меня, вознесъ изъ тьмы
На высоту сияющаго счастья.
Вѣдь я тебя за то и полюбила
Такъ глубоко, такъ крѣпко, что меня
Ты къ свѣту повернулъ рукою сильной.
За что же мнѣ прощать тебя? За то-ль,
Что возродилъ меня ты къ жизни?

ГЕНРИХЪ.

Странно

Сплетается порою ткань сердцецъ.

МАГДА (глядя въ волосы, вѣжно).

Ахъ, если ты со мною былъ спокоенъ
И правилась тебѣ я иногда,
Я этимъ счастлива и не могу я
Ничѣмъ воздать тебѣ за все добро,
Что для меня ты сдѣлалъ.

ГЕНРИХЪ (тревожно).

Слушай, Магда:

Нагнись ко мнѣ... я умираю... да,
Я умираю. Такъ судило небо,
И это хорошо—и для меня
И для тебя: Не говори, что мною,
Моей любовью вызванъ былъ расцвѣтъ
Твоей души прекрасной: это сдѣлалъ
Тотъ вѣчный Чудотворецъ, что весной
Живить въ поляхъ цвѣты, подъ зимней стужей
Умершіе. Вотъ видишь ли, я былъ
И старъ и утомленъ:—плохая форма,
И не печалюсь я, что сотворившій
Меня литейщикъ разобьетъ теперь
Свое созданье. Если я былъ сброшенъ
Съ моимъ твореньемъ въ пропасть, не жалѣю
Объ этомъ я: мой колоколь былъ плохъ,
Онъ не годился для того, чтобъ эхо
На горныхъ высяхъ гулко пробуждать.

Магда.

Я не могу понять тебя. Помилуй,
Вѣдь колоколь прекрасно былъ отлить,
Ни пузырька въ металлѣ. Звукъ чудесный!
Когда, повѣшенный межъ двухъ деревь,
Здѣсь на дворѣ онъ зазвонилъ впервые,—
Всѣ говорили въ голосъ: «Это хоръ
Небесныхъ серафимовъ. Просто чудо—
Не колоколь—отлили нашъ мастеръ».

Генрихъ (съ лихорадочною тревогой).

Да,
Онъ хорошо звучалъ у насъ въ долинѣ,—
На высотѣ, въ горахъ, не могъ звучать.

Магда.

Неправда. Слышала сама я, пасторъ
Промолвилъ кистеру: «Какъ будетъ онъ
Звучать въ горахъ».

Генрихъ.

Нѣтъ, онъ звучалъ въ долинѣ,
А на горахъ не могъ. Про это я
Одинъ лишь знаю. Пасторъ знать не можетъ...
Да, я умру и умереть хочу.
Вотъ видишь ли: что будетъ въ этомъ толку,
Коль выздоровлю я,—какъ говорить,—
Немножко починившись. Ну, куда же
Я буду годенъ: развѣ въ богадѣльню?
Доселѣ жизни крѣпкое вино
Привыкъ я пить: ужели пить я стану
Какой-то жидкій, кисленькій напитокъ?
Пусть пьетъ его, кто хочетъ: для меня
Противно это. Подожди, дай кончить,
Что я хочу сказать тебѣ... Пускай
Найдется врачъ, который могъ бы снова
Возстановить мнѣ силы, снова сдѣлать
Меня способнымъ къ прежнему труду,
Все-жъ и тогда погибъ я, Магда...

Магда.

Боже,
Что сдѣлалось съ тобой! Отъ неба ты

Талантомъ награжденъ. Въ своемъ искусствѣ
Ты—первый мастеръ, любить всѣ тебя
И чтуть. Трудясь неутомимо, отлилъ
Ты сто колоколовъ. Тебѣ хвалу
Они поютъ съ высокихъ колоколенъ
И, будто кубки—свѣтлое вино,
Надъ селами и нивами, въ часъ утра,
Льютъ звуки чудные. Ты людямъ далъ
Святое счастье: слышать Божій голосъ
Они въ твоихъ созданьяхъ. На землѣ,
Гдѣ столько мукъ и бѣдности, живешь ты
Въ довольствѣ радостномъ. Когда тебѣ
Постыла жизнь, то для чего же буду
Я жизнью дорожить, что въ ней найду?

Генрихъ.

Пойми меня, какъ слѣдуетъ. Глубоко
И ясно прозвучала рѣчь твоя,
Какъ ни одинъ изъ тѣхъ колоколовъ,
Что мной отлиты. Отъ души тебя
Благодарю. Но, Магда, все-жъ должна ты
Понять меня. Я повторяю: мнѣ
Не удалось послѣднее созданье
Искусства моего. Я грустно шелъ
За лошадьми, когда онѣ тащили,
Подъ хлопанье бичей, на высоту
Мой колоколь. И вотъ съ обрыва въ пропасть
Скатился онъ и въ озеро упалъ,
И тамъ лежитъ на глубинѣ, быть-можетъ,
Ста саженъ. Въ безднѣ молчаливой водѣ,
Какъ будто въ темной и нѣмой могилѣ,
Похороненъ мой лучший трудъ, а я
Еще живу, во мнѣ остатокъ тлѣетъ
Послѣднихъ силъ... Но я умру, умру...
Ни колоколъ ни жизнь ко мнѣ не могутъ
Опять вернуться, какъ бы я ни жаждалъ
Услышать снова потонувшій звонъ...
О, горе мнѣ! Все, чѣмъ я жилъ такъ страстно,—
Все оказалось тьмою и безумьемъ,
Обманомъ, зломъ, отравой. Не могу
Я жить, какъ прежде. Жизнь долины мирной
Меня не обольщаетъ, какъ бывало.
Когда стоялъ я тамъ вверху,—душа

Еще стремилась выше и желала
Витать въ пространствѣ свѣтлыхъ облаковъ
И создавать великія творенья
При помощи небесныхъ, горнихъ силъ.
Но обезсилѣлъ я, и если-бъ снова
Я устремился вверхъ, то упаду я,
Да, упаду... Нѣтъ, лучше умереть.
Чтобъ жизнью жить, я долженъ возродиться
И вновь созрѣть, какъ зрѣетъ плодъ вторичный
Въ волшебной черной чашечкѣ цвѣтка;
Я долженъ вновь въ душѣ почуять силу,
И мощь въ рукахъ, и къ творчеству порывъ,
Неодолимый и безумный.

Магда.

Генрихъ,

Мой милый Генрихъ, если-бъ знала я,
Гдѣ тотъ источникъ, что даетъ намъ юность,—
Я отыскала-бъ съ радостью его,
Хотя-бъ пришлось мнѣ въ кровь изранить ноги.
И даже если-бъ надо умереть,
Я умерла бы съ радостью, чтобъ только
Достать тебѣ его воды живой
И юность возвратить.

Генрихъ (съ мукой, въ полубреду).

О, дорогая...

Нѣтъ, не хочу я, не хочу... Тамъ кровь,
Тамъ только кровь... Ступай, я умоляю...
Оставь меня... и дай мнѣ умереть...

(Теряетъ сознание).

Пасторъ (входитъ). Ну, какъ онъ, фрау Магда?

Магда. Ахъ, очень плохъ. Онъ мучится какою-то душевною мукой. Непонятная болѣзнь томить его. Не знаю, чего я должна бояться и на что надѣяться. (Поспѣшно набрасываетъ на себя платокъ). Вы говорили о какой-то женщинѣ, которая исцѣляетъ?

Пасторъ. Да, да, вотъ за этимъ-то я и вернулся. Она живетъ... не дальше мили отсюда. Зовутъ ее... какъ, бишь, ее зовутъ... Тамъ вотъ, у опушки лѣса живетъ она. Ея имя...

Магда. Виттиха?

Пасторъ. Что вы, что вы, фрау Магда! Виттиха злая

баба, исчадьє сатаны. Она должна умереть. Противъ этой вѣдьмы ужъ возмущенъ народъ. Собираются къ ней съ камнями и дубинами. Хотятъ разорить ея проклятое гнѣздо. Вѣдь по ея-то кознямъ и приключилось все. Нѣтъ, ту, о комъ я говорилъ вамъ, зовутъ фрау Финдеклее. Она честная, благочестивая женщина, вдова пастуха. Покойный мужъ передалъ ей тайну яудодѣйственнаго лѣкарства. Такъ толкуютъ въ народѣ. Хотите вы пойти къ ней?

Магда. Да, да, господинъ пасторъ.

Пасторъ. Сейчасъ?

(Входитъ Раутенделейнъ, переодѣтая въ служанку. У ней корзина съ ягодами).

Магда. Чтò тебѣ, мое дитя? Кто ты такая?

Пасторъ. Это Анна, дочка Михайла. Не спрашивайте ее: она, къ несчастью, нѣмая. Но доброе созданье. Она принесла вамъ ягодъ.

Магда. Поди сюда, дитя мое. Чтò я хотѣла сказать? Да, вотъ: смотри, мой мужъ боленъ. Если онъ проснется, будь подъ рукой. Понимаешь? Фрау Финдеклее—вѣдь такъ зовутъ эту женщину?—живетъ далеко, я не могу уйти надолго. Я отлучусь на одну минутку. Сосѣдка побудетъ здѣсь, сдѣлаетъ мнѣ одолженіе. Я сейчасъ вернусь. Господи, Боже мой, какъ мнѣ тяжело! (Уходитъ).

Пасторъ. Побудь здѣсь, милочка. Присядь. Будь умницей, старайся услужить, пока ты здѣсь нужна. Ты сдѣлаешь доброе дѣло. Богъ наградитъ тебя. Ты очень перемѣнилась, милая дѣвочка, съ тѣхъ поръ, какъ я не видѣлъ тебя. Держи себя скромно, оставайся хорошей дѣвушкой. Богъ одарилъ тебя великой красотой. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ погляжу я на тебя, ты какъ будто не то, чтò прежде. Ты похожа на сказочную принцессу. Кто бы могъ подумать? Да, да. Такъ смочи ему лобъ. Понимаешь? Онъ весь въ жару. (Генриху) Да пошлетъ тебѣ Господь исцѣленіе. (Уходитъ).

(Раутенделейнъ, до тѣхъ поръ робкая и смиренная, вдругъ измѣняется и начинаетъ хлопотать около очага).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Искра вслѣдъ за искрой яркой
Разлетайтесь кругомъ,
Разгорайся, пламень жаркій,
Въ очагѣ подъ котелкомъ!

(Огонь въ очагѣ разгорается).

Будто легкій вѣтерокъ,
Я раздую огонекъ,
Пусть кипитъ цѣлебный сокъ...

(Приподнимаетъ крышку котла).

Майскихъ травъ, душистыхъ травъ,
Брошу въ воду, прошептавъ
Тайну словъ, волшебныхъ словъ.
Будетъ силенъ и здоровъ,
Кто отвѣдаетъ мое,
Жизнь дающее питье!

Ну, а покуда я почищу свеклу
Да принесу воды: пуста кадушка.
Нѣтъ, надобно сперва открыть окно.

(Открываетъ окно).

Погода нонче славная, а завтра,
Навѣрно, будетъ вѣтрено: легла,
Какъ рыба, протянувшись, надъ горами
Большая туча. Ночь придетъ,—она
Грозою разразится. Духи бури
Запрыгають черезъ сосновый лѣсъ
Въ долину тихую... Чу! здѣсь кукушка
Кукуеть. Ласточки звенять, крыломъ
Мелькая въ яркомъ солнечномъ сияньѣ.

(Генрихъ открываетъ глаза и пристально смотритъ на Раутенделейнъ).

Сперва почищу свеклу, а потомъ
И за водой схожу. Пошла въ служанки,
Такъ не сиди безъ дѣла... Огонекъ,
Смотри же, не потухни...

ГЕНРИХЪ (съ изумленіемъ).

Кто ты? кто ты?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (быстро и смѣло).

Я—Раутенделейнъ.

ГЕНРИХЪ.

Раутенделейнъ?

Впервые слышу это имя. Гдѣ-то
Тебя я видѣлъ. Но не помню, гдѣ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ

Тамъ—на горахъ.

ГЕНРИХЪ.

Да, правда. Въ лихорадкѣ
Тогда лежалъ я, ты приснилась мнѣ.
Да и теперь во снѣ тебя я вижу.
Вѣдь часто страшные намъ снятся сны,
Не такъ ли? Вотъ мой домъ. Я на постели
Лежу и умираю. Вотъ окно,
За нимъ летаютъ ласточки. Изъ сада
Пѣснь соловья звучитъ. Сирень, жасминъ
Благоухаютъ. Я все слышу, вижу,
Все чувствую я. Нитку одѣяла
Мельчайшую и каждый узелокъ
Я примѣчаю. Да, и все же это
Лишь сонъ, не больше.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Почему же сонъ?

ГЕНРИХЪ.

Да потому, что это все мнѣ снится.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты въ этомъ такъ увѣренъ?

ГЕНРИХЪ.

Да. Нѣтъ. Да.

Что говорю я? Все равно: увѣренъ
Иль не увѣренъ я—пусть будетъ такъ.
Во снѣ ли, наяву ли, предъ собою
Тебя живую вижу я теперь...
О, милое дитя, пусть ты созданье
Моей фантази: тебя любить
Не меньше буду я. Со мной останься.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да, я останусь.

ГЕНРИХЪ.

И все это сонъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Смотри сюда: вотъ подняла я ногу.
Ты видишь красный каблучокъ? А вотъ

Орѣхъ. И я беру его рукою
И подъ каблукъ его: онъ раскололся.
Что-жь, это сонъ?

ГЕНРИХЪ.

То знаетъ только Богъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ну, посмотри еще. Вотъ подошла я,
Сажусь я на постелю' близъ тебя
И весело грызу ядро орѣха.
Ты видишь ясно?

ГЕНРИХЪ.

Кто же ты, скажи мнѣ?
Откуда ты, и кто тебя прислалъ?
Чего ты хочешь отъ меня, когда я,
Разбитый и страдающій, лежу
И смерти жду съ минуты на минуту?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты нравишься мнѣ. А откуда я—
Вотъ этого сказать я не умѣю,
Не знаю и того, что впереди
Со мною будетъ. Бабушка на кочкѣ
Во мху меня нашла, и молокомъ
Я лани вскормлена. Въ лѣсу, въ болотѣ
И на горахъ я дома. Въ часъ, когда
Крутить и свещеть вѣтеръ и мяучить,
Какъ кошка дикая, охотно я
Кружусь, кричу и такъ смѣюсь, что эхо
Далеко раздастся, и со мной
Смѣются эльфы, Лѣшій, Водяной.
Я зла, царапаюсь, кусаюсь больно,
Когда меня разсердятъ. Берегись
Тотъ, кто меня раздражить. Я капризна:
То зла я, то добра, то такъ, то этакъ,—
Какъ вздумается, словомъ. Хочешь, я
Останусь здѣсь. А лучше бы со мною
Ушелъ ты въ горы. Ты увидишь, буду
Служить тебѣ и угождать во всемъ.
Умѣю я угадывать, гдѣ скрыты
Въ подземныхъ копяхъ яхонтъ и алмазь,

Топазы, изумруды, аметисты.
Пускай упряма я, пускай лѣнива,
Коварна, непослушна—я исполню
Все, что прикажешь ты. Тебѣ въ глаза
Смотрѣть я буду и твои желанья
Предупреждать. Пусть бабушка моя..

ГЕНРИХЪ.

Прелестное дитя, но объясни мнѣ,
Кто бабушка твоя?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Какъ! Ты не знаешь,
Кто бабушка моя?

ГЕНРИХЪ.

Я человекъ

И слѣпъ я.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ну, такъ скоро будешь зрячимъ.
Кому глаза я поцѣлую, тотъ
Откроетъ ихъ—и даль небесъ увидитъ.

ГЕНРИХЪ.

Попробуй, сдѣлай это мнѣ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (цѣлуетъ ему глаза).

Глаза,

Откройтесь!

ГЕНРИХЪ.

Дивная моя малютка!
Ты послана мнѣ въ грустный смерти часъ,
Ты вѣтъ цвѣтущая, десницей Божьей
Отломленная для меня въ раю.
О, свѣжій отпрыскъ, если бы такимъ же
Я былъ теперь, какъ въ давніе года,—
Прижалъ бы я тебя къ груди съ восторгомъ.
Да, я былъ слѣпъ. Теперь я вижу свѣтъ.
Чѣмъ больше я тобою упиваюсь,
Тѣмъ больше постигаю я твой міръ,
Загадочное, чудное созданье.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Такъ что-жь, смотри, любуйся на меня.

ГЕНРИХЪ.

Какъ дивны эти кудри золотыя!
Какая роскошь! Свѣтлый призракъ грезь,
Съ тобой и лодка мрачная Харона
Преобразится въ царскую галеру,
Что, распустивши пурпуръ парусовъ,
Плыветъ къ востоку, гдѣ выходитъ солнце!
Ты чувствуешь ли: тихій вѣтерокъ
Дыханіемъ чуть слышнымъ гонитъ пѣну
На волнахъ моря, голубого моря,
И брызгами алмазными порой
Насъ обдаетъ. А мы въ нарядѣ свѣтломъ,
Изъ золота и шелка, вдаль плывемъ
По глади водъ. Ты узнаешь за далью
Зеленый островъ, надъ лазурью волнъ
Склонившіяся вѣтви изумрудной
Листвы березъ, ты слышишь голоса
Пѣвцовъ весны, что радостнымъ привѣтомъ
Встрѣчаютъ насъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да, слышу...

ГЕНРИХЪ.

Хорошо.

Идемъ съ тобою. Я готовъ. Когда я
Проснусь, то кто-то скажетъ мнѣ: пора,
Иди. Потомъ огонь потухнетъ. Холодъ
И тьма могильная повѣетъ въ домъ;
И я умру прозрѣвшій, какъ слѣпой...
Но все-жь тебя я видѣлъ и...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вздремни,

Усни!

Проснешься—будешь мой.

(Хлопочетъ около очага, приговаривая)

Тайной силъ исцѣленья

Покорись, освободись

Отъ недуга, отъ мученья
И душою обновись!

(Дѣлаетъ движенія, обращаясь къ Генриху)

Разъ, два, три!

Живи

Для живого счастья и любви!

ГЕНРИХЪ.

Что сдѣлалось со мною? Пробудился
Я ото сна? Какое солнце лется
Ко мнѣ въ окно и золотитъ меня?
О, воздухъ утра! Если эта сила,
Что чувствую я въ тѣлѣ, этотъ пылъ
Моей души—ниспосланы отъ неба
И проявленье воли Божества,
Тогда я вновь возстать готовъ для жизни
И снова въ путь идти готовъ, желать,
Надѣяться, стремиться и опять
Творить, творить!

(ФРАУ МАГДА входитъ).

А, Магда...

МАГДА.

Ты проснулся?

ГЕНРИХЪ.

Да, я проснулся.

МАГДА.

Лучше ли тебѣ?

ГЕНРИХЪ.

Мнѣ хорошо. Ахъ, хорошо мнѣ. Буду
Я жить—я чувствую.

МАГДА (внѣ себя, бросается къ нему
и обнимаетъ его).

Ты будешь жить!

О, Генрихъ! Милый, дорогой мой Генрихъ!

(Раутенделейнъ стоитъ въ сторонѣ и смотритъ на нихъ горящими глазами).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Заброшенная лачуга въ горахъ, вблизи ледниковъ. Направо изъ скалы, замѣняющей стѣну, бѣжитъ вода сквозь глиняный жолобъ въ естественный каменный бассейнъ. Налѣво, у другой стѣны, кузнечный очагъ съ трубой и мѣхами. Въ глубинѣ сцены въ открытый пролетъ виденъ горный пейзажъ: вершины горъ, дремучій лѣсъ, обрывъ.

Лѣвшій, сначала внѣ лачуги, собираетъ хворостъ, потомъ входитъ и робко озирается. Водяной показывается изъ бассейна.

Водяной.

Брекекекексъ! Ну, что ушами хлопать,
Входи, входи.

Лѣвшій.

Здорово, старина.

Водяной.

Вишь, задави ихъ сатана,
Какой дымище и какую копоть
Повсюду въ домѣ развели.

Лѣвшій.

А что, хозяйева ушли?

Водяной.

Само собой, не то бы изъ колодца
Не выглянулъ я.

Лѣвшій.

Встрѣтился мнѣ гномъ
Сейчасъ у скалъ.

Водяной.

Охъ, этого народа
Я не терплю.

Лѣвшій.

Съ киркой и топоромъ.

Водяной.

Что-жъ онъ сказалъ?

Лѣвшій.

Сказалъ онъ, что кручина
Тебя изводитъ: квакаешь все.

Водяной.

Ну?

Лѣшій.

Вишь, надоѣлъ ему.

Водяной.

Ахъ, дурачина!

А я возьму вотъ, голову сверну
Ему... и кой-кому другому.

Лѣшій.

Да, съ тѣмъ покончить надо бы расчесть!

Проклятый человѣчій родъ:

Что отъ него стуку да грому.

Въ горы забрался къ намъ

Да и пошелъ хозяйничать тамъ.

Долбить киркою ребры скалъ:

Добываетъ мѣдь и всякій металлъ.

Куетъ да плавить,

Всѣмъ командуетъ—править.

Словно коней проворныхъ,

Водяныхъ духовъ и горныхъ

Запрягаетъ въ телѣгу

Да бичомъ поддаетъ имъ бѣгу.

Самую красивую фею

Забралъ и живетъ себѣ съ нею,

Она ему золото и янтарь воруетъ,

Отрываетъ дорогіе каменя,

Его цѣлуетъ-милуетъ,

А намъ ничего, кромѣ презрѣнья.

Рушить онъ все, ни надъ чѣмъ не сжалится,

Рубить старыя деревья—цѣлый лѣсъ валится...

По ущельямъ разбиваетъ камень.

Отъ его кузницы красный пламень

Долетаетъ въ лѣсъ, до моего угла.

Да, натворилъ онъ намъ тутъ дѣла!

Водяной.

Охъ, кабы онъ въ мои руки попался—
Давно бы трупомъ на днѣ озера валялся,
Тамъ, гдѣ лежитъ его колоколь-звѣрь.

Лѣшій.

Я тоже такъ думаю, повѣрь.

Водяной.

Да ему-то отъ нашихъ думъ горя мало:
Устроился здѣсь, какъ ни въ чемъ не бывало,
Молотомъ бьетъ съ утра до полночи,
Слушать стукъ этотъ просто нѣтъ мочи.

(Плаксиво)

Дѣлаеть феѣ кольца и сережки,
Плечики ей цѣлуетъ да ручки и ножки...

Лѣшій.

Охъ, клянусь моей козлиной рожей!
Съ этою дѣвчонкою пригожей
Надоѣлъ ты: долбишь, точно дятель,
Все о ней. Старикъ, ты съ ума спятилъ:
Вѣдь она и знать тебя не хочетъ,
Надъ тобой глумится и хохочетъ.
Право, ты съ своей любовью жалокъ.
Развѣ мало въ озерѣ русалокъ:
Взялъ любую, веселися съ нею;
Вотъ тогда и позабудешь фею
И не охать станешь, а смѣяться,
Если даже будетъ цѣловаться
При тебѣ она съ своимъ желаннымъ.

Водяной.

Нѣтъ, я съ нимъ расправлюсь, окаяннымъ:
Я убью его.

Лѣшій.

Положимъ...

Водяной.

Глотку

Прокушу ему.

Лѣшій.

А все-жъ красотку
Этимъ не добудешь. Баба не позволить:
Вѣдь старуха явно имъ мирволить.

Злобою напрасно ты себя тревожишь,
Тутъ терпѣньемъ только и поможешь.
Знаешь ты людишекъ: любить и ласкаетъ,
А потомъ, глядишь, и заскучаетъ.

РАУТЕНДЕЙЛЕНЪ (за сценой, поетъ).

Жукъ усѣлся на кусточкѣ,
Зумъ-зумъ!
Въ черно-бѣленькой сорочкѣ,
Зумъ-зумъ!

(Входитъ).

А, добрый вечеръ, гости дорогіе!
Что, Водяной,—ты золото намыль?
А ты, пріятель козлоногій, хворость
Мнѣ натаскалъ? Смотрите, у меня
Диковинки какія! Я прилежно
Вездѣ ихъ собираю. Вотъ алмазь,
Мѣшечекъ съ золотымъ пескомъ и горный
Сверкающій хрусталь... Медовый сотъ...
Охъ, нынче жаркій день, прежаркій.

Водяной.

Ночи

Такія-жъ жаркія теперь пойдутъ
За днями жаркими.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Быть-можетъ. Ты
Студеную вѣдь только любишь воду,
Такъ окунись въ нее и освѣжись.

(Лѣшій хохочетъ. Водяной безшумно погружается въ бассейнъ).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вишь, пристаешь, куда не осадить.

Лѣшій (все еще смѣясь).

Ахъ, чтобы васъ!..

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Подвязка у меня
Спустилась на колѣно, рѣжетъ ногу.

Лѣшій.

Дай я поправлю.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Убирайся прочь!..

Послушай, Лѣшенька, ты надоѣлъ мнѣ.
Нехорошо ты пахнешь и съ собой
Приводишь мухъ: гляди, вокругъ тебя
Онѣ летаютъ роємъ.

Лѣшій.

Ну такъ что же?

Онѣ пріятнѣй бабочекъ цвѣтныхъ,
Что за тобой порхаютъ и трепещутъ,
Увязнувъ въ волосахъ твоихъ, а ночью
По груди ползаютъ и по плечамъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (смѣется).

Ну,

Смотри, смотри, ты у меня не очень.

Лѣшій.

Послушай, подари мнѣ колесо
Вотъ это. Гдѣ его взяла ты?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Знаешь

Ты это лучше вѣдь, чѣмъ я.

Лѣшій.

Хе-хе!

Когда бы я не изломалъ повозки
Подъ колоколомъ, какъ своихъ ушей
Тебѣ-бъ соколика не видѣть. Такъ-то.
Ну, будь же благодарна, подари
Мнѣ эту штучку. Смоляной веревкой
Я обмотаю колесо, зажгу
Да и пущу высоко съ самой кручи.
Вотъ будетъ-то потѣха!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Въ деревняхъ

Пожаръ ты сдѣлалъ.

Лѣшій.

Да, разгорится
Превесело огонь багровый!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ

Нѣтъ,
Не будетъ этого. Уйди-ка лучше.

Лѣшій.

Зачѣмъ такъ скоро? Али надоѣлъ?
Скажи-ка, что подѣлываетъ мастеръ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Онъ надъ созданьемъ трудится своимъ.

Лѣшій.

Работа днемъ, а ночью поцѣлуи:
Эхъ, знаемъ мы, какъ лютъ колокола!
Гора къ долину тянетъ, а долина
Ползетъ къ горѣ, и создается, вдругъ
Ни то ни се: какой-то полубогъ
И полузвѣрь. Землѣ на прославленье,
Въ насмѣшку небу. Феечка, пойдемъ
Ко мнѣ въ орѣшникъ. Право, я не хуже,
Чѣмъ мастеръ. Что за толкъ особый въ немъ?
Вѣдь не родишь же отъ него ты чудо.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ахъ, ты, животное; ахъ, озорникъ!
Ты у меня ослѣпишь, если будешь
Того, кто мною избранъ, поносить.
Онъ борется, стремится васъ избавить
Онъ отъ проклятья: вотъ зачѣмъ стучить
Во тѣмъ его могучій молотъ. Всѣ вы
И все, что въ этомъ мѣрѣ существуетъ,
Обречено проклятію. О томъ
Не знаете вы сами. Прочь отсюда!
Ты здѣсь безсиленъ. Здѣсь теперь царить
Духъ мастера.

Лѣшій.

А мнѣ какое дѣло.
Ну, поклонись супругу. Какъ-нибудь
Навѣдаюсь къ нему я въ мастерскую.

(Уходитъ).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Не знаю, что со мной. Мнѣ тяжело.
Пойду въ ближайшій ледникъ, въ гротъ прохладный,
Тамъ синяя, студеная вода
Поосвѣжить меня. Сегодня въ полдень
Я наступила на змѣю, что тамъ,
На сѣрыхъ скалахъ, грѣлася подь солнцемъ,
Она чуть не ужалила меня.
Ахъ, душно мнѣ... Шаги? Эй, кто тамъ, кто тамъ?

(У входа появляется пасторъ, одѣтый въ костюмъ
для ходьбы въ горахъ).

ПАСТОРЪ.

Должно-быть, тутъ... Охъ, было не легко
Взобраться мнѣ, но я на твердой почвѣ
Теперь стою. Во имя Божье я
Пошелъ на это дѣло и сторицей
Вознагражденъ я буду, если мнѣ
Спаси заблудшую овцу удастся,
Какъ подобаеть пастырю. Впередъ,
Бодрѣ!

(Входитъ въ лачугу).

Есть здѣсь кто-нибудь, откликнись?

(Замѣчаетъ Раутенделейнъ).

А, это ты! Я такъ и думалъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (блѣдная, озлобленная).

Что

Тебѣ здѣсь нужно?

ПАСТОРЪ.

Вотъ сейчасъ узнаешь,
Богъ мнѣ свидѣтель, ты узнаешь. Дай
Мнѣ потъ съ лица стереть да отдышаться,
Покуда же скажи-ка мнѣ,
Ты здѣсь одна?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Тебѣ какое дѣло?

ПАСТОРЪ.

А погляди-ка на меня! Такъ, такъ.
Недурно. Ну, теперь ты показала

Мнѣ настоящее свое лицо.
Тѣмъ лучше. Къ дѣлу приступлю я прямо.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Смотри, поберегись!

ПАСТОРЪ.

Мнѣ ничего
Не можешь сдѣлать ты. Я твердь душою
И сердцемъ чистъ. Я не боюсь тебя.
Тотъ, Кто мнѣ далъ и мужество и крѣпость,
Чтобъ я отважился придти въ вашъ адъ,
Тотъ мнѣ поможетъ,—чувствую я это.
Чертовка, повредить не думай мнѣ,
Не трать напрасно чаръ своихъ волшебныхъ...
Вѣдь онъ тобою завлеченъ сюда?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто завлеченъ?

ПАСТОРЪ.

Какъ кто! Да мастеръ Генрихъ!
Ты чарами волшебными его
И сладкимъ зельемъ ада обольстила,
Пока не сталъ онъ бѣгать за тобой,
Какъ собачонка. Человѣкъ почтенный,
Отецъ семейства, образецъ для всѣхъ,
До глубины души благочестивый—
И что-жъ! какая-то дѣвчонка съ горь
Къ намъ прибѣжала и его хватаетъ,
Какъ малаго ребенка, въ фартукъ свой
И тащитъ за собой, куда захочетъ,
Къ соблазну добрыхъ христіанъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Пускай

Разбойница я, у тебя не крада
Я ничего.

ПАСТОРЪ.

Не крада у меня!
Ахъ, наглое творенье! Отняла ты
Не только у меня, но у жены

И у дѣтей его. Ты человѣка
Похитила у насъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (прислушивается и, вдругъ
преобразившись, восклицаетъ съ торжествомъ).

Онъ, онъ идетъ!
Ты слышишь шагъ увѣренный и смѣлый?
Ужель укоровъ жалкія слова
Ты не замѣнишь радостнымъ восторгомъ?
Ужели ты не чувствуешь огонь
Его божественныхъ очей, и сердце
Онъ не проникъ тебѣ? Цвѣты—и тѣ
Склоняются у ногъ его съ весельемъ.
Король идетъ, король! И, нищій, ты
Не радуешься, не ликуешь? Мастеръ,
Привѣтъ тебѣ!

(Бѣжитъ навстрѣчу входящему Генриху и бросается ему на шею.
Генрихъ, въ живописномъ рабочемъ костюмѣ, съ молоткомъ, рука
объ руку съ Раутенделейнъ, приближается къ пастору).

Генрихъ.

Почтенный пасторъ! Вы?
Добро пожаловать.

Пасторъ.

Да будетъ, Генрихъ,
Благословенъ Господа съ тобой.
Возможно-ль это: онъ передо мною
Стоитъ здоровый, стройный, точно букъ,
А между тѣмъ лежалъ еще недавно
Измученный болѣзнию на одрѣ,
Безъ силъ, разбитый, блѣдный, ожидая
Свой смертный часъ. Сдается, право, мнѣ,
Что милосердіе небесъ надъ вами
Свершилось явно. Вы, какъ царь Давидъ,
Возставши отъ недуга, восплясали
И заиграли Господу хвалу.

Генрихъ.

Да, это такъ и было.

Пасторъ.

Совершилось

Надъ вами чудо.

ГЕНРИХЪ.

Вѣрно. Всей душой

Я это чувствую.

(Къ Раутенделейнъ)

Дитя мое,

Поди и принеси вина для гостя
Почтеннаго.

ПАСТОРЪ.

Спасибо. Не теперь...

ГЕНРИХЪ.

Поди и принеси вина. Но, впрочемъ,
Какъ вамъ угодно. Ну, прошу присѣсть.
Съ тѣхъ поръ, какъ отъ позорнаго недуга
Я излѣчился, съ вами въ первый разъ
Мы видимся. Я потерялъ надежду
Привѣтствовать васъ перваго теперь,
Когда на новый путь я смѣло вышелъ.
Но, вижу я, вы сильною рукой
Тяжелыя оковы долга рвете
И, вѣвъ условнаго служенья людямъ,
Вы Бога ищете.

ПАСТОРЪ.

Ну, слава небу!

Я чувствую, что вы не измѣнились,
Все тотъ же вы. У насъ, въ долину, врутъ,
Что стали вы не тѣмъ, чѣмъ были.

ГЕНРИХЪ.

Да, тотъ же я и, вмѣстѣ съ тѣмъ, другой.
Я окна настезь растворилъ—пусть льется
Сіянье Божьей благодати въ нихъ.

ПАСТОРЪ.

Хорошая пословица.

ГЕНРИХЪ.

Я лучшей

Не знаю.

ПАСТОРЪ.

Есть и лучшія. Но все-жъ
И эта хороша.

ГЕНРИХЪ.

Когда бы только
Вы руку протянули мнѣ,—клянусь
Предъ вами головою лошадиной,
И пѣтухомъ, и лебедемъ!—готовъ
Я отъ души принять васъ и, какъ другу,
Открыть вамъ эту душу, гдѣ царитъ
Теперь весна.

ПАСТОРЪ.

Откройте смѣло, мастеръ.
Вы это часто дѣлывали прежде
И знаете достаточно меня.

ГЕНРИХЪ.

Да, я васъ знаю. Но пускай бы даже
Я въ васъ ошибся и подъ маской друга
Не разглядѣлъ я пошлости черты,
Все-жъ и тогда не могутъ затеряться
Всѣ золотыя искры, что блестятъ
И въ самыхъ темныхъ и постыдныхъ душахъ.

ПАСТОРЪ.

Скажите, мастеръ, почему такъ странно,
Такъ дико вы клянетесь?

ГЕНРИХЪ.

Пѣтухомъ

И лебедемъ?

ПАСТОРЪ.

И конской головою?

ГЕНРИХЪ.

Не знаю самъ, какъ мнѣ на умъ взбрела
Такая клятва. Кажется, на это
Меня навелъ на вашей церкви флюгеръ,
Чтo въ видѣ пѣтуха блеститъ на солнцѣ;

Изображенъе конской головы
Я у сосѣда Каргеса замѣтилъ
На крышѣ дома; ну, а лебедь тамъ
Въ небесной синевѣ передо мною
Мелькалъ не разъ. Но, впрочемъ, это—вздорь...
Вотъ и вино. Отъ искренняго сердца
Я пью здоровье вашей и моей
Подруги дорогой!

ПАСТОРЪ.

Благодарю васъ.
На это я могу однимъ отвѣтить:
За здравіе того, кто исцѣлился!

ГЕНРИХЪ (рассаживая взадъ и впередъ).

Я исцѣлился, обновился. Да,
Я это вижу по всему. Волненьемъ
Глубокимъ, сладостнымъ моя душа
Исполнена. Я чувствую порывы
Могучей свѣжести, какъ будто я
Дыханіемъ весны обвѣянъ. Сила
Желѣзная въ моей рукѣ: ее
То разжимаю я, то вновь сжимаю,
Какъ ястребъ когти. Я исполненъ весь
Желаньемъ творчества. Вонъ тамъ, смотрите,
Въ моемъ саду стоитъ моя святыня.

ПАСТОРЪ.

Святыня? Я не понимаю васъ.

ГЕНРИХЪ.

Да, да, моя святыня. Это чудо.
Всмотритесь.

ПАСТОРЪ.

Я не вижу ничего.

ГЕНРИХЪ.

Я говорю о деревѣ вотъ этомъ,
Что, будто облако въ вечерній часъ,
Раскинулось по синевѣ небесной.
Вы знаете-ль, богъ свѣта нисходилъ

Подъ сѣнь его. Волшебный, чудный шопоть
Въ его зеленыхъ слышится вѣтвяхъ,
Гдѣ стаи пчель съ цвѣтовъ благоуханныхъ
Сбираютъ медъ. Я на него похожъ—
На это дерево. Богъ свѣта также
Мнѣ въ душу снизошелъ, и зацвѣла
Она благоуханными цвѣтами
Затѣмъ, чтобъ пчелы съ нихъ собрали медъ.

Пасторъ.

Вы говорите хорошо. Я васъ
Съ охотой слушаю. Хвалы достойны
И вы и ваше дерево. Но плодъ
На немъ созрѣетъ ли по волѣ Божьей?

Генрихъ.

О, да. Вы правы, мой почтенный другъ,
Все въ Божьей волѣ. Богъ меня низринулъ
Съ утеса въ бездну, и опять вознесъ,
И возвратилъ мнѣ силу. Все отъ Бога—
И цвѣтъ и плодъ. Все отъ него. Молите,
Чтобъ лѣто Онъ мое благословилъ.
То, что во мнѣ цвѣтетъ и созрѣваетъ,
Достойно завершенья, вѣрьте мнѣ.
Задумалъ я великое творенье,
Какого я не создавалъ донинѣ!
Подборъ колоколовъ задумалъ я
Изъ благороднаго металла. Сами
Они звонить и двигаться должны.
Когда рукой, какъ раковиной, ухо
Я ограждаю,—ихъ чудесный звонъ
Немолчно раздается. Стбить только
Закрывать глаза мнѣ,—вижу предъ собой
Я чудныя ихъ формы, вижу ясно
Въ моей фантазіи. Почтенный другъ,
Подумайте: что прежде я искалъ
Съ такимъ трудомъ, съ такою горькой мукой,—
Теперь досталось, какъ подарокъ, мнѣ!
Вы звали мастеромъ меня, считали
Меня счастливецемъ избраннымъ. Ну, вотъ,
Я этого добился: да, я мастеръ
И счастливъ я!

ПАСТОРЪ.

Да, это хорошо,
Когда васъ мастерамъ зовуть. Однако
Отъ васъ самихъ такія рѣчи слышать
Немного странно. Для какой же церкви
Свое творенье создаете вы?

ГЕНРИХЪ.

Ни для какой!

ПАСТОРЪ.

Но кто-жъ заказъ вамъ сдѣлалъ?

ГЕНРИХЪ.

Тотъ, кто вотъ этой повелѣлъ соснѣ
На край утеса стать и красоваться!
Ту церковку, что вы на высотѣ
Построили, пожаръ совсѣмъ разрушилъ,
И я задумалъ новый храмъ на новомъ
Фундаментѣ поднять, тамъ, на вершинѣ,
Подъ самымъ небосводомъ!

ПАСТОРЪ.

Мастеръ, мастеръ,

Вы увлекаетесь. Но не хочу
Я съ вами спорить. Кажется, другъ друга
Не такъ мы понимаемъ. Я скажу
Вамъ коротко: въ мечтахъ вы создаете
Прекрасное творенье...

ГЕНРИХЪ.

Да, оно

Прекрасно.

ПАСТОРЪ.

Тотъ подборъ колоколовъ...

ГЕНРИХЪ.

Подборъ, иль—какъ хотите, такъ его
И называйте.

ПАСТОРЪ.

Вѣдь сейчасъ вы сами
Его такъ называли.

ГЕНРИХЪ.

Да, назвалъ

Я такъ то диво, что создать я долженъ.

ПАСТОРЪ.

Прекрасно. Но скажите же мнѣ, кто
Заплатитъ вамъ за трудъ?

ГЕНРИХЪ.

Кто мнѣ заплатитъ?

О, пасторъ, пасторъ! Иль хотите вы,
Чтобъ счастье осчастливили? Награду
Вознаградили?.. Да, зовите такъ
Мое твореніе, какъ самъ назвалъ я:
Подборъ колоколовъ. Повѣрьте мнѣ,
То будетъ дивный колоколъ, какого
Досель еще не отливалъ никто.
Онъ обладаетъ мощной силой звона,
Гудящаго, какъ громъ небесъ весной,
Когда онъ яростно гремитъ, и нивы
И села потрясая. Будто гулъ
Трубы архангела, заставить смолкнуть
Онъ всѣхъ церковей колокола, и вѣсть
Онъ принесетъ ликующую міру
О новой, свѣтлой жизни на землѣ!
О, солнце, нашъ небесный прародитель!
Тобою вскормлены равно и мы
И дѣти наши. Пусть они въ грядущемъ
Восторженные ликованья шлютъ
Въ обитель чистую небесъ. Какъ въ этой
Разрыхленной, зазеленѣвшей нивѣ,
Что стелется далеко предо мной,
Такъ и во мнѣ зажгло ты, солнце, жажду,
Святую жажду жертвоприношенья;
Все существо мое я приношу
Тебѣ на жертву! Онъ настанетъ, день,
Когда изъ мраморныхъ чертоговъ храма,
Мной созданнаго, благовѣсть святой
Раздастся съ высоты, и разорвется
Завѣса тучъ, висѣвшая надъ нами
Всю зиму долгую, и упадутъ
Дождемъ на землю перлы и алмазы!

И тысячи людей въ восторгѣ свѣтломъ
Къ нимъ устремятся, жадно собирая
Сокровища, и въ хижины свои
Ихъ понесутъ. Потомъ, схвативъ знамена,
Давно ихъ ждавшія, пойдутъ на праздникъ
Паломниками солнца! Вижу я,
Толпы ихъ къ храму моему стремятся,
Колышется надъ ними шелкъ знаменъ,
Мой колоколъ звучить, и дивный звонъ
Находитъ отзывъ въ ихъ сердцахъ, и сладко
Сливается онъ съ криками восторга,
Съ рыданьемъ умиленнаго народа!
Онъ запоетъ забытый, дивный гимнъ,
Пѣснь родины, пѣснь золотого дѣтства,
Пѣснь сладкую любви, что всѣмъ звучить
Таинственно изъ сказочнаго царства,
Знакомую и ласковую пѣснь,
И все-жъ еще неслышанную въ мірѣ!
И вотъ, когда раздастся эта пѣснь,
Какъ рокоть соловья, какъ воркованье
Веселыхъ горлинокъ, у всѣхъ въ груди
Растаетъ ледъ и ярости, и горя,
И ненависти, и безумныхъ мукъ,
И жаркими слезами онъ прольется.
И всѣ тогда съ слезами ликованья
Преклонятся передъ крестомъ. И Онъ,
Христосъ распятый, вознесенный вновь
Освобождающею силой солнца,
Въ его лучахъ небесныхъ засіяетъ,
Улыбкой Божьей озаря землю!

(Проговоривъ это все съ большимъ и большимъ одушевленіемъ, Генрихъ начинаетъ ходить взадъ и впередъ. Раутенделейнъ, опьяненная восторгомъ и любовью, со слезами на глазахъ, опускается передъ нимъ на колѣни и цѣлуетъ его руки. Пасторъ слушаетъ Генриха съ возрастающимъ ужасомъ. Послѣ короткой паузы, онъ начинаетъ говорить съ притворнымъ спокойствіемъ, которое однако скоро пропадаетъ).

ПАСТОРЪ.

Я выслушалъ, любезный мастеръ, васъ
И нахожу, что говорили правду
Мнѣ члены нашей общины почтенной.
Признаюсь вамъ: мнѣ причиняетъ скорбь
О вашѣмъ дивномъ колоколѣ сказка.

Но я пришелъ сюда не для того,
Чтобъ видѣть ваши чудеса, а съ цѣлью
Помочь въ бѣдѣ вамъ.

Генрихъ.

Мнѣ помочь въ бѣдѣ?

Въ какой бѣдѣ?

Пасторъ.

Безумецъ ослѣпленный,
Проснитесь наконецъ, вѣдь вы въ бреду...
Вы въ страшномъ снѣ, и, если Божье слово
Васъ не разбудить, мастеръ Генрихъ, вы
Погибли навсегда, и муки ада
Вамъ суждены.

Генрихъ.

Не думаю.

Пасторъ.

Пророкъ

Сказалъ слова: «Кого стужить захочетъ
Господь, царящій въ небѣ, поразить
Онъ слѣпотою того».

Генрихъ.

Коль Богъ назначилъ
Погибель мнѣ,—Его свершится воля.
Но почему-жъ считаете меня
Вы ослѣпленнымъ? Я съ благоговѣньемъ
Молюся въ свѣтлый утра часъ
И вижу я отверстыми очами
Сіянье Божьяго величья.

Пасторъ.

Генрихъ,

Полетъ вашъ черезчуръ высокъ, поймите.
Я человѣкъ простой, я на землѣ
Жить обреченъ и мало разумѣю
Я въ высреннихъ вещахъ. Но все же мнѣ
Одно вполне понятно: вы забыли—
Что правда, что неправда, что есть зло
И что добро.

ГЕНРИХЪ.

Адамъ въ рай объ этомъ
Не больше зналъ, чѣмъ я.

ПАСТОРЪ.

Слова, слова!

Вы ими не прикроете нечестья!
Мнѣ жаль васъ, я васъ пощадить хотѣлъ...
У васъ вѣдь есть жена и дѣти, Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Такъ что же?

ПАСТОРЪ.

Покидаете вы ихъ,
Бѣжите въ горы, по недѣлямъ цѣлымъ
Не возвращаетесь домой; а тамъ.
Томятся ваши близкіе: тамъ дѣти
Пьютъ слезы бѣдной матери своей...

ГЕНРИХЪ.

О, пасторъ, если бы я эти слезы
Могъ осушить,—я осушилъ бы ихъ!
Но я не въ силахъ это сдѣлать. Горю
Сочувствую вполнѣ я, но смягчить
Его не въ состоянны. Да, теперь я
Живу любовью, самъ я весь любовь
И ею обновленъ. Но все-жъ не смѣю
Я отъ избытка своего богатства
Наполнить кубокъ для моей семьи:
Мое вино для нихъ отравой будетъ
Могу ли я вотъ этою рукой,
Съ орлиными когтями вмѣсто пальцевъ,
Ребенка щечку нѣжную ласкать?
Нѣтъ, только Богъ одинъ помочь имъ можетъ.

ПАСТОРЪ.

Но это вѣдь безумье. Я сказалъ.
Да, нечестивое безумье. Мастеръ,
Я пораженъ жестокосердьемъ вашимъ.
О, злomu духу удалась вполнѣ
Его продѣлка, долженъ я сознаться.

Вѣдь это дивное созданье ваше,
Которымъ вы такъ бредите—ужель
Не чувствуете вы?—оно есть мерзость,
Языческая мерзость. Нѣтъ, пускай
Всѣ казни злыя, что рука Господня
Ниспосылала древле на Египеть,
Обрушатся на христіанскій міръ,—
Все-жь это будетъ легче, чѣмъ увидѣтъ
Оконченнымъ вашъ нечестивый храмъ
Ваалу, Вельзевулу и Молоху!
Останьтесь христіаниномъ. Еще
Для васъ не поздно это. Прогоните
Разлучницу, негодную дѣвчонку,
Колдунью, вѣдму. Сбросьте разомъ мракъ
Лукавыхъ чаръ,—и вы спасетесь!

Генрихъ.

Когда въ горячкѣ смертной я лежалъ,
Она пришла ко мнѣ и исцѣлила
Недугъ мой.

Пасторъ.

Лучше-бъ было умереть,
Чѣмъ исцѣлиться съ помощію ада.

Генрихъ.

Объ этомъ, пасторъ, можете судить,
Какъ вамъ угодно. Отъ нея я принялъ
Жизнь новую и съ нею буду связанъ;
Пока меня съ ней смерть не разлучить.

Пасторъ.

Я вижу, вамъ возврата нѣтъ. Глубоко,
По горло вы погрязли въ бездну зла
И адъ свой преукрасили красою
Небесною. Зло крѣпко держитъ васъ.
Я дальше не пойду. Но вамъ извѣстно:
Въ былые дни, какъ и теперь, костерь
Колдуньямъ и еретикамъ назначень.
Vox roruli—vox Dei. Ваши всѣ
Дѣянія языческія въ ужасъ
Людей приводятъ, возбуждаютъ въ нихъ
Къ вамъ ненависть. Случиться очень можетъ,

Что мы не въ силахъ будемъ обуздать
Порывъ возстанья. Оскорбленный вами
Въ его святынѣ, бросится народъ
На вашу мастерскую безъ пощады,
Чтобъ истребить очагъ грѣха и зла.

Генрихъ (послѣ краткаго молчанія,
спокойно).

Послушайте, не запугать меня вамъ!
Когда томимый жаждой человѣкъ,
Къ которому я приближаюсь съ кубкомъ
Прохладнаго напитка, вывереть вдругъ
Тотъ кубокъ, разольетъ его и послѣ
Умереть отъ жажды,—я-ль виновенъ буду
Въ его безумной смерти? Самъ хотѣлъ
Онъ участи такой и пусть заслужитъ
Свою судьбу. Я жаждущей толпѣ
Несу живую воду возрожденья.
Пусть въ ярости бросается толпа
И разбиваетъ драгоценный кубокъ,
Пусть затмеваетъ дивный свѣтъ небесъ
Безумья тьма,—я не дрогну душою.
Я знаю, что хочу, на что способенъ!
Да, мнѣ не разъ случалось разбивать
Колоколовъ уже готовыхъ формы;
И вотъ опять могу поднять я молотъ
И раздробить однимъ ударомъ въ прахъ
Тотъ жалкій колоколь, что грубой чернью
Отлить изъ злобы, желчи и тщеславья,
Отлить затѣмъ, что благовѣстилъ онъ
Невѣжество и глупость!

Пасторъ.

Ну, прощайте.

Я все сказалъ вамъ, Генрихъ,—все, что могъ.
Никто не вывереть сорную траву
Грѣховныхъ помысловъ, что въ нашемъ сердцѣ.
Да смиляется надъ тобою Богъ!
Но дай еще одно сказать. Есть слово—
Раскаянье; о, человѣкъ, придетъ,
Придетъ тотъ день, когда тебя стрѣлою
Оно пронзитъ, и ты не будешь жить,
И не умрешь, и проклянешь въ смятеньи

И самого себя, и міръ, и Бога,
Свое твореніе, и все на свѣтѣ!
Тогда... тогда ты вспомни обо мнѣ.

ГЕНРИХЪ.

Всѣ эти ужасы себѣ представить
Я могъ бы лучше васъ, почтенный другъ.
Но то, что вы сулите, не случится.
Меня стрѣла раскаянья не можетъ
Поранить, какъ не можетъ зазвонить
Тотъ старый колоколъ, что рухнулъ въ пропасть
И въ озерѣ теперь лежитъ на днѣ.

ПАСТОРЪ.

Онъ зазвонить—я говорю тебѣ!
Онъ зазвонить—и ты его услышишь!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Внутренность лачуги, какъ въ третьемъ дѣйствіи. Въ скалистой стѣнѣ направо—ходъ, ведущій въ горную пещеру. Направо открытый кузнечный очагъ съ мѣхами и дымовой трубой. На очагѣ пылаетъ огонь. Недалекъ отъ очага наковальня.

Генрихъ держитъ на наковальнѣ кусокъ раскаленного желѣза. Около Генриха шестеро карликовъ въ одеждѣ рудокоповъ. Первый карликъ, вмѣстѣ съ Генрихомъ, придерживаетъ клещи. Второй взмахиваетъ большимъ молотомъ и опускаетъ его на раскаленное желѣзо. Третій раздуваетъ огонь мѣхомъ. Четвертый внимательно наблюдаетъ за работой. Пятый стоитъ въ выжидательной позѣ; въ рукахъ у него кирка; онъ, очевидно, готовится ею орудовать. Шестой карликъ сидитъ на небольшомъ возвышеніи, на головѣ у него блестящая коронка. Кругомъ видны: отлитыя формы, архитектурныя украшенія, фигуры.

ГЕНРИХЪ.

Бей, колоти, покуда хватитъ силы!
Твое нытье не трогаетъ меня:
Не сдѣлаешь того, что я назначилъ—
Я бороду тебѣ спалю.

(Второй карликъ бросаетъ молотъ).

А, плуть,

Я такъ и зналъ! Ну, погоди-жъ, увидишь

Ты у меня сейчасъ, что говорилъ
Не въ шутку я.

(Хватаетъ карлика и держитъ надъ огнемъ. Карликъ барахтается и визжитъ. Карликъ, раздувающій мѣхъ, начинаетъ работать еще усерднѣе).

ПЕРВЫЙ КАРЛИКЪ.

Силь больше нѣтъ, хозяинъ!

Рука нѣмѣетъ!

ГЕНРИХЪ.

Я приду сейчасъ.

(Второму карлику)

Что, отдохнулъ?

(Второй карликъ весело киваетъ головой, снова схватываетъ молотъ и колотитъ имъ).

Клянусь я пѣтухомъ

И лебедемъ! Держать васъ надо въ страхъ.

Берется опять за клещи).

Подковы бы не могъ сковать кузнецъ,

Когда-бъ онъ церемонился съ такими

Лѣнтями. Ударивъ первый разъ,

Вы думаете, силы ужъ не хватить

Вамъ на второй ударъ. Охоты нѣтъ,

Старанія. Ну, колоти живѣе!

Ты что тамъ дѣлаешь?

ПЕРВЫЙ КАРЛИКЪ (въ своемъ усердіи пробуетъ придать форму раскаленному желѣзу рукой).

Моей рукою

Сформирую я желѣзо.

ГЕНРИХЪ.

Ты безумецъ!

Иль хочешь руку ты испепелить?

Что буду дѣлать я, коль перестанешь

Ты мнѣ служить? Какъ къ солнцу вознесу

То зданіе, которое замыслилъ?

ПЕРВЫЙ КАРЛИКЪ.

Готова форма. А рука немного

Устала. онѣмѣла—вогъ и все.

ГЕНРИХЪ.

Скорѣй къ бассейну. Пусть зеленой тиной
Тебѣ обложить пальцы Водяной.

(Ко второму карлику)

Ну, будетъ, отдохни теперь, лѣнивонецъ.

(Беретъ только-что выкованный кусокъ желѣза, садится
и разглядываетъ его).

Прекрасно! Превосходно! Я достигъ
Желаннаго успѣха. Я доволенъ
Въ послѣдній этотъ часъ моимъ трудомъ:
Безформенная масса обратилась
Въ осмысленную форму, чудный перлъ
Изъ хаоса образовался. Надо
Теперь одно: сработанную часть
Включить въ недовершенное созданье.

(Четвертый карликъ взлѣзаетъ на табуретъ и что-то шеп-
четъ на ухо Генриху).

Что ты такое шепчешь?.. Прочь! Оставь
Меня въ покоѣ, а не то свяжу
Тебѣ я руки, ноги и заткну
Твой глупый ротъ.

(Карликъ убѣгаетъ).

Ну, что же въ этой части
Не нравится тебѣ? Что не подходитъ
Въ ней къ цѣлому? Да говори-жь, тебя
Я спрашиваю? Никогда такъ вѣрно
Я не работалъ, какъ теперь: рука
Вполнѣ согласна съ мыслию. И смѣешь
Ты порицать меня? Иль я не мастеръ?
Иль ты меня искусный? Подойди
И объясни мнѣ внятно и толково,
Что хочешь ты сказать?

(Карликъ подходит и шепчетъ. Генрихъ блѣднѣетъ, вздыхаетъ, подни-
мается и кладетъ приготовленную часть снова на наковальню).

Пусть сатана

Работу эту адскую кончаетъ,
А я примусь копать въ огородѣ,
Начну сажать картофель и морковь.
Я буду пить и ѣсть и спать спокойно,
Ну, а потомъ умру.

(Пятый карликъ подходит къ наковальнѣ).

Не смѣй, не смѣй
Къ моей работѣ прикасаться! Слышишь?
Ты весь дрожишь отъ злости, волоса
Щетиной поднялись, глаза сверкаютъ,
Какъ молнии. Убийца! Знаю я,—
Кто твердою рукой тебя не сдержитъ,
Тому одно останется: нагнуть
Передъ тобою голову покорно
Подъ роковой ударъ твоей кирки!

(Пятый карликъ разбиваетъ выдѣланную форму на нако-
вальнѣ. Генрихъ въ гнѣвѣ скрежещетъ зубами).

Довольно! Вечеромъ сегодня—праздникъ.
Работа кончена. Идите. Вновь
На утро соберусь я съ свѣжей силой
И васъ тогда я призову опять.
Ты чтѣ стоишь съ мѣхами?—Убирайся!

(Всѣ карлики, кромѣ того, чтѣ съ короной, уходятъ).

А ты, увѣнчанной короной,—ты,
Чтѣ говоришь однажды только въ жизни,
Чего стоишь и ждешь здѣсь? Уходи.
Ты не сегодня и не завтра слово
Завѣтное свое произнесешь.
Богъ вѣсть, услышу-ль я когда: «свершилось,
Свершилось все!» Ахъ, я усталъ, усталъ...
Я не люблю печальный часъ вечерній.
Межъ днемъ и ночью проползаетъ онъ,
И дню и ночи чуждый; вырываетъ
Онъ молотъ изъ руки моей, но сна
Мнѣ не даетъ; а только сонъ намъ силы
Вновь возвращаетъ. Утра свѣтъ бодритъ;
Но, пурпуромъ окутанное, солнце
Нисходитъ въ глубину, и на землѣ
Грустимъ мы въ одиночествѣ суровомъ
И въ тьмѣ ночной безпомощно дрожимъ.
Мы утромъ—короли. Настанетъ вечеръ,
Мы—нищіе.

(Ложится на камень и грезитъ съ открытыми глазами. Въ отверстіе
стѣны проникаетъ блѣсоватый туманъ. Когда онъ разсѣялся, по-
является изъ бассейна Водяной).

Водяной.

Квораксъ! Брекекекексъ!
Залегъ на отдыхъ мастеръ нашъ. Лежитъ

И ничего не видеть и не слышать,
А тамъ, на скалы, призраки ползуть,
Карабкаются, кулаками злобно
Грозятъ они иль бѣшено кричатъ...
Лежитъ нашъ мастеръ утомленный. Холодъ
И боль въ его костяхъ, но трудъ дневной
И въ грезахъ сна онъ все же продолжаетъ.
Оставь! Твой трудъ—напрасная борьба.
Ты съ Богомъ борешься. Ты Бога вызвалъ,
И Богъ отвергъ тебя, и ты ослабъ!

(Генрихъ со стономъ ворочается).

Твои всѣ жертвы тщетны. Ты виновенъ.
И не искупишь ты вину трудомъ.
Благословеня не взялъ ты у неба,
Чтобы въ заслугу превратить свой грѣхъ,
Въ награду—кару. Гордости порокомъ
Ты омраченъ. Возмездья близокъ часъ.
Въ ущельяхъ горныхъ демоны толпою
Собираются на дикую охоту.
Ты слышишь, слышишь черной своры лай?
Свою добычу сыщеть злая свора!
Ты видишь: великаны въ облакахъ
Громады замковъ темныя воздвигли:
Они обрушатъ ихъ на выси горъ,
Чтобъ раздавить тебя, червякъ ничтожный,
И жалкое мечты твоей созданье!

ГЕНРИХЪ.

Я задыхаюсь. Раутенделейнъ,
Ко мнѣ, ко мнѣ! На помощь!

ВОДЯНОЙ.

Пусть услышитъ

Она тебя и пусть къ тебѣ придетъ,
Но все-жъ помочь она тебѣ не можетъ.
И если бы она была, какъ Фрея,
Прекрасна и могуча, если-бъ ты
Былъ Бальдеромъ и солнечныя стрѣлы
Ты изъ колчана своего металъ—
Все-жъ и тогда близка твоя погибель.
Да, слушай, слушай, что тебѣ скажу:
Тамъ, въ озерѣ, на каменистомъ ложѣ

Лежить упавшій колоколь и вверх
Стремится всплыть, гдѣ въ темно-синихъ волнахъ
Отражены небесныхъ звѣздъ огни,
И такъ гудитъ онъ жалобно, какъ будто
Сбирается звонить надъ мертвецомъ.

Бимъ-бомъ!

О, вздрогнешь ты отъ горькихъ мукъ,
Когда его раздастся звукъ—

Бимъ-бомъ!

Навѣки ты утратишь сонъ,
Услышавъ твой могильный звонъ—

Бимъ-бомъ!

ГЕНРИХЪ.

Спасите! Помогите!

(Пресыпається).

Что со мною?

Я живъ иль умеръ?

(Онъ протираетъ глаза и озирается).

Есть тутъ-ктонибудь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (появляется у входа).

Я здѣсь, съ тобой. Меня ты кликалъ, Генрихъ?

ГЕНРИХЪ.

Да, да, приди ко мнѣ! Приди ко мнѣ!
Дай руку. Положи на лобъ горячій.
Вотъ такъ. Хочу я чувствовать тебя,
И шелкъ твоихъ волосъ, и трепетъ сердца...
Склонись на грудь мою. Цѣлуй меня!
Весны дыханіе, и свѣжесть лѣса,
И ароматъ цвѣтовъ твой поцѣлуй
Приносить мнѣ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мой дорогой, ты боленъ?

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ... ничего. Я здѣсь лежалъ, озябъ...
Дай одѣяло мнѣ... Лишился чувствъ я,
И сердце замерло, и мнѣ казалось,
Что силы темныя вокругъ меня
Сошлись и мучаютъ меня, какъ жертву...

Но это все прошло. Теперь онъ
Не властенъ надъ мною.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто не властенъ?

ГЕНРИХЪ.

Враги.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Какіе же враги?

ГЕНРИХЪ.

Всѣ, всѣ!

Какъ ихъ зовутъ—не знаю я. Подкрались..
Они во тьмѣ коварно, какъ гѣна,
Меня сгубить. Но я имъ не поддамся.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты въ лихорадкѣ, Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Да, знобитъ

Меня немножко. Не тревожься этимъ
И обними меня покрѣпче... Такъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мой милый! Дорогой!

ГЕНРИХЪ.

Дитя, скажи мнѣ:

Въ меня ты вѣришь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Генрихъ, ты мой богъ!

Ты—Бальдеръ! Ты—могучій рыцарь солнца!
Ты блѣднолицый. Я твой бѣлый лобъ
Цѣлую сладко, синевую ясной
Твоихъ очей не налюбуюсь я!

(Пауза).

ГЕНРИХЪ.

Да, я таковъ. Я Бальдеру подобенъ,
Ты говоришь? Прекрасное дитя,

Дай въ этомъ убѣдиться мнѣ, забывшись
Въ твоихъ объятіяхъ. Забвенья хмель
Для творчества необходимъ. Порой,
Когда рука трудиться устаетъ,
Роняя молотъ и клещи,—и душу
Тревожить мелкихъ неудачъ тоска,
Когда одушевленіе и вѣра
Насъ покидаютъ, свѣтлый идеаль
Невольно меркнетъ, пламень вдохновенья —
Небесный даръ—утрачиваемъ мы.
Тогда стоишь, обманутый, и жаждешь
Избавиться, какъ отъ мечты пустой,
Отъ муки творчества... Но я не буду
Объ этомъ больше говорить теперь.
Дымъ жертвенника моего покуда
Летитъ струей прямою къ небесамъ,
И если Божія рука направитъ
Его къ землѣ,—не властенъ въ этомъ я.
Тогда одежду жреческую сброшу
Я съ плечъ моихъ и покорюсь судьбѣ.
Теперь же—свѣта! факеловъ! Искусство
Свое волшебное мнѣ покажи:
Дай мнѣ вина, и будемъ веселиться
Мы, какъ простые люди, и ловить
Минуту счастья.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Я летала, милый,
Носясь по вѣтру точно паутинка,
Порхая по цвѣтамъ, какъ мотылекъ,
И съ cadaго цвѣтка и съ каждой травки,
Съ гвоздики, съ колокольчиковъ,—со всѣхъ
Взяла я клятву, что они не станутъ
Вредить тебѣ ничѣмъ. И каждый эльфъ,
Какъ ни былъ бы враждебенъ, не отточитъ
Стрѣлы онъ смертоносной для тебя!

ГЕНРИХЪ.

Чтѣ говоришь ты про стрѣлу? О томъ
Слыхалъ я рѣчь отъ призрака, въ одеждѣ
Священника: онъ руку простираетъ
И мнѣ грозилъ пронзить стрѣлою сердце.
Но кто же, кто метнетъ въ меня стрѣлу?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Никто, никто, мой милый, успокойся.
Ты безопасенъ здѣсь со мной. Кивни
Мнѣ только головою—и польются
Волшебныхъ пѣсенъ свѣтлые лучи,
Замкнуть тебя звучащею оградой,
И сквозь нее къ тебѣ не долетать
Ни голоса людей, ни звонъ печальный
Колоколовъ. Подай рукою знакъ—
И высоко чертоговъ пышныхъ своды
Надъ нами скалы вознесутъ, и рой
Веселыхъ гномовъ прибѣжитъ; цвѣтами
Они украсятъ пирные столы,
Карнизы, стѣны, и заблещутъ ярко
Вкругъ насъ огни волшебные...

ГЕНРИХЪ.

Дитя,
Оставь, оставь все это! Пиръ волшебный
Не можетъ веселить меня, пока
Стоитъ, подобное руинѣ жалкой,
Мое твореніе. Настанетъ часъ
Завѣтный торжества, и возликуетъ
Тогда душа моя весельемъ чуднымъ.
Теперь я рвусь туда, наверхъ: хочу
Я видѣть зданіе, съ которымъ скованъ
Я узами желѣзными. Возьми
Скорѣе факель и свѣти мнѣ. Чую
Я сердцемъ: безыменные враги
Подкапываютъ тайно основанье
Заложеннаго храма. Долженъ я
Не пировать, а дѣйствовать. Окончу
Я трудъ великій, и передъ людьми
Воздвигнется то чудо, что скрывалось,
Воздвигнется изъ чугуна и камня,
Сіяя золотомъ, слоновой костью,
Воздвигнется—и будетъ изумлять
Вѣка грядущіе.

(Хочетъ идти, но останавливается у выхода).

Что-жь ты печально
Стоишь, дитя? Иль я тебя обидѣлъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

НѢТЬ, НѢТЬ...

ГЕНРИХЪ.

Но что-жъ съ тобою?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ничего.

ГЕНРИХЪ.

Бѣдняжка! знаю, что тебя печалить:
Ребенокъ ловить мотылька, смѣясь,
И убиваетъ самъ, что любить нѣжно.
Ужели я не лучше мотылька?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

А я не лучше-ль этого ребенка?

ГЕНРИХЪ.

Да, лучше, лучше! Если бы объ этомъ
Я позабылъ, то жизни смыслъ и блескъ
Утратился бы для меня. Приди же,
Приди ко мнѣ! Твоихъ очей слеза
Мнѣ выдаетъ то горе, что принесъ я
Тебѣ, малютка. Вѣрь мнѣ, я люблю,
Люблю тебя. Не плачь. Ты обновила
Мнѣ душу для борьбы, ты мнѣ дала
То золото, что бросилъ я на ставку
Въ игрѣ съ богами. И теперь еще
Я чувствую: наградой несказанной
Твоя краса волшебная была
Для моего измученнаго сердца:
Съ тобою я извѣдалъ ласку счастья
Непостижимаго. Впередъ! Свѣти!
Свѣти мнѣ ярче на моемъ пути!

Лѣшій (у входа). Сюда! сюда! Взбирайтесь проворнѣе!
Что вы тамъ мѣшкаете, сатана васъ поberi! Впередъ, го-
сподиень пасторъ! Впередъ, цырюльникъ! Здѣсь есть и со-
лома, и смола, и хворость. А мастеръ Генрихъ цѣлуетъ
со своею феечкой. Лежить въ постели и въ усъ себѣ не
дуетъ!

Генрихъ. Кажется, дуракъ объѣлся бѣлены. Чего ты разорался ночью? Смотри, берегись!

Лѣшій. Кого бояться? Тебя, что ли?

Генрихъ. А вотъ я тебя оттреплю за бороду, козлогоній негодяй! Съ такими, какъ ты, я умѣю справляться. Я тебѣ покажу, что я мастеръ! Я остригу тебя. Вотъ тогда ты и присмирѣешь: будешь ты у меня, козель, служить подмастерьемъ. Видишь наковальню и молотъ? Онъ точно тяжелъ, чтобы расплющить тебя въ лепешку.

Лѣшій (подставляя спину). Попробуй, поколоти! Меня не то что молотъ, и мечъ не беретъ, а только щекотитъ.

Генрихъ. Погоди ты у меня, проклятый зобатый бѣсъ. Будь ты старъ, какъ дремучій боръ, и силенъ, какъ медвѣдь, я все-таки посажу тебя на цѣпь, заставлю таскать воду, мести хижину, таскать камни. А залѣнишься—розги!

Раутенделейнъ. Генрихъ, вѣдь онъ тебя предостерегаетъ.

Лѣшій. Веселѣй! Спѣшите сюда, ребята! Славная будетъ потѣха. И я вамъ помогу. Вотъ, мастеръ, они тебя рубятъ на жаркое, какъ теленка. А я имъ притащу сѣры, масла и смолы. Такой запалимъ огонекъ, что отъ дымъ свѣтъ потемнѣетъ!

(Уходить. За сценой крики толпы).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты слышишь, Генрихъ, голоса людей!

Они грозятъ тебѣ! Они все ближе!

На помощь! Бабушка!

(Летятъ камни. Одинъ попадаетъ въ Раутенделейнъ).

ГЕНРИХЪ.

Приснилось мнѣ,

Что свора гонится за мною. Слышу

Я этой своры вой. Ну, что-жъ, я радъ,

Идите! Если-бъ даже ангелъ съ неба

Ко мнѣ сошелъ и началъ убѣждать,

Что трудъ мой важенъ, я бы убѣдился

Его словами меньше, чѣмъ теперь,

Когда услышалъ этотъ вой противный.

Идите! Я васъ буду защищать.

Отъ васъ самихъ: вотъ лозунгъ мой!

(Уходить).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (въ тревогѣ).

Спасите!

Спасите! Помогите! Водяной,
Прошу тебя: спусти по скаламъ воду
Потокомъ бурнымъ. Прогони людей!
Я умоляю, сдѣлай это, сдѣлай!

Водяной (появляется въ бассейнѣ).

Брекекекексъ! Чтò сдѣлать долженъ я?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Смой въ пропасть ихъ волнами водопада:

Водяной.

Я не могу.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ну, полно, Водяной,
Ты можешь это сдѣлать.

Водяной.

Да, помилуй,
Чтò будетъ въ этомъ толку? Вѣдь для насъ
Помѣха мастеръ Генрихъ. Онъ надъ богомъ
Желаеть властвовать и надъ людьми.
Пускай они убьютъ его теперь:
Мнѣ это на руку.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ступай скорѣе

И помоги ему.

Водяной.

А чтò ты дашь
За это мнѣ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ

Скажи, чего ты хочешь?

Водяной.

Хочу тебя. Брекекекексъ! Хочу,
Чтòбъ плечи смуглыя ты мнѣ открыла,

Чтобъ съ ножки красный башмачокъ сняла.
Раздѣнься, сдѣлайся такой, какъ прежде,
Спустишь ко мнѣ сюда, и унесу
Тебя далеко я.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вишь, какъ разумно
Ты рассудилъ. Такъ знай же, никогда
Не буду я твоей, хотя бы вдвое
Иль втрое старше бабушки ты былъ,
Хотя бы заключилъ меня, какъ жемчугъ,
Ты въ раковину—слышишь: никогда!

Водяной.

Ну, коли такъ—пускай погибнетъ мастеръ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты лжешь! Я чувствую, старикъ, ты лжешь:
Ты слышишь, онъ зоветъ меня! Ага,
Ты испугался, ты узналъ тотъ голосъ!

(Водяной скрывается. Генрихъ входитъ. Онъ возбужденъ борьбой, смѣется дикимъ, торжествующимъ смѣхомъ).

ГЕНРИХЪ.

Какъ псы, они напали на меня,
Какъ псовъ, я разогналъ ихъ головнями
Горящими. Я отрывалъ гранитъ
И глыбами бросалъ его съ утеса:
Кто не погибъ на мѣстѣ—тотъ бѣжалъ.
Дай мнѣ напиться. Освѣжаетъ душу
Горячая борьба: клокочетъ кровь,
И сердце бьется весело тревогой
Побѣдною и чувствуетъ сильнѣй
Любовь и ненависть.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вотъ, Генрихъ, выпей.

ГЕНРИХЪ.

Давай, давай. Дитя мое, я вновь
Хочу твоей любви, я жажду свѣта!

(Пьетъ).

Пью въ честь тебя, небесный счастья духъ!
Съ тобой опять любовью сочетаюсь.

Художникъ—если онъ съ тобой въ разладѣ—
Во тьмѣ погибнетъ; тяготы земли
Не одолѣетъ онъ. О, будь со мною:
Ты окрыляешь душу мнѣ, дитя!
Не покидай меня, я умоляю!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Лишь ты меня бы не покинулъ, Генрихъ...

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Да сохранить меня Господь!
Ну, музыку!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Сюда, мои малютки,
Изъ норъ, изъ щелей, изъ расщелинъ скалъ,
Сбирайтесь всѣ сюда! На звонкихъ лютняхъ,
На флейточкахъ играйте. Пусть звучитъ
Весельемъ ширь побѣдный!

(Музыка).

Въ рѣзвой пляскѣ
Подъ вашу музыку я закружусь!
На золотыя кудри я надѣну
Уборъ сверкающій изъ свѣтляковъ:
Пусть онъ живымъ мерцаетъ ореоломъ
Надъ головою феи!

ГЕНРИХЪ.

Тише, тсс!

Мнѣ чудится...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Что, милый?

ГЕНРИХЪ.

Ты не слышишь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Чего не слышу я?

ГЕНРИХЪ.

Такъ, ничего...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Но что съ тобою, дорогой?

ГЕНРИХЪ

Не знаю...

Мнѣ показалось, съ музыкой слился
Какой-то странный звукъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Какой же, Генрихъ?

ГЕНРИХЪ.

Звукъ жалобный... умолкнувшій давно...
Но это ничего... Оставимъ это.
Приди ко мнѣ, дай пурпурный цвѣтокъ
Твоихъ прекрасныхъ устъ—волшебный кубокъ,
Который пьешь и жаждешь; жаждешь пить
Безъ усталы. Пусть, сладко опьяненный,
Забудусь я.

(Они цѣлуются. Продолжительная пауза. Затѣмъ, обнявшись, идутъ
къ выходу и любуются величественнымъ горнымъ краемъ).

Смотри: отъ темныхъ скалъ,
Спускаясь внизъ, долина протянулась.
Живутъ тамъ люди. Человѣкъ и я.
Но я имъ чуждъ теперь; пойми: я дома
Всѣмъ чуждъ. И здѣсь, на горныхъ высотахъ,
Я также чуждъ... Меня понять ты можешь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (тихо).

Да, Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Ты сказала это «да»
Такъ странно.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Я боюсь

ГЕНРИХЪ.

Чего?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Не знаю.

ГЕНРИХЪ.

Пойдемъ. Пера на отдыхъ.

(Отводитъ ее, но вдругъ останавливается у входа и оглядывается).

Одного

Я не хотѣлъ бы: этотъ блѣдный мѣсяцъ,
Что взоромъ пристальнымъ глядитъ и льетъ
Лучи кристальные,—пусть онъ долину,
Откуда я пришелъ, не озаряетъ!
Что скрылъ завѣсой сѣрою туманъ,
Того не долженъ видѣть я... Что это?..
Ты ничего, дитя, не слышишь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Нѣтъ.

И что сказалъ ты—я не понимаю.

ГЕНРИХЪ.

Какъ? И теперь не слышишь ничего?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Но что же слышать мнѣ? Я слышу: вѣтеръ
Шуршитъ въ травѣ. Я слышѹ крикъ совы,
И странныя слова твои я слышу,
Что ты съ испугомъ шейчешь.

ГЕНРИХЪ

Тамъ, внизу,

Луны кровавый отблескъ. Видишь, видишь,
Въ водѣ онъ отразился?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ничего

Не вижу я.

ГЕНРИХЪ.

Какъ, взоръ твой соколиный
Не видитъ ничего? Ослѣпла ты?
Что тамъ ползетъ такъ медленно, такъ тихо?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты обманулся.

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, молчи, молчи!
Нѣтъ, я не обманулся. Это вѣрно,
Какъ то, что на прощеніе небесъ
Надѣюсь я. Смотри, теперь на камняхъ,
Что около тропинки, чья-то тѣнь...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Довольно. Не смотри туда. Я двери
Запру. Насильно я спасу тебя.

ГЕНРИХЪ.

Оставь! Оставь! Я долженъ, долженъ видѣть!
Хочу я видѣть.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Отойди. Ты слабъ.
Тамъ, въ котловинѣ, облака по вѣтру
Крутятся, будто волны водопада.

ГЕНРИХЪ.

Не слабъ я. Это ничего. Прошло.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ну, вотъ и хорошо. Очнись, мой Генрихъ,
И снова будь властителемъ тѣхъ чаръ,
Что на тебя нагнало навожденье.
Возьми свой молотъ! Размахнись сильнѣй...

ГЕНРИХЪ.

Но развѣ и теперь тебѣ не видно:
Тамъ по горѣ карабкаются?..

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Гдѣ?

ГЕНРИХЪ.

Тамъ, наверху, тамъ, по тропинкѣ горной,
Они въ однѣхъ лишь рубашонкахъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто?

ГЕНРИХЪ.

Босые мальчуганы. Тащутъ оба
Они кувшинъ. Онъ такъ тяжелъ для нихъ:
Вонъ то одинъ колѣнкой подпираетъ,
То вслѣдъ за нимъ другой...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

О, что съ тобою,
Скажи мнѣ, Генрихъ?

ГЕНРИХЪ.

Точно у святыхъ,
Вкругъ ихъ головокъ свѣтлое сіянье.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Обмануть ты блудящимъ огонькомъ.

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, нѣтъ. Сложи-ка руки. Ну, ты видишь?
Вотъ, вотъ они. Ты видишь?

(Онъ становится на колѣни. Появляются двое дѣтей; они въ однихъ рубашонкахъ, робко пробираются, придерживая кувшинъ).

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОКЪ.

Папа!

ГЕНРИХЪ.

Что,
Мое дитя?

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОКЪ.

Намъ мамочка велѣла
Снести поклонъ тебѣ.

ГЕНРИХЪ.

Благодарю,
Мой милый мальчикъ. Что же, хорошо ей
Теперь живется?

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОКЪ (медленно ударяя на
каждое слово).

Да, ей хорошо.

(Едва слышный звукъ колокола раздается изъ глубины).

ГЕНРИХЪ.

Что вы такое принесли?

ВТОРОЙ РЕБЕНОКЪ.

Кувшинчикъ.

ГЕНРИХЪ.

Не для меня-ль?

ВТОРОЙ РЕБЕНОКЪ.

Да, папа, для тебя.

ГЕНРИХЪ.

Но что-жь у васъ въ кувшинѣ томъ?

ВТОРОЙ РЕБЕНОКЪ.

Питье

Соленое.

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОКЪ.

И горькое.

ВТОРОЙ РЕБЕНОКЪ.

То—слезы мамы.

ГЕНРИХЪ.

О, Боже милосердный!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

На кого ты

Такъ пристально глядишь?

ГЕНРИХЪ.

На нихъ, на нихъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да на кого же?

ГЕНРИХЪ.

Или ты ослѣпла?

На нихъ. Гдѣ-жь ваша мама, гдѣ она?

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОКЪ.

Гдѣ наша мама?

ГЕНРИХЪ.

Да.

Второй ребенокъ.

Тамъ, подъ водою,

Гдѣ розы.

ГЕНРИХЪ.

Колоколь!.. Вотъ... вотъ опять...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Какой еще тамъ колоколь?

ГЕНРИХЪ.

Тотъ... старый,

Что въ озерѣ лежитъ... онъ зазвонилъ!..

Кто это сдѣлалъ?.. Не хочу я слушать...

Нѣтъ, не хочу!.. О, помоги же мнѣ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Опомнись, Генрихъ!

ГЕНРИХЪ.

Боже, дай мнѣ силы!

Онъ вновь звонить! Ты слышишь этотъ гулъ,

Какъ будто изъ могилы?.. Выше... выше

Онъ поднимается..

(Отталкивая Раутенделейнъ)

Прочь отъ меня!

Тебя я ненавижу!.. Я ударю

Тебя, проклятая колдунья!.. Прочь!

Проклятье надо мной и надъ тобою,

И надъ моимъ твореньемъ, и надъ всѣмъ,

Надъ всѣмъ на свѣтѣ!.. Здѣсь я... здѣсь я... Магда...

Иду... О, небо, сжался надо мной...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Опомнись, Генрихъ... Онъ ушелъ!.. ушелъ!..

(Занавѣсъ падаетъ)..

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Декорация перваго дѣйствія: горная поляна съ хижиной Виттихп. За полночь. Три эльфы сидятъ около колодца.

ПЕРВАЯ.

Огни пылаютъ.

ВТОРАЯ.

Вѣтъ вѣтеръ бурный
Съ высокихъ горъ въ долину.

ТРЕТЬЯ.

Черный дымъ
Клубится и, задѣвъ вершины сосенъ,
Спускается съ утесовъ.

ПЕРВАЯ.

А внизу

Туманъ бѣлѣтъ...

ВТОРАЯ.

Въ роцѣ задремавшей
Въ часъ поздній распѣваетъ соловей
И такъ рыдаетъ жалобно, что слушать
Нельзя безъ слезъ.

ТРЕТЬЯ.

Какъ странно! Я уснула
На тонкой паутинкѣ межъ цвѣтовъ.
На пурпурной, сплетенной дивно ткани,
Какъ будто бы на царскомъ ложѣ, мнѣ
Лежать такъ было хорошо. При блескѣ
Зари вечерней, свѣтлая роса
Сверкала брилліантами. Былъ сладокъ
Мой сонъ. Когда же пробудилась я,—
Заря померкла, сѣрый сумракъ ночи
Кругомъ ложился до тѣхъ поръ, пока,
Какъ глыба раскаленного металла,
Луна не выплыла надъ гребнемъ скалъ,
И подъ ся кровавыми лучами
Лужайка вся какъ будто ожила:
Послышался повсюду шопотъ, вздохи,

И жалобные голоса и плачь...
Мнѣ стало страшно, кликнула въ тревогѣ
Я свѣтлаго жучка, что промелькнулъ
Съ фонарикомъ своимъ зеленымъ мимо,
Но полетѣлъ онъ дальше. Я лежала
Въ томленьи грустномъ... Вдругъ прелестный эльфъ
На крылышкахъ блестящихъ стрекозы
Ко мнѣ спустился, и ласкать другъ друга
И цѣловать мы стали... и, къ груди
Меня прижавъ, возлюбленный съ тоскою
Заплакалъ и сказалъ мнѣ: «Бальдеръ умеръ»...

ПЕРВАЯ (встаетъ).

Огни пылаютъ!

ВТОРАЯ (тоже встаетъ).

Бальдера костеръ!

(Исчезаетъ).

ТРЕТЬЯ.

Да, Бальдеръ умеръ, Бальдера хоронятъ!

(Исчезаетъ).

ПЕРВАЯ.

Проклятiе ложится надъ землю,
Какъ дымъ отъ погребальнаго костра.

(Туманъ стелется надъ поляной; когда онъ разсѣивается — эльфы исчезли. Лѣшiй выходитъ изъ лѣсу).

ЛѢШIЙ (кричитъ въ колодець).

Эй! царь лягушечiй, всплывай наверхъ!
Плескунъ проклятый! Али ты не слышишь?
Заснулъ ты, что ли? Говорю тебѣ:
Иди сюда скорѣе! Если-бъ даже
Прекраснѣйшая изъ наявъ ласкала
Твою сѣдую бороду,—оставь
Свою постель изъ тины. Расскажу я
Тебѣ такiя новости, что ты
Запрыгаешь, старикъ.

ВОДЯНОЙ (изъ глубины колодца).

Брекекекексъ!

ЛѢШIЙ.

Да вылѣзай наверхъ! Чтѣ ты ворчишь?

Водяной.

Мнѣ некогда. Оставь меня въ покоѣ.

Лѣшій.

Вишь, некогда ему! Ахъ, ты, брюханъ!
Ты слышишь ли: я кое-что развѣдалъ.
Что предсказалъ я, старый, то сбылось:
Дѣвчонку мастеръ бросилъ. Коль не будешь
Звать теперь, такъ словишь прямо въ сѣтъ
Ты рѣдкостную рыбку, хоть немного
Подержаную; ну, да намъ съ тобой
До этого нѣтъ дѣла. Говорю я
Тебѣ, старикъ: найти ты можешь больше,
Чѣмъ думалъ.

Водяной (поднимается изъ колодца; гла-
за у него лукаво сверкають).

Такъ бросилъ онъ ее!
И ты воображаешь,—за дѣвчонкой
Я побѣгу теперь?

Лѣшій.

Коль не нужна
Она тебѣ, такъ мнѣ-бъ узнать хотѣлось,
Гдѣ дѣвочка.

Водяной.

Что-жъ, лѣшенька, ищи,
Авось, найдешь.

Лѣшій.

Да я искалъ повсюду.
Всю ночь въ густомъ туманѣ я бродилъ,
Взбирался я на кручи, гдѣ и козы
Ходить боятся, спрашивалъ сурка;
Но ни сурокъ ни даже соколъ горный
Не знали, гдѣ она. Увидѣлъ я
Костеръ горящій, вырвалъ головешку,
И снова я пошелъ искать въ лѣсу,
Покуда наконецъ не очутился
Предъ кузницей, покинутой въ горахъ;
Она горитъ теперь во мракѣ ночи,
Огонь свиститъ, трещать столбы и балки.

Конецъ величью мастера: оно
Навѣки рушилось!

Водяной.

Про это знаю.

Не для того-ль тревожилъ ты меня?
Да то-ль еще я знаю! Мнѣ извѣстно,
Что колоколь звонилъ, я знаю даже,
Кто двигалъ мертвымъ языкомъ его.
Когда бы видѣлъ ты, что здѣсь творилось,
На днѣ глубокомъ въ озерѣ! Рука
Застывшая утопленницы мертвой
Заколебала колоколь, и онъ
Вдругъ сталъ звонить, и гулъ его громовой
Раздался, будто львицы грозный ревъ,
И, оглашая горы и ущелья,
Взывалъ онъ къ мастеру. Я видѣлъ ликъ
Утопленницы, страшный, съ волосами,
Прилипшими на черепѣ. Когда
Костлявые ея касались пальцы
Къ дрожащему металлу,—онъ гудѣлъ
Съ двойною силою! Я старъ годами,
Видалъ я много на своемъ вѣку,
Но волосы мои сѣдые дыбомъ
Отъ страха поднялись. Когда бы ты
Увидѣлъ это, то ко мнѣ не сталъ бы
Ты приставать съ какою-то дѣвчонкой.
Ничтожное созданье! Пусть она
Съ цвѣтка порхаетъ на цвѣтокъ. Довольно!
Мнѣ надоѣло быть влюбленнымъ.

Лѣшій.

Ну?

А мнѣ такъ вотъ не надоѣло. Каждый
То дѣлаетъ, что нравится ему;
И если въ руки захвачу я тѣло,
Живое и прелестное, такъ что мнѣ
До мертвой той, что въ озерѣ лежитъ?

Водяной.

Квораксъ! Брекекекексъ! Ищи, гдѣ хочешь,
Хоть десять лѣтъ,—ее ты не найдешь.
Она въ меня влюбилась, образны

Козлиныя противны ей. Прощай!
Мнѣ надо внизъ, на дно. Ты понимаешь?
Когда тебѣ твое удастся дѣло,
То я, я—Водяной, начну плясать
Подъ дудку самой молодой русалки.

(Опускается въ колодець).

ЛѢШІЙ (кричитъ ему вслѣдъ).

Такъ вотъ какъ: скоро будешь ты качать
Людского выродка! Да, это вѣрно,
Какъ то, что звѣзды на небѣ блестятъ,
Какъ то, что рыбы плаваютъ, а птицы
Летають. Ну, спокойной ночи, дѣдъ!
А я... впередъ по зарослямъ и чащамъ!.

(Убѣгаетъ, прыгая козломъ. Виттиха выходитъ изъ хижины и отворяетъ ставни).

Виттиха. Пора вставать. Чую разсвѣтъ. Нынче ночью что-то сильно громыхало. (Пѣніе пѣтуха). Ну да, кукуреку! Буди другихъ. Для меня тебѣ нечего трудиться. Я и безъ твоихъ кукуреку знаю все, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Курица снесла золотое яйцо. Скоро на небѣ засвѣтитъ заря. Запой свою пѣсенку, маленькій зябликъ. Новый день настаетъ—это навѣрное. Нѣтъ ли чего въ родѣ блудящаго огонька? Вотъ-на, я и забыла о моемъ аломъ камнѣ. Гдѣ онъ у меня? А, вотъ онъ. (Вытаскиваетъ изъ кармана блестящій рубинъ).

Генрихъ (за сценой). Раутенделейнъ!

Виттиха. Такъ она сейчасъ и придетъ. Кричи побольше!

Генрихъ. Раутенделейнъ! Я здѣсь. Иль ты не слышишь?

Виттиха. Думается мнѣ, что не слышитъ.

(Появляется Генрихъ, на скалѣ надъ хижинкой, спасаясь отъ преслѣдованія. Онъ блѣденъ и растерянъ. Въ правой рукѣ раскачиваетъ камень, готовясь бросить его внизъ съ обрыва).

Генрихъ.

Попробуйте! Осмѣльтесь! Будь то пасторъ,
Учитель, лавочникъ, цырюльникъ—кто
Шагнетъ навверхъ,—покатится отсюда
Внизъ головой! Не я, не я, а вы
Мою жену, бродяги, утопил!
Свищи пустые, сволочь! Бормотать
Готовы вы свои молитвы тридцать

Ночей подь рядъ, чтобъ воротить себѣ
Пропавшій грошъ, а Бога не стыдитесь
Обманывать на цѣлые червонцы!
Лжецы вы! Лицемеры! Адъ сухой
Своей долины вы загородили
Плотиной каменной отъ волнъ живыхъ
И благодатныхъ райскаго потока!
Когда-жъ, когда къ вамъ каменщикъ придетъ,
Чтобъ разорить ту крѣпкую плотину;
Не я имъ буду... нѣтъ, клянусь, не я!

(Онъ отбрасываетъ камень и взбирается выше).

Виттиха. Остановись. Не ходи дальше. Туда нельзя.

Генрихъ. Старуха, что горитъ тамъ, навѣрху?

Виттиха. Охъ, почему мнѣ знать. Тамъ былъ человекъ,
который построилъ—не то церковь, не то царскій замокъ.
Потомъ онъ его бросилъ. Вотъ теперь и горитъ это зданіе.
(Генрихъ въ отчаяніи пытается взобраться еще выше). Говорятъ
тебѣ: тамъ за стѣною обрывъ въ бездну. Чтобъ взобраться
туда, надо имѣть крылья. А твои крылья, человекъ, по-
ломаны.

Генрихъ.

Поломаны иль нѣтъ, но я взойду
Туда, навѣрхъ. То зданье, что пылаетъ—
Мое творенье. Понимаешь ты?
Я тотъ, къмъ созданъ этотъ храмъ горящій,
И все, чѣмъ былъ я, душу всю мою
Туда я ввергнулъ... Не могу я... силы
Мои слабѣютъ... не могу...

(Молчаніе).

Виттиха. Отдохни маленько. Теперь темно идти. Вотъ
скамья, присядь.

Генрихъ.

Мнѣ отдыхать? Теперь? Когда бы леже
Пуховое ты предложила мнѣ,
Оно бы привлекло меня не больше,
Чѣмъ груда черепковъ. И если-бъ мать,—
Ея—увы!—давно ужъ нѣтъ на свѣтѣ,—
Меня теперь поцѣловала въ лобъ,
Холодный отъ озноба,—не могла бы
Она мою тревогу успокоить.

Виттиха. Что-жь, можетъ-быть, и такъ. Но, постой-ка, у меня на погребѣ найдется для тебя вино.

Генрихъ. Ждать не могу я, не могу. Воды!

(Бросается къ колодцу).

Виттиха. Зачерпни и напейся.

(Генрихъ черпаетъ и пьетъ, присѣвъ на край колодца; отсюда раздается тихій и сладостный голось).

Голось.

Генрихъ, Генрихъ, милый мой,

Надо мной легла волна.

Подъ студеною волной

Я страдаю, я больна...

Прощай, прощай!

(Молчаніе).

Генрихъ.

Что́ это было? Отвѣчай, старуха!
Кто звалъ меня такъ жалобно и тихо
Промолвилъ мнѣ изъ глубины: «Прощай»?
Кто ты, старуха, и гдѣ я теперь?
Мнѣ показалось, словно я проснулся:
Скала, и хижина, и ты сама—
Все это мнѣ знакомо такъ и вмѣстѣ
Все это чуждо для меня. Иль то,
Что́ пережилъ я, было только звукомъ,
Мелькнувшимъ на мгновеніе? Кто ты?

Виттиха. Кто я? Да самъ-то ты—кто?

Генрихъ.

Кто я, кто я? Ты хочешь знать, старуха?
Я самъ объ этомъ небо вопрошалъ
Не разъ: кто я? И не было отвѣта!
Одно лишь несомнѣнно для меня:
Кто-бъ ни былъ я—герой или ничтожный
И слабый человекъ я, полубогъ
Или животное, но только къ солнцу—
Моей отчизнѣ—я стремлюсь душой.
О солнцѣ я беспомощно тоскую
И свѣтъ и ласку золотыхъ лучей
Ловлю я жадно сердцемъ и очами,
Но никогда ихъ не могу привлечь...
Что́ дѣлаешь ты тамъ?

Виттиха.

А вотъ увидишь.

ГЕНРИХЪ (встаетъ).

Вотъ это ладно: фонаремъ своимъ—
Онъ блещетъ ярко огонькомъ кровавымъ—
Мнѣ освѣти дорогу, что ведетъ
Туда наверхъ. Я властвовалъ когда-то
На этихъ скалахъ. Тамъ я кончу жизнь
Отшельникомъ, который одиноко
Живетъ, чуждаясь власти надъ людьми
И презирая всѣ заботы міра.

Виттиха. Не думаю. То, чего ты ищешь наверху, совсемъ въ другомъ мѣстѣ.

ГЕНРИХЪ. А ты почему знаешь?

Виттиха. Мало ли что я знаю. Вѣдь вотъ люди гнались за тобою по пятамъ. Да, да. А когда люди преслѣдуютъ кого-нибудь, они что волки. Когда же дѣло коснется того, чтобы встрѣтить смерть, они — стадо барановъ, въ которое ворвался волкъ. Всегда такъ бываетъ. Пастухи, что при стадѣ — вотъ молодцы-то! Они кричатъ: бѣгите, спасайтесь! И травятъ собаками не волка — нѣтъ!—а своихъ же овецъ, и загоняютъ ихъ прямо волку въ пасть. Ты самъ-то много ли лучше другихъ? Вѣдь ты преслѣдовалъ свѣтлую жизнь и не встрѣтилъ мужественно смерти.

ГЕНРИХЪ.

Ахъ, видишь ли, старуха, я не знаю,
Какъ вышло то, что вдругъ я оттолкнулъ
Жизнь свѣтлую. Да, да. Вѣдь былъ я мастеръ
И отъ своей работы убѣжалъ,
Какъ ученикъ. Тотъ колоколь, который
Я создалъ самъ, печальнымъ, скорбнымъ звукомъ
Смутилъ мнѣ сердце, покорилъ меня;
Но все же я остался властелиномъ
Руки, что отлила его... Разбить
Я долженъ былъ въ куски свое созданье!

Виттиха. Что было, то прошло. Не воротись. На свою вершину тебѣ ужъ не взобраться. Ты былъ могучимъ росткомъ, но твой ростъ остановился. Ты былъ призванъ къ дѣлу, но не былъ избранникомъ. Иди сюда, присядь.

ГЕНРИХЪ. Прощай, старуха!

ВИТТИХА. Иди сюда, говорю тебѣ. То, къ чему ты стремился, теперь—груда пепла. А, говорятъ, кто живъ, тотъ ищетъ жизни; тамъ ты не найдешь ея вовѣкъ.

ГЕНРИХЪ. Такъ пусть умру я здѣсь, на этомъ мѣстѣ.

ВИТТИХА. Такъ и будетъ. Кто, какъ ты, взлетѣлъ въ горнюю область свѣта и упалъ, тотъ долженъ разбиться.

ГЕНРИХЪ.

Я это чувствую: мой конченъ путь.

ВИТТИХА.

Да, конченъ.

ГЕНРИХЪ.

О, если такъ, скажи мнѣ ты, кому
Открыто столько тайнаго: предъ смертью
Найду ли то, что долго такъ искалъ?
Отвѣтъ мнѣ: неужель изъ тьмы глубокой
Сойду я въ тьму еще страшнѣй, и отблескъ
Утраченнаго свѣта никогда
Не суждено увидѣтъ мнѣ?

ВИТТИХА.

Кого же

Увидѣтъ хочешь ты?

ГЕНРИХЪ.

Ее, ее!

Кого-жь, какъ не ее!

ВИТТИХА.

Задумай только

Свое желанье—сбудется оно.

ГЕНРИХЪ (быстро).

Ну, я задумалъ!

ВИТТИХА.

Ты ее увидишь.

ГЕНРИХЪ.

Возможно-ль это? Неужель настолько
Могущественна ты? Въ тотъ часъ, когда

Я умираю, и каждый вздох послѣднимъ
Казался для меня,—она пришла,
И, какъ весенній вѣтерокъ, проникла
Мнѣ бодрость въ грудь, и выздоровѣлъ я.
Вотъ и теперь легко, легко мнѣ стало,
Какъ будто я готовъ подняться вновь
На высоту...

Виттиха. Нѣтъ, этому уже не быть. То, что тебя тянетъ къ землѣ, слишкомъ тяжело. Да и твои собратья-люди сильны: ты не справишься съ ними. Смотри: вотъ я ставлю на столъ три кубка. Въ одинъ я налила блага вина, въ другой — краснаго, въ третій — золотого. Выпьешь первый кубокъ, — къ тебѣ сразу вернется прежняя сила. Выпьешь второй, — къ тебѣ возвратится въ послѣдній разъ тотъ небесный духъ, что тебя покинулъ. Но тотъ, кто выпилъ изъ двухъ первыхъ кубковъ, тотъ долженъ выпить и послѣдній. (Собирается уйти въ хижину, но останавливается и говорить медленно и торжественно) Ты слышалъ: долженъ выпить. Кончено. (Уходитъ).

(Генрихъ порывисто встаетъ. При словѣ Виттихи: «кончено», онъ отшатывается, блѣдный. Потомъ опускается въ безсиліи на скамью).

ГЕНРИХЪ.

Да, кончено... все кончено, сказала
Сивилла вѣщая... О, сердце, сердце!
Ты чувствуешь, что этимъ словомъ
Разрѣзана нить жизни, какъ мечомъ.
Свершилось. Безполезенъ мигъ отсрочки.
Повѣялъ предразсвѣтныи вѣтерокъ
Изъ горнаго ущелья. День, что блѣдной
Полоскою прорѣзываетъ тучу,
Уже не мой. Я столько прожилъ дней,
Но этотъ день блеснетъ не для меня.

(Беретъ первый кубокъ).

Тебя я, первый кубокъ, выпиваю,
Покуда вѣчности нѣмая тьма
Не обняла еще меня. Я вижу,
На днѣ осталась капля лишь одна:
Ужели больше не нашла старуха
Волшебнаго питья?

(Пьетъ).

Теперь—второй.
(Беретъ второй кубокъ).

Изъ-за тебя я выпилъ первый кубокъ,
И если бы не могъ отвѣдать я
Твой ароматный, пѣнистый напитокъ,
За пирь, который Богомъ уготованъ
Намъ, жалкимъ несчастливцамъ, не могли-бъ
Хозяину воздать мы благодарность;
Теперь же я благодарю его.

(Пѣть).

Напитокъ этотъ сладокъ и отраденъ...

(Въ то время, какъ онъ пѣть, раздаются звуки золотой арфы. Раутенделейнъ, утомленная, блѣдная и печальная, поднимается изъ колодца, садится на край его и расчесываетъ длинные распущенные волосы. Лунный свѣтъ).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (тихо поеть).

Красавица Раутенделейнъ,
Въ глубокую ночь, одинокая,
Я кудри чешу золотыя.
Уснули всѣ птички лѣсныя,
Туманъ разстилается съ горь,
Покинутый гаснетъ костерь...

Водяной (изъ глубины колодца).

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Иду!

Водяной.

Иди скорѣй.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Платье мнѣ узко...

Тѣло болить...

Я бѣдная,

Проклятая русалка...

Водяной.

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Сейчасъ иду.

Водяной.

Живѣе.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

При блѣдномъ мѣсяца сіяніи
Расчесываю кудри я...
И все о немъ я думаю, о немъ,
Кто былъ когда-то
Моимъ сердечнымъ, миленькимъ дружкоймъ...
Вотъ колокольчики-цвѣточки
Звенять, звенять;
Про счастье, иль про горе злое?
Сдается мнѣ—
Про то и про другое...
Жить тяжело въ озерѣ, на днѣ:
Тамъ тина и вода;
Но Водяной меня тамъ ждетъ—
Иду туда.
(Хочетъ опуститься въ колодець).
Кто тихо такъ меня зоветъ?

ГЕНРИХЪ.

Я.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто-жь ты?

ГЕНРИХЪ.

Подойди ко мнѣ поближе:
Ужели ты не узнаёшь меня?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Нѣтъ, я тебя не знаю,
Уйди! Я всёхъ гублю, кто говоритъ
Со мной.

ГЕНРИХЪ.

Ты мучаешь меня. Дай руку—
И ты меня признаёшь.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Никогда

Тебя не знала я...

ГЕНРИХЪ.

Какъ! Не видались

Съ тобою мы?

РАУТЕНДЕДЕЙНЪ.

Не помню.

ГЕНРИХЪ.

Пусть меня
Накажетъ Богъ—тебя не цѣловаль я
До крови въ губы?

РАУТЕНДЕДЕЙНЪ.

Никогда.

ГЕНРИХЪ.

Меня ты

Не цѣловала?

Водяной (изъ колодца).

Раутендедейнъ!

РАУТЕНДЕДЕЙНЪ.

Иду.

Водяной.

Домой пора.

ГЕНРИХЪ.

Кто говоритъ тамъ?

РАУТЕНДЕДЕЙНЪ.

Мой мужъ.

ГЕНРИХЪ.

Смотри, смотри: передъ тобой
Въ страданьяхъ я предсмертныхъ угасаю,
Не мучь меня, освободи меня!

РАУТЕНДЕДЕЙНЪ.

Но что-жъ ты хочешь?

ГЕНРИХЪ.

Подойди ко мнѣ.

РАУТЕНДЕДЕЙНЪ.

Я не могу,

ГЕНРИХЪ.

Не можешь? Отчего?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Тамъ, подъ водой, мы водимъ хороводы,
Въ веселой пляскѣ рѣзвимся. Нога
Моя отяжелѣла, но когда я
Начну плясать,—она перестаетъ
Горѣть. Прощай, прощай...

ГЕНРИХЪ.

Не уходи...

Не уходи... Куда ты?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (опускаясь ниже края колодца).

Въ вѣчный сумракъ.

ГЕНРИХЪ.

Тамъ... кубокъ тамъ... О. Магда... Магда...
Какъ ты блѣдна... Подай мнѣ этотъ кубокъ...
Кто мнѣ подастъ, того въ послѣдній часъ
Благословлю я.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (приблизившись къ нему).

Я подамъ!

ГЕНРИХЪ.

Ты хочешь,

Ты хочешь это сдѣлать?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мертвецовъ

Оставъ въ покоѣ.

ГЕНРИХЪ.

Чувствую тебя я,
Небесное созданіе...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Прощай!

Теперь я больше не твоя, Когда-то

Была твоею милой: расцвѣтала
Въ то время май... но все теперь, навѣки
Все миновало...

ГЕНРИХЪ.

Миновало...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да...

Ты помнишь: кто тебя баюкалъ пѣсней
И кто волшебнымъ голосомъ будилъ?

ГЕНРИХЪ.

Ты, дорогая, ты...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто?

ГЕНРИХЪ.

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто отдавалъ тебѣ всю прелесть тѣла?
Кого ты оттолкнулъ?

ГЕНРИХЪ.

Тебя.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кого?

ГЕНРИХЪ.

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Прощай! прощай! прощай!

ГЕНРИХЪ.

Возьми меня, возьми меня съ собою...
Ночь наступаетъ... страшная для всѣхъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (бросается къ нему, об-
нимаетъ его колѣни и
восклицаетъ съ востор-
гомъ).

Восходитъ солнце!

ГЕНРИХЪ.

Солнце!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (съ рыданіемъ и восторгомъ).

Генрихъ! Генрихъ!

ГЕНРИХЪ.

Благодарю...

(Раутенделейнъ обнимаетъ Генриха, прижимаетъ его губы къ своимъ губамъ, потомъ тихо опускаетъ умирающаго на скамью).

Тамъ... въ вышинѣ... звонять...

Звонять колокола... сіяетъ небо...

И солнце... солнце всходитъ! Ночь долга.

(Заря).

(Занавѣсъ падаетъ)

БѢДНЫЙ ГЕНРИХЪ.

Германское сказаніе въ пяти дѣйствіяхъ.

Переводъ В. П. Буренина.

*Посвящается памяти брата моего
Георга Гауптмана.*

Гауптманъ признался какъ-то одному вѣнскому журналисту, что, по написаніи пьесы изъ современной жизни, онъ чувствуетъ потребность перейти затѣмъ въ совершенно противоположную, фантастическую область творчества. Такъ, «Ганнеле» было написано вслѣдъ за «Бобровой шубой», «Потонувшій колоколь» за «Флоріаномъ Гейеромъ». Такъ, «Бѣдный Генрихъ» появился послѣ реалистическаго «Краснаго пѣтуха».

«Бѣдный Генрихъ» написанъ въ 1902 году. 29-го ноября того же года пьеса появилась въ вѣнскомъ «Бургъ-театрѣ». Биографы Гауптмана отмѣчаютъ извѣстную преднамѣренность такой постановки ея не въ тѣхъ театрахъ, въ которыхъ привычно впервые выступалъ талантливый нѣмецкій драматургъ и которые въ послѣднее время дали ему не одно разочарованіе. Въ Вѣнѣ успѣхъ пьесы былъ бесспорный. Впрочемъ, драма имѣла успѣхъ и въ Берлинѣ. Въ Вѣнѣ въ роли «Бѣднаго Генриха» былъ великолѣпнѣйшій знаменитый актеръ Кайнцигъ.

Сюжетъ «Бѣднаго Генриха» взятъ Гауптманомъ изъ старинной легенды, разработанной въ 12-мъ вѣкѣ швабскимъ поэтомъ Гартманомъ фонъ-Ауэ въ эпическую поэму, носящую то же названіе, какое Гауптманъ далъ своей драмѣ. Къ своей пьесѣ Гауптманъ съ полнымъ основаніемъ ставитъ поэтому подзаголовокъ: «германское сказаніе».

Содержаніе сказанія Гартмана совершенно сходно съ содержаніемъ драмы. Графъ Генрихъ заболѣлъ проказой и былъ спасенъ бѣдной дѣвушкой, дочерью своего слуги. Въ Германіи живо старинное повѣрье, что проказа могла быть излѣчиваема кровью невинной дѣвушки. Такая кровь должна была спасти Генриха. Дѣвушка пошла на это самопожертвованіе. Но въ ту минуту, когда она уже лежала на столѣ врача изъ Салерно, Генрихъ остановилъ поднятую съ ножомъ руку. Небо исцѣлило его безъ страшной жертвы.

Какъ видимъ, Гауптманъ цѣликомъ использовалъ фабулу старой саги. Самого Гартмана фонъ-Ауэ онъ ввелъ въ свою драму въ качествѣ вассала Генриха. Только въ психологическомъ отношеніи онъ сильно модернизировалъ тему. Легенду, исполненную чисто-внѣшней занимательности, онъ одухотворилъ высокой философскою мыслью и перенесъ центръ тяжести на психологію двухъ главныхъ героевъ драмы. Самымъ интереснымъ въ его трудѣ стала не внѣшняя канва жуткой сказки, а драматическая борьба двухъ душъ: Генриха и спасающей его дочери его фермера, Оттегебе.

Обыкновенный легендарный рыцарь подъ перомъ Гауптмана явился какъ бы новымъ Фаустомъ, человѣкомъ, мучительно задумавшимся подъ гнетомъ потрясшаго его несчастія надъ всѣми философскими

загадками бытія. Генрихъ усомнился въ самыхъ основахъ правды, и страшныя сомнѣнія мучатъ его, можетъ-быть, ничуть не менѣе, чѣмъ ужасъ поразившей его проказы. Все это—глубокіе міровые вопросы. Жизнь и смерть, правда и несправедливость, капризы судьбы, тщета жизни, могущей прямо отъ ступеней царскаго трона бросить человѣка въ бездну отчаянія и сдѣлать презрѣннымъ и страшнымъ для всѣхъ—вотъ что занимаетъ умъ Генриха. О подобной психологической подкладкѣ и не думалъ Гартманъ фонъ-Ауэ.

Такому же углубленію, осложненію, превращенію подверглась у Гауптмана и фигура спасительницы Генриха. Гартманъ фонъ-Ауэ разработалъ легенду въ стильныхъ средневѣковыхъ тонахъ. Колоритъ церковной святости, присущій легендѣ, у него вполне выдержанъ. Его дѣвушка проникнута идеалами аскетизма. Гауптманъ, этотъ страстный пѣвецъ земли и плоти, органически не могъ оставить образъ въ такой окраскѣ. Святости и религіозности, враждебной красотѣ и радости, для Гауптмана никогда не существовало. У него есть своя религія земного служенія. И на мѣсто духовной аскетической любви въ образѣ Оттегебе у него выступила обычная для земли любовь женщины къ мужчинѣ, жизнерадостная, признающая счастье тутъ же, сейчасъ, на землѣ. «Земная ли, небесная ли—любовь все та же любовь». Въ этихъ словахъ Генриха заключена философія всей романтики Гауптмана. Подъ старыя ризы легенды поэтъ подставилъ новый остовъ, новый смыслъ, благодаря чему старая сказка возвысилась до глубоко-интересной философской проблемы.

Высшій смыслъ этой философіи стоитъ въ совершенной гармоніи съ основнымъ мировоззрѣніемъ поэта. Какъ въ «Потонувшемъ колоколѣ», какъ въ «Ганнеле», онъ и здѣсь даетъ высшій апофеозъ любви къ человечеству, жалости къ человѣческому страданію и выражаетъ страстную мечту о томъ, чтобы цвѣты счастья росли на землѣ подъ великимъ солнцемъ любви.

Можетъ-быть, въ этомъ высшая красота поэтической личности Гауптмана, и, можетъ-быть, нигдѣ это не сказалось такъ выразительно, какъ здѣсь, въ этой частности, въ оправданіи земной любви въ образѣ Оттегебе, изъ котораго онъ художнически-властно вычеркнулъ ея типично-средневѣковое презрѣніе къ міру.

Борьба двухъ душъ, Генриха и Оттегебе — драматическій центръ пьесы. Сомнѣвающейся и проклинающей, любящей и злобствующей, усомнившейся въ міровой правдѣ, Генрихъ несчастенъ духовно и физически до той поры, пока не падаютъ твердыни его безумной гордости. Самоотверженная, ищущая подвига, алчущая смерти ради спасенія Генриха, Оттегебе не находитъ себѣ успокоенія ни въ молитвѣ ни въ самобичеваніи до той поры, пока ея не возрождаетъ земная любовь.

Изъ этого сопоставленія совершенно ясна основная мысль Гауптмана. Только живая, дѣйственная любовь, не оторванная отъ земли, но къ ней трогательно приникшая—залогъ счастья человечества. Безъ нея бесплоденъ человѣчскій умъ (Генрихъ). Безъ нея нѣтъ радости и красоты даже въ человѣческомъ самоотроченіи и безумствѣ самопожертвованія (Оттегебе). Чудо спускается съ небесъ не тамъ, гдѣ бушуетъ гордый умъ или сердце полно мечтой неземного служенія, но тамъ, гдѣ расцвѣтастъ во всей красотѣ свѣтлое земное чувство любви.

Въ «Потонувшемъ колоколѣ» эта вѣра Гауптмана не позволила ему оставить дитящину Генриха на высотахъ, и онъ сошелъ въ долины,

тройный земными слезами. Въ «Бѣдномъ Генрихѣ» — еще новая мотивировка такого взгляда, явный протестъ противъ «подвига въ одиночку». Выяснить, насколько личные переживанія Гауптмана нашли отраженіе въ этой философіи, — дѣло будущаго его біографа. Но не чувствовать здѣсь извѣстной близости этихъ идей сердцу самого поэта — невозможно.

Драма Гауптмана написана въ трезво-реальныхъ тонахъ. Въ авторѣ сказался былой натуралистъ. Въ сущности, это было большою трудностью — примѣнить основанія реализма къ фону благочестивой легенды, прямо построенной на чистой фантазіи.

Критика не разъ указывала на то, что Гауптманъ не вездѣ побѣдилъ эту трудность. Васъ захватываетъ реальная обстановка представленія. Вы видите цѣликомъ дворъ Генриха. Для васъ во всей реалистической красочности и бытовой характерности встаютъ фигуры фермера Готфрида, Бригиты, типичнаго, точно изъ бронзы отлитаго стараго слуги Отакера. Все это годится цѣликомъ въ заправскую реалистическую драму. Ничуть не были бы въ ней диссонансомъ и всѣ думы и чувства Генриха. Но вотъ вамъ предоставляется повѣрить въ то, что проказа можетъ быть излѣчена жертвоприношеніемъ дѣвушки. Этого мало, вы должны повѣрить, что Генрихъ — мудрый, во всемъ усомнившійся, прямо — таки стоящій на высотѣ современнаго положительнаго знанія — этотъ Генрихъ повѣритъ въ чудесное свойство ножа врача изъ Салерно, поѣдетъ за дѣвушкою и не дастъ совершиться преступленію только за мгновеніе до конца.

Реалистической критикѣ, подходящей съ такимъ запросомъ къ драмѣ-сказкѣ, было бы нечѣмъ возразить, если бы по существу не было самой безспорной ошибкой подходить съ реалистическими запросами къ свѣтлому міру сказочныхъ грезъ. Разумѣется, тогда нѣтъ выдержанности ни въ «Фаустѣ», ни въ «Макбетѣ», ни въ «Снѣ въ Иванову ночь», потому что сатана не сходилъ на землю, вѣдьмы не существуютъ, и никто не былъ въ мірѣ эльфовъ. Всякая сказка неизбежно въ своей основѣ условна.

Еще меньшую цѣну надо придать и упрекамъ тѣхъ критиковъ изъ крайнихъ реалистовъ, которые осуждаютъ «истеричность» Оттегебе. Они скорбятъ, зачѣмъ Гауптманъ взлѣлъ здѣсь «не здоровую» натуру. Съ психиатрическимъ учебникомъ въ рукахъ, они выискиваютъ черты истеріи въ чудесномъ образѣ Оттегебе. Они готовы назвать латинскимъ терминомъ форму ея «психоза».

Это звучитъ совершенной наивностью. Какая нужна партійная, школьная узость, чтобы сказочный образъ самоотверженной мечтательницы класть на мраморный столъ клиники подъ ланцеты современной медицинскои науки! Это именно то профанированіе поэзии, отъ котораго предостерегалъ Штейгеръ въ отношеніи Гауптмана, — то стираніе прелестной красочной пыли съ крыльевъ бабочки, которое неизбежно для любопытнаго мальчугана, задумавшаго «ислѣдовать» бабочку.

Критикъ и читатель здороваго поэтическаго вкуса могутъ даже не подумать объ этомъ безъ подсказа критиковъ-доктринеровъ. Въ Генрихѣ они справедливо увидятъ живой символъ души, исцѣленной любовью отъ гордыни ума и ненависти сердца. Въ Оттегебе они найдутъ подобный Ганиеле и Раутенделейнъ символъ женственнаго начала, находящаго себя въ просторѣ живой любви и освѣщающаго земной путь другого. Разница между Оттегебе и Раутенделейнъ лишь въ томъ, что Оттегебе — чисто-земное существо, только неземной чистоты и порыва

· Въ драмѣ Гауптмана много поэтическаго, много философскаго. Она написана чудеснымъ стихомъ, такъ что даже такіе критики Гауптмана, какъ Бартельсъ, не желающій видѣть иныхъ красотъ, кромѣ реальныхъ, считаютъ «Бѣднаго Генриха» лучшимъ изъ стихотворныхъ произведеній Гауптмана. Отъ нея вѣетъ прелестью старо-германской саги, и Гауптманъ здѣсь націоналенъ немногимъ менѣе, чѣмъ въ «Потонувшемъ колоколѣ». Въ пьесѣ есть символы, но они ясны, доступны и свободны отъ тумана, какой, напримѣръ, сгущается въ послѣднемъ актѣ «Потонушаго колокола». Самого по себѣ содержанія легенды мало для пяти актовъ. Отсюда въ пьесѣ нѣкоторое изобиліе пространныхъ рѣчей и относительная скудость движенія. Самъ Гауптманъ намѣренно вынесъ за кулисы нѣкоторыя ярко-драматическія сцены, хотя бы, напримѣръ, сцену у салернскаго врача, о которой мы узнаемъ уже только изъ разсказа самого Генриха. Нѣкоторые акты точнѣе слѣдовало бы назвать картинами настроенія, правда, превосходными въ своей лирической красотѣ и дающими истинно-художественное проникновеніе въ душу прокаженнаго страдальца.

· Послѣ бурныхъ восторговъ, сопровождавшихъ постановку «Потонушаго колокола», послѣ неудачъ съ «Флоріаномъ Гейеромъ» и «Краснымъ пѣтухомъ», послѣ сравненій съ Гёте и Шиллеромъ и неистовыхъ криковъ: «долой Гауптмана» *),—«Бѣдный Генрихъ» принесъ поэту то спокойствіе увѣреннаго успѣха, которое, можетъ-быть, всего дороже писателю.

---

*) Подъ такимъ названіемъ существуетъ даже спеціальная книжка Ландоберга, между прочимъ переведенная и на русскій языкъ.

БѢДНЫЙ ГЕНРИХЪ.

ГЕРМАНСКОЕ СКАЗАНИЕ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГЕНРИХЪ ФОНЪ-АУЭ.
ГАРТМАНЪ ФОНЪ-ДЕРЪ-АУЭ.
ГОТФРИДЪ.
БРИГИТА.
ОТТЕГЕБЕ.
ПАТЕРЪ БЕНЕДИКТЪ.
ОТАКЕРЪ.
РЫЦАРИ И СЛУГИ ВЪ ЗАМКѢ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садикъ при домѣ Готфрида. Налѣво крыльцо съ входной дверью. Неподалеку отъ дома старый вязъ; подъ нимъ каменный столъ и скамья. Изъ-за дерева виднѣются вдали зеленые холмы, ближе—сжатая нива. На горизонтѣ лѣсъ. Мѣстами группы сосенъ.

(Готфридъ подметасть землю у стола. Отакеръ, слуга лѣтъ подь сорокъ, въ одеждѣ съ гербами, въ сапогахъ со шпорами, входитъ осторожно, стараясь не сдѣлать шума, быть незамѣченнымъ, но при первомъ шагѣ спотыкается, увидѣвъ Готфрида; блѣдное его лицо, окаймленное черной бородой, блѣднѣеть еще больше).

Готфридъ. Слава Христу!

Отакеръ. Во вѣки вѣковъ.

Готфридъ. Куда это вы поднялись такъ рано?

Отакеръ. Проѣхаться на конѣ, поскакать... Самъ не знаю, куда.

Готфридъ. А если васъ спроситъ господинъ?

Отакеръ, (переминается въ смущеніи). Спроситъ господинъ?.. Можетъ-быть... То-есть я такъ хочу сказать... Коли Господь

повелить, все измѣнится... А худое что выйдетъ... Я тогда вернусь...

Готфридъ. Я не понимаю васъ. Не случилось ли у васъ съ кѣмъ-нибудь несчастье дома?

Оттегеръ. Тс! Тине! Да, да, случилось. Я долженъ уйти. Видите что: мать, да и сестра тоже... Неприятная штука... Понимаете?.. Иначе придется воевать съ самимъ сатаною... Если бы были живы тѣ, кого я оставилъ тамъ, въ пустынѣ, они бы подтвердили это.

Готфридъ. Что съ вами? Вы нездоровы?

Оттегеръ. Нѣтъ. Спаси насъ Богъ отъ всякихъ дурныхъ болѣзней, отъ злыхъ напастей, отъ грѣховныхъ навожденій и чумы. Я еще стою на ногахъ, кровь моя здорова и чиста. Надѣюсь, такъ и впередъ будетъ. Въ мѣрѣ зло, его полонилъ дьяволъ. Но Христосъ защититъ меня. Я купилъ себѣ отпущеніе грѣховъ кровью многихъ турокъ, добычу отдалъ поамъ, и на груди у меня частица креста изъ Святой земли. Но все-таки я боюсь. Я долженъ уйти отсюда. Мнѣ привидѣлся худой сонъ... Всякій, кто можетъ умереть, долженъ беречь свою шкуру. (Уходитъ).

Готфридъ (смотря ему вслѣдъ). А вѣдь, ей-Богу, онъ вывелъ коня, вскочилъ на сѣдло, далъ шпоры и ускакалъ!

(Изъ дома выходитъ Бригита, за ней Оттегеве. Бригита, почтенная матрона, не походитъ на крестьянку. Оттегеве — блѣдный ребенокъ, только-что разившійся въ молодую дѣвушку. Большіе, голубые глубокіе глаза, волосы пепельные съ красно-золотыми отливами. Мать и дочь приносятъ скатерть и столовую посуду).

Бригита. Гдѣ накрыть столъ для нашего милостиваго господина? Готфридъ, эй, Готфридъ!

Готфридъ (очнувшись изъ задумчивости). Что такое? Ты звала меня?

Бригита. Да, звала. Супъ уже готовъ, рыба сварена, сливки сбиты. Гдѣ мнѣ накрыть столъ для господина?

Готфридъ (указываетъ на каменный столъ). Вотъ здѣсь. Этотъ столъ всегда служилъ для обѣда. Помнишь, Оттегеве, господицъ еще мальчикомъ сиживалъ тутъ.

Оттегеве (взволнованно киваетъ головой). Да, отецъ, помню... Надо еще свѣжаго меда, отецъ. Ты говорилъ, что вырѣжешь соты.

Готфридъ (недовольнымъ тономъ). Кто это вплепелъ тебѣ ленту въ волоса?

Оттегеве. Ленту?

Готфридъ. Ну, да, дѣвочка, красную ленту. (Оттегеве молчить).

Бригита. Я говорила тебѣ: отецъ увидитъ, будетъ брани-
тить. (Оттегебе снова блѣднѣетъ, стараясь удержать слезы, срываетъ
ленту, бросаетъ на землю и уходитъ).

Бригита. Она надѣла ленту ради нашего господина.
Теперь ей стало стыдно.

Готфридъ. Бѣда съ дѣвочкой. Я боюсь, какъ бы она
звоей живостью не разсердила господина. Онъ уже не маль-
чикъ, какимъ былъ тогда. Много лѣтъ прошло съ той поры,
какъ она ходила на помочахъ, а онъ возился съ ней, какъ
всѣ мальчики.

Бригита. Мнѣ кажется, онъ что-то невесель.

Готфридъ. Не знаю. Тотъ, кто видѣлъ вчера, какъ онъ
среди другихъ охотниковъ указывалъ, смѣясь, рукояткою
меча на нашъ дворъ, тотъ не подумалъ бы, что тѣнь горя
коснулась его лба. А сегодня я вижу въ немъ совсѣмъ
другого человѣка.

Бригита. Меня удивляетъ, чтò это онъ пріѣхалъ къ
намъ теперь? Вѣдь всѣ говорили, онъ долженъ жениться.
И вдругъ остался у насъ въ глуши.

Готфридъ. У знатныхъ господъ бываютъ странности.

Бригита. Конечно. Конюхъ его вчера вечеромъ толко-
валъ что-то о Моисеевомъ законѣ, по которому слѣдуетъ,
вишь, мыть стѣны прокаженныхъ домовъ, чтобъ уничтожить
ядъ заразы...

Готфридъ. Кто тебѣ объ этомъ сказалъ?

Бригита. Оттегебе, наша дѣвочка.

Готфридъ. Вотъ чтò, Бригита: заткни уши отъ всякихъ
дурныхъ слуховъ. Нашъ господинъ въ такой чести и въ
такой милости у императора. Ну, стало-быть, его и недо-
любливаешь намѣстникъ св. Петра. Вотъ нищіе монахи и
распространяютъ въ народѣ ложь. А нѣтъ такой глупой
лжи, которой бы не повѣрили.

Бригита. Кажется, онъ идетъ сюда по дорогѣ изъ
лѣса.

Готфридъ. Да, это онъ.

Бригита. Смотри, какъ онъ согнулся, не можетъ дер-
жаться прямо.

Готфридъ. Если ты такъ будешь говорить, то огорчишь
господина.

Бригита. Вонъ, какъ онъ глядитъ на утреннюю зарю.

Готфридъ. Да, да. Ну, Бригита, я уйду теперь. А ты проси
его къ столу почтительно и кротко. Потомъ, если онъ по-
зволить, уйди и ты.

Бригита. Хорошо, хорошо, старикъ. Не безпокойся.
(Готфридъ уходитъ).

(Генрихъ фонъ-Ауэ входитъ медленно и задумчиво. Это стройный рыцарь съ длинными кудрями, выхоленной рыжеватой бородкой; блѣдное лицо; большіе голубые безпокойные глаза).

Бригита.

Богъ въ помощь, господинъ.

Генрихъ (поднявъ глаза и только теперь увидавъ ее, торопливо).

Бригита, здравствуй.

Бригита.

Вамъ столь готовъ. Вотъ все тутъ, что нашлось
На нашей мызѣ отдаленной.

Генрихъ.

Слышалъ

Я съ вечера, какъ будто на дворѣ
Мулы и кони двигались, не правда-ль?

Бригита.

Нѣтъ, господинъ.

Генрихъ.

Такъ около полночи?

(Бригита отрицательно качаетъ головой).

Генрихъ.

Какъ рано. Скучно мнѣ безъ книгъ моихъ.

Бригита.

Не пожелаете-ль еще чего?

Генрихъ.

Желаю

Я многого.

Бригита.

Я говорю о томъ,
Что я могу исполнить.

Генрихъ.

Что ты можешь

Исполнить? Нѣтъ. Но можетъ-быть... Посмотримъ...

Теперь пока не нужно ничего.
Благодарю.

Бригита.

На доброе здоровье.

(Уходить).

ГЕНРИХЪ (опираясь о стволъ вяза,
глядитъ вверхъ и говоритъ
съ сдержаннымъ волненіемъ
про себя).

Еще въ листьѣ зеленой вязъ стоитъ
И поднимаетъ вѣтви онъ спокойно
Въ холодный воздухъ яснаго утра.
Серебряное, острое дыханье
Мороза скорого его нарядъ
Сорветъ и оголитъ, но онъ объ этомъ
Нимало не тревожится. Кругомъ,
Куда ни взглянешь, все полно блаженствомъ
Спокойствія... И только человѣкъ, —
И только я спокойствія не знаю!
Миръ, возвратись ко мнѣ! Ты близокъ здѣсь:
Ты спишь на тѣхъ лугахъ, тобою вѣтъ
Отъ этихъ сосенъ, мнѣ знакомыхъ съ дѣтства,
Шварцвальдскихъ старыхъ сосенъ! Среди горъ
Моей привѣтной родины ты дома:
Такъ будь же другомъ, будь же братомъ мнѣ!

Готфридъ (выходитъ изъ дома).

Поклонъ мой господину.

Генрихъ.

Съ добрымъ утромъ,

Старикъ.

Готфридъ.

Да, это утро для меня
Ужъ точно доброе, я не заломню
Такого въ жизни: дорогой мой гость
И благородный господинъ встрѣчаетъ
Меня въ дому. Вы пристыдили насъ,
Особенно меня: я старой соней
Предъ вами оказался и плохимъ
Хозяиномъ.

ГЕНРИХЪ (принимается за завтрак).

Другъ добрый, обо мнѣ
Не хлопочи. Я прежде спать отлично
И въ шумномъ лагерѣ и въ замкахъ, гдѣ
Съ утра до ночи слышенъ скрипъ воротъ,
И крики конюховъ, и конскій топотъ.
Здѣсь, у тебя, такая тишина,
Но все внутри меня тревогой полно.
И въ часъ ночной, какъ надъ болотомъ мѣсяць
Льетъ мертвый свѣтъ и въ полѣ гдѣ-нибудь
Трещить кузнечикъ, въ головѣ моей,
Въ моей душѣ я слышу шумъ турнировъ
И хороводовъ, и сраженій гуль,
И звуки чуждыхъ языковъ, и шопотъ
Какихъ-то голосовъ—и не могу я
Никакъ заснуть.

ГОТФРИДЪ.

Вы худо спали ночь
Подъ этимъ кровомъ?

ГЕНРИХЪ.

Сонъ и кровь!.. Несчастенъ
Тотъ, у кого нѣтъ крова. Правда?

ГОТФРИДЪ.

Да,
Мой добрый господинъ.

ГЕНРИХЪ.

Послушай, вотъ чгѣ:
Ужъ много лѣтъ привыкъ я предъ зарей
Иль въ полночь ложе покидать. И если
Объ этомъ вы узнаете, прошу,
Не удивляйтесь и меня оставьте...

ГОТФРИДЪ.

Домъ, гдѣ живемъ мы, господинъ,—онъ вашъ,
И ваша здѣсь земля. И развѣ можемъ
Мы васъ оставить? Разбудите насъ,
Когда вамъ будетъ бодрствовать угодно.

Генрихъ.

Нѣтъ, спите, мирно спите! Отдыхъ свой
Трудомъ дневнымъ тяжелымъ заслужили
Вполнѣ вы. Для чего тревожить васъ?
Благодарю. Въ тебѣ я вижу снова,
Что зналъ давно, еще въ дни дѣтства: сердце!
Но я пришелъ сюда не для того,
Чтобы тебя заботой потревожить
Въ твоемъ убѣжищѣ. Я объ одномъ
Прошу, старикъ, чтобы ты не помѣшалъ мнѣ
У твоего родного очага
Наединѣ съ собою оставаться.

Готфридъ (помолчавъ).

Позволите уйти мнѣ?

Генрихъ.

Нѣтъ, присядь.

Невѣрно понялъ ты меня. Отрадно
Мнѣ видѣть голову твою сѣдуо
И снова слышать послѣ многихъ лѣтъ
Твой милый, добрый голосъ. Не печалься,
Коль я теперь кажусь тебѣ чужимъ
И непривѣтливимъ. На этой скудной
Землѣ, тобой воздѣланной, себя
Я чувствую чужимъ, я будто связанъ,
Но все-жъ, когда ты руку мнѣ подашь,
Моя роднымъ пожатіемъ отвѣтить.

Готфридъ (становится передъ нимъ на колѣно и хочетъ поцѣловать его руку; Генрихъ ее рѣзко отдергиваетъ).

Вы здѣсь чужой?! Господь помилуй насъ!
Да если вы не доблестнѣйшій рыцарь
Отчизны нашей, гдѣ-жъ найти другою
Въ германскихъ странахъ? Тѣломъ и душой
Германецъ вы и сынъ земли родимой,
Какъ эти сосны. Вашихъ предковъ кровь
Была чиста и чистой сохранилась
Въ потомкѣхъ благородномъ.

ГЕНРИХЪ (мрачно).

Можетъ-быть.

Алмазь всегда алмазомъ остается,
Хотя-бъ его на рубищѣ носилъ
Несчастный Лазарь.

(Внезапно мѣняетъ тонъ).

Но объ этомъ больше
Не будемъ говорить. Сядь. Расскажи
О чемъ-нибудь иномъ. Повѣрь, отраднѣй
Мнѣ всѣхъ рѣчей придворныхъ мудрецовъ
Та болтовня, которую кудахчетъ
Насѣдка на дворѣ... Скажи, твой трудъ—
Приносить выгоду тебѣ онъ? Сколько
Коровъ и лошадей имѣешь ты?
Хорошъ ли урожай зерна, плодовъ
И винограда? Вотъ о чемъ теперь
Хочу я знать. А разговоръ о туркахъ,
О воинахъ Креста, о гибеллинахъ
И гвельфахъ мы оставимъ.

Готфридъ.

Господинъ,

Я неумѣло говорю, и если
Васъ огорчилъ, меня простите вы.
Живи въ глуши, обычаемъ придворнымъ
Не могъ я обучиться.

ГЕНРИХЪ.

На горѣ,

Тамъ, гдѣ засѣянное поле съ лѣсомъ
Граничить,—что такое тамъ—ячмень?

Готфридъ.

Да, милостивый господинъ.

ГЕНРИХЪ.

Когда я

Вчера подъ вечеръ ѣхалъ тамъ, меня
Привлекъ хоръ дѣтскихъ голосовъ, что пѣли
Ave Maria, и примѣтилъ я
Костеръ неподалеку межъ камнями.
Я слѣвъ съ коня, приблизился къ костру

И вижу: у огня толпятся дѣти —
И дѣвочки и мальчики. Казались
Мнѣ привидѣньями они. Шутя,
Я ихъ окликнулъ: «Эй, вы, чертенятки
И вѣдьмочки—здорово! У костра
Что варите и жарите вы ночью?»
Услышавши мой голосъ, всѣ они
Вспорхнули, точно спугнутыя птички,
И лишь одна осталась и въ смущеньи
Стояла предо мной и на меня
Смотрѣла молча. Я спросилъ: «Нѣмая
Ты, можетъ-быть?» Она ни слова мнѣ
На это не отвѣтила.

Готфридъ.

Простите,
Мой господинъ, ребенку: это дочка
Моя родная, Оттегебе. Въ ней
Есть что-то странное. Заботъ немало
Приносить мнѣ и матери она.

Генрихъ.

Въ ней что-то странное есть... Это правда...

Готфридъ.

Ее вы знали въ дѣтствѣ, господинъ,
И часто брали на коня, бывало.
И въ тѣ поры, ребеночкомъ, она
Была пуглива, точно перепелка,
Что прячется во ржи. Но вы ее
Привлечь умѣли, и она ручною
Казалась съ вами.

Генрихъ.

Да, я помню, помню!
Когда, бывало, возвращался я
Съ охоты чрезъ ущелья и овраги,
Меня встрѣчала дѣвочка, и съ нею
Здоровался я, бодрый и веселый.
И звалъ ее я маленькой женой.
Хорошіе то были годы: сердце
Перепожнялось жизнью, въ головѣ
Кружились мысли, точно въ часъ заката

Рой комаровъ. Какъ я теперь далеку,
Какъ я отсталъ отъ этихъ дней волшебныхъ
Моей весны! Я не узналъ ее,
Ту Оттегебе, что была въ то время
Моей подругой. Точно никогда
Моя собака, вѣрная Діана,
Ей не лизала руки и лицо,
А я не гладилъ волосы малютки
И не игралъ охотничьихъ сигналовъ
Въ мой рогъ. А между тѣмъ, вѣдь это все
Я дѣлалъ часто...

(Входитъ Оттегебе. Она несетъ медъ на блюдечкѣ).

Готфридъ.

Вотъ и Оттегебе
Пришла сама, мой добрый господинъ.

Генрихъ.

Что принесла ты?

Оттегебе (еле дыша).

Свѣжій медъ.

Генрихъ.

Однако

Ты говоришь? Я думалъ, ты нѣмая.
Пріятно мнѣ твою слышать рѣчь.
Сядь на скамью, вотъ здѣсь, и потолкуемъ.
Ну, ободрись, не бойся, я, вѣдь добръ,
Повѣрь мнѣ, добръ и кротокъ... Хорошо ли
Тебѣ живется?

Оттегебе (дрожа отъ робости).

Хорошо.

Генрихъ.

Всегда?

Оттегебе (почти теряя сознание отъ
страха).

Да, господинъ

Генрихъ.

Вотъ видишь, хорошо ты
Живешь всегда, а императоръ Фридрихъ,

Въ коронѣ золотой, живеть въ борьбѣ,
Въ лишеньяхъ вѣчныхъ и нуждѣ. Богаче
Ты, стало-быть, его, мое дитя,
Не говоря ужъ обо мнѣ. Не скучно
Тебѣ въ горахъ здѣсь?

(Оттегебе отрицательно качаетъ головой).

Нѣтъ? Но что же

Ты дѣлаешь, чтобъ не скучать?

ОТТЕГЕБЕ (не отвѣчаетъ отъ сильнаго смущенія, наконецъ говорить).

Молюсь.

ГЕНРИХЪ.

Молиться хорошо. Скажи, какой же
Святой ты чаще молишься?

ОТТЕГЕБЕ (попрежнему смущаясь).

Меня

Ужъ вылѣчила Матерь Божья.

ГЕНРИХЪ.

Вотъ какъ!

Ужъ вылѣчила. А меня Она
Покрыла ранами. Она вѣдь можетъ
И раны наносить.

ОТТЕГЕБЕ.

Нѣтъ, господинь.

ГЕНРИХЪ.

Ты думаешь, что нѣтъ? Учить ты хочешь
Меня? Ну, что же, научи.

(Оттегебе съ силою отрицаетъ движеніемъ головы).

ГОТФРИДЪ.

Прошу

Къ ней снисхожденія: она недавно
Съ одра болѣзни встала.

ГЕНРИХЪ.

Отчего

Ты прядешь руку правую?..

ГОТФРИДЪ.

И то вѣдь...

Дай руку, покажи.

ОТТЕГЕБЕ.

Нѣтъ, нѣтъ, отецъ.

ГОТФРИДЪ.

Ахъ, ты, упрямая дѣвчонка. Ну же,
Дай руку правую свою...

БРИГИТА (за сценой).

Готфридъ!

ОТТЕГЕБЕ.

Тамъ мать зоветъ...

(Хочетъ уйти).

БРИГИТА (за сценой).

Готфридъ!

ГОТФРИДЪ.

Прошу прощенья...

ГЕНРИХЪ.

Иди, иди.

(Готфридъ уходитъ).

ГЕНРИХЪ.

Ну, повтори скорѣй:

Меня ты знаешь?

(Оттегебе съ волненіемъ киваетъ утвердительно головой).

Кто же я, скажи мнѣ?

ОТТЕГЕБЕ.

Нашъ господинъ

ГЕНРИХЪ.

Есть у змѣи нора,
У птицы есть гнѣздо, и есть берлога
У звѣря каждаго. Но тотъ, кого
Своимъ ты господиномъ называешь,

Убѣжища онъ не имѣеть. Да,
Гдѣ-бъ онъ ни проходилъ, земля повсюду
Подъ нимъ горитъ, какъ пламень ада. Ты
Смѣешься? Отчего же?

ОТТЕГЕБЕ (сначала разсмѣявшаяся короткимъ, болѣзненно-радостнымъ смѣхомъ, сдерживается, блѣднѣетъ и робко смотритъ на него испуганнымъ взоромъ).

Я?..

ГЕНРИХЪ.

Ты знаешь,

Какъ я зовусь?

ОТТЕГЕБЕ (дрожитъ).

Да. Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Хорошо.

А какъ еще?

ОТТЕГЕБЕ (дрожитъ).

Тебя зовутъ графъ Генрихъ

Фонъ-Ауэ.

ГЕНРИХЪ.

Да, такъ зовутъ меня.

Но правда-ль то—Богъ вѣсть. Скажи, давно ли
Меня ты знаешь?

ОТТЕГЕБЕ (дрожитъ).

Знаю я давно-ль?

ГЕНРИХЪ.

Ну, да, дитя мое.

ОТТЕГЕБЕ (дрожитъ).

Два года будетъ.

ГЕНРИХЪ.

Два года? Два? Мнѣ кажется, что ты
Ошиблась. Здѣсь я былъ въ послѣдній разъ,
Дамъ слово рыцаря, тому лѣтъ девять.
Съ тѣхъ поръ я въ вашъ не возвращался домъ.

ОТТЕГЕБЕ (въ сильномъ смущеніи).

Тогда я маленькой была.

Генрихъ.

Да, правда,

Ты маленькой была. Вотъ почему
Неточно время ты соображаешь.
Дитя, назадъ тому два года гость
Твой бѣдный, что сухую корку хлѣба
Ѣсть предъ тобой, средь мраморныхъ палатъ
Дежалъ, внимая шуму водометовъ,
Журчавшихъ въ свѣтлые бассейны, гдѣ,
Рѣзвась, мелькали рыбки золотыя;
Онъ полонъ былъ блаженствомъ, о которомъ
Не грезилося тебѣ, мое дитя,—
Блаженствомъ рая... Да, тамъ рай волшебный:
Тамъ у безмолвныхъ береговъ тростникъ
Колышется, и кипарисовъ тѣни
Ложатся на цвѣтной коверъ азалий,
Тамъ дремлютъ моря ласковыя волны,
Какъ будто кровью голубыхъ цвѣтовъ
Обливши мраморъ ступеней; гондолы
Плывутъ, сверкая золотой рѣзбой
И драгоценными камнями... Слышишь
Ты звуки пѣсни грустной? То идетъ
Рабыня смуглая туда, гдѣ кедры
Склоняютъ вѣтви къ водамъ родника;
Серебряный кувшинъ свой наполняя
Прохладною струей, поетъ она
На языкѣ чужомъ и непонятномъ,
И льется въ душу пѣснь, какъ ароматъ
Ея любви, томленьемъ обвѣвая...
Но это было все... и все прошло!..
Теперь я здѣсь съ тобой, а не въ Палермо
И не въ Гренадѣ... Расскажи еще,
Что знаешь обо мнѣ ты?

Оттегебе (робко).

Ничего я

Не знаю больше, господинъ.

Генрихъ.

Нѣтъ, нѣтъ,

Не вѣрю. Это было-бъ слишкомъ мало

Для умныхъ глазъ твоихъ. Теперь скажи
Мнѣ искренно, малютка Оттегебе,
Святая Оттегебе, съ ореоломъ
Изъ льна и шелка, какъ я называлъ
Тебя въ тѣ дни, когда ты довѣряла
Мнѣ болѣе, чѣмъ матери? Ну, какъ?
Припомни.

(Оттегебе стоитъ въ сильномъ смущеніи, отвернувшись и потупившись, перебираетъ то передникъ, то платокъ и нѣсколько разъ раздражается смѣхомъ, который испуганно подавляетъ. Отъ страха у ней подкашиваются ноги, и только послѣ нѣсколькихъ поощреній со стороны Генриха она говорить тихо и заикаясь).

ОТТЕГЕБЕ.

Маленькой своей женою.

ГЕНРИХЪ.

Да, да. А скоро ли тебя, признайся,
Такъ назоветь, какъ называлъ тогда
Шутя я,—назоветь теперь взаправду
Какой-нибудь здоровый парень, а?
(Оттегебе блѣднѣетъ и убѣгаетъ въ испугѣ).
Куда уходишь ты?

ОТТЕГЕБЕ (остановившись, дрожать).

Мнѣ показалось,
Зоветь отецъ...

ГЕНРИХЪ.

Останься и присядь.
Быть-можетъ, не желая, я затронулъ,
Что дорого тебѣ. Мнѣ было-бъ жаль,
Коль это сдѣлалъ я...

(Оттегебе уходитъ).

ГОТФРИДЪ (входитъ, вздыхая).

Никакъ не можемъ
Мы сладить съ дѣвочкою, господинъ.
Сейчасъ бѣду такую натворила:
Соты изъ улья стала вынимать,
И пчелы искусали ей и руки
И плечи. Видите ли, какова:
Я медъ забылъ подать вамъ, такъ проворно
Распорядилась дѣвочка сама.

ГЕНРИХЪ (удивленный и повеселѣвшій).

Какъ, неужель изъ-за того, чтобъ меду
Немного для меня достать, она
Не побоялась пчелъ?

(Смѣется).

Готфридъ, поди-ка
И Отакера позови: пусть онъ
Сейчасъ достанетъ изъ сѣдла цѣпочку
Серебряную. Подарю ее
Я маленькой моей женѣ. Ну, что же
Ты не идешь?

Готфридъ (переминался).

Вѣдь онъ уѣхалъ.

ГЕНРИХЪ.

Кто?

Готфридъ.

Да Отакеръ-то, вашъ оруженосецъ.

ГЕНРИХЪ.

Куда уѣхалъ? Кто послалъ его?

Готфридъ.

Я думалъ, господинъ, что вы объ этомъ
Ужь знаете.

ГЕНРИХЪ (сдерживая глубокий вздохъ).

Да, я бы долженъ знать,
Но я не зналъ.

(Вскакиваетъ и начинаетъ ходить, блѣдный и стараясь побороть свое волненіе).

Имѣй, Готфридъ, терпѣнье,
Прошу тебя... И ты когда-нибудь
Узнаешь, для чего я возвратился
Въ зеленую могилу вашу, гдѣ
Все вѣетъ запахомъ сосны. Но только
Теперь о томъ оставимъ разговоръ.
Прими меня, прошу я ради Бога,
Какъ будто-бъ я не графъ фонъ-Аузъ,
Но блѣдный странникъ, что пришелъ искать
Убѣжища и мира.

Готфридъ.

Господинъ мой...

Генрихъ.

Когда бы былъ я господиномъ, ты
Меня бы здѣсь не встрѣтилъ. Ты слыхалъ ли,
Чтобъ господина покидалъ слуга,
Который вѣренъ былъ всегда? И что же—
Я не могу, не смѣю наказать
И выбратьъ его. Нѣтъ, нѣтъ, что ты мнѣ
Даришь теперь,—все это я приму
Какъ даръ, какъ милость. Я не за оброкомъ
Пришелъ къ тебѣ, не десятину взять:
Пришелъ за добровольнымъ подаяньемъ,
За милосердьемъ я пришелъ, Готфридъ!

Готфридъ.

Я, господинъ, ушамъ своимъ не вѣрю:
Богатый Генрихъ фонъ-деръ-Ауэ
Крестьянина простого и слугу
Бѣднѣйшаго о милостынѣ просить...

Генрихъ.

Да, Генрихъ фонъ-деръ-Ауэ теперь
Сталъ бѣднымъ Генрихомъ. Тебѣ покуда
Я больше не могу сказать. Настаенетъ
И день и часъ... и даже дни... часы,
Когда ты будешь слышать постоянно
Мучительныя жалобы мои
На все, о чемъ меня ты спросишь взглядомъ
Иль словомъ. Я останусь здѣсь у васъ
Недѣли, мѣсяцы, года! А если
Уйду когда-нибудь,—молчи объ этомъ...
Все скрытое откроется потомъ...
Довольствуйся покуда этимъ. Слышишь?..
То сердце, что утратило покой,
Безъ отдыха должно искать покоя.
Дай, добрый человѣкъ, мнѣ то, что вижу
Я у тебя во взорѣ—кроткій миръ.
Да, озари мнѣ душу тихимъ свѣтомъ:
Спокойствіе и миръ дороже ей
Сокровищъ драгоцѣнныхъ Саладина.
(Медленно уходитъ).

(Готфридъ, глубоко потрясенный его рѣчью, смотритъ ему вслѣдъ. Входить Бригита).

БРИГИТА.

Нашъ господинъ ушелъ сейчасъ?

ГОТФРИДЪ.

Ушелъ.

Что стало съ нимъ? Ты понимаешь это?

БРИГИТА.

Нѣтъ, я не понимаю ни его
Ни нашу дочь. Она лежитъ и плачетъ,
Клянется, что должна его спасти.

ГОТФРИДЪ.

Спасти? Но отъ чего-жь спасти?

БРИГИТА.

Не знаю.

Она не признается. Говорить:
У патера спросите Бенедикта.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кухня въ домѣ Готфрида. Большой очагъ съ крышей и трубой по срединѣ. Металлическая и глиняная посуда на полкахъ. На стѣнахъ оружіе. Въ одномъ углу распятіе. Направо недалеко отъ очага кожаный стулъ; передъ нимъ на полу оленья шкура. Надъ очагомъ и на лѣвой стѣнѣ оленье головы, голова зубра и нѣсколько арбалетовъ. —
Зима.

Бригита съ засученными рукавами наполняетъ мѣшокъ патеру Бенедикту хлѣбомъ, сыромъ и проч. Бенедикту подѣ пятьдесятъ лѣтъ. Энергическое заторѣлое лицо съ выраженіемъ достоинства; сѣдые волосы. На немъ бѣдная ряса.

Бенедиктъ. Не знаю. Не спрашивайте меня. Его отецъ былъ настоящимъ храмовымъ рыцаремъ; Мой отецъ, хотя онъ былъ изъ крестьянъ, но богатъ и всѣми уважаемъ, передъ своей кончиной завѣщалъ мнѣ: будь вѣренъ господину. Онъ хотѣлъ сказать не только о Господинѣ на небесахъ, но о нашемъ добромъ земномъ господинѣ, который

помогать ему въ голодные годы, пилъ съ нимъ вино и шелъ за его гробомъ съ обнаженной головою, какъ пиди-гримъ.

Бригита. Скажите мнѣ одно: онъ въ ссылкѣ?

Бенедиктъ. Нѣтъ, ничего, ничего не скажу я вамъ. Скажу только, что вѣдь и вы обязаны господину благодарностью. Вы ничего не должны знать. Видите, мы здѣсь живемъ не въ міру, а въ горахъ. Никто о насъ не спрашиваетъ. Будемъ же и мы глухи въ нашей преданности.

Бригита. Когда прислать къ вамъ опять мою дочь?

Бенедиктъ. Ради Бога, присылайте такъ часто, какъ вы хотите. Когда она приходитъ, моя темная келья дѣлается свѣтлой и просторной. Спаситель дышитъ, и Марія улыбается, а я, обыкновенно удрученный бременемъ моихъ грѣховъ, могу подняться съ земли и глядѣть съ утѣшеніемъ на кроткій ликъ Христа.

Бригита. Ахъ, патеръ, какъ охотно я слушаю это. Но я не знаю... я не могу себѣ объяснить вашихъ словъ. Дѣвочка измѣнилась: ею овладѣлъ какой-то странный духъ, онъ не оставляетъ ее, когда она здѣсь дома, въ послѣднее время. Но это не тотъ добрый духъ, о какомъ вы говорите.

Бенедиктъ. Можетъ-быть, и такъ. Голосъ небесъ разбудилъ насъ отъ нашего грѣховнаго сна. Но царь тьмы не остается празднымъ, повѣрьте мнѣ: онъ угнетаетъ и ребенка. Но она бодрствуетъ, и сонъ не овладѣетъ ею. Не заграждайте ей дорогу къ святости, путь къ спасенію и милосердію, слышите ли! Оставьте его свободнымъ для нея. Эту дѣвочку влекутъ и поддерживаютъ руки ангеловъ. И когда она лежитъ, точно умершая въ обморокъ, въ глубокіе тайники ея души проникаетъ Богъ. Я это чувствую. Я позналъ это. Тутъ происходитъ небесное чудо, ведущее въ истинную жизнь.

Бригита. Дай Богъ! Дай Богъ! Аминь. Хорошо, кабы такъ было. Хорошо, кабы она здѣсь, у насъ, стала святѣй. А то вѣдь она иногда просто мнѣ кажется разстроенной умомъ. Я часто думаю: ужъ не хочетъ ли меня наказать Богъ этой дѣвочкой! Ахъ, патеръ, я не могу ни въ чемъ раскаиваться, потому что ее люблю. А вѣдь ожесточеніе грѣхъ. Пусть Богъ накажетъ меня, пусть накажетъ, но не дѣвочку.

Бенедиктъ (слегка взволнованный). Да, мы грѣшники. Мы грѣшны и испорчены еще въ утробѣ матери. Но Го-

сподь все ведеть по Своей святой волѣ къ славѣ и добру, какъ бы ни одолѣвали грѣхи и слабости міръ. И чистый разумъ и уста этого ребенка передъ престоломъ милосердаго Бога не будутъ насъ обвинять и защитять насъ. (Уходитъ Бригита провожаетъ его).

(Входитъ Оттегебе, блѣдная и задумчивая. Она приноситъ нѣсколько еловыхъ вѣтвей, кладетъ ихъ на столъ и, отдѣливъ одну, идетъ въ уголь, гдѣ деревянное распятіе, цѣлуетъ ноги изваянія и украшаетъ его вѣткой. Бригита возвращается, смотритъ на Оттегебе и прислушивается къ шуму голосовъ за сценой).

БРИГИТА.

О чемъ кричать служанки на крыльцѣ?

ОТТЕГЕБЕ.

Пришелъ больной, какой-то нищій. Проситъ Онъ милостыню на дворѣ.

БРИГИТА.

Больной?

Что за больной? Да говори же толкомъ?

ОТТЕГЕБЕ.

Да, мама, бѣдный Божій человекъ.

(Слышно щелканье трещотки).

БРИГИТА.

Такъ это щелкаетъ его трещотка?
Вели его прогнать. Нашъ господинъ
Его не долженъ видѣть.

ОТТЕГЕБЕ.

Почему же
Его не долженъ видѣть господинъ?

БРИГИТА.

Не долженъ, говорю я, и довольно,
И больше не спрашивай.

ОТТЕГЕБЕ.

Онъ пишетъ

Тамъ въ комнатѣ...

(Молчаніе).

Мнѣ патеръ говорилъ,

Что если-бъ люди не гнѣвили Бога
Своимъ непослушаньемъ и грѣхомъ
И не отвергли Божье милосердье
И доброту, то міръ бы не видалъ
Тѣхъ бѣдъ, которыя теперь онъ видитъ.

БРИГИТА (громко возится съ посудой
и горшками и при этомъ
незамѣтно бросаетъ пытли-
вые взгляды на Оттегебе).

Да, времена худыя нынче. Вѣры
И вѣрности ни въ комъ нѣтъ. Патеръ правъ.

ОТТЕГЕБЕ.

Все христіанство,—говоритъ онъ, мама,—
Разъѣдено бѣсовскимъ ядомъ. Богъ
Намъ это хочетъ показать воочью,
И тѣло прокаженнаго есть образъ
Теперешняго міра.

БРИГИТА.

Можетъ-быть.

ОТТЕГЕБЕ.

Онъ плачетъ иногда...

БРИГИТА.

Кто плачетъ?

ОТТЕГЕБЕ.

Патеръ.

Себя бичуетъ и крушится онъ
О томъ, что Богъ навѣки отвернулся
Отъ міра грѣшнаго.

БРИГИТА (крестятся).

Спаси Господы!

(Молчаніе).

ОТТЕГЕБЕ (взволнованно).

Онъ говоритъ: великій день ужъ близокъ,
Наступитъ скоро страшный часъ суда.
Ты не боишься, мама?

Бригита.

Страхъ Господень—

Удѣлъ насъ всѣхъ, живущихъ на землѣ.

Оттегеве.

Онъ говорить: разверзлись нѣдра ада,
Выбрасывая сѣрный огонь и дымъ,
Война, убійства, морь у всѣхъ народовъ,
И ходять смерти ангелы вездѣ
По городамъ, и ни единый грѣшникъ
Не избѣжить ихъ мстительныхъ мечей.

Бригита.

Когда наступитъ за грѣхи расплата,
Тогда и будетъ время ей. Теперь
Бояться нечего.

(Молчаніе).

Оттегеве.

Отъ черной смерти
Избавиться не могутъ ни князья
Ни знатные?

Бригита.

Не могутъ.

Оттегеве.

Никакая
Стѣна и башня замка не спасетъ
Ихъ отъ заразы?

Бригита.

Нѣтъ.

Оттегеве.

Жиль, видишь, мама,
Когда-то графъ. Разъ танцовала съ нимъ
Дочь императора. Ее невѣстой
Считаль онъ тайно. И придворный врачъ
Ему шепнулъ тихонько, чтобъ изъ залы
Онъ шелъ за нимъ. Они пришли вдвоемъ
Въ другую комнату. У господина
Врачъ руку осмотрѣлъ и, увидавъ
Пятно на ней глубокое, сказалъ онъ:

Будь твердь душою, рыцарь, наступаетъ
Чась для тебя тяжелый! Ты не чистъ.

БРИГИТА.

Къ чему ты эту сказку рассказала?
Ты гредишь?

ОТТЕГЕВЕ.

Нѣтъ. Онъ больше съ этихъ поръ
Ни флейтъ ни пѣсенъ не слыхалъ...

БРИГИТА (быстро и съ горячностью).

Ну, полно!

Болтать довольно пустяки.

(Нечаянно сталкиваетъ со стола большой кухонный ножъ. Оттегебе въ сильномъ испугѣ вскрикиваетъ и начинаетъ дрожать).

Чего

Ты испугалась? Чтò съ тобой?

ОТТЕГЕВЕ.

Я, мама...

Я ничего.

БРИГИТА.

Да подними-жь, подай
Мнѣ ножъ.

(Оттегебе, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, поднимаетъ ножъ и кладетъ его на столъ съ глубокимъ вздохомъ).

Дитя, ты, право, нездорова.

ОТТЕГЕВЕ (какъ будто безсознательно качаетъ головой).

Скажи мнѣ, мама: развѣ Исаакъ,
Когда отецъ его хотѣлъ зарѣзать,
Зналъ, чтò въ душѣ задумалъ Авраамъ?

БРИГИТА.

Нѣтъ. Но къ чему ты это говоришь?
Зачѣмъ тебя тревожатъ эти мысли?
Господь теперь не требуетъ отъ насъ
Такихъ кровавыхъ жертвъ.

ОТТЕГЕВЕ

Господь? Но развѣ
Для искушенія людскихъ грѣховъ

Онъ Сына Своего на крестъ не отдалъ?
И не заставилъ Онъ Его идти
Съ открытыми глазами на Голгооу?
Кому Господь далъ силу до конца
Страданья горькія терпѣть, тотъ избранъ
Изъ тысячей и осчастливленъ тотъ,—
Такъ патеръ говоритъ,—и сила крови
Невинной, добровольно пролитой
Всегда источникомъ спасенья будетъ;
Здѣсь, на землѣ, цѣлительнъ онъ такъ,
Что кожа прокаженныхъ, если въ немъ
Ее омоютъ, дѣлается чистой,
И язвы заживаютъ.

БРИГИТА.

Можетъ-быть.

ОТТЕГЕВЕ.

Ты, мама, слышала, что наши слуги
Толкуютъ?

БРИГИТА.

Нѣтъ.

ОТТЕГЕВЕ.

Когда-бъ теперь была
На свѣтѣ справедливость, то давно бы
Ему ходить съ трещоткой и сумой,
Какъ нищему.

БРИГИТА.

Кому?

ОТТЕГЕВЕ.

Онъ прокаженный
И хижину построить долженъ тамъ,
Гдѣ поле для отверженныхъ.

БРИГИТА.

Пустое

Все это сумасбродство, болтовня...
Поди-ка позаботься объ обѣдѣ.
Нашъ боленъ господинъ, но только духомъ.
А если бы его томилъ недугъ

Проказы страшный, не спасли-бъ тогда
Его ни врачъ, ни патеровъ молитвы,
Ни жертвенная кровь.

ОТТЕГЕВЕ (взволнованно, почти плача).

Нѣтъ, мама, нѣтъ:

Слыхала я—въ Итали, въ Салерно
Есть врачъ, что лѣчитъ кровью...

БРИГИТА.

Кто тебѣ

Сказалъ объ этомъ?

ОТТЕГЕВЕ.

Отакерь. Онъ клялся,
Что это правда. Патерь Бенедиктъ
Мнѣ тоже говорилъ.

БРИГИТА.

Пусть такъ. Быть-можетъ,
Все это правда, но болтать о томъ
Не слѣдуетъ. Мнѣ надоѣло слушать.
Никто не боленъ. Жертвъ не нужно. Мало-ль
Какого вздора наплететъ слуга,
Котораго прогнали съ мѣста. Скоро
Поправится нашъ господинъ совсѣмъ
И въ замокъ свой уѣдетъ.

ОТТЕГЕВЕ (внезапно заливаясь отчаян-
ными слезами).

Мама, мама,

Онъ навсегда покинетъ насъ...

БРИГИТА.

Такъ что-жь?

И слава Богу! Ну, чего ты плачешь?
Не думаешь ли ты, что долженъ жить
Онъ въ бѣдной хижинѣ, бродить по саду,
Гдѣ утки въ лужѣ плещутся. Вѣдь онъ
Жить во дворцѣ привыкъ.

ОТТЕГЕВЕ (рыдаетъ).

Уйду... уйду тогда я...

Уйду я въ монастырь. Я не могу

По вашему желанью выйти замужъ
За мужика...

Бригита.

Дитя, придетъ пора—
Увидимъ, разберемъ. Господь захочетъ,—
Все выйдетъ хорошо. Твое тщеславіе
Съ годами уничтожится, Богъ дастъ.
А я теперь скажу: коль добрый паренъ
Посватается за тебя,—должна
Ты Господа благодарить сердечно.

(Готфридъ вводитъ Гартмана фонъ-деръ-Ауэ. Гартманъ простой дворянинъ, на нѣсколько лѣтъ старше Генриха, съ посѣдѣвшею бородою. Онъ въ легкихъ латахъ, въ шлемѣ, со шпорами и мечомъ; въ рукѣ мѣховой длинный плащъ).

Готфридъ. Войдите, господинъ рыцарь. Погрѣйтесь. Тутъ горитъ веселый огонь, и вамъ нужно погрѣться. Бригитъ) Гдѣ нашъ господинъ? Нѣтъ, это господинъ Гартманъ фонъ-деръ-Ауэ, слуга господина Генриха и его вѣрный другъ... Вы сдѣлали смѣлую поѣздку изъ замка Ауэ въ эту зимнюю пору. Присядьте.

Гартманъ.

Благодарю. Все время сильный вѣтеръ
Мнѣ дулъ въ лицо отъ сѣвера, но копъ
Мой добрый несъ меня въ горахъ отлично,
И хоть порой мы застревали съ нимъ
Въ туманѣ облаковъ и вихремъ снѣжнымъ
Дорогу заносило, все-жъ впереди
Мы двигались. Люблю порою зимней
Скакать въ горахъ черезъ сосновый боръ
И думу думать. Все кругомъ въ молчаньи,
Ни звука, иногда лишь хрустнетъ вѣтка
Оледенѣлая сосны, и вновь
Безмолвіе...

(Привѣтливо къ Оттегебе)

Замолкли даже птички...
Я вслушиваюсь въ тишину лѣсную
И въ ней теряюсь мыслью, точно Пстръ,
Когда ему заплѣла птичка рая,
И для него, какъ мимолетный часъ,
Тысячелѣтне цѣлое мелькнуло...

БРИГИТА.

Присядьте, господинъ.

ГАРТМАНЪ.

Вѣдь это дочь,

Конечно, ваша?

БРИГИТА.

Да.

ГАРТМАНЪ.

Не ошибусь я,
Когда скажу вамъ, что ее прозвалъ
Своей женою малеькою Генрихъ?

БРИГИТА.

Да, въ годы прежніе, когда она
Была еще ребеночкомъ, въ забаву
Ее, бывало, такъ онъ называлъ.

ГОТФРИДЪ.

Ахъ, мать, онъ и сейчасъ такъ называется.
Еще вчера, вотъ тутъ у очага,
Когда ему скамейку, Оттегебе,
Придвинула ты подъ ноги, вѣдь онъ
Сказалъ тебѣ, не правда-ль: «Благодаренъ
Я маленькой моей женѣ»?

ОТТЕГЕБЕ.

Сказалъ.

ГАРТМАНЪ.

Конечно, правы вы. А ты, малютка,
Почетное такое имя крѣпко
Удерживай: оно тебѣ къ лицу...

(Бригитѣ)

Не въ шутку, нѣтъ,—какъ, добрая хозяйка,
Повидимому, думаете вы,—
Нашъ господинъ прозвалъ такъ вашу дочку.
Изъ писемъ Генриха я знаю: онъ
Ее высоко цѣнить, хвалить очень
За добрую заботливость о немъ.

(Оттегебе въ чрезвычайномъ смущеніи хватаетъ мать за руку
и сжимаетъ такъ сильно, что та почти вскрикиваетъ).

Бригита.

Что, что, дитя, съ тобою!?. Посмотрите,
Она до боли сжала руку мнѣ...

(Оттегебе, смѣясь, закрываетъ лицо руками и убѣгаетъ).

Готфридъ.

Да, да, и я скажу, что Оттегебе
Достойно заслужила похвалу.

Бригита.

Ну, ну, Готфридъ, разбавь водой немножко
Вино похваль: бьетъ въ голову оно
Ужъ слишкомъ дѣвочкѣ.

(Уходитъ).

Гартманъ.

Теперь скажите,

Какъ онъ?

Готфридъ (вздыхая).

Какъ онъ? На это отвѣчать
Довольно трудно. Я и самъ не знаю.
Бываетъ, что онъ кажется такимъ,
Какъ прежде, въ дни здоровья; а бываетъ
И такъ, что съ виду, право, хуже онъ,
Чѣмъ думаемъ мы съ вами. Я смекаю,
Что гложетъ горе тайное его,
Которое, быть-можетъ, вамъ извѣстно.
Когда порой бросаетъ на меня
Онъ взглядъ пылающій,—какъ будто камень
Мнѣ давить сердце, и въ душѣ моей
Какой-то голосъ шепчетъ, что наказанъ.
Отъ Господа ужасной карой тотъ,
Кто такъ страдаетъ.

Гартманъ.

Вамъ извѣстно: вызвалъ
Меня сюда онъ самъ.

Готфридъ.

Нѣтъ, господинъ.

ГАРТМАНЪ.

Да. Онъ меня призвалъ сюда. А больше
Онъ ничего не открывалъ вамъ?

ГОТФРИДЪ.

НѢтъ.

Вы сами посудите: онъ монахомъ
Въ уединенны здѣсь у насъ живетъ
И соблюдаетъ строгій постъ. Два слова
Промолвить Оттегебе онъ, когда
Она ему обѣдъ приноситъ. Книжки
Читаетъ. По ночамъ не спитъ! Со мной
Онъ избѣгаетъ встрѣчи. Такъ-то дѣло
Идетъ уже вотъ нѣсколько недѣль.
Ни я не говорилъ съ нимъ, ни Бригита,
Одна лишь Оттегебе, да и ту
Нерѣдко онъ пугаетъ рѣзкимъ словомъ.

ГАРТМАНЪ.

Скажу вамъ,—это между нами,—онъ
Писалъ мнѣ, что теперь намѣренъ скоро
Отъ васъ уѣхать.

ГОТФРИДЪ.

Я и самъ смекалъ,
Что выйдетъ такъ-то. Вечеромъ онъ въ креслѣ,
Вотъ здѣсь, сидѣлъ вчера и говорилъ
Такъ странно, такъ печально,—прослезились
Мы даже всѣ,—какъ будто навсегда
Прощался съ нами. Стало-быть, на дѣлѣ
То выйдетъ, что предполагали мы.
Въ какомъ же замкѣ проживать онъ будетъ?

ГАРТМАНЪ.

Куда поѣдетъ онъ, не знаю я,
Но поскорѣ долженъ онъ вернуться
И показаться въ замкѣ родовомъ
Своимъ вассаламъ. Вѣдь его считаютъ
Пропавшимъ безъ вѣсти. Толкуютъ. Шепчутъ.
А братъ его двоюродный Конрадъ
Высоко вздернулъ голову и въ замкѣ
Съ такою наглостью ведетъ себя,

Какъ будто имя Генриха давно ужъ
Въ монастырѣ записано подъ-рядъ
Съ покойнымъ графомъ.

Готфридъ.

Если онъ уѣдетъ,

Конечно, много потеряемъ мы,
Но все-таки уѣдетъ онъ, повѣрьте.
Подумайте, какое здѣсь житье:
Сегодня, завтра—все одно и то же.
Отъ міра цѣлаго въ лѣсной глуши
Схоронены, мы ни о чемъ не знаемъ...
И если порываемся душой
Порой услышать отзывъ человѣка,
Намъ изъ зеленой дебри прозвучить
Одно лишь эхо. Можетъ-быть, и странно,
Что я скажу, но вѣрно: человѣкъ
Недужный, мрачный—онъ въ жилище наше
Какъ будто праздника сіянье внесъ.
Но вотъ отъ насъ онъ удалится. Будни
Наступятъ снова сѣрыя. Труды,
Заботы, огорченья этихъ дней
Намъ радостью въ долинѣ нашей были:
Теперь все это кончится.

Гартманъ.

Кому

Вы это говорите! Я вѣдь другомъ,
Товарищемъ его въ походахъ былъ.
Я годы долгіе провелъ съ нимъ вмѣстѣ,
Съ нимъ плавалъ за моря. Его я зналъ
Еще тогда, какъ императоръ Фридрихъ
Его высокой милостью почтилъ:
Какъ онъ въ тѣ дни своей гордился славой!
Заглядываясь блескомъ голубыхъ
Его очей, съ ума сходили дамы,
Сгорали отъ любви. Изъ-за его
Платка, перчатки, шарфа—герцогини,
Бывало, ссорились и уступить
Его вещей другъ другу не хотѣли.
Да, онъ сіялъ, какъ яркая звѣзда
Въ коронѣ Фридриха; и наслаждались
Дарами славы Генриха мы всѣ.

При императорскомъ дворѣ лишь только
И было разговору, что о немъ:
О пѣснѣ, объ охотѣ, о собакѣ
И лошади его. Позабывали
И о его величествѣ самомъ.
А императоръ Фридрихъ не сажился
Безъ Генриха фонъ-Ауэ за столъ.

Готфридъ (тревожно прислушива-
вшійся все время).

Я слышу, онъ идетъ.

(Входитъ Генрихъ быстро и внезапно. Наружность его запущена, онъ разстроенъ и блѣденъ. Гартманъ торопливо встаетъ. Онъ пораженъ видомъ Генриха. Генрихъ дѣлаетъ недовольное движеніе и отворачивается, какъ будто здоровый видъ Гартмана причинилъ ему физическое страданіе. Онъ встрѣчаетъ его небрежно и съ дѣланной холодностью).

Генрихъ.

А, ты пріѣхалъ?

Гартманъ.

Да, господинъ.

Генрихъ.

Я этого не зналъ.

Гартманъ (плохо скрывая свое впечатлѣніе).

Мой милостивый господинъ, какъ ваше
Здоровіе?

Генрихъ (отрывисто).

Благодарю, Готфридъ.

Гдѣ Оттегебе?

Готфридъ.

Я схожу за нею.

Генрихъ.

Да, да, сходи.

(Готфридъ уходитъ).

(Генрихъ садится въ кресло, глядитъ нѣсколько въ сторону; затѣмъ печальнымъ движеніемъ слегка задѣваетъ стоящаго около Гартмана и послѣ долгаго молчанія говоритъ охрипшимъ голосомъ, принужденно и тихо).

ГЕНРИХЪ.

Зачѣмъ стоишь ты? Сядь.
Какъ поживаешь, другъ?.. Да что съ тобою?

ГАРТМАНЪ.

Ахъ, милый, добрый господинъ...

ГЕНРИХЪ (глубокимъ, тихимъ, дрожащимъ голосомъ, который иногда отъ волненія вдругъ сильно повышается).

Ну, да.

Я милый, добрый господинъ, да что мнѣ
До этого? Иль думаешь, что я
Позвалъ тебя затѣмъ сюда, чтобъ руки
Сложилъ ты и твердилъ: ахъ, господинъ
Мой милый, добрый... Что? Поди поближе,
И если ты имѣешь лишній часъ,
Подвинь свой стулъ къ огню и, какъ мужчины,
Поговоримъ теперъ другъ съ другомъ мы.

(Гартманъ придвигаетъ скамейку, но, прежде чѣмъ сѣсть, хочетъ склониться на колѣни и поцѣловать руку Генриха.)

ГЕНРИХЪ (торопливо отдергиваетъ руку).

Оставь всѣ эти глупости. Садись же.
Ты все-таки пріѣхалъ, добрый другъ:
Другіе отъ меня вотъ уже мѣсяць
Какъ убѣжали. Чай, подумалъ ты,
Когда писалъ тебѣ я, храбрый Гартманъ,
Что новую спюю тебѣ я пѣсню,
Что будешь ты посломъ моей любви
Къ какой-нибудь красавицѣ? Нѣтъ, другъ мой,
Я прежде часто отъ любви страдалъ —
Теперь отъ этого я не страдаю,
Страданья прошлыя мои другимъ
Поглощены страданьемъ, предъ которымъ
Все то, что прежде мнѣ казалось горемъ,
Теперь отрадой кажется, и я
О горѣ промелькнувшемъ вспоминаю,
Какъ о потерянномъ богатствѣ. Да.
Но это—въ сторону. На самомъ дѣлѣ
Я чувствую себя довольно сносно.

Ну, что болтаютъ въ свѣтѣ обо мнѣ
Знакомые, родные? Какъ толкуютъ
Они отъѣздъ нежданный въ глушь Шварцвальда,
Гдѣ ото всѣхъ я скрылся, какъ барсукъ
Въ своей берлогѣ? Что и какъ объ этомъ
И думаютъ и говорятъ они?

ГАРТМАНЪ.

Мой господинъ, нельзя ли вамъ избавить
Меня да и себя отъ пересказа
Всѣхъ слуховъ, и хорошихъ и дурныхъ,
Что разнеслись съ тѣхъ поръ, какъ удалились
Отъ свѣта вы. Всѣ слухи таковы,
Что этотъ свѣтъ въ нихъ ярко отразился.

ГЕНРИХЪ.

Навѣрно говорятъ, что если я,
Другъ императора, теперь въ изгнаньи,
Такъ, значить, Божья кара надо мною.

ГАРТМАНЪ.

Я умоляю васъ меня объ этомъ
Не спрашивать.

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, прямо все скажи.
Повѣрь, что лжи отравленные стрѣлы
Не будутъ истины больнѣй, и я
Надъ ложью посмѣюсь.

(Входитъ Оттеггебе).

И если скажутъ:

«Вѣдь Генрихъ, государь, повелъ себя
Какъ турокъ. Шелковый тюрбанъ онъ носитъ,
Подъ нимъ арабской крови бѣлый конь
Украшенъ полумѣсяцемъ блестящимъ,
Пророка знамя у него въ рукахъ.
За все за это Богъ нашъ христіанскій
Его Алеппо знакомъ заклеимъ»...
Ты видишь, кто такъ говорилъ, не очень
Намгаль бы на меня.

ГАРТМАНЪ.

Мой господинъ,

Алеппо знакъ—что это?

ГЕНРИХЪ.

Ничего.

Объ этомъ въ книгахъ прочитать ты можешь.
Довольно. Оттегебе, подойди
Ко мнѣ поближе. Вотъ что: поскорѣе
Поди, дитя, ты въ комнату мою;
Тамъ на столѣ пергаменты увидишь,
Исписанные мною и съ моими
Печатами. Сюда ихъ принеси.
Ты поняла?

ОТТЕГЕБЕ.

Да, господинъ.

(Оттегебе уходитъ).

ГЕНРИХЪ.

Смотри:

Вотъ эта дѣвушка моей рабыней
По доброй волѣ стала. Никогда
И евнухи и челяди наемной
Толпы, которыхъ содержалъ я, мнѣ
Такъ не служили. Если-бъ сто желаній
Имѣлъ я, даже тысячу, она
Считала бы игрой ихъ исполненьс.
Въ заботахъ обо мнѣ не устаетъ
Ея собачья преданность...

Да, что, бишь,

Я говорилъ? Что борода моя
Всклокочена, похожа на капусту,—
Какъ въ шутку говорятъ,—что не душусь
Я мускусомъ и амброй, какъ бывало
При императорскомъ дворѣ? Такъ что-жь?
Но сердцемъ чище сталъ я передъ Богомъ,
Который—думать надобно—не любитъ
Арабскихъ благовоній. Если я
Животное теперь напоминаю—
Пусть такъ: когда-нибудь настанетъ часъ—
Я сброшу шкуру звѣря, и подъ нею
Окажется святой. Вѣдь такъ бывало.

ГАРТМАНЪ.

Мой господинъ и другъ, прошу я васъ:
Скажите все мнѣ искренно. Быть-можетъ,

Вамъ сердце горе тайное грызеть?
Оставьте вашу скрытность, чтобы могъ я
Избавить васъ отъ вашего врага—
Отъ тайны. Чтò надъ вами разразилось,
Откройте другу.

ГЕНРИХЪ (говорить съ трудомъ,
уклончиво).

Ничего. Слыхалъ
Ты о Гези, чтò былъ слугою
Пророка Елисея?

ГАРТМАНЪ.

Господинъ...

ГЕНРИХЪ.

Ты понимаешь, отчего тебя
Спросилъ объ этомъ я?

ГАРТМАНЪ.

Не понимаю.

Я слишкомъ мало обучень...

ГЕНРИХЪ.

Коль такъ,
Ты все узнаешь къ празднику Успенья.
Теперь же потерпи. Терпѣнье нужно
Для исповѣдника. Пока одно скажу:
Я скоро въ путь сберусь на богомолье,
Подобно пилигримамъ, чтò идутъ
Молиться въ Мекку. Для чего?—объ этомъ
Не спрашивай.

ГАРТМАНЪ.

Мой господинъ, со мною
Не такъ вы говорите, какъ бы съ другомъ
Вы говорить должны. Но я хочу
Проникнуть въ васъ, и я не успокоюсь,
Покуда знать не буду я всего.
Чтò васъ терзаетъ? Чтò же, чтò случилось?
Чтò такъ внезапно сбило васъ съ пути?
Вѣдь въ праздничномъ веселіи вы жили,
Легко ступали по землѣ. Въ бояхъ,

Во всѣхъ дѣяннѣхъ вашихъ будто ангелъ
Васъ охранялъ щитомъ. Изъ дальнихъ странъ
Подъ кровъ родной вы воротились въ славѣ,
И слава провожала васъ туда,
Гдѣ странствовали вы. И что же вышло?
Взамѣнъ того, чтобъ жатву собирать,
Посѣянную набожною силой,
Вы оставляете посѣвъ вашъ гнить.
Надъ вами руку милости высокой
Самъ императоръ распростеръ и далъ
Невѣсту вамъ изъ княжескаго рода.
Скажите же во имя Бога мнѣ,
Зачѣмъ бѣжали вы въ пустыню эту
Отъ счастья вашего? И почему
Не можете къ нему вы возвратиться?

ГЕНРИХЪ (долго глядитъ на него раскры-
тыми глазами и болѣзненно,
задыхаясь, говоритъ подавленнымъ
голосомъ).

Жизнь, другъ, сосудъ есть хрупкій: такъ
Въ коранѣ сказано, и это правда.
Я понялъ это. Не хочу я жить
Въ пустой яичной скорлупѣ. Желаетъ
Ты возвеличить человѣка, въ немъ,
Быть-можетъ, образъ Божества ты видишь?
Однако, если ты ему проткнешь
Сапожнымъ шиломъ пульсъ,—вотъ здѣсь, положимъ,
Или вотъ тамъ,—польется изъ него
Кровь, какъ вода изъ жолоба, и съ нею
Все утечетъ: и счастье, и любовь,
И гордость благородная, и доблесть,
И божескіе свѣтлые порывы,
И сила, и стремленіе къ добру,
Къ дѣяннѣмъ великимъ, и награда
За тѣ дѣяннѣя, и богатство—все,
Что въ глупомъ заблужденіи считаемъ
Мы достояннемъ человѣка. Будь
Ты императоромъ, султаномъ, папой,
Но въ похоронный саванъ обернуть
Твое нагое тѣло нынче, завтра,
И въ этомъ саванѣ оно остынетъ.

ГАРТМАНЪ.

Такъ говоритъ упавшій духъ...

ГЕНРИХЪ.

Онъ былъ

Когда-то весель. Въ постоянной пляскѣ
Ходить я разучился, говорить
Я пересталъ отъ постоянныхъ пѣсенъ.
Я шелъ съ поднятой гордо головою,
И жизнь была и счастьемъ, и молитвой,
И радостью. Но вотъ, когда домой
Я возвращался въ суетномъ мечтаньи,
Что близокъ я душою къ Божеству,
И, мнѣ казалось, серафимы пѣли
Моимъ дѣяньямъ набожнымъ хвалу,
Когда я гордо несъ свой мечъ священный,—
Собаки грозныя моей судьбы
За мною слѣдомъ шли, рыча и вой
Отъ жажды крови... Гдѣ-жъ охотникъ тотъ,
Который ихъ натравливалъ? Увидѣтъ
Его хотѣлъ бы я!

(Встаетъ и ходитъ по комнатѣ. Оттегебе приноситъ пергаменты и подаетъ ихъ молча Генриху).
Послушай, вотъ...

ГАРТМАНЪ.

Мой господинъ, вы знаете: я не былъ
Попомъ или прислужникомъ поповъ...
Но то, что говорите вы, ужасно
И чуждо для меня. Что-бъ ни послалъ
Вамъ Вѣчный Судія, предъ нимъ склонитесь,
Склонитесь подъ крестомъ Его.

ГЕНРИХЪ.

Вассаль

Я императора. Съ нимъ вмѣстѣ принялъ
Отъ кардинала Остіи мой крестъ
И этому кресту донынѣ вѣренъ.
Тотъ крестъ по платью у меня былъ вышить,
Теперь онъ вросъ и въ плоть мою и въ кровь,
И только смерть—чего-жъ ты хочешь больше?—
Меня съ нимъ разлучить... Мой другъ, оставь
Молебны и молитвы. Потеряешь
Ты только время даромъ.

(Къ Оттегебе)

Благодаренъ

Я маленькой женѣ моеѣ. Иди.
Да—вотъ что: если мнѣ связать захочешь
Перчатки шерстяныя—поспѣши:
Пожалуй, можешь опоздать. Иди же.
Что говорю я другу моему,
Тебѣ не надо слышать.

(Оттебебе уходить).

Вотъ пергаментъ,

Я написалъ здѣсь все, что пожелать
Еще на этомъ свѣтѣ можетъ Генрихъ
Фонъ-Ауэ... Не прерывай меня,
Мой добрый другъ, и слушай со вниманьемъ,
Что я скажу. Моимъ посломъ ты будешь:
Бернгарду, дядѣ моему
Вручишь. Тутъ я высказываю волю
Мою послѣднюю... Молчи, постой...
Въ коранѣ говорится: опрометчивъ
Бываетъ человѣкъ. Чѣмъ пораженъ
Я отъ руки судьбы, вы не старайтесь
Развѣдывать. Считайте, что я сталъ
Предусмотрителемъ и мудръ. Но какъ
Прозрѣлъ и что увидѣлъ, не желайте
Загадку эту разгадать. Твой умъ
Не такъ глубокъ, чтобъ уяснить все это.
Что нужно знать вамъ, здѣсь я написалъ.
Довольно этого. А я... пойду я снова,
Какъ странникъ добровольный, по пути
Мнѣ назначенному,—прямо и безъ страха.
Плестись, какъ Лазарь бѣдный, по дорогамъ,
Въ грязи валяться, язвами своими
Предъ всѣми хвастать и молить, чтобъ ихъ
Зализывали псы—объ этомъ въ книгѣ
Моей судьбы не значится. А если-бъ
Тамъ было такъ написано,—клянусь,
Я стеръ бы надпись... Ну, прощай... Минуетъ
Годъ на землѣ,—страданіе мое
Настолько-жъ мертво будетъ. Надъ могилой
Моихъ скорбей прольется много разъ
Дождь освѣжающій... Прощай, прощай.

(Послѣ короткой, мрачной паузы, онъ говоритъ виѣ себя)

Но слушай: выскреби свою одежду

И отъ меня бѣги, мой другъ, бѣги,
Я говорю тебѣ!.. И прахъ скорѣе
Отъ ногъ своихъ ты отряхни, и если
Тебя ухватитъ кто-нибудь за плащъ,
Оставь въ его рукахъ одежду эту,
А самъ бѣги, бѣги!

ГАРТМАНЪ (пораженный).

Мой господинъ,
Что говорите вы мнѣ...

ГЕНРИХЪ.

Говорю я,
Бѣги и не оглядывайся вспять!
И не дотрогивайся до меня: я небомъ
Такъ осчастливленъ, что вокругъ себя
Распространяю гибель... Да, героемъ
Я сталъ такимъ, что отъ моей руки
Въ которой нѣтъ оружія, герои
Должны бѣжать: ея прикосновенье
Страшнѣ смерти. Если взглядомъ я
Задѣну дѣвушку, отъ отвращенья
Умереть она, замѣтивъ этотъ взглядъ!

(Оттегеве входитъ. Безъ кровинки въ лицѣ, какъ восковая фигура, она останавливается, съ дрожащими губами и неподвижнымъ взглядомъ, устремленнымъ на Генриха).

ГАРТМАНЪ.

Очнитесь, господинъ, въ себя придите,
Вы въ бѣшенствѣ и ярости...

ГЕНРИХЪ.

Коль такъ,
Ударь меня полѣномъ, рукояткой
Меча, чѣмъ хочешь,—и убей, убей!
Освободи меня отъ этой жизни
И отъ меня себя освободи.
Что дѣлаете вы, когда собака
Къ вамъ бѣшенная забѣжитъ во дворъ?
Чего боишься ты? Убей скорѣе!
Будь смѣлъ!

(Вбѣгаютъ Готфридъ и Бригита).

Вы всё—сюда! сюда!
Идите и смотрите всё: вотъ Генрихъ
Фонъ-Ауэ, который прежде мылъ
Три раза на день тѣло и пылинку
Малѣйшую сдувалъ съ одежды, вотъ
Вашъ князь и господинъ: теперь отъ пятокъ
До головы онъ язвами покрытъ,
Какъ древній Иовъ, что еще при жизни
Былъ мертвой падалью, лежалъ въ грязи
На кучѣ пепла и рукой иссохшей
Бралъ черепокъ, чтобъ струпись соскоблить.

(На лицѣ Оттегебе появляется постепенно радостное, почти божественное выраженіе. Когда Генрихъ окончилъ свои рѣчи, изъ ея груди вырывается крикъ, и она бросается къ его ногамъ и покрываетъ его руки неистовыми поцѣлуями).

ОТТЕГЕБЕ.

Мой дорогой, мой милый господинъ!
О жертвенномъ подумай агнецъ... Вспомни...
Я знаю... Я хочу... могу взять грѣхъ...
Обѣтъ дала я... и спасенъ ты будешь!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Скалистая лѣсная мѣстность. Могучія хвойныя и пожелтѣвшія листовныя деревья. Въ глубинѣ ущелья пещера. У входа въ пещеру бревенчатый навѣсъ на подобіе шалаша; внутри шалаша кой-какія кухонная утварь, арбалетъ и проч. Осенній вечеръ.

Генрихъ, оборванный и одичавшій, съ отросшими волосами и бородой, копается киркою и лопатой глубокую яму. Его лѣвая рука перевязана. Отакеръ въ латахъ, только что сошедшій съ коня, показывается на скалистомъ возвышеніи, стараясь держаться въ отдаленіи отъ Генриха.

ОТАКЕРЪ.

Эй, ты! Послушай! Эй! Эй, ты!

ГЕНРИХЪ (прислушивается и повторяетъ про себя).

Эй, ты! Эй, ты! Оставь меня въ покоѣ.

ОТАКЕРЪ.

Эй, муравьѣдъ! Что дѣлаешь ты тамъ?

ГЕНРИХЪ (про себя).

Для вѣчнаго покоя стойло.

ОТАКЕРЪ.

Роешь

Колодець, что ли? Или ищешь кладъ?

ГЕНРИХЪ (про себя).

Да, большій кладъ и не искалъ донинѣ.

ОТАКЕРЪ (нерѣшительно).

Не изъ людей ли Божьихъ ты? Ну, что-жь,
Отвѣты! Пошевелись, кабанъ!

ГЕНРИХЪ (встаетъ, схватываетъ арбалетъ и цѣлитъ въ Отакера).

Отвѣчу

Тебѣ я такъ что помнить будешь вѣкъ.

ОТАКЕРЪ (закрываетъ лицо рукою въ латахъ).

Паршивый рабъ!

ГЕНРИХЪ.

Бродяга!

ОТАКЕРЪ.

Ядовитый

Паукъ! Оса проклятая, мени
Ты хочешь укусить! Стрѣляй, коль съ жизнью
Разстаться ты желаешь.

ГЕНРИХЪ.

Съ жизнью—да,
И съ смертию также, рабъ. Ну,—я стрѣляю.

ОТАКЕРЪ.

Постой. Дай слово молвить. Подожди,
Косматый, къ чорту на рога поспѣшь.
Сперва скажи: живетъ здѣсь бѣдный Генрихъ?

ГЕНРИХЪ.

А что это за дичь такая?

ОТАКЕРЪ.

Дичь

Съ паршивой шерстью. А когда-то былъ онъ
Въ родствѣ съ орломъ и львомъ.

ГЕНРИХЪ.

Ты кто такой?

ОТАКЕРЪ.

Кто я—тебѣ нѣтъ дѣла. Конный воинъ,
Привыкшій къ бурямъ и боямъ.

ГЕНРИХЪ.

И все-жъ

Изъ трусовъ самый подлый ты на свѣтѣ.

ОТАКЕРЪ (дѣластъ движеніе, будто желая броситься на Генриха).

Что?

ГЕНРИХЪ.

А вотъ то!

ОТАКЕРЪ.

Ты смѣлъ сказать мнѣ такъ!

Читай же «Отче нашъ».

ГЕНРИХЪ.

Прочелъ два раза.

Ну, что-жъ ты не подходишь?

ОТАКЕРЪ.

Убивать

Не стѣдить жалкую собаку. Можешь
Ты уходить. Скажи мнѣ лишь одно:
Не здѣсь ли гдѣ-нибудь гнѣздится бывшій
Графъ Ауэ, который убѣжалъ
Недавно съ мызы?

ГЕНРИХЪ.

Графъ, бѣжавшій съ мызы?

Какъ такъ? Тебя тарантуль укусилъ?

ОТАКЕРЪ (дико и громко смѣется. Замѣтно, что онъ выпилъ).

Да, да, я бѣшенный. Иначе развѣ
Побрелъ бы я за нимъ.

ГЕНРИХЪ.

Поди сюда.

ОТАКЕРЪ.

Ну, нѣтъ, братъ.

ГЕНРИХЪ.

Подойди. Оставимъ ссору.

Я честно говорю. Ты рассказать
Мнѣ долженъ о паршивомъ графѣ.

ОТАКЕРЪ (садится на камень въ нѣ-
которомъ отдаленіи).

Ладно.

Коль миръ, такъ миръ. А все же сто шаговъ
Пусть будетъ разстоянья между нами.
Ну, слушай же. Въ семи часахъ пути
Есть мыза среди лѣса. Тамъ скрывался
Больной мой господинъ. Ему всегда
Я вѣренъ былъ, клянусь... Чего тарачишь
Свои глаза? Я бился рядомъ съ нимъ
Не разъ у мавровъ. Не одинъ язычникъ
Упалъ съ коня отъ моего меча,
Не одному я сбиль чалму, и часто
Оружіе враговъ я отводилъ
Отъ шеи господина. Да, такъ было.
Но вышло подъ конецъ, что заболѣлъ
Проказой онъ. А отчего? Вотъ видишь,
Не вѣрилъ тайнымъ амулетамъ онъ,
Надъ заговоромъ онъ смѣялся. То-то.
Ну, да объ этомъ помолчу. А все-жъ
Ему я вѣрнымъ оставался. Вмѣстѣ
Съ нимъ во дворѣ крестьянскомъ жилъ, пока
Не убѣжалъ онъ въ горы.

ГЕНРИХЪ.

Такъ чего же

Ты хочешь отъ него?

ОТАКЕРЪ.

Иисусъ, Марія,
Святой Иосифъ!.. Глупая башка,
Мнѣ ничего не нужно. Да избавить
Меня Господь отъ всѣхъ его отравъ.
Пусть сохранить онъ все, что онъ имѣетъ,
Къ нему я посланъ съ вѣстью. Вотъ возьми
Монету.

(Бросаетъ деньги).

Передай, что ты услышишь
Здѣсь отъ меня, какъ свидишься ты съ нимъ:
Вѣдь вы, бродяги, знаете другъ друга.

ГЕНРИХЪ (оттолкнувъ деньги).

Себѣ оставить можешь эту дрянь.
Ты трусишь, баба. Ты боялся встрѣтить
Того, къ кому ты шелъ, и хочешь ты,
Чтобъ былъ твоимъ посломъ я за три гроша.

ОТАКЕРЪ (отпивъ изъ фляжки).

Что? Я боюсь? Я—Отакеръ? Такъ знай!
Три дня тому сказалъ намъ рыцарь Гартманъ,
Намѣстникъ господина моего:
«Эй, кто изъ васъ поднять рѣшится прямо
Медвѣдя изъ берлоги?» Я тогда
Сталъ впереди толпы и засмѣялся:
«Я, господинъ, могу». Вотъ я каковъ!
И такъ и сдѣлалъ я.

ГЕНРИХЪ (тихо, съ мрачной ироніей).

Слуга мой вѣрный!

Приди въ мои объятія.

ОТАКЕРЪ (увидѣвъ, что Генрихъ сдѣ-
лалъ къ нему нѣсколько ша-
говъ, вскакиваетъ и отбѣ-
гаетъ).

Чортовъ адъ!

Кто ты?

ГЕНРИХЪ.

Не бойся: это я, паршивый
Твой господинъ, фонъ-Авэ.

ОТАКЕРЪ (престально поглядѣвъ, узнаётъ Генриха и падаетъ на колѣни, сложивъ руки съ мольбой и страхомъ).

Господинъ!

Помилуйте меня! Простите! Вѣренъ
Я былъ всегда вамъ и во всякій часть,
И лишь тогда предъ вами провинился,
Когда бѣжалъ... Вашъ замокъ мы хранимъ...
Вы знаете, предъ вашею палаткой
Лежалъ я по ночамъ съ мечомъ въ рукѣ,
Чтобъ вы спокойно спали—и не трусилъ...
Простите, каюсь я въ грѣхѣ своемъ...
Пусть вы отлучены, но рыцарь Гартманъ
Намъ говорилъ: священникъ отвести
Не можетъ руку помощи. Больны вы.
Но рыцарь говорилъ: коль Богъ захочетъ,
Вы будете здоровы. Вы безъ вѣсти
Пропали. Мертвымъ объявляетъ васъ
Вашъ братъ двоюродный Конрадъ. Но всѣ мы,—
Насъ больше тысячи,—всѣ поклялись
Предъ ликомъ Богоматери вашъ замокъ
Какъ прежде и блюсти и охранять.

ГЕНРИХЪ (съ дѣланымъ добродушіемъ).

Ну, хорошо. Все прощено, забыто.
Ни слова болѣе объ этомъ. Да,
Все прощено. Ты вѣренъ былъ и вѣрнымъ
Остался ты. Я мужество твое
И храбрость знаю. Я видалъ, какъ въ битвѣ
Ты въ ключья раздиралъ врага, какъ волкъ.
Не трусишь ты. Такъ подойди поближе:
У моего ты сядешь очага,
Огнемъ я зажгу дрова и буду
Не господиномъ, а твоимъ слугой.

ОТАКЕРЪ (послѣ сильной, почти смѣшной борьбы съ самимъ собою).

Нѣтъ, чортъ возьми... я не могу.

ГЕНРИХЪ (будто онъ ничего не замѣчаетъ).

Ну, что же?

ОТАКЕРЪ.

Уйти я долженъ, господинъ.

ГЕНРИХЪ (попрежнему).

Зачѣмъ?

ОТАКЕРЪ.

Мнѣ рыцарь Гартманъ...

ГЕНРИХЪ.

Ты мой рабъ! И если

Тебѣ я говорю: останься здѣсь—

Ты долженъ оставаться!

ОТАКЕРЪ (послѣ новой борьбы съ самимъ собой).

Не могу я...

Богъ видитъ,—не могу. Изъ арбалета
Пустите лучше мнѣ стрѣлу въ високъ.

ГЕНРИХЪ.

Стрѣлу? Ты баба! Негодай, мошенникъ.
Ремень, веревка, лошадиный кнутъ—
Вотъ чѣмъ тебя, а не стрѣлой!.. Постою же!

(Онъ вытягиваетъ впередъ руки).

Разъ, два! Ну, убирайся! Три, четыре!—
Пошелъ!

ОТАКЕРЪ (отойдя).

Опомнитесь, мой господинъ
Лѣчитесь, какъ другіе: окуните
Въ крови ребенка руки. Надо вамъ
Взять смѣлость для того...

ГЕНРИХЪ.

Пять! Шесть! Довольно:

Поберегись, герой, поберегись!

(Бросается къ Отакеру съ поднятыми руками. Тотъ убѣгаетъ въ безумномъ страхѣ. Возвратившись, Генрихъ разражается дикимъ смѣхомъ, болѣзненнымъ, почти переходящимъ въ рыданія. Затѣмъ онъ овладѣваетъ собою).

ГЕНРИХЪ (одипъ).

Такъ. Хорошо. Вновь тишина царить,
И въ этомъ царствѣ я живу, закованъ
Въ мой крѣпкій панцырь. Пусть я одинокъ —
Уединенье мнѣ не давить сердца.
Шумъ суеты не слышу я. Кругомъ
Въ холодномъ блескѣ, въ ледяномъ просторѣ,
Таинственное міровое море
Раскинулось, и я свободенъ въ немъ.
Чего же не хватаетъ мнѣ? За дѣло!

(Продолжаетъ копать могилу).

Изъ праха вышелъ ты и снова въ прахъ
Ты обратишься. Жизни сонъ минуетъ:
За нимъ наступитъ вѣчной смерти сонъ.
Жизнь наша — нищій. Смерть — властитель міра.
Нѣмая, въ тьму одѣтая, она
Какъ глыба катится, все погребая.
Что зарождаетъ жизнь? Слѣпой порывъ
Безумной похоти: подъ кровомъ ночи
Безчисленныхъ глупцовъ она влечетъ,
Грѣхомъ ихъ соблазняя и развратомъ.
И вотъ тюрьма, гдѣ тѣсно имъ и такъ,
Становится для нихъ еще тѣснѣе.
Но смерть, тюремщикъ добрый, выпускаетъ
На волю всѣхъ. Мечтаетъ человѣкъ,
Что онъ откликнуться душою можетъ
На все, чѣмъ міръ богатъ. Но вѣдь ему
Ничто не откликается. Все нѣмо,
Какъ эти камни. А когда-бъ они
Заговорили, человѣкъ услышитъ
Отъ нихъ одно лишь: жизнь твоя — страданье,
А счастье въ смерти.

(Патеръ Бенедиктъ появляется въ глубинѣ ущелья).

Бенедиктъ (нерѣшительно, издали).

Богъ благословитъ

Васъ, бѣдный Генрихъ.

ГЕНРИХЪ (прислушиваясь, про себя).

Вотъ опять трещотка —

Людская рѣчь.

БЕНЕДИКТЪ (медленно приближается къ Генриху и кладетъ ему руку на плечо. Генрихъ спокойно продолжаетъ копать могилу).

Мой добрый другъ...

ГЕНРИХЪ.

Кто ты?

БЕНЕДИКТЪ.

Что дѣлаете вы?

ГЕНРИХЪ.

Себѣ могилу
Копая. Для чего пришелъ ко мнѣ?

БЕНЕДИКТЪ.

Принесъ вина я вамъ, плодовъ и хлѣба.

ГЕНРИХЪ.

Уйди, монахъ! Уйди! Не то тебя
Я пригвождю, какъ филина, надъ дверью
Моей пещеры. Въ монастырь ступай,
Въ подземную нору, гдѣ ты таишься
Какъ темная ехидна.

БЕНЕДИКТЪ.

Господинъ

Мой добрый...

ГЕНРИХЪ.

Ладно. Говорю тебѣ я,
Исчезни съ глазъ моихъ. Или заставь
Меня исчезнуть, чтобы ты не видѣлъ,
Какимъ я сталъ. Я для тебя теперь
Не господинъ и не слуга. Ни боленъ
И ни здоровъ я; ни одѣтъ ни голъ,
И не постриженъ я, какъ ты, въ монахи,
Хоть и постриженъ. Понялъ—я ничто.
Ты слышишь ли—ничто.

БЕНЕДИКТЪ.

Чѣмъ ни считалъ бы
Себя заблудный человѣкъ, но все-жъ
Дитя онъ Божье.

ГЕНРИХЪ (внезапно выскочивъ изъ могилы и отложивъ въ сторону лопату).

Что ты? Неужели?

Вѣдь ты монахъ, избранникъ Бога. Ну,
Поди-жь сюда, присядь ко мнѣ, коль любишь
Коросту и нарывы. Тотъ мой другъ,
Кто размѣшитъ меня. Такъ ты сказалъ мнѣ
Что Божье я дитя. Да, я дитя.
А вотъ и колыбель моя—могила.
Я это на пергаментъ запишу.

БЕНЕДИКТЪ.

Вы въ тяжкомъ горѣ, бѣдный господинъ мой,
Я это знаю...

ГЕНРИХЪ.

Бѣднымъ ты меня
Зовешь, монахъ? Я бѣденъ? Подойди же
Сюда къ кусту терновника, къ кустамъ
Крапивы, и раскрой глаза пошире:
Все, что ты видишь, нищій—все мое!
И этотъ лѣсъ, и скалы, и долина,
И озеро, и скаты дальнихъ нивъ,
И рыбы въ озерѣ, и вѣтви сосенъ,
И тѣхъ деревьевъ каждый, каждый листь—
Все здѣсь мое. Вотъ у тебя на рясѣ
Я вижу паутинку: вѣдь ее
Соткалъ паукъ—слуга мой. Даже жало
У комара, которымъ жалитъ онъ,
И то мое и взято изъ запаса
Моихъ сокровищъ.

БЕНЕДИКТЪ.

Хорошо, но все-жь...

ГЕНРИХЪ.

Вотъ въ этомъ суть, вотъ въ этомъ-то и дѣло:
Усталъ играть я господина роль,
Усталъ томиться въ шелковыхъ одеждахъ
И узкихъ башмакахъ. Усталъ я быть
Рабомъ моихъ рабовъ и блюдолизовъ,
Друзей моихъ. Усталъ питаться я

Той пищей, что готовили другіе.
Усталъ стоять высоко, на горѣ,
И нагибаться къ тѣмъ, кого чуть видѣлъ
Я тамъ, внизу. Стремиться можетъ вверхъ
Къ свободѣ, къ свѣту тотъ, кто въ бѣдной долѣ
Влачится по землѣ. Но властелинъ,
Когда захочетъ сдѣлаться свободнымъ
И быть причастнымъ міру,—долженъ онъ
Глубоко въ землю погрузиться, такъ,
Какъ вотъ теперь я дѣлаю—гляди.

(Прыгаетъ въ могилу).

Бенедиктъ.

Прошу васъ, встаньте, господинъ. А если
Не можете подняться, то со мной
Колѣни преклоните, и мы оба
Мольбы и души вознесемъ къ Тому,
Кто былъ всегда, и есть, и вѣчно будетъ.

Генрихъ (выскакиваетъ изъ могилы).

Да, Онъ подниметъ. Но не ты, не я!
Онъ дѣлаетъ, монахъ, по произволу,
А не изъ жалости, какъ вѣришь ты.
О, если-бъ дѣлалъ Онъ, соображаясь
Съ желаньями людей! О, если-бъ Онъ
Могъ тронуться молениемъ этихъ рукъ
Израненныхъ и этихъ устъ съ губами,
Изъѣденными язвой, что едва
Лепечуть жалобы свои, и этихъ
Очей потухшихъ, что слезятся кровью
Въ глубокихъ впадинахъ,—тогда, монахъ,
Земля была бы раемъ и богами
Мы были бы на ней, или Господь
Не разъ одинъ бы умеръ отъ страданій,
А десять, сто разъ и лежалъ теперь
Онъ мертвецомъ въ забытомъ гробѣ міра!
Ты это понимаешь?

Бенедиктъ.

Живъ Господь!

Имѣйте вѣру. Если бы искали
Его вы съ вѣрой...

Генрихъ.

Ты пришелъ сказать,
Что живъ Онъ? Хорошо. Благодарю.
Иди. Ты видишь, самъ я докопался
До этого, здѣсь, въ долгой тишинѣ.
Я знаю, знаю, что Онъ живъ, и правду
Я говорю тебѣ: Онъ былъ со мною,
Но, ты, монахъ, Его отсюда гонишь.
Да, это такъ. Напрасно съ недоувѣремъ
Ты головой киваешь; у меня
Есть Богъ. Но этотъ Богъ не ослѣпляетъ
Тѣхъ глазъ, которые Его не видятъ,
Не разрываетъ сердца тѣмъ, кто жаждетъ
Его любить, не отстраняетъ рукъ
Дѣтей, Его молящихъ, и надъ ними
Не слышится Его холодный смѣхъ.

(Съ дикимъ хохотомъ)

Да, Богъ смѣется! Богъ смѣется!

(Сразу мѣняетъ тонъ, преодолевъ себя. Рѣзко)

Ищешь

Чего ты здѣсь?

Бенедиктъ.

Тебя ищу, твое
Когда-то столь незлобивое сердце,
И въ немъ покорности Творцу ищущу.

Генрихъ.

Ну, если такъ, поторопись: пора мнѣ
Кормить теперь сыча и паука,
Который такъ прилежно паутину
Плететъ въ моей пещерѣ. Начинай
Свою работу.

Бенедиктъ.

Господинъ, пришелъ я
Сюда по просьбѣ честнаго Готфрида.

Генрихъ (прислушавшись къ движе-
нію въ кустахъ, вскакиваетъ
и бросаетъ туда камень).

Прочь убирайся! Для чего пришелъ?
Живетъ здѣсь бѣдный Генрихъ. Убирайся!

Не то... Эй, сторож! Эй! Спустить собак!
Они тебя научат послушанью.

(Изъ кустовъ выходитъ Готфридъ).

Готфридъ.

Вѣдь это я, мой добрый господинъ,
Готфридъ, слуга вашъ.

Бенедиктъ.

Это онъ взаправду.

Не любопытство привело его
Къ вамъ, господинъ, а горькая забота

ГЕНРИХЪ (долго и пристально всматривается въ Готфрида, потомъ говоритъ спокойно).

Встань. Чтò съ тобою? Встань. Поди сюда,
Кто умеръ у тебя? Какое горѣ
Въ твое гнѣздо проникло?

Готфридъ (почти съ плачемъ).

Господинъ,

Вѣдь дочь моя...

Генрихъ.

Глаза мнѣ вѣсть отъ дыма...
Въ нихъ слезы... Чтò же: умерла она?

Готфридъ.

Нѣтъ, добрый господинъ...

Бенедиктъ.

Готфридъ, постой-ка,
Я расскажу все кратко. Я вѣдь былъ
Духовникомъ ребенка въ это время
И знаю все я. Да, она живетъ.
Она живетъ одна съ тѣхъ поръ, какъ мызу
Покинули вы, и живетъ она
Какой-то странной жизнью. Измѣнилась
Она теперь, ее нельзя узнать.
Она какъ бы внѣ міра пребываетъ
И дышитъ только внутреннимъ огнемъ,
Чтò тѣло разжигаетъ.

Готфридъ.

Господинъ мой,

Она не ѣсть, не пьетъ, лежитъ она
И смотритъ на небо стекляннымъ взглядомъ...
Опа...

Бенедиктъ (перебивая).

Постой, Готфридъ. Да, это такъ.
И вотъ теперь, когда мы здѣсь предъ вами
О ней толкуемъ, съ ложа своего
Подстилку сбросивши, она на голыхъ
Лежитъ доскахъ,—соломы даже нѣтъ,—
Закоченѣвъ, какъ дерево кровати,
Безъ пищи, безъ питья и безъ движенья
Ужъ двое сутокъ.

Генрихъ (садится у могилы и чиститъ
морковь).

Ясно говоря:

У ней болѣзнь. Врача къ ней позовите.
Когда бы я врачомъ былъ, то себя,
Конечно, вылѣчилъ бы. Но къ чему же,
Плѣшивый братъ, идете вы ко мнѣ?
Ну, сѣмени цытварнаго ей дайте,
Иль отъ глистовъ траву. Вѣдь у дѣтей
Бываетъ: кажется болѣзнь серьезной,
Но происходитъ отъ смѣшныхъ причинъ.
А если не дитя больная ваша,
Такъ дайте вы ей то, что превращаетъ
Болѣзненныхъ дѣвицъ въ здоровыхъ женщинъ.

Бенедиктъ.

Я Оттегебе знаю, господинъ,
Я воспиталь ея...

Готфридъ.

А я-то, патеръ,
Еще лучше знаю...

Бенедиктъ.

Вѣдь ко мнѣ
Она приходитъ и свои печали
Передаеть всегда мнѣ.

Готфридъ.

А со мной

Она жила съ тѣхъ поръ, когда впервые
Я крикъ ея услышалъ.

Бенедиктъ.

Ну, такъ вы

И говорите.

Готфридъ.

Да. И вотъ скажу я,
Что господинъ нашъ правъ. Все это въ ней
Отъ возраста. Когда-бъ найти ей мужа—
Въ порядокъ все пришло бы. Только-бъ вы
Съ Бригитой не мѣшали...

Бенедиктъ.

Вѣдь недавно,
Готфридъ, вы попытались—ну, и что-жь?
Чѣмъ кончилось?

Готфридъ.

А что тому виною?
Вѣдь если-бъ дочь воспитана была
Какъ деревенской дѣвушкѣ прилично,
Она бы не лишилась чувствъ, когда
Я жениха привелъ ей. Господинъ мой,
Зачѣмъ ушли отъ насъ вы? Поутру
Она, какъ прежде, понесла къ постели
Вамъ кружку молока, а васъ и нѣтъ!
Вотъ тутъ ее болѣзнь и захватила,
И если не воротитесь вы къ намъ,
Она изсохнетъ и помретъ.

Бенедиктъ.

Зимою

Не можете вы жить въ лѣсу. Вотъ я
Привыкъ къ нуждѣ, и все-таки въ часовнѣ
Есть келья у меня. Но иногда
Я вынужденъ бываю къ добрымъ людямъ
Идти подъ кровъ, чтобы себя согрѣть.

Генрихъ.

Прочь отъ меня, глупецъ! Прочь, лысый сводникъ!
И ты, сѣдая, глупая башка!
Прочь! Ну, чего вы здѣсь найти хотите?
Вино изъ терна? Финиковъ съ крапивы?
Кто я? Чтò я теперь? Иль у меня
Излишекъ есть, что нищіе приходятъ
Его со мною раздѣлить? Старикъ,
Къ себѣ подъ кровъ меня зовешь ты снова?
Смѣшно! Не ты-ль вокругъ меня бродилъ
Исполненъ ужаса, когда я въ домѣ
Жилъ у тебя? Не ты ли безпрестанно
Дрожалъ предъ слугами своими? Чтò?
Ты думаешь, не выдавали взгляды
Твои, жены твоей, вашъ тайный страхъ
И ваше затаенное желанье?
Вѣдь вы меня глазами умоляли:
«Уйди и дай вздохнуть свободно намъ».

Готфридъ.

Вы ошибаетесь, клянусь я Богомъ,
Мой милостивый господинъ.

Генрихъ.

Нѣтъ, нѣтъ,

Не ошибаюсь я. Дешевой ложью
И болтовней кормили вы меня,
Чтобъ скрыть свой страхъ. Сперва я ѣлъ охотно,
Потомъ мнѣ опротивѣлъ этотъ кормъ,
И я ушелъ и скрылся. Я съ собою
Взялъ все, чтò отъ меня еще осталось.
Да, я бѣжалъ отъ самого себя,
А отъ меня, отъ князя, въ дикомъ страхѣ
Бѣжалъ мой рабъ, крича, что исцѣлить
Себя я долженъ жизнию ребенка!..
Чего-жъ еще вы отъ меня хотите?
Прочь убирайтесь! Чтò стоите вы?
Я говорю вамъ ясно. Вы явились
Сюда затѣмъ, чтобъ я помогъ спасти
Ту, чтò сама спасти меня желаетъ?
Такъ слушайте же: здѣсь была она
Три дня назадъ. Она меня сыскала,—

У ней чутье ищейки,—и сюда
Она пришла, и я ее увидѣлъ.
Клянусь предъ вами Богомъ, что послалъ
Страданья мнѣ и глухъ къ моимъ моленьямъ,—
То было искушенье духа зла.
Но козни дьявола не удалися:
Я велъ себя, какъ будто ничего
Не слышу я, надъ нею я смѣялся,
Не подпускалъ ее къ себѣ, бросалъ
Каменьями въ нее.

Бенедиктъ..

Она вѣдь хочетъ
Спасти васъ, господинъ, и вотъ зачѣмъ
Она къ вамъ приходила. Ей внушили,
Что вашъ недугъ излѣчиваютъ кровью.
Слуга вашъ Отакеръ такъ говорилъ:
Есть врачъ въ Салерно. Излѣчить беретса
Онъ отъ болѣзни васъ, коль перельютъ
Вамъ въ жилы кровь отъ дѣвушки невинной,
Что добровольно подъ ножомъ умретъ,

Генрихъ.

И вѣрите вы этому?

Готфридъ.

Нѣтъ, Боже
Оборони, чтобы повѣрилъ я!
Но дочь моя стоитъ на томъ упорно
Въ своемъ безумѣ. Помогите намъ
Отнять ее у сатаны.

Бенедиктъ.

Вы слишкомъ
Поспѣшно судите. Кто можетъ знать,
Что Богомъ внушено и что исходить
Отъ козней дьявола. Въ ея душѣ
Борьба святая. Изъ глубокой тьмы
Грѣховной нашей жизни этой жертвой
Она къ небесному влечется свѣту!
И, можетъ-быть, она спасетъ себя
И васъ...

Готфридъ.

Не будетъ тутъ спасенья,
А только гибель для нея.

Бенедиктъ.

Господь

Не оставляетъ тѣхъ, кто съ вѣрой ищеть
Его путей! И грѣшницы душа,
Взыскающая о спасеньи, узрять
Небесный взоръ Его, хотя-бъ она
Въ когтяхъ у дьявола томила. Вѣрите!
Не отдавайтесь лживому сомнѣнью!
Она стремится къ Господу и жаждетъ
Вѣнецъ страданія принять. Кто можетъ
Отринуть то, что открываютъ ей
Видѣнія? Вѣдь сказано же въ книгѣ
Священной: «кровь есть искупленье жизни».
И это тайный голосъ ей открылъ!

Генрихъ.

Такъ, такъ. Вотъ мнѣніе твое. Видѣнья
Внушаютъ бредъ ей. Думаетъ она,
Кровопрлитіе угодно Богу?
Нѣтъ, кровью искупить нельзя долговъ
Грѣха и зла, доставшихся въ наслѣдье.
Все это заблужденье и обманъ.
Вы слышите—обманъ! Идите. Вотъ что
Скажу я вамъ: еще въ тѣ дни, когда
Я книги изучалъ, и не владѣла
Моей душой та мудрость, что теперь.
Открылась мнѣ въ нѣмомъ уединеньи,—
Еще тогда я зналъ: лѣченье это
Есть просто глупость. Передайте ей
Мои слова. Вы видите: спокойно.
Надъ бездною безумья я стою,
Я мыслю трезво, и мои сужденья
Такъ холодны, какъ въ озерѣ вода,
Хоть изъ горячаго исходятъ сердца.
Скажите ей, что никакого нѣтъ
На мнѣ грѣха. Я чистъ и непороченъ.
И тотъ недугъ, что въ тѣлѣ у меня,
Не заразилъ моей души. Скажите,

Что кровью омывать не надо ткань,
Которая чиста; и кто рѣшится
На это, тогъ послужитъ змію лжи,—
Не Богу!

БЕНЕДИКТЪ (отрицательно качаетъ головой).

Господицъ, коль такъ мы скажемъ—
Она начнетъ желать еще сильнѣй
Того, къ чему стремится съ страстной жаждой.
Ей, какъ и мнѣ, покажется, что вы
Словами гордыми свою виновность
Усугубляете, что вы должны спастись
Смиреньемъ и покорностью.

ГЕНРИХЪ.

Не вѣрите
Въ свою покорность: въ ней высокомѣрье.
Когда ты, передъ Богомъ преклоняясь,
Во прахъ ползаешь, на твой затылокъ
Тщеславіе становится пятой,
Какъ женщина безстыдная. Скажи мнѣ,
Что ты такое для Творца, мой другъ,
Чтобъ о тебѣ и о твоємъ спасеньи
И о раскаяньи твоємъ ничтожномъ
Заботился Онъ? Иль мечтаешь ты
Чего-нибудь своей достигнуть волей?
Послушай: здѣсь, на этой вотъ скалѣ
Стою я часто, и кляню я небо
И богохульствую, и эхо горъ
Мои проклятія и богохульства
Кругомъ разноситъ громко, и вдвоемъ
Мы заглушаемъ шумъ листвы зеленой
И плескъ волны и птичекъ голоса.
И что же? Все, все это передъ Богомъ
Ничтожный грѣхъ!

ГОТФРИДЪ.

Мой добрый господицъ,
Поговорите сами съ Оттегебе,
Поговорите съ дочерью моею,
Ужъ голосъ вашъ одинъ ее насытитъ,
Какъ хлѣбъ. Не знаю, кто вамъ даровалъ

Такое волшебство, такую силу,
Что приязали сердце вы ея.
Довольно вамъ сказать, что по дорогѣ,
Гдѣ вы гуляли,—вашихъ ногъ слѣды
Она цѣлуетъ. Въ горницѣ, гдѣ жили
Вы, господинъ, она ложится спать,
При вашемъ имени у ней проходитъ
Ея очоченность. Если вы,
Какъ я, проклятаго врача лѣченье
Считаете обманомъ, то, прошу:
Подите къ ней и ей скажите сами,
Что врачъ нагалъ, что никакой наукой
Недугъ вашъ...

Генрихъ (перебивая, съ сплюю).

Вылвчить нельзя, что нѣтъ
Такого средства, чтобъ меня очистить,
Что врачъ салернскій негодяй и плутъ,
Желающій взять золото обманомъ,
Что боленъ я, но все-жъ еще глупцомъ
Не сдѣлался такимъ, чтобъ я повѣрилъ
Безумію и пользоваться сталъ
Кровавой жертвой бѣднаго ребенка.
Да, да, я знаю, знаю это все,
И даже больше этого я знаю
И больше ей сказалъ. Чтѣ на меня
Вы пялите глаза? Да, это правда:
Она была здѣсь у меня вторично,
И я не зналъ, какъ защититься мнѣ
Отъ искушенія ада. Я жестоко
Съ ней поступилъ, я на нее плевалъ,
Бросалъ въ нее камнями, и къ ней
Я простиралъ изъязвленные руки
Съ угрозою и бѣшенствомъ; и страхъ
Мнѣ въ душу тайный проникалъ, что долго
Не выдержу я этого, къ ней брошусь
И обниму ей плечи, шею, гдѣ
Такъ бился пульсъ... Уйдите же, уйдите
Вы отъ меня,—уйдите, говорю!
Теперь прошло, все кончено, но было
Ужасно это... О, когда она
Мнѣ закричала голосомъ, который
Заставилъ задрожать меня: «Хочу

Спаси тебя я, бѣдный, бѣдный Генрихъ.»—
Я зарыдалъ: «Не подходи ко мнѣ:
Я прокаженный!» И упалъ на землю
Ничкомъ и, сколько времени лежалъ—
Не знаю. Но, очнувшись, я увидѣлъ—
Она была вблизи меня, она
Сидѣла тутъ, склонившись надо мною,
И говорила: «Есть въ Салерно врачъ,
Есть врачъ... о, Господи... о, Иисусе»...
Шептала, что угодна жертва небу,
Что жизнь ей не нужна, что умереть
Она готова, и что я не смѣю
Ей путь святой къ спасенію закрывать,
Что я уѣхать долженъ съ ней въ Салерно...
И долго, долго, съ пламенной мольбой
Упорно толковала о лѣченьи
Безумномъ. Я, внимая ей, не зналъ,
Что дѣлать мнѣ, на что, на что рѣшиться.
Потомъ вскочилъ и побѣжалъ туда,
Черезъ лѣсъ, за озеро. Бѣжалъ, куда
Не задохнулся я и не упалъ
За много верстъ отсюда. Вотъ что сдѣлалъ
Я для нея. Поймите же меня.
Я пораженъ проклятіемъ ужаснымъ,
Слабѣй я слабаго, извергнуть я
Изъ міра вашего, освободился
Отъ всѣхъ обычаевъ я и законовъ,
Что связываютъ жизнь. Я властелинъ,
Я болѣе чѣмъ властелинъ. И что-жь?
Она вѣдь здѣсь была одна, одна,
И беззащитна... если бы не билось
Въ моей груди то сердце, что щадитъ
Любовь и божескую чистоту. Чего же
Хотите вы еще? Прочы! Убирайтесь!
Я къ своему концу пришелъ. Молитвы
Всѣ прочиталъ. Я голоденъ. Свой трупъ
Кормить я долженъ. Для чего? Не знаю.
И душу долженъ я свою влачить—
Куда? Богъ вѣсть! Довольно. Уходите.

БЕНЕДИКТЪ (потрясенный, послѣ долгого молчанія).

Прощайте, господинъ. Ищите крова.

(Тихо и съ волненіемъ)

Зима жестокой обѣщаетъ быть.
Ищите крова для себя. Пойдемте,
Готфридъ.

Готфридъ.
Ищите крова, господинъ!

(Уходятъ оба).

ГЕНРИХЪ (одинъ).

Они ушли... Какая смута въ жизни...
Ничто!—Дита!—Вселенная!—Уйти
Въ могилу?—Но передо мною
Стоитъ ребенокъ... И зоветъ... Куда,
Куда зовешь ты?... Нѣтъ, передъ соблазномъ
Я устою. Въ могилѣ вѣчный сонъ...
И Богъ? И мѣръ? И что еще? Не знаю...

(Начинаетъ копать могилу).

Ищите крова... Да, ищите крова.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Внутренность часовни въ лѣсу. Надъво алтарь съ зажженной лампадой. Направо входная дверь. Задняя декорация представляетъ боковую стѣну часовни. Въ этой стѣнѣ, неподалеку отъ алтаря, дверь, ведущая въ пристройку — келью патера. Алтарь убранъ осенними цвѣтами.

Бригита и патеръ Бенедиктъ стоятъ около входной двери и говорятъ вполголоса. Бригита собирается уходить; на головѣ у нея платокъ, въ рукахъ корзина...

Бенедиктъ. Они лгутъ, они часто лгутъ, Бригита. Кто знаетъ, что въ ихъ розказняхъ ложь, что правда.

Бригита. Приходится вѣрить, патеръ. Старый слуга никогда не лгалъ. Онъ не любитъ разговаривать. Однако и онъ говоритъ, что видѣлъ его собственными глазами, готовъ побожиться.

Бенедиктъ. Странно, очень странно... Лежалъ во рву?

Бригита. Нѣтъ, старикъ видѣлъ его лежащимъ въ травѣ за садомъ. Онъ какъ будто подсматривалъ. Во рву его видѣлъ пастухъ Кунцъ.

Бенедиктъ. Старикъ говоритъ, что онъ убѣждалъ?

Бригита. Да, когда онъ его окликнулъ, тотъ вскочилъ и побѣжалъ въ полѣ...

Бенедиктъ. Не могу этому повѣрить. Не могу сообра-

зить, что ему надо. Ведь вы никогда не запирали для него вашего дома. Зачем же он бродит около дома точно волк?

Бригита. Не знаю. И никто этого не может знать. Говорять, он одичал, обратился почти в зверя. Они говорят, что он в отчаяньи. Дошел до крайности.

Бенедикт. Не может быть. Подумай: может ли он так растеряться... Друг императора, его соратник... Я еще недавно видѣлъ его, правда, растерзанным, но твердым, как прежде. А теперь они говорят, что видѣли бродягу... Ну, да как бы ни было, дѣвочка подъ Божьей охраной, у меня въ кельѣ. Стало-быть, бояться нечего. А все-таки не очень-то вѣрю, хотя въ мѣрѣ ходятъ плохія слухи о бѣдномъ Генрихѣ.

Бригита. Говорять даже, что будто бы въ Констанцѣ его похоронили въ склепѣ его предковъ съ большимъ торжествомъ...

Бенедикт. Какъ бы ни были дурны слухи о немъ, если даже его нѣтъ уже на свѣтѣ, душа его не погибнетъ. У его души, какъ у демона, черныя и бѣлыя крылья. Если онъ не можетъ подняться на бѣлыхъ, то его поддержать черныя. Я видѣлъ его безстрашнымъ на краю такой бездны, передъ которою потемнѣло бы въ глазахъ у самаго мужественнаго человѣка. Онъ рылъ себѣ могилу. И скорѣе онъ ляжетъ въ эту могилу, чѣмъ будетъ воровски бродить около дома. Бояться слѣдуетъ только одного: если бы дѣвочка была у васъ, до нея дошли бы эти слухи. Она свѣдала бы о томъ, что онъ тутъ, близко, и попала бы въ когти ловцу.

Бригита. Ну, я пойду. Ужъ темнѣетъ. Путь не близкій. Готфридъ ждетъ. И то ужъ я тутъ позамѣшкалась. Стало-быть, отцу такъ сказать, что дѣвочка чувствуетъ себя тутъ бодрѣе?

Бенедикт. Тсс... тише. Какъ бы она не услышала... Ты видѣла сама: ей лучше. Но она все еще думаетъ, что онъ долженъ придти, и, подобно мудрой евангельской дѣвѣ, она бережетъ свою лампаду, держитъ ее наготовѣ, точно ждетъ пришествія нашего Спасителя. Безуміе все еще владѣетъ ею, и я вынужденъ поддерживать ея мечты, ея бредъ благочестивымъ обманомъ. Придетъ пора,—придетъ и разумъ. Надо время, чтобы понемногу прошла ея тревога. Можетъ-быть, какъ Божья невѣста, она приметъ постриженіе.

Бригита. На все Господня воля. Ахъ, если бы умеръ пашъ господинъ. (Плачетъ и цѣлуетъ у патера руку).

БЕНЕДИКТЪ (тронутый). Иди. Утѣшься, утѣшься... (Слышно шелканье бича за дверями кельи).

Бригита (испуганно). Что это?

БЕНЕДИКТЪ (выпроставивая ее). Ничего, ничего. Иди. Поторопись. (Бригита уходитъ).

(ПАТЕРЪ БЕНЕДИКТЪ поджидаетъ, пока затихли шаги уходящей Бригиты. Затѣмъ онъ прислушивается къ страннымъ звукамъ, что долетаютъ изъ кельи, качаетъ съ неудовольствіемъ головой и стучить въ дверь).

БЕНЕДИКТЪ.

Ты, Оттегебе, тутъ?

ОТТЕГЕБЕ (изъ кельи).

Да, патерьъ. Я

Сейчасъ приду.

(Входитъ. Въ рукахъ у нея горящая лампада. Въ часовнѣ становится почти темно).

БЕНЕДИКТЪ (беретъ у нея лампаду).

Опять ты бичевалась?

Вѣдь запретилъ я.

ОТТЕГЕБЕ (съ мистическимъ выраженіемъ на блѣдномъ восковомъ лицѣ).

Иисусъ, Марія,
Иосифъ! Приношу я сердце вамъ
И душу. Помогите мнѣ въ послѣдней
Моей борьбѣ, Марія, Иисусъ,
Иосифъ...

БЕНЕДИКТЪ.

Дѣвочка, послушай: будь
Покорной и довѣрься мнѣ. Предъ Богомъ.
Я отвѣчаю за тебя. Твои
Родители тебя мнѣ поручили...
Зачѣмъ себя такъ часто ты бичуешь?

ОТТЕГЕБЕ (дрожа, цѣлуетъ край его
рясы).

Мнѣ это нужно, патерьъ.

БЕНЕДИКТЪ.

Для чего?

ОТТЕГЕВЕ.

Я подь бичомъ могу дышать.

БЕНЕДИКТЪ.

Но развѣ

Не можешь ты безъ этого дышать?

ОТТЕГЕВЕ (вздыхая).

Мнѣ трудно, патеръ.

БЕНЕДИКТЪ.

Ну, зажжемъ тѣ свѣчи,

Что матерью твоей принесены,

И вознесемъ мы Господу молитву

Благодаренья.

ОТТЕГЕВЕ (стоитъ неподвижно, влажные глаза устремлены на распятіе).

Патеръ...

БЕНЕДИКТЪ.

Что?

ОТТЕГЕВЕ.

Теперь

Совсѣмъ готова я.

БЕНЕДИКТЪ.

Къ чему?

ОТТЕГЕВЕ.

Къ страданью

И смерти.

БЕНЕДИКТЪ.

Полно. Душу обрати

Къ земнымъ дѣламъ. Вѣдь если хочешь Богу

Ты посвятить себя, все-жъ надо жить,

Чтобъ жизнью жертвовать.

ОТТЕГЕВЕ.

Да, патерь.

БЕНЕДИКТЪ.

Ну,

Пойдемъ поужинать.

ОТТЕГЕВЕ (садится на ступени алтаря).

А онъ вернется?

Какъ думаешь ты, патерь? Онъ придетъ?

БЕНЕДИКТЪ.

Но не теперь. Теперь въ другомъ онъ мѣствѣ.

ОТТЕГЕВЕ.

Не тамъ, гдѣ видѣли его вы?

БЕНЕДИКТЪ.

Нѣтъ,—

Не тамъ. Рассказываютъ люди, будто онъ странствовать ушелъ, чтобы увидѣть Передъ кончиной тѣ мѣста, гдѣ прежде Грѣшилъ онъ.

ОТТЕГЕВЕ.

Но вѣдь онъ вамъ обѣщалъ,
Что онъ вернется?

БЕНЕДИКТЪ.

Да, какъ обѣщаютъ
Всѣ знатные. Но, бѣдное дитя,
Покинь объ этомъ тягостную думу.
Будь терпѣлива. Бдѣніемъ, постомъ,
Молитвами себя ты истомила,
И плоть ты умертвила до того,
Что свѣтитя твое лицо. Терпѣнья
И мира у Творца небесъ проси
И ожидай въ смиреніи...

ОТТЕГЕВЕ.

Сегодня

Придетъ онъ.

БЕНЕДИКТЪ.

Думаешь ты?

ОТТЕГЕВЕ.

Да.

БЕНЕДИКТЪ.

Но почему-жъ такъ думаешь ты?

ОТТЕГЕВЕ.

Ночью

И днемъ два раза слышала я будто
Трещотку прокаженного... Да вотъ,
Вотъ и теперь она... Ты слышишь? Слышишь?

БЕНЕДИКТЪ.

Я ничего не слышу. На дворѣ
Гудитъ лишь вѣтеръ... Дѣвочка, не нужно
Объ этомъ думать.

ОТТЕГЕВЕ.

Онъ придетъ, придетъ

Сегодня. Я навѣрно знаю это.
Послушай: въ полночь пробудилась я,
Какъ будто кто позвалъ меня, и голосъ
Услышала: «Вставай! Твой господинъ
Приходить. Близко онъ». Свою лампаду
Перекрестивъ, я масла налила,
Зажгла и вышла я и передъ дверью
Я сѣла на крыльцѣ. И долго такъ
Сидѣла, въ думы углубясь, не слыша,
Какъ буря бушевала вкругъ меня.
И вдругъ мнѣ душу охватилъ невольный
Безумный страхъ, какого никогда
Не вѣдала я. «Это—искушение»,—
Подумала я въ ужасѣ и тутъ
Какъ будто обмерла... Во тьмѣ .полночной
Внезапно крики раздались и ревъ:
Казалось, будто съ каждымъ взрывомъ вѣтра
Доносится волковъ голодныхъ вой...
Хотѣла я бѣжать, спастись, укрыться
Въ алтарь—и не могла.... Тогда глаза

Закрыла я обѣими руками—
Вотъ такъ—и все же ясно предъ собой
Я видѣла,—я видѣла, какъ вижу
Теперь тебя,—мой обнаженный трупъ
Тащили демоны... и вопли бури
Сливались съ наглымъ хохотомъ бѣсовскимъ...
И трупу въ грудь они вонзили ножъ...
Дай руку мнѣ... дай руку мнѣ: отъ страха
Я и теперь дрожу... Казалось, въ адъ
Я падаю... Грѣха безстыдный позывъ,
Казалось, мною овладѣлъ... Но вдругъ
Свершилося!.. Во мнѣ воскресла воля
Могучая и твердая, мнѣ Богъ
Послалъ Свою защиту и развѣялъ
Своимъ дыханьемъ ужасъ тьмы ночной,
И въ небѣ отъ восхода до заката
Разлился несказанный свѣтъ... и въ немъ
Два солнца загорѣлись и все выше,
Все выше поднимались, и потомъ
Растаяли въ лучахъ... и въ золотистомъ
Сіяньи тѣхъ лучей явился Онъ,
Христосъ, Спаситель... И тогда на небѣ
И на землѣ, во мнѣ, вокругъ меня
Все чистотой исполнилось... И хоры
Незримыхъ силъ торжественно запѣли:
«Хвалите Господа!» И отвѣчалъ
Имъ сильный голосъ: «Амен! Все свершится,
О чемъ ты просишь. Грѣхъ его прощень!»

Бенедиктъ.

Да, да... Все это дивно... Я несвѣдущъ,
Земными чувствами я связанъ... да.
Свѣта неба изъ моей темницы-кельи
Не вижу я... Блуждаю я во тьмѣ...
Свою святую славу открываетъ
Господь младенцамъ...

ОТТЕГЕВЕ (смѣясь отъ внутренняго
восторга).

Помнишь ли, когда
Меня звалъ маленькой святою Генрихъ—
Онъ это зналъ, онъ зналъ!..

БЕНЕДИКТЪ.

Дитя мое

Не будемъ больше говорить объ этомъ.
Не должно гордо мыслить о себѣ.
Не должно тотъ вѣнецъ, что предназначень,
Быть-можетъ, намъ отъ неба, возлагать
Рукою дерзкой на себя. И если
Ты искренно убѣждена, что Богъ
Тебя ведетъ на путь спасенья,—помни,
Что отъ Адама рождены мы всѣ
Съ наслѣдіемъ грѣха. Смирись душою,
Иначе не пошлетъ тебѣ Господь
Того, что ты такъ пламенно желаешь.

ОТТЕГЕБЕ.

Нѣтъ, патерь, нѣтъ! Я знаю: Онъ пошлетъ.

БЕНЕДИКТЪ.

Кто можетъ знать и кто дерзнетъ постичь
Предначертанья Господа? Кто скажетъ—
Достоинъ милости Его, иль нѣтъ,
Тотъ человѣкъ, котораго Онъ съ трона
Низвергнулъ? Вотъ облавою его,
Какъ зубра иль медвѣдя, окружаютъ
Теперь Конрада слуги—и Господь
Все это попустилъ... А врачъ въ Самерно—
Какъ знать?—не служитъ ли онъ сатанѣ,
Чтобъ души уловлять для адской бездны?
Кровавое лѣченье, можетъ-быть,
Есть навожденъ дьявола. Быть-можетъ,
И господинъ теперь въ чужихъ земляхъ,
Отъ насъ далеко, и его ты больше
Ужъ не увидишь...

(Оттегебе почти безъ чувствъ).

Что съ тобой, дитя?

Ты вся дрожишь. Себя ты истерзала
Ударами бича... Пойдемъ, пойдемъ...
О, ты святая... И когда на небо
Господь тебя возьметъ, не позабудь
Ты, грѣшника, меня въ своихъ молитвахъ.

(Поддерживая Оттегебе, уводитъ ее въ келью).

(Часовня пуста. Лампада и нѣсколько свѣчей горятъ. Слышится трещотка, и затѣмъ входитъ, крадучись, точно преступникъ, Генрихъ. Онъ въ одеждѣ пилигрима съ поднятымъ на голову капюшономъ, въ рукахъ длинный посохъ; привѣшены черезъ плечо трещотка и мѣшокъ. Дотащившись до ступеней алтаря, онъ падаетъ передъ нимъ, точно ища защиты. Изъ груди вырываются стоны, отрывистыя слова отчаянія.)

Генрихъ.

Молиться!.. Нѣтъ, я не могу молиться!
Дай мнѣ, Господь, Твоихъ молитвъ слова.
Они забыты мной. Изсыкли слезы
Въ моей груди, и нечѣмъ погасить
Мнѣ пламень, сожигающій обломки
Моихъ страданій. Умертви меня!
О смерти я молю! Своей рукою
Зачѣмъ Ты удержалъ меня, когда
Готовъ я былъ низвергнуться въ ту пропасть,
Гдѣ въ тьмѣ глубокой меркнетъ жизни свѣтъ.
О, потуши его! Пусть ночь обниметъ
Меня навѣкъ. Вѣдь яркіе лучи
Свѣтила дня врываются мнѣ въ душу,
Какъ стрѣлы ядовитыя. Пошли
Мнѣ смерти сонъ: я на могильномъ ложѣ
Не буду слышать, какъ шипѣнья змѣй,
Мученій вопль. Зачѣмъ я здѣсь страдаю?
Зачѣмъ живу? Господь, забудь меня!
Забудь совсѣмъ. Вѣдь въ этомъ храмѣ жизни,
Воздвигнутомъ тобою, я—песчинка.
Ужели для созданія его
Необходима кровь моя и мука?
Освободи меня, освободи
Отъ тягостей труда и отъ награды!

(Входитъ Бенедиктъ съ фонаремъ. Увидѣвъ лежащаго у алтаря Генриха, онъ пугается.)

Бенедиктъ.

Кто ты? И для чего пришелъ сюда?

Генрихъ.

Не спрашивай.

Бенедиктъ.

Чего же здѣсь ты ищешь?

Генрихъ.

Того, о чемъ я думалъ.

БЕНЕДИКТЪ.

Что сказать

Ты этимъ хочешь?

ГЕНРИХЪ.

Человѣкъ походить

На рѣшето: что принялъ—удержать
Не можетъ онъ.

БЕНЕДИКТЪ.

Но кто-жъ ты?

ГЕНРИХЪ.

Догадайся.

БЕНЕДИКТЪ.

Ты здѣсь во храмѣ Божьемъ, на святомъ
Ты мѣстѣ. Если ищешь милосердыя—
Привѣтъ тебѣ. Но объясни, кто ты?

ГЕНРИХЪ.

Монахъ, я этого и самъ не знаю.

БЕНЕДИКТЪ.

Ты Божій человѣкъ?

ГЕНРИХЪ.

Передъ тобою

Не человѣкъ—мертвецъ.

БЕНЕДИКТЪ (крестясь).

Пошли Господь

Твоей душѣ покой. Но человѣкомъ
Являешься ты во плоти.

ГЕНРИХЪ.

Монахъ,

Спаси меня! Спаси! Ты служишь Богу
Такъ умоли ты Бога своего,
Чтобъ укротилъ Онъ бѣшеную злобу
Людей, что растерзать меня хотять,
Какъ волчья стая.—«Отравляя колодцы

Нечистой кровью ты!»—кричатъ они.
Когда я это дѣлалъ?.. Помоги мнѣ,
Укрой меня. Они бѣгутъ за мной,
Дымятся ихъ костры... Замкни же двери...
Они придутъ, они сожгутъ меня!..
Спаси! Спаси! Ихъ ненависть ужасна:
Они меня хлестали по лицу
Безжалостно бичами... Исцѣлиться
Вѣдь я могу... Дай мнѣ здоровье вновь,
Недутъ проклятый извлеки изъ крови—
И золотомъ осыплю я тебя!
Вѣдь я богатъ... Заставь умолкнуть голосъ,
Что слышу днемъ и ночью: ты нечистъ,
Ты зараженъ! Къ твоимъ ногамъ я брошу
Мои богатства, замки, города,
Какъ горсть песку! Монахъ, я умоляю,
Скажи ты Богу, что довольно я
Наказанъ Имъ, измученъ и униженъ,
Что уничтоженъ я, что ничего
Во мнѣ живого нѣтъ, что я растерзанъ,
И весь я такъ прогнилъ, что даже псамъ
На пищу не гожусь... Господь всемогущъ,
Ему хвалу я возношу. Онъ все,
А я—ничто! Но жить, но жить хочу я!

БЕНЕДИКТЪ.

Вы Генрихъ фонъ-деръ-Ауэ?

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, нѣтъ,—

Не онъ. Его давно похоронили.
Вотъ посмотри: живъ Генрихъ или умеръ!

(Открываетъ кашпошонъ. Лицо блѣдное, изнуренное голодомъ и измученное).

БЕНЕДИКТЪ (въ ужасѣ отступаетъ отъ него).

О, господинъ мой, это вы.

ГЕНРИХЪ.

Скажи,
Скажи мнѣ это! Подойди поближе
И разгляди меня. Хоть я теперь
Ничтожество, что терпитъ лишь гоненья

И злая муки, но во тьмѣ безумья
Все-жъ у меня мелькаетъ мысль, что былъ
Когда-то я могучимъ властелиномъ,
Однимъ изъ сильныхъ міра. Кто же я,
Скажи мнѣ? Я похороненъ недавно
Въ Констанцѣ, въ склепѣ пращѣдовъ монахъ—
И я живу... Иль я лежу въ могилѣ,
И это все мнѣ снится? Живъ я? Живъ,
Какъ думаешь ты? Сномъ все это было:
Мой гробъ несли подъ звонъ колоколовъ
И съ почестями княжескаго сана
Въ могилу опустили... И я самъ
Стоялъ при этомъ? Сонъ то былъ, что факель
Горящій уронилъ одинъ слуга
И опалилъ мнѣ ногу? И во снѣ ли
Я слышалъ, какъ двоюродный мой братъ
Съ насмѣшкой вымолвилъ, оскаливъ зубы:
«Посмотримъ, эта жирная свинья
Разроетъ ли теперь свою могилу»...
Скажи мнѣ: тотъ ли это былъ Конрадъ,
Котораго я выкупилъ въ Марокко
За груды золота? И точно-ль я
Могучій князь, который это сдѣлалъ?
Или я нищій, я голодный песь,
Что, въ полѣ увидавъ кочанъ капусты,
Дрожить отъ страха и, принявъ его
За человѣка, мчится чрезъ канавы
И чрезъ кусты затѣмъ, чтобы спасти
Себя отъ сторожа?

Бенедиктъ.

Вы, господинъ мой,
Когда-то говорили мнѣ, что вѣра
Имѣетъ смыслъ глубокий, что она
Насъ учитъ предаваться волѣ Бога
И равнодушно зло переносить.

Генрихъ (вдругъ измѣнивъ тонъ)

Нѣтъ, этого я не хочу! Довольно
Терпѣнія... Скажи мнѣ: гдѣ дитя?

Бенедиктъ.

Дитя?

ГЕНРИХЪ.

Да. Дѣвушка. Дитя. Ну, дочь Готффрида
Безумная.

БЕНЕДИКТЪ.

Зачѣмъ же вамъ она?
Чего вы отъ нея хотите?

ГЕНРИХЪ.

Страненъ
Мнѣ твой вопросъ. А ты что хочешь мнѣ
Сказать такимъ вопросомъ?

БЕНЕДИКТЪ.

Я желаю
Узнать, какую мысль таите вы?

ГЕНРИХЪ (дико).

Богъ милосердъ?

БЕНЕДИКТЪ.

Да, милосердъ.

ГЕНРИХЪ.

Онъ можетъ
Меня спасти?

БЕНЕДИКТЪ.

Да.

ГЕНРИХЪ.

Жизнію ребенка?
Ну, словомъ, гдѣ она?

БЕНЕДИКТЪ.

Мой господинъ,
Вѣдь вы... вы—рыцарь?

ГЕНРИХЪ.

Да. А ты обманщикъ.

Бенедиктъ.

Ужели вы пришли сюда затѣмъ,
Чтобъ въ бездну сбросить бѣдное созданье,
Искавшее себѣ на небо путь?

Генрихъ.

Зачѣмъ пришелъ я—все равно. Я знаю,
Что у тебя она.

Бенедиктъ.

Ея здѣсь нѣтъ.

Генрихъ.

Монахъ, послушай: пристально взгляни
Въ мое лицо и, прежде чѣмъ отвѣтишь,
Ты хорошенько взвѣсь свои слова.
Въ моихъ глазахъ кровавое рѣшенье:
Пойми его. А если не поймешь—
Твой часъ послѣдній наступилъ!

Бенедиктъ.

Угрозы

Я вашей не боюсь. Вашъ взглядъ ужасенъ,
Я вижу адской молніи сверканье
Здѣсь, на священномъ мѣстѣ. Но Господь
Защитой будетъ мнѣ.

Генрихъ.

Нѣтъ, не надѣйся

Ты ни на чью защиту. Гдѣ она?
Я знаю: ты укрылъ ее. Двѣ ночи
Блуждалъ я около двора Готфрида
И тамъ ея не могъ найти, хоть я
Подсматривалъ вездѣ, у каждой щели.
Но все-таки я слышалъ, какъ слуга,
Въ конюшнѣ лошадь чистившій, по шеѣ
Ее погладивъ, вымолвилъ: «Ой, будь
Покорлива. Не то тебя придется,
Какъ дочь хозяина, свести къ монаху».

Бенедиктъ.

Не гнѣвайтесь, мой господинъ, скажите,
Зачѣмъ вы тамъ бродили точно воръ?
Что сдѣлать вы хотѣли съ Оттегебе?

Генрихъ.

Что сдѣлать съ ней хотѣлъ? Ее продать
Хотѣлъ я за три геллера на службу
При императорскомъ дворѣ. Ну, да: хотѣлъ.
Тебѣ-то что за дѣло?

Бенедиктъ.

Вѣдь когда-то

Вы сами насъ учили...

Генрихъ.

Неужели

Я могъ учить кого-нибудь? Коль такъ,
Скажи мнѣ въ благодарность за науку,
Гдѣ Оттегебе? У тебя вѣдь?

Бенедиктъ.

Нѣтъ.

Генрихъ.

Такъ гдѣ она теперь?

Бенедиктъ.

У Бога.

Генрихъ.

Гдѣ же?

Бенедиктъ.

У Господа въ рукахъ.

Генрихъ.

Что это значить?

У Господа... Такъ умерла она?

Бенедиктъ.

Нѣтъ, кто у Господа, тотъ живъ вовѣки.

Генрихъ.

Все-жъ умерла она?

Бенедиктъ.

Для міра—да,

И какъ невѣста Господа.

ГЕНРИХЪ.

Я знаю,

Я долженъ былъ объ этомъ знать. Монахъ,
Не говори мнѣ болѣе. Довольно.

(Усталый, совершенно разбитый)

Какъ человѣкъ ни бѣденъ въ мѣрѣ—Богъ
Его еще бѣднѣе можетъ сдѣлать.

Она жила... и умерла она,
Ушла отъ насъ. Когда мнѣ старый Лазарь
Передавалъ сказаніе о томъ,
Какъ умерла она, какъ разорвалось
Въ груди несчастнаго ребенка сердце,
Измученное долгою тоскою

О прокаженномъ господинѣ,—я
Безумно зарыдалъ... и не повѣрилъ!
И я пошелъ такъ быстро, будто крылья
Меня несли. Куда? Не зналъ я самъ:
Черезъ поля, чрезъ горы, чрезъ долины,
По русламъ рѣкъ, по берегамъ озеръ,
Покуда не пришелъ къ порогу дома,
Гдѣ думалъ я найти ее. Зачѣмъ
Я шелъ сюда, какъ будто уносимый
Потокомъ бурнымъ? Въ глубинѣ души
Таинственный я слышалъ голосъ: снова
Увидишься ты съ маленькой женой...
Напрасно: умерла она!..

(Оттегебе показывается въ дверяхъ келья).

ОТТЕГЕБЕ (едва слышнымъ голосомъ).

Нѣтъ, Генрихъ,

Она жива.

ГЕНРИХЪ (не видя и не узнавъ голоса
тихо).

Кто это говорить?

ОТТЕГЕБЕ.

Л.

ГЕНРИХЪ.

Кто?

БЕНЕДИКТЪ (тихо, но энергично Оттегебе).

Уйди!

ГЕНРИХЪ.

Монахъ, кто говорить тамъ?
Ты слышалъ?

БЕНЕДИКТЪ.

Нѣтъ, не слышалъ ничего.

ОТТЕГЕБЕ.

Я говорю.

ГЕНРИХЪ.

Но кто же ты, скажи мнѣ?

ОТТЕГЕБЕ.

Я Оттегебе, маленькая ваша
Жена.

ГЕНРИХЪ (глубоко пораженный, мол-
чить въ некоторое время).

Постой! Не подходи сюда...
Не говори... Я думаю—ты призракъ,
Но ядъ заразы, что въ моей крови,
Быть-можетъ, отравляетъ даже души
Блаженныя: тогда ты вновь умрешь,
А я хочу, чтобъ искрою послѣдней
Мелькнула ты въ моемъ потушемъ взорѣ...
Нѣтъ, ты не Оттегебе, хоть твой лобъ
И бѣлъ и чистъ, какъ у нея: изъ праха
Не можетъ быть подобный свѣтлый духъ.
Ты говоришь,—и въ голосъ твоимъ
Я слышу звуки пѣсни колыбельной,
Что мать пѣвала мнѣ давно-давно...
Нѣтъ, ты не дочь крестьянина Готфрида;
Не преклонялась ты у ногъ моихъ
И язвы ты мои не отирала
Своими волосами... Кто же ты—
Скажи, скажи?.. Но если предо мною
Ты ожила,—какъ вынести мнѣ свѣтъ,
Что проникаетъ въ мрачную темницу
Моей души изъ кроткихъ глазъ твоихъ?
Всю жизнь блуждалъ я, какъ слѣпецъ, и, въ пропасть
Упавши, наконецъ, увидѣлъ вдругъ

Сіяніе небесъ. Нѣтъ, не проклятыя
Я долженъ посылать Тому, Кто свелъ
Меня всесильною рукою съ трона
Затѣмъ, чтобъ въ прахѣ я могилу рылъ
Зубами и ногтями, нѣтъ, я долженъ
Благословлять Его за милосердіе:
Онъ мнѣ послалъ тебя! *Salve, regina!*
Да будетъ милостивъ ко мнѣ Господь!

(Падаетъ на землю. Его слова переходятъ въ рыданія. Оттегебе
появляется въ странномъ освѣщеніи часовни, какъ духъ, будто оза-
ренная ореоломъ. Она подходитъ къ Генриху, становится на колѣни
съ простертыми впередъ руками и цѣлуетъ его въ лобъ. Онъ при-
стально смотритъ на нее, какъ ребенокъ. Она представляется ему
видѣніемъ. Бенедиктъ, также потрясенный, преклоняетъ колѣни).

ОТТЕГЕБЕ.

Пойдемъ: Пойдемъ! Ужъ поздно, бѣдный Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Salve, regina!

ОТТЕГЕБЕ.

Встань. Пойдемъ.

ГЕНРИХЪ.

Куда

Идти ты хочешь?

ОТТЕГЕБЕ.

Праздновать рожденъе

Мое небесное.

БЕНЕДИКТЪ.

Подъ ножъ врача

Салернскаго?

ОТТЕГЕБЕ.

Прощай! Въ своихъ молитвахъ

Не позабудь меня.

БЕНЕДИКТЪ.

Что-жъ я скажу,

Когда отецъ твой спроситъ, Оттегебе,
Куда ушла ты?

ОТТЕГЕБЕ.

Мой отецъ на небѣ:
Я ранѣ тебя приду къ нему.

БЕНЕДИКТЪ (Генриху).

Куда-жъ хотите вы идти?

ГЕНРИХЪ.

Не знаю.

Спроси у ней.

ОТТЕГЕБЕ.

Пойдемъ же, бѣдный Генрихъ,
Пойдемъ. Не медли. Патеръ, ты меня
Напрасно хочешь удержать. Ужель я
Ту каплю крови не могу пролить,
Которою себѣ вѣнецъ небесный
Должна стяжать я?

ГЕНРИХЪ.

Ты моя, моя...

ОТТЕГЕБЕ.

Я Божья. Не твоя. Чтò говоришь ты?

ГЕНРИХЪ.

Я говорю, что жизни мнѣ теперь
Отмѣрено лишь столько, сколько можетъ
Твоя рука мнѣ дать.

ОТТЕГЕБЕ.

Я дамъ тебѣ
Здоровье, жизнь изъ родника живого,
Но онъ не на землѣ, не въ этомъ мѣрѣ.
Пойдемъ. Пойдемъ. Такъ Богомъ суждено,
И я должна завѣтъ его исполнить,
И люди мнѣ не могутъ помѣшать.

БЕНЕДИКТЪ.

Коль Божья ты невѣста—удалиться
Должна ты въ монастырь.

ОТТЕГЕБЕ.

Нѣтъ, патеръ, нѣтъ!

ГЕНРИХЪ.

Я за тобою слѣдую, куда бы
Меня ни повела ты: къ жизни, къ смерти,
На пытку, на костеръ! Надъ палачомъ
Смѣяться стану я съ тобою рядомъ
И за твои завѣты кровь пролью!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Зала въ замкѣ въ Ауэ. Въ дверь на заднемъ планѣ видна часовня съ алтаремъ. Гербы рода Ауэ, знамена, оружіе, латы и другіе трофеи по стѣнамъ. Направо отъ часовни въ пролетѣ романская дождія. На-лѣво подъ балдахиномъ богатый тронъ. Ясное утро поздней весны. Бенедиктъ разговариваетъ съ ГАРТМАНОМЪ. ОТАКЕРЪ почтительно стоитъ въ отдаленіи.

БЕНЕДИКТЪ. Говорятъ, будто бы въ Аахенѣ подъ ударомъ рыцаря, расколотившаго его шлемъ, онъ упалъ...

ОТАКЕРЪ. И умеръ.

ГАРТМАНЪ. Если это правда,—я слышалъ то же о смерти графа Конрада,—то нельзя не сказать, что пути Господни вдвойнѣ чудесны. Вы знаете, съ какимъ трудомъ я сохранилъ для моего господина этотъ замокъ. И вотъ теперь ко мнѣ дошло письмо, писанное его твердою рукою.

БЕНЕДИКТЪ. Изъ Италиі?

ОТАКЕРЪ. Тотъ, кто принесъ его, угольщикъ изъ Застлертала.

ГАРТМАНЪ. Ну, что же, ты спросилъ его?

ОТАКЕРЪ. Само собой. Я здорово прибралъ его къ рукѣ. Но упрямый негодяй былъ нѣмъ, какъ дерево, изъ котораго онъ выжигаетъ уголь.

БЕНЕДИКТЪ. Вы думаете, что онъ уже въ Застлерталѣ?

ОТАКЕРЪ. Можете меня повѣситъ, коли онъ не тамъ.

ГАРТМАНЪ. Да и гдѣ же быть ему? Кто же могъ написать письмо?

БЕНЕДИКТЪ. Но вотъ, посмотрите, я получилъ другое, писанное по-латыни. Оно пришло изъ Венеціи.

ОТАКЕРЪ. Клянусь св. Анной, мнѣ кажется, что писалъ не онъ.

ГАРТМАНЪ. А что онъ пишетъ въ этомъ письмѣ?

БЕНЕДИКТЪ. Коротко и неясно. Хотя я его и очень разсердилъ тогда, но онъ готовъ меня простить, какъ христіанинъ.

ОТАКЕРЪ. Господи. пошли намъ всѣмъ прощенье нашихъ грѣховъ...

БЕНЕДИКТЪ. ...Но только я долженъ сдѣлать вотъ что: рано утромъ въ Ивановъ день приготовить для торжества часовню въ Ауэ.

ГАРТМАНЪ (съ надеждою, весело). Ну, вотъ вы здѣсь и можете исполнить его волю. Возьмите этотъ ключъ. Благодаря Бога и благодаря моимъ тринадцати сотнямъ рыцарей я его сохранилъ у себя. Возьмите его и спуститесь въ подземелье замка. Повѣрьте мнѣ, графъ Конрадъ набилъ бы себѣ во рту оскомину, если бы туда могъ попасть. Тамъ золотыя чаши и утварь временъ императора Карла. Достаньте ихъ.

БЕНЕДИКТЪ (беретъ ключъ). Хорошо. Я сдѣлаю это... Вы, стало-быть, думаете, что онъ выздоровѣлъ?

ГАРТМАНЪ (пожимая плечами). Право, не знаю, патеръ Бенедиктъ.

БЕНЕДИКТЪ. До васъ дошелъ слухъ о томъ, что чудесное лѣчение врача удалось?

ГАРТМАНЪ. Да, какъ и разные другіе слухи. Говорили разъ двадцать: онъ умеръ во Флоренціи, въ Падуѣ, въ Равеннѣ. Онъ лежитъ мертвый на Монте-Кассино. Онъ утонулъ. Былъ убитъ. Бросился въ Этну. Были и такіе рассказы: ангелъ исцѣлилъ его поцѣлуемъ, купанье въ Поцуоли его очистило, а врачъ въ Салерно вернулъ ему здорье.

БЕНЕДИКТЪ (вздыхая). Чему же вѣрить и что дѣлать?

ГАРТМАНЪ. Поступайте, какъ я: будьте тверды въ своей преданности.

БЕНЕДИКТЪ. А Оттегебе?

ГАРТМАНЪ. Патеръ Бенедиктъ! Если господинъ нашъ здоровъ, то я скажу, что небо послало ему эту святую для его жизни, а смерть ея предначертана Богомъ.

БЕНЕДИКТЪ. Пусть такъ. Но все же привѣтствовать его мнѣ тяжело. То, что я видѣлъ, рыцарь, черезъ что я самъ прошелъ, этого забыть нельзя. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣвушка ушла, мы—Готфридъ, Бригита и я—переходили изъ города въ городъ, искали ее въ больницахъ, въ подвалахъ, гдѣ ютится нищета... Я не могу, не могу этого забыть!

Вѣдь я былъ какъ бы въ сообщничествѣ съ нею. Этотъ злой упрекъ живетъ въ моей душѣ.

ГАРТМАНЪ. Вы знали дѣвушку съ дѣтства?

БЕНЕДИКТЪ. Какъ свою дочь, какъ собственное дитя. И если бы я считалъ ее совсѣмъ своей, то былъ бы ея отцомъ. А тутъ вышло такъ, что я оказался наемникомъ, а не добрымъ пастыремъ.

ГАРТМАНЪ. Знаете ли что? Мнѣ кажется, дѣвушка любила его.

БЕНЕДИКТЪ. Да, да, то была земная любовь, рыцарь, вы правы. Безнадежная любовь, которая на все надѣется и все терпѣливо сносить. По такому же лживому пути когда-то шелъ и я. И все же, обольщенный призракомъ небеснаго, я не прозрѣлъ земной любви.

ГАРТМАНЪ. Я думаю не такъ, патеръ Бенедиктъ. Помоему, дѣвушка и теперь святая. Что небеснымъ казалось,— небеснымъ и останется. Любовь земная ли, небесная ли— все та же любовь.

БЕНЕДИКТЪ. Мѣрская мудрость. Ахъ, если бы въ часы тяжелыхъ испытаній я больше владѣлъ ею.

ГАРТМАНЪ. Любовь толкнула ее на смерть ради графа Генриха. Почему? Объ этомъ я много думалъ. Въ смерти ея любовь восторжествовала. Смерть была для нея откровеніемъ любви.

БЕНЕДИКТЪ. Если такъ, то это было бы чудомъ, достойнымъ удивленія. Въ этомъ можно было бы найти утѣшеніе. Но я не вѣрю этому, нѣтъ. Жемчужина упала въ грязную лужу и тамъ затерялась. Да проститъ Богъ господину. Мнѣ же Онъ не проститъ никогда.

ГАРТМАНЪ (Отакеру, который дѣлаетъ движеніе уйти). Куда ты, Отакеръ? Вы знаете этого храбраго воина?

БЕНЕДИКТЪ. Нѣтъ.

ГАРТМАНЪ. Не знаете? Онъ весь пропитанъ разными розсказнями, которыя выдаетъ за правду слугамъ и служанкамъ въ замкѣ.

ОТАКЕРЪ. Пусть разразитъ меня громъ, если я понимаю, что вы хотите сказать, господинъ.

ГАРТМАНЪ. А ужъ какъ онъ любитъ клясться! Рыбы прыгаютъ отъ его клятвъ. Онъ утверждаетъ, что онъ никогда не передавалъ дѣвочкѣ сказки о салернскомъ врачѣ.

БЕНЕДИКТЪ. Какъ? Это онъ?

ОТАКЕРЪ. Я? Что—я? Дьяволь побери... Я не могу ру-

гаться... Позвольте мнѣ уйти, господинъ, на мой постъ, на стѣны замка. (Уходитъ).

Бенедиктъ. Такъ это онъ. Тотъ, что покинулъ господина?

Гартманъ. Да, и внушилъ нелѣпныя бредни дѣвушкамъ. Его черепъ полонъ всякими вымыслами. Онъ тащитъ дрова для костровъ прокаженныхъ и жидовъ. Онъ весь обвѣшанъ амулетами, вѣритъ въ совъ, носить въ мѣшечкѣ пузырекъ съ челоуѣческой кровью и клянется всѣмъ, что кажется ему непонятнымъ и страшнымъ.

Бенедиктъ. Миръ переполненъ злыми духами. Но все же измѣна господину—позоръ и стыдъ.

Гартманъ. Да. Однако же этотъ самый челоуѣкъ, трусливо покинувшій господина, бросился недавно на его враговъ, подступившихъ къ замку, какъ кабанъ на смерть.

Отакеръ (бѣшено врываясь въ залу). Пусть меня возьметъ чортъ. Отпустите меня, господинъ, отпустите сейчасъ же!

Гартманъ. Что такое? Куда?

Отакеръ. Вонъ отсюда! Тамъ внизу, на дворѣ, я видѣлъ старика и его старую каргу. Лучше ужъ мнѣ уйти къ чорту! или къ проклятымъ мавраамъ!

Гартманъ (взглянувъ въ окно). Готффридъ! Бригита! Патель, честное слово, это старая чета изъ лѣсной мызы. (Отакеръ уходитъ).

Бенедиктъ. Вы понимаете, въ чемъ тутъ дѣло?

Гартманъ. Не совсѣмъ. Но мнѣ кажется, что ничего дурного тутъ не выйдетъ. Позаботьтесь объ убранствѣ часовни. По всѣмъ признакамъ нашъ господинъ снова всѣмъ управляетъ. Это все обдуманно имъ. У насъ нынче день добраго святого. Предоставимъ себя его волѣ.

(Входитъ Генрихъ въ одеждѣ монаха. Въ одной рукѣ у него посохъ, другою онъ поддерживаетъ капюшонъ у лица. Онъ быстро идетъ черезъ залу).

ГАРТМАНЪ (останавливаетъ монаха).

Куда идешь ты? Кто тебя впустилъ?

(Монахъ дѣлаетъ знакъ, что желаетъ говорить съ нимъ наединѣ).

Уйдите. Вѣроятно, онъ извѣстья

Желаетъ передать мнѣ одному.

(Бенедиктъ уходитъ. Гартманъ обнажаетъ мечъ).

Ну?

ГЕНРИХЪ (откинувъ капюшонъ).

Гартманъ!

ГАРТМАНЪ.

Генрихъ! Боже милосердый!
(Бросаются другъ другу въ объятія).

ГЕНРИХЪ.

Господь сказалъ мнѣ: возвратись въ свой домъ,—
И я пришелъ.

ГАРТМАНЪ.

Излѣченный?! А гдѣ же?..

ГЕНРИХЪ.

Дитя? Пошли за нею въ ближній лѣсъ,
И пусть она сама тебѣ отвѣтитъ.

ГАРТМАНЪ.

Такъ, значитъ, и она жива?

ГЕНРИХЪ.

Ужель

Ты думаешь, что я бы жить остался,
Когда бы Оттегебе умерла?

ГАРТМАНЪ (твердо).

Нѣтъ, господинъ.

ГЕНРИХЪ.

Благодарю.

(Вновь обнимаются).

Не стану.

Разсказывать тебѣ я, добрый другъ,
Какъ возвратился я въ родной мой замокъ,
На эти плиты старыя ступилъ
И увидалъ знакомыя мнѣ стѣны;
Не стану говорить, что пережилъ,
Что я позналъ, какія испытанья
Я перенесъ... Про это все потомъ
Узнаешь ты.

ГАРТМАНЪ.

Вамъ, можетъ-быть, извѣстно:
Въ Аахенѣ вашъ родственникъ Конрадъ
Убитъ былъ на турнирѣ.

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, я слышалъ,
Что собственнымъ конемъ онъ сброшенъ былъ
Съ сѣдла на камни и безславно умеръ.
Да, жребій cadaго въ рукахъ судьбы.
Но это все оставимъ, другъ, и будемъ
Мы о дѣлахъ насущныхъ говорить.
Гдѣ добрый паперъ Бенедиктъ?

ГАРТМАНЪ.

Онъ вышелъ
Сейчасъ отсюда, чтобъ убрать алтарь
Въ часовнѣ замка.

ГЕНРИХЪ.

Такъ скажи, чтобъ мирты
Для торжества нарвалъ онъ: вѣдь хочу
Сегодня же отпраздновать я свадьбу.
И пусть сплетутъ вѣнокъ, чтобъ впору былъ
Для дочери Готфрида.

ГАРТМАНЪ.

Что сказали
Вы, господинъ мой?!

ГЕНРИХЪ.

Только то, что я
Хотѣлъ сказать. Да, порѣшилъ я твердо,
Что это будетъ такъ. Когда меня
Лучъ милосердья озарилъ святого,
Я исцѣлился. Изъ души своей
Изгналъ я нечестивые порывы
И мщенія и ненависти злой,
И жажды людямъ сдѣлать вредъ, хотя бы
Убийствомъ даже. Умерли во мнѣ
Желанія грѣховныя, и слабый,
Безпомощный, я слѣпо шелъ за той,
Которая меня вела, сия
Священнымъ ореоломъ. Я дышала
Ея дыханьемъ чистымъ, возвращала
Она мнѣ сонъ утраченный, когда
На лобъ свою мнѣ возлагала руку...

(Входитъ Бенедиктъ).

А, это ты! Тебя ищу, тебя,
Приди ко мнѣ. Твоя нужна мнѣ помощь.
Ты видишь: я здоровъ, я исцѣленъ!
У цѣли я и все-жъ еще далеко
Отъ цѣли. Погоди, не говори,
Но исповѣдь мою сперва послушай.
Свѣтъ милосердья осѣнилъ меня,
Онъ мнѣ блеснулъ изъ глазъ святыхъ ребенка,
Сомкнувшихся въ тотъ мигъ, когда она
Меня для міра снова возвратила.
О, не блѣднѣй старикъ: она жива,
Она не умерла, но радость жизни,
Блаженство счастья влила мнѣ въ кровь
Чудесной силой своего желанья
Спасти меня. Я ощутилъ въ тотъ мигъ,
Какъ вся душа моя, вся крѣпость воли
Возстала на борьбу съ моимъ недугомъ.
Я чувствовалъ, что долженъ быть здоровъ,
Иль умереть я долженъ съ нею вмѣстѣ!
Да, — слушайте же, — повела меня
Она въ Салерно, не внимая просьбамъ
И убѣжденіямъ моимъ. Ея
Обѣтъ священный Богу одолѣлъ
Сомнѣнія. Въ раю прекрасномъ юга
Мы долгій путь прошли, и часто тамъ,
На склонахъ Апеннинъ или у моря,
Гдѣ за волной катилася волна
Лазурная, въ нѣмомъ очарованьи
Она стояла и казалась мнѣ
Такой небесною, что серафимы
Съ ней не сровнялись бы въ святой красѣ.
Она впередъ стремилась неустанно,
Какъ будто впереди ее ждала
Не смерть, а жизнь... Напрасно умолялъ я
И уговаривалъ...

И вотъ къ врачу
Въ Салерно съ ней пришли мы. Изумился
Онъ мужеству ея, онъ убѣждалъ
Ее отъ страшной жертвы отказаться,
Онъ ей показывалъ ножи, скамью,
Гдѣ муки вынести придется... Тщетно:
Его слова не тронули ее.
Тогда онъ съ нею въ комнатѣ замкнулся,

Чтобъ сдѣлать *то*... А я за дверью былъ
И слушалъ... и не знаю, что со мною
Случилось тутъ: почудился мнѣ крикъ
И стали блескъ... и будто въ грудь мнѣ, въ сердце
Вонзили ножъ... Я вышибъ дверь, туда
Я бросился... и я ее увидѣлъ:
Нагая, связанная, на скамьѣ она
Лежала точно агнецъ... И свершилось
Внезапно чудо: милосердья лучъ
Мнѣ душу освѣнилъ, я исцѣлился...
И съ той поры, другъ Гартманъ, понялъ я,
Что человѣкъ подобенъ изваянью,
Иль тѣлу безъ души, покуда онъ.
Не оживится силою небесной
Любви, творящей жизнь, и лишь тогда
Становится онъ божескимъ созданьемъ!
Ступай и приведи сюда ее.

(Гартманъ уходитъ).

Да, патеръ, здѣсь она. Но не узнаешь
Ты прежней дѣвочки. Еще въ тотъ часъ,
Когда я развязалъ ее и поднялъ
Измученную со скамьи врача
И вынесъ, будто даръ священный неба, —
Она вдругъ впала въ забытье и такъ
Томила въ агоніи долго, долго,
Дни дѣлые, недѣли... И потомъ,
Очнувшись, измѣнилась совершенно.
Хотя, постель покинувши, она
Могла ходить съ трудомъ, но не хотѣла
Сѣсть на коня въ дорогъ. Чуть брела
Она со мною рядомъ и какъ будто
Чуждалась даже близости моей...

Бенедиктъ.

Но гдѣ-жъ она? Ее мнѣ надо видѣть...
Она идетъ. Простите, господинъ:
Вы насъ вдвоемъ должны оставитъ.

(Генрихъ уходитъ въ часовню).

(Гартманъ вводитъ Оттегебе. Она блѣдная, утомленная, босая. Одѣта въ костюмъ пилигрима; въ рукѣ длинный посохъ).

ОТТЕГЕБЕ (оглядывается съ удивленіемъ
кругомъ).

Гдѣ я?

ГАРТМАНЪ.

Ты въ замкѣ Ауэ.

ОТТЕГЕБЕ.

Но гдѣ же, гдѣ?

Въ какой странѣ?

ГАРТМАНЪ.

На родинѣ, въ Шварцвальдѣ.

БЕНЕДИКТЪ.

Взгляни сюда. Ужель не узнаешь
Меня, дитя мое?

ОТТЕГЕБЕ (упорно припоминая).

Постой, дай вспомнить...

(Бросается ему на грудь съ боязливой радостью).

Ты патерь Бенедиктъ!.. Не говори,
Кто я такая... Помоги мнѣ, патерь...
Будь добръ и милостивъ... Не то сгорю
Я отъ стыда невольнаго.

БЕНЕДИКТЪ.

Ну, полно,

Не надо волноваться. Успокойся.
Коль хочешь ты уйти, пойдемъ ко мнѣ.

ОТТЕГЕБЕ.

Да, у тебя я скроюсь въ тихой кельѣ,
Что здѣсь въ лѣсу...

БЕНЕДИКТЪ.

Приди въ себя, дитя.

Устала ты. Но здѣсь не лѣсъ: мы въ замкѣ;
И пѣнье птицъ, что слышится тебѣ,
Доносится сюда вотъ въ эти окна.

ОТТЕГЕБЕ.

Я не могу сообразить, гдѣ мы...
Уйдемъ, уйдемъ съ тобой далеко, въ горы,
Уйдемъ скорѣй... Вѣдь ты не знаешь: я
Проклятая, отверженная небомъ...

БЕНЕДИКТЪ.

Нѣтъ, подвигъ твой угоденъ небесамъ,
Ты жизнь свою отдать была готова,
Чтобъ Генриха спасти. Но поступилъ
Съ тобою Богъ, какъ древле съ Исаакомъ,
И взялъ съ любовью жертву съ алтаря.

ОТТЕГЕВЕ.

Я умирала... да, я умирала
На алтарѣ. Меня сжигаль огонь
Неутолимый. Отъ него горѣла
Я вся до самыхъ нѣдръ души моеи.
Хотѣла я кричать: освободите
Меня изъ ада! Но въ устахъ слова
Невольно замирали, и со стономъ
Молила я: злой врачъ, скорѣй ударъ
Мнѣ нанеси, пока душа не сгнбла!
Но тѣло впитывало ядъ грѣха...
И прежде, чѣмъ на небесахъ «Осанна»
Запѣли ангелы, я къ сатанѣ
На грудь склонилася безъ силъ, безъ воли...

БЕНЕДИКТЪ (поддерживая ее, подводитъ
къ трону).

Ты въ заблужденіи, мое дитя.
Меня ты знаешь хорошо. На свѣтѣ
Никто не близокъ для меня, какъ ты.
Такъ выслушай, что я скажу отъ сердца,
Какъ духовникъ твой. Если этотъ врачъ
Былъ дьяволомъ,—ты несомнѣнно Богомъ
Въ послѣднюю минуту спасена
И не въ объятія сатаны склонилась:—
На грудь того склонилась ты, къ кому
Влеклась душой, кто былъ любовью полонъ
Къ твоей душѣ.

ОТТЕГЕВЕ (усталая, опускается въ трон-
ное кресло).

Нѣтъ, патерь, я лгала,
Я не къ душѣ его влеклась. За это
Богъ покараль меня и присудилъ
Къ позорному столбу.

(Закрываетъ въ волненіи лицо руками. Генрихъ тихо входитъ и
становится передъ нею на колѣни).

ГЕНРИХЪ.

Очнись. Не бойся.

Взгляни кругомъ. Ты не голубка въ клѣткѣ,
А я не змѣй. Ты взгляда моего
Пугаться не должна. Ты мнѣ, какъ мужу,
Принадлежишь. Я твой и ты—моя.
Не искуситель я, а искушенный.
Какъ ты, испытанъ небесами я.
И если духомъ отъ всего земного
Очистилася ты, то и меня
Огонь любви очистилъ, и могу я
Теперь алмазь души твоей святой
Въ кольцо изъ чистаго металла вставить!
Ты маленькой моей была женой,
Такъ вотъ теперь отвѣтъ мнѣ тихо-тихо
На то, что такъ же тихо я спрошу:
Ты развѣ не хотѣла бы мнѣ снова
Жизнь подарить и за нее отдать
Мнѣ жизнь свою? Отдай ее, какъ прежде:
Она моя, всегда была моей.
Должна ты быть моей слугою вѣрной
До смерти. И сегодня я тебѣ
Даю такой приказъ: будь мнѣ женою
И госпожой!

(Оттебе широко открываетъ глаза и, точно ослѣпленная необычайнымъ сіяніемъ, медленно закрываетъ ихъ).

ГЕНРИХЪ (поднявшись, съ рѣшимостью).

Бракъ на землѣ съ тобою

Или вѣчность смерти!

(Входитъ Отакеръ. Узнавъ Генриха, онъ бросается передъ нимъ на колѣни).

ГЕНРИХЪ.

Отакеръ! Слуга

Мой вѣрный и невѣрный. Встань. Пропаю
Тебя, какъ всѣхъ. Боролся ты. Борьбу
Я понялъ хорошо твою. Умѣетъ
Бороться только тотъ, кто живъ душой.
Кто ищетъ выхода изъ заблужденья
На путь добра. Поди сюда и стань
У трона здѣсь на стражѣ, какъ бывало,

И охраняй его, покуда я
Не возвращусь сюда, одѣтый въ пурпуръ.
(Генрихъ и Гартманъ уходятъ).

БЕНЕДИКТЪ.

Она уснула. Тише. Тише.

ОТАКЕРЪ (становится у трона).

Если

Она проспитъ здѣсь цѣлый вѣкъ, монахъ,—

Я буду сторожить, и даже смерть

Меня уйти отсюда не заставитъ.

Будь проклять я, коль поступлю не такъ!

(Бенедиктъ уходитъ въ часовню. Видно, какъ онъ украшаетъ алтарь. Зала постепенно наполняется рыцарями. Одни изъ нихъ въ латахъ, другіе въ роскошныхъ одеждахъ).

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Кто это тамъ?

ВТОРОЙ.

Гдѣ, рыцарь?

ПЕРВЫЙ.

Тамъ, на тронѣ?

ОТАКЕРЪ.

Потише, рыцари.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Но кто-жъ она?

ТРЕТІЙ РЫЦАРЬ.

Ее сейчасъ я видѣлъ у колодца

Тамъ, на дворѣ. Могу завѣрить васъ

Я словомъ рыцаря: она пила пригоршней.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Какая-то бродяга.

ОТАКЕРЪ.

Господинъ,

Потише. Праведницы сонъ—святыня.

Притомъ она вѣдь наша госпожа.

ЧЕТВЕРТЫЙ РЫЦАРЬ.

Какъ? Наша госпожа!..

(Общій смѣхъ).

ПЯТЫЙ РЫЦАРЬ.

Что говоришь ты,
Любитель привидѣній сумасбродный?
Вѣдь эта дѣвушка больная или
Умершая...

ОТАКЕРЪ.

Чтобъ червь васъ источилъ!
Типунъ вамъ на языкъ! Нѣтъ, слава Богу,
Она живая.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Да, она жива.
Смотрите, шевелитъ она губами...

ОТТЕГЕБЕ.

Такъ не шумѣла буря никогда...

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ.

Она въ бреду.

ОТТЕГЕБЕ.

Отецъ, отецъ, ужели
Не слышишь ты?

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Что говорить она?

ОТТЕГЕБЕ.

Какъ, мама, ты не видишь, ты не видишь?

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Кого зоветъ она?

ОТТЕГЕБЕ.

Смотри, вѣнецъ
Спускается съ небесъ... его приносятъ
Мнѣ ангелы...

ТРЕТИЙ РЫЦАРЬ.

Но кто же ты, скажи?

ОТТЕГЕБЕ (во снѣ).

Я ваша госпожа.

ТРЕТИЙ РЫЦАРЬ.

Кто-бъ ни была бы—

Предъ красотою кроткою твоей
Охотно я готовъ склонить колѣни...
Но графъ фонъ-Ауэ, нашъ господинъ,
Уѣхалъ далеко и не женатъ онъ.

(Изумленіе и волненіе рыцарей все увеличивается).

БЕНЕДИКТЪ (выходитъ изъ часовни.
Таинственно).

Умолкните и выслушайте! Вы
Свидѣтели чудеснаго событія:
Она приведена сюда рукой,
Которой воля смертнаго не можетъ
Противиться. Подъ сѣнью трона здѣсь
Предъ вами сердцемъ чистое созданье,
И будетъ вашей госпожой она,
Должна быть ею. Изгнанный графъ Генрихъ
Фонъ-Ауэ ужъ не изгнанникъ: онъ
Вернулся исцѣленнымъ и предстанетъ
Сейчасъ предъ вами гордымъ властелиномъ.

(Входитъ Генрихъ въ пурпурной мантии, опоясанный мечомъ. Ему предшествуютъ три пажы. Первый пажъ на подушкѣ несетъ двѣ короны. Рядомъ съ нимъ Гартманъ. Рыцари восторженно восклицаютъ: «Да здравствуетъ графъ Генрихъ фонъ-Ауэ!»).

ГЕНРИХЪ.

Благодарю. Душою обновленный,
Привѣтствую я васъ съ былой любовью!
Подъ этой пурпурной одеждой я
Ношу рубцы на тѣлѣ—и дороже
Они мнѣ пурпура. Недугъ мнѣ далъ
Познанье правды. Судороги боли,
Страданья ужасъ—все извѣдалъ я.
Я видѣлъ скорбь несчастія, во прахѣ
Я на землѣ отверженныхъ лежалъ,
И жизнь свою и муки проклиная,

Покуда не нашла меня любовь,
Что ищете всѣхъ.

(Обращаясь къ Оттегебе)

Святая Оттегебе!

Голубка кроткая! Проснись, проснись,
Моя супруга! Дайте мнѣ корону.

(Беретъ корону и держитъ ее надъ головой Оттегебе).

Вотъ дѣвушка—она была моимъ
Спасеньемъ—истина святая въ этомъ!
Безъ искупительницы мнѣ Господь
Простить не могъ мои грѣхи. Довольно
Вамъ этого. Во снѣ вѣнчаетъ Богъ
Своихъ избранницъ.

(Вѣнчаетъ ее короной).

Спрашиваю всѣхъ:

Хотите чтить ее вы госпожою,
Чтить больше, чѣмъ меня? Хотите жить
Подъ кроткимъ скипетромъ ея? Хотите-ль,
Чтобы раздался звонъ колоколовъ
Въ честь нашей свадьбы?

ГАРТМАНЪ.

Господинъ, не только

Въ колокола—ударимъ мы въ щиты
Желѣзные, и радостные клики
Торжественнымъ привѣтомъ прозвучать
И въ старомъ замкѣ и кругомъ въ долинахъ!
(Новый взрывъ привѣтственныхъ возгласовъ рыцарей).

ГЕНРИХЪ (омрачившись на мгновеніе).

Замолкните. Прошу я васъ, не надо
Веселья громкаго, что оглушаетъ слухъ,
Но сердце намъ не будить. Только трусость
Бодритъ себя кричащимъ звукомъ трубъ
А мы не трусы, мужествомъ мы полны
И сознаемъ, что дѣлаемъ, на что
Идемъ мы съ радостію.

ОТТЕГЕБЕ (очнувшись).

Что со мною?

БЕНЕДИКТЪ.

Склонись съ покорностью и кротко...

ГЕНРИХЪ.

НѢтъ,

Не преклоняйся, поднимись и гордо
Стань передъ всѣми!

ОТТЕГЕБЕ (встаетъ, дрожа отъ блаженства).

Какъ прикажешь ты,

Мой господинъ.

ГЕНРИХЪ (Бенедикту).

Начни обрядъ вѣнчанья.

(Патеръ совершаетъ обрядъ обмѣна колецъ. Начинается тихій трезвонъ колоколовъ).

ОТТЕГЕБЕ.

Ахъ, бѣдный Генрихъ, много ты страдалъ!

ГЕНРИХЪ.

Ты болѣе меня. Но мы объ этомъ
Теперь не будемъ говорить, жена.
Въ коранѣ писано, что за тяжелымъ
Приходить легкое.

ОТТЕГЕБЕ.

Пусть будетъ такъ,

Какъ ты желаешь.

БЕНЕДИКТЪ.

Такъ и совершилось!

(Генрихъ привлекаетъ Оттегебе въ объятія. Они сливаются въ долгую поцѣлуй).

ОТТЕГЕБЕ.

Теперь отъ счастья, Генрихъ, я умру...

ГЕНРИХЪ (надѣваетъ корону).

Я вновь на тронѣ предковъ, вновь владѣю
Моей землею. Умеръ и воскресъ!
Такъ колокола вѣчности удары
Отзвались одинъ вслѣдъ за другимъ.
Теперь я не изгнанникъ, я властитель!
Пусть соколы мои расправятъ крылья,
Пусть снова полетятъ мои орлы!

Занавѣсъ падаетъ).

Оглавление

II ТОМА.

I. Семейныя драмы.

	СТР.
Праздникъ мира	3
Одинокіе	67
Коллега Краптонъ	157
Михаэль Крамэръ	219

II. Драмы-сказни.

Ганнеде	279
Потонувшій колоколь	321
Бѣдный Генрихъ	425

